И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

ИСКРА

№№ 1–52
1900–1903

С 129

ВЫПУСК
III

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ИСКРА

№№ 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

№№ 16—23

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

1926

Ленинградский Гублит № 15231. Тираж 10.130 — 11 л. Заказ № 1594

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ“
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

1926

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ИСКРА № 16.

Политическая агитация и «Классовая точка зрения». *Н. Ленин* . . . 1
Безработица в Петербурге. *П. Смидович* . . . 3
Из нашей общественной жизни . . . 5
Оскорбление величества . . . —
О приват-доценте Дэне . . . —
Посещение Зубатовым московского общества рабочих . . . —
Одесса . . . —
Москва . . . 6
Как царское правительство печется о народном трудолюбии? . . . 7
Варшавский архиепископ Попел в борьбе с польскими социалистами . . . —
Смиренные служители церкви . . . —
О чем тужит духовенство . . . 8
Борьба семинаристов со шпионством . . . —
Нам доставлено из Харькова . . . —
Два земских начальника . . . —
Г. Дмитриев (Курской губ.) . . . 9
Из Киева сообщают . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 10
Заводские самодержцы . . . —
С Урала . . . —
Батум. Положение рабочих на Кавказе (письмо рабочего) . . . 11
Нижний-Новгород . . . —
Из партии . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 12
Примечания . . . 13

ИСКРА № 17.

Признаки банкротства. *Л. Мартов* . . . 15
Из нашей общественной жизни . . . 17
Мартиролог «сердечного попечения» . . . —
Студенческое движение . . . —
Демонстрация в Киеве . . . 20
Военный министр и рабочие . . . 25
Современный помпадур . . . 26
Подвиги новой «партии» . . . 28
Нижний-Новгород . . . —
Из прошлого . . . 30
Встреча Нового года в Орловской тюрьме . . . —
Письмо из Ярославля . . . 31
Воззвания Южнорусской Группы Соц.-Демократов . 32
Одесса . . . —
Прокламация Екатерин. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии . . . 33
Фельетон. Из экономической жизни России. I. Сберегательные кассы. *Н. Ленин* . . . 18
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 34
Николаев . . . —
Воронеж . . . —
Завод Понизовнина . . . —
Нижний-Новгород . . . —
Пошехонский уезд, Яросл. губ. . . . —
Приказчики в Минске . . . 35
Иностранное обозрение. Австрия . . . —
Из партии . . . 36
Почтовый ящик . . . 38
Примечания . . . 39

Стр.

ИСКРА № 18.

Славяне и революция. *К. Каутский.* . . . 41
Из нашей общественной жизни . . . 43
Правительственные бесчинства в Москве . . . —
События в Петербурге . . . 46
Демонстрация в Одессе . . . —
В Петербурге . . . —
Полтава . . . —
Манифест всероссийского студенческого с'езда . . 49
Воры повздорили . . . —
Голодовка на Шпалерной . . . 50
Цифровые данные о количестве и составе «политических» в Киеве за 1901 г. . . . —
К национальному бесправию поляков . . . 51
Старая история . . . 52
Нижний-Новгород . . . —
Фельетон. Письмо к земцам. *Н. Ленин* . . . 44
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 53
Ярославль . . . —
Ярославль . . . —
Романов, Яросл. губ. . . . —
Из Нижнего . . . —
Севастополь . . . —
Батум . . . 54
Сулин, Донской обл. . . . —
Патриотическая манифестация в Москве (из письма рабочего) . . . —
Иностранное обозрение. События в Барцелоне . . . 55
Из партии . . . 56
Хроника революционной борьбы . . . 58
Почтовый ящик . . . 59
Примечания . . . 60
Приложение . . . —

ИСКРА № 19.

Патриотизм и правящая клика. *Л. Мартов.* . . . 61
Из нашей общественной жизни . . . 63
Демонстрация в Петербурге 3 марта . . . —
Бутырская пересыльная тюрьма (письмо курсистки). 65
Всех не сослать! — Массовая фабрикация революционеров . . . 66
Из Дерпта (Юрьева) пишут . . . —
Рига . . . 67
Ростов-на-Дону . . . —
Демонстрация в Екатеринославе . . . —
Казань . . . 68
Елисаветград . . . —
Шлиссельбургская могила . . . 69
Несчастный случай с Академией Наук . . . —
Движение среди семинаристов . . . —
Из Забайкалья . . . 70
Новый «Каторжный приговор» . . . 71
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . —
Профессиональная организация кожевников . . . —
Из Москвы . . . 73
Петербург . . . 74
Иваново-Вознесенск . . . —
Даниловский уезд, Ярославской губ. . . . 75

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из Тифлиса . . . 75
Баку . . . —
О Туле . . . —
Иностранное обозрение. Франция . . . —
Из партии. *Н. Ленин* . . . 77
Хроника революционной борьбы . . . 78
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . —

ИСКРА № 20.

Смерть Сипягина и наши агитационные задачи. *Г. Плеханов.* 79
Из нашей общественной жизни. . . . 81
По поводу смерти Г. И. Успенского . . . —
О тульской полиции . . . —
Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. . . . 83
Волнения крестьян на юге . . . 84
Полтава . . . —
К приговору по делу о павловских сектантах. *Штундист* . . . 86
Гомель . . . 87
Кто подстрекает к террору? . . . 88
Кишинев . . . 89
Правительственный юбилей . . . —
В хронику курьезов . . . 90
Фельетон. Из экономической жизни России. II. Рабочие на торфяных болотах. *Л. Мартов* . . . 82
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 90
Из Батума . . . —
Тула . . . 91
Завод Брянский (Орловской губ.) . . . 92
Тверь . . . —
Иностранное обозрение. Бельгия Конгресс Социалистической Партии. *Н. Мещеряков* . . . 93
Из партии . . . 96
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 98
Примечания . . . —

ИСКРА № 21.

Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии . . . 99
Крестьянское восстание. *Л. Мартов* . . . 102
Крестьянские волнения . . . 104
Из нашей общественной жизни . . . 107
Из Полтавы . . . —
Из Константинограда (Полтавской губ.) . . . —
Об усмирении крестьян в Валковском уезде . . . —
Воронеж . . . —
В хронику «зубатовщины» . . . 108
Плоды «зубатовщины» . . . 109
Майский праздник в Варшаве . . . —
Из Вильны . . . 110
Нижегородский Комитет о майской демонстрации в Сормове . . . —
Екатеринослав . . . 111
Город Кременчуг . . . 112
Профессорские нравы (корресп. из Киева) . . . 113
Академия Наук и М. Горький . . . 114
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 115
Воткинский завод . . . —
Бежица (Орловской губ., Брянского уезда) . . . —
Из жизни глухих заводских углов. *Волынец* . . . 116
Иностранное обозрение . . . —
Из Франции (конец апреля). *Г. Лейтейзен (Линдов).* —
Всеобщая стачка в Бельгии *П. Смидович* . . . 118
Из партии. Программа Уральского Союза Социал-Демократов и Социалистов-Революционеров . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 120
Некролог . . . 121
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 122

Стр.

ИСКРА № 22.

Русский рабочий класс и полицейские розги. *Г. Плеханов* 123
Социализм и церковь. *Л. Мартов* . . . 125
Фельетон. «Возмутительный по своей дерзости случай». *В. Засулич* . . . 126
Из нашей общественной жизни . . . 127
Покойный егермейстер Сипягин в роли римского папы, а виленский губернатор фон-Валь в роли епископа римско-католической церкви. *Н. Н.* . . . —
Блюстители правосудия. Ст. Тихорецкая (Влад. ж. д.) —
Художники — и борьба за свободу (документ из недавнего прошлого) . . . 128
Из писем ссыльных студентов . . . —
По поводу назначения Лопухина . . . 129
Из Перми . . . —
Смоленск . . . 130
Ковна . . . 131
Москва. (Зубатовцы.) . . . —
Нижний-Новгород. Май . . . —
Борьба с крамолой во флоте . . . 132
Из деревни . . . 133
Последние события в Финляндии . . . 136
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 138
Первое мая 1902 г. Первые шаги (письмо рабочего о демонстр. в Баку.) . . . —
Харьков . . . 139
Ростов-на-Дону. *Локерман* . . . —
Крым . . . 140
Шосткенский пороховой завод, Черниг. губ. . . . —
Двинск . . . —
Саратов . . . 141
Пермь . . . —
В Новозыбкове . . . —
Томск (1 мая) . . . 142
Красноярск, Енисейск. губ. 9 мая . . . —
Иркутск. Пролетарский праздник в далекой Сибири. 143
Забайкалье (1 мая). *Социалист (Ярославский)* . . . —
Москва . . . 144
Тверь . . . —
Еще о беспорядках на Воткинском зав., Вятской губ. 145
Из партии . . . —
Некролог . . . 146
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . —

ИСКРА № 23.

Программа русских либералов. *Л. Мартов* . . . 149
Вынужденная полемика. *Г. Плеханов* . . . 152
Революционный авантюризм. *Н. Ленин* . . . —
Из нашей общественной жизни . . . 154
Два земских с'езда . . . —
Еще секретный документ . . . 155
Мужи науки в роли добровольцев сыска . . . —
Витебск . . . 156
Рославль, Смоленск. губ. . . . —
Как зубатовские рабочие ораторствуют с «бумагами» от Охранного Отделения и как от этого фабрикантские жены разрешаются от бремени, «не доносивши» . . . 158
Из деревни . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 163
Петербург. Положение рабочих на Невской пригородной конно-железной дороге . . . —
Рязанская губ. Углекопы . . . —
Одесса . . . —
Новозыбков . . . 164
Из партии . . . —
Неудачная ссылка на нашу историю (письмо в редакцию.) *Л. Дейч* . . . —
Ответ Петербургского Комитета Партии на запрос батумских рабочих . . . 165
Хроника революционной борьбы . . . —
Некролог . . . 166
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 167

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 16 | 1 ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА | № 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И "КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ».

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича[1], на миссионерском с'езде о необходимости признания законом свободы совести. Консервативная печать, с «Моск. Вед.» во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г. № 348). Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки - помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией.— ...«Какое дело нашей „интеллигентной" легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять - таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — ...«Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому „заблуждению", боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при удачах и в счастии»... Вот в чем суть - то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплоататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что нечаянно правду сказали. Слушайте дальше:... «Они и не подозревают, что, благодаря тому же „заблуждению", они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений», «спят спокойно» и Стаховичи и Обломовы и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющий все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое об'яснение враждебного политического направления уже очень ребячески - наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? К чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «М. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «М. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов;— и авторы «Пролетарской борьбы» и некоторых брошюр «Социал-Демократической Библиотеки», воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии;— и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т. е. от самой широкой политической агитации) против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу, выставлять от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»);—и Надеждины, с недоумением спрашивающие по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?»

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах

и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплоатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент, — этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» непозволительно социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей».

Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений Коммунистического Манифеста, этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр. Только в свободных политически странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т. е. должны взять на себя задачу всесторонней политической агитации, всенародной обличительной кампании против самодержавия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно суживать размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами всякого революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях (а наша поддержка есть одно из этих условий) разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела. Вот почему наш прямой долг раз'яснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с м-вом вн. дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурами, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто-рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно-революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее привилась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уж сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат подталкивал вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе

за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время, как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было попрежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте) будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него.

[Н. Ленин]

БЕЗРАБОТИЦА В ПЕТЕРБУРГЕ.

Нигде в России не скучено в одном месте столько фабр.-заводских рабочих, как в Петербурге, нигде не проявляются характерные черты пролетариатской среды (чувство солидарности, чувство собственного достоинства, стремление к знанию и к свободе) так ярко, как среди массы петербургских рабочих, и в то же время нигде политический гнет не опутал всю жизнь рабочих такою густою сетью шпионства и предательства.

День за днем тяжелой работы в той угнетающей и разрушающей силы и здоровье обстановке, которою характеризуются все фабрики и заводы в России; громадное число сверхурочных часов, от которых отказываться не полагается, — все это высасывает последние силы. Рабочие жмутся друг к другу, чувствуя, что только общими усилиями могут они отстаивать свои интересы. Эта тяжелая жизнь разнообразится картинами пьяного разгула. Ни книжки хорошей, ни честной газеты... Иногда только осветит на время эту жизнь попавшая в руки прокламация или номер нелегальной газеты, который напомнит, что есть где-то другая жизнь, полная борьбы за свободу *, иногда на том или другом заводе всколыхнется масса под впечатлением какого-либо слишком возмутительного насилия над товарищем или слишком ужасного «несчастного случая» на заводе. Подымутся рабочие, потребуют у администрации отчета, заставят выслушать себя, заставят, быть может, уступить, — а потом опять та же гнетущая работа, те же серые будни, те же унижения...

Глухое недовольство бродит где-то внутри. Хочется понять жизнь свою, столковаться с товарищами, поговорить о том, что просыпается в душе. В бога сколько-нибудь сознательный рабочий не верует, — он слышал кое-что про науку, но связать в одно целое то, что ему удалось прочитать или услышать, он не в силах. Страстно цепляется он за каждую новую мысль и сейчас же старается передать ее другим. На этой почве и создаются кружки в рабочей среде.

Во многих кружках устраиваются библиотеки, выписываются легальные газеты и журналы. В одном месте увлекаются такими романами, как «Овод» Войнича, и зачитывают «Ткачей» Гауптмана, «Дурных пастырей» Октава Мирбо, стараются достать «Подпольную Россию», Лассаля или «Что делать?» Чернышевского, — в другом читают Богданова, Липперта, «Эрфуртскую программу», но везде и всегда на первом плане нелегальные брошюры и книги. Иногда кружки требуют интеллигента для руководства, иногда предпочитают разбираться самостоятельно, иногда кто-нибудь из рабочих берется руководить занятиями. Я знал рабочего, которому удалось достать свидетельство от доктора и таким образом освободиться от вечерних и ночных работ; он ночи просиживал над книгами и излагал затем содержание прочитанного в двух кружках.

Иногда кружки сознательно, «страха ради полицейска», уклоняются от «рабочей организации», хотя и хватают, где только могут, нелегальную литературу. Есть даже такие кружки, которые примыкают к легальной петербургской кассе взаимопомощи, в которую, по уставу, могут поступать не одни только рабочие, как в харьковской кассе, но и все желающие. Касса эта не удовлетворяет рабочих, они ругают ее нещадно, влачит она самое жалкое существование,—но все же «Союзу Борьбы» следовало бы обратить на нее внимание; это предприятие отвлекает иногда, хотя и не надолго, довольно ценные силы.

Остальные кружки или примыкают к рабочей организации или находятся под влиянием ее членов. Через эти кружки проходит вся нелегальная литература, ими распространяются и расклеиваются прокламации. Здесь вырабатываются серьезные агитаторы, организующие новые кружки и пользующиеся в своей среде большим влиянием. Из них выбираются представители в центральную организацию.

В легальные школы и библиотеки идет сравнительно немного рабочих, так как правительство вымело отсюда все, что может увлекать их. Петербургские рабочие уже привыкли с насмешкой относиться ко всему, что делается с «дозволения начальства»: лживыми словами и ласковой улыбкой их никуда не заманишь. Напрасно гг. Торнтоны думают смягчить «неблагодарных рабочих» елками и гуляньями, а слащавые попы составляют свои холуйские лекции и проповеди, способные только вызывать среди рабочих смех или негодование.

Нет ни минуты, когда бы петербургский рабочий не чувствовал над собой заботливой опеки попечительного начальства. У ворот завода «фараон», на дворе наряд жандармов, в мастерских сторожа и мастера, в каждом углу по Иуде-предателю, шпионы на улицах, в школах, в библиотеках. Даже дома выстроены будто бы по плану жандармского управления: всюду тонкие перегородки, часто даже не доходящие до потолка; даже на «вольных» квартирах рабочие не могут себя чувствовать «как

---

* В среднем среди рабочих в Петербурге распространяется 4—5 пудов литературы в месяц. Она распространяется далеко неравномерно и попадает не на все заводы и фабрики.

дома», опасаясь хозяев, дворников и соседей. Но все это кажется раем в сравнении с тем, как приходится жить фабричным в казармах. Здесь нельзя даже читать вслух, здесь подозрительным кажется всякий, имеющий книги, сюда трудно пронести что-нибудь: и при входе и при выходе дворник может вас обыскать *.

И зарождается сам собою вопрос: неужели конца этому не будет? Неужели всегда будет продолжаться эта тягота?

Но эту тяготу сменяет другая, еще более тяжелая: на плечи рабочих опускается промышленный кризис. Картина их жизни быстро меняется. До сих пор они чувствовали свою силу и знали, что в них нуждаются, что, забастовав, они могут дать отпор хозяйским претензиям или проучить слишком зарвавшегося мастера. Можно было рисковать местом и на оскорбление отвечать оскорблением. Спешная работа, наполняя весь день, отвлекала внимание, день быстро сменялся другим днем, и, казалось, конца не будет этой суете.

Теперь сама почва заколебалась под их ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять перед пустыми тисками. Отойти нельзя, присесть невозможно: мастер пользуется всяким предлогом, чтобы потянуть к расчету. Рабочий чувствует себя так, как будто он провинился в чем-либо перед мастером. Он не смотрит в глаза мастеру, он знает, что он не нужен более, что он бессилен, что мастер может как ему угодно издеваться над ним. Расценки понижаются: не выработаешь и половины прежней получки; протесты и стачки не ведут ни к чему. Всякий знает, что работы нигде найти нельзя, что за воротами стоят десятки безработных, что полиция сотнями высылает их на родину. Он знает все это, и невыносимым кажется ему его положение, ненавистными делаются ему эти закопченные стены, которых он раньше не замечал, эти грязные окна, в которые он смотрит будто бы в первый раз. Он вспоминает, что в этих условиях протекла вся жизнь его, полная рабских унижений, бестолковая, беспросветная. А что ждет впереди? «Нет, лучше совсем не жить, чем жить так!».

Жизнь в кружках также резко изменилась: рабочие уже не занимаются изучением «форм заработной платы», не читают любимой брошюры «О штрафах» — не тем занята голова. Собрания делаются чаще и многолюднее. Раздаются горячие речи о рабочем движении, о социализме, насмешки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новые лица, сознательность которых раньше никто и не подозревал. Возникают новые кружки. Старые кружки, стоявшие до сих пор в стороне, стараются примкнуть к общему движению и к организации.

Кружки смешиваются друг с другом, расплываются в общей массе. Настроение охватывает и старого и малого. Прокламации дерзко разбрасываются и расклеиваются чуть не под носом у растерявшихся дворников. Наиболее энергичные рабочие, которых в Петербурге называют «орлами», приобретают все большее влияние на массу.

В сознании рабочих возникает громадная картина торжествующего зла и насилия, и страшная жажда борьбы и мести прорывается наружу. Перед всеми возникает вопрос: «что делать?», все требуют немедленного решения его, требуют и от «орлов» и от интеллигентов.

Расценки, между тем, продолжают понижаться: выработка понижается с двадцати-тридцати рублей до пятнадцати, до десяти в две недели. «Не нравится,—смеется мастер,—иди на другой завод, там больше дают». Рабочих рассчитывают, от'езжающим на родину устраивают проводы, по мастерским открыто собирают деньги в их пользу.

А фабричным еще труднее: рвется гнилая нитка, ноет грудь от вонючей пыли, а выработаешь в месяц восемьшесть рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются одним «постным» чаем с черным хлебом,—хорошо, если можно луком скрасить эту неидущую в рот пищу. Но и здесь за воротами стоят кучами оборванные ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, как милости, какой-нибудь работы. Исхудалые девушки просят у своих прежних товарищей «ради христа», с завистью провожая их глазами до ворот фабрики.

Бледные, нервные, с блестящими глазами идут рабочие из вонючих казарм на пыльную фабрику и обратно. Тысячи мыслей сверлят мозг, и нет им ответа. В казармах уже не обращают внимания на сторожей и шпионов: сбиваются в кучи, громко разговаривают, прорываются дикие ругательства. «Что же теперь? Неужели так здесь и околевать придется?» И глухая злоба скопляется в груди, гнетет и мучает. Эти люди на все пойдут, все могут, потому что все смеют...

Хорошо, если рабочий хоть один раз слышал слово пропагандиста, если он читать умеет и имел в руках хоть пару хороших, не «экономических» листков,—мысль его тогда имеет уже точку опоры, он увереннее смотрит вперед и умеет назвать врага своего, — он знает тогда, почему царская полиция на тракту дежурит.

С какой радостью хватает теперь рабочий листки и брошюры! И чем горячее написаны они, чем шире захватывают вопрос о том, что делать, чем определеннее и радикальнее отношение их к столпам существующего беспорядка (к капиталу и царю), тем большее получит он удовлетворение. Точно открывают настежь окно в темной камере узника, — видно небо, слышен шум жизни. И он, действительно, родился для новой жизни, он готов итти на борьбу, ему, действительно, ненавистен старый строй. Дайте ему определенный план действий, и он без страха и сомнений пойдет за вами и под нагайки казацкие и в тюрьму: ему терять нечего.

Заводские рабочие лучше понимают, с кем и для чего придется им иметь дело, они знают даже, чего они могут ожидать теперь и чего должны добиваться после. Они знают, что теперь необходимо избавиться от полиции и царя, чтобы после освободиться и от гнета капитала. Они способны двинуться сами на улицу, но не могут, без указания центральной организации, двинуться одновременно.

[П. Смидович]

* Все это приводит к тому, что даже для простых кружковых собраний рабочей организации приходится устраивать «конспиративные квартиры». Квартирный вопрос является самым жгучим вопросом петербургской организации.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Оскорбление величества. Нашим читателям известно, что гроза, разразившаяся над газетой «Россия», вызвана была фельетоном, озаглавленным «Господа Обмановы» и изображающим глупую помещичью семью, как огня боящуюся всяких новшеств и стремящуюся к поддержанию старо-дворянских, крепостнических идеалов. Русская и заграничная публика поняла это дело в том смысле, что Николай II узнал себя в барченке Нике-Милуше и «Высочайше» повелел строго наказать виновных. Выходило, что наш самодержец и сам находит, что портрет его удачно написан. И это заставляло вспоминать известную эпиграмму Пушкина, заканчивающуюся словами:

В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак...

Наши официозы почувствовали обидный для царя комизм этого положения, и вот в «Journal de Genève» от 9 февраля появилась заметка, идущая, очевидно, из русского источника и поясняющая, что не царю, а «полиции» принадлежит почин в наказании газеты «Россия», а что сам царь был даже «смущен» (peiné), когда узнал об этом деле.

Это, может быть, и так. Но неужели автор заметки воображает, что положение Николая II перестает быть комичным? Подумайте только! В газете появляется фельетон, осмеивающий глупых дворян Обмановых и издевающийся над глупым дворянским сынком Никой-Милушей, а «полиция» кричит во всеуслышание: «Обмановы, это — Романовы, а Ника-Милуша, это — Его Величество Император и Самодержец всея России Николай II». Очень хорошо. Поистине бесподобно: точь-в-точь как в анекдоте, рассказанном когда-то, если не ошибаемся, в одном из «Листков Народной Воли»: два человека проходят мимо городового, при чем один из них, продолжая ранее начатый разговор, восклицает: «да он набитый дурак». — Городовой немедленно схватывает его за шиворот и тащит в участок. — За что? — За оскорбление Величества. Вы говорите — он дурак. — Да разве же я про царя это? — Толкуйте! Знаем мы, кто у нас дурак-то набитый!

Полиция хочет защищать честь своего повелителя и сама самым недвусмысленным образом оскорбляет «Величество». Вот оно — усердие не по разуму!

P. S. Для читателей, которым неизвестно содержание пресловутого фельетона в «России», будет небезынтересно узнать, что вызвало гнев начальства.

Автор (Амфитеатров) рассказывает родословную дворянской семьи гг. Обмановых. Прадед Никандр Парфимович (Николай Павлович?) «бравый майор в отставке, с громовым голосом, с страшными усищами и глазами на выкате, с зубодробительным кулаком». Сын его, Алексей Никандрович (Александр Николаевич?)—«явившись в Большие Головотяпы как раз в эпоху эмансипации, оказался одним из самых деятельных и либеральных мировых посредников. Имел грустные голубые глаза, говорил мужикам „вы“ и развивал уездных львиц, читая им вслух „Что делать?“ Считался красным и даже чуть ли не корреспондировал в „Колоколе“... Умер двоеженцем и не под судом только потому, что умер». Сын его Алексей Алексеевич (Александр Александрович?), женатый на Марине Филипповне (Марии Федоровне?), признавал только один орган печати — «Гражданин» и, по свидетельству местных дворян, «дворянство наше только при нем и свет увидало. Высоко знамя держал-с!» Сына своего Никанора, или в просторечии «Нику-Милушу», держал в строгости. Просился Ника, по окончании гимназии, в университет,— «родитель посмотрел на него холодными тяжелыми глазами на выкате:

«— Зачем? Крамол набираться? — и пустил сына по военной службе».

Ника, тайком от отца, почитывал «Русские Ведомости», но читать ему приходилось урывками, так как при входе отца он закрыл газету «Гражданином». В результате такого учения, у молодого дворянина в голове получилась каша, и он часто путался, приписывая кн. Мещерскому либеральные взгляды, а «Русским Ведомостям» реакционные.

На этом заканчивается «преступный фельетон». Вместо обещанного продолжения подписчики «России» узнали, что их газета «сама собой» закрылась. Официального прекращения не последовало. Автор и издатель (г. Сазонов) высланы; первый, по слухам, в одну из северных губерний. Этой расправой с умеренно-либеральной газетой наш «Ника-Милуша», вероятно, хотел показать, что ему не чужды повадки царственного прародителя Никандра Парфимовича Обманова.

Университетские сотоварищи приват-доцента Дэна просят напечатать следующую заметку:

«Нам достоверно известно, что приват-доцент Дэн участвовал в устройстве бесед с механическими рабочими только до начала октября. Когда же в конце ноября был поднят вопрос о возможности продолжения бесед, пр.-доцент Дэн отказался участвовать в этом деле в виду того оборота, которое оно к этому времени уже, очевидно, приняло».

От редакции. Настоящим заявлением политическая репутация проф. Дэна совершенно обеляется. Посмотрим, хватит ли мужества у других профессоров продолжать после этого свое сотрудничество с Зубатовым. Только отстраняясь от всякого соприкосновения с полицейской шайкой, люди, желающие легально работать для рабочего класса, и смогут заставить правительство дать хоть какой-нибудь простор честной легальной самодеятельности.

Нам сообщают, что Зубатов явился на одно из собраний московского общества рабочих и роздал присутствующим 150 экз. № 8 «Искры», в котором была статья об этом обществе. При этом Зубатов говорил рабочим, что они сами могут убедиться, как мнимые друзья рабочих — социал-демократы — относятся к таким учреждениям, пользу которых признают московские рабочие. Как говорят, Зубатов достиг на этот раз своей цели — сильно восстановил членов общества против «Искры».

Что Зубатов таким образом содействует распространению нашей газеты, — за это мы ему очень благодарны. Еще более благодарны мы ему за то, что он при этом случае назвал публике предполагаемых им редакторов нашей газеты. Революционерам всегда важно знать, в какую сторону направлены подозрения жандарма. Но кто бы мог подумать, что «великий» московский сыщик так болтлив и неконспиративен, чтобы рассказывать в публике о своих подозрениях?

Одесса. 5 декабря в зале думы состоялось собрание участников артелей под председательством известного г. Левитского [2]. Собралось 300—400 чел. из 32 артелей. Местное начальство, повидимому, не без опасения разрешило собрание: конечно, опасаться чего-нибудь со стороны нашего Шульце-Делича [3] ему было нечего, но, может быть, оно побаивалось местного Комитета или Южной Группы. Как-никак, но когда я подошел к думе, меня поразило обилие блюстителей порядка: на под'езде околоточный и двое городовых, в швейцарской еще околоточный и двое городовых, у дверей зала городовой; вхожу в зал — там пристав, два околоточных и два городовых.

После томительного ожидания, во время которого собравшиеся члены артелей не решались даже громко разговаривать, собрание было, наконец, открыто г. Левитским. Он начал с напоминания о том, что собравшиеся должны вести себя тихо, смирно, «не выходить из пределов законности». «Мы должны оправдать доверие г. градоначальника», — говорил он. «Закон — основа нашей деятельности»... «Мы сильны законом»... и т. д. и т. д. На этот мотив он переливал из пустого в порожнее минут десять.

Наконец, переходя к программе заседания, об'явил, что из намеченных артельщиками вопросов (свыше 30) выбрал три и, правду сказать, выбрал далеко не самые интересные. Только первый вопрос (о способе распределения заработка) вызвал оживленные дебаты. Оба другие — о кредите и о работе вне артели — прошли довольно вяло. Но расскажем по порядку.

Г. Левитский начинает с того, что ставит вопрос и раз'ясняет собравшимся его значение в жизни артелей. Формулирует вопросы он чрезвычайно неуклюже и неясно. Так, первый вопрос он ставит таким образом: «поштучная или совместная работа?», а в дальнейшем об'яснении говорит о распределении заработка: делить ли заработок поровну или по качеству и количеству работы (плата со штуки, назначение добавочных процентов и пр.). Сам г. Левитский ничего интересного по этому вопросу не сказал, но некоторые речи представителей артелей были очень интересны. Ораторов, вообще, можно разделить на два разряда: одни обсуждали вопрос с точки зрения организационной, говорили о тех затруднениях, которые встречаются при распределении заработка, приводили бесчисленные примеры, каждый из практики своей артели. Таких было большинство. Другие, очень немногие впрочем, обсуждали вопрос с точки зрения принципиальной. Тут было два направления, представленных двумя лучшими ораторами. Молодой интеллигентный рабочий говорил против равномерного распределения заработка. Его аргументация сводилась к следующему. При равномерном распределении заработка лучшие и квалифицированные рабочие будут эксплоатироваться худшими и неквалифицированными. Рабочие ушли в артели от хозяйской эксплоатации не для того, чтобы быть эксплоатируемыми артелями. Рабочему все равно, кто сидит у него на шее, артель или хозяин: то и другое одинаково несправедливо. Он поэтому высказывается за распределение заработанных денег соообразно стоимости труда каждого. Ему горячо возражает староста бондарей, почти простой русский мужик, пришедший издалека, с севера. Рабочих недостаточно обученных, говорит он, надо обучить, ленивых — увещевать, а мало способных несправедливо наказывать уменьшением заработка за то, в чем они не виновны. «Нужно человечество чувствовать», — так формулирует он свою основную мысль.

Об'является небольшой перерыв, и затем г. Левитский начинает обсуждение вопроса о кредите сравнительно длинной речью, очень характерной. Он говорит о значении кредита, рассказывает случаи, когда артель эксплоатировалась ростовщиками хуже, чем рабочие в мастерских хозяевами, и артели, однако, не распадались; для него подобные случаи служат лучшим доказательством жизненности идеи артели. Затем он говорит о том значении, которые может иметь «самодеятельность артелей» в разрешении вопроса о кредите. Здесь начинается отвратительная смесь из двух теорий: теории «воздержания» и теории «малых дел». «Сто копеек — рубль», «курочка по зернышку клюет», «из зерна вырастает тенистое дерево» и т. д. После речи бондаря, который страстно убеждал «человечество чувствовать», г. Левитский производил особенно неприятное впечатление. В мыслях как-то промелькнули Зубатов, Озеров с К°, жандармский полковник Васильев, одесский полицмейстер, устраивающий артели извозчиков, словом, вся картина «нового курса». Я залюбовался затем сидевшим неподалеку от меня бравым приставом. Во время предыдущих речей артельщиков он иногда волновался. Слова: «эксплоатация», «братство», «капиталисты», повидимому, раздражали его. Теперь он слушал г. Левитского совершенно спокойно и с видимым одобрением. А г. Левитский, забывшись в экстазе, восхвалял уже и наше правительство: оно, ведь, так заботится о благе трудящихся, оно идет навстречу их нуждам, разрешая устраивать артели, кредитные товарищества и поддерживая артели деньгами. Какое-то усыпляющее действие произвела его речь на аудиторию. Ораторов записалось немного, да и записавшиеся все говорили в двух-трех словах на тему: кому не нужны деньги? Были иногда и характерные замечания вроде того, что мы-де ушли от хозяев, чтоб самими сделаться хозяевами, а для этого нужен капитал: «капитал основа всякого дела». Один из старост с большим пафосом произнес целый панегирик капиталу и артели (если она с капиталом). Речь эта вызвала несколько криков: «довольно! кончать!». Но большинство наградило оратора шумными аплодисментами.

Третий вопрос почти совсем не обсуждался. Все согласились с мнением первого оратора, который формулировал отношение к работам вне артели, приблизительно, так: такая работа нежелательна, но она дозволительна в случае необходимости с резрешения артелей.

Наконец, говоря словами Щедрина, «снова открылись двери дома терпимости», и мы опять услыхали увещания г. Левитского всегда стоять на почве закона. Затем последовали предложения благодарить голову за помещение, г. Левитского за председательство, г. Витте за «материальную поддержку и законодательную охрану артелей». Мгновенно кем-то из интеллигентов-попечителей была составлена соответствующая телеграмма, собраны деньги. Очевидно, г. Левитский уже достаточно успел развить в артельщиках дух верноподданнического холопства.

Москва. Нам пишут, что среди московских рабочих распространено следующее воззвание:

Письмо рабочим.

В марте месяце на Казанской площади в Спб. толпились тысячи студентов, писателей, разночинцев... Зачем пришли они сюда? Чего хотят эти люди? Спросите их, и они ответят вам: «Мы хотим, чтобы каждый русский человек имел право говорить громко то ,что он думает, чтобы можно было безнаказанно защищать права наши и бороться печатью и словом с теми, которые губят родину нашу и, как хищник, нагло терзает ее, и поэтому требуем мы свободы слова и печати. Мы хотим, чтобы никто не мешал нам собираться вместе, обсуждать дела наши, действовать сообща, и поэтому требуем мы свободы собраний. Мы хотим, чтобы ни полицейские, ни жандармы, ни казаки не смели награждать ударами плетей наших братьев и сестер, чтобы министры и губернаторы не смели приказывать солдатам проливать нашу кровь, и потому мы требуем неприкосновенности личности». Вот зачем пришли эти люди. Вот чего они хотят. Но правительство думает о своей выгоде, а не о благе народа. И вот явились на площадь казаки и полицейские и стали истязать и избивать безоружных и мирных людей. Это было в марте, а весною заволновались рабочие. Замученные хозяевами, голодные, угнетенные, они поняли, что для них одно спасение — потребовать от правительства, чтобы оно заставило фабрикантов грабителей сделать рабочим уступки. Но правительство не позволяет народу открыто говорить о своих нуждах. И вот началась забастовка, и пошли рабочие на улицу требовать себе того же, чего требовали 4 марта студенты, — свободы слова, свободы собраний, неприкосновенности личности. И опять, как 4 марта, явились, по приказанию министров, царевы войска и полиция и опять пролили народную кровь. Не то было в Москве. Здесь рабочие и студенты пошли на улицу вместе, в одно время, и вместе открыто потребовали прав и свободы. И устрашились министры, испугался губернатор, не посмели казаки совершить насилие.

Товарищи! Станем и теперь дружно плотной и грозной стеной и дадим отпор врагам нашим. Не верьте тем, которые устраивают вам «совещания» заодно с охранкой и жандармами и сулят вам золотые горы. Это волки в овечьей шкуре. Они говорят вам: «слушайтесь полиции и правительства: они о вас позаботятся». Лгут они вам: пока не будет свободы в русской земле, не одолеть вам тех, кто пьет вашу кровь и отнимает у вас детей ваших. Товарищи! Соединяйтесь с нами, и тогда мы, сильные, об'единенные, развернем знамя с надписью: «Да здравствует свобода!».

Московский Исполн. Комит. об'един. земляч. и организаций.

Как царское правительство печется о народном трудолюбии? Отчего голодают в России миллионы крестьян? Отчего не находят себе работы десятки и сотни тысяч рабочих? Все от лености, от недостатка трудолюбия. И наше доброе, человеколюбивое правительство спешит притти народу на помощь в этой большой беде. Оно строит «дома трудолюбия» и «работные дома», в которых ленивых бездельников-рабочих даром обучают трудолюбию. Оно учредило даже особое «попечительство о домах трудолюбия и работных домах», состоящее под августейшим покровительством самой государыни императрицы и располагающее теперь капиталом в миллион рублей, употребляемым на великое дело исправления лентяев.

Полицейско-буржуазная Россия перенимает у свободно-буржуазной Англии ее самые гнусные учреждения. Английский рабочий всего более на свете ненавидит «рабочие дома», эти каторжные тюрьмы для нищих и голодных, тюрьмы, в которых презирающая бедняка буржуазия заставляет его за кусок хлеба исполнять самые тяжелые работы (хотя бы и бесполезные работы вроде расщепливания канатов), подвергает его унизительному надзору, отравляет ему, по всем правилам утонченного мучительства, получаемое им подаяние-милостыню. Россия не хочет отстать от Англии, и наш «прогресс» особенно ярко выражается в усиленной постройке двоякого рода тюрем: тюрем для политических преступников и тюрем для тех, кто смеет своим голоданием беспокоить «чистую публику».

Но кроме обучения трудолюбию учат еще кое-чему в этих новых тюрьмах. Вот какое постановление 62-го заседания комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах опубликовал недавно «Правит. Вестник», опубликовал с добавлением, что сама царица изволила на журнале комитета собственноручно начертать: «согласна».

«По вопросу об открытии дома трудолюбия в городе Ченстохове управляющим делами комитета доведено до сведения комитета, что в городе Ченстохове, Петроковской губернии, предполагается к открытию дом трудолюбия, потребность в котором об'ясняется значительным скоплением в названном городе рабочего люда, мужчин и женщин, из которых многие, не попадая по разным причинам на местные фабрики и заводы, положительно остаются без куска хлеба и принуждены снискивать себе пропитание нищенством и другими предосудительными средствами. Самая потребность в доме трудолюбия мотивирована указанием учредителей на то, что таковой дом в названном городе может служить к предотвращению всякого рода социал-демократических учений, которые распространяются рабочими, приходящими из Пруссии и Австрии (Пруссия отстоит от Ченстохова в 17 верстах, Австрия в 70). К крайностям сказанных учений особенно сочувственно относится пролетариат, в среде которого и создается элемент, в политическом отношении неблагонадежный. Дом трудолюбия в данной местности, доставляя приют и пропитание неимущим и уменьшая тем самым число пролетариев, явится таким образом учреждением, способствующим пресечению распространяющихся помянутых вредных учений, не прибегая притом к каким-либо мерам репрессивным. Сообщение это комитет полагал принять к сведению».

От всей души благодарим «Правительственный Вестник» за опубликование этого поучительного документа. Благодарите и вы все, русские и польские рабочие! В новых тюрьмах обещают давать «приют и пропитание». В новых работных домах вас будут даром обучать не только трудолюбию, но и «здравой» науке о вреде социализма, о «настоящей политической благонадежности». Кланяйтесь же низко и целуйте заочно ручку у матушки-царицы за эту двойную науку!

Варшавский архиепископ Попел в борьбе с польскими социалистами. Варшавский архиепископ Попел обратился 12 ноября к римско-католическому духовенству с таким циркуляром (перевод из № 43 «Rabotnik», органа Польской Социалистической Партии):

«Суетное и ложное в самой своей основе стремление выводить правила жизни откуда-либо, кроме правды Откровения, многих уклонившихся с пути веры христианской слепых почитателей чистого разума и самоуверенных гордецов довело до того, что они дерзают посягать на самые основы, на которых почиет общество, или же стараются исторгнуть их из людских умов. Они отрицают промысел божественный, пренебрегают евангельским учением, этой единственной основой истинного благосостояния и счастья, а на место их ставят свои суетные и праздные измышления о наилучшем устройстве человеческого общества. Все сводя к житейскому расчету и страстям, они стремятся как можно больше воспользоваться благами мира сего, что обещают всем тем, кто, пренебрегши учением религии, пристанет к ним. Очевидно, это обещание делается скорее из хитрости, чем искренно, как показывает и опыт. Борясь со всякой властью, как церковной, так и светской, они нападают сами и возбуждают других против богатых, отрицают собственность, вводят на ее место коммунизм, проповедуют вольные нравы, которые, будь они приняты, водворили бы на место гуманности варварство, отрицают святость брака, все честное и благородное изгоняют из жизни. Под разными именами, облекшись блеском ложной науки, они действуют на неопытных; в иных странах уже многих увлекли и пропитали своим учением. Какие отсюда происходят бедствия и смуты в разных странах, враждебные истинной свободе и прогрессу, — говорить незачем. Лжеучения сеются уже и в нашем крае и имеют много глашатаев, особенно среди фабричных рабочих. Простые и необразованные люди легко поддаются пышным обещаниям — такова уж природа человеческая — и не могут устоять против обольстителей, начинают мало-по-малу гнушаться своего сословия и обращаться к ложным божествам большего благосостояния и более привольной жизни. Положение их, само по себе удовлетворительное или же терпеливо переносимое усилиями духа, раз в нем разгорелась жажда богатства, становится тяжелым и невыносимым, за чем нередко следует упадок не только нравственности, но и самой веры.

«В виду этого приглашаем духовенство, чтобы оно, помня о своем призвании, старалось отвратить опасность, для чего надлежит старательно излагать и внедрять в умы верных здравое учение церкви о властях, о собственности, о браке, о подражании Христу и святым, о согласии и любви между верными, о необходимости зарабатывать хлеб в поте лица. Где советы злоумышленников пользуются наибольшим успехом, т. е. в больших городах и фабричных центрах, духовенство должно противодействовать злу с особенным рвением, но осмотрительно, стараясь, по крайней мере, уберечь тех, кто еще не подвергся заразе».

Старайтесь, господа, старайтесь! Ваши старания против вашей воли служат пропаганде наших идей.

Польский пролетариат вынес и выстрелы царских башибузуков и приговоры военных судов. Вынесет он и крестовый поход католических попов.

Смиренные служители церкви. Нам пишут из Сарапуля (Вятской губ.): «Наш архиерей ездил недавно по епархии и заехал в одну чувашскую деревню. Чуваши, как известно, считаются идолопоклонниками. После непродолжительного поучения архиерей приказал вырубить их священную рощу. И она была вырублена. Его чуваши не тронули; но когда после него попы вздумали продолжать его дело и, собрав мужиков-понятых, пошли рубить вторую рощу, то чуваши восстали. Вооруженные топорами, дубинами и кольями, они напали на понятых, избили их и даже несколько убили. Теперь началось дело; идет судебное следствие; много чувашей арестовано. Итак, чуваши, подобно духоборам, позволяли себе выражать свое религиозное чувство по-своему, иначе, чем предписано нашим самодержавным правительством, и вот его верные слуги — архиерей с попами — способные, очевидно, держаться тоже только одной тактики насилия, уничтожают их своеобразный храм — священную рощу. Но когда и у этих темных, невежественных людей проявляется чувство человеческого достоинства, и они протестуют против

подлого насилия над их личностью, защищая свою святыню, тогда за эту самозащиту и протест над ними учиняют уже целую бездну насилия в форме арестов, следствий и суда».

О чем тужит духовенство. Управляющий киевским епархиальным заводом скорбит (в № 269 «Киевлянина») об отсталости киевской епархии сравнительно с великорусскими: епархиальное духовенство мало доставляет на свечной завод огарков, мало берет с него свечей. Священник Руденко в ответ на это плачется (см. № 272 «Киевлянина») о пагубном влиянии штунды на доходы завода: «Раскол, как стояние за обрядность, нисколько не охлаждает православных людей к обильному возжению светильников, чего уже никак нельзя сказать о штунде, от которой, к сожалению, даже истинно-православные заражаются иногда холодностью к обрядовой стороне церковного благочестия. Многие священники могут подтвердить, как сильно падает не только свечной церковный доход, но и вообще забота о церковном благолепии со стороны прихожан в селах, где появится хоть несколько сектантов». Борьба за сохранение обрядности есть поэтому в то же время борьба за поповские доходы: «духовенство,—продолжает Руденко,—если можно так выразиться, есть лишь акционеры завода», а акционеры, конечно, где представится случай, помогают предприятию. Итак, народная темнота и бесправие — вот капитал, из которого попы извлекают огромные проценты. Похвальная откровенность!

Борьба семинаристов со шпионством. Бич пермской духовной семинарии инспектор Потоцкий завел среди семинаристов целый штат шпионов, которых вербовал путем запугивания. Недавно семинаристам удалось уличить нескольких шпионов. Пойманные сами сознались в своем поступке. 1 декабря в зале семинарии состоялась сходка в присутствии инспектора, при котором шпионы, боясь его мести, отрицали свою вину. Но на следующий день, уже в присутствии ректора, шпионы прямо заявили, что инспектор призвал их к себе и обещал им милости и покровительство, если они будут доносить ему на товарищей. Начальство решило ждать приезда архиерея, а шпионов, по просьбе учеников, уволило.

9 декабря архиерей вытребовал из семинарии депутацию в числе 20 семинаристов, которую, не разбирая дела, обругал, называя «анархистами, проходимцами». Заодно, по словам семинаристской прокламации, он оскорбил и всю учащуюся молодежь, назвав курсисток «погаными девками». И в конце-концов сам признавал шпионство вполне законным и в заключение сказал: «правды вы не найдете на земле, ищите на небеси». Возмущенные таким поведением архиерея, семинаристы 10 декабря прекратили занятия, требуя удаления инспектора из семинарии. По распоряжению синода семинария закрыта. «Шестой класс, вначале сочувствовавший удалению инспектора, позорно изменил своим товарищам».

Архиерей стал призывать отцов стачечников и требовать от них подписки, что они заставят своих детей прекратить забастовку. Но это не действует. В заключение — следующий документ:

Письмо архиерея к ректору.

«Я имею верные сведения, что абсолютное большинство Духовной Семинарии вовлечено в смутную настоящую историю, позорящую Семинарию, частью соблазнами коварными и угрозами товарищей, зараженных легкомысленными безобразными и лжелиберальными отравами современной литературы и бродячими идеями в разных учебных заведениях. Мне пришлось убедиться, что многие воспитанники не только не сочувствуют, но прямо с болью в сердце осуждают настоящее нелегальное состояние Семинарии. Поэтому считаю нужным дать им право и полную возможность заявить письменно на особой бумаге свою невинность и совершенное безучастие в этой смутной истории, в которой они фигурируют как бы невольно из страха мести и, как замечено, крайне тяготятся своим положением, теряя свое доброе имя в понятиях своих родителей и общества. Петр, епископ Пермский
11 декабря 1901 г. и Соликамский».

«Все это наглая ложь!», заявляют по поводу этого кляузного и безграмотного письма семинаристы в своей прокламации.

Нам доставлено из Харькова нижеследующее «дополнение» к статье ректора Харьковского университета о студенческих организациях. Нам не сообщают, должна ли была печататься эта статья для публики или только в виде «конфиденциального документа»; известно только, что пока она не появилась.

«Статья о студенческих организациях написана в августе месяце. Пока она печаталась, вследствие некоторых случайных задержек в ноябре, события в университетской жизни, происходившие с конца октября и до первых чисел декабря, с совершенною ясностью выяснили, что так называемое студенческое движение есть движение чисто политическое и при этом, по крайней мере в Харькове, не конституционное, а анархическое и социалистическое. Большинство студентов (9/10 студентов, — всех студентов 1450) терроризируется организованной партией революционеров от 120—150 человек.

«В виду этих фактов является серьезное сомнение, не поведут ли даже курсовые организации, предложенные в этой брошюре, к тому, что здесь явятся только различные политические партии, и что борьба между не останавливающимися ни перед какими крайними средствами и большинством умеренных будет продолжаться и обостряться. Является серьезное сомнение, не увековечится ли этим в университете вместо «занятий» «политика». Вместо того, чтобы иметь место в каких-либо других общественных органах, где рассуждают и действуют люди зрелые, политика будет вестись единственно незрелой и неопытной молодежью. Может быть, кто-нибудь и порадуется этому, но я, в качестве профессора и ректора университета, этому не порадуюсь и в виду событий настоящего месяца считаю необходимым даже выразить свое сомнение в благовременности организации, мною самим предложенной, но предполагавшей более нормальное состояние общества. Пусть меня упрекнет кто-нибудь в переменчивости мнений, но в виду новых фактов долг добросовестного человека, ищущего истины и блага родины, изменять соответственно новым фактам и свои выводы. Сомнение не есть решение, но это сомнение серьезное, и оно должно быть обсуждено при рассмотрении университетских правил на основании фактов недавнего прошлого, происходивших во всех университетах. Может быть, движение в других университетах имеет иной характер, нежели в Харьковском университете.

«Выпуск в свет этой статьи я не приостанавливаю, так как в ней, я надеюсь, все-таки можно найти много к искоренению неправильных взглядов по вопросу о студенческих организациях.

«Харьков, 8 декабря 1901 года».

Одно очевидно: самодержавие не может дать студентам никакой действительной (а не карикатурной) организации до тех пор, пока отсутствие свободы для людей «зрелых» грозит сделать эти организации «отдушиной политического недовольства». А из этого следует, что студенческое движение имеет большое политическое значение, являясь «элементом разложения современного строя», как гласит резолюция петербургских студентов на сходке 13 ноября.

Два земских начальника. Земский начальник Лукьяновского уезда, Лев Пушкин (родственник знаменитого поэта) вызвал к себе старосту села Кельдюшева — Ермошкина по делу о засыпке мирских амбаров. У господина «земского» были в это время гости, потому «они не принимали». Гости пили, ели, веселились, а ста-

роста, между тем, пока «они откушают», ждал приема в передней, голодный и усталый. Наконец, уже вечером «его высокоблагородие» «изволили выйти», сильно подкрепив себя за обедом с гостями живительной влагой. Под влиянием выпивки, еле ворочая языком, он начал бестолково орать на несчастного старосту. Затем, раздраженный каким-то возражением последнего, рассвирепел, как бешеный бык, и ударом кулака сшиб с ног крестьянина. Желая выпихнуть упавшего из своей прихожей, он так ткнул в лицо старосты, что выбил ему два зуба. Староста послал жалобу министру вн. дел. На запрос через губернское присутствие о всем происшедшем, Пушкин ответил, что староста был пьян и «дерзок», сам упал от опьянения на пол и «сам выбил себе зубы». Суд ограничился спросом только Пушкина, свидетели потерпевшего старосты не были даже спрошены. Корреспонденция о происшедшем не была напечатана ни в одной газете, так как по цензурным законам запрещено писать о каких бы то ни было злоупотреблениях полиции и земских начальников.

А вот что пишут о недавно уволенном земском начальнике Суздальского уезда (Влад. губ.) С. С. Рагозине:

«Вот что я знаю про „Сережу“. Это тип крепостника старого закала, могущий служить живой иллюстрацией к эпохе 40—50 гг. При этом он соединил в себе почти все качества гоголевских героев: плюшкинская жадность изредка сменяется добродушием Петуха, беззастенчивость и наглость Ноздрева иногда уступает место чичиковской деликатности и т. д., и все это, конечно, не без выгоды для его препрославленной особы.

«Как администратор, он очень хороший человек и настолько хороший, что его именем крестьяне пугают детей: „нишкни, вот ужо «земский» приедет... задаст он тебе“. Это факт.

«Не стану ценить его как судью и как администратора; приведу только некоторые случаи, где выразился его характер и отношение к крестьянам.

«Приходит мужик и, не входя еще в камеру, снимает шапку и прячет за пазуху. Затем является перед его грозные очи и благоговейно подает какое-то прошение. С. С. стоял в прихожей камеры. Молча принимает он это челобитье и только изредка через край бумаги бросает на мужика свирепый, зловещий взгляд; мужика пронимает дрожь. С. С. молча дочитывает прошение, молча разрывает его вдребезги и молча же со всего размаха дает просителю затрещину „по морде“; мужик покачивается, а удары градом сыплются на загорелую физиономию, и широкие скулы, развитые жеванием жесткого черного хлеба, так и потрескивают под могучими ударами Сережи. Добившись того, что физиономия мужика обратилась в сплошной кровоподтек, С. С. выталкивает его вон и пускает ему в след раз'яренное „мерзавец“. Устав от усердного исполнения возложенной на него священной обязанности, он потянулся и с тоской произнес, обращаясь к письмоводителю: „покою не дают“. После этого он катит обедать и, вероятно, кушает с аппетитом...

«Присутственная комната полицейского управления. Сидит исправник и Сережа. Входит молодой мужик и обращается к исправнику с какой-то просьбой. Сережа его прерывает.

«— Ты Степка?

«— Да-с.

«— Не из такой ли деревни?

«— Так точно, ваше в-дие.

«— Пошел вон, сукин сын,—раздражается С. С. и выталкивает его буквально в шею; возвращаясь в комнату, торжественно заявляет:—Понимаете ли, такой сволочи во всей Н-ской волости не найдешь.

«Дел в камере он не плодил, памятуя, что „во многописании несть спасения“ (его собственное выражение), и почти все дела разбирал словесно и весьма скоро. Во время разбирательства слышались его ругательства: это он громит обвиняемых; слышно, как трещит стол (не особенно крепкий) под его привычными кулаками. Никогда С. С. так не волнуется, как в это время, даже голос его меняется: то заговорит басом, октавой, то вдруг оглушительно заверезжит высочайшим фальцетом...

«Сельские должностные лица, как-то: старосты сельский и магазинный, сотский, десятский, старшина и даже писарь при С. С. обращаются в энциклопедистов; по его поручению они очень успешно исполняют роль рассыльных, горничных, швейцаров, а иногда и курьеров в особенно важных случаях, как, напр., при приискании кухарок; за неудачу при исполнении этих поручений полагается арест или другое наказание; один из старшин стоял в углу несколько часов, как школьник. Прочие сельские обыватели его участка должны были прямо таки трепетать перед ним невольно и бояться... „как отца“. Отец же милостиво называл их „детьми“, „дураками“ и при первом удобном случае делал строгие отеческие внушения. Когда С. С. проезжал по какому-либо селу, то крестьяне, старый и малый, мужчины и женщины, должны были вставать, если они сидят, и быть без шапок, в противном случае шапка срывалась самим С. С. и топталась, а мужику попадало даже и в тех случаях, когда шапки снять не мог, потому что стоял или сидел к нему спиной.

«Имение С. С., под названием „Экономия С. С. Рагозина“, прославилось своей излишней экономностью по отношению к рабочим. Эта экономия проглядывает, во-первых, в пище, во-вторых, в отдыхе, которого полагается очень мало. Вследствие тяжких, непосильных даже для мужика условий, крестьяне избегают наниматься к этому примерному хозяину, и энергичный С. С. выписал из Нижегородской губ. татар и из Рязанской — рязанцев; наняты они были копать пруды и работать в поле. Но так как работа начиналась с восходом солнца и кончалась лишь в 11 час. вечера, то даже татары призадумались, а рязанцы и говорить нечего. Солоно им пришлось, а штрафы и рев неугомонного хозяина в конец убили в них всякое желание работать (отдых полагался только после обеда). И вот в жаркий июньский день потянулась маленькая орда татар на поклон к исправнику с просьбой об отобрании от С. С. паспортов, которые он им не выдавал. У исправника ничего не добились. Толкнулись к губернатору, и тут дело уладилось: паспорта (и только паспорта) рабочие получили и отправились восвояси, проклиная нового оседлого баскака».

Г. Дмитриев (Курской губ.). Древний, тихий Дмитрослав, так называют свой город по старой привычке обросшие мохом обыватели, находится, повидимому, накануне революции. По селам и деревням Дмитриевского уезда, встречаемое лаем собак и сопровождаемое воем баб и ребятишек, совершается странное путешествие.

Впереди офицер из губернии, за ним становой и свита из жандармов, урядников, сотских и десятских. Ездят по деревням и что-то ищут. «Приедут на село,—рассказывала баба,—посмотрят в книжку, и давай шарить то у одного, то у другого». — Что же ищут-то? «А пес их знает». Об'яснил дело сам ротмистр. Обыск производится у корреспондентов земской текущей сельско-хозяйственной статистики. Исстари известно, что статистика опасная дама. Недаром же еще царь Давид за статистические опыты по переписи населения был наказан господом богом гладом и мором, обрушившимися на еврейский народ, неповинный, впрочем, в затее своего миропомазанного статистика. Живи Давид в наше время и имей счастье состоять верноподданным нашего маленького полковника Николая, он наверно так бы легко не отделался и сам бы угодил по меньшей мере под гласный надзор дмитриевского исправника.

Зачем же, однако, обыскивают несчастных корреспондентов? На это пока приходится ответить словами бабы: «А пес их знает». Будем надеяться, что г. ротмистр не откажется поделиться результатами поисков.

Из Киева сообщают о чрезвычайно напряженном настроении рабочих. Ждут только сигнала, чтобы выйти на улицу. Полиция деятельно готовится к демонстрации. Одно должностное лицо сообщало, что в высших сферах решено сразу положить конец всем демонстрациям—стрелять в толпу. Начальство учебных заведений, как нам передавали, уполномочено при начале занятий предупредить студентов, чтобы по возможности избегали кровопролития. Конечно, эти предупреждения никого не остановят.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Заводские самодержцы. — Южнорусский машиностроительный завод в Киеве. (Письмо рабочего.)

Дорогие товарищи! В этой небольшой корреспонденции я постараюсь хоть отчасти выставить безобразные вакханалии наших непосредственных начальников, которые под защитой закона на каждом шагу не только желают расстроить нашу солидарность, но еще к тому же деморализующим образом влияют на несознательных рабочих. Начну по старшинству.

Г. Дейчман занимает у нас место механика, токарного и слесарного мастера и проч., одним словом, директор завода дал ему право распоряжаться по его усмотрению. В механической мастерской работа производится сдельно, обыкновенно никто из рабочих не знает до конца работы, какую ему назначат цену, но зато г. Дейчман, сколько желает, столько и посчитает, если же кто-нибудь из рабочих осмелится возражать, то Дейчман бросается во все стороны, как бешеный, и кричит: «Не желаете брать, что я вам даю, так получайте расчет». 14 ноября с вертельщиком Яницким произошел такой случай: по расценочному листу, подписанному директором, ему следовало получить по 25 коп. за болт, но Дейчман рассчитал его по 15 коп. За указание на то, что в расценке назначено по 25 коп., он удален с завода. Имейте в виду, что таких Яницких через руки Дейчмана проходят сотни, и эти сотни должны страдать так же незаслуженно, как и Яницкий.

Есть еще у нас г. Пилиповский, вагонный мастер — большой либерал и иезуит. В 1898 г. слесарь Миллер побил ему физиономию, но из всего видно, что этого было мало. Пилиповский обращается с рабочими чисто по-николаевски: если рабочий жалуется на то, что за сдельную работу ему заплатили мало, то Пилиповский на него напускается с целым потоком базарного красноречия. «Ты мне людей бунтуешь, я тебя велю арестовать, убирайся вон без расчету» и т. д.

Захар Иванович Яковлев, смотритель завода, бывший кабатчик и содержатель пивной с живым товаром, одним словом, кулак и жулик. И эта-то персона была принята на наш завод в качестве старшего-чернорабочего, но затем произведен в смотрители заводского двора, т. е. по части уборки мусора и... прокламаций (последнее его любимое занятие). Доходной статьей для Яковлева служит устраиваемая им лотерея, которая стала хроническим явлением. В лотерею пускаются старые грошевые вещи, а билеты разбираются быстро, потому что, если кто не захочет брать билетов, то Яковлев находит какую-нибудь причину, и рабочего выкидывают. Эти билеты раздаются даже чернорабочим, которые получают по 60 коп. в день и лишаются, таким образом, поденного заработка. А между тем, у нас в правилах сказано, что за лотерею, карточную игру и т. п. виновник моментально удаляется с завода.

Товарищи! Такое отношение к нам позорит нашу личность, и нам необходимо подумать всем скорее о том, чтобы воспрепятствовать такому поведению нашего ближайшего начальства. Пусть, что хочет, говорит фабричная инспекция, высшее начальство и полиция, пусть, как хочет, нас запугивает, а мы все же постараемся отстоять свою личность. Соберемся дружнее, и тогда вся псарня, нас осаждающая, разбежится во все стороны в смятении и страхе.

Кременчуг. В декабре местный Комитет Партии распространил на табачной фабрике Дурунчи прокламацию, выставлявшую ряд требований к хозяевам. Прокламация подействовала, и фабрикант немедленно удалил подрядчика, увеличил заработную плату, поставил три кровати для рабочих.

С Урала. На одном из заводов Уфимской губ. были недавно беспорядки, вызванные переходом завода из рук поссессионных владельцев в руки бельгийцев, которые ввели систему обысков при выходе с завода и снабжали всех рабочих номерами для штрафовки тех, кто не сдал при входе своего номера. Для «усмирения» была выслана из Уфы рота, но не дошла, так как беспорядки, длившиеся дня три, успели прекратиться.

По слухам, поссессионных мастеровых лишают земельных участков, но уфимский губернатор отказался приводить в исполнение эту меру, пока не пришлют новых войск в Уфу.

В Монастырской волости, близ Алапаевского завода, Верхотурского уезда, летом нынешнего года имело место следующее столкновение населения с администрацией.

Жители Монастырской волости издавна владели землей, считая ее принадлежащей им, согласно имеющейся у них грамоте («от самого царя Петра I»). Когда, по размежевании их земель с заводскими, им был предложен надел, составляющий часть обрабатываемой ими земли, то они отказались принять этот надел, продолжая пользоваться тем, чем пользовались раньше. Получился судебный процесс. Несколько человек вызывались в суд, но они сговорились не являться. Тогда в деревню приехал становой пристав с несколькими стражниками, чтобы арестовать вызываемых. Но население решило не выдавать своих. Полиции было оказано сопротивление, когда она пыталась силою взять присужденных. Произошла схватка, — и полиция с повреждениями отступила. Сообщают, что было сделано несколько выстрелов с той и другой стороны, при чем первой начала стрелять полиция (последнее, впрочем, еще не вполне достоверно).

Полиция немедленно донесла губернатору, что в Монастырской волости «бунт». Были посланы из Перми солдаты под предводительством офицера для усмирения «бунта». Приближаясь к деревне Бучиной, войско насторожилось, ожидая засады или нападения из деревни. Некоторые солдаты с ужасом представляли себе, как им прикажут стрелять в своих же земляков. Но каково было удивление войска, когда жители встретили его радушно с хлебом-солью, выражая надежду, что офицер, как «царев слуга», разберет их дело по сущей правде, защитит их от заводовладельцев и подкупленных ими полиции и судей. Офицеру была показана грамота и изложено подробно все дело. Но офицер не замедлил разрушить их надежды, заявив, что, если суд решил, значит, так и должно быть; что, «вероятно, крестьяне как-нибудь неправильно понимают грамоту, отчего и произошло все недоразумение». Крестьяне разошлись, а солдаты мирно стали готовить себе обед, составив ружья в козлы. В это время к офицеру подошел один крестьянин и, желая предупредить кровопролитное столкновение крестьян с солдатами, в котором пострадали бы, конечно, крестьяне, — тихо сказал офицеру, чтобы солдаты берегли ружья... Но десяти ружей уже не досчитались. Офицер потребовал возвращения, и крестьяне, видя, что сила не на их стороне, возвратили захваченные ружья. В результате всех этих столкновений много крестьян арестовано (более 30 чел.). Многие из них понесут, вероятно, строгое наказание, но все сны теперь убедятся в том, что не защитит их от владельцев ни суд, ни полиция, ни чиновники, ни даже «слуги царя» — солдаты и офицеры.

Из Шемахинского завода сообщают следующий факт. В Шемахинский завод ведет несколько дорог. Три или четыре из них снабжены кордонами, другие — нет. Чтобы население не провозило ворованного леса по дорогам, не снабженным кордонами, управляющий велел засыпать эти дороги. Шемахинцы поголовно отказались это сделать. Для засыпки дорог были наняты жители соседнего селения. Шемахинцы, узнавши об этом, вооружились палками, вилами и двинулись на место работ. Произошло столкновение. Говорят, что управляющий с несколькими человеками заперся в одном из кордонов. Кордон был подожжен. Все спаслись, хотя некоторые пострадали как от пожара, так и от рукопашного столкновения. Арестовано 12 чел. За поджог их судить, вероятно, не будут, потому что показали, что на кордоне загорелось внутри от железной печки.

Батум. Положение рабочих на Кавказе. (Письмо рабочего.) В нашем городе около двадцати заводов, из которых одиннадцать нефтяные, приспособленные к разливке керосина, отправляемого за границу. Из заводов самыми большими по числу рабочих являются нефтяные заводы Ротшильда и Манташева. Рабочих в городе более 8 тысяч.

У нас, как и на всех заводах Кавказа, кроме Баку, нет фабричной инспекции *. Вследствие этого, здесь нет никакого надзора над фабриками. Произволу хозяев здесь предоставлен полный простор: они делают, что хотят, не боясь никого и ничего, и являются полными господами жизни и здоровья рабочих, а рабочие — их рабами.

При столкновении между отдельными хозяевами и рабочими дело разбирает обыкновенно околоточный надзиратель и всегда, конечно, в пользу хозяина. Если же рабочий перенесет дело в суд, то и тут хозяин выходит правым, ибо обыкновенно задавленные нуждой и зависящие от хозяина свидетели-рабочие боятся показывать против хозяев. Рабочие всегда бывают виноваты! Кроме того, ни одно безобразное деяние хозяев не было напечатано в местных газетах, потому что цензура позволяет только хвалить хозяев за их, будто бы, отеческое, хорошее отношение к рабочим.

В других городах и местах нашего обширного отечества все-таки существуют праздники, во время которых замолкает шум машин, и рабочие пользуются хоть кратким отдыхом. У нас не то! Не говоря уже о воскресных днях и двунадесятых праздниках, здесь даже в первые дни пасхи и рождества не перестают гудеть фабричные гудки и не прекращаются работы. Хозяева наши хотят, вероятно, показать, что для них нет ничего святого, что они поклоняются лишь золотому тельцу и чтут голый чистоган.

В нашем городе особенно развит труд малолетних. На заводе Манташева работают 7—8-летние дети. Дети работают столько же часов, как и взрослые, а так как здесь производство отличается страшным непостоянством и во время заказов на заводе Манташева число рабочих часов доходит до 105 в неделю, то детям приходится простаивать за станком по 15—16 час. в сутки. С прекращением заказа обыкновенно рассчитывается половина рабочих.

На наших заводах господствует по отношению к рабочим кулачная расправа. Рабочих бьют надсмотрщики, заведующие, механики и сами директора. Особенным постоянством в этом отношении отличается управляющий завода Манташева, Тер-Акопов, а на заводе Ротшильда — механик Штубнер и приказчик Файнштейн. Бьют и ребятишек, чтобы они усерднее работали. Особенно жестоко поступает с ними приказчик Файнштейн.

На заводах у нас очень часты несчастные случаи. Это происходит оттого, что хозяева нисколько не заботятся о безопасности рабочих при исполнении ими работ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. В жестяночных и лесопильных отделениях нефтяных заводов редкий день проходит без несчастного случая. Если случится несчастье с рабочими при исполнении работ, протоколы пишут, как ни странно это, управляющие заводов. Если рабочему отрежет станком палец, пишут, что «поранение несерьезное»; если рабочему отрежет кисть руки внезапно опустившимся ножем штампы, когда он выковыривал застрявшую жесть, которая должна была бы выбрасываться автоматически, — пишут, что поранение произошло по собственной неосторожности рабочего. Если же рабочий, чтобы предупредить падение ножа, подложит под него кусок дерева, и если нож опустится на это дерево, ему пишут штраф в размере 3—5 руб. Точно также рабочих, которые попадают в станок четвертый и пятый раз, попросту выгоняют, придравшись к какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознаграждение как неспособному к труду.

В паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочных отделениях этих заводов у рабочих от керосина пухнут ноги и покрываются язвами. Климат здесь очень нездоровый, лихорадочный, сырой; здесь трудно найти рабочего, который не хворал бы лихорадкой и ревматизмом. Несмотря на страшную жару летом, когда рабочие буквально обливаются потом, здесь ни на одном заводе нет кубов с кипяченой водой, и рабочие принуждены пить сырую, застоявшуюся в трубах воду. Вследствие этого здесь часты заболевания, а медицинская помощь поставлена очень плохо: ни на одном заводе нет больницы, и фельдшера обращаются с рабочими очень грубо.

На заводах здесь практикуется скрадывание рабочего времени и вычеты. Часто рабочие получают лишь половину заработанных денег: остальную половину вычитают за брак, хотя рабочие не виноваты, т. к. причиною плохого исполнения работы являются старые, испорченные машины. А у Манташева на заводе машины пускаются в ход на полчаса, на час раньше гудка. Заработная плата за последние годы здесь сильно понизилась. Десять лет назад на заводе Ротшильда работало 4000 чел. Рабочие получали по 2—3 р. в день. Теперь же, после улучшения механизмов, ту же работу, даже в больших размерах, исполняют 1500 чел. За эти 10 лет 2500 чел. было выброшено на улицу, а заработная плата понижена до 60 коп. в день. Теперь мы зарабатываем лишь на хлеб и на воду, чтобы только не умереть с голоду, чтобы быть в состоянии создавать не для себя — для других богатства... Тяжело так жить, и невольно является вопрос: зачем мы так страдаем? Жизнь наша лишена всякой радости, она лишь сплошной путь к могиле. Так не лучше ли нам умереть не за станками и не рабами, а умереть, борясь за свободу, за лучшее будущее!..

Нижний-Новгород. На механическом зав. Константинова была стачка 160 чел. из-за неаккуратной выдачи платы. Рабочие, забастовав, вызвали фабричного инспектора, и последний заставил хозяина удовлетворить их требования. По этому поводу распространены на заводе листки, в которых, по выражению рабочих, «всем досталось: и механику, и инспектору, и до самого царя добрались». Рабочие на этом заводе народ серый, малограмотный, из окрестных деревень. Тем не менее он с жадностью набросился на листки. Все их одобряли и ждали новых. Появились и новые — там говорилось вообще о способах борьбы и о майской демонстрации. После того еще раз были распространены прокламации. Листки попадают и к крестьянам, и те говорят: «все верно».

В Нижнем масса безработных. На Сормовском заводе постепенно понижают расценки.

---

* Только что появилось сообщение о введении фабричной инспекции в Тифлисской губернии, при чем правительство признало открыто, что к введению инспекции его побудили стачки тифлисских рабочих. Ред.

ИЗ ПАРТИИ

Мы получили следующее письмо в редакцию:

«Касаясь вопроса об агитации (если не ошибаюсь, в № 13), „Искра“ высказывается против летучей, агитационной литературы (брошюрки в два-три листика) на политические темы. Такая литература, по мнению редакции, с успехом заменяется газетами. Газеты, конечно, — дело хорошее. Против этого никто и спорить не будет. Но могут ли они заменить такие летучие листки, специальное предназначение которых — широкое распространение среди масс? В редакции уже имеется одно письмо из России, в котором группа рабочих-агитаторов высказывается по этому вопросу. Ответ „Искры“ на это письмо — очевидное недоразумение. Вопрос об агитации так же теперь важен, как и вопрос о демонстрациях. Поэтому желательно, чтобы редакция сызнова подняла бы его и на этот раз отнеслась бы к нему более внимательно.

Читатель».

Кто даст себе труд внимательно перечитать, на-ряду с этим письмом, наш ответ «рабочим с юга» в № 13 «Искры», тот легко убедится, что в очевидное недоразумение впал именно автор письма. О том, чтобы «Искра» высказалась «против летучей агитационной литературы», не было и речи; «замена» газетою «летучих листков» никому и в голову не приходила. Автор письма не заметил, что летучие листки — это и есть прокламации. Что такой род литературы, как прокламации, ничем незаменим и всегда будет безусловно нужен, — в этом и «рабочие с юга» и «Искра» были вполне согласны. Но они были согласны и в том, что этого рода литературы недостаточно. Если мы говорим о хорошем жилище для рабочих, соглашаясь, что хорошей пищи им недостаточно, то это наверное не значит, чтобы мы были «против» хорошей пищи. Спрашивается, каков же более высокий вид агитационной литературы? «Рабочие с юга», поставив этот вопрос, ни словом не упомянули о газете. Это умолчание могло, конечно, зависеть от местных условий, и, нисколько не думая «спорить» с нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить им, что пролетариат тоже должен поставить свою газету, как сделали уже другие классы населения; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходима регулярная, активная, общая работа всех местностей над революционным органом.

Что же касается «брошюр в 3—4 стр.», то мы и «против» них отнюдь не высказались, а только усомнились в практичности плана создать из них регулярную литературу, распространяемую «одновременно по всей России». При об'еме в 3—4 страницы это будут, в сущности, те же прокламации. Мы имеем со всех концов России много очень хороших и нисколько не тяжеловесных прокламаций, и студенческих и рабочих, которые равняются даже 6—8 стран. малого формата. А действительно популярная брошюра, способная раз'яснить даже совсем неподготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдельный вопрос, будет, наверное, гораздо больше об'емом, и распространять ее «одновременно по всей России» не будет ни возможности, ни надобности (в виду ее невременного значения). Вполне признавая все и всякие, старые и новые, виды политической литературы, будь это только действительно хорошая политическая литература, мы бы, с своей стороны, советовали работать не над выдумкой среднего типа между летучими листками и популярной брошюрой, а над революционным органом, заслуживающим на деле название периодического (т. е. выходящего не раз в месяц, а по меньшей мере два-четыре раза в месяц) и обще-русского.

Нам пишут:

«Идя навстречу нуждам революционной партии, „Искра“ в № 14 поместила статью „О демонстрациях“. Одно место этой статьи, однако, может подать повод, вследствие своей неопределенности, к очень печальным недоразумениям. Я имею в виду ту часть, которая говорит о необходимости „отпора“. Что понимает редакция под этим словом? Среди революционеров раздаются теперь голоса, что демонстрации должны быть вооруженными. То ли разумеет редакция под словом „отпор“? Если редакция думает, что на демонстрации не следует являться с голыми руками, а с палками и кистенями, так это само собою понятно, и до сих пор так и делалось. Раз'яснения тем более необходимы, что сторонники вооруженного отпора мотивируют свое мнение приблизительно так же, как и автор статьи „О демонстрациях“. — Просим поэтому редакцию обратить внимание на настоящее письмо и ответить. Читатель».

В статье, о которой говорит автор письма, прежде всего настоятельно подчеркивается необходимость придать демонстрациям массовой характер, и все советы относительно организации сопротивления имели в виду наличность массы демонстрантов. Участникам демонстрации, если их соберется, скажем, всего несколько сот человек, мы не можем преподать никаких советов об организации сопротивления: последнее, вообще, будет бесплодно, и при желании властей демонстрация превратится в зрелище избиения демонстрантов.

Другое дело — демонстрация, в которой приняли участие массы. В этом случае хорошая организация и подготовка демонстрации может содействовать тому, чтобы отпор демонстрантов насилиям полиции и солдат, без которых никогда не обходится дело, был не беспорядочным и не безуспешным. Но организация отпора полицейскому насилию не означает вовсе провоцирования солдат на стрельбу. Подготовить отпор — это значит: организовать известную часть демонстрантов так, чтобы она могла во время столкновения с полицией влиять на всю толпу, удерживая ее как от беспорядочного бегства, так и от отчаянных вспышек, могущих сделать неизбежным кровопролитие, и тем самым удесятеряя значение кистеней, палок, и т. п. как оборонительного оружия. Задача организаторов и руководителей демонстрации — не дать торжествовать усмирителям, т. е. не допустить, чтобы правительственная расправа с демонстрантами вызвала в массах панику. Этот нежелательный результат может быть достигнут точно так же неорганизованностью отпора со стороны демонстрантов, как и несвоевременным употреблением с их стороны такого сильного средства самозащиты, каким является вооруженное сопротивление. К последнему мы могли бы призывать только в том случае, если бы были уверены, что находимся непосредственно «накануне революции», что организованное сражение народа с войсками должно превратиться в народное восстание. Как показывает ясно наша статья в № 14, мы не считаем рациональной тактику, основанную целиком на такой надежде. Мы думаем, напротив, что нам надо еще много и много поработать для того, чтобы иметь право на такую надежду. Между прочим, нам надо еще воспитать массу демонстрациями, подготовить ее к действиям на улице, и ставить на карту будущность демонстрационного движения, рискуя своей опрометчивостью вызвать бойню, которой можно избежать, нам во всяком случае не приходится.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге у одного кадета морского корпуса нашли «Искру» и исключили из училища.

В Николаеве 21 января были аресты; взято три рабочих и один интеллигент.

В с. Васильевском близ Ив.-Вознесенска на рождестве были аресты и обыски.

В Н.-Новгороде аресты продолжаются. Взяты: портной Орлов, студент и вольноопределяющийся Моисеевы и чертежник Матвеев. У вольноопределяющихся производятся обыски. Им воспрещено жить на частных квартирах.

Помещик Бонч-Осмоловский сослан в Вост. Сиб. на 4 г.

Сссррр. Просим сообщить новый адрес для писем.

307н. Не имели от вас ни писем ни корреспонденций; почти все листки (кроме чайных) не получены: усердно просим прислать все, что имеете. Просим вашему сочувствию придать более реальное выражение. Неправильность переписки приносит ущерб нам и вам. Не может ли чего сообщить о своем родном городе ваш новый товарищ. Получили от Л. Х. Ч. краткое сообщение о вас; желаем вам успеха. Не забывайте же нас!

Из Волжской столицы — 60 р., оттуда же «от иностранца» 100 р., «с Волги» 140 руб.

Из Цюриха 28 франков, из Льежа 106 фр. 30 сант.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Стахович, М. А. — орловский губернский предводитель дворянства, представитель умеренно-либеральных земских кругов, участник земских с'ездов, состоял членом их правого крыла. В 1905—1907 гг. он колеблется между октябризмом и мирнообновленчеством. После Февральской революции 1917 г. был назначен Временным Правительством генерал-губернатором в Финляндии.

Прим. 2. Левитский, Н. В. (См. прим. 6-е к № 14 «Искры»).

Прим. 3. Шульце-Делич (1808 — 1883) — германский экономист, идеолог мелкой буржуазии, проповедывавший примирение классов, стремившийся в своей политической деятельности, в качестве члена германской прогрессивной партии, подчинить рабочие массы влиянию буржуазии. После революции 18'8 г., когда он был членом Прусского Национального Собрания, он отдался делу организации кредитных товариществ, с помощью которых он стремился отвлечь рабочих от революционной борьбы с капитализмом.

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 17 | 15 ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА | № 17

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА.

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный под'ем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств,— после всего этого правительство «сердечного попечения» опубликовывает задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова [1] представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т. е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организации, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?».

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято, определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, л е г а л ь н о созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, например, что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть м а к с и м у м того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом или усилить п о л и т и ч е с к и й, р е в о л ю ц и о н н ы й характер своего протеста, — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об его протестах, об его активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев, сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, не взирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы своевременно оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в этом направлении дальше итти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А, ведь, кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индиферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не об'явлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того неразрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20 слишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к вспрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его экономической политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплоатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 г. голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменились, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько об'являет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это социальное банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее политическое банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить изо дня в день, заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило политическую мобилизацию тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАРТИРОЛОГ «СЕРДЕЧНОГО ПОПЕЧЕНИЯ».

«Нижегородское землячество постановило опубликовать во всеобщее сведение список студентов и курсисток нижегородцев, до сих пор невозвращенных в учебные заведения. Общее число арестованных и невозвращенных в учебные заведения 52. Из них в самом Н.-Новгороде находится теперь 40 чел.

Московский университет. Б. и В. Морковины и С. Корсак — под следствием; Затинщиков, Моисеев Б. — 2 г. высылки (в настоящее время арестованы); Моисеев С. (арест.), Сыпин — 2 г. выс.; Пятакин — 1 г. выс.; Грацианов — под следствием; Галонен — 1 г. выс.

Томский универс. Знаменский и Виноградов — исключены; Старокотлицкий, Паршин, Александров, Малиновский и Агарев — уволены без права поступления в Томский ун. и до сих пор не приняты.

Юрьевский ун. Лепорский, Успенский, Мякишев, Лепорский 2-ой — уволены до 20 янв. 1902 г.

Моск. технол. учил. Ветчинкин — 2 г. высылки.

Киев. политех. Коварский — под следствием.

Томский технич. инст. Колосов (арест.) — 2 г. высылки.

Казанск. ветер. инст. Рюриков — под следствием.

Спб. технол. инст. Чарушин — 2 г. выс.

Яросл. лицей. Смирнов — 2 г. выс.

Моск. акуш. курсы. Подсосова, Пиничевская, Ярошевская и Краснова — 2 г. гл. надз.; Кислова, Рюрикова, Ленивова — 1 г. выс.; Владимирская — под следствием.

Спб. курсы Лесгафта. Комарова — 1 г. гл. надзора. Добролюбская и Косарева — 1 г. выс.; Малиновская — п. следствием; М. и В. Гайкович — 1 г. выс.

Бестужевск. курсы. С. Малиновская, Доброхотовы, А. и С. и Кольберг — 1 г. гл. надзора.

Медичка Богушевская — 1 г. выс.

Гигиен. курсы. Симонова — 1 г. выс.

Ф. Гусева (бест., выслана осенью 1900 г.) — 3 г. выс.

Ел. Грацианова, Игнатичева и Румянцева — 1 г. высылки.

За движение 1899 г. до сих пор не возвращены:

Спб. унив. Елпатьевский — 3 г. выс.

Моск. унив. Яровицкий — 3 г. выс.

Предлагаем другим землячествам также опубликовать список известных им невозвращенных товарищей.

10 января 1902 г. Нижегородское землячество».

Что скажет г. Ванновский в ответ на это разоблачение лживости обещаний, данных правительством?

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

«Временные правила» о студенческих организациях, как и следовало ожидать, никого не могли удовлетворить. Вместо свободы организоваться хотя бы только на почве студенческих дел, студенты получили жалкое «право» устраивать сходки под наблюдением и председательством лица, назначенного правлением университета (при чем это лицо не должно быть непременно профессором, а может принадлежать и к ненавистной инспекции), сходки, которые могут обсуждать только вопросы, разрешенные правлением, и могут распускаться председательствующим полицейским... то-бишь, наблюдателем. Курсовые старосты не выбираются студентами, а назначаются начальством из числа кандидатов, выбранных студентами. Значительная часть студентов (первый семестр) вовсе лишены права организаций и сходок. Если к этому прибавить, что выставленные студентами требования свободного доступа в университет всех, без различия национальности, вовсе не были удовлетворены и что побоища в Харькове и Екатеринославе слишком явно говорили об общем духе «попечения», то не будет удивительным, что после рождественских каникул так наз. «студенческие беспорядки» возобновились.

Приводим сообщение из Киева:

21 января в политехническом институте была сходка. Было признано действительным постановление сходки 5 декабря. Директор Кирпичев сообщил, что действие «временных правил» распространяется и на институт, т. е. что им получены от Витте соответствующие «временные правила». Он сообщил об'явление, которое на следующий день раздавалось студентам университета. Это «предварительное об'явление студентам» говорит, что попечитель имеет право закрыть в случае беспорядков высшее учебное заведение, и если занятий в общей сложности не будет в продолжение 4-х недель (а в специальных учебных заведениях трех), то все студенты высших, начиная со второго курса, оставляются на второй год, а студенты первого курса увольняются и принимаются вновь наравне с вновь поступающими, стало-быть, в специальных учебн. завед. подвергаются испытаниям; к университете же, на многолюдных курсах, где было бы недостаточно места для приема всех (и новичков и старых), — по конкурсу аттестатов. Второй параграф «предварительного об'явления» разрешает, когда занятия прекращены во всем учебном заведении, отдельным курсам подавать прошения о разрешении им заниматься. Нечего говорить, что это об'явление вызвало негодование студентов. Следует еще заметить, что согласно «временным правилам», выданным студентам института, им не разрешаются общие сходки, которые раньше разрешались.

По желанию студентов, Кирпичев телеграммой просил Витте закрыть институт. Получилась в ответ телеграмма, в которой Витте выражает сожаление, что студенты института подали пример беспорядков, надеется, что они еще «поддержат честь» института, и дает им трехнедельный срок. Всю эту неделю занятий в институте не было. Огромное большинство профессоров не читало лекций. К тем немногим, которые пробовали читать (в их числе Коновалов), была применена обструкция.

В Киевском университете была созвана Союзным Советом общая сходка на 24-е. Прошла она довольно плохо. Оппозиция была сильная. В середине обсуждений человек 30 покинуло аудиторию и устроило вторую сходку в соседней аудитории. Но, кроме них, было и в числе оставшихся много против забастовки. В результате почти пятичасового обсуждения были приняты следующие две резолюции:

«Мы, студенты Киевского университета, собравшись на сходку 24 января, постановили:

«1) Выразить свое презрение министру нар. просвещения, бросившему студенчеству гнусную подачку в форме „временных правил" от 22 ноября 1901 г. Мы признаем, что „временные правила" не только не вносят в студенческую жизнь никаких улучшений, но отнимают и опутывают целой сетью все то, чего студенчеству удалось уже добиться путем долгой и упорной борьбы. Мы остаемся при прежней уверенности, что правильное течение университетской жизни возможно только при широкой автономии университетов и устранении из сферы университетской жизни жандармско-полицейских тенденций. Поэтому мы отказываемся принять „временные правила", удовлетворяющие скорее требованиям усовершенствованного сыска, чем нашим насущнейшим потребностям, нашим требованиям. 2) После того, как сама жизнь указала единственный возможный путь для достижения наших заветных целей — путь борьбы; после того, как министерство и правительство окончательно дискредитировали себя своими невыполненными обещаниями или лицемерной политикой; после речей генерала Ванновского в Москве, после массового увольнения и избиения наших харьковских товарищей, после екатеринославской бойни; после опубликования позорной „конституции" Ванновского, окончательно игнорирующей наши долголетние требования,—нам остается только начать борьбу. С сегодняшнего дня об'являем Киевский университет закрытым; с завтрашнего—25 января—начинаем забастовку, которая будет продолжаться, пока все наши требования не будут удовлетворены.

«Мы требуем: 1) широкой автономии университетов; 2) приема в университеты всех лиц, окончивших средние учебные заведения без различия пола и национальности; 3) приема в университеты всех пострадавших товарищей как нашего университета, так и других высших учебных заведений».

Между тем, раньше было об'явлено, что 25, 26, 28, 29-го будут происходить курсовые собрания в присутствии выбранной Советом комиссии, в которую входят по три профессора на каждый курс. Накануне сходки член комиссии, проф. Морозов, об'являл на всех курсах медицинского факультета, а некоторые другие профессора на других курсах, что ни Совет ни комиссия не принимают и не могут принять «временных правил» в их теперешнем виде; особенно не могут они примириться с §§ 6 и 8, приказывающими профессорам, назначенным начальством, присутствовать на курсовых собраниях и доносить начальнику заведения о нарушениях порядка, уклонении от утвержденных начальником вопросов, подлежащих обсуждению. Совет, по словам членов комиссии, уже решил ходатайствовать об изменении этих пунктов, и комиссия будет являться на курсы не для того, чтобы вводить «временные правила», а для того, чтобы студенты тоже могли их обсудить, и таким образом к голосу профессоров присоединится голос студентов. Несмотря на это, в тот же день медики 4 и 5 курса значительным абсолютным большинством приняли резолюцию, вполне отвергающую «временные правила». В ней они высказываются против собраний при комиссии и перевыбора или только утверждения старост.

В день сходки было вывешено об'явление о том, что постановлено ходатайствовать об изменении §§ 6 и 8. По просьбе проф. Трубецкого (член комиссии), ему было разрешено говорить на сходке. В длинной речи он сказал, как смотрит на свою задачу. Он указал опять-таки на то, что нет и речи о принятии «временных правил» во всем их об'еме; что ректор решил утверждать старостой только того, кто получит наибольшее число голосов; что от полицейских обязанностей профессора отказываются; что студенты не должны считать комиссию своим врагом; что он хотел бы вместе со студентами работать, чтобы сообща ходатайствовать об изменениях; что он будет оставаться профессором лишь до тех пор, пока будет надеяться, что ему удастся хоть что-нибудь в пользу студентов, и проч. Речь профессора была встречена рукоплесканиями, но затем один оратор его основательно разбил.

25-го не было лекций. Как и в институте, оппозиция довольно сильна. На каждом курсе есть некоторое число студентов, желающих слушать лекции и принять комиссию. Лишь путем упорной борьбы был проведен ряд решений по курсам: бастовать, не производить выборов старост и не представлять на утверждение старых.

ФЕЛЬЕТОН

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

Под этим общим заглавием мы намерены периодически помещать, по мере накопления материала, статьи и заметки, посвященные характеристике, с марксистской точки зрения, всех сторон экономической жизни и экономического развития России. Теперь, когда «Искра» начала выходить два раза в месяц, недостаток такого отдела чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этом обратить серьезнейшее внимание всех товарищей и сочувствующих нашим изданиям лиц на то, что ведение (сколько-нибудь правильное) этого отдела требует особенно богатого материала, а редакция наша поставлена в этом отношении в исключительно-неблагоприятные условия. Легальный писатель и представить себе не может, о какие иногда элементарнейшие препятствия разбиваются намерения и стремления писателя «подпольного». Не забывайте же, господа, что мы не можем отправиться в Императорскую Публичную Библиотеку, где к услугам журналиста имеются десятки и сотни специальных изданий и местных газет. А ведь материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т. е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя, — такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям, из которых большая часть либо недоступна по цене, либо вовсе не поступает в продажу (издания правительственные, земские, медицинские и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономического отдела возможна исключительно при том условии, если все читатели нелегальной газеты будут поступать сообразно правилу: «с миру по нитке — голому рубашка». И, преодолевая ложный стыд, редакция «Искры» должна сознаться, что она в этом отношении ходит почитай-что совсем голая. Мы уверены, что масса наших читателей имеет возможность следить и на самом деле следит «для себя» за самыми разнообразными специальными и местными изданиями. Только тогда, когда каждый такой читатель каждый раз, когда он встретит интересный материал, будет задавать себе вопрос: а есть ли этот материал в редакции нашей газеты? Что я сделал для того, чтобы ознакомить ее с этим материалом? Только тогда мы добьемся того, чтобы все выдающиеся явления в экономической жизни России оценивались не

Филологи составили исключение: на факультетском собрании они постановили принять «временные правила».

Большинство профессоров при первом требовании прекратило лекции. Флоринского, которому не могут простить его участия в комиссии, сдававшей в прошлом году в солдаты, обструкционисты прогнали свистками и ругательствами. Эйхельман заперся в аудитории с 8 слушателями. Взломали дверь и выгнали его. Забастовка вряд ли долго продержится. Самое лучшее, если закроют университет.

После сходки группа студентов чел. 100 или больше сожгли с пением перед университетом экземпляры «временных правил». Проф. кн. Трубецкой в знак протеста против «временных правил» вышел в отставку.

В Петербурге отношение студентов к «временным правилам» столь же определенное. Избранные студентами Спб. университета еще в ноябре курсовые старосты должны были демонстративно сложить с себя должность, так как получили отказ на свое предложение созвать общую сходку для обсуждения новых правил. Из 43 старост 33 подписали мотивированную резолюцию о своем отказе. Таким образом само начальство постаралось тотчас же показать сомневающимся еще студентам, как «свободны» дарованные им организации.

От выборов новых старост почти все курсы отказались. 5 февраля состоялась («незаконная») общая сходка, на которой 1063 голосами против 5 при 26 воздержавшихся принята резолюция, требующая «свободы слова, гарантируемой личной неприкосновенностью», и полной свободы студенческих организаций. 668 голосами против 118, при 72 воздержавшихся, принято решение об'явить забастовку. В технологическом институте студенты отказались принять «временные правила». На выборы по приглашению начальства из 1.200 студентов явилось только 200. В лесном институте на сходке 330 чел. (из 500 общего числа) отказ от «временных правил» решен е д и н о г л а с н о. В электротехническом институте проведено то же решение. В военно-медицинской академии сходка, в числе 255 чел., протестовала против учрежденных недавно «лагерных сборов» для студентов — мера, расхваленная «Нов. Врем.» и продиктованная стремлением дать будущим врачам «военную выправку». Медики решили в случае, если требование об отмене этих сборов не будет уважено, начать забастовку. 15 участников сходки исключены из академии, другие отделались выговором и арестом.

1 февраля в институте путей сообщения большинством 196 голосов против 19 принята следующая резолюция:

«1) События на юге России представляют собою новый акт насилия над студенчеством; 2) „временные правила“ не выдерживают критики, как проект студенческих организаций, и представляют из себя попытку увлечь студенчество на путь позорных компромиссов; 3) обещания возвратить пострадавших товарищей не выполнены; 4) из этого следует, что не только не устранены причины прежних движений, но есть поводы, достаточные для возобновления движения в Спб.; 5) в виду этого группа студентов института путей сообщения призывает петербургское студенчество к борьбе за общественные принципы прежних движений: I. неприкосновенность личности и II. свобода слова и организации, требуя при этом возвращения всех пострадавших товарищей».

6 февраля студенты горного института приняли ряд аналогичных требований большинством 237 против 87 гол.

В Риге в январе за участие в беспорядках исключено из политехникума 16 студентов, из них 5 без права поступления в какие-либо учебные заведения. 7 января сходка постановила отвергнуть «временные правила» и начать забастовку с применением обструкции. Вскоре в одной аудитории применили «химическую обструкцию»: разбили о потолок склянки с сероводородом; лекции прекратились.

В Харькове бастует ветеринарный институт.

Томские студенты отказались от «временных правил» большинством 222 голосов против 52. Здесь во главе движения стоит «Студенческий центральный революционный кружок». В его прокламациях энергично проводится необходимость слить студенческое движение с общей борьбой за политическую свободу и указывается на пролетариат, как на главного борца за нее. Комитет сибирского соц.-дем. союза обратился с воззванием к студентам, и центральный студенческий кружок в ответной прокламации выразил солидарность передового студенчества с пролетариатом.

Вообще, политическое и революционное настроение заметно берет верх в студенческом движении над умеренно-

---

только с точки зрения казенного, ново-временского, виттевского славословия, не только ради традиционного либерально-народнического нытья, а и с точки зрения революционной социал-демократии.

Ну, а теперь, — после этого нелиберального нытья, — теперь перейдем к делу.

I. Сберегательные кассы.

Сберегательные кассы — один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одно виттевское, а также и «критическое» славословие. Давиды[2] и Герцы[3], Черновы[4] и Булгаковы[5], Прокоповичи[6] и Тотомианцы[7], одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах, Каблуковых[8] и Карышевых[9]) на разные лады и голоса взывают: «Толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! Да вот одни уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты! А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах в 1899 г. и присмотримся к ним поближе. Всего в России было в 1899 г. 4.781 государственная сберегательная касса, в том числе 3.718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских кассы. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1.189, т. е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1.664 тыс. до 3.145 тыс., т. е. на полтора почти милл. (на 89%), сумма денежных вкладов с 330 милл. руб. до 608 милл. руб., т. е. на 278 милл. руб. или на 84%. Итак, повидимому, гигантский рост «народных сбережений»?

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-е годы и начало 90-х в с е г о б ы с т р е е шло возрастание суммы вкладов в г о л о д н ы е г о д ы, 1891 и 1892. Это — с одной стороны. А с другой — мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-е и 90-е годы, вместе взятые, на-ряду с ростом «народных сбережений» шел поразительно быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет р о с т д е н е ж н о г о х о з я й с т в а.

академическим. В Спб. во главе движения стоит «касса радикалов», об'являющая себя соц.-дем. группой. Политика обманов, проводимая министерством Ванновского, заметно революционизировала «левую» часть студенчества. Соответственно этому, «правая» сторона пытается более резко, чем всегда, проявить свою вражду к движению. Известно, что в Харькове она дошла до ходатайства перед ректором об удалении студентов-евреев, как виновников беспорядков. На одном из курсов Харьковского университета старостой был избран еврей. Реакционное меньшинство отказалось признать его старостой и бойкотом добилось того, что он отказался от должности. Эти реакционные замашки опираются, главным образом, на студентов 1-го курса, — печальное свидетельство разврата, который сеет наша средняя школа. В Спб. «правая» сторона составляла список всех «неблагонамеренных» студентов, чтобы представить его начальству и просить удалить их для ограждения спокойствия в университете. Начальство, конечно, благосклонно отнеслось к этой попытке. В проскрипционный список было занесено 120 имен, но что с ним сталось, — неизвестно.

В заключение отметим, что профессора повсюду выражают недовольство теми правилами об организациях, которыми Ванновский думал «успокоить» студентов.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В КИЕВЕ.

3 февраля.

Пишу под свежим впечатлением виденного. Это было только вчера, и уличная картина ярко рисуется у меня перед глазами.

Дня за три до второго февраля по городу распространялись листки от Комитета Соц.-Дем. Рабочей Партии и от Комитета социалистов-революционеров. Листки призывали к демонстрации на Крещатике в 12 час. 2 февраля. Я явился на Крещатик ранее 12 час. Вся правая сторона Крещатика (обычное место прогулки киевлян) от Прорезной до Фундуклеевской была покрыта тесной толпой публики. Значительно реже двигалась толпа от Прорезной до думы и от Фундуклеевской до Бибикова бульвара. На противоположной стороне Крещатика, как и обыкновенно, народу было гораздо меньше. Вдоль края тротуара, с обеих сторон Крещатика, вытянулась цепь городовых, каждый шагов на 30 друг от друга, вперемежку с квартальными. Главные силы полицейских чинов сосредоточились около гостиницы Бель-Вю и за почтой около двора № 22, где, как после я узнал, был скрыт отряд казаков с полсотни и пехоты не более роты. Гулявшая публика, повидимому, чего-то поджидала. Левая сторона Крещатика все гуще и гуще покрывалась самой разнообразной публикой, хотя вообще преобладала молодежь разных званий и состояний. Приблизительно в час дня с правой стороны Крещатика почти против Лютеранской улицы и недалеко от гостиницы Бель-Вю отделилась кучка в несколько человек и выступила на улицу. К очутившимся вне тротуара присоединилось еще несколько чел., в общем всего было чел. 25 — 30. Кто-то из них развернул красное знамя с надписью серебряными буквами: «Долой самодержавие!» и крикнул: «Долой самодержавие!» Толпа, бывшая на тротуаре, громко закричала ура. На кучку демонстрантов почти моментально налетели квартальные и конные городовые. Пристав, кажется известный мерзавец Закусилов, схватил знамя. На него посыпались удары палками, а демонстрантов стали хлестать нагайками конные городовые. Приставу здорово досталось, после он и не показывался, а знамя все-таки у него осталось. Утратили одно знамя демонстранты, развернули другое такое же и с надписью. Кое-кто говорит, что на другом была надпись: «Восьмичасовой рабочий день!» Второе знамя также быстро было отнято. Силы демонстрантов не подкреплялись. На тротуарах только кричали ура и как будто напирали, чтобы вытеснить публику за тротуар на улицу. Это мало помогало. Демонстрантов скоро смяли и окружили и загнали в ближайшие ворота. Думаю, что было не более 15 — 30 чел. А потом принялись преследовать близстоявшую публику. Били нагайками, палками (квартальные), шашками в ножнах. Я видел, как ножны разлетались на части. Вся борьба с демонстрантами у знамени продолжалась очень недолго, минуты две, много три. Неподалеку от этого места у так называемого пассажа полиция тоже набросилась на толпу. Самой расправы я не видел, но видел, как с того приблизительно пункта студенты-политехники несли избитого до потери сознания своего товарища Вячеслава (?) Вольского. Впереди шел квартальный. Несшие говорили, что Вольский убит. Потом мне пришлось слышать, что он пришел в себя, но останется ли он жив, не

Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь на рост (иногда даже только на стягиванье в центральные учреждения) *денежных* «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно *увеличение* денежных сбережений при *уменьшении* всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большею частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеющих крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом, вполне об'ясним на-ряду с ростом голодовок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного крестьянина новой сельской буржуазией, т. е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3-х милл. (2.942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 милл. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб. — как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа «счастливцев», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — *духовенство*: 46 м. р. по 137 т. книжек, т. е. по 333 р. на книжку. Попечение о спасении души паствы — дело, должно быть, небезвыгодное... Затем *землевладельцы*: 9 м. р. на 36 т. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далее — *торговцы*: 59 м. р. на 268 т. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потом офицера — по 219 р. на кн., гражданские чиновники — по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т. е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; «прочие занятия» — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 р.; *работа на фабриках и заводах* — по 136 р. и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 р.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, *последнее* место по размеру сбережений (не считая солдат, содержимых казной)! Даже прислуга

знаю. Полицейские разошлись. Публика продолжала оставаться на Крещатике. Через некоторое время появился отряд пехоты и остановился на углу Крещатика и Фундуклеевской. Вскоре показался фургон военного лазарета: видно, власти рассчитывали, что бойня будет изрядная. Прискакали казаки, а потом под'ехал и генерал Трепов. На средину улицы старались никого не пропускать, а с Крещатика на Фундуклеевскую преградили путь солдаты. Казаки маленькими кучками выезжали на тротуар и сообщали публике движение в ту или другую сторону. Останавливаться воспрещалось. Молчаливо-выжидательное настроение продолжалось с полчаса. Пехоту почему-то передвинули с угла Крещатика и Бибиковского бульвара. Казаки стали гарцовать по Крещатику. Большое количество публики потянулось вверх по Фундуклеевской. Говорят, около этого времени была большая свалка на Прорезной и на Ново-Елизаветинской. Я проехал по всему Крещатику и везде видел только массы двигавшейся публики. Пропасть народу виднелась на Прорезной, Фундуклеевской и Бибик. бульв. Часа в два, стоя на углу Бибик. бульвара и Крещатика, я слышал отдаленные звуки ура и пошел по Бибиковскому бульвару. Громадные толпы публики стояли с обеих сторон собственно бульвара, вытянувшись, главным образом, по Владимирской. По Владимирской же ул. вдоль стены университета и почти до здания военного окружного суда двигалась группа демонстрантов чел. в 200. Тут были, главным образом, рабочие, но много и студентов. Кое-кто из демонстрантов выкрикивал: «Долой самодержавие!» или «Да здравствует свобода!», а окружающие подхватывали громко криками ура. Начинали петь, но довольно нескладно: «Смело друзья!» Раз только удалось услышать пропетыми два куплета под-ряд. Демонстранты и публика появились тут часа в два и начали движение от угла Шулявской и Владимирской. Властей не было никаких: говорить и петь никто не мешал. Только часам к трем появились казаки, потом Трепов, а потом пехота. Производились аресты отдельных личностей. Тут же в присутствии Трепова казак, сидя на лошади, схватил за воротник рабочего, приподнял его и от'ехал с тротуара, нанося удары нагайкой, и другие казаки стали его лупить. Другой рабочий почему-то не понравился Трепову, и тот крикнул: «Взять его!»; рабочий пытался было убежать, но его поймали и принялись бить нагайками. В это же почти время избили студента. Толпу стали оттеснять на Владимирскую по направлению к городскому театру. Было между 3 и 4. Масса публики стояла справа и слева по Влад. и возле театра. Тут демонстрация приняла характер спорадический. В собравшейся толпе кто-нибудь крикнет: «Долой самодержавие!», толпа ответит громким ура. Казаки пускают своих лошадей в атаку и хлещут нагайками, кого попало. Побьют, иногда попутно поволокут кого-нибудь и раз'едутся. Рассеявшая толпа опять соединится, опять где-нибудь послышится ура или звуки: «Смело, друзья!», и казаки с верховыми городовыми снова приступают к исполнению своих обязанностей. Пока двери театра не были заперты, убегавшие от казацких нагаек могли прятаться в театр, но по окончании спектакля вскоре все двери были заперты, и пришлось лишиться такого хорошего убежища. Я ушел в половине пятого, вернулся после половины шестого. Демонстрация носила все тот же характер. Казаки и верховые городовые то налетали, то отступали. Главная масса публики и рассыпанные между ней демонстранты отодвинулись от театра по Фундуклеевской до Нестеровской. Около театра ходили власти — полицмейстер, несколько приставов и казачий офицер в высокой шапке и от поры до времени давали приказания то нападать, то отступать. Между 6 и 6½ час. я был на Крещатике. Там народу было много, но тревожного элемента не было заметно. В 11 час. ночи Фундуклеевская носила обычный характер, и даже более: движение было значительно меньше, чем обыкновенно. Число всех присутствовавших около театра можно определить тысяч в десять.

Демонстрацию вряд ли можно считать удачной. Заметна была недостаточность предварительной организационной подготовки. В противном случае, принимая громадные размеры публики и сравнительно ничтожные полиции, едва ли так скоро были бы уничтожены знамена и смяты выступившие демонстранты. Редко случается такое счастливое совпадение внешних условий: хорошая погода и масса публики. — К счастью, у властей тоже не было, повидимому, определенного плана действий. Массовых арестов не видал, хотя, по слухам, они были. Я постарался записать все то, что мне лично пришлось видеть.

В другом письме о демонстрации сообщается:

Сегодня, 2 февраля, на Крещатике, около часу дня, по данному сигналу (на углу Прорезной и Крещатика) образовалась посреди улицы толпа студентов универси-

---

имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 р. на кн. против 136 р.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 т. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводских рабочих — 157 т. кн. на сумму 21 м. р. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поставлен в худшие условия, чем их личная прислуга! Из всего числа русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух милл. чел.) только шестая приблизительно часть имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, — и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, отложенные до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главным образом об'емлется рубрикой «земледелие и сельские промыслы», — то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т. е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 мил. дворов или семей) с 126 м. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к крестьянской буржуазии. К этим и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п., — данные, которые выдвигают против социалистов гг. Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния», гг. либералы (и «критики») — чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии. Эти господа не замечают (или притворяются не замечающими) того, что упадок мелкого производства как раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеющих на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах это распределение таково: из трех миллионов вкладчиков один миллион имеет вклады до 25 руб. У них всего 7 м. р. (из 545 м. р., т. е. всего 12 коп.

тета и политехников чел. в 200, к которым с обеих сторон улицы быстро сбегались рабочие. Через секунду над толпой взвилось красное знамя с надписью «Свобода»; затем второе и третье знамя... Первое, обшитое золотой бахромой, величественно и плавно заколыхалось над толпой. Толпа зашумела, закричала что-то. Мгновенно прискакали конные полицейские, и началось избиение младенцев царем Иродом. Многие получили серьезные ушибы, а студенту Вольскому нанесены тяжелые раны. Ранен также один пристав. Демонстранты были рассеяны. Некоторых арестовали. Студент Вольский замертво упал, пораженный палкой и ударом по голове шашкой. Несколько студентов спаслось от нагаек в ресторане. Через несколько времени на углу Крещатика и Фундуклеевской образовалась группа демонстрантов. Демонстранты пошли вверх по Фундуклеевской с пением революционных песен. Пели нестройно, но зато отчетливо кричали: «Долой самодержавие!» С Фундуклеевской свернули на Владимирскую и около Прорезной были избиты нагайками. На Фундуклеевской улице снова образовалась толпа демонстрантов, которые с пением, свистом и криками поднялись вверх, пошли по Владимирской, мимо университета на Нижне-Владимирскую. Тут их догнали казаки и войско. Часть их жестоко избили, так что некоторые дамы, наблюдавшие бойню, падали в обморок, а часть в 40—60 чел. арестовали и отвели в ближайший участок. После сего казаки принялись разгонять толпу, но безуспешно. Любопытных зрителей было чел. до 15.000; разогнать такую толпу трудно одной сотней казаков. Около университета на пересечении Бибиковского бульвара и Владимирской улицы стояли плотные толпы зрителей, среди которых то там, то сям образовывались группы рабочих и работниц, певших, свистевших и кричавших: «Долой самодержавие!» Получалось такое впечатление, что протестует вся эта огромная масса скопившегося народа. Тщетно метались казаки и полицейские, дефилировали по каждому следу солдаты, — толпа, разбитая в одном углу, собиралась на другом, на третьем, четвертом, в проулках — и пела, кричала и свистала неудержимо. Среди зрителей сочувствие на стороне демонстрантов. Когда разнесся слух, что на углу Бибиковского бульвара и университета убили прикладами рабочего, толпа глухо заволновалась и выразила сожаление, что на демонстрации идут безоружными, а один извозец, увидев студентов, крикнул им: «Спасибо вам, панычи!» Я ушел в 3½ ч. дня, а толпа демонстрантов и публики нисколько не убывала. Особенное впечатление производила не столько демонстрация на Крещатике, сколько беспрерывная демонстрация на нескольких улицах сразу, так что казаки и прочая сволочь не знали что им делать—бить ли публику или только разгонять и оттеснять.

Третий очевидец сообщает:

Киев, 5 февраля 1902 г.

Двухдневный «бунт» в Киеве. Еще с утра, задолго до начала демонстрации, на улицах Киева можно было заметить необычайное оживление: простолюдины говорили о готовящемся «бунте», а лица из «общества» с иронией расспрашивали о предстоящей «революции». Издали доносился глухой звук барабана, — это маршируют по городу солдаты для устрашения обывателей. Накануне демонстрации была распространена масса пригласительных воззваний по городу, по фабрикам, заводам и мастерским, в учебных заведениях; в театре они тучами летели вместе с разноцветными листками на бенефисе артистки Пасхаловой. Воззвания были выпущены: Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией, недавно образовавшимся комитетом «Рабочего Знамени», соц.-революц. и студенческим «Союзным Советом». Прокламации первых двух организаций были печатные. Во всех прокламациях выставлялись требования политической свободы, свержения самодержавия. Таким образом, демонстрация этого года, как и прошлогодняя, носила общий антиправительственный характер и опиралась на союз учащейся молодежи с пролетариатом. Студенческая прокламация заканчивалась стихами, в которых подчеркивалась эта связь:

Пойдем к рабочему народу:
В союзе с ним нас ждет успех;
Пойдем за братство, за свободу,
Пойдем за равенство для всех!

Прокламация соц.-дем. Комитета в ярких выражениях обрисовала наше правительство: «Оно всеми средствами охраняет тот строй, при котором голод обездоленных кормит богатых, холод, от которого дрожат рабочие, греет эксплоататоров, слезы детей пролетариев драгоценными камнями сияют на одеждах тунеядцев»... Далее цитируются слова государя, произнесенные им в этом году на с'езде жандармов: «Надеюсь, что связь, установившаяся

из каждых 10 р. общей суммы вкладов!). Средний размер их вкладов—семь рублей. Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя треть общего числа, обладают лишь $^1/_{83}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 м. руб.,— в среднем по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаем, что больше половины вкладчиков (1,6 милл. из 3 милл.) имеют лишь 42 милл. руб. из 545, т. е. $^1/_{12}$. Из остальных состоятельных вкладчиков один миллион имеет от 100 до 500 р.—у них всего 209 милл. руб., по 223 р. на вкладчика, 400 т. вкладчиков имеют каждый свыше 500 р.; всего у них 293 м. р.—по 762 руб. на вкладчика. След., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя менее $^1/_7$ всего числа вкладчиков, обладают больше чем половиной (54%) всего капитала.

Таким образом, концентрация капитала в современном обществе, обездоление массы населения сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшого брата», для мало-зажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1.000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее в передовых странах, несмотря на большую «демократизацию» в них сберегательных касс. Напр., во Франции к 31 дек. 1899 г. было $10^1/_2$ м. кн. в сберегательных кассах на сумму 4.337 милл. франков (франк немного менее 40 коп.). В среднем на одну книжку это дает 412 франков или около 160 р., т. е. менее среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков ($3^1/_3$ милл.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 милл. фр. из общей суммы 4.337 милл., т. е. $^1/_{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют немного более половины общего числа (5,3 милл.), а имеют они всего 143 м. фр., т. е. $^1/_{33}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1.000 и более франк. (400 и более рублей), составляя менее пятой доли (18,5%) общего числа вкладчиков, сосредоточивают более двух третей (68,7%) общей суммы вкладов, именно 2.979 м. фр. из 4.337 милл.

Таким образом читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным

между мной и корпусом жандармов, — сказал „Ника-Милуша“, — будет крепнуть с каждым годом». Таким образом, раз'ясняет прокламация, «прежде русские цари лицемерно утверждали, что власть их опирается на любовь народа, который тащил на своих утомленных плечах раззолоченный трон тирана-самодержца. Но сознание проникает в массы рабочего народа, и живой фундамент, на котором стоит трон самодержца, начинает колебаться. Теперь царь не может говорить, что он силен народной любовью, и всенародно признает, что правит страной при помощи жандармов, правит кнутом и штыком». Из числа остальных прокламаций следует отметить еще прокламацию соц.-револ. к офицерам, казакам и солдатам, которая была распространена в большом количестве среди военных. Накануне демонстрации жандармами были произведены обыски во всех казармах, при чем прокламации, как говорят, были найдены только у пехотинцев.

Демонстрация началась в 12 час. С криками: «Долой самодержавие!» толпа, заполнившая тротуары Крещатика и состоявшая преимущественно из молодых рабочих и студентов, бросилась на середину Крещатика и запрудила небольшой участок его, между Лютеранской ул. и Прорезной. Над этой толпой взвилось три красных флага с надписями: «Долой самодержавие!», «Свобода слова, печати, собраний!», «Политическая свобода!». В ту же минуту рассеянные по всему Крещатику околоточные, городовые и конные стражники бросились на толпу и стали осыпать демонстрантов ударами нагаек и шашек. Знамена продержались не долго. Пристав Закусилов первый устремился на коне к знамени, нанося удары направо и налево, но через мгновение у него осталось лишь кнутовище в руках, под ударом он свалился с лошади и был отвезен в Александровскую больницу. Самое большое знамя было захвачено конным городовым, который долго еще ездил с ним по Крещатику взад и вперед, высоко держа его над головой. Демонстранты были оттеснены на тротуары. Несколько человек, избитых до крови, были отправлены на извозчиках в участок. Значительная часть демонстрантов, преимущественно студенты, оттесненные с Крещатика на Прорезную, захватив с собой уцелевшее знамя, с песнями поднялись на Б.-Владимирскую и по этой улице беспрепятственно дошли до университета. На Крещатике в это время конные городовые, «очистив» улицу, стали «очищать» и тротуары. Для этой цели они во весь опор стали скакать по тротуарам, переполненным народом, сталкивая с ног и нанося удары всем встречным. На подмогу городовым вскоре появилась сотня казаков. Избиение было бесчеловечное и производилось самым бессмысленным образом. Трех студентов, упавших под ударами без чувств, отнесли в ближайшие аптеки.

Не успели замолкнуть последние крики на Крещатике, как со стороны университета донесся рев десятитысячной толпы. Благодаря тому, что внимание властей было сосредоточено на Крещатике, демонстрантам удалось беспрепятственно достигнуть университета; здесь они пели всевозможные песни приблизительно в течение получаса. Вскоре прибыли казаки и стали разгонять толпу, заполнявшую Б. Бульвар и Б.-Владимирскую на большом протяжении. Опять засвистали нагайки. Появилась пехота, маршировавшая развернутым строем и передвигавшая таким образом толпу с одной улицы на другую. Под ударами прикладов упал один рабочий; его положили в лазаретную повозку Красного Креста, предусмотрительно заготовленную и следовавшую за войсками. Туда же скоро положили и казацкого офицера, упавшего с лошади от удара долота, метко брошенного ему в голову каким-то слесарем. Слесарь скрылся, а по указанию полицмейстера Циховского был арестован гимназист, находившийся в толпе. Около трех часов дня центр демонстрации переместился к городскому театру; здесь беспорядки с перерывами тянулись до 7 час. вечера, и здесь имели место самые возмутительные сцены дикого неистовства казацко-полицейской орды. Размеры корреспонденции не позволяют перечислить хотя бы некоторые из случаев этой зверской расправы. Особенно возмущает всех поголовное избиение публики, в том числе и массы маленьких гимназистиков, выходивших как раз в это время из театра после дневного представления. Гимназистики, осыпаемые ударами нагаек, спасались, подняв полы пальто, спотыкались, падали, но всюду, со всех сторон их настигали удары... Гоняясь за своими жертвами, казаки наполовину вскакивали в двери театра. Один казак, преследуя студента, в'ехал до середины высокой лестницы, выходящей на Театральную ул., но упал вместе с лошадью... Все это происходило на глазах и по приказу губерн. Трепова и полицмейстера Циховского. При виде такого зрелища следователь 3-го участка г. Киева обратился к Трепову: «Ваше превосходительство, вы имеете право арестовать, но к чему избивать дам?!» — «Аресто-

---

образом. «Критик марксизма» говорит: растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала. Социалист говорит: происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережения в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа?

Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усиливают могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры») распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов сотни миллионов на оплату своих китайских экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и проч. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 милл. руб. в сберегательных кассах 613 милл. руб. находились в процентных бумагах, а именно: **230** милл. в государственных займах, 215 милл. в закладных листах земельных банков и 168 милл. в жел.-дорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обращавшуюся в запасный капитал сберегательных касс), во-вторых, она заставляет вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства (заставляет их давать казне деньги взаймы). Средним числом с 1894 по 1899 г. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 м. р. в год, а выдачи по 200 м. р. По пятидесяти миллионов получается, след., ежегодно на заштопыванье путем займов дыр в мошне государственной казны, которой только разве ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасыванья денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму!

вать его!»... было ответом. Через несколько минут подбегает франтик-студент. «Ваше превосходительство, отдайте приказание: — женщин, детей бьют!»... Следует тот же приказ: «Арестовать его!»

Одновременно демонстрации и отдельные столкновения с полицией и казаками происходили и в других частях города; по всей Фундуклеевской, вплоть до анатомического театра, на площади около Владимирского собора, на Еврейском базаре, на Крещатике, на Софийской площади, около городской полиции и т. д. Грозный рев толпы, злобный и отчаянный, доносился в этот день из разных концов города.

На следующий день, в воскресенье, 3 февраля большая демонстрация произошла у городского театра в два часа дня по предварительному соглашению демонстрантов-рабочих. Затем около 7 час. веч. толпа демонстрантов чел. в 200—300, исключительно рабочих, с криками: «Долой полицию!», «Долой нагайки» и с неизменным «ура!» прошла по всему Крещатику от думы до Фундуклеевской, но здесь была временно рассеяна казаками. После того частичные демонстрации по Фундуклеевской и около театра не прекращались до часу ночи. По окончании вечернего спектакля вся Фундуклеевская до Крещатика и площадь перед театром были заполнены густой толпой, которая отделялась от тротуаров цепью городовых и солдат и не переставала петь революционные песни и «хоронить самодержавие». Войска были отозваны лишь в два часа ночи.

Во время всех этих демонстраций было произведено очень много арестов, при чем арестовывали отдельных лиц, а не группы демонстрантов, как это делалось в прежние времена. Многих отбивала толпа, многие сами освобождались. Аресты производились совершенно случайно и часто на совершенно отдаленных от демонстрации улицах. Всего за эти два дня было арестовано чел. около 200. Большую часть из них немедленно отпускали, некоторых даже не записывали. В настоящее время, 5 февраля, в разных местах заключения содержится около 100 чел. Интересно, что значительная часть арестов была произведена бранд-майором Козловским, которого пригласили для восстановления порядка, предполагая, очевидно, что он легко справится с пожаром народного возмущения. Но его вмешательство не принесло ожидаемых результатов. Рабочие встречали его грозные окрики смехом или ироническими восклицаниями: «Молчи, пожарная кишка!».

Убитых во время демонстрации, кажется, не было. По крайней мере, разнообразные слухи об убитом студенте, ходившие по городу, до сих пор еще не подтвердились. Раненых же очень много. Жандармский генерал Новицкий разослал во все больницы предписание сообщить фамилии обращавшихся в день демонстрации за медицинской помощью. Но раненые демонстранты избегали больницы, боясь встречи с лечившимися там полицейскими. Из чинов полиции более тяжелые ушибы получил Закусилов — самый грубый и наглый из всех приставов, хорошо памятный участникам «Ветровской истории»; но и его «рана» оказалась лишь простым повреждением кожи головы, совершенно не требующим больничного ухода. Тем не менее, Закусилов хотел остаться в больнице... и не напрасно: в тот же день к нему приехал губернатор Трепов благодарить за проявленное им усердие.

В числе избитых не мало самых благонамеренных: нам лично известно три военных врача и один офицер, которые сильно пострадали от нагаек, у одного глазного врача сильно поврежден глаз, дамы уходили с разбитыми в кровь лицами, в синяках, с рассеченными от удара нагайки ротондами, одному студенту обнаженной шашкой рассекли рукав пальто, тужурку и повредили руку.

Еще задолго до демонстрации вице-губ. барон Штакельберг, специалист по части «усмирения» крестьянских «бунтов» и притом «дремучий дурак», — во всеуслышание заявлял, что от Сипягина получен секретный циркуляр, коим предписывается подвергать телесному наказанию всех арестованных демонстрантов, принадлежащих к податным сословиям. Его угроза почти осуществилась с той лишь разницей, что били всех без из'ятия, не справляясь о звании. Не довольствуясь избиением на улицах, полиция продолжала избивать некоторых арестованных еще во дворе полицейского участка. Так, одного ученика коммерческого училища провели в участке сквозь строй двенадцати казаков, безжалостно избивавших его нагайками. Вся спина у бедняги оказалась исполосованной. Из Лыбедского училища до вечера доносились крики арестованных. Интересно, что местная администрация, губ. Трепов и генерал Драгомиров были на предварительном совещании против избиения, но подчинились предписанию департамента полиции. На последнем совещании у ген.-губернатора (4 февраля) по вопросу о пре-

---

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает, и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 г. процент по денежным вкладам равнялся 4,12%; по бумагам — 4,34%; в 1899 г. 3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление, общее всем капиталистическим странам и доказывающее наиболее наглядным и рельефным образом рост крупного капитала и крупного производства на счет мелкого, ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно также нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплоатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4.781 кассы—3.718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня — вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низшим начинающим служащим платятся буквально голодные платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, при чем перспектива грошовой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще покрепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 м. р. кассы вкладывают (по воле российского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 м. р. в жел.-дорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного... то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности, ведь, — говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные, — этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся собственниками железных дорог, владельцами закладных на землю. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально-крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п., на самом деле растет число имущих, число собственников, — а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, напр., русские фабрично-заводские

дупреждении дальнейших демонстраций жандармский ген. Новицкий рекомендовал ставить на месте, назначенном для демонстрации, казаков, которые провожали бы до самого дома каждого оказывающегося там студента и не выпускали бы его больше на улицу. Но план этот показался участникам совещания неудобовыполнимым.

Возмущение безобразной расправой царит повсюду: демонстранты на деле проявляли свое возмущение, давая сильный отпор «царевым собакам», — так во всеуслышание рабочие ругают казаков; «посторонняя» публика проявляла свое возмущение, защищая демонстрантов, вступаясь за них и укрывая от преследований. Самые благонамеренные лица осуждают такой способ «умиротворения», находя, что он достигает лишь обратной цели и, при существовании широких полномочий администрации, является ничем не оправдываемым произволом. Падение престижа самодержавия в широких слоях народа — вот ценный результат последних демонстраций. «Ну же и здорово осрамили самодержавие», радостно говорили друг другу рабочие, расходясь вечером по домам.

Только-что получено известие о демонстрациях и массовых арестах в Москве и Петербурге. Подробности в следующем номере.

Военный министр и рабочие. Приводим полученный нами документ, интересный не только с исторической точки зрения.

Резолюция военного министра на докладе (доклад по главному инженерному управлению, отд. II, стол второй, 15 июля 1898 г.) Начальника Главного Инженерного Управления Генерал-лейтенанта Вернандера об об'езде и осмотре кронштадтской крепости.

«Прошу доложить мне, какие принимаются меры, дабы улучшить положение рабочих на производимых в Кронштадте работах и этим удешевить и улучшить самые работы. В особенности меня занимает вопрос о рабочих на новых фортах, отрезанных от сообщения с городом. Прежде всего прошу доложить, что делается для удовлетворения религиозных нужд сих рабочих. Прошу справку, когда именно для сих рабочих совершалась церковная служба. Есть ли забота о правильном отдыхе, о духовном и правильно выбранном чтении. Есть ли забота, дабы отвлечь рабочих от кабака устройством чтений с волшебным фонарем. Обеспечена ли рабочим своевременная получка присылаемых им писем. Обеспечена ли посылка писем на родину или в Петербург. Не знаю, обеспечена ли медицинская помощь, но я не видел забот о чистоте помещений и одежды. Не знаю, часто ли осматривает рабочих доктор. Заботы о правильном сне не видел: спят на голых досках. Пищею, кажется, обеспечены достаточно, но в мой приезд щи оказались слишком тощими. Вид осмотренных мною рабочих, к сожалению, не веселый и недостаточно бодрый. Внутренней связи, благодетельной для дела, между строителями и рабочими не видел. При моем приближении некоторые рабочие не поднимались, не кланялись, не снимали шапок. Надо иметь в виду близость столицы и возможность пагубных влияний на рабочих разных отщепенцев русской земли на политической подкладке. Достаточен ли надзор. Хороша ли проверка документов. Не видел я в бараках достаточного числа икон, не видел царских, хотя бы самых дешевых, портретов. Прошу доложить мне, как именно обеспечивается положение рабочих контрактами. Какое назначено на поденной работе число часов работы. Предлагаю неотступно помнить, что нравственными ответчиками за рабочих являемся перед государем и родиной мы, а не подрядчики, поэтому и прятаться за подрядчиков, если в чем окажется неустойка, нам не приходится. Надо помнить, что, к сожалению, рабочий вопрос зреет и в России, что число случаев командирования войск для подавления беспорядков все увеличивается. Нельзя, чтобы военное ведомство относилось бездушно и безразлично к сему тяжелому и важному вопросу, мы черпаем из народа нашу главную силу, мы справедливо до сих пор гордились своим солдатом. Не следует поэтому относиться равнодушно, если материал, из коего черпается сила нашей армии, а за ним и солдат, ухудшается. Надо, чтобы в рабочем, в каком бы отделе военного ведомства он ни служил, мы по мере возможности поддерживали религиозное чувство, преданность государю, довольство своим положением, сознание, что на казенной работе, даже через подрядчиков, его никто не обидит. Напротив, что ему дадут защиту, если он будет обижен, что об нем отечески позаботятся, но и суровым образом поступят, если он того заслужит *. Этим путем каждый

---

* Все это надо делать серьезно, не заигрывая с рабочими, особенно не популярничая, не делая им послаблений. Рабочий чуток, он поймет фальшь и строгость, — если она справедлива, уважит.

рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 милл. руб., то около 5 милл. руб. из этой суммы вложено в железнодорожные займы, около 8 м. р. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять милл. рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов землевладельцами. Вот и толкуйте тут о пролетариате! Значит, рабочие эксплоатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку ренты, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таков ход рассуждения у новейших критиков марксизма... И — знаете ли что? — я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветствовать, ибо она внесла движение в застоявшееся, якобы, учение, — готов вот на каком условии. Французские социалисты изощряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа[10], немецкие — на распутывании софизмов Шульце-Делича, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю пока только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика!» — под условием, чтобы мы, социалисты, как можно шире вносили в свою пропаганду и агитацию среди масс разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие? Так по рукам! Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1.618 тыс. с капиталом в 42 милл. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, руб. на 6 «владеет» железными дорогами, рублей на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т. е. итти в рабство к собственникам средств производства. «Участие» же его в «железнодорожном и банковом» деле доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества

рабчий, получив свой хлеб за счет военного ведомства, будет с хорошим чувством вспоминать время работы на военное ведомство, будет крепко уважать начальство, которое его охраняло, верить в закон. Во многих случаях такой рабочий послужит оплотом своей деревни против зловредных идей и, быть может, остановит своих родичей от пагубных беспорядков, направленных против собственности или против власти. Кроме сих важных общих целей, ласки и внимание, оказываемые рабочему, забота о его душе, поддержание в нем соответственным чтением и рассказами преданности престолу послужит к образованию надежных кадров рабочих на наших продолжительных работах всех отделов Управления. Эти взгляды я проводил в жизнь 30 л. и всегда с успехом. Нельзя любить офицера и солдата и в то же время не любить рабочего. Я люблю тех и других. Надо, главное, охранять рабочих, чтобы их не обижали подрядчики и особенно рядчики. Нельзя давать рабочим потачки. Где требуется, — оказывать помощь и подрядчикам против рабочих, но чаще делать обратное. Смотреть, чтобы расплата происходила правильно, чтобы договоры с рабочими происходили правильно, чтобы счет прогульным дням не преувеличивался, чтобы у рабочих, работающих, напр., земляные работы с куба, находились в достаточном количестве тачки, катальные доски и пр. Надо наблюдать, чтобы в глухих местах в лавках подрядчиков продавались нужные предметы рабочим по таксе, чтобы в общем на этих лавочках подрядчики не наживались. Надо организовать отсылку денег рабочих на родину, чтобы они их не пропивали. Надо заботиться, чтобы работа не шла слишком форсированно при дурном помещении и пище. Зимою помещения должны быть достаточно теплые и светлые, даже землянки. Надо непременно дать возможность рабочим мыться. Предлагаю все изложенное принять к непременному руководству. Настоящую резолюцию предлагаю сообщить во все строительства и окружные Управления.

Подлинную подписал Куропаткин. 19 июня 1898 г.».

Современный помпадур.

По отношению к взятке русский чиновник занимает обыкновенно выжидательное положение. Сидит он в своей канцелярии, вооружившись статьями да циркулярами и ждет, пока взятка сама к нему придет. Если взятка недогадлива, он тонким намеком направит ее куда следует. Если она чересчур скромна, он ее поощрит одобрительным словом. Это чиновники оседлые. Есть еще так называемые чиновники-охотники, которые не ограничиваются выжидательным положением и идут взятке навстречу. Они рыщут по мутному болоту обывательской жизни и выслеживают и вымеривают, где эта жизнь не доросла до циркуляра или переросла его. Там и взятка зимует. — Но есть еще чиновники, которые, что увидят, то берут, без всяких циркуляров. К таким витязям принадлежит севастопольский градоначальник, адмирал Е. Феодосьев. Феодосьев офицер Черноморского флота. Он «патриот», и казенное добро от своего не отделяет, поскольку это позволяют другие сослуживцы, между которыми тоже не мало «патриотов» и которым тоже «все человеческое не чуждо». И во флоте есть чем поживиться. На обмундирование и на продовольствие матросов и на содержание и ремонт судов отпускаются громадные суммы. Выколоченные с народа рублики стекаются в казну и оттуда широким золотым потоком льются на потребности флота. Но пока золотой поток достигнет своей цели, добрая часть его разливается во все стороны по карманам различных «патриотов». В этом отношении много возмутительных фактов выяснилось во время так наз. «угольного процесса» в Севастополе в 1900 г. Оказалось, что нет такого предмета во флоте, при приобретении которого не брались бы взятки. При приеме угля, одежды, масла, муки и т. д. и т. д. совершаются непрерывные казнокрадства. За взятки негодные материалы принимаются за хорошие и квитанции выдаются на большее количество товаров, чем на самом деле поставлено. Но этим дело еще не кончается: приобретенные материалы крадутся из складов и продаются обратно частным лицам и потом опять покупаются для казны. Из севастопольских казенных складов увозили краденый уголь даже на казенных катерах, т. е. по поручению высшего местного начальства.

Так как такое казнокрадство совершается непрерывно, из года в год, то для него выработались определенные обычаи и формы, своего рода обычное право, по которому каждый участвующий получает свою долю. Понятно, что высшие чины, имеющие в этих делах определенный голос, получают львиную долю, другие делятся остатками. Так, для техников флота правильно взималось с каждого пуда принятого угля по ½ коп.

и отдельные классы. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве; теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее «частными», оставаясь все же почти всецело в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик несомненно сплетается с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения?—Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и будучи тем более независим от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики мельче и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил? Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в новую зависимость от крупного капитала. О распоряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по 4% = 1 рубль в год!). А вот зато в случае краха он теряет целиком даже и жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а усиление могущества крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства.

[Н. Ленин]

Установившийся порядок усердно охраняется. Если в приемные комиссии случайно попадали честные офицеры, не согласные на темные дела, то начальство удаляло их из комиссий и назначало других членов. Это происходило неоднократно. Точно также устранялись честные купцы, не дающие взяток. От них легко ограждаться целою сетью формальных придирок. Как в севастопольском, так и в батумском «угольном процессе» (1901г.) купцы многократно заявляли, что с морским ведомством честно торговать совсем нельзя.

Таким образом получается спевшаяся компания, которая вершит всеми коммерческими делами к взаимному удовольствию, члены которой богатеют, строют дома, одевают в шелк своих метресс и получают ордена.

Насколько взятка явление обыденное для чиновника, видно из того, что один из них взял в виде взятки даже гроб для своего умершего сына (обвин. акт по севастоп. угольному делу).

Упомянутый «угольный процесс» с его 44 обвиняемыми не мог раскрыть все злоупотребления, так как целью процесса было обвинением мелких алтынных воришек очистить от подозрений самых главных виновников казнокрадства — высших чиновников. Следствие велось по инструкциям из Спб. крайне односторонне, и тем не менее на суде председателю неоднократно приходилось прерывать нити преступлений, когда они тянулись выше капитанского чина.

Насколько эта комедия велась беспристрастно, можно судить по следующему факту. Какой-то свидетель простак начал рассказывать о злоупотреблениях при приеме какой-то партии масла. Ему задали вопрос: «А кто же принимал масло?» — «А вот этот!», показал свидетель пальцем на одного из судей (в числе судей были два офицера).

Феодосьев был одним из самых деятельных членов компания казнокрадов. Его рыло было сильно «в угле», но углем он не довольствовался: будучи командиром броненосца «Двенадцать апостолов», он тянул оттуда всякую утварь, материалы, — словом все, что мог. Недаром матросы острят, что из царских «12 апостолов» он украл одиннадцать.

Но по чину своему Феодосьев наказанию не подлежал, напротив, его пожаловали даже в градоначальники. Как таковой, он считался и командиром порта. Теперь он почувствовал в своих руках казенные склады, массу материалов и всякого добра. Руки у него зачесались, глаза разбежались. Прежде всего в портовом пакгаузе его глаза остановились на двух дорогих зеркалах, и он тут же приказал матросу снести их на толкучку, продать и половину выручки принести ему, а другую половину оставить себе. Матрос исполнил поручение и выручил 6 руб. Об этом начале деятельности узнало высшее начальство и испугалось, что Феодосьев для них ничего не оставит. Поэтому его устранили от должности командира порта и, оставляя его градоначальником, ограничили сферу его деятельности обывательским добром. Но тем усерднее он работает в этой отрасли, проявляя необыкновенный для такого чина «демократизм» и сближение с народом. «Он все сам», говорит обыватель. И действительно, «он все сам», сам даже ездит на базар, закупает для себя зелень, мясо и т. п. При этом он, стараясь поднять в народе нравственность, внушает купцам, что с начальства не следует требовать денег за каждый пустяк. Но народ испорченный, и нашему благодетелю нередко приходится прибегать к мерам строгости. Но пусть говорят факты.

Едет раз его превосходительство по базару. Вдруг взор его привлекается кругленьким поросенком, лежащем на прилавке какой-то торговки. Не долго думая, он велел уложить поросенка к кучеру и, не уплативши, продолжает свой путь. Торговка начала кричать о деньгах, но подоспевший городовой ее скоро успокоил: «Не следует быть жадной! А то — ».

Вскоре после истории с поросенком его на том же месте соблазнил барашек, привезенный для продажи деревенским татарином. Его п-ство остановился, полюбовался барашком и, выразительно посмотревши на сопровождавшего его городового, двинулся дальше. Городовой же немедленно забрал соблазнителя и утешил удивленного татарина, что заплатит ему аллах.

И точность любит его п-ство. Раз он указывает мяснику на телятину и спрашивает: «Сколько стоит?» — «15 коп., ваше п-во». Забравши целую ляшку, его п-во дает 15 коп. «Виноват ваше п-во, 15 коп. за фунт, а ведь — ». «Так бы сначала и сказал», отвечает его п-во и идет спокойно своей дорогой.

Другой раз в магазине его п-ву понравилась икра. Он потребовал два фунта и, уходя, заплатил 40 коп. Приказчик заикнулся, что следует ему не 40 коп., а 5 руб. Но его п-во величественно указывает на свои двугривенники и спрашивает: «А это разве не деньги?» Посрамленный приказчик развел только руками.

Раз супруга нашего помпадура закупила в магазине различных материй рублей на 100 и, уезжая, утешила купца, что муж заплатит. На другой день «муж», действительно, под'ехал к магазину и, не вылезая из экипажа, потребовал, чтобы ему дали на 20 коп. такого коленкору, какого его супруга вчера купила. Получив желанное, он уплатил 20 коп. и об'яснил: «Теперь мы квиты. Я, знаете, не люблю, когда за мной счеты водятся. До свиданья».

В других областях своей административной деятельности помпадур проявляет не меньшее усердие. Он не любит, напр. ссор между своими подчиненными и, когда он узнал, что младший городской врач спорит со старшим по поводу распределения тех сумм, которые получаются с публичных домов за медицинский осмотр, он приказал: «Деньги принести сюда, а я разделю!». Теперь деньги каждый месяц приносятся градоначальнику, за труд распределения он берет себе ровно половину, а другую разделяет поровну между врачами. И ссор между врачами совсем уже не бывает.

Не стану в подробностях описывать, как помпадур с руганью прогоняет приказчиков, явившихся к нему со счетами за забранные им товары, как торгует зависящими от него чиновничьими должностями (он устроил чуть ли не публичные торги на место полицмейстера), как он берет взятки за все, к чему имеет отношение (с кого-то он содрал три рубля за подпись иностранного паспорта). Любой севастопольский житель мог бы рассказать много подобных фактов, доказывающих все одно и то же — самое бесстыдное и нахальное нарушение царским наместником того закона, во имя которого он правит. Он все может, осуществлению его прихотей нет никаких границ. Что значит несколько рублей для человека, получающего огромный оклад и в виде взяток собирающего еще гораздо большие суммы? И если он все-таки совершает такой бесстыдный грабеж, иногда из-за 2—3 руб., то это не только из жадности, а скорее из сознания своего всемогущества. Он настоящий наместник всемогущего царя и верный и откровенный выразитель практической политики нашего правительства. И если вы его спросите о границах его власти, он, быть может, откровенно вам скажет: «Прежние правители всея России, напр., блаженной памяти Игорь, сами ходили по домам и собирали поросят и все, что им следовало и не следовало. А теперь Россия так велика, что его имп. вел. одному не справиться, и он назначил себе наместников, осуществляющих царскую неограниченную власть». И что бы ни говорили книги, в действительной жизни такая философия неопровержима. Обыватель совершенно бессилен против грабежа, совершаемого представителями царя. Кому он будет жаловаться, как не тем же чиновникам, которые при первой попытке протеста об'явят его государственным преступником, сгноят в тюрьме или размелят в мельнице полицейских придирок. Жаловался же на нашего градоначальника полицмейстер Матвеев, прогнанный им из Севастополя, и выкладывал петербургским властям всякие деяния его. Но так как градоначальник имеет в Спб. «руку», то все жалобы не имели никаких последствий, и Феодосьев продолжает править, как правил до сих пор, и будет благополучно отнимать у торговцев поросят и барашков до тех пор, пока не умрет или по старости не выйдет в отставку, осыпанный царскими милостями, чинами и пенсиями.

А обыватель, видя все это, только вздохнет и покачает головой. Но, спохватившись, он пугливо озирается, не услышал ли кто его антиправительственного вздоха.

Подвиги новой «партии». Новоиспеченная в Минске «Еврейская Независимая Рабочая Партия» [11] стала выпускать «Летучий Листок», в котором пропагандирует свои идеи. В № 1 она горячо плачется на преследования со стороны социалистов.

«Независимая Рабочая Партия» не захотела считаться с тем, что не все люди способны воспринять новое слово (еще бы! Особенно, когда это новое слово зубатовского происхождения! Ред.) и критику старого.

«...Как только Независимая Партия приступила к работе, сейчас же начались со всех сторон гонения. Вместо того, чтобы выслушать новое слово, задуматься над ним, начались преследования ее агитаторов, преследования не только словами, но и побоями.

«Ее приверженцы стали известны под именем „зубатовцев" и „легализаторов" еще задолго до того времени, когда их выслушали. Как и во всякой сутолоке, так и здесь выступило на сцену множество „крикунов" с безмозглыми головами, но зато с сильными глотками и на всех рабочих праздниках и собраниях кричали с скрежетом зубовным: „долой, долой!".

«При таких-то ужасных условиях приступила к работе Независимая Рабочая Партия. Но все-таки она не упала духом, ибо чувствовала, что правда (и Зубатов! Ред.) на ее стороне. Она агитировала еще с большим жаром, силой почти (!) заставила понять свою программу, и она, действительно, сделала большие успехи... Товарищи! Не для разрушения, а для созидания явились мы; мы хотим создать могучее и широкое движение, которое защитило бы рабочего от эксплоатации капиталистов и от всех несчастных случаев в его жизни. Мы наметили себе цель — самую святую цель, которая и быть только может, а именно: поднять материальное и культурное состояние рабочего класса, доказать ему, каким путем добиться хлеба и знаний... Мы употребим все средства, как легальные, так и нелегальные, — лишь бы они принесли пользу рабочему классу при его современном ужасном положении».

В «Письме к об'единенным еврейским рабочим» новая партия исследует положение еврейского пролетариата и находит, что он терпит от трех зол: от эксплоатации хозяев, от необеспеченности работы и от собственной тьмы (от русского правительства, от собственного политического и гражданского бесправия еврейский рабочий, конечно, не страдает, это выдумка тех «безмозглых крикунов», против которых борется новая партия).

Констатируя малую успешность той экономической борьбы, которую до сих пор вели минские рабочие, партия задает вопрос: «В чем же причина слабости наших организаций? Вина падает на нас самих! Так как наши учреждения считаются не только экономическими, но и социал-демократическими, т. е. политическими, то мы не принимаем в них таких рабочих, которые еще не выработались в социал-демократов, если не смогут стать таковыми... Что же касается рабочей массы, то мы ее прямо пугаем тем, что мы политики... Отсюда ясно, что мы сами себе вредим в своей экономической борьбе тем, что наши организации ставят себе политические цели».

Рекомендуя устройство касс взаимопомощи и артелей, партия ставит вопрос, почему эти «мирные» средства не практиковались еврейским пролетариатом, и ищет причин этого факта не в отсутствии свободы союзов, а во вредном влиянии социал-демократии.

«Как партия политическая, она стремится к тому, чтобы пользоваться исключительно теми средствами, которые способствуют революционизированию рабочего класса; такими средствами являются стачки, но ни в коем случае не касса взаимопомощи или артель. Кроме того, партия старается, чтобы движение шло конспиративно: она никаких легальных средств не допускает (Вот как! А мы думали, что «легальн. средств» не допускают гнусные законы России. Ред.) и все это с той целью, чтобы рабоч. классу еще более ненавистно было самодержавное правительство. А так как устройство касс взаимопомощи, артелей и проч. нелегальным образом не имеет смысла, ибо их можно устроить легально, то партия совершенно не допускает их. По своим расчетам она, быть может, и права. Но рабочая масса не желает, да и не должна она желать того, чтобы ее материальные интересы приносили в жертву каким-то политическим целям (прежде всего материальные интересы рабочих масс приносятся в жертву политическим целям царского самодержавия, которое, напр., до сих пор об'являет стачку уголовным преступлением!! Этого давно нет ни в одной европейской стране. Ред.). Жизнь доказала, что рабочий класс тогда только в состоянии улучшить свое материальное положение, когда борьба его идет рука об руку с кассами взаимопомощи и другими полезными учреждениями, что касса борьбы имеет значение только в том случае, когда существуют кассы взаимопомощи, артели и т. д.; что кассу взаимопомощи гораздо удобнее и легче устроить легальным образом, чем нелегальным. Теперь является вопрос, почему еврейскому пролетариату не создать всего того, что для него является насущной необходимостью? С какой стати ему считаться с тем, что для политической партии невыгодно!».

Итак — для поднятия материального положения рабочих нужны легальные учреждения, т. е. союз с правительством. А для поднятия культурного уровня нужно, по мнению Независимой Рабочей Партии, войти в союз с буржуазной интеллигенцией. Социал-демократы, видите ли, преподают в рабочих кружках «исключительно социал-демократическую программу». Напротив того, «рабочая партия должна стремиться к организации клубов, читален, лекций как разрешенных полицией, так и неразрешенных ею; она должна привлекать интеллигентов каких бы то ни было политических убеждений и даже без оных и организовать для них кружки».

Из всего этого делается такой вывод:

«Культурные и экономические работы настолько многочисленны и обширны, что является необходимость отделить их от политической работы и создать вполне самостоятельную экономическую рабочую партию, для которой культурная и экономическая работа служила бы целью, а не средством политической борьбы и которая не находилась бы в зависимости от какой-либо политической партии, а, напротив, об'единила бы рабочих всех партий, но только не политиков, на почве экономической и культурной работы».

Мы слышали, что еврейские сионисты, т. е. представители еврейской буржуазии, очень благосклонно отнеслись на своем конгрессе к новой «рабочей» партии. О благосклонном отношении к этой партии Зубатова и полковника Васильева наши читатели уже знают. Так и должно быть по самой сути вещей, ибо «экономическая рабочая партия» есть не что иное и не может быть ничем иным, как орудием буржуазии и правительства против освободительного движения пролетариата.

Нижний-Новгород. На рождестве Нижегородским Комитетом Партии было распространено следующее воззвание:

Ко всем офицерам Нижнего-Новгорода.

Никогда еще русскому самодержавию не грозила такая опасность, какая грозит в настоящее время. Никогда еще дух недовольства и протеста не захватывал столь широкие слои русского общества и никогда так ясно и отчетливо не чувствовалось всеми, что главный виновник всех настоящих неустройств и бедствий — самодержавное правительство.

Самый опасный и самый непримиримый враг его — промышленный пролетариат—никогда еще в своем движении не достигал той степени организованности и революционного воодушевления и пыла, какие присущи ему в настоящее время. Современное русское рабочее движение вышло уж из стадии мелкой борьбы за отдельные уступки со стороны капиталистов и выступило на широкую арену борьбы политической. Соц.-дем. организации отдельных городов все крепче сплачиваются между собой в одну общерусскую революционную партию для совместной революционной борьбы с русским правительством, и русский пролетариат,

под руководством его передовых сознательных борцов, понял, что интересы фабрикантов и заводчиков старательно оберегаются царской полицией и царскими штыками. Повторяем, теперь дело идет уже не об одной борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня и т. п., но о борьбе за политическую свободу. И эта борьба ведется не разрозненными силами рабочих отдельных заводов, мастерских и фабрик или отдельных городов, но об'единенной соц.-дем. рабочей партией.

Но не один рабочий класс враждебен правительству. Деревня, забитая и запуганная вековым рабством, теперь тоже глухо волнуется. Истощенные непосильным бременем налогов, вечно голодающие, лишенные самых примитивных человеческих прав, крестьяне протестуют и стараются сознательными глазами взглянуть на окружающую их действительность. Симптомами пробуждения деревни служат все чаще повторяющиеся аграрные бунты и все более широкое и быстрое распространение сектантских учений, несмотря на жестокие преследования и гонения со стороны правительства. Современное сектантское движение не есть продукт религиозного чувства, оно — результат политической мысли и недовольства своим социальным положением. Упомянем еще, что в России существуют, хотя и немногочисленные, крестьянские союзы, которые ставят своей целью — борьбу с царским правительством.

Так обстоит дело с «низами», с фундаментом русского общества. Но оппозиционным настроением полны также «верхи» — буржуазные классы общества. Мы не станем говорить здесь о настроении интеллигенции: факты, которые мы имеем в виду, слишком общеизвестны, чтобы их стоило напоминать. Мы хотим указать на рост оппозиции в среде либерального дворянства. Дело в том, что в современной России господином положения является промышленная буржуазия, и всякий раз, когда экономические интересы дворянства сталкиваются с ее интересами, правительство становится на ее сторону. Мы не имеем возможности входить здесь в подробности и поэтому для примера напомним хотя бы о высоких пошлинах на иностранные сельско-хозяйственные машины ради охранения карманов русских фабрикантов и о неудачных ходатайствах земств о понижении этих пошлин. Оппозиция либерального дворянства за последнее время не только не идет на убыль, но даже, напротив, обостряется. Прошлым летом в одном из губернских городов состоялся тайный с'езд земских деятелей — факт небывалый в русской общественной жизни. А прошлой весной с'ехавшиеся в Москве на совещание по народному образованию дворянские предводители подняли вопрос о правильных сношениях между либеральными дворянами отдельных губерний в целях совместного противодействия антиземской политике правительства. Напомним еще о речи орловского предводителя дворянства Стаховича о свободе совести, произнесенной на с'езде миссионеров. Все эти симптомы свидетельствуют о повышении оппозиционного настроения либерального дворянства. И вот правительство, сознавая это, все энергичнее ведет наступление на либеральные земские учреждения, разжигая тем еще более оппозиционный дух земцев.

А в это время перед ним встает уже новый вопрос, вопрос о недовольстве среди самой промышленной буржуазии. Дело в том, что русское правительство не только не заботится о том, чтобы поддержать свой престиж в глазах того класса, который является опорой его, но, привыкнув считать себя непобедимым, все нахальнее игнорирует желание целых групп населения, входя в стачку с отдельными лицами. В сущности, в настоящее время вся страна находится во власти небольшой шайки. Министры-взяточники, в руках которых царь является простой игрушкой, в своей деятельности руководятся своими собственными интересами и интересами своих родственников, друзей и прихвостней. Взятка, неблаговидная услуга, посещение министерских приемных с заднего крыльца—вот что создает благополучие отдельных лиц, ради которых приносятся в жертву интересы — не говорим уже всего народа, ибо его интересы всегда приносились в жертву, — но даже интересы целых групп промышленной буржуазии и дворянства. В настоящее время, кажется, трудно встретить в России человека, который был бы доволен правительством: недовольство, быть может, не всегда ясно сознанное, проникает, во всяком случае, буквально во все слои и классы русского общества. И что весьма важно — исход из настоящего положения дел большинство видит лишь в одном: в ограничении царского самодержавия. Это ограничение в глазах большинства дает возможность отдельным классам, группам и слоям населения столковаться между собой и установить известный modus vivendi.

Недовольство русского общества из скрытого уже переходит в явное, общество начинает протестовать. Все чаще повторяющиеся уличные демонстрации, в которых принимают участие представители самых различных общественных групп, разнообразные петиции и адреса, настойчивые ходатайства и жалобы земцев, студенческие беспорядки, заявления всевозможных просветительных и других обществ — все это свидетельствует, что волна недовольства встает все выше. К тому же движение из спорадического делается почти беспрерывным. Правительство, конечно, видит это и готовится к борьбе, пуская пока-что в ход нагайки казаков и кулаки городовых, оно приберегает на конец ваши штыки. Оно рассчитывает пойти с вами, офицерами русских войск, на кровавый бой со всем русским народом, русским обществом. Оно надеется что военная дисциплина и страх кары заставляет вас стрелять картечью в собственных отцов, братьев, знакомых. Оно спокойно, ибо верит в вас.

И мы, обращаясь к вам с этим посланием, приглашаем вас задуматься самым серьезным образом над всем, сказанным в нем. Мы приглашаем вас подумать о вашей роли в предстоящих событиях, которым мы дадим здесь настоящее имя — революции, и рекомендуем уже заранее определить в них свое место. При этом мы напомним вам, что в З. Е. в эпоху революции войска часто действовали против правительства заодно с народом. Мы напоминаем вам, что на одной стороне стоит шайка воров и грабителей, на другой — все русское общество. Мы напоминаем вам, что 4 марта текущего года некоторые из ваших товарищей обнажили свои шашки в защиту беззащитных граждан, избивавшихся жандармами и казаками.

Мы могли бы кончить этим, но мы хотим сказать еще несколько слов о местных делах. Уже не раз русское правительство посылало русских офицеров против рабочих, чтобы защитить от них карманы фабрикантов, и уже не раз, благодаря вмешательству войск, рабочие проигрывали стачки и вновь становились за станки голодные, изнуренные и больные. Уже не раз, благодаря вашему содействию, фабрикантам удавалось отказывать рабочим в увеличении их заработка на несколько коп., чего они требовали. В настоящее время, когда промышленный кризис выбрасывает на улицы тысячи работников, предприниматели спешат воспользоваться удобным моментом для понижения заработков рабочего. То же происходит в Нижнем и Сормове. Рабочее население последнего волнуется, и вот уже заранее вас предупредительно держат наготове, чтобы повести на бой с голодными и безоружными людьми. Рабочие Сормова требуют, чтобы были сохранены прежние расценки, которые позволяли им сравнительно сносное существование. Они требуют, чтобы во всех цехах были вывешены табели расценков, так как отсутствие их ведет к тому, что в начале работы обещают один расценок, а по окончании ее расплачиваются значительно ниже; они требуют, чтобы заводская администрация не делала без их согласия незаконного вычета копейки с каждого заработанного ими рубля в кассу церковно-приходского попечительства, тем более, что расходование образовавшихся таким путем сумм происходит совершенно бесконтрольно. Вы видите, что справедливость и право на стороне рабочих, на стороне же предпринимателей — обман и насилие. И мы спрашиваем вас, неужели вы не замечаете той позорной роли, которую вас заставляют играть?

Когда усилий полиции, жандармов и шпионов оказывается недостаточно, тогда они через губернатора обращаются за вашей помощью, и вы поступаете в их распоряжение, чтобы сберечь какому-нибудь фабриканту или заводчику несколько тысяч рублей, которые он затем бросит на проституток и пьянство. Силой ваших штыков при-

крываются хозяйские мошенничества, и за вашей спиной в трогательном единении прячутся сытые буржуа и шпионы. Мы не знаем ничего более позорного, более способного уронить достинство человека. И мы приглашаем вас задуматься над вашей печальной ролью слуг полиции и шпионов. — 24 октября 1901 г.

Нижегородский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Из прошлого. Приводим документальный рассказ о событии, имевшем место 20 лет тому назад. Этот рассказ очень поучителен и, быть может, послужит маленьким предостережением для тех сибирских палачей, которые доводят политических ссыльных до их отчаянных геройских поступков.

«Копия с протокола.

«1882 года сентября 16 дня в квартире военного губернатора Забайкальской области генерала Ильяшевича была допрошена читинским полицмейстером при бытности заобластного прокурора старшего советника забайкальского областного правления Семенова, задержанная по обвинению в нанесении раны выстрелом из револьвера в его превосходительство государственная преступница Кутитонская, которая показала:

«Зовут меня Марья Игнатьевна Кутитонская, 26 лет, вероисповедания православного, девица, происхожу из дворянского звания, имею в живых отца, проживающего в г. Одессе, Херсонской губ., состоящего на службе секретарем коммерческого суда, состояла под судом в 1879 году по делу 28, по принадлежности к тайному преступному сообществу, и по приговору одесского военного окружного суда сослана в Восточную Сибирь в каторжные работы, сроком на 4 года. 15 января 1880 г., прибыв на Кару, была помещена в особую для государственных преступников тюрьму; от работ уволена 23 июня 1882 г. и затем отправлена на поселение в гор. Акшу, куда прибыла 1 июля (?). В Акше проживала на квартире у мещанина Ивана Хохла, фамилии которого не знаю, уплачивала за квартиру с содержанием 12 р. в месяц. Деньги были собственные, полученные в разное время от моего отца, которые высылались по 10 руб. в месяц на имя заведующего нерчинскими ссыльно-каторжными, и затем в г. Акше через окружного исправника — 40 руб. Проживая в городе, никаких определенных занятий не имела, была знакома с проживающими в г. Акше местными жителями, которых по фамилии назвать отказываюсь; у них бывала, и они — у меня, но как часто — об'яснять не желаю; кроме местных жителей, имела знакомство с проживающими в Акше уволенными от работ государственными преступниками: Михаилом Терентьевым и Эсфирью Геллис. Из Акши выехала самовольно в ночь на 14 число сентября в г. Читу с целью, которую и привела в исполнение, по ранее задуманному мною намерению, без всякого постороннего участия. В г. Читу прибыла 16 числа сентября, в котором часу, — не помню; каким порядком ехала, где переменяла лошадей, кто был ямщиком — на все эти вопросы отвечать не желаю, а узнайте сами. Прибыв в Читу, была привезена в окружное полицейское правление и сдана ямщиком помощнику исправника, откуда с казаком была отправлена на квартиру к окружному исправнику Письменнову, которому и заявила о своем желании видеть губернатора для об'яснения по своему личному делу. Исправник Письменнов, взяв меня с собою, доставил в дом губернатора, где оставил в передней, а сам пошел для доклада Его Превосходительству. Через некоторое время, определить в точности не могу, исправник, отворив дверь из приемной в переднюю комнату, сказал, что войти можно. Войдя в приемную комнату, губернатор стоял в нескольких шагах от двери, в которую я вошла, и в то время, когда он ко мне приблизился, то я тотчас же выстрелила из имеющегося у меня шестиствольного револьвера, того самого, который был поднят с полу и пред'явлен мне при настоящем допросе. Где сохранялся у меня револьвер по прибытии в дом губернатора и откуда я таковой приобрела, отвечать не желаю. Мотивы совершенного преступления желаю написать сама.

«Все меры, применявшиеся в последнее время сибирской администрацией по отношению к государственным заключенным, не достигали желаемых вами результатов. Вы уничтожили переписку даже с близкими родными и порвали решительно всякую связь с внешним миром, упразднили вольные команды и обрекли заключенных на пожизненное тюремное сидение, желая обратить их в живых мертвецов. Но это не подорвало глубокой веры революционеров в правоту их дела. На все меры строгости они отвечали побегом из тюрем, в то время когда компетентный во всех отношениях г. Галкин ревизовал тюрьму и вводил инструкцию, целью которой было обращение революционеров в стадо мирных баранов. Пораженные фактом побега, государственные мужи, поседевшие в делах правления, вы обратились к позорным, унизительным мерам — единственным, достойным вашего умственного и нравственного мировоззрения. Вы решились посягнуть на человеческое достоинство и личную неприкосновенность людей принципа и чести, — людей, понимающих права человека и гражданина и строго проводящих их в жизнь. По отношению к этим людям вы применили дикую меру бритья головы и повального избиения безоружных и беззащитных заключенных при помощи штыков и прикладов вооруженных рассвирепевших казаков. Этой отвратительною расправою правительство вызвало террор в Сибири, и сибирская администрация является ответственным за него лицом. Все меры грубого насилия вы можете обратить в систему, но не забывайте, что вы боретесь не с отдельными людьми, а с идеей, с неумолимыми законами развития национальной жизни. Не забывайте, что революционная идея все более и более становится достоянием массы и что столкновение штыка с идеею вызывает страшную грозу.

«Подписала поселенка Мария Кутитонская.

«С подлинным верно:

«Обер-аудитор окружного штаба статский советник Гладков».

За это покушение Кутитонская была приговорена к каторге. В 1886 г. она умерла в каторжной тюрьме.

Встреча Нового года в орловской тюрьме. До последнего времени в орловской тюрьме существовал такой порядок деления предпраздничных пожертвований, при котором со стороны заключенных присутствовали их выборные — старосты. В нынешнем году этот порядок был изменен, и все пожертвования были разделены самой администрацией тюрьмы. По словам смотрителя тюрьмы, эта перемена была вызвана тем, что будто бы выборные заключенные входили в сделку с надзирателем и брали себе львиную долю добычи. По другой версии, наоборот, именно на этот раз надзиратели, бесконтрольно производившие раздел пожертвований, использовали новый порядок далеко не в пользу арестантов. Как бы то ни было, но новый порядок раздела пожертвований вызвал крупные недоразумения между арестантами, завершившиеся всеобщей свалкой. Прибежавшего для водворения порядка смотрителя кто-то из арестантов окатил щами (все это происходило в обеденное время), в надзирателей полетели чашки, ковши и все, что попадалось под руку расходившейся толпе. Не будучи в состоянии справиться с «бунтовщиками» своими средствами, смотритель вызвал по телефону полицмейстера, который и явился в сопровождении приставов, околоточных и городовых. Приехали в тюрьму также губернатор Г. И. Кристи и прокурор П. С. Пороховщиков. По команде полицмейстера, городовые кинулись на арестантов и разогнали их по камерам, при чем не обошлось без побоев. Казалось бы, бунт усмирен и власти могли бы спокойно раз'ехаться по домам. Но губернатору и прокурору показалось, что они слишком мало приняли участия в усмирении «бунта», а, кроме того, русские административные традиции требуют от администратора, услышавшего слово: «бунт», отвечать словом: «пороть!» Так поступили и в данном случае гг. Кристи и Пороховщиков. И вот орловская тюрьма, более 15 лет не видевшая (к чести ее сказать)

в своих стенах телесных наказаний, накануне 1 янв. 1902 г сделалась свидетельницей возмутительной расправы. Сечению подверглись несколько человек арестантов, остальные же были «помилованы». Губернатор и прокурор, все время присутствовавшие при экзекуции, непосредственно из тюрьмы явились в Дворянское Собрание, где орловское общество собирается в Новый год для принесения взаимных поздравлений. Там им пришлось выслушать очень язвительное, довольно громко произнесенное поздравление: «с победой и одолением!» от одного из собравшихся. Вообще же, к чести Орла, нужно сказать, что такие меры «усмирения» не находят сочувствия даже в консервативных кругах.

Письмо из Ярославля. Было бы не совсем правильно связывать происхождение той политики, которая теперь общеизвестна под именем зубатовщины, с именем бывшего провокатора-предателя, а ныне начальника московской охраны — пресловутого Зубатова. История деятельности одного помпадура, которую мы собираемся сейчас рассказать, может послужить свидетельством того, что честь изобретения у нас этой системы принадлежит, пожалуй, не Зубатову, а некоторым его гениальным предшественникам, ну хотя бы, напр., камергеру е. в. двора Б. Штюрмеру — нынешнему ярославскому губернатору. Об этом именно господине мы и собираемся повести речь. Начал Штюрмер свою карьеру в Твери, сначала в качестве слегка окрашенного в либеральный колер гласного, а затем председателя Тверской губернской управы «по назначению». Но и на этом последнем посту он не растерял свой, с позволения сказать, «либерализм», а сохранил и приумножил, ибо без такого рода бутафорской принадлежности в столь «неблагонадежном» земстве, как Тверское, трудно с успехом парадировать в роли дирижера, особливо при наличности такого несмываемого пятнышка, как «по назначению». Нужно полагать, что усвоенная Штюрмером при таких условиях тактика «заигрывания» не шла в разрез с видами и намерениями высшего начальства, ибо доблестный камергер довольно быстро шагнул из предводителей в губернаторы (кажется, в 1899 г.). В этой новой роли он неуклонно продолжает вести свою линию и успел уже ознаменовать свое губернаторство блестящей деятельностью на поприще ярославского просвещения и общественности.

Начал Штюрмер с организации общества взаимопомощи и клуба, под заманчивым названием «Парус». Во главе стал сам губернатор, а ближайшее сотрудничество с ним по этому делу разделили его приближенные — чиновники его канцелярии и т. п. лица. Само собой разумеется, что для нечиновничьей интеллигенции там места не нашлось. Если просмотреть номера местной газеты «Северный Край» за то время, то даже из нее легко будет усмотреть между строк, как, уже в самом начале жизнедеятельности «Паруса», властной рукой помпадура душилась всякая здоровая инициатива, всякая хорошая попытка, не входившая в полицейские расчеты просвещенного администратора (особую услугу при этом ярославскому Зубатову сослужил известный российский жупел, именуемый «неблагонадежность»). Понятно, что, в конце концов, не нашлось желающих подвергать себя всем возможным опасностям плаванья под штюрмеровским «Парусом», и этот парус пришлось снять. Несколько, однако, ранее краха «Паруса» предусмотрительный камергер спустил на озеро ярославского прогресса новую ладью под другими парусами. На выкинутом флаге широковещательно красовалось: «Общество для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в народе». История этого общества очень похожа на первую историю. На председательском кресле в совете общества поспешил усесться, как это и нужно было ожидать, все тот же Штюрмер; он же по § 26 устава является непременным председателем и «общих собраний». В результате — «общество» оказалось мифом: «совет» для ради некоторой видимости что-то такое затевал, устроил, напр., несколько грошовых народных библиотек; что же касается общего собрания, то оно вот уже два года, как ни разу не созывалось, ибо сие не благоугодно было г-ну губернатору. В ответ на это никто не смеет и пикнуть. В последнем эпизоде характерно, между прочим, то, что первоначальная инициатива в этом начинании принадлежала местной интеллигенции, и лишь любезное, хотя и непрошенное «содействие» высокопоставленного прогрессиста и подхалимоватая покладистость местного общества превратили начатое дело в мерзость запустения.

История возникновения и первых шагов третьего общества — «взаимопомощи учителей и учительниц» носила уже несколько иной характер. Здесь интеллигенция пробовала было отстоять свою самостоятельность и свое дело от мертвящего проникновения в него штюрмеровского элемента *, но в конце концов «жизнь взяла свое» — руль утлого суденышка попал в крепкие лапы Штюрмеру, и общество поплыло под его испытанным парусом.

Наконец, наш ярославский Гарун-аль-Рашид облюбовывает своим хищным взором юридическое общество при местном юридическом лицее, пользуясь благосклонной, — вернее, раболепной поддержкой со стороны известного своим «сердечным попечением» о студентах директора лицея Шпилевского, и прочей профессорской братии из класса пресмыкающихся. Здесь он всегда восседает одесную председателя и благосклонно пользуется любезно предоставленным ему правом первого голоса.

В заключение нам остается сказать еще несколько слов об отношении Штюрмера к местной газете. Нужно заметить, что московский Зубатов еще не додумался до создания своего собственного органа печати, между тем как Штюрмеру эта мысль была не чужда. Давая свое разрешение на возникновение «Сев. Края», дальновидный ярославский Зубатов рассчитывал иметь в лице этой газеты свой собственный, так сказать, полуофициоз, долженствующий заняться делом создания прочной популярности его славному имени. Но тут расчет его оказался недостаточно тонок: скромная подцензурная провинциальная газетка оказалась настолько все-таки приличной, что от роли трубадура, воспевающего гнусливым голосом доблести своего покровителя, уклонилась, государственной мудростью Штюрмера не восхищалась и вообще губернаторских надежд и ожиданий не оправдала. Все, чего успел достигнуть по отношению к ней превосходительный хищник, это — просто придушить и обесцветить ее: всякая, самая даже невинная, критика мероприятий или действий местной администрации, а отчасти и дел, касающихся городского или земского самоуправления, выходит за пределы для нее дозволенного (по этому поводу редакция получила даже особый циркуляр от губернатора). Чем кончится эта неравносильная борьба — неизвестно. Может быть, если бы Штюрмер повел дело несколько политичнее, если бы он попробовал об'явить себя близким приятелем прогресса, надежным другом свободного слова или кемниб. в этом роде, если бы он не очень уж свирепо тискал несчастную газетку в цензурных клещах, то — почем знать — не достиг ли бы он по отношению к ней искомой цели? Ведь наша великомученица-интеллигенция до того исстрадалась от неласкового обращения, что одним ласковым словом можно вызвать из ее глаз целый поток благодарных слез и купить, пожалуй, все ее нутро... Впрочем, не будем гадать, а то, чего доброго, г. Штюрмер подслушает наши откровенные признания и намотает их себе на ус ...

Теперь наше ярославское общество как будто немножко раскусило своего интересного губернатора-либерала. Даже такой мало интересный элемент, как местные земцы, — и те обнаруживают свою неприязнь к новому фокуснику. Так, напр., во время последней сессии блестящий камергер, против всякого обыкновения, был обойден приглашением пообедать вместе с господами земцами.

---

* Так, напр., на первом собрании членов Штюрмер взобрался было по привычке на председательскую трибуну, хотя никто его председателем не выбирал и никто из местных Гостомыслов перед ним в пояс не раскланивался с просьбой оказать собранию такую честь. Это обстоятельство вызвало «интерпелляцию» со стороны одного из членов, и в результате произошло небольшое «недоразумение».

Южнорусской Группой Социал-Демократов изданы два нижеследующих воззвания:

I.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ.

20 января часов в 11, когда представленная в Русском и Городском театрах близились к концу и публика все свое внимание сосредоточила на сцене, с галлереи посыпались вниз и разлетелись по всем направлениям прокламации, выпущенные по поводу позорного братания царя с жандармами. Одновременно с этим раздались громко твердые голоса:

Долой русское самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Да здравствует социализм!

Это было сделано двумя нашими товарищами (рабочими), совершенно ясно понимавшими всю важность и значение этого акта.

В истории русского соц.-дем. движения это первый случай открытого заявления протеста, которое русское общество услыхало при подобной обстановке, протеста против гнета и насилия, против зла и неправды.

Если это не говорит русскому царизму о количестве его врагов, то говорит о том, что сознательные враги бесстрашны, что их не пугает ожидающая их дикая расправа, что они всегда готовы отдать все свои силы, свою свободу, всю свою жизнь на борьбу с царящим у нас бесправием, произволом и гнетом.

Это покажет силу не только личностей, идущих на открытую борьбу, но и силу партии, выдвигающей эти личности, силу идеи, которая одушевляет всех нас в этом неравном бою.

Пусть этот открытый протест наших товарищей будет одной из тех искр, из которых возгорится могучее пламя разольется по всем уголкам России и сожжет чудовищный русский царизм.

Пошлем же наш братский привет нашим отважным товарищам и всем борцам за свободу.

Повторим же за ними:

Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!

Прочитав, — передайте товарищам.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократов.

II.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЧИНАМ АДМИНИСТРАЦИИ.

Дошедшие до нас сведения о крайне грубом обращении полиции и жандармов при обысках, а также во время допросов, заставляют нас обратиться к чинам администрации с напоминанием, что рабочие — люди с весьма развитым чувством человеческого достоинства и не желают безнаказанно сносить незаслуженные оскорбления, которым они подвергаются всякий раз, как им приходится иметь дело с полицией. При этом приходится констатировать тот факт, что подобное обращение позволяют себе не только низшие полицейские чины, к которым подчас нельзя пред'являть в этом отношении слишком строгих требований, но и высшие чины администрации, которые должны были бы подавать своим подчиненным пример сдержанного и вежливого обращения с попадающими в их руки лицами. Кроме того, нам известно, что заключенные в одесской тюрьме должны не редко прибегать к голодовкам, чтобы избавиться от тех подчас бесцельных стеснений и ограничений, которые налагают на них не в меру усердные тюремные власти.

Поэтому мы считаем себя вынужденными рекомендовать чинам администрации, чтобы они усвоили себе более вежливое обращение с привлекающимися по политическим делам лицами, внушили это своим подчиненным, позволяющим себе нередко наносить побои арестованным рабочим и не доводили заключенных в тюрьме до голодовок, крайне вредных для людей, и без того обессиленных более или менее продолжительным сидением в одиночном заключении.

В противном же случае мы ни за что не ручаемся, так как рабочие, озлобленные дошедшими до них фактами кулачной расправы полиции с рабочими, готовы, в случае повторения подобных фактов, на протест, могущий принять совершенно нежелательные формы.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократов.

Одесса. За последние три года движение в Одессе сильно развилось. До этого у нас в течение 90-х гг. не раз вспыхивали отдельные огоньки, но жандармам скоро удавалось выхватывать главарей, и огни эти замирали. Уцелевшие сознательные рабочие оставались одинокими и не в силах бывали продолжать начатого. Но время шло, сознание рабочих развивалось, и вот, наконец, нескольким лицам удалось положить основание настоящей организации с Одесским Комитетом во главе. Работа пошла, как это, к сожалению, часто бывает, по линии наименьшего сопротивления. Наиболее легкой почвой оказались ремесленники, которых в Одессе насчитывается очень много, а самым легким способом пробуждения сознания оказалось развитие стачечного движения. Сперва портные, дамские и мужские, потом одно ремесло за другим были охвачены этим движением. Стачка следовала за стачкой, многие из них имели успех. Агитация и пропаганда велись на почве насущных экономических интересов и дальше этих интересов не шла. Од. Ком. выпускал прокламации к стачечникам чисто экономического характера. Ни слова не было ни о политической борьбе ни о социализме, если не считать социализмом призыва в заголовке: «Пролетарии и т. д.». Материальное положение ремесленных рабочих стало заметно улучшаться, но, дойдя до известной ступени, оно дальше, конечно, пойти не могло. В тех отраслях, где улучшение дошло до пределов возможного при стачечной борьбе и вообще современных условиях, — движение остановилось. Надо прибавить, что большинство ремесл носит сезонный характер. С окончанием сезона многие завоевания сводятся к нулю, так как рабочие почти все распускаются. С началом нового сезона надо чуть не сызнова начинать борьбу. Отметим еще одну черту, характерную для описываемого движения, именно, — развить движение в ширь, а не в глубь. «Глубь» решительно отдавалась в жертву «шири». От этого движение теряет в своей прочности, люди захватываются в него слегка, развитие большинства остается элементарным. Жизнь, однако, шла своим чередом и все громче заявляла о своих правах. События 1901 г. не прошли бесследно: они произвели и в Одессе сильнейшее впечатление на сознательных рабочих. Рабочие глухо волновались, и многие рвались к демонстрации. Несмотря на тормозящую тактику Одесского Комитета, политическое сознание рабочих все росло и росло. Образовавшаяся в начале октября минувшего года новая «Южная Революционная Группа Соц.-Демократов» отвечала вполне назревшей потребности, и успех ее превзошел все ожидания. И среди рабочих Одесского Комитета оказалось и развилось под влиянием новой группы такое брожение, что Од. Комитет повернул в сторону политической агитации.

Скоро после того произошла стачка на табачной фабрике Попова. Одесский Комитет сначала выпустил воззвание с экономическими требованиями. Рабочие (почти все подростки) держались стойко. В стачку вмешалась полиция и пустила в ход все меры: арестовывала на дому и на улицах, насильно тащила к станку; арестованных продержали недели три и выслали по глухим местам «на родину»; высылали и малолетних, без средств, — словом, все обычные приемы. Одесский Комитет выпустил вто-

рую прокламацию к рабочим Попова, где раз'яснялось, что «правительство тоже наш враг» (после капиталистов), и заканчивал призывом: будем требовать от правительства свободы стачек, собраний и т. д. Это было уже вполне в духе прежней деятельности Одесского Комитета, хотя ново было здесь, как и в ционистской прокламации, открытое выступление с политическими требованиями. Стачка у Поповых ничем не кончилась, так как рабочие частью были высланы, частью разошлись по другим фабрикам. Полицейское же вмешательство даже на самых несознательных подействовало удивительным образом. Многие девушки говорили: «Мы ничего не делали, и с нами полиция так подло обошлась, так уж лучше „делать", чтобы знать, за что нас мучают». В ноябре Одесский Комитет распространил № 2 «Летучего Листка Рабочего Слова», где выяснялась роль правительства только как защитника капиталистов и землевладельцев. Наконец, в декабре был распространен № 3 «Летучего Листка Рабочего Слова» о милитаризме, где доказывалась выгода милитаризма опять-таки исключительно для капиталистов. Появление всех перечисленных изданий, начиная с ционистской прокламации, знаменует сильный поворот в направлении деятельности Одесского Комитета: переход к открытой письменной политической агитации. Правда, после первого колебания влево, Одесский Комитет стал снова проводить свой взгляд, что наше самодержавие не есть самостоятельная сила, с собственными интересами господства, а лишь простая равнодействующая господствующих классовых сил. Такое доктринерство заставляет об'яснять все жестокости нашего азиатского деспотизма просто как... усердие правительства не по разуму... для пользы капиталистов. Так, в ционистском воззвании ставится вопрос: кому нужны эти зверства? Нет ответа, ибо они, право, никому не нужны. Точно также в политическом воззвании к рабочим Попова говорится приблизительно так: «мы сидели себе смирно, никого не трогали, мирно отказались работать, а правительство... и т. д. Известно, что фабриканты не всегда хотят доводить репрессалии по отношению к рабочим до их «логического» конца: им слишком опасно иметь дело с озлобленными рабочими. Но им уже не удается остановить расходившуюся в защиту «престол-отечества» полицию. Так было и с Поповым: ему Шувалов (градоначальник) отказал в освобождении рабочих, которые ему были необходимы на фабрике. И выходит по Одесскому Комитету, что в деле Попова все жестокости полиции — простое переусердствование полиции в деле защиты интересов капиталистов.

Южная Р. Г. С.-Д., устроивши свои внутренние дела, принялась в ноябре выполнять свою программу, — развивать агитацию среди широкой массы, развивать ее политическое сознание, не дожидаясь каких-либо особых событий, вроде ционистских избиений или безобразий у Попова. Первым делом было выпущено общее воззвание к рабочим и особое — к оппозиционной интеллигенции. Не ограничиваясь обычным разбрасыванием по рабочим кварталам и раздачей по рукам, Ю. Р. Г. Соц.-Дем. решила распространить воззвания и в публичных местах, на виду многочисленной публики. И вот, сначала в аудитории на чтении лекций для народа, а затем одновременно в двух главных театрах: в Русском и Городском были разбросаны листки с блестящим успехом во время игры. Жертв из Группы не было, но некоторые посторонние лица временно пострадали. Это была, своего рода, открытая мирная демонстрация: белые бумажки с ярко-красными ленточками летели по всему театру. В первую минуту публика не поняла, в чем дело, но скоро, сообразив, стала прятать бумажки по карманам. Кроме того, было разослано еще по домам почтой много этих же прокламаций.

Заговорили везде и повсюду о социализме, политической борьбе, в то время как прежде, кроме некоторых слухов о стачках и арестах, ничего не слышно было в области «нелегального». Дальнейшая деятельность Ю. Р. Г. С.-Д., так сказать официальная, состояла в выпуске листка в память 14 декабря. Затем в декабре же были выпущены листки к каменоломщикам, к железнодорожным рабочим, к рабочим пробочных заводов. К новому году был выпущен № 1 «Летучего Листка Ю. Р. Г. С.-Д.».

Такова внешняя деятельность Ю. Р. Г. С.-Д. Внутренняя же ее деятельность неизвестна и обнаружится только по истечении немалого времени. Если Ю. Р. Г. С.-Д. употребит все усилия, чтобы поставить движение в Одессе прочно, закрепить глубоко его корни, содействовать всестороннему развитию рабочих, втягиваемых в борьбу, то за нею останется огромная заслуга в развитии сознательного соц.-демократ. движения в Одессе.

От редакции. Помещая эту корреспонденцию, принадлежащую, очевидно, стороннику одной из двух одесских соц.-демократических организаций, мы, разумеется, оставляем на ответственности автора об'ективность данной им характеристики Одесского Комитета. С своей стороны, приветствуя энергичный почин «Южно-Русской Группы Соц.-Демократов» в деле внесения в одесское движение новой струи, мы выражаем надежду, что пионерам политической агитации в Одессе удастся убедить несогласных с их тактикой товарищей успехом своей деятельности и тем сделать возможным восстановление организационного единства в рядах одесских соц.-демократов.

Екатер. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии обратился с следующей прокламацией:

Ко всем рабочим г. Екатеринослава.

«Царские опричники никак не могут успокоиться. Им мало показалось крови, пролитой 15 декабря. Они не удовлетворились тем, что целый месяц гноили в тюрьме 53 человека, между которыми попались 15-летние мальчики и старые набожные евреи. Они мечутся теперь, как угорелые, тщетно стараясь отыскать постоянно ускользающих из их рук революционеров.

«В ночь под 16 января они напали на мирно спящий Екатеринослав, обыскали школы, библиотеки и частные квартиры. Арестовали всех, кто им показался почему-либо подозрительным. Велик страх царского правительства перед рабочим движением, товарищи! Оно видит теперь, что все, кто ненавидит его самодержавный произвол, кто борется с бандой хищников, все стекаются под знамя социал-демократической партии. Оно знает, как много у него врагов, потому с ожесточением и набрасывается на всякого, кто кажется им крамольником. Чего же хотим мы, сознательные враги царского правительства?

«Мы добиваемся свержения самодержавия, этого старого покровителя крепостного права, мы требуем законов, которые сняли бы с нас тяжесть налогов и повинностей, мы стоим за уничтожение солдатчины, так как не хотим убивать таких же, как мы, людей, ради выгоды капиталистов, мы добиваемся права защищать свои интересы от наглости эксплоататоров и отказываемся от полицейской опеки правительства. Мы хотим сами управлять своими делами, говорить на собраниях и писать в газетах все, что полезно нам. Десятки лет уж длится наша борьба с насилием и хищничеством. И эта борьба не проходит бесследно. Мы вынудили правительство считаться с нашими требованиями, больше — оно нас боится. Правительство понимает, что перед красным знаменем рабочей революции неминуемо должно пасть царское самодержавие и все, чем оно держится: капиталисты, чиновничество и полиция... а самое главное — мы выучились бороться, товарищи! Мы ясно теперь сознаем свое политическое бесправие и экономическое угнетение. Мы знаем, кто наши враги, в чем смысл нашей упорной, но победоносной борьбы. Опыт прежних лет не пропал для нас.

«Вы видите все, что после набега жандармской сволочи, как и перед набегом, мы сильны своей организацией, своей сплоченностью. И еще не раз мы будем ужасать правительство и капиталистов своею несокрушимой силой до тех пор, пока не рушится царский трон от ударов многомиллионной мускулистой руки рабочего, пока не восторжествует новый социалистический строй жизни, основанный на всеобщем равном для всех трудящихся праве на счастье. Итак, товарищи, дружно вперед на новую борьбу! Да здравствует соц.-демократия, долой капиталистов, долой самодержавие!»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Николаев. В ночь на 21 января произошли в Николаеве аресты в связи с массовым разбросом прокламаций. Незадолго перед тем в местном адмиралтействе Юрьев разрешил на праздниках рабочим не приходить на третий день рождества, а потом, по приказанию высшего начальства, их оштрафовали. Когда рабочие выразили протест, он четырех уволил. По этому поводу были разбросаны прокламации 13 января. Из Николаева переведен в Тамбов старшим фабричным инспектором Влад. Влад. Рюмин. Он разыграл в Николаеве из себя либерала и даже красного, на деле был в близких отношениях с жандармерией, и многие местные провокаторы обязаны своей карьерой Рюмину. Рюмин — усердный последователь зубатовской политики. Газета «Южная Россия» от 25 января сообщает, что Рюмин проектирует уже открыть в Тамбове «общество потребителей рабочих», очевидно, подобное тому, какое существует в Николаеве. Этому господину поднесли при от'езде прочувствованный адрес с подписями, которые собрали провокаторы.

На-днях рабочие судостроительного завода вывели из мастерских мастера, надевши ему мешок на голову, что вообще практикуется с подобными господами. Из-за этого «мешка» несколько человек было уволено.

Воронеж. Имеется у нас казенный винный склад, работающих на нем человек 200, преимущественно девушек. Заработок очень и очень невысокий, самый высший 12 руб. Обращение со стороны заведующих, хотя лиц и с высшим образованием, далеко не безукоризненно. Допускаются всякие шуточки, выходки. Требуется в складе безусловная чистота, от работниц требуется, чтобы они являлись чисто одетыми. При малом заработке это является не легкой обузой. Каждое отделение должно за день очистить не менее определенной нормы числа бутылок. Но в найме работниц казна так экономна, что существующего комплекта еле-еле хватает для выработки нормы в 10-час. рабочий день; на обязанности же работниц лежит подмывание пола. Для этого работниц, не платя им лишней платы, каждый день задерживали на полчаса. На их заявления, что они не обязаны этого делать, следовала площадная брань, более заносчивых увольняли. Наконец, терпение работниц не выдержало, и они в обед, вместо того, чтобы разойтись, собрались на дворе для выбора депутации к управляющему. Управляющий, помнящий разгром харьковского винного склада, моментально уступил. После этого со стороны заведующего начались бесконечные мелочные придирки, ругань же он не считал нужным прекратить. Слесаря страшно довольны девицами. Следует им теперь подумать о дальнейшем улучшении своего положения. А местным социал-демократам пора бы обратить внимание на положение рабочих казенного склада.

Завод Понизовнина, Костромской губернии.

На паточный завод Понизовнина местные крестьяне подрядились возить картофель. Добрый хозяин, радея о нуждах крестьян и не желая заставлять далеко ездить за покупками, устроил у околицы лавку. При приеме картофеля происходило самое бессовестное обмеривание. Завод остроумно завел «нормальный» четверик, в который обыкновенно входит 1½. Когда же приходится получать деньги, то удивленному крестьянину дают какую-то мелочь — остальное пошло на уплату долга в лавочку. Некоторые падают на колени, просят пощадить, другие же решили возить на другой завод или в город. Но лавка так успела запутать крестьян, что они все не могут расплатиться... Приказчик лавки, как хищная птица, выслеживает проезжающих крестьян, и раз заметил — все кончено! — воз сваливают и об'являют, что завод принял картофель, дают денег по прежней «нормальной» цене и затем об'являют, что осталось за крестьянином столько-то. «Доколе, господи?» — шепчут крестьяне. Дотоле, ответим, пока будете терпеливо сносить всякое издевательство.

В Костроме и Иванове были выпущены прокламации по поводу усиленной охраны.

Нижний - Новгород. Начальник «электрички» пустил в ход угрозы и подкуп, чтобы добиться от служащих, кто давал им «Рабочую Газету». Напрасно тревожился: между этими служащими, получающими гроши за свой труд, не нашлось ни одного, который согласился бы опозорить свое честное имя за деньги, обещанные Левестамом. За выдачу обещался гонорар в 100 руб. Этот факт показывает добровольному сыщику Левестаму, что таких преданных негодяев, как он, среди привыкших к честному труду — немного.

В Сормово накануне Николина дня нагрянули жандармы, произвели несколько обысков и ничего не нашли. Через несколько дней, 12 декабря, по поводу понижения расценка, в медно-литейном цехе было расклеено и распространено по заводу и поселку 800 прокламаций. Вслед за тем выпущено было 1.200 прокламаций по поводу введения усиленной охраны. Прокламации читались с интересом: лишь весьма малое число их попало в заводскую контору и полицию. У расклеенных на столбах прокламаций собирались прохожие; кто-нибудь читал вслух, а все прочие внимательно слушали, прерывая чтение возгласами, вроде: «батюшки, что пишут и ведь с разрешения комитета». Начался усиленный сыск, установлены непрерывные ночные и дневные дежурства целых отрядов шпионов как в заводе, так и на улицах. Обыскивали при входе в завод каждого опоздавшего к началу работ. Покуда никакого толку из всех этих стеснений для жандармерии не получается. Наконец, 17 декабря двинуты были в Сормово войска: 6 рот усиленного состава с боевыми патронами. К чему потребовалась такая необычайно энергичная мера, — понять невозможно, так как в Сормово никаких волнений, никакой стачки еще не начиналось. Пройдя разок по Сормову церемониальным маршем, войска расположились близ Варь и открыли пальбу, словно на маневрах. Через день, впрочем, они были отозваны, хотя, говорят, 100 человек долго чего-то ждали на пожарном дворе.

Вышел в свет № 2 «Летучего Рабочего Листка». Содержание: 1) усиленная «охранка», 2) хроника нижегородских арестов, 3) В. С. Арефьев и нижегородская охрана, 4) палка о двух концах, 5) как я сделался социал-демократом, 6) настроение нижегородской учащейся молодежи, 7) харьковское побоище, 8) о нижегородских ремесленниках.

Пошехонский уезд, Ярославской губ.

Пошехонский уезд славится развитым маслоделием так же, как и соседняя с ним Вологодская губ. Вдали от железных дорог «затерялось небогатое наше село»; земледелие почти совсем не кормит, приходится или искать подсобных промыслов, или уходить куда глаза глядят... Уйти при существующих деревенских отношениях не так-то легко: паспорт в наиболее захудалых деревнях достать трудно; упорно держатся правила — помирать, так всем помирать... И тихо, незаметно помирают. На этой почве нищеты и земельного утеснения (отсутствие пахотной земли) пышно расцветает наше маслоделие. Завод сам по себе очень небольшой, количество работающих на нем редко достигает десяти человек; ручной двигатель, несколько сепараторов, приемная изба — вот и весь «завод». Зато около этого маленького гнезда вьются часто целые деревни, для которых он является единственным «поильцем-кормильцем». Прежде чем откроется такой «завод», происходит «скупка деревень», т. е. заключение с крестьянами ближайших деревень условия, по которому они обе-

щаются доставлять молоко заводу и только ему. Сначала дают задатки, хорошо платят за молоко, разрешают оставлять немного молока дома. Раз произошло «приучение» или, как говорят некоторые заводчики, «приручение» крестьян, картина меняется. Начинается браковка молока, задерживается расчет; с развитием производства (а дело это наживное) требуют доставки полного удоя, иначе грозят совсем не принимать; некоторые семьи и сами начинают тянуться за большим заработком. В результате семья начинает питаться одним хлебом, да «отделанным» молоком, сипороткой; этой сипороткой кормят и детей; быстро начинает развиваться дизентерия: детская смертность повышается, и любимой песнью деревни становится:

Сипорат — плоха машина,
С молока болит брюшина и т. д.

Разоренный собственно двор, и на нем три коровы, служащие часто доказательством для народников, что развитие маслоделия (особенно артельного) повышает благосостояние... Любопытно здесь отношение маслоделов к артелям. Когда-то Верещагин насаждал здесь артели, быстро распавшиеся; их место заняли деревенские артели; я уже указывал, что особенно трудно поставить дело сначала, «приучить» крестьян. Много денег зря выходит, много хлопот, неуверенность, что наладилось дело. Эту первоначальную, организационную работу для капиталистических маслоделен с успехом выполнили верещагинские артели. Маслоделы не забыли этой выгодной операции: нередки случаи, когда желающий поставить завод подбивает крестьян устроить артельное предприятие, дает даже ссуды и когда артельное начинание в силу задержки кредита начинает хиреть (а в такой будущности каждый умный кулак уверен), заимодавец «спасает» артельщиков и берет их под свое отеческое попечение «со всеми кишками и потрохами», как говорят крестьяне. Таков смысл всех артельных начинаний, ту же роль сыграет и народничествующее ярославское земство. Самым же верным средством закабалить крестьян служат лавочки. Заводов без лавочек почти нет; расплата товарами (truck system) применяется самым широким образом. В деревне, в которой носят молоко, обыкновенно уже другой лавки нет. Цены в заводской лавке раза в 2—3 дороже обычных; зато отпускают и в долг и за счет принесенного молока. Обязательства к заводу крепко опутывают крестьянина; когда же он думает вздохнуть, поспевает правительство со своими податями, недоимками и окончательно придушивает крестьянина. Попробуйте найти выход. Что касается рабочих, то их положение так скверно, что обыкновенно идут совсем разорившиеся... Картина этой эксплоатации, совершающейся где-то в тиши и дали, могла бы вскрыть много интересного; я лишь случайно попал в эти места и потому не мог достаточно подробно вникнуть в эти отношения; прошу товарищей, стоящих ближе, поработать над собиранием этого материала.

Приказчики в Минске. В № 4 издающейся на еврейском языке газеты «Минский Рабочий» (орган «Бунда») находим следующие подробности о положении местных приказчиков:

«Неприглядна жизнь приказчика у нас в Минске. Поступив 12—13 лет в лавку, он в течение первых трех лет работает на правах „мальчика“ и получает за все это время всего-на-всего 80 рублей, подвергаясь таким мучительствам, которые ставят его на одну доску с запроданным рабом; он метет лавку, топит печи, моет посуду, бегает на побегушках, вообще исполняет роль прислуги и часто ее заменяет. По истечении трех лет он становится заправским приказчиком и начинает получать от 1 р. 50 к. до 2 руб. в неделю. Это значит, что после трех лет каторжного труда он добивается такого положения, которое его вынуждает постоянно обращаться за помощью к родителям и родственникам и кормиться на их счет, а если он иногородный и не имеет других ресурсов к жизни, кроме своего заработка, то он обречен на голод, холод и всякие лишения. С течением времени заработок приказчика повышается и может дойти до 4 руб. в неделю. Рабочий день непомерно длинен, в среднем 15 часов. Положение приказчиц еще хуже, плата их в среднем не больше 1 р. 50 к. в неделю. Приказчиков и приказчиц насчитывается в Минске до 1.800, из которых значительная часть ходит без работы».

С мая 1900 г. приказчики организовались в кассу борьбы и начали ряд стачек.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АВСТРИЯ.

Бойня в Триесте. 3 февраля 200 истопников на пароходе общества Ллойда прекратили работы, требуя сокращения рабочего дня и других мелких улучшений. Стачка была вызвана новым распоряжением общества, которое удлиняло и без того длинный рабочий день истопников. Австрийское правительство тотчас же вмешалось в стачку. Преследовать стачечников законным путем оно не могло — австрийская конституция признает свободу стачек; но оно могло командировать на суда общества истопников с казенных пароходов, и оно это сделало. Таким образом, на стороне и без того сильнейших капиталистов оказалось все могущество государства, и государственная власть лишний раз заставила своих собственных рабочих играть роль предателей по отношению к своим стакнувшимся братьям. Австрийская конституционная монархия в этом отношении так же «угождает» крупным капиталистам, как и самодержавие «господ Обмановых» и республиканское правительство Франции, в котором заседает якобы социалист Мильеран.

Разумеется, услуга со стороны государственной власти ободрила надменных капиталистов, и они упорно отказывались от всяких переговоров со стачечниками. Но та же грязная услуга вызвала сильное возмущение во всех рабочих города Триеста. Несмотря на разноплеменность своего состава (немцы, итальянцы, славяне), все рабочие Триеста решили поддержать стачечников всеобщей стачкой. 8 февраля 10.000 рабочих во всех отраслях производства прекратили работу.

Всеобщая стачка вынудила общество Ллойда отказаться от своей высокомерной тактики. Оно согласилось представить свой спор с рабочими третейскому суду. Казалось бы, дело должно было направиться к мирному разрешению. Но не тут-то было.

Там, где данная группа капиталистов пассует перед организованным сопротивлением рабочих, на помощь ей прибегает организованная сила всей буржуазии, всех имущих классов. Этой организованной силой является государственная власть с ее пушками и штыками, с ее судьями, полицейскими и палачами.

Наместник Триестской провинции, граф Гесс, один из представителей той кичливой аристократии, которая не прочь пококетничать с рабочим классом из зависти к растущему могуществу денежных тузов, но в то же время, занимая выдающиеся места по управлению государством, при случае оказывается верным лакеем этих самых рыцарей капитала, — этот граф Гесс почувствовал необходимость «спасать отечество». Стачечники толпами ходили по улицам Триеста, выражая свое негодование против пароходной компании, но не производя никаких нарушений порядка. Граф Гесс немедленно послал значительную военную силу, чтобы «рассеивать скопища». 14 февраля шумная толпа рабочих натолкнулась на отряд солдат. На отказ рабочих разойтись войско отвечает, ударив в штыки. Рабочие обороняются камнями, и один из них ранит командира в голову. Раздается приказ «пли», и солдаты стреляют. На месте убито 5 человек; масса раненых. В то же время в другом конце города солдаты убивают еще двоих. Из многочисленных раненых за ночь умирают четверо. Всех этих жертв оказалось мало «охранителям порядка».

Убийство безоружных рабочих возмутило все население города. В знак своей печали, оно убрало дома черными флагами. Неудовлетворенные вчерашними убийствами, власти еще «задирают» рабочих, отдав приказ

сорвать эти флаги. По этому поводу, конечно, произошли новые столкновения солдат с рабочими, снова усовершенствованные ружья стреляли в толпу, снова четверо пало убитыми. Из общей массы убитых — один мальчик, одна девочка и несколько женщин. На стороне «победителей»—ранено несколько солдат и уже после третьей бойни на улице убит выстрелом полицейский. Неизвестный убийца скрылся. Этого убийства было достаточно, чтобы правительство ввело осадное, а затем и военное положение, отменяя, таким образом, на время все права, которые даны австрийским гражданам конституцией, и угрожая «преступникам» смертной казнью. Бессмысленная и ненужная бойня возмутила даже местную буржуазную публику. Городская дума города Триеста постановила похоронить всех убитых на счет города и обеспечить осиротелые семьи. К этому времени третейский суд, разобравший спор рабочих с пароходной компанией, вынес приговор, признававший требования стачечников справедливыми. Компания должна была подчиниться приговору и уступить рабочим. Очевидно, и всеобщей стачки и кровавых столкновений с войсками можно было бы избегнуть, если бы компания с самого начала приняла предложение о третейском суде.

Стачка прекратилась, а правительство стало готовиться к другой битве — к ответу социалистическим депутатам в парламенте. Пользуясь провозглашенным в Триесте осадным положением, стали арестовывать разных «зачинщиков» и под шумок пускали в газеты слухи о том, что все, что случилось, — дело рук анархистов. Едва ли кто-нибудь верит всерьез этой побасенке и считает поведение триестских властей законным, но, тем не менее, буржуазное лицемерие радостно схватилось за этот повод, чтобы уклониться от обязанности наказать действительных «зачинщиков» — графа Гесса и его помощников.

В заседании парламента социалистические депутаты резко нападали на гнусное поведение властей и требовали от правительства отчета в пролитой им крови. Они требовали отмены военного положения и смещения графа Гесса. После об'яснений министра Кербера, свалившего всю вину на анархистов, буржуазные партии поспешили похоронить дело в комиссии, отвергнув требование социалистов.

Этого и надо было ожидать. Имущие классы в сколько-нибудь свободных странах только и могут надеяться проявить свое господство, поскольку им обеспечена помощь государственной власти против растущего рабочего движения. Поэтому буржуазные партии не могут решиться на такой шаг (как бы они сами ни признавали его справедливым), который может подорвать уважение к государственной власти в темных народных массах; они вынуждены освящать всякое преступление солдатчины и полиции, лишь бы не сыграть в руку социализму. Классовый интерес всегда торжествует над чувством справедливости.

«Но какая же польза для австрийских рабочих от конституции, от политической свободы, если такая бойня, как триестская, не только возможна, но и должна остаться безнаказанной?» спросит, быть может, читатель.

Политическая свобода, отвечаем мы, не уничтожает классового характера современного государства, но она дает пролетариату возможность разоблачать этот классовый характер. Она не позволяет затушить самый разговор о происшедшей бойне какими-нибудь «временными правилами» и тем самым ослабить влияние происшедших событий на развитие сознания пролетариата. Благодаря политической свободе, расправа, произведенная над рабочими в Триесте, не только не внесет в их ряды уныние и разочарование, но непременно послужит могучим толчком развитию классового самосознания всего австрийского пролетариата. Политическая агитация, свободно ведущаяся в собраниях, в печати и в парламенте, воспользуется этим проявлением классового гнета, чтобы закрепить в рабочих массах сознание необходимости устранения всякого классового господства.

При разделении общества на классы, всякие мечты о «мирном прогрессе» являются «бессмысленными мечтаниями». Политическая свобода никогда не в состоянии оградить рабочий класс от жестокости современного строя и его представителей. Но политическая свобода может помочь тому, чтобы «ни одна капля человеческой крови не пропала даром», чтобы происшествия, подобные триестским, не прошли бесследно для дела развития пролетариата.

Австрийские рабочие давно уже отказались от анархистских предрассудков относительно политической свободы и деятельно ведут борьбу за завоевание всеобщего, равного и прямого избирательного права.

ИЗ ПАРТИИ

Приводим полностью прокламацию, зовущую к демонстрации 19 февраля и изданную (печатно) нашей организацией:

Товарищи-рабочие!

Снова широкой волной разливается по Русской земле движение протеста против царского правительства; снова тысячи и десятки тысяч рабочих, студентов, городского простонародья, наконец, просто образованного и зажиточного общества идут на улицу, не боясь ни казацких нагаек, ни полицейских шашек и дубин, ни даже солдатских пуль и штыков, чтобы заявить во всеуслышание о своей глубокой вражде ко всему существующему строю, о своей непримиримой ненависти к царству произвола, кнута и нагайки. Нет больше сил таить про себя эту горячую ненависть, эту накипевшую вражду. Десятки лет она тихо разгоралась в нас, наполняя наши сердца тайным огнем, и наконец вылилась широким огненным потоком, ярко осветившим темное царство произвола и насилия. И широкие народные массы впервые почувствовали себя свободными людьми, открыто заявляющими свою волю, свои желания. Но это — свобода лишь на минуту: стоны и муки избиваемых, окровавленные лица, дикий топот копыт над нашими телами слишком скоро напоминают нам о торжестве насилия над правдой. Не смириться ли нам перед этим торжествующим насилием? Проклятие и вечное презрение тому, кто не найдет в своем заячьем сердце другого ответа! Смириться, перед кем же? Перед правительством, которое на все народные нужды, на все стоны миллионов голодающих имеет только один ответ: кнут да тюремные застенки! В годину кризиса, в годину промышленного застоя, когда сотни тысяч промышленных рабочих безжалостно выброшены на улицу без куска хлеба, без приюта и пристанища, оно заботится только об одном: чтобы удалить с глаз этот опасный для него элемент, запрятать его подальше в глушь деревень. Что ему до того, что в обнищалой деревне высланный рабочий найдет еще худшие страдания, еще горший голод? Зато оно будет спокойнее за себя, за свое собственное господство; зато будет спокоен за свою собственность господин капитал, этот друг и опора самодержавия. Оно нашло десятки миллионов для поддержки зарвавшихся капиталистов, для спасания проигравшихся биржевиков; не нашло лишь ни копейки для того, чтобы помочь промышленным рабочим пережить тяжелое время. В год народного голода, когда по сведениям самого правительства из 79 губ. и областей России в шестидесяти крестьяне переживают тяжелое испытание, когда они принуждены сбывать за бесценок «самый необходимый в хозяйстве скот», «чуть ли не последнюю лошадь», а в 29 губ. прямо голодают и мрут, оно об'явило борьбу не с голодом, а с голодающими. Оно вырвало дело народного продовольствия из рук земства, которое делало с своей стороны все, что могло, для уменьшения нужды, и теперь занято лишь одним — чтобы уменьшить до крайности ссуду голодающим и не допустить до голодных ртов кусок хлеба, который ему хотят подать люди, сочувствующие народной нужде. Оно боится, что среди людей, готовых отдать свои силы делу помощи голодающим, найдутся такие, которые пожелают открыть глаза крестьянину на истинные причины его страданий, указать ему, кто его истинный враг, и поэтому допускает помощь голодающим только через полковников и генералов своего Красного Креста. Удивительно ли, что Красный Крест, к которому никто не питает доверия, мог

собрать на помощь голодающим 29 губ. лишь 317 тыс. руб., т. е. по копейке на голодную душу?... На все, на все у него один ответ: насилие. «Тащить и не пущать» — вот его девиз. Оно подвергает жестоким гонениям десятки миллионов русских крестьян-сектантов за то только, что по-своему понимают они простые слова евангельских истин, что они ищут своей правды и признают за ложь то, что выдают за правду продажные православные попы; за то, что не хотят они видеть в этих попах представителей Христа на земле и за ними слепо следовать. Оно гонит и травит десятки миллионов русских граждан других вер и национальностей — поляков, финляндцев, евреев, грузин и т. д. и лишает их даже тех жалких прав, которыми пользуется всякий русский раб-верноподданный, права говорить и учиться на своем родном языке, даже права жить там, где можно найти заработок, даже права работать в казенных мастерских и заводах. Нужно ли еще перечислять все преступления и зверства русского правительства? Нужно ли говорить о годах тюремного заключения, о ссылке в далекую Сибирь всех, кто осмеливается заговорить о народной нужде, кто пытается пробудить в народе сознание его попранных прав? Нужно ли говорить о подавлении военной силой всякой стачки рабочих, всякой попытки помочь себе и своим товарищам своими собственными усилиями? Все это слишком хорошо нам знакомо; вспомним хотя бы о дикой расправе правительства с рабочими Обуховского завода, о десятках раненых, о трупах наших борцов, усеявших поле битвы с царскими баши-бузуками, о десятках мучеников, отправленных на каторгу после пустой комедии суда.

Товарищи! Этот гнет давит не только нас, но всю Россию. И вот все, в ком есть еще искра живая, в ком века рабства не могли совсем заглушить голоса свободы, вступают в открытую борьбу с правительством. После жестокого избиения демонстрантов в Петербурге и других городах в марте-апреле 1901 г., казалось, все должно было заглохнуть. Но не прошло и года, как движение проявилось с новой силой. В Харькове правительство целую неделю (27 ноября — 3 декабря) не могло справиться с многотысячной толпой рабочих, студентов и просто городского люда, не могло помешать ей двигаться по улицам с красными знаменами, с пением революционных песен, с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Происходят небольшие демонстрации в Кишиневе, в Москве, в Ниж.-Новгороде, в Риге. Правительство заволновалось: в лице екатеринославского губернатора фон-Келлера оно об'явило, что не остановится перед самыми крайними мерами для предотвращения демонстрации, которая готовилась 16 декабря. В этих словах была угроза стрелять по демонстрантам; но и это не помогло, и улицы Екатеринослава впервые увидели открытых борцов за политическую свободу, впервые огласились революционными криками. Несмотря на поражения, которые наносит правительство народу, истинным победителем из уличной борьбы выходит не оно, а народ. И правительство хорошо сознает это, сознает, что не задавить ему уже народных требований в потоках крови. Там, где народ вырос, где он сознал свои права, одной силы кулака уже мало. И оно пробует взять хитростью. Убедившись, что студенты стойко стоят за свои требования — свободы учения в университете и свободы внутренней университетской жизни, — что солдатчина и нагайки не только не усмирили их, а только подвинули их к революционной борьбе, правительство с неслыханной для него быстротой принимается за «реформы». Оно обещает ввести новый устав в университеты; оно разрешает студентам союзы, сходки, кружки, библиотеки и пр., но под тем условием, чтобы на всех этих собраниях и во всех студенческих союзах участвовал в качестве председателя его чиновник; вопросы на них могут подниматься только те, которые одобрены этим чиновником, и он может во всякую минуту распустить сходку или союз. Ясно, что от такой «свободы» студенты не только ничего не выиграют, но еще теряют ту свободу сходок и союзов, которую они завоевали уже своей смелостью: ведь студенты и раньше устраивали сходки и союзы, не спрашиваясь правительства. Конечно, такая «свобода» не прельстит студентов; они уже поняли теперь, что настоящая академическая свобода нераздельна с свободой всего народа, с политической свободой, и потому их борьба, их дело стало и нашим делом.

Товарищи-рабочие! Раз'ясняйте это всем и каждому и будьте готовы во всякую минуту поддержать студентов в их борьбе за свободу!

Ту же хитрость правительство пустило и по отношению к нам, рабочим. Убедившись в бессилии кнута подавить рабочее движение, пустившее уже глубокие корни в стране, оно решило поманить нас сладкими речами. В Москве, в Минске, Перми и др. городах оно разрешает рабочие собрания. На них оно старается всеми силами убедить нас, что оно — наш друг, что оно все для нас сделает, лишь бы мы отказались от требования политической свободы. Но позволяет ли оно говорить на этих собраниях о борьбе с капиталом, об устройстве стачечных касс, этих важных орудий в руках рабочих для завоевания лучшей доли? О, конечно, нет: ведь это — политика! Позволяет ли оно устраивать кружки самообразования, рабочие клубы? О да, идите в чайные общества трезвости, там вы в обществе оборванцев, чуждых сознания своего человеческого достоинства, найдете — полные лжи и грязи газеты «Свет», «Московские Ведомости», «Новое Время» да в приправу — грубое обращение заведующих. Зато вы можете свободно устраивать потребительные лавочки, копилки да... хоры для пения: «Коль славен наш господь в Сионе», и еще... что же еще? — да больше ничего! Товарищи! Вот за какие блага разные изменники рабочего дела вроде Афанасьева, Красицкого и др. предлагают вам отказаться от борьбы за социализм и политическую свободу! Нет, эти Афанасьевы — не наши братья; они — наши худшие враги, ибо помогают правительству дурачить рабочих, водить их за нос; им место — в охранном отделении, с которым они уже близко знакомы, или в рядах мелких хозяйчиков. Мы найдем себе других вождей, которых не испугает кнут и не прельстит зубатовский пряник. Товарищи! Нам предстоит еще длинный путь борьбы; не раз еще правительство будет переходить от строгости к сладким речам; оно будет сильнее стегать нас кнутом, а когда это не поможет, оно будет прельщать нас все новыми и новыми пряниками. Запомним же урок, который оно дало нам сейчас; поклянемся что ни за какие блага в мире мы не продадим нашего права первородства в разыгравшейся борьбе за политическое освобождение России. Организуйтесь, товарищи, будьте готовы во всякую минуту поддержать всех борцов за политическую свободу! Но не забывайте, что нам по праву принадлежит первое место в этой борьбе.

Готовьтесь же к общей по всей России демонстрации в день 19 февраля.

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода! Да здравствует демократическая конституция!

Местная организация «Искры».

Спб. Комитет издал брошюру «Процесс обуховских рабочих». В брошюре не мало интересных данных о ходе процесса. Вот что, между прочим, говорится об обвиняемых:

«По рассказам очевидцев, рабочие поражали своим спокойствием, бодростью и выдержкой... Глубокое, потрясающее впечатление производила Марфа Яковлева, с своим мыслящим сильным лбом и сосредоточенным, горящим взглядом. Это та героическая натура, тот фанатический, мощный тип революционерки, который так знаком России. Ее интеллигентная речь удивляла и волновала. Не верилось, чтобы в нечеловеческой обстановке, в которой приходится жить русскому рабочему, люди успевали, вопреки всем препятствиям, достигать такого развития... Марфа Яковлева единственная, которая признала себя виновной. Она заявила, и на предварительном следствии и перед судом, что после залпов, сделанных полицией в упор по толпе рабочих, она подавала рабочим камни, которыми они из-за заборов сыпали на нападающих из дома картонной фабрики».

К этому рассказу автор брошюры прибавляет следующую «философию».

«Яковлева повиновалась своей прямолинейной, честной натуре. Ее сознание — такое душевное движение, которое легко понять и можно только уважать. Но нет никакого сомнения, что сознание в своем поступке в рабочих процессах неправильная тактика. Весь этот вич-мундирный судебный сброд не стоит искренности таких людей, как Марфа Яковлева... Единственным моральным принципом здесь должны быть интересы общего дела. В неравной борьбе защиты обвиняемых с судом должны быть употреблены все средства, чтобы соблюсти как можно больше людей и вернуть рабочему классу наиболее значительных его членов». «Рабочий процесс — схватка, и стратегия его та же, что и всего великого боя: делать то, что целесообразно и практично, и не поддаваться обманчивому чувству».

Все это звучит чрезвычайно трезвенно, но вовсе не умно. Не представляется ли вам, читатель, что мы снова присутствуем при том прискорбном зрелище, когда интеллигент из всех сил старается задержать революционное развитие того самого пролетариата, в дружбе к которому он распинается? Нам представляется, что именно так обстоит здесь дело, и что тактика Марфы Яковлевой была бесконечно выше, шире, революционнее и целесообразнее гой тактики, во имя которой наш автор так снисходительно журит смелую девушку.

Прежде всего, что это за особая тактика для «рабочих процессов»? Речь должна итти о поведении социалиста вообще в политическом процессе или в таком процессе, который принял политическое значение. Попробуем же применить точку зрения нашего автора к таким процессам в прошлом, и мы найдем, что в поведении Желябова и Перовской, а в недавнее время П. Карповича и Езиоровского (дело об убийстве шпиона в варшавском военном суде 1900 г.) проявилась неправильная тактика, что их признание перед судом было только прекрасным «душевным движением», которое следует «понять и уважать», но не мешает осудить, как нецелесообразное. А мы-то до сих пор думали, что поведение Желябова или Перовской на суде является логическим продолжением их политической деятельности на воле, является последним служением делу. Поведение социалиста на суде может служить новой демонстрацией, и поистине «куцой» приходится признать ту точку зрения, которая игнорирует такое значение тактики, принятой М. Яковлевой. Да и как не замечает сам автор, что одно сообщение в его брошюре о геройском поведении М. Яковлевой будет иметь большое агитационное значение, и это несмотря на то, что это сообщение сдобрено вышеприведенными образцами мещанской «практичности». Нельзя требовать от всех жертв царского «правосудия», чтобы они обращали скамью подсудимых в поле для новой идейной битвы с врагом. Но если среди этих жертв находится личность, способная на такую роль, то требовать от нее, чтобы она поступала «как все», более, чем странно. Та самая тактика, которая в тайном жандармском следствии была бы простым донкихотством, в условиях какого бы то ни было судебного процесса может приобрести крупное политическое значение.

Другими словами: 18-летняя Марфа Яковлева своим поведением на суде оказала рабочему движению большую услугу, а наш «интеллигент», усмотревший в этом поведении только красивое «душевное движение», проявил изрядную близорукость, которая только компрометирует нас, социал-демократов, в глазах посторонних.

Считаем нужным отметить, что Спб. Комитет в особом примечании оставляет за собой право высказаться впоследствии по поднятому автором вопросу, отказываясь, тем самым, от солидарности со странными взглядами автора брошюры.

Л. Г. Дейч просит нас передать его благодарность всем тем, кто послал ему приветствия по поводу удачного побега.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

«Клэру». Дайте поскорее еще один адрес. Кажется, не все письма получаете. Ваши получены. Большое спасибо.

«Л. Л.». Дайте новый адрес.

Представителями «Искры» получено: от Харьк. Ком. 45 р., в Харькове чер. АВС от читателей и за литературу 71 р., через Наталку за ноябрь-январь 200 руб. от путешественника, через 3-го от П. С. 48 р., от 3-го и 6-го 57 р., от архаровца 10 р. и 30 р.; от Елены получено Наташей 25 р., от инженера через Наташу 140 р., в Спб. от своих 105 р., от подписчиков 30 р., издалека 150 р. (от В. И. 50 р., от Б. из Н. 25 р., от Я. М. 25 р., из Н. чер. Г. 33 р., от Ф. 10 р., от А. П. 5 р., от С. 2 р.), к Москве 9 р. от Е. Я., 15 р. от Л. В. и 25 р. из кассы «издалека»; от П. С. из Б. 50 р.

«В кассу группы друзей-читателей в пользу „Искры“ поступило с весны прошлого года по февраль 1902 г. 195 руб., в том числе 50 р., пожертвованные Шамино».

«Получено из М. и употреблено по назначению 855 фр.».

От М. У. 200 марок. Из М—а за лит. 11,75 мар.

От Вяч. 50 р. на спец. цель. Через Г. В. Плеханова от Х 500 руб. на специальную цель.

Из Брюсселя 27 фр.; из Дармштадта: в пользу обуховцев 16 мар., в пользу Лиги 91,05 мар.

В Кассу редакции поступило за февраль 824 руб., остальное истрачено на местные и организационные нужды.

В тип. «Лиги революционной русской социал-демократии» вышло: 1) А. Б. Обуховская оборона. 2) Очерки из истории французской революции: а) Взятие Бастилии; б) Национальное собрание и ночь 4 августа. 3) Лассаль. Программа работников (2 изд.). 4) Письмо к товарищам-пропагандистам, с пред. Л. Мартова.

В тип. «Искры»: Из тифлисского рабочего движения (рассказ рабочего), с предисловием Л. М.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца: указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Смотри «Искра» № 16, стр. 5 «Из нашей общественной жизни».

Прим. 2. Давид, Эдуард — правый германский с.-д., один из виднейших теоретиков реформизма и ревизионизма. В 1903 г. он выпустил в свет свою книгу «Социализм и сельское хозяйство», в которой доказывает превосходство мелких земледельческих хозяйств «трудового крестьянина» над крупными в отношении выгодности, рациональности и производительности и воспевает сельско-хозяйственную кооперацию в условиях капитализма, ожидая от нее всех благ для крестьян и не замечая буржуазного характера этой кооперации. В последующие годы Давид является одним из наиболее видных сотрудников ревизионистского журнала «Социалистические Ежемесячники», проповедуя политические блоки с буржуазией и сотрудничество классов и доказывая, что германская социал-демократия должна быть не пролетарской, а народной. Во время мировой войны Д. является одним из наиболее ярых социал-патриотов и сторонником войны до победного конца. В 1915 г. он написал книгу «Социал-демократия во время войны», в которой проводит ярко шовинистическую точку зрения. После германской революции Давид занимает ряд крупных административных постов и ведет борьбу с коммунизмом.

Прим. 3. Герц—германский социал-демократ правого крыла, экономист, один из критиков Маркса в аграрном вопросе, доказывавший в своей книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе.

Прим. 4. Чернов, В. М. (род. в 1876 г.) — народник, ученик Михайловского, впоследствии вождь партии соц.-рев. и виднейший ее литератор, «поправлявший» Маркса в аграрном вопросе. В 1893 г. вступил в «Социал-Революционную Партию Народное Право», основанную в начале 90-х годов М. Натансоном вместе с некоторыми другими народниками с целью «об'единения революционных и либеральных элементов на почве борьбы с деспотизмом» и бывшую одним из промежуточных звеньев между «Народной Волей» и партией с.-р. В 1899 г. Чернов эмигрировал за границу, где встал сначала во главе «Союза», а потом партии с.-р-ов и с тех пор был бессменным членом Ц. К. этой партии и редактором ее центрального органа «Революционная Россия», на страницах которого Чернов вел ожесточенную полемику с «Искрой». После революции 1905 г. он руководил деятельностью партии с.-р. в Государственной Думе. Во время войны участвовал в Циммервальдской Конференции, заняв колеблющуюся позицию между последовательными интернационалистами с Лениным во главе и оборончеством. Вернувшись после Февральской революции, он стал ярым сторонником «революционного оборончества», вошел 6 мая 1917 г. в коалиционное правительство кн. Львова и вел ожесточенную борьбу против большевиков и революционных выступлений рабочих и крестьян, задерживая разрешение крестьянами земельного вопроса. После Октябрьской революции он стал одним из самых злостных врагов Советской власти. 5 января 1918 г. он был избран председателем контр-революционного Учредительного Собрания, распущенного по постановлению В. Ц. И. К. После этого он, руководя правыми эс-эрами, был вдохновителем многочисленных контр-революционных выступленний их против Советской власти, принимал участие в чехо-словацкой авантюре, толкал членов партии эс-эров к террористическим актам против деятелей Советской власти, поддерживал кулацкие восстания, содействовал контр-революционному восстанию в Кронштадте и пр. В настоящее время находится в рядах белогвардейской эмиграции, продолжая вести борьбу с Советской властью и коммунистами. В своих произведениях («Марксизм и аграрный вопрос», «К вопросу о капитализме и крестьянстве», «Маркс и Энгельс о крестьянстве», «К теории классовой борьбы», «К вопросу о социализации земли», «Крестьянин и рабочий как экономические категории» и др.) Ч. проводит эклектические взгляды соц.-рев. на аграрный вопрос и классовые отношения в современном капиталистическом обществе и критикует марксизм, опираясь на произведения реформистов и ревизионистов, вроде Герца, Давида и др.

Прим. 5. Булгаков, С. — один из так назыв. «легальных» марксистов. Участвуя в журнале «Новое Слово», перешедшем к марксистам в 1897 г., он вместе со Струве и Бердяевым начал критику философии Карла Маркса, стремясь дополнить ее идеалистической философией. Наряду с этим он критиковал марксистскую теорию и в аграрном вопросе в своем труде «Капитализм и сельское хозяйство». Впоследствии он всецело перешел в лагерь идеалистов, дойдя после 1905 г. до проповеди мистицизма. В настоящее время он обретается в лагере злейших врагов Советской власти.

Прим. 6. Прокопович, С. Н. — экономист. В конце 90-х годов — один из виднейших представителей «экономизма», перешедший в начале девятисотых годов к либералам и вступивший сначала в «Союз Освобождения», а потом в ряды партии к.-д., с которой он вскоре разошелся. Во время Февральской революции он был одним из министров в правительстве Керенского. В настоящее время находится в белогвардейской эмиграции.

Прим. 7. Тотомианц, В. — экономист, автор ряда трудов по кооперации, в которых проводил взгляды мелкой буржуазии.

Прим. 8. См. прим. 7-е к № 14 «Искры».

Прим. 9. Карышев, Н. — экономист народнического толка, автор ряда трудов в области исследования экономических отношений в области мелкого сельского хозяйства. Написал несколько популярных брошюр по экономическим вопросам, пользовавшихся в начале девятисотых годов большим распространением.

Прим. 10. Бастиа, Фридерик (1801 — 1850) — один из плоских вульгаризаторов буржуазной классической политической экономии. Б. исповедывал учение о невмешательстве государства в экономические отношения на том основании, что конкуренция создает основу для гармонии между классами, участвующими в общественном производстве, доказывал, что капитал имеет способность к самовозрастанию и созданию прибыли, независимо от приложения рабочей силы к средствам производства.

Прим. 11. См. прим. 2-е к № 9 «Искры».

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 18 | 10 МАРТА 1902 ГОДА | № 18

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ *.

Со времени революционной борьбы мартовских дней прошло немногим более полустолетия. Небольшой это промежуток в жизни общества, — а между тем, целый мир отделяет нас от той эпохи. Могучий переворот, совершившийся с тех пор, иллюстрируется всего рельефнее, может быть, отношением славян к революции.

В 1848 г. славяне, за очень немногими исключениями, составляли еще «одну реакционную массу». Если оставить в стороне мелкую шляхту и интеллигенцию Польши, то можно сказать, что одна часть славян с тупым равнодушием смотрела на великую борьбу за свободу народов, а другая — бросилась в эту борьбу, чтобы нанести поражение делу свободы. И славяне достигли этого с слишком большим успехом. Судьба революции была уже решена в Париже во время июньских дней. Но если революция в Германии и Венгрии была до такой степени разбита на-голову и уничтожена, если абсолютизм в Австрии сумел так полно восстановить свое господство, то виною тому было вмешательство чехов, кроатов и русских войск. Падение Вены в октябрьские дни 1848 г. и капитуляция венгерской армии перед русским генералом Паскевичем при Вилагосе (13 августа 1849 г.) означали для революции на Востоке такое же решительное поражение, как июньская бойня на Западе.

Неудивительно, что германских революционеров, как бы сильно ни было в них сознание международной солидарности, охватывала своего рода ярая ненависть к австрийским славянам, что они начали смотреть на них, как на выродков среди народов; революция — казалось им — должна перешагнуть через этих выродков. Славяне казались нациями рабов, народами, рожденными для прозябания в рабстве.

Однако, причина антиреволюционного поведения славян лежала не в таинственной предрасположенности к рабству, а в экономических условиях, в которых они жили. За исключением чехов, это были чисто крестьянские народы, совершенно неспособные понять политические и социальные потребности буржуазного общества. В Богемии, правда, имелась уже налицо развитая городская жизнь и капиталистическая крупная промышленность, но чешский народ состоял из крестьян, мещан да пролетариев, не имевших классового самосознания и по всему кругу идей своих шедших в хвосте мещанства. Правда, в 1848 г. мелкая буржуазия была еще революционным классом, но уже в то время она повсюду оказывалась ненадежной. Полубуржуа, полупролетарий, мелкий буржуа чувствует себя то тем, то другим, кидается то в революцию, то в реакцию, впадает то в революционную ярость, то в униженную покорность, не имея никаких прочных устоев. Так же вело себя и чешское мелкое мещанство, обнаружившее сначала свою революционную, а потом свою реакционную сторону, восставшее в июле против—Виндишгрэца, который за это бомбардировал Прагу, а в октябре выражавшее свое сочувствие этому же самому Виндишгрэцу, когда он шел против ненавистной Вены.

Конечно, кроме ненадежности мелкой буржуазии, такой исход зависел еще и от национального антагонизма. Для чешского крестьянина, мещанина, пролетария немец был врагом, эксплоататором и угнетателем. Немецким был в Богемии не только капитал, немецкими были и верхние слои бюрократии, духовенства, армии, большая часть дворянства. Между тем в Богемии революция явилась немецким продуктом, носителями ее были немцы, и целью ее было об'единение и укрепление немецкой нации! Неудивительно, что после короткого периода революционного опьянения чешский народ бросился в об'ятия контр-революции.

Как изменилось все это теперь! С 1848 г. капитализм проложил себе путь в Германию, проложил путь и к славянам. Он уже вполне подчинил себе значительную часть славянского мира и быстро шествует вперед не только в Германии и Польше, но и в России и у словенов, кроатов и сербов. Повсюду создает он пролетариев, порождает антагонизм между капиталом и трудом, антагонизм, из которого рано или поздно вырастает пролетарское классовое сознание и самостоятельная пролетарская политика. А эта последняя необходимо является революционной политикой.

Т. о. давно уже миновало то время, когда славяне считались олицетворением рабской покорности: они встали в ряды народов, обладающих революционными классами; и в их недрах ведется ныне великая культурная борьба за освобождение рабочего класса, а вместе с тем и всего человечества.

Но это еще не все; указанное нами преобразование славянства признано всеми уже давно, почти четверть века тому назад. В настоящее же время можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам.

Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером

* Перевод с корректурного оттиска.

и быть социалистом — с этих пор становится равнозначущим. Как раз в эту эпоху события, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе из Франции в Германию.

Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию.

Уже однажды, в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, геройская борьба русских революционеров повергла в изумление всю Европу и оказала самое глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран. На-ряду с восстанием и геройскою смертью Парижской Коммуны, на-ряду со сказочным ростом германской социал-демократии в ее борьбе против «великого» Бисмарка, ничто не повлияло так плодотворно на социалистическое движение семидесятых и восьмидесятых годов, ничто не придало ему столько воодушевления и самоотверженности, как отчаянная борьба, которую бесстрашно и подчас с величайшим успехом вела горсть русских революционеров против страшной силы самодержавия.

Эта отчаянная борьба завершилась в конце концов истощением борцов, за которыми не стояло еще революционного класса.

Но с тех пор выросло в русском народе новое поколение героев, и теперь они уже не одиноки. И в царской империи растет могучий пролетариат, который сам рождает героев и дает опору героям-революционерам из других слоев народа, опору, которой они до сих пор были лишены. Таким образом, мы идем навстречу новой эпохе революционной борьбы в России, — борьбы, которая разыгрывается на более широкой основе, чем четверть века тому назад, но по ожесточению борцов, по зверской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззаветной самоотверженности революционеров ни в чем не уступит борьбе прежних периодов русского движения.

Но мы присутствуем при начале не только физической борьбы силы против силы в России. Нет, рука об руку с революцией кулаков идет революционизирование голов. Пробуждающиеся слои народа охватывает горячая жажда знания, стремление уяснить себе свои исторические задачи и тем самым подойти к решению самых сложных и смелых проблем, возвыситься над мелочностью повседневной борьбы, окинуть взором великие исторические цели, которым эта борьба служит.

И от этого под'ема умов мы можем ждать великих деяний, которые не останутся без влияния и на Западную Европу. Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам.

Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России. Гнилой царский трон трещит по всем швам, и, быть может, он давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазия постоянно не скрепляла его заново своими миллионами. В 1848 г. царь послал опору своего могущества в Европу, чтобы задавить восстание европейской буржуазии; теперь эта самая буржуазия шлет опору своего могущества в Россию, чтобы дать царю силу задавить все свободолюбивые движения в его собственной стране. С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала.

Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению более, чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее.

В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов.

К. Каутский.

* * *

Многого ждет от русской революционной социал-демократии К. Каутский. Но—кому многое дано, с того многое и спросится! Стать во главе всемирной революции, быть передовым застрельщиком в борьбе всемирного пролетариата — может ли быть доля, более почетная, более завидная для революционной пролетарской партии, проникнутой идеей международного характера своей борьбы? Но близоруко было бы думать, что революционная гегемония—это только почетная роль, налагающая тяжелые обязанности, но не дающая никаких реальных выгод тому, на плечи которого она ложится. Нет и тысячу раз нет! Если русской социал-демократии действительно удастся отвоевать себе роль передового борца за освобождение пролетариата всего мира, то поистине неизмерима будет та мощь, которую эта гегемония придаст нашей собственной борьбе за достижение наших ближайших, самых насущных задач. Потому что стоять во главе значит пользоваться всею тою силою, которая идет позади. Это значит, что каждый шаг наш к победе над нашими домашними врагами будет ощущаться социал-демократией всего мира, как ее собственное приближение к победе над ее национальными и международными врагами. Это значит, что на всех этапах нашей борьбы нас будет поддерживать, поддерживать активно, а не пассивным только сочувствием, грозная сила всемирного пролетариата. Это значит, что парламенты, социал-демократическая пресса всего мира станут трибуной, с которой неумолчно будет раздаваться слово обличения наших варварских порядков, нашей азиатской эксплоатации, нашего грубого деспотизма; трибуной,

которая с удесятеренной силою пробудит в сердцах наших братьев, рабочих всего мира, взрыв сочувствия к нашей борьбе, бурю негодования и ненависти к нашим врагам, которые станут и их врагами. Это значит, что рабочие организации всего мира, их боевые кассы будут поддерживать всякий шаг нашей борьбы, как свою собственную борьбу, и в критическую минуту придут нам на помощь всею силою своей организованности и своего влияния, помешают своим угнетателям оказать поддержку нашим, потому что наша победа будет их победою, наше поражение — их поражением. И в таком союзе, с такою поддержкою мы будем действительно непобедимы!

Но чтобы добиться такой гегемонии, недостаточно говорить о ней. Революционные слова здесь менее всего имеют значение. Революционная мысль и революционное дело—вот области, в которых русская социал-демократия действительно, а не по названию только, должна стать первою, чтобы оказаться на высоте той исторической роли, которая ей выпадает. Мы должны выйти из узких рамок местных, приходских интересов, должны окинуть своим умственным взором весь широкий круг вопросов и задач, волнующих человечество, и всюду должны стать хозяевами. Мы должны выдвинуть своих теоретиков, своих публицистов, своих политических деятелей в лучшем смысле этого слова. Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних пределов и должны об'явить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность, внося в нее элементы дряблости, узости, пошлости. Мы должны взять в свои руки руководство борьбой всех революционных и оппозиционных слоев русского народа, потому что как можем мы мечтать о том, чтобы встать во главе всемирной революции, если мы не сумеем встать во главе русской? Война всем фальсификаторам революционной марксистской теории в области мысли и война всем фальсификаторам революционной социал-демократической борьбы в области дела—таков должен быть наш девиз!

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ БЕСЧИНСТВА В МОСКВЕ.

В газетах опубликован сбивчиво и явно-лживо написанный приказ Ванновского об исключении 400 слишком студентов за «буйство», а затем и приказ обер-полицмейстера о наказании арестом 250 лиц за неповиновение полиции. Из нижеследующих прокламаций читатели увидят, как происходили дела в Москве:

Приказом 14 февраля 1902 г. Ванновский исключил более 400 чел. московских студентов за порочное поведение, передав их во власть м-ства вн. д. для соответственного наказания. Их рассматривают теперь как политических преступников, стремившихся вооруженной силой ниспровергнуть существующий строй. Лиц, чем-нибудь выделившихся из общей массы, держат в одиночном заключении. Остальных, за недостатком места в тюрьмах, разделяют на несколько категорий, наказание им намечено: ссылка в Якутскую область и северо-восточн. сибирск. губернии от 2 — 8 лет; кроме того, 247 чел. приговорены к аресту при московск. полиции сроком до 3 мес. за праздное любопытство. В чем же дело? Всякому, прочитавшему приказ Ванновского, ясно, что это наглая и подлая мера, но что произошло, все же остается непонятным. Постараемся же, насколько возможно, выяснить. После издания временных правил, отвергнутых не только всеми группами студентов, но даже профессорами, возбуждение мысли в Москве стало крайне напряженным, готовилась демонстрация. С 30 янв. по 9 февраля каждую ночь производились полицией массовые обыски, общим числом больше 1000. Опасаясь быть переловленными на квартирах, студенты, оставшиеся на свободе, решили не отменять сходки, назначенной на 9 февраля еще за месяц раньше для обсуждения демонстрации. Они решились устроить уличную демонстрацию с участием народа, помня, как в прошлом году толпа разбивала двери с целью осовободить студентов. Крайние элементы предлагали явиться с оружием в руках. Сходка была назначена на 12 час. С утра начали собираться студенты и курсистки разных учебных заведений. Ворота и двери университета были отперты для всех. Усиленного наряда полиции не было. Когда набралось более 500 чел., ворота университетского двора были закрыты; из засады выступили войска и полиция, которые оцепили весь университетский квартал и прилегающие к нему улицы. «Любопытствующую публику» начали оттеснять, находящихся же на дворе студентов стали загонять в самый университет. Актовый зал оказался открытым—тут сейчас же была устроена сходка. На сходке тотчас же образовались 2 партии (академистов и политических). Немногочисленная группа академистов пожелала уйти, при выходе была избита, частью забрана в манеж, частью вернулась назад, — отдельным лицам задними ходами удалось выбраться на волю из оцепления. Оставшаяся часть отправилась в инспекторскую комнату, взломала конторку и уничтожила все тайные характеристики студентов и секретные документы инспекции. Так как в стенах университета оказалась заранее спрятанная военная команда и университетск. здание начало наводняться ею, оставшиеся студенты поспешили собраться в актовом зале, заколотили гвоздями все двери, устроили баррикады из мебели, разбили стекла и выкинули красные знамена с надписью «свобода». 7 человек, спасавшиеся от преследования полиции, позвонили в квартиру Чистякова и, войдя, закрыли за собою двери. В таком положении дело оставалось до полуночи. Полиция, боясь вооруженного столкновения, устранила предварительно всех свидетелей, очистив улицы и увезя в Бутырки всех забранных в манеже. Тогда, около часу ночи, двери актовой залы взломаны полицией, и введены были солдаты со штыками наперевес и пожарные с пылающими факелами. Осажденным предложено было сдаться и дано ¼ часа на рассуждение. После горячего обсуждения осажденные в количестве 517 сдались, выкинув предварительно через разбитые стекла бывшие у них прокламации и бросив в одну кучу имевшееся у них оружие. Таким же образом через взлом двери извлечены были 7 студентов, спасавшиеся в квартире Чистякова. Толпу забранных вывели на улицу, построили в колонны, окружили конвоем вооруженного войска и отправили в Бутырки в сопровождении эскадрона сумских драгун. Полиция, боясь, чтобы толпы народа не стали отбивать студентов, требовала, чтобы драгуны ехали рысью. Эскадронный командир князь Трубецкой заявил, что «для пеших нет команды рысью», и сделал 2 роздыха по дороге в Бутырки. — В этом году улица не выручила студентов; полиция приняла для этого соответствующие меры. Часть фабрик была оцеплена войсками. На многих на 9 и 10 февр. была применена новая полицейская мера: двойная заработная плата. Общество было уже раньше терроризовано массовыми арестами и обязательными постановлениями. Появлявшиеся близ оцепления толпы терроризовались самым произвольным и бессмысленным выхватыванием из толпы отдельных лиц и сажанием их в манеж. Характер выхватывания виден, отчасти, и из нижеприведенных примеров: 1) студентов межевого института хватали на всех улицах, ловили всякий зеленый кант, — так как полиция была зла на директора межевого института за недопущение обыска в интернате; 2) студент X, уговаривавший еще утром своих товарищей не ходить на сходку, пропал к вечеру. Оказалось, что, когда он в 3 часа дня проходил мимо манежа, к нему подскочил городовой с криком: «Куда?». Студент ответил: «Видите, иду вперед». «А, рас-

суждать... в манеж его!»; 3) на Тверской хотели пройти два студента с провизором, их остановила полиция. Оказалось, что они жили в аптеке через дорогу. Стоявший тут пристав закричал: «Теперь все там живут!». Студентов забрали в манеж, провизора отпустили; 4) старушка просила пропустить ее в черту оцепления, так как там служила прислугой ее дочь, — и ее забрали в манеж; 5) мастерового, просившего дать поглядеть на эмира бухарского; 6) шел мимо манежа студент в шинели с бобровым воротником и белых перчатках с двумя катковскими лицеистами, пристав приказал их взять. Подлетевший городовой отдал под козырек, сказав: «Ваше благородие, пожалуйте в манеж». «За что же?» «Там после начальство разберет, теперь же пожалуйте в манеж» (лицеистов взял на поруки директор — студент еще 12 числа сидел в Бутырках); 7) один господин был в магазине Карбасникова, когда ставили оцепление, когда же вышел оттуда, был взят в манеж; 8) одному гимназисту надо было купить учебник, и так как он смиренно отдал приставу под козырек, прося пропустить его для указанной цели, то пристав исполнил его просьбу. При выходе из магазина он нечаянно попался на глаза Трепову, который приказал забрать в манеж: «этого, к чему-то болтающегося гимназистишку». Таким образом, изловили человек около 300, держали в манеже все время стоя, без еды, при чем полиция позволяла себе грубые издевательства, доходя до того, что перед голодными стоящими заключенными расставляла столы и пиршествовала. Солдаты же, бывшие в манеже, по показаниям заключенных, относились добродушно, некоторые даже сочувственно выражали желание «успеха и счастья студентам в их деле». В 11 час. вечера они были посажены в заранее приготовленные каретки и в карьер были отвезены в Бутырки, при криках возмущения сумевшей все-таки собраться толпы. В 3 часа ночи из освещенного факелами университета вышли 2 батальона Литовского пехотного полка. На другой день лов любопытствующих у университета продолжался. 11-го и 12-го по особым протекциям человек 30, взятых на улице по ошибке, выпущены. Трепов говорил: «Чистенько мы обделали дельцо».

11-го числа состоялась сходка студентов-медиков 3 старших курсов, единодушно постановивших забастовать. Подано начальству официально заявление о забастовке, занятий в клиниках нет. Университет не закрыт. Посещают лекции только несколько лиц, происходят мелкие обструкции. Ректор призывает отдельных «смирных» студентов, запугивая их исключением, в случае, если они не будут посещать лекции. Несмотря на это, большинство приглашаемых отказывается. Назначенная на 14 число организационным комитетом Союза академиков сходка не состоялась вследствие усиленного наряда полиции. Деятельность Исполнительного Комитета временно замерла, чтобы хорошенько обдумать, как устроить демонстрацию при наличных силах студентов. 19 февраля генерал-губернатор разрешил рабочим, сколько бы их ни оказалось, возложить венок на памятник Александра II в Кремле, при чем предупредил, что будут присутствовать войска, как такие же представители народа. Настроение в Москве крайне напряженное, — в интеллигентных сферах несколько угнетенное.

В листке с.-петербургских горных студентов сообщается о той же сходке: «Москва. К 12 час. студенты стали собираться во дворе университета, — собралось более 900 чел., кроме того, явилось до 80 из посторонней публики и 65 курсисток. После часу уже никого не впускали и университет был кругом оцеплен полицией и войсками. Все собравшиеся были скоро впущены в актовый зал, где и открылась сходка. После продолжительных прений, в конце которых часть „академистов“ вышла и расположилась во дворе, присутствующими была принята программа политического протеста и вынесена следующая резолюция:

„Мы, учащиеся в высших учебных завед. Москвы, на общем собрании 9 февраля 1902 г., после всестороннего обсуждения, единогласно постановили: считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзии академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не двинется ни на шаг вперед, что лучшие силы будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтание на одном месте не прекратится, мы требуем: 1) Неприкосновенности личности, 2) Свободы печати; 3) Свободы совести; 4) Свободы со-

ФЕЛЬЕТОН

ПИСЬМО К ЗЕМЦАМ.

Приводим полностью гектографированное письмо к земским деятелям, которое ходило по рукам во время последней сессии земских собраний (в наши руки оно попало, к сожалению, только в самое последнее время):

«Милостивый Государь!

«Тяжкие условия, в которые поставлена в настоящее время Россия, русский народ и русское земство, побуждают обратиться в Вам, милостивый Государь, с настоящим письмом в предположении встретить с Вашей стороны сочувствие высказанным здесь мыслям и намерениям.

«Длинный ряд печальных и возмутительных фактов, молчаливыми свидетелями которых мы были за последнее время, мрачной тучей тяготеет над общественной совестью, и перед каждым интеллигентным человеком ребром ставится роковой вопрос: возможно ли далее политически бездействовать и пассивно участвовать в прогрессирующем обнищании и развращении родины?

«Хронические неурожаи и непосильное податное бремя в виде выкупных платежей и неокладных сборов буквально разорили народ, вырождая его физически.

«Фактическое же лишение крестьянства всякого признака самоуправления, мелочная опека официальных и добровольных представителей „твердой власти“ и искусственная умственная голодовка, в которой держат народ непрошенные блюстители „самобытных и законных начал“, ослабляют его духовную мощь, его самодеятельность и энергию.

«Производительные силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными деятелями при милостивом содействии играющих судьбами родины авантюристов. Тщетно „благодетельное правительство“ рядом одно другому противоречащих и наскоро придуманных мероприятий силится заменить живую и планомерную борьбу экономических групп страны. Попечительное „содействие“ и „усмотрение“ бессильны перед зловещими предтечами хозяйственного и финансового банкротства России: земледельческим, промышленным и денежным кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задушена и лишена возможности пролить свет хотя бы на часть преступлений, ежечасно совершаемых защитниками порядка над свободой и честью русских граждан. Один произвол, бессмысленный и же-

браний и организаций; 5) Непосредственной ответственности административных лиц; 6) Общедоступности образования; 7) Допущения женщин в университет; 8) Уравнение прав национальностей. — Вместе с рабочими мы требуем: 9) 8-часового рабочего дня и 10) Права стачек. Не признавая настоящего правительства способным к преобразованию общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созвания «Учредительного Собрания». Общеполитическая программа заставляет нас вынести протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования. Согласно постановлению сходки, настоящая резолюция будет представлена совету министров с подробной мотивировкой". — Все собравшиеся решили остаться в университете до утра с тем, чтобы на другой день присоединиться к предполагавшейся рабочей манифестации. От ректора дано было обещание, что войска внутрь университета допущены не будут. Тем не менее, в 3 часу ночи в университет ворвались городовые, жандармы и солдаты с ружьями и факелами. Были тотчас же пущены в ход нагайки и шашки. Многие сильно избиты, двое весьма серьезно. После этого все присутствовавшие были арестованы и препровождены сначала в манеж, а потом развезены по тюрьмам, — главным образом в Бутырку, куда раньше доставлены были академисты, арестованные во дворе университета. В Бутырской тюрьме находится в данный момент до 600 студ., арестованных 9-го, около 300 чел., захваченных несколько ранее, и 100 чел. интеллигенции. От прокурора им было заявлено, что никакого следствия и суда над ними производиться не будет, а наказания всем уже назначены заранее. Многие посажены в одиночное заключение. Режим заключенных самый стеснительный: запрещена передача писем, денег и провизии, свидания никому не разрешаются. Университет закрыт попрежнему».

Таким образом, в первый раз собрание нескольких сот студентов вынесло резолюцию, совершенно определенно выражающую солидарность студенчества с политическими требованиями пролетариата.

Интересные сообщения о событиях 9 и 10 февраля находим в одной корреспонденции английской газеты «Standard», которая отражает настроение некоторых «солидных» русских сфер:

«Москва снова в настоящем осадном положении. Предыдущие дни полиция деятельно „чистила" город, захватывая подозрительных лиц из всех слоев общества. Главными страдальцами были, конечно, студенты, но в этом году новую черту составляют многочисленные аресты среди рабочих»...

«Несмотря на все меры, по суровости превосходящие даже те, которые были приняты вслед за убийством Александра II, прокламации потоком распространяются в населении, притом печатные, а не гектографированные, как обычные студенческие. В пример того, какими способами они распространяются, упомяну о случае в Орехове-Зуеве, крупном мануфактурном центре с 40.000 рабочих. Тут было основано общество трезвости с народной читальней и чайной. Читальня посещалась рабочими с большим усердием, которым учредители были очень довольны, пока не открылось, что в каждую книжку вложены прокламации. Сегодня утром прокламации были расклеены на одной из московских улиц, несмотря на то, что каждый дом имеет дворника, обязанного следить за всем и имеющего право арестовывать подозрительных лиц».

О неудаче демонстрации 9 февраля корреспондент рассказывает:

«Рабочие окрестных фабрик не могли проникнуть в центральные части Москвы в виду того, что вся площадь фабрик и заводов за городскими воротами двое суток охранялась сильной цепью войск. Поэтому демонстрация пока потерпела неудачу. Далее, набеги полиции оставили массы без вожаков или лиц, в которых они видели вожаков. Фактически весь московский гарнизон теперь стоит под ружьем, за исключением артиллерии и саперов. Тревога, поданная из Орехова-Зуева, где начались беспорядки, заставила поспешно отправить туда войска в специальном поезде, но, если такие вызовы не станут более частыми, московский гарнизон, состоящий из 25—30.000 солдат всех родов оружия, будет достаточен для устрашения черни.

«Храм Спасителя также оберегался двумя батальонами пехоты, скрытыми в его подвалах, с целью помешать студентам собраться на обширной площади перед собором. До настоящего времени улицы обнаруживают лишь обычное праздничное оживление, но гуляющие принадлежат к менее фешенебельному классу, чем в обычное время, и толпы народа возле университета, беспрестанно разго-

---

стокий, властно возвышает свой голос и царит на всем необ'ятном пространстве разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встречая нигде должного отпора.

«При таком положении вещей вполне естественно систематическое недоверие правительства к малейшим проявлениям частной и общественной инициативы, к деятельности всякого рода общественных союзов и в частности к земским учреждениям, — этому камню, на котором Россия 60-х гг. чаяла видеть утверждение нового царства. Торжествующей бюрократией земские учреждения осуждены на медленную смерть, и каждый год несет новый удар их жизнедеятельности, их значению и авторитету в глазах общества и народа, который почти не отличает земства от чиновной администрации. Земские собрания превращены в сословно-бюрократические совещания, вопреки ясно выраженному протесту всех прогрессивных групп страны, и потеряли всякую связь с массою русского народа. Земские управы становятся придатками губернаторских канцелярий и, теряя в самостоятельности, постепенно приобретают все недостатки присутственного места. Земские избирательные собрания низведены до какой-то комедии. Малочисленность избирателей и деление последних на сословные группы, не давая собраниям возможности служить средством для выражения, в лице избранных гласных, различных общественных интересов, превращают их в арену борьбы мелких и личных самолюбий.

«Пределы ведения земских учреждений ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дело из компетенции земства из'ято. В деле оценки земство превращено в исполнителя чиновных распоряжений. В области народного образования роль земства сведена почти к нулю. Выработанный министерством Горемыкина врачебный устав формально не отменен и, словно Дамоклов меч, висит над земской медициной. Черный призрак наказа училищным советам, повидимому, рассеялся. Но земство ничем не гарантировано от нового появления этого призрака, но уже воплощенного в форму закона и связанной с ним окончательной гибели земской народной школы. Взаимные сношения земских учреждений разных губерний, необходимость которых стала избитым общим местом, встречают новые затруднения в последнем циркуляре м. вн. дел по этому предмету. Каждый шаг земства, как общественного учреждения, связан сложной паутиной многочисленных циркуляров различных министров, и земскому деятелю при проведении в жизнь той или другой меры приходится затрачивать не мало времени, энергии и остроумия на неблагодарный труд распутывания этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ее второй пункт

няемые полицией, показывают, что все живо интересуются происходящим».

Прибавим, что о волнениях в Орехове сообщают также наши корреспонденты. Был слух, что ореховцы двинулись на Москву и войска были отправлены им навстречу. — В замечаниях практичного англичанина следует обратить внимание на то, что одновременное движение в главнейших фабричных пунктах, кольцом окружающих Москву, должно совершенно парализовать «боевую готовность» московских властей и тем дать возможность московской «улице» выполнить свою задачу.

События в Петербурге (из частного письма). Разрешенные в среду градоначальником, по распоряжению м-ства вн. д., в четверг вечеринки были запрещены. Студенты решили провести вечер 8 февраля в народном доме Николая II, при чем всячески стараться избегать столкновений с полицией. Во время спектакля сверху в публику были брошены листки, а по окончании его было предложено прокричать «ура» в честь студенческого праздника После этого и началась история, которая, по словам очевидцев, во сто крат превосходит историю 4 марта. Заготовленные заранее полиция и дворники бросились в толпу и били направо и налево кого ни попало, при чем вся эта картина носила вид дикой, нелепой и притом бесстыдной кулачной расправы. Раззудись плечо, размахнись рука— и летит на пол тщедушная женская фигурка; раззудись плечо... и кубарем катится по земле студент-горняк; в течение 2 часов размахивались руки—и в результате кровь... Разбитые лица, изуродованные физиономии, с кем-то случай умопомешательства, кого-то совсем не досчитываются, несколько человек тяжело изувеченных... А башибузуки, тем временем, ликуют, получив от его превосходительства вице-губернатора по 3 гривенника на чай и личную благодарность за то, что так постарались на пользу царя и отечества... Около сотни или полутораста человек (а может быть больше, довольствуюсь пока что одними лишь слухами, ибо точных сведений нет) тотчас же было рассажено в кареты и развезено куда следует.

Из другого сообщения:

В народном доме около 1 часа ночи было страшное избиение кучки студентов значительно превосходящим числом полиции. Дом с самого начала был битком набит полицией с бароном Нолькеном во главе (полицмейстер). Полиция, казалось, ждала только повода. Но студенты держали себя безукоризненно весь вечер. В конце, когда публика начала уже расходиться, полиция вздумала арестовать 2 студентов. За товарищей вступились остальные, требуя в таком случае и их арестовать. В это время раздалось: «Да здравствует петербургский университет!» «Долой временные правила!» «Реформаторам нашим анафема!» Возгласы эти покрывались каждый раз криком «ура!» (возможно, что это были провокаторские возгласы). В то же время в выходе на студентов набросилась полиция, в боковые двери ворвались еще городовые, и началось беспощадное избиение! Многие сильно побиты, между прочим проф. медицинск. курсов Гинзбург. Арестовано 27 студентов и 2 курсистки, многих переписали. 9 февраля, около 4 час. дня, по Васильевск. острову проскакала целая сотня (а может и больше) конных городовых по направлению к Гавани. Говорят, что «бунт» на каком-то Бельгийском заводе.

Демонстрация в Одессе. По почину группы «социалистов-революционеров» 23 февраля произошла в Одессе демонстрация. На Ришельевской улице появилась небольшая кучка молодежи с красными флагами. Вокруг нее собралась толпа из учащихся, рабочих (ремесленных) и прочей публики. Толпа вступилась за арестуемых знаменоносцев. Демонстранты рассеяны эскадроном казаков, сотней конных жандармов и полицейским отрядом. Арестовано 160 человек. Немедленно по возникновении «беспорядков» полицмейстер приказал закрыть на Дерибасовской улице все магазины и рестораны.

Всю следующую неделю войска стояли наготове.

О демонстрации в Петербурге 3 марта, как и о событиях в Юрьеве и Ростове, мы сообщим в следующем номере.

Полтава. 5 февраля в местном театре состоялась манифестация в честь Толстого. Шла «Власть тьмы». Перед третьим актом, прежде чем подняли занавес, с различных концов галлереи в публику посыпался дождь раз-

---

отдает всю деятельность земства на усмотрение губернатора. Губернаторские ревизии земских управ все учащаются; в лице непременных членов губернского по земским делам присутствия правительство бесцеремонно учреждает гласный надзор за земством. Изданием закона о предельности земского обложения правительство открыто признается в своем крайнем недоверии к основному праву земства — праву самообложения. Благодаря вмешательству деп. полиции, от земской деятельности насильно отрываются лучшие земские работники, выборные и наемные. В недалеком будущем, вероятно, получат силу закона министерские проекты о контролировании денежных операций земства чинами Государственного Контроля и об упорядочении деятельности земских совещательных комиссий.

«Земские ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленным для того порядком и небрежно отклоняются единоличною властью министров. Работать при таких условиях в земстве с серьезной верой в плодотворность этой работы представляется невозможным. И на наших глазах происходит процесс все увеличивающегося оскудения земской среды и в особенности земских исполнительных органов — управ. Уходят из земства люди, горячо преданные земскому делу, но утратившие веру в плодотворность работы при нынешних условиях. И на смену им идет земец новой формации, идет оппортунист, трусливо дрожащий за имя, за форму земских учреждений и окончательно унижающий их достоинство уродливым пресмыканием перед администрацией. В результате получается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтожения самоуправления. Открытый поход правительства против самой идеи земства мог бы привести к широкому общественному возбуждению, которого так боится бюрократия. Но на наших глазах происходит замаскированное умерщвление принципа самоуправления и, к несчастью, не находит организованного отпора.

«При таком положении вещей сравнительная ничтожность материальных итогов земской деятельности нисколько не восполняется ее воспитательным значением, и почти сорокалетняя работа земских учреждений в смысле развития гражданственности, общественного самосознания и самодеятельности может пропасть бесследно для ближайшего будущего. С этой точки зрения, спокойное, покорное ожидание оппортунистов-земцев только содействует бесславной и бесполезной смерти великой идеи земских учреждений. Вывести земства из того тупика, куда привела их система опеки, возможно, лишь энергично борясь против нелепой мысли, что обсуждение вопросов, выходящих за пределы мелочей местной жизни,

ноцветных листков с потретом Толстого и надписью «Да здравствует отлученный от церкви Л. Н. Толстой, борец за свободу». Среди полумрака и мгновенно воцарившейся торжественной тишины, нарушаемой только легким шелестом падающих листков, раздался вдруг громкий возглас: «Да здравствует отлученный от церкви Толстой, борец за свободу». На этот возглас откликнулся весь театр, публика встала, и в продолжение нескольких минут в театре стоял несмолкаемый гул голосов: «Да здравствует Толстой!» «Да здравствует свобода!» Момент был чрезвычайно торжественный. Воодушевление охватило весь театр. Когда растерявшаяся театральная администрация распорядилась, наконец, поднять занавес, никто уже не обращал внимания на сцену: из рук в руки переходили приветственные листки и тут же пущенные прокламации политического характера (к слову сказать, чрезвычайно неудачные). Возбуждение усиливалось беготней полиции, бросившейся отнимать листки, которые публика отдавала очень неохотно. Встревоженные пристава сообщали в телефон: театр полон прокламациями! возбуждение страшное! Пришлите сыщиков!.. Эта демонстрация чрезвычайно взбудоражила местную сонную жизнь. Обыватель проснулся и заговорил. Спросонья говорилось, конечно, много нелепостей (вроде того, например, что на 18-е назначено избиение офицеров, а на 19-е общий [!!] бунт), но важно, что обыватель узнал о существовании рядом с ним какой-то другой жизни, каких-то других интересов. Узнал, что эти интересы — не только праздничное украшение жизни, а что-то более важное, что-то, зовущее к деятельности, к борьбе, требующее внешнего проявления. Через несколько дней его познания обогатились: он узнал, что эта борьба, хотя бы в скромной форме приветственной манифестации, достается недаром: в ночь с 8-го на 9-е местная жандармерия пустилась в поход, в результате которого оказалось 45 человек военной добычи (обысков произведено около 70). Для обысков и арестов была вызвана вся уездная полиция. По словам лавочников «интеллигенцию» возили с 6 ч. утра до 11—12 дня. Хватали направо и налево, преимущественно поднадзорных. И сами по себе массовые аресты вызвали страшный переполох в городе, но переусердствовавшая полиция постаралась усилить возбуждение: некоторых арестованных везли с шашками наголо, а так как арестантские роты, куда свозили арестованных, находятся почти на конце города, то к 12 часам дня весь город был оповещен о необычайном происшествии. С утра перед арестантскими ротами начала собираться толпа, привлекаемая сенсационными слухами и пением революционных песен, раздававшимся из окон исправительного отделения. Арестованные, возмущенные произвольностью действий жандармерии, немедленно потребовали жандармского генерала, но получили в ответ генеральское: «подождут». Это подлило масла в огонь. Арестованные (распределенные по трем камерам — мужчины в одной, а женщины в 2-х) сейчас же начали обсуждать что делать. Трое вызванных на допрос отказались пойти. Один из заключенных, Васильевский, об'явил голодовку еще с утра, требуя, чтобы ему представили достаточные основания для его ареста. Его пытались разубедить, но напрасно. Он потребовал перевода в одиночку, так как рассчитывал голодать один. Остальные немедленно составили и подписали следующий протест: не видя достаточного основания для нашего ареста, мы протестуем против этого насилия и требуем немедленного освобождения. Протест этот составлен был еще утром, но отдать его в этот же день не удалось. Вечером, когда Васильевский был перевезен в одиночку, одна из женских камер заявила голодовку впредь до выполнения требований Васильевского. Это заявление вызвало страшное возбуждение. Пока вопрос не выяснен ни в ту ни в другую сторону, решили не есть (с 8 часов вечера), а утром в воскресенье потребовали от начальника разрешения общей сходки для обсуждения этого вопроса. Сходка состоялась в присутствии начальника арестантских рот. Мнения разделились, большинство было против голодовки, но в виду категорического заявления женской камеры решено было примкнуть к голодающим и официально об'явить голодовку с 2 ч. дня воскресенья. К 2 ч. явился прокурор, которому подали протест для передачи жандармерии, и заявили о голодовке. В этот день в виду собравшейся на площади толпы, при пении «Марсельезы», «Дубинушки» и пр., из окна верхнего этажа арестованными было выброшено красное знамя с надписью: «свобода!». Толпы народа со всех концов города собирались к арестантским ротам, толкуя о необычайном событии, прислушиваясь к пению боевых песен. В виду сильного возбуждения, вызванного всем этим, с 4 час. дня арестантские роты и прилежащие улицы были оцеплены войсками. В самые роты была введена «команда для по-

---

грозит народными бедствиями. Бороться с этим жупелом, страшным, конечно, не для народа и государственной безопасности, с этой мыслью, нелепость которой цинично признается самими ее защитниками (см. конфиденциальную записку Витте „Самодержавие и Земство"),—земству надлежит путем открытого и смелого обсуждения в земских собраниях вопросов общегосударственного значения, тесно связанных с нуждами и пользами местного населения. И чем разностороннее, полнее и энергичнее будут земские собрания обсуждать подобного рода вопросы, тем с большей ясностью обнаружится, что публичное обсуждение народных зол не грозит народными бедствиями, а, наоборот, предупреждает их, что тот гнет, под которым находится в настоящее время печать, полезен лишь врагам народа, что господствующей полицией мысли и слова нельзя создать честных граждан, что законность и свобода не находятся в противоречии друг с другом. Публичное выяснение всех подобных вопросов одновременно в нескольких губернских земских собраниях встретит несомненно сильнейшее сочувствие всех слоев народа и вызовет энергичную работу общественной совести. Если же земство ничем не реагирует на современное критическое состояние России, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отняв у него роль представителя интересов труда, не задумаются привести его в окончательное „соответствие" с общим строем учреждений империи. Какие формы примет это „соответствие", мы, принимая во внимание глубокомыслие и изобретательность теперешних правителей страны, положительно затрудняемся себе представить. Ведь хватило же наглости у г. мин. вн. дел и удивительного презрения к „первенствующему" сословию империи, чтобы возложить на его избранников — предводителей дворянства — гнусную роль шпионов по надзору за чтецами и существом народных чтений.

«По изложенным соображениям мы полагаем, что наше бездействие и дальнейшее смиренное подчинение всем экспериментам, которым бюрократия подвергает земство и всю Россию, представляется не только своего рода самоубийством, но и тяжелым преступлением перед родной страной. Неосновательность, безумие тактики оппортунизма — эта продажа „первородства" за „чечевичную похлебку" — достаточно доказаны нам жизнью: самодержавная бюрократия, присвоив сначала право первородства, отняла теперь у нас и „чечевичную похлебку". Шаг за шагом у нас отняты почти все наши гражданские права, и сорокалетие, протекшее со времени начала „великих реформ", привело нас к тому же пункту, из которого мы вышли 40 лет тому назад, приступая к этим реформам. Много ли осталось нам терять и чем может

давления беспорядка». Полиция забирала в участок всякого, вступавшего в пререкания. Весь город был взволнован слухами о происходящем в тюрьме. Весть о голодовке встревожила общество. Люди самых разных слоев и положений негодовали и возмущались действиями жандармерии и администрации. Но наивысшей точки достигло волнение в понедельник утром. Сначала в арестантские роты был взят с улицы врач, затем вытребован батальон солдат, затем поскакало начальство: инспектор, прокурор, вице-губернатор, затем пронесли связки розог. Эта лихорадочная суматоха, дикие крики внутри тюрьмы, звон разбиваемых стекол, тревожная беготня тюремного начальства, все это заставляло думать, что там, за стенами, среди больных, истощенных, изнервничавшихся людей, разыгрывается какая-то страшная драма. Нервы напряглись до последней возможности. Никто не знал, что происходит в тюрьме. Пение смолкло, а солдаты, отряд за отрядом, входили в ворота и исчезали в огромном здании арестантских рот. Неизвестно откуда взявшееся слово «бунт» облетело толпу, наполняя ужасом и без того истерзанную душу. К 3 часам все, повидимому, успокоилось. Встревоженные за участь близких людей, родственники арестованных подняли на ноги весь город, требуя прекращения этих ужасов, настаивая, чтобы требования В. были удовлетворены. К вечеру в городе уже циркулировал рассказ о происшедшем в тюрьме, волнуя и без того взволнованные умы. Вот этот рассказ со слов заключенных. Опасаясь возбуждения толпы, собравшейся перед арестантскими ротами, в.-губернатор через инспектора потребовал перевода заключенных в нижний этаж (окнами во двор), обещая, что камеры там не хуже. Мы, послав двух лиц для осмотра камер, решили уступить, но когда начали перебираться, то оказалось, что камеры полны насекомых. Оставшаяся наверху часть отказалась перейти. Тогда в коридоры были введены солдаты, офицер, командовавший ими, заявил нам, что власть над заключенными передана ему. Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы в эту минуту женщины не прислали депутацию с просьбой не сопротивляться и перейти вниз. Уступая их просьбам, начали переходить. Один из товарищей, в это время истощенный голодовкой, потерял сознание. Его пришлось переносить на руках. Когда процессия с пением «Марсельезы» двинулась вниз, среди женщин раздались истерические крики. В этот момент произошло что-то ужасное: раздался какой-то гул, грохот, какой-то крик сотни людей. Железная дверь из отделения уголовных с треском вылетела, и толпа уголовных арестантов около 300 человек, с молотами, топорами в руках, бросилась к нам с криком: «Вас бьют? Скажите, вас били? Мы защитим вас!» Стража и солдаты мгновенно бежали, успев втолкнуть нас в камеры, уголовные бросились к нашим дверям, пожимая нам руки через решетки, обещая нам свою поддержку. Взволнованные всем происшедшим, мы с трудом успокоили их, об'яснив, что нас не били, что среди нас есть больные и т. д. Они, в свою очередь, сообщили нам, что растерявшееся начальство, занявшись усмирением нашего «бунта», заперло их на чердаке и забыло накормить. Пока шли эти переговоры, коридоры снова наполнились солдатами. Явился полицмейстер, инспектор, прокурор, вице-губернатор. В камеру в качестве парламентера прислали одного из офицеров. К чести его нужно сказать, что, явившись в камеру, он снял оружие (и вообще офицеры держались очень корректно). Убеждая нас подчиниться требованию начальства, он был не мало удивлен, когда узнал, что мы уже исполнили это требование и притом добровольно. Вслед за ним в сопровождении свиты офицеров явился вице-губернатор, которому начальник арестантских рот поспешил сообщить о нашем «сопротивлении». Но мы тут же рассказали, как было на самом деле. Вице-губернатор, выслушав наши об'яснения, обещал приложить все старания, чтобы ускорить окончание дела. Во вторник утром Васильевский был освобожден. Инспектор немедленно об'явил нам об этом, и голодовка была прекращена. В тот же день начали выпускать. Теперь в арестантских ротах и в тюремном замке осталось 24 человека, но и их обещают выпустить на-днях. Во всем городе только и разговоров, что о тюремных событиях. В последние 3 дня непрерывно появляются прокламации: часть (на малорусском языке) пущена в окрестных деревнях, часть расклеена по городу (за подписью украинцев — соц.-революционеров), часть разослана по домам. Со дня на день ждут каких-нибудь событий. Настроение тревожное. Администрация вытребовала две сотни казаков и разделила город на две части: одна предоставлена Елецкому, другая Орловскому полкам. К 20 февраля все арестованные, за исключением 5-ти человек, освобождены.

быть оправдано наше дальнейшее молчание, чем может быть об'яснено оно, кроме позорной трусости и полного отсутствия сознания своих гражданских обязанностей?

«Как русские граждане, и притом „наверху“ стоящие, мы обязаны отстаивать права русского народа, обязаны дать надлежащий ответ самодержавной бюрократии, стремящейся задавить малейшее проявление свободы и самостоятельности в народной жизни и обратить весь русский народ в покорного раба. Как земцы, мы в особенности обязаны отстаивать права земских учреждений, защищать их от произвола и гнета бюрократии, отстаивать их право на самостоятельность и широкое удовлетворение потребности всех слоев народа.

«Перестанем же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажем, наконец, что мы взрослые граждане, и будем требовать того, что нам принадлежит по праву, — нашего права „первородства“, наших гражданских прав.

«Самодержавная бюрократия никогда ничего не дает добровольно, а дает только то, что у нее вынудят, хотя и старается при том сделать такой вид, будто она поступается своими „правами“ единственно из великодушия. Если же и случится ей дать более того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимает все излишние уступки, как и случилось с нашими „великими реформами“. Правительство не позаботилось о рабочих до тех пор, пока перед ним не встало серьезное „рабочее движение“ в форме демонстраций многотысячных рабочих масс, тогда оно спешно приступило к „рабочему законодательству“, хотя и достаточно лицемерному, но все-таки рассчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какие требования рабочих и успокоить эти грозные массы. Правительство в течение десятков лет калечило нашу учащуюся молодежь, наших сестер, братьев и детей, не допуская ни малейшей критики придуманной им „учебной системы“ и свирепо подавляя студенческие „беспорядки“.

«Но вот эти „беспорядки“ превратились в массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократия прониклась вдруг горячим чувством „сердечного попечения“ об учащейся молодежи, и те самые требования, на которые вчера еще единственным ответом был свист казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой „реформы учебного дела“.

«Конечно, и в этой метаморфозе есть немалая доля лицемерия, а все-таки... Все-таки не подлежит сомнению тот факт, что „бюрократия“ вынуждена открыто признать и сделать довольно существенную уступку общественному мнению. И мы, как и все русское общество, весь русский народ, мы можем рассчитывать

Манифест всероссийского студенческого с'езда.

«Мысль о с'езде представителей высших учебных заведений России, который мог бы об'единить студенчество и выработать общий план действий, не является новостью. Попытки к ее осуществлению мы видим в Одесском и Московском с'ездах, к сожалению не удавшихся. Только теперь, несмотря на все препятствия, удалось удовлетворить назревшую потребность. — С'езд после всестороннего рассмотрения настоящего положения вещей пришел к следующим выводам: 1) Студенческое движение есть движение политическое. Этим положением с'езд хочет сказать, что студенческое движение своими корнями лежит глубоко в современном общественном строе России. Осуществление университетской автономии шло бы в разрез с правительственной тенденцией, заглушающей всякое стремление к самодеятельности. Поэтому борьба за права студенчества неизбежно является борьбой против правительства. Противодействие такой постановки вопроса не разумно и рано или поздно будет смыто волнами жизни. Студенческие движения будут продолжаться до тех пор, пока народное представительство не даст гарантии свободы личности, совершенно отсутствующей при монархическом строе. 2) Необходимость высказать это положение вызвана у с'езда грустным сознанием, что не вся масса студенчества вполне ясно представляет себе роковую неизбежность эволюции. С'езд находит, что выяснение вопроса может и должно вестись в форме пропаганды среди студенчества. Констатируя факт совместных действий за последнее время студентов и рабочих, приветствуя от души это явление и выражая желание большего единения учащейся молодежи и пролетариата, идущих нога в ногу по пути требования политической свободы, являющегося первым пунктом социалистической программы, с'езд находит желательным возможно широкую пропаганду социалистических идей среди студентов. Последнее необходимо для ясного понимания роли и степени участия пролетариата в нашем движении. Для лучшего достижения этой цели с'езд находит желательным учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными комитетами Российской Социал-Демократической Партии, к которым с'езд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям. Что касается вопроса о тактике движения, с'езд, оставляя в силе применения забастовки и обструкции во всех ее видах, выдвигает на первый план демонстрацию как наиболее действительное средство обратить внимание общества на ненормальное положение дел. Кроме того, с'езд предлагает всем студенческим организациям заняться изысканием новых форм протеста. Считая единство действий залогом успеха, с'езд высказывается за желательность учреждения общестуденческого секретариата (центрального бюро), который установил бы правильные сношения между отдельными организациями. С'езд находит возможным, чтобы печатный орган издавался при центральном бюро. Для этой же цели желательны периодические с'езды представителей студенческих организаций России. Созыв с'езда с указанием времени и места предоставляется секретариату. Заканчивая работу, с'езд полагает, что он исполнил в пределах возможного свой долг перед студенчеством. Он не хочет убаюкивать учащуюся молодежь уверением в легких победах. Он не хочет закрывать глаза перед суровою действительностью. Конечная цель движения — политическая свобода — вопрос неопределенного будущего, но мы идем к ней твердыми и верными шагами. Правда, наш путь усеян жертвами, и, может быть, еще много придется потерять на этом пути: не одно еще движение вспыхнет и снова погаснет, но какие бы меры ни принимало правительство, оно не может задавить протеста, созданного самою жизнью. Из этого сознания мы должны черпать новые силы. С'езд убеждает товарищей не падать духом от временных неудач и, об'единившись, правильно организовавшись, смело встать против гнета самодержавного режима».

Приводя полностью этот недавно доставленный нам документ, приветствуем, с своей стороны, решение студенчества примкнуть возможно теснее к комитетам нашей партии.

Воры повздорили. Телеграфное агентство возвестило 6 февраля о назначении директора департамента общих дел в министерстве вн. дел Трепова таврическим губернатором.

на признание и осуществление наших прав только в том случае, если будем смело, открыто, дружно и настойчиво требовать этих прав.

«В виду всех этих соображений, мы решили обратиться с настоящим письмом к Вам, Мил. Гос., и ко многим другим земским деятелям всех губернских земств — с просьбой оказать содействие в настоящую сессию Губернских Земских Собраний возбуждению, обсуждению и принятию соответственных постановлений по нижеследующим вопросам.

«I. О пересмотре Положения о земских учреждениях и об изменении его в смысле:

а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий при условии значительного понижения имущественного избирательного ценза; б) устранения из состава земства сословных представителей, как таковых; в) освобождения земства во всех его действиях от опеки администрации, предоставления земству полной самостоятельности во всех местных делах, при условии подчинения его законам страны на общих основаниях со всеми прочими лицами и учреждениями: г) расширения компетенции земства предоставлением ему полной самостоятельности в заботах о всех местных пользах и нуждах, поскольку они не нарушают интересов всего государства; д) отмены закона о предельности земского обложения; предоставления земству самых широких прав в деле распространения всеми способами народного образования, при чем, кроме хозяйственных забот, земству должно быть предоставлено и право наблюдения и улучшения учебной части; ж) отмены вышеупомянутого врачебного устава, угрожающего земской медицине; з) возвращения в руки земства продовольственного дела, а равно и предоставления ему полной самостоятельности в организации и ведении земско-статистического оценочного дела; и) ведения всего земского дела исключительно через выборных земских людей, которые не должны подлежать утверждению администрации, а тем более не должны быть назначаемы помимо воли земских собраний; і) предоставления права земству приглашать земских служащих исключительно по своему усмотрению без утверждения администрации; к) предоставления земству права свободно обсуждать все общегосударственные вопросы, имеющие отношение к местным пользам и нуждам, при чем возбуждаемые земством ходатайства обязательно должны быть рассматриваемы высшими правительственными учреждениями в течение определенного срока; л) предоставления всем земствам права сноситься между собой, а равно устраивать с'езды земских представителей для обсуждения вопросов, касающихся всех или нескольких земств.

Многим, читавшим об этом перемещении, осталось, конечно непонятно, что это — ссылка, опала за участие с гг. министрами в казнокрадстве.

На отделку квартиры министра внутренних дел г. Сипягина ассигновано было 300.000. Этих денег оказалось мало в виду безумной роскоши, в которой утопают царь и его придворные. Гнездышко, которое свил себе министр внутренних дел в казенном доме, все было обито самым дорогим штофом, одна люстра в столовой обошлась в 18.000 рублей... Вся отделка обошлась не более не менее как в 700.000 р., то есть превысила смету на сумму в полмиллиона...

После дружеского разговора царского шута, собутыльника, повара, сводника и вместе с тем шефа жандармов — г. Сипягина с царским казначеем г. Витте, у которого все министры находятся на содержании, решено было пополнить перерасход из «свободной наличности»...

Г. Трепов, в ведении коего находились суммы по ремонту, подчинился воле повелителей бедной России.

Между тем, дядя царя, вел. князь Сергей Александрович, из личных счетов доложил царю об этой министерской проделке.

Г. Сипягин все свалил на г. Трепова (проигравшего к тому же не так давно в карты 50.000 руб. казенных денег). Последний был разжалован в губернаторы и, несмотря на усиленные просьбы об аудиенции для восстановления истины, не был допущен пред ясные очи «Ники-Милуши».

Сколько еще худших краж совершается ежечасно, безгласно и безнаказанно в непроглядной темноте царизма?

Голодовка на Шпалерной. Петербургский дом предварительного заключения после многих лет снова увидел в своих стенах «голодный бунт». 31 января несколько человек, сидящих уже более года, об'явили голодную забастовку, потребовав своего освобождения. Женское отделение присоединилось к голодовке. Всего (по официальным источникам) голодало 68 человек. В субботу 7 февраля власти обещали удовлетворить требования голодавших. Одного пришлось перевести в больницу с малой надеждой на выздоровление.

Обещание свое власти нарушили. Подлежащие освобождению лица были переведены в пересыльную тюрьму, но из них 6 человек оставлены в заключении. Эти 6 человек возобновили 15 февраля снова «голодную забастовку» и в ответ на угрозу искусственного кормления заявили, что в случае приведения ее в исполнение покончат с собой.

Цифровые данные о количестве и составе «политических» в Киеве за 1901 год. Ежемесячные отчеты «Киевского Красного Креста помощи политическим ссыльным и заключенным», очень аккуратно издаваемые и снабженные списками всех «политических», содержавшихся под стражей в отчетном месяце, не говоря уже о той пользе, какую они приносят увеличению средств «Креста», представляют из себя интересный материал, дающий некоторое представление о степени развития оппозиционного движения. Истекший год дал сравнительно небольшое число арестованных, потому что массовые аресты по «студенческому делу», практиковавшиеся раньше, были, как известно, заменены отдачей студентов в солдаты.

Тем не менее общая сумма «политических» г. Киева в 1901 г. достигает довольно крупной цифры — 285 человек, просидевших в тюрьме в общей сложности — 14.335 дней.

Из этого числа — «интеллигентов» было 131 человек (46% общего числа арестованных), пробывших в тюрьме 11.216 дней (78,84% общего числа дней). Здесь бросается в глаза значительно более строгое отношение правительства к интеллигентам, чем к рабочим: процентное отношение времени их заключения значительно выше процентного отношения их численности. Другими словами говоря, на каждого «интеллигента» приходится, в среднем, непомерно большое количество дней «сидения».

Видимо, попрежнему еще правительство считает виновником всех зол «революционную бациллу» — интеллигента и несколько мягче относится к рабочим, введенным в заблуждение «злонамеренными людьми» (это несоответствие может также вызываться той особой бесцеремонностью, которая проявляется при арестах рабочих, когда

«II. О пересмотре и изменении Пол. о крестьянах в смысле полного уравнения их прав с правами прочих сословий.

«III. Об изменении податной системы в смысле уравнения податного бремени посредством прогрессивного обложения доходности имуществ и при условии освобождения от обложения известных минимальных доходов.

«Крайне желательно также, чтобы в земских собраниях были подняты и обсуждены вопросы:

«IV. О восстановлении повсеместно мировых судебных учреждений, а равно и об отмене всех законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных.

«V. О предоставлении большей свободы печати, о необходимости уничтожения предварительной цензуры, об изменении цензурного устава в смысле определенного и точного указания того, что дозволено и чего нельзя печатать, об уничтожении административного произвола в цензурной практике и о передаче всех дел о преступлениях в печати исключительно ведению гласного суда общих судебных установлений.

«VI. О пересмотре существующих законов и министерских распоряжений относительно мер охранения государственной безопасности, об устранении в этой области тайного административного „усмотрения“ и о гласном рассмотрении всех дел подобного рода в общих судебных учреждениях.

«Полагая, что Вы не откажетесь содействовать в Вашем Губернском собрании возбуждению указанных общих вопросов, мы имеем честь выразить Вам нашу просьбу о сообщении могущего быть постановления земского собрания по возможности во все земства через знакомых или известных Вам гласных. Мы надеемся также, что в большей части земств найдется достаточное количество смелых и энергичных людей, которые сумеют провести эти требования через земские собрания. И если мы все единодушно, открыто и в категорической форме пред'явим наши справедливые требования, то бюрократия вынуждена будет уступить, как уступает она всегда, когда встречается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы».

Это очень поучительное письмо. Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать против самодержавного правительства. И, если сравнить это письмо с таким, напр., произведением, как предисловие г. Р. Н. С. к записке Витте [1], то первое, на мой взгляд, производит лучшее впечатление.

В письме нет, правда, сколько-нибудь «широких» политических обобщений, — но ведь авторы его и высту-

сплошь и рядом забирают совершенно непричастных лиц. Ред.). Интеллигенты распределяются следующим образом: мужчин — 103 чел. (36,84% общ. числа), пробывших в тюрьме: 10.247 дней (71,47% общ. врем.), а женщин — 28 чел. (9,47% общ. числа), пробывших в тюрьме 969 дней (6,76% общ. врем.); нельзя не отметить более снисходительного отношения к «женской политике».

По роду заключения «интеллигенты» распределяются следующим образом: в предварительном заключении находилось 97 мужчин (34,03%), пробывших в тюрьме 10.147 дней (71,47%) и 25 женщин (9,47%), пробывших в тюрьме 945 дней (6,58%); отбывали наказание — 6 мужчин (2,1%), пробывших в тюрьме 100 дней (0,69%), и 3 женщины (1,05%), пробывших в тюрьме 24 дня (0,18%). Впервые в прошлом году наша тюрьма стала служить не только для предварительного заключения, но и для отбытия наказания «политических».

Заключенных по политическим делам рабочих в 1901 г. было—154 чел. (54% общ. числа), пробывших в тюрьме 3.019 дней (21,16% общ. врем.). Мужчин из числа рабочих было — 138 чел. (48,08%), пробывших в тюрьме 2.707 дней (14,91% общ. числа), а женщин 16 чел. (5,61%), пробывших в тюрьме 312 дней (2,18%), из них: в предварительном заключении находилось: 93 мужч. (32,63%), пробывших в тюрьме 1.778 дней (12,47%) и 9 женщин (3,15%), просидевших в тюрьме 171 день (1,22%); отбывали наказание: 45 мужчин (15,79%), пробывших в тюрьме 929 дней (5.45%), и 7 женщин (2,39%), пробывших в тюрьме 141 день (0,96%). При чтении этих цифр нельзя не обратить внимание на большой по сравнении с «интеллигентами» процент рабочих, отбывающих заключение в качестве наказания.

Итоги: 285 политических распределяются следующим образом: мужчины — 241 чел. (84,92%), пробыли в тюрьме 13.054 дня (91,06%), женщины — 44 чел. (15,08%), пробыли в тюрьме 1.281 день (8,94%).

Время, проведенное всеми 285 «политическими» в киевских тюрьмах в течение 1901 г., выраженное в годах, составляет в общей сложности 39,27 лет!

Нельзя не пожелать, чтобы киевский «Красный Крест» продолжал выпускать месячные отчеты и чтобы другие «Кресты» последовали бы его примеру.

Желательно также, чтобы в отчетах этих помещались бы более подробные сведения о «политических»: по какому делу привлекается? род занятий? рецидивист? и т. д. Регулярное издание таких отчетов в течение нескольких лет могло бы представить точные данные о движении политической «преступности» в России.

К национальному бесправию поляков. Врешенская история в Германии *, возмутившая культурное население всего мира, естественно должна бы вызвать в нашей несчастной русской Польше взрыв самого острого негодования. Самодержавная политика порабощения и подавления национальности встретила на этот раз отпор в совсем еще юных честных сердцах польской молодежи. «Отеческое попечение» самодержца в отношении польской молодежи выражается в том, что гимназистам-полякам запрещено между собою говорить по-польски, учебники польского закона божия составлены по-русски, ксендз должен вести преподавание на русском языке. Так поставлено дело не только во всех вообще русских гимназиях, где имеются ученики-поляки, но и в коренных польских областях. Вслед за Врешенскими событиями наболевшее национальное чувство Польши выразило свой протест против того порядка вещей, естественным следствием которого являются подобные события. Приведу вам здесь дословно письмо одного гимназиста Седлецкой гимназии. «19 января я отправился в гимназию в 8¾ час. Не доходя гимназии, я заметил, что окна в седьмом классе выбиты, а возле гимназии толпа и гимназические сторожа собирают книги, как оказалось, вылетевшие из седьмого класса. Я быстро вбежал в гимназию и тут узнал следующее: в седьмом классе шел урок польского закона божия. Перед концом урока все ученики-поляки этого класса встали и потребовали у ксендза, чтобы закон божий формально преподавался на польском. Ксендз заявил, что ему не предоставлено издавать новые законоположения и, не желая терять место, он должен подчиниться

* В Врешене ученики школы были подвергнуты телесным наказаниям за пред'явленное ими требование обучения закона божьего на польском, а не немецком языке. В ответ на эту расправу, родители учеников произвели демонстрацию, за которую суд их приговорил к долгому тюремному заключению.

пают не с «программными» заявлениями, а со скромным советом, как практически начать агитацию. Нет у них «полета мысли» даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободе, но зато нет и фраз о близких к престолу лицах, которые могли бы, пожалуй, повлиять на царя. Зато нет у них и фальшивого превознесения «деяний» Александра II, а, напротив, сквозит насмешка над «великими реформами» (в кавычках). Зато они находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против «земцев-оппортунистов», не боясь об'явить войну «позорной трусости», не подделываясь к особенно отсталым либералам.

Мы не знаем пока, какой успех имело воззвание старых земцев, но почин их кажется нам во всяком случае заслуживающим полной поддержки. Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширялось движение, начатое рабочими, распространившееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости.

Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него, — тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя.

Пошлем же привет новым протестантам, — а след., и новым нашим союзникам. Поможем им.

Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы—богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие.

Вы видите: они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы. Ведь если рабочие боролись за такое требование, как отмена «Временных правил», — чтобы выразить протест

власть имущим. Тогда раздались крики vivat, полетели стекла, посыпались книги и калоши в ксендза. Директор, инспектор и классный наставник Соловьев побежали в седьмой класс. Ксендз, бледный как полотно, дрожа от страха, выбежал из класса. Тогда к ученикам 7 класса присоединились ученики-поляки 5, 6 и 8 классов и сообща настаивали на своих требованиях. Директора, вбежавшего в класс, засыпали калошами; катехизисы рвались, кафедру поломали. Говорят, что до 200 учеников будет исключено. Был здесь окружной инспектор и производил следствие. В здании гимназии постоянно шныряют сыщики, в числе 8, специально присланные из Варшавы и следящие за каждым шагом гимназистов.

Старая история. (Рассказ со слов крестьян-очевидцев.) По Варшавской ж. д. недавно везли в Спб. арестованного в Минске молодого человека, кажется, сына какого-то фабриканта (была арестована типография). Поезд прошел ст. Псков и приближался ко второй станции Новоселье. Арестованный улучил момент и выскочил из вагона. Жандармы, сопровождавшие свою добычу, остановили поезд и пытались поймать его своими силами, но этого им не удалось. Поезд двинулся дальше, и со станции Новоселье дана была телеграмма в Жуковское волостное правление с приказанием устроить облаву и изловить бежавшего. Исполнительные деревенские власти поспешили произвести требуемую от них операцию, учиненная облава никаких результатов не дала, и крестьяне разбрелись по домам. Замешкался как-то один лишь участник облавы, присел на лесной опушке и приготовился закурить. Но не успел он свернуть себе «цыгарку», как прямо на него набежал из лесу предмет тщетных поисков. Воля начальства была исполнена, и беглец доставлен в волостное правление, куда собрался весь деревенский мир посмотреть, какого такого злодея поймали. Все почтенное общество было очень удивлено совсем не злодейским видом «злодея», и любопытство собравшихся еще более возросло. Стали расспрашивать, как это так барин попал в столь неприятное положение и за что его преследуют. В волостном правлении раздалась никогда неслыханная его промозглыми стенами страстная революционная речь. «Барин» рассказал миру все: откуда идет всяческое зло и неправда, как он хотел бороться с этой неправдой, как начальство выслеживало его, как, наконец, схватили и повезли в Питер судить шемякиным судом. Долго говорил «барин» и, должно быть, говорил хорошо, потому что «прошиб слезу» у окружающих. На столе появились нехитрые деревенские угощения: несли кто что мог. Мир жалел «барина», не забыл и себя пожалеть: начали горячо толковать, что такого хорошего человека не в тюрьму бы садить, а им бы, горемычным мужикам, в земские начальники... Затем последовал финал: со слезами на глазах «барину» скрутили руки назад и, громко сетуя на жестокое начальство, передали его в руки полиции.

Нижний-Новгород. 15-го вечером в театре состоялось чествование Гоголя. Народу была масса. Публика самая разнообразная, много учащихся, есть и рабочие. С самого начала можно было заметить, что публика, главным образом, учащиеся, неспокойна — все волнуются, все напряженно ожидают чего-то. Полиции и жандармов было еще больше обыкновенного, много переодетых шпионов сидело в публике. Начался апофеоз— внимание всех было обращено на сцену. К бюсту Гоголя подходили артисты, изображавшие разные типы, и становились вокруг. Электрические лампочки изображали «50-летие Н. В. Гоголя». В тот момент, когда лампочки вспыхнули, заиграла музыка и хор запел «славу», — вдруг с разных сторон взвились листки — прокламации. Кто-то крикнул: «Да здравствует политическая свобода», в ответ раздалось «браво», «ура», но все это заглушалось музыкой и пением славы. Прокламации в большом количестве падали наверху, летели вниз, много попало в ложи. Публика тотчас бросилась их поднимать, ловила, хватала, читала. Некоторые отнесли их к чествованию Гоголя, но большинство понимало в чем дело. Какая-то гимназистка, засовывая листок в карман, говорит: «Ах, это о Гоголе, прочту дома». Не обошлось без курьезов. Полиция велела театральному лакею подбирать листки, не об'яснив, зачем это нужно. Он набрал сколько мог и, встав в дверях, начал раздавать публике, думая тоже, что это входит в программу чествования.

против самодержавия, — то не менее значительным поводом может явиться и надругательство администрации над каким ни на есть, а все же: «самоуправлением»!

Но тут останавливают нас всякие явные и тайные, сознательные и бессознательные сторонники «экономизма». — Для кого нужна поддержка рабочими земцев? спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей? Не для одной ли буржуазии, пожелания которой не идут дальше «живой борьбы экономических групп страны»?

Для кого? Да прежде всего и больше всего—для самого рабочего класса. Этот «единственный действительно революционный класс» современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался всяким поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты - земцы и крепостники - помещики) союзники.

Давайте же внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства, с уступкой правительства обществу в 60-х годах, с лживыми речами царей и их тактикой: сначала давать «похлебку» вместо «права первородства», а потом (опираясь на это сохраненное ими «право первородства») отнимать и самое похлебку. Пусть рабочие учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всех ее проявлениях. Это распознавание необходимо и для нашей борьбы за наше «право первородства», за свободу для борьбы пролетариата против всякого экономического и социального угнетения. Будемте читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству, будемте пускать листки по поводу земских протестов, будем готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько - нибудь честной земщины царским правительством пролетариат мог ответить демонстрациями против помпадуров - губернаторов, башибузуков - жандармов и иезуитов - цензоров. Партия пролетариата должна научиться преследовать и травить всякого слугу самодержавия за всякое насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы. *[Н. Ленин]*

Мне бросилась в глаза маленькая, но характерная сценка.

Какой-то человек, по виду рабочий, старается наложить в карман как можно больше листков, чтобы потом, может быть, раздать их товарищам. Неподалеку одна весьма либеральная дама. Осторожно оглядываясь кругом, она незаметно наступает ногой на листок и, выждав некоторое время, поднимает и прячет его, вполне довольная своей изобретательностью.

Полиция, разумеется, суетилась страшно. Тотчас бросилась «узнавать», но ничего не могла поделать, так как было слишком тесно. Публика разошлась с листочками в карманах, одобряя «ловкую штуку».

В эту же ночь (с 15 на 16) были произведены повальные обыски и много арестов. Предписание об этом было, говорят, дано еще раньше из Питера, вероятно, в виду могущих быть волнений. Число всех обысков еще не приведено в известность, во всяком случае их больше 30, считая в том числе аресты.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ярославль. Кроме Мануфактуры, на которую обращено исключительное внимание, у нас много еще всяких небольших заводов от 50—200 раб. Это — валяльный завод наследн. Свешникова, химические заводы Дунаева, Сорокина, несколько табачных фабрик, мельниц и водочный завод. Положение труда на этих заводах самое печальное. На белильный зав. Сорокина идут только люди, которым приходится умирать с голоду; теперь же таких людей очень и очень много. За верную смерть (месяца через два уже происходит отравление свинцовыми белилами; городская больница регулярно получает умирающих с этого завода) рабочие этого завода получают сущие гроши: хозяева ценят человеческую жизнь дешевле издержек на необходимые гигиенические приспособления. Это маленькое, низенькое здание является прямо капиталистическим застенком. Невозможные санитарные условия— язва этих маленьких заводов. Рабочие табачных фабрик после работы выглядят какими-то ненормальными. Табачная пыль раз'едает глаза, спирает грудь, вызывая постоянный кашель; длинный рабочий день, который приходится весь простоять на ногах, совершенно изнуряет рабочего. «Э, где уж нам читать!», — отвечают рабочие на предложение почитать, и тем не менее пропаганда социал-демократических идей прививается и там. Один из фабрикантов Вахрамеев закрыл школу после того, как нашел нелегальную книжонку на дворе. «Вот оно для чего я строил!» — говорил обиженный в лучших своих чувствах капиталист. На валеном заводе Свешникова царствуют нравы по Домострою. В 9 час. веч. рабочих запирают, и никто уже не смеет проникнуть за ворота; хозяин не редко «ласкает» рабочих, как может только «ласкать» хозяин. Раньше на Свешникова работали кустари-валяльщики, теперь на смену им пришел завод, взял их властью машины, и побежденные кустари смиренно переносят хозяйский гнев, хозяйскую любовь.

По поводу введения усиленной охраны здесь распространена прокламация ко всем рабочим.

После этого было арестовано 20 рабочих.

Ярославль. В январе 1902 г. на табачной фабрике Вахрамеева была небольшая забастовка. Большинство рабочих работает сдельно. Заработная плата крайне низкая: колеблется между 3 и 8 рублями, но при этом рабочие получают хозяйский обед. Забастовали женщины, которые развешивают табак. До рождества они получали по 2½ коп. с ящика, в который уходит 400 осьмушек; в январе же их заставили развешивать пачками в $^1/_{16}$ фунта, и таких пачек в ящик уходило 800, а с ящика стали платить только по 4 коп. Работницы же требовали, чтобы плата была увеличена до 5 коп. с ящика. Требование их было удовлетворено.

19 февраля Ярославский Комитет выпустил листок к ярославским рабочим, в котором после изображения условий освобождения крестьян в 1861 г., сказано:

«Теперь мы знаем правду и теперь мы, рабочие, борющиеся за лучшую жизнь, не дадим обмануть себя попам и прочим царским прихвостням. Мы хорошо знаем, что та свобода, которой добились наши отцы и деды, еще не вся та свобода, которая нужна нам, рабочим. Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода сходок и стачек, слова и печати. За эту свободу мы поведем жаркую борьбу. Этой свободы мы добьемся, когда будет созван всероссийский земский собор, в котором будут выбранные от нас, рабочих, и от крестьян. Этот земский собор возвратит крестьянам отрезки, отменит выкупные платежи, уничтожит телесное наказание. Этот земский собор издаст законы, сокращающие рабочий день и дающие нам, рабочим, свободу стачек и собраний, слова, союзов и печати. Только тогда мы сможем успешно бороться за лучшее будущее. Организуйтесь же, товарищи, к предстоящей борьбе за земский собор. Всюду несите весть о грядущем освобождении русского народа от ярма самодержавия, зовите к этой борьбе и обманутых, ограбленных царем крестьян. Борясь не только за свои рабочие интересы, но и за интересы всего русского народа, мы сломим, наконец, самодержавное правительство, и праздник, который мы будем праздновать тогда, будет не 19 февраля, день одурачения народа самодержавием, а день освобождения народа от самодержавия».

Романов, Ярославской губ.

При льнопрядильной фабрике Классена (до 900 чел. рабочих) существует фабричная лавка, которая, повидимому, предназначается для пополнения прибылей хозяев, потому что цены в ней сравнительно с рыночными непомерно высокие, например, в вольной лавке — пуд муки 90 коп., а в фабричной 95 к., масло скоромное 32 к., а в фабричной 35 к., масло постное 18 к. и 18½ к., а в фабричн. 20 коп., фунт мяса 8—9 коп., в фабричн. 10—12 коп. При этом рабочие должны брать тот товар, который им предлагают, некоторая же разборчивость при выборе продуктов считается вздорными претензиями. При фабрике существуют казармы, которые разделяются на артельные и каморки, длиною 2½ сажени и 5 аршин шириною; в каждую каморку назначают по две семьи, кроме того еще холостяков и подростков, так что всего набирается в каморке не менее 8 человек. Каждая семья платит по 1 р. 50 коп., холостые рабочие по 50 коп., а подростки по 25 коп. Удушливый воздух и страшная грязь — вот чем отличается внутренность казарм.

Из Нижнего. Летучие листки выходят здесь чуть не ежедневно, в них обыкновенно доводятся до сведения события в других городах, иногда они пишутся на общие темы. Издает их не социал-демократическая, но дружественная организация. «Рабочий Летучий Листок» издается социал-демократической группой, не входящей в Комитет. Направление ее довольно неопределенное, отчасти окрашенное экономизмом. Об ее настроении можно отчасти судить по тому листку, в котором она приглашала заграничные организации «прекратить братоубийственную рознь».

Рабочие относятся к листкам в высшей степени сочувственно, сами требуют листков. Листки попадали даже в соседние деревни и на такие заводы, где еще не было связей. Настроение особенно повысилось в Сормове. Стали поговаривать, что будет «бунт». В городе уже образовалась атмосфера тревожных слухов, постоянно приходится слышать: «а в Сормове бунт, потребительную лавку разнесли» и т. п.

Севастополь. После нового года между севастопольскими рабочими разошлась прокламация, призывающая к борьбе против царского самовластия. После

этого арестовали одного рабочего, у которого при обыске нашли много литературы. В конце января по городу и особенно между матросами военного флота было распространено «Письмо к фельдфебелю» Л. Толстого. У матросов в экипажах и на военных судах эту зиму стали производить поголовные обыски. Вызывают команду, приказывают выстроиться в ряд и тогда по-порядку ощупывают матросов и обыскивают их скудные пожитки. Такие обыски производятся за последнее время часто, но безуспешно — вещественных доказательств крамолы не находится.

Но в первых числах февраля нашли крамолу и нашли ее там, где совсем не ожидали — в канцелярии штаба Черноморского флота. Там у матросов-писарей открыли не только антиправительственную литературу, но и не разрешенный гектограф. Кроме того, нашли литературу на одном из военных судов и в канцелярии 34 экипажа, где офицер застал врасплох писаря, перепечатывающего прокламацию.

Офицеры флота хотят подать, куда следует, ходатайство, чтобы в Севастополь впредь не пускали политических поднадзорных. Некоторые из них хотят даже предложить деньги, чтобы выслали отсюда проживающих здесь политических.

Батум. На заводах Манташева, Ротшильда, Акопова и др. с 5-го по 18 февр. продолжалась стачка 600 — 700 рабочих. Требовали улучшения условий труда, отмены штрафов, сокращения рабочего времени, приема уволенных товарищей. На заводе Манташева избили и поранили управляющего. Была стычка с полицией. Арестовали до 150 чел., но через несколько дней выпустили их по требованию рабочих. Стачка кончилась для рабочих победой.

Сулин, Донской области. 18 и 19 февраля на большом металлургическом заводе Пастухова в Сулине произошли крупные беспорядки, которые заключались в следующем: в виду общей безработицы на заводе были понижены расценки; недовольные этим рабочие одного из цехов 18 февраля обратились к дирекции с требованием сохранить старую расценку, угрожая, в противном случае, прекратить работу. Мирные намерения рабочих были обращены, однако, в другую сторону, благодаря следующему случаю: во время об'яснения с инженером, фамилия которого, к сожалению, еще неизвестна, один из рабочих обратился к нему с вопросом; инженер грубо оборвал рабочего и приказал ему удалиться; рабочий бросился тогда на инженера, который в свою очередь вынул револьвер и направил его на рабочего, последний отскочил в сторону, но инженер, несмотря на это, выстрелил в толпу, к счастью шальной выстрел никому не причинил вреда, кроме, впрочем, самого инженера: возмущенные диким поступком, рабочие бросились на инженера, и только благодаря энергии некоторых рабочих дипломированный эксплоататор избег верной смерти. На следующий день, 19 февраля, давно накопившееся недовольство рабочих вылилось в форме разгрома завода и квартир высшей заводской администрации: в машинном отделении была разбита машина, разнесена контора завода, уничтожены вещи в квартирах нескольких инженеров; разгрому подверглись только квартиры тех лиц, которые не пользовались уважением рабочих: во время беспорядков из толпы не редко раздавались голоса: «этого не трогай! Проходи дальше!». Между прочим разнесена квартира инженера Шелгунова, сына покойного публициста Н. В. Шелгунова. Немногочисленная полиция была бессильна прекратить беспорядки и потому, говорят, обратилась за помощью к рабочим, стоявшим в стороне от движения; некоторые из рабочих помогли полиции выхватить из толпы «зачинщиков» и вообще подавить беспорядки. Когда на следующий день из Александровска-Грушевского прибыла сотня казаков, ей нечего было делать: беспорядки прекратились. Несколько человек арестовано. Работы теперь возобновились.

Таганрог. Общая безработица отразилась, разумеется, и в Таганроге, и с наступлением зимы Касперовка — предместье, населенное рабочими металлургического завода — имела вид голодающей русской деревни. Между тем администрация завода решила еще более урезать и без того ничтожный заработок рабочих. Перед новым годом появилось об'явление, что с половины января расценки будут понижены на 25% и что часть рабочих — около 200 чел. — будет совершенно рассчитана. Рабочие решили сопротивляться: 29 декабря доменный цех — в количестве 300 чел. — об'явил забастовку. Главным требованием их было: не понижать расценок и не увольнять товарищей. К ним вскоре присоединились рабочие листопрокатного цеха в количестве 350 чел., которые со своей стороны добавили требование сократить рабочий день на 1 час. На заводе были распространены гектографированные прокламации, приглашавшие поддержать забастовавших товарищей, и стачка угрожала принять огромные размеры. Домны были потушены, работы прекратились. Перепуганная администрация вытребовала по телефону из города полицию и артиллеристов. Отряд полицейских застрял в непролазной грязи и принужден был ретироваться. Полицмейстер распорядился было отвезти городовых на пожарных дрогах, но и эта попытка была безуспешна. Кончилось тем, что городовые стали выпрягать лошадей у всех попадавшихся по пути извозчиков и двинулись в Касперовку верхом; все улицы Таганрога, к изумлению местных обывателей, покрылись распряженными пролетками.

Между тем рабочие успели разойтись по домам, и усмирять было некого. Тогда начались аресты и около 30 чел. было выхвачено из среды забастовщиков. Со своей стороны заводское начальство принялось запугивать рабочих и добилось того, что около 30 челов. приступило к растопке доменных печей. Лишенные руководителей, под сильным давлением мастеров и полиции, и остальные стали понемногу сдаваться: к новому году все работы возобновились. Помимо этого администрация сделала рабочим некоторые уступки: напр., требование не увольнять товарищей было исполнено.

«Патриотическая» манифестация в Москве (из письма рабочего).

«За несколько дней до 19 февраля агенты г-на Зубатова начали агитировать среди фабричных рабочих, чтобы устроить подписку на прибретение венка для возложения на памятник Александру II, на что многие из рабочих подписывали, кто 20 коп., а кто и рубль. Денег собрали столько, что могли приобрести серебряный венок. 19 февраля около памятника собралось тысяч 50 народа. К народу вышел московский богдыхан Сергий [2] и сказал подходящую к случаю речь, после чего народ упал на колени и кричал или ревел подходящие случаю звуки. А на следующий день все рабочие, подписавшиеся на венок, получили от своих хозяев каждый в 5 раз больше того, сколько подписал. По слухам, на эту затею Охранное Отделение израсходовало 100.000 руб.».

«Московские Ведомости» с умилением рассказывают об этой манифестации, инициатива которой, как сообщают газеты, исходила от «Общества рабочих механического производства», т. е. от «партии» гг. Озерова и К°. Мы не совсем понимаем восторгов почтенной газеты, правда, москвичи чествовали память царя, но ведь они делали это только потому, что этот царь рисуется в их представлении как освободитель крепостных. И хотя это представление исторически неверно, но самая идея чествовать царя за такой несвойственный царским нравам поступок, так сама по себе «соблазнительна», что до сих пор празднование дня 19 февраля считалось преступлением. Ведь еще в прошлом году харьковские студенты были избиты за панихиду по Александре II.

Очевидно, дело с «основами» обстоит плохо, если нельзя вызвать народной манифестации в пользу царизма по иному поводу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

События в Барцелоне.

«Социальная революция в Испании» *, «Коммуна в Барцелоне» ** — таковы заглавия статей, помещенных в органах Европы, не скованных цензурой Мадрида. Естественно, что при таком шуме в Европе, события, которые его вызвали, должны были быть — первостепенной важности. Постараемся, при всем сумбуре имеющихся противоречивых известий, выяснить причины и проследить ход событий в Барцелоне, раз'яснить роль, сыгранную тут испанским правительством, и манеру его защищать буржуазный строй...

Прежде всего нужно сделать оговорку относительно помещенных в различных органах, даже социалистическом («Vorwärts»), заметок и сообщений о том, что в движении барцелонском — его ядро, так сказать — составляли анархические массы... Нам кажется совершенно правильным мнение, высказанное корреспондентом «Journal»: «ядро движения составляли рабочие организации, участвовавшие в стачке и тем парализовавшие совершенно коммерческую и общественную жизнь в Барцелоне, а анархистские элементы принимали участие лишь в стачках с полицией и в сражениях с армией...».

Уже несколько раз была речь в барцелонском рабочем люде о генеральной стачке ***: раз в 1900 г. во время приостановки работы в ткацких и прядильных мастерских, раз в 1901 г. во время стачки служащих конок. Тогда была пущена прокламация, в которой обращались с призывом **** каким бы то ни было актом солидарности, выражением ли симпатии по отношению к стачечникам, митингами или манифестациями увеличить моральную силу правого дела.

«Так как обстоятельства могут пойти ускоренным шагом, мы вас предупреждаем, что мы готовы на все и что сигнал дан будет из Барцелоны». Подписано: «Местный Комитет»...

Обстоятельства действительно пошли быстро...

Ужасное положение пролетариата в Испании вообще, постепенное вздорожание предметов первой необходимости, оставшиеся без результатов усилия рабочих повысить хоть немного заработную плату и уменьшить рабочий день — это первые причины настоящего движения. Кроме того, утомленный полным бездействием правительства, которое ничего не сделало для разрешения экономического кризиса, которое не предприняло ни одной мало-мальски важной социальной реформы, пролетариат решил косвенно генеральной стачкой произвести давление на правительство.

17 февраля состоялось до 45 митингов в Барцелоне, была постановлена генеральная стачка и была выпущена, распространенная в громадном количестве, прокламация приблизительно следующего содержания:

«Прошла масляница!.. *****. В то время, как буржуазия тратила свои деньги на конфетти, на маскарадные костюмы, на балах и в ресторанах, — тысячи рабочих голодали!..

«Теперь начался пост... Нам нечего есть. Наше терпение исчезло. В виду такого отношения к нам буржуазии, примемся решительно за дело.

«Вперед, товарищи!.. Бросим работу! Пусть все прекращают труд... Пусть чувствуют вампиры-капиталисты... Будем все без пищи, без питья, в темноте...

«Наши враги сдадутся... Покажем капиталистическим классам, что без рабочего общественная жизнь невозможна».

Генеральная стачка 17 февраля началась. Не только рабочие всех крупных фабрик, заводов, но все приказчики ******, ремесленники, служащие в аптеках, носильщики, служащие конок *******, извозчики, кучера, швейцары, дворники, слесаря, ламповщики, столяры, булочники, скульпторы, граверы, типографы, рабочие в портах, каменщики приняли участие в этом колоссальном движении. Особенно интересно заявление типографов, которых экономическое положение превосходно и к которым патроны относятся безукоризненно: «Мы довольны нашими патронами, но из чувства рабочей солидарности мы участвуем в стачке!» *.

«L'imparciela» (Испания) признает, что рабочая солидарность достигла громадных размеров, а посланный французским социалистическим комитетом привет испанскому пролетариату буржуазные органы называют с ужасом «революционной солидарностью»... **.

В первый же день генеральной барцелонской стачки войска, хоть и видели только беззащитных женщин с красными знаменами, все-таки не удержались, имея в руках оружие, от стрельбы. Последовало столкновение с рабочими, и три дня спустя после кровопролития в Триесте снова полилась рабочая кровь в Барцелоне... 3 на смерть убитых, 9 смертельно раненых и 35 тяжело раненых — результат первой бойни... На улицах воздвигаются баррикады... Кое-где еще открытые лавки, киоски закрываются... Наступает полная тишина, прерываемая выстрелами солдат да топотом конных патрулей... В палате буржуазные партии упрекают правительство в недостатке энергии... Правительство обещает быть на высоте своего полицейского призвания—обещает точно выполнять требования деспотического капитализма и об'являет Барцелону на военном положении. Один только Леру заявил в палате, что порицает правительство за строгости против пролетариата, в то время как их следует направить против ответственной за все буржуазии, и клеймит пускание в ход военной силы против пролетариата ***.

20 февраля закрылись одни только еще работавшие в такое тяжелое время для рабочих каучуковые фабрики. Наступил полнейший паралич всей жизни города с 600.000 населением. Мощность городского пролетариата сказалась здесь, несмотря на то, что полной подготовки к этой стачке, судя по заявлениям «El Socialista», не было... 20 февраля весь день прошел в стычках с армией, масса раненых, убитых; то же последовало и 21-го... (Буржуазия начинает выезжать из Барцелоны).

«Сто убитых, триста раненых, пятьсот заключенных — таков результат восстановления мира и тишины правительством (до 22 февраля)». «Стачечников в самом городе 70.000 — в провинции же всей вместе — 200.000. Цифры эти нисколько не преувеличены — последствия покажут, что эти вычисления очень умеренные... ****.

Барцелона оказалась в этот день изолированной от всего внешнего мира; телеграфные и телефонные сношения попорчены. На всех улицах стоят отряды конницы, очень напоминающие всем русских казаков! (Удивительное дело, когда хотят сделать особый комплимент возмутительной манере войск — говорят о русских казаках!).

Репрессалии, — пишет буржуазный корреспондент, — были более дики, чем террор, царивший в городе от рабочих. Жандармы вели себя, как «раз'яренные звери». По осадному положению они имеют право убивать без распоряжения властей, а по своему личному произволу и этим правом они широко пользовались.

Рабочие выходят из дома патронов, которым они делали самые миролюбивые предложения, — стоящий неподалеку жандарм стреляет — один из наших товарищей остается жертвой палача на месте...

«Рабочих убивают как бешеных собак» — не только тех, что сопротивляются, манифестируют, — а просто тех, кто кажется жандармам подозрительным. В Красный Крест, подававший помощь раненым, жандармы стреляли несколько раз.

В этот день была ко всему еще пущена в ход артиллерия. Это — апогей буржуазного насилия, восстановления буржуазным правительством спокойствия. С этого момента революционное и стачечное движение идет на

---

* «Berliner Tageblatt», 24, 25 февр.
** «Le Journal», 23 февр.
*** «Frankfurter Zeitung».
**** «Petit Sou», 21 февр. 1902 г.
***** «Petit Republique», № 20/II — 1902 г.
****** «Frankfurter Zeitung».
******* «Petit Sou», 20/II — 1902 г.

* «Le Journal» (Франция), 20/II — 1902 г.
** «L'etoile Belge», 23 февр.
*** «Petit Sou», 21/II — 1902 г.
**** «Le Journal», 23/II — 1902 г.

убыль — отчасти из-за недостатка средств к существованию стачечников, отчасти из-за неподготовленности; к тому же стачечникам рабочим металлургических заводов были сделаны требуемые уступки: составлена комиссия, смешанная из рабочих и представителей компании для рассмотрения их требований.

Вот вкратце далеко не полный отчет о варварской манере охраны существующего ужасного порядка вещей в Испании.

ИЗ ПАРТИИ

Полемика «Зари» с редакцией «Vorwärts». Статья о Любекском с'езде германской социал-демократии, помещенная в № 2—3 «Зари», вызвала против ее автора резкую полемику со стороны редакции центрального органа германской социал-демократии «Vorwärts». Это неудивительно. Статья в «Заре» была посвящена рассказу о подвигах немецких бернштейнианцев, а нынешняя редакция «Vorwärts», после смерти Либкнехта, проявила довольно податливое отношение к Бернштейну и его сторонникам. Из этого факта не следует, однако, заключать, что большинство германской социал-демократической партии на стороне Бернштейна: достаточно много фактов свидетельствует о том, что нынешняя редакция «Vorwärts» вовсе не выражает взглядов большинства германского организованного пролетариата. На Любекском конгрессе редакции «Vorwärts» пришлось выслушать некоторые горькие истины от Бебеля и других делегатов. Между прочим, Бебель [3] упомянул и о том, что во время борьбы «умеренных» и «крайних» в французской социалистической партии «Vorwärts» сообщал немецким читателям о событиях во французской партии очень односторонне и пристрастно. Понятно, что пристрастие это было направлено в пользу Жореса [4] и его фракции и против гедистов [5] и бланкистов [6].

Автор статьи в «Заре», с своей стороны, охарактеризовал поведение «Vorwärts» во французских партийных делах как систематическое преследование тех французских социалистов, которые неуклонно стояли на классовой точке зрения, и пропаганду в пользу тех из них, которые, во главе с Жоресом, предавали интересы пролетариата в интересах «социалистического министра» г. Мильерана [7]. Французский отдел в «Vorwärts» ведется, главным образом, г-м Кричевским [8]. Поэтому соответствующее место в статье «Зари» было направлено прежде всего против г. Кричевского.

Редакция «Vorwärts» немедленно напала на сотрудника «Зари», обвиняя его в недобросовестной клевете на Кричевского. «Vorwärts» заявил, что Кричевский никогда не вел пропаганды в пользу Мильерана и Жореса и никогда не «обливал помоями» французских революционных социал-демократов. Заметка «Vorwärts» была приправлена неприличной выходкой против «анонимности» автора (гг. бернштейнианцы до того «лойяльны», что, как видно, даже не могут себе представить, что русский социалист вынужден отказаться от чести печатать свое полное имя!) и заключала в себе одно неправильное толкование слов «Зари». На эту неправильность поспешил обратить внимание редакции К. Каутский в письме, которым он, по собственному заявлению, желал предупредить лишнее раздражение в необходимо имеющей разгореться полемике. Редакция «Vorwärts» не только не захотела понять всю основательность раз'яснений Каутского, но и грубо отвергла его вмешательство в ответе на его письмо. Новое письмо Каутского имело такой же неуспех, и редакция сделала вызов «Заре», чтоб она сама об'яснилась по поводу пред'явленных к ней обвинений.

Автор статьи в «Заре» написал тотчас же обстоятельное письмо в редакцию «Vorwärts», в котором многочисленными цитатами из прежних корреспонденций Кричевского доказал свое утверждение, что Кричевский вел пропаганду в пользу Жореса и Мильерана и восстановлял немецких читателей против действительно пролетарских партий — гедистов и бланкистов. Но редакция «Vorwärts» не захотела помещать такого письма, хотя оно было написано без всякой «резкости». Она заявила, что не намерена затевать принципиальной полемики по таким, якобы неинтересующим немецких рабочих вопросам, а потому требовала, чтобы сотрудник «Зари» удалил из своего письма доказательства.

Пришлось обратиться к правлению партии и лишь при его посредстве «Заре» удалось побудить «Vorwärts» поместить письмо Ignotus [9], но в сильно сокращенном виде. Добрую половину цитат пришлось удалить, чтоб не затягивать «торга» с редакцией.

В ответ на это письмо «Vorwärts» разразился новой бранью и обещал победоносный ответ г. Кричевского. В этом ответе г. Кричевский изумляется по поводу того, как-де мало цитат из его статей привел Ignotus в доказательство мильеранизма Кричевского. Пусть потолкует об этом г. Кричевский с редакцией «Vorwärts»: она ему расскажет, что в подлиннике письма Ignotus'a этих цитат было много больше! Далее Кричевский пытается показать, что он и в 1899 и 1900 г. иногда критиковал Мильерана и Жореса. Он признает, что умолчал в своих корреспонденциях о резолюциях рабочих организаций против законопроектов Мильерана, но уверяет, что сделал это не из пристрастия к Мильерану, но потому, что в то время как раз был занят русскими делами и не мог написать в «Vorwärts». Кто так оправдывается, тот сам себя обвиняет.

Очевидное нежелание «Vorwärts» дать ей возможность выяснить вопрос немецкой публике заставляет «Зарю» отказаться от дальнейших разговоров с редакцией этой газеты. «Заря» может быть удовлетворена тем, что по поднятому ею вопросу высказались Парвус [10] (в особой статье о корреспонденте «Vorwärts»), Цеткина [11] (в реферате, прочитанном в Берлинском рабочем собрании) и орган французской рабочей партии «Socialiste». Все они подтвердили правоту нашего мнения о позиции, занятой корреспондентом «Vorwärts» в делах французского социализма.

Среди французских гедистов и бланкистов имя Кричевского, благодаря этой полемике, стало очень «популярно», что видно из следующих фактов: один бывший гедист, рассорившийся с своей партией, издал прокламацию, в которой нападает на мнимую «диктатуру» вождей партии и провозглашает полную независимость местных групп. По этому поводу «Petit Sou», орган гедистов и бланкистов, говорит, что эта прокламация привела в восхищение «Кричевских» международного поссибилизма, в том числе и того, который пишет в «Vorwärts». В другом № «Petit Sou» сообщается о полном разложении министерской «социалистической» партии, и автор дает дружеский совет гг. «Кричевским» принять во внимание, что дела жоресизма плохи и дни его сочтены.

И, действительно, в самое последнее время г. Кричевский перемнил фронт. От Мильерана он окончательно отказался уже после приезда Николая II в Париж. Теперь же он стал открещиваться и от Жореса, который, в течение 2-х последних лет, был его идолом. Теперь он с сокрушением констатирует то, что все принципиально-устойчивые люди видели уже давно, — именно, что Жорес променял пролетарский социализм на мелкобуржуазный демократизм. И теперь он не щадит своего поверженного кумира, не скрывает от читателей «Vorwärts» и «Рабочего Дела» (см. № 11—12) вредной роли, которую играет Жорес и его партия во французском рабочем движении. Более того: теперь Кричевский начинает проявлять признаки сочувствия деятельности гедистов и бланкистов; после того, как он в течение 2-х лет уверял, что они — главная помеха делу об'единения французского пролетариата, теперь он выражает слабую надежду, что вокруг них-то и совершится сплочение французских пролетарских сил. Очевидно, дела Жоресистской партии совсем-таки плохи: крысы начинают покидать тонущее судно.

В добрый час, г. Кричевский! Лучше поздно, чем никогда! Один только совет дадим мы вам по этому поводу: если вы, действительно, решились перебежать с правого фланга на левый, то не мешало бы в новой позиции сохранить больше беспристрастия, чем вы проявили на прежней. Было бы очень нехорошо, если б, отрезвившись от упоения жоресизмом, вы стали так же оплевывать своих прежних союзников, как это делали прежде с революцион-

ными социалистами. Короче: в своих русских и немецких корреспонденциях говорите одну правду и избегайте вдаваться в «философию», из которой, кроме срама, до сих пор ничего не выходило.

Само собой разумеется, что, как испытанный оппортунист, г-н Кричевский при новом «историческом повороте» прежде всего старается замести свои следы. Поэтому в том же № 11—12 «Рабочего Дела», где помещена его статья в новом духе, русским читателям рассказывается о полемике «Vorwärts» с «Зарей» и с удовольствием выписываются похвалы, которые «Vorwärts» расточал Кричевскому за его статьи прежнего времени и брань, которою он осыпал сотрудника «Зари».

«Рабочему Делу» пришлись по душе даже те резкости, которыми «Vorwärts» ответил на дружеское письмо Каутского. В заключение «Рабочее Дело» сообщает, что от изложения дальнейшей полемики по этому поводу оно избавит своих читателей. Ну, еще бы! Знает кошка, чье мясо с'ела! Не помещать же «Рабочему Делу» те цитаты из неизвестных русскому читателю статей Кричевского, в которых он ясно вырисовывается как верный защитник не только Мильерана, но и Вальдека Руссо и даже— увы! — убийцы коммунаров — Галлифэ!

Мы получили следующее письмо:

«В примечании к корреспонденции из Перми (№ 14) редакция высказывается в том смысле, что выговор корреспондента „Пермскому Краю“ следовало бы направить по адресу участников собрания, которые, будто бы, из боязни выговора отрицали свое участие в собрании. Нам известно, что присутствующие на собрании не отрицали своего участия в этом собрании, а отрицали только факт собрания в библиотеке специально для обсуждения статьи „Гражданина“.

«Поступали они так не из трусости, а не желая навлечь еще большие репрессии на бесплатную библиотеку.

«Просим редакцию внести поправку в этом смысле.

«Группа участников собрания».

С удовольствием отмечаем, что с участников собрания снимается этим тень, которая могла падать на них по первому сообщению.

Приводим полностью два следующие, доставленные нам одновременно, заявления:

(А). «Скоро исполнится год существования „Искры“. Мы, невольные поселенцы одной из не столь отдаленных губерний, пользуемся этим случаем, чтобы выразить свое горячее сочувствие „Искре“ и тому делу, которому она служит.

«Появление „Искры“ совпало с эпохой перелома в русской социал-демократии. 17 лет тому назад только-что зарождавшаяся социал-демократия устами нашего товарища Плеханова признала свою преемственность с партией „Нар. Воли“, признала, что для нас, социал-демократов, остается так же, как и для „Народной Воли“, ближайшей задачей свержение абсолютизма. Мы должны итти другим путем к осуществлению этой задачи. Но самая задача остается той же, и за партией „Нар. Воли“ остается бессмертная заслуга, что она выдвинула на первый план борьбу с самодержавием. К сожалению, то завещание, которое оставила нам умирающая „Нар. Воля“, было скоро забыто частью соц.-демократов. Сначала деятельность соц.-дем. носила кружковой характер. Она состояла в организации наиболее выдающихся рабочих. Но подобная деятельность не могла долго удовлетворять; от кружков отдельных выдающихся рабочих нужно было перейти к рабочей массе. Для того, чтобы привлечь ее к социалистическому делу, необходимо было сперва известным образом приспособиться к ней, необходимо было отправляться, прежде всего, от ее повседневных интересов. Но, как часто бывает, средства для осуществления известной цели заслонили для значительной части соц.-демократов самую цель. Известным образом приспособляться к рабочей массе необходимо было только для того, чтобы найти точку приложения для социалистического воздействия, для политической пропаганды. Но скоро приспособление для многих из средства превратилось в цель, оно само стало руководящим принципом деятельности. Появилось так наз. „экономическое направление“.

«Всегда и везде из борющейся массы выдвигаются более сознательные и более выдающиеся личности, которые идут впереди массы, освещают ей путь, и исторические задачи известного класса выдвигают задолго до того, когда эти задачи делаются достоянием большинства. Всегда борьба идет от отдельных личностей к меньшинству с тем, чтобы охватить, в конце концов, большинство. Вместо этого естественного пути развития представители так называемого экономического направления рекомендовали рабское прислужничество большинству. Вместо того, чтобы возвышать до себя большинство, они предпочитали сами принижаться до большинства; они находили возможным выдвигать только те задачи, которые назрели уже в сознании большинства. Как будто бы самый процесс назревания этих задач не состоял всегда и везде в систематическом воздействии меньшинства на большинство, воздействии, которое сегодня, завтра может давать неудачи, но такие неудачи, которые родят успех! Эта проповедь рабского подделывания под настроение большинства рядом с печальной памяти „Рабочей Мыслью“ была выдвинута также, хотя и в значительно более ослабленном виде, „Рабочим Делом“. Рабочее движение разлагалось на стадии, и в каждой из подготовительных стадий этого движения социалистической интеллигенции и более выдающимся рабочим предлагалось скрывать от массы большую или меньшую часть своих убеждений в зависимости от того, созрело или не созрело для этих убеждений большинство.

«Но не даром жили и умирали деятели „Народной Воли“. Их завещание не пропало даром. Не успело появиться и оформиться „экономическое“ направление, как оно начало встречать повсюду протесты и оппозицию со стороны более сознательных слоев соц.-демократии. В ответ на проповедь „экономистов“ начал раздаваться из среды социал-демократии совершенно противоположный призыв, — борьба, немедленная и непримиримая борьба с давящим нас полицейским режимом. Не ждать, пока масса проникнется этим настроением, а стараться всеми силами вызвать у нее это настроение. Нашими могучими союзниками являются те нестерпимые условия, в которых задыхается эта масса. Эти условия могут быть существенно изменены только с падением самодержавия. Масса, говорите вы, еще не вполне сознала это, так пробудите же в ней это сознание, укажите ей, кто ее враг, пользуйтесь для этого всяким сколько-нибудь подходящим поводом, — ведь этих поводов так много дает сама жизнь. И не смущайтесь тем, что в некоторых случаях и в некоторых местностях ваша проповедь не найдет достаточного отклика или даже встретит сопротивление. Не заключайте легкомысленно из этого, что рабочее движение находится на той стадии развития, когда неуместны разговоры о борьбе с самодержавием. Проповедь известных взглядов западает в душу человека не только тогда, когда он проникается этими взглядами, она пускает у него глубокие корни обыкновенно еще тогда, когда он оказывает им упорное сопротивление. И какой-нибудь новый яркий факт жизни, с которым столкнется этот человек, будет достаточен для того, чтобы он из горячего противника вашей проповеди превратился в ее горячего сторонника.

«За это направление в соц.-демократии говорила сама жизнь; оно отвечало ее назревшим потребностям и оно оттеснило поэтому на задний план представителей так назыв. „экономического направления“ прежде, чем те успели ответить на все возражения, которые на них сыпались. Наиболее ярким и талантливым выразителем этого направления в соц.-демократии является теперь „Искра“ вместе с „Зарей“, и мы, сторонники этого направления, пользуемся поэтому случаем, чтобы выразить свое горячее сочувствие той энергичной борьбе, которую „Искра“ ведет около года и в которой она, встречая много друзей, встречает не мало врагов. При этом, в виду различных инсинуаций, к которым начинают прибегать враги „Искры“, мы считаем нелишним добавить, что мы ставим в особую заслугу „Искре“, что она смотрит широко на задачи социалистического движения в России, что она не только не предлагает ра-

бочему пролетариату замкнуться в узкие рамки чисто рабочих интересов, но предлагает ему примыкать ко всякого рода протестам против политики произвола и насилия, откуда бы эти протесты ни исходили, и в своей борьбе с самодержавием искать себе союзников везде, где их можно найти.

«Многое остается, конечно, невыясненным в этой позиции „Искры". Кто является наиболее естественным союзником рабочего пролетариата в его борьбе с самодержавием? В какое отношение рабочий пролетариат должен встать с разоряющимся и голодающим крестьянством? Эти вопросы „Искра" только наметила, но не дала на них ответа. Было бы странно, конечно, посылать „Искре" упрек, что она, выпустивши только несколько номеров, не дала исчерпывающего ответа на все вопросы, назревшие в русской жизни. Единственно, что мы находим себе возможным позволить, — это выразить пожелание, чтобы „Искра" отвела возможно больше места вопросу об отношении нашем к крестьянству и в виду сложности и запутанности этого вопроса дала бы возможность на своих страницах высказаться по этому вопросу представителям различных взглядов в соц.-демократии. Но вообще говоря, мы считаем более уместным в настоящий момент останавливаться не на том, чего „Искра" еще не сделала, а на том, что она уже сделала, и, в виду предстоящего годового юбилея „Искры", мы шлем „Искре" с далекого севера, куда нас забросила судьба, свой горячий привет и пожелание смело и неуклонно итти по тому пути, по которому она шла до сих пор, не смущаясь ни злостным шипением врагов, ни инсинуациями, откуда бы они ни исходили».

(Б). «По поводу посылки адреса „Искре", Общее собрание *** колонии единогласно постановило не принимать в нем участия по следующим соображениям:

«1) Мы не имеем достаточно материала для об'ективной оценки заслуг этого органа; первые же номера (1, 2, 3, 4 и 7), с которыми мы знакомы, производят такое впечатление, что прежние вопросы трактуются там поверхностно, а новый вопрос о своевременности привлечения крестьян к революции ставится на слишком широкую почву, а № 7 даже дискредитируется указанием на местные возмущения крестьян из-за земельных споров, как на признаки общего недовольства крестьян современным строем.

«2) Послать адрес только „Искре" это значило бы выразить косвенное порицание „Рабочему Делу".

«3) Меньшинство мотивирует свое отрицательное отношение к адресу тем, что чествование революционных органов печати самими революционерами не должно иметь места, так как оно равносильно самовосхвалению».

Только что появилось в свет: «ЧТО ДЕЛАТЬ» (Наболевшие вопросы нашего движения) Н. Ленина. (Verlag J. H. W. Dietz, Stuttgart.)

Оглавление: Предисловие. I. Догматизм и «свобода критики»: а) Что значит «свобода критики»?; б) Новые защитники «свободы критики»; в) Критика в России; г) Энгельс о значении теоретической борьбы. II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии: а) Начало стихийного под'ема; б) Преклонение перед стихийностью. «Рабочая Мысль»; в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее Дело». III. Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика: а) Политическая агитация и ее сужение экономистами; б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова; в) Политические обличения и «воспитание революционной активности»; г) Что общего между экономизмом и терроризмом?; д) Рабочий класс как передовой борец за демократию; е) Еще раз «клеветники», еще раз «мистификаторы». IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров: а) Что такое кустарничество?; б) Кустарничество и экономизм; в) Организация рабочих и организация революционеров; г) Размах организационной работы; д) «Заговорщическая» организация и «демократизм»; е) Местная и общерусская работа. V. «План» общерусской политической газеты; а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»; б) Может ли газета быть коллективным организатором?; в) Какого типа организация нам нужна? Заключение. Приложение: Попытка об'единения «Искры» с «Рабочим Делом». Стр. 144. Цена 1 руб.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. Громадные аресты произведены с 6-го по 9 февраля. Взяты: студенты универс. Таскин, Райков, Воскресенский, Лукьянов, Добровольский, Алексей Иванов (все — старосты), Соколов, Сватиков, Ветров, Горбунов, Шехтер, Плеханов, Лесневский, Апполонов, Евлахов, Логинов, Соболев; технологи — Бебелин, Богатырев, Вознесенский, Вдовский, Гробовский, Замараев, Красноухов, Классен, Кирпичников, Погосов, Трубо, Шулыгин, Рыжков, Новаченко, Трифонов, Шефранов, Норкин, Лебединский: медики — Цехановский, Свешников, Петровский, Бочкарев, Ракидин; студ. инст. гражд. инженер. Горенберг, инжен.-технол. Аносов, г-жи Гуро, Радченко, Фортунатова, технолог Овечкин и др.

18 февраля аресты повторились.

Москва. В ночь на 8 февраля множество арестов. Л. Никифоров, Давыдов, Скворцов, Руднев и Покровский после 4-месячн. заключения сосланы в охранном порядке в Сибирь на 3 года.

В Киеве сидят: Гальперин Лев интелл., Крохмаль Виктор интелл., Гуковский врач, Рыбаков студ.-медик, Непомнящий (скрывает фамилию), Каневец петерб. студ., Каневец Ал. интелл., Голицинский студ., Харченко интелл. (привезен из Харькова), Корженевский раб., Нетесин раб., Селюк интел-а, Домбровская.

В Лукьяновской тюрьме Красный Крест насчитывает 110 человек, кроме тех, что сидят в арест. ротах.

Студент Вольский, избитый на демонстрации, пробыв в больнице около двух дней, уехал домой. Теперь тут сидит в тюрьме, обвиняется (голословно) в нанесении ударов палкой по голове пристава Закусилова, когда тот отнимал знамя.

По слухам, будут судить сурово.

Смоленск. Арестованы рабочие Журавлев (из Москвы), Виноградов (из Петерб.) и Трифонов (из Петерб.)— все поднадзорные и интеллигент Каган.

Нижний-Новгород. В ночь с 16-го на 17 февраля взяты: студенты: Лукосеев, Сесин, 2 брата Маркович, Корсак, Затинщиков, Рюриков; курсистки — О. Кольберг, С. Доброхотова, Синева; бывш. гимназист Свердлов (3-й раз), бывш. реалист Гурвич, бывш. гимназистка Соколова (2-й раз), учительница Покровская, фельдшерица Второва, служащ. в Городской управе Пушкарев, столяр Бронин, столяр Комолов, слесарь Санаев.

Ярославль. После распространения прокламации о введении усиленной охраны арестовано 20 рабочих.

Одесса. 8 февраля арестовано несколько сот человек.

Баку. В начале января арестована Гинзбург.

Ростов-на-Дону. Около 19 февраля арестованы Самойлов и другие.

В Двинске большой провал в феврале.

В Вильне арестовано 6 офицеров.

Кишинев. 8 февраля арестованы: бывшие ссыльные: г-жа Розенблюм и Капцан, г-жа Коган-Эстрин, акушерка Барг (в 3 раз), Батушанский (дантист), Беленький (приказчик), Годлевский (учитель) с женой, Берг (рабочий), Арон (рабочий), Бронтман (60-летн. старик) и еще несколько человек. Масса обысков.

Иваново-Вознесенск. По делу о майских листках 1900 г. приговорены: Владим. Носков, бывший студ.-технолог — 4 г. Вост. Сибири, Владимир Бубнов — 3 г. Вятской губ., чиновн. Государств. Банка Постников (оговаривал) — 3 г. Вятск. губ., Володина (рецидивистка) —

6 мес. тюремного заключения, рабочие Жаров и Гаравин (предатели) — по 1 году тюремн. заключения; рабочие Киселев, Кирякин, Маслов, Доброхотов, Корнилов, Дворов, Макаров, Полянин, Королев — по 6 мес.; Звездин, Воронина, Блинов — по 4 мес.; Соковин и Гарелин — по 3 мес. Всего по делу привлекалось 35 человек, приговоры остальных неизвестны.

Иваново-Вознесенск. Распространенный комитетом листок по поводу об'явления приговора товарищам, привлеченным по делу 1900 г., взбесил жанд. ротмистра, и он произвел в январе 70 обысков, арестовал 30 рабочих, но ничего не добился.

Кохма, Шуйск. у., Влад. губ. В январе арестовано 8 рабочих, ставших жертвой провокатора-лавочника Черкасова, который сам организовал кассу и был в ней кассиром.

Полтава. 8 февраля арестованы: студенты — Алексеенко, Баумштейн, Берлин, Васильевский, Гомеля, Иваницкий, Покатилов, Руссов, Рывлин, Шехтер, Эдиге (все — поднадзорные); акушерки: Шамраевская, Шатуновская, Гутман; бывш. курсистки: Карчевская, Коршунова, Завойко, Педашенко; врач Е. Левин; кончивш. университ. Войткевич, служащ. в управе Гедеоновская; подназорные: Гуревич, Гак, Иваницкая, Казарновская, Кацевалова, Панфилов, Столпнер, Шепелева, Шехтман; чертежник Хан; жена врача Трутовская; Мария Сыцянко, бывш. офицер Сухотский, служ. в управе В. М. Чернов, сестра милосердия Цыплакова; рабочие Сонкин, Финкельштейн, Конон-Рыжий, Рудин, Ломашев; бернская курсистка Лондер; работница Даргольц; техник Морозов; 18 февраля взят рабочий Петров.

Из Архангельска бежали сосланные сюда рабочие Семенуха и Коротков, привлекавшиеся по ярославскому делу (января 1901 г.) с А П. Доливо-Добровольским.

Тифлис. В ночь на 17 февраля арестовано около 30 чел., в том числе человек 15 — рабочие. Аресты вызваны слухами о готовящейся на 19 февраля демонстрации. Арестованы: Коркашвили, Сим. и Севериан Джугели, Караджев, Капанадзе, Климиев, Мегрелидзе, Лежава, Гогуа, Биланов, Чхеидзе, Чодришвили, Окуашвили, Аракел и др.

Кутаис. В начале февраля в мужской гимназии у нескольких гимназистов были обыски.

Елисаветград. 15—18 февраля взяты д-р Сощинд, Басист и г-жа Худиш (оба последние выпущены), рабочий Янкелевич и еще несколько лиц.

В Орлове, Вятской губ., окончила жизнь самоубийством Кл. Ник. Приходькова, сосланная на 4 года по соц.-дем. делу 1897 г. в Петербурге.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

От сибиряков 200 руб.

Спб. представителем получено: от читателей 14 руб. 50 к., за литерат. 5 р., от Спб. Комитета за литературу 400 р., от читателей из Харькова 5 р., всего 424 р. 50 к.

Из Цюриха 53 марки; из Берна через Рудникова 164,70 фр., в том числе из консума Б. К. Ф. 52,70 фр., и с бала 42 фр., от Женевской группы 32 фр., в пользу обуховцев 12 шилл., от «Свободы» 90,50 фр., из Лозанны через члена Лиги 30 фр., от Н. Б. 40 фр. и старый долг 19 фр., за литературу Кольцовым получено 192,60 фр. Через Плеханова от сибирячки 10 фр. Из Брюсселя 33 фр.

Ъ — Корреспонденция к этому номеру опоздала, будет помещена в следующем.

Федорову. Корреспонденция получена, ждем письма.

Товарищу, писавшему «за старичка». Пришлите скорее адреса для писем и для явки.

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа «Борьба»? Мы знали из нее несколько сотрудников «Зари» (две статьи) и «Искры» (3 корреспонденции, 2 статьи и 1 заметка). Несколько присланных ими статей не было помещено. Теперь они выступили с печатным «об'явлением», жалуясь на наш «недемократизм» и ратуя даже... против Personencultus! Как опытный человек, вы уже из одного этого, бесподобного и несравненного, словечка поймете, в чем тут суть. А когда «Борьба» напечатает свою статью против «С чего начать», о непринятии которой они тоже говорят в об'явлении, — тогда и совсем неопытные в партийных делах товарищи поймут, почему мы не встретили этих сотрудников с распростертыми об'ятиями.

На счет «демократизма» см. «Что делать», IV, д: сказанное там о «Рабочем Деле» относится и к «Борьбе».

Иваново-вознесенцам. В вашей корреспонденции сообщаются сведения, уже помещавшиеся в разных изданиях. Просим продолжать присылать.

Подолянину. Сообщите ваш адрес — мы его не имеем; вероятно, затерялось письмо.

Другу Тани на Севере. Повторите адрес для писем и пишите аккуратнее.

Отцу Нины. Письмо получено. Дайте адрес для писем, старый не годится.

В марте месяце мы выпускаем, вследствие некоторых непредвиденных обстоятельств, только один номер «Искры». Следующий номер надеемся выпустить к 1 апреля.

Вышло иллюстрированное приложение к № 18 «Искры» — по поводу речи Николая II к представителям корпуса жандармов.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет об известной секретной записке Витте, в которой он доказывал, что самодержавие несовместимо с земством, что земство конституционно по своему существу, и что поэтому надо строго ограничить рамки его деятельности. Эта записка была издана за границей и отпечатана в типографии «Заря» с предисловием Струве, скрывшегося под инициалами Р. Н. С. (см. Собр. соч. Н. Ленина, т. V, стр. 32 — 69).

Прим. 2. «Богдыхан Сергий» — здесь имеется в виду московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, дядя Николая II. По постановлению боевой организации партии с.-р. в 1905 г. был убит Каляевым.

Прим. 3. Бебель, Август (1840 — 1912)—один из основателей и вождей Германской Соц.-Дем. Партии, рабочий, токарь по профессии. Был бессменным членом рейхстага с 1864 года, член I Интернационала и один из вождей II Интернационала. Во время франко-прусской войны Б., вместе с Либкнехтом, воздержался от голосования военного займа, а после провозглашения во Франции в 1870 г. республики голосовал против военных кредитов и протестовал против отторжения Германией от Франции провинций Эльзаса и Лотарингии. Неоднократно сидел в тюрьме. Бебель боролся, как в международном рабочем движении, так и в Германии, против оппортунизма, но, стремясь во что бы то ни стало сохранить единство германской соц.-дем., он часто отмежевывался от революционного крыла партии, руководимого Р. Люксембург и Мерингом. Б. был автором ряда книг и статей («Женщина и социализм», мемуары «Из моей жизни» и пр.).

Прим. 4. Жорес, Жан-Леон (1859 — 1914) — французский социалист, крупнейший оратор. Начав свою политическую деятельность в качестве депутата парламента в 1885 г., примкнув тогда к левому крылу республиканцев, впоследствии он подвигался все более влево и в 90-х годах примкнул к социалистам правого крыла. С 1902 г. депутат палаты от Французской Соц. Партии и вождь ее парламентской фракции. В 1904 г. Ж. основал социалистическую газету «Humanité», ставшую центральным органом соц. партии. Во время Дрейфуса, невинно осужденного под давлением антисемитских и милитаристских кругов, якобы за «измену», выступил на его защиту вместе с Золя и добился пересмотра дела Дрейфуса и его освобождения. Эклектик по своему миросозерцанию, не обладая марксистским методом мышления, Ж. проводил оппортунистическую тактику и в начале 900-х годов стоял за участие социалистов в буржуазном правительстве, в частности защищая вхождение социалиста Мильерана в министерство Вальдека Руссо. Под конец жизни он вел энергичную антимилитаристскую пропаганду, не доведя ее до призыва к гражданской войне против своего правительства в случае войны. Был убит за антимилитаристские выступления накануне империалистической войны, 31/VII 1914 г., агентом шовинистов.

Прим. 5. Гедисты — сторонники Жюля Геда.

Жюль Гед (1845—1922) — один из основателей Французской Рабочей Партии, вождь революционного марксистского крыла французских социалистов, вел непримиримую борьбу с реформистами. В начале 900-х годов он резко нападал на жоресистов, стоявших за участие социалистов в буржуазном правительстве. Однако, во время империалистической войны Гед перешел в лагерь социал-патриотов и сам вошел в буржуазное «правительство обороны» в качестве министра без портфеля.

Прим. 6. Бланкисты — последователи Огюста Бланки, боровшиеся в начале 900-х годов против участия социалистов в буржуазном правительстве.

Огюст Бланки (1805—1881 г.) — французский социалист, организатор и участник многочисленных революционных выступлений во Франции, прозванный «Вечным Инсургентом» (повстанцем). Он провел около 37 лет своей жизни в тюрьмах и был дважды приговорен к смертной казни. Во время революции 1870—71 г. он был арестован незадолго до провозглашения Коммуны и просидел в тюрьме до 1879 г., когда, уже будучи глубоким стариком, он был амнистирован под давлением парижского пролетариата. Он умер в 1881 г., проведя последние месяцы своей жизни в неустанной агитации за дело социализма.

Под именем «бланкизма» подразумевают заговорщицкую тактику, сторонники которой надеются достигнуть победы революции путем захвата власти небольшой группой революционеров-заговорщиков, не опирающихся на широкие массы. История доказала неправильность этой тактики, но память о Бланки, этом стойком революционере, чуждом соглашательства и колебаний, всегда останется дорогой пролетариату. (См. Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. II, стр. 136).

Прим. 7. Мильеран, Александр (род. в 1859 г.) — бывший французский социалист, а после мировой войны — президент Французской республики и один из вождей реакционной французской буржуазии, заклятый враг СССР. В 1899 г. вошел в буржуазное министерство Вальдека Руссо и своим званием социалиста прикрывал расстрелы рабочих.

После горячих прений в рядах социалистов это вхождение в буржуазное министерство было осуждено в 1903 г. II Интернационалом, и в 1904 г. М. был исключен из рядов Французской Социалистической Партии.

Прим. 8. Б. Кричевский — См. № 15, «Искры» прим. 5-е.

Прим. 9. Ignotus (лат. „Неизвестный") — псевдоним Ю. Цедербаума-Мартова.

Прим. 10. Парвус-Гельфанд, А. Л. — русский эмигрант в Германии, в 90-х годах выдвинулся как один из блестящих публицистов левого крыла германской социал-демократии, сотрудничал в «Искре» и «Заре». В 1905 г. вернулся в Россию, вместе с Троцким принимал ближайшее участие в популярной газетке «Русская Газета», и входил в редакцию меньшевистской газеты «Начало», отстаивая идею „перманентной революции". Арестованный по делу второго Совета Рабочих Депутатов в Петербурге и сосланный в Сибирь, Парвус бежал снова за границу, жил в Турции, где наряду с литературной работой занялся коммерческой деятельностью. Во время мировой войны отошел от социализма и всецело поддерживал политику Вильгельма II. Умер в 1925 г.

Прим. 11. Цеткин, Клара — немецкая коммунистка, род. в 1856 г. Вступила в Германскую Соц.-Дем. Партию в тяжелые для нее годы подпольного существования, во время действия так наз. «исключительного закона против социалистов», проведенного германским правительством в 1872 г. и отмененного лишь в 1890 г. Цеткин примыкала к левому крылу партии и была решительной противницей ревизионизма и оппортунизма, с которыми она вела неустанную борьбу бок-о-бок с Ф. Мерингом, Розой Люксембург и К. Либкнехтом. Особенно много внимания и сил уделяла она организации революционного социалистического движения среди женщин-работниц, энергично борясь против влияния буржуазного феминизма на женскую часть пролетариата, и редактировала с.-д. газету «Равенство». Во время мировой войны она повела борьбу с социал-патриотизмом. В апреле 1915 г. она организовала в Берне женскую конференцию, которая сыграла большую роль в деле распространения интернационалистских идей во время войны. После возникновения коммунистического союза «Спартак» она примкнула к нему и вместе со спартаковцами вошла в германскую об'единенную коммунистическую партию, будучи избрана в члены Ц. К. этой партии.

На третьем конгрессе Коммунистического Интернационала Цеткин была выбрана в Исполком Коминтерна, членом которого она состоит и до сих пор, являясь одной из главных руководительниц международного женского коммунистического движения и одним из вождей международного пролетариата.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ИСКРѢ" №18

ГАЗЕТНОЕ ИЗВЕСТИЕ:

6 Декабря Всероссийскому Деспоту благоугодно было обратиться к представителям корпуса жандармов с нижеследующими Высокомилостивыми и знаменательными словами:

„Очень рад вас видеть, господа. Надеюсь, что связь, установившаяся сегодня между Мною и корпусом жандармов, будет крепнуть с каждым годом".

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 19 1 АПРЕЛЯ 1902 ГОДА № 19

ПАТРИОТИЗМ И ПРАВЯЩАЯ КЛИКА.

Газета «Свет», а за нею и «М. Вед.» заявляют в виду нынешних революционных волнений, что наша молодежь является бессознательным орудием в руках «международных агитаторов», устраивающих беспорядки в целях повредить могуществу России.

«Международные агитаторы» — это мы — социалисты. Мы задались целью ослабить политическое могущество России и ради этой цели вызываем волнения среди рабочих, крестьян и молодежи. Неизвестно, платят ли нам за это деньги иностранные державы, т. е. «Свет» и К° не прочь бы заявить, что они платят нам деньги, но такое заявление было бы не совсем удобно в виду все учащающихся фактов преследования русских социалистов со стороны европейских правительств. В прошлом году шесть русских социалистов было изгнано из Швейцарии, недавно столько же подверглось изгнанию из Франции, а затем начались высылки из Пруссии. Очевидно, что о соглашении между западно-европейскими правительствами и «международными агитаторами» говорить не приходится. Тем хуже для последних. Почтенные реакционные газеты могли бы еще об'яснить «по человечеству» денежную сделку между «агитаторами» и «враждебными России державами», но только извращенностью человеческой природы могут они истолковать непонятное поведение агитаторов, которые из одной бесконечной ненависти к отечеству навлекают на него всякие внутренние неурядицы, играя в руку англичанам, немцам и другим «прирожденным» врагам России.

В виду такого непатриотического поведения агитаторов-социалистов, самодержавие спешит проявить патриотизм собственной своей политики. В то время, как «международные агитаторы» губят отечество своей борьбой за свободное развитие отечества, «командующие классы» и их покровитель — самодержавие укрепляют силу и могущество России всеми зависящими от них средствами.

Правительство об'являет о предстоящем заключении нового *заграничного займа*. 393 миллиона марок (около 200 милл. рублей) ему обещали дать *германские* банкиры из 4%. Заключение этого займа составляет важное событие в истории финансовой политики самодержавия. С конца 80-х годов целью этой политики было освобождение России от власти *германской биржи*. Пресловутый франко-русский союз, основанный на дурачении французской буржуазии, должен был послужить и действительно послужил тому, чтобы выкачивать из богатой Франции сотни миллионов на покрытие «недоборов» в доходах казны. В свое время «патриотические» газеты не находили слов для восхваления «истинно-русской» политики Вышнеградского и Витте, которым удалось вывести Россию из того печального положения, когда, при малейшем недовольстве Бисмарка политикой русского правительства, немцы, в качестве владельцев русских государственных бумаг, производили с бедным (тогда еще бумажным) рублем такие операции, от которых вся экономическая жизнь России испытывала нечто вроде землетрясения. Под управлением Вышнеградского и Витте, говорили нам, Россия получила возможность свободно вести свою внешнюю политику, так как ее кредитор — не «прирожденный враг» Германия, но верный и покорный союзник—Франция. В случае войны с «природным врагом» России не угрожает уже банкротство.

Но хищническое хозяйство Романовых привело уже Россию в такое положение, когда и лакействующая французская буржуазия отказывается дальше ссужать своими миллионами г-на Витте. «Русские любят только занимать», говорили французы корреспонденту «Нового Времени», очень огорченному такой откровенностью наших «союзников». С большим трудом удалось г. Витте в прошлом году убедить французских банкиров содействовать новому займу в 150 милл. рублей. Чтобы размягчить толстокожего буржуа, пришлось таки пообещать показать ему в натуре чету Романовых с чадами и домочадцами. Тем не менее, несмотря на любезность царственного раз'ездного приказчика, который даже в католическую церковь сходил, заем удался далеко не блестяще. К 1 янв. 1902 г. из 150 милл. остались не подписанными целых 29 — пятая часть.

Не прошло и года, а правительство опять стало метаться в поисках новых займов. После неудачи с «дружественной» Францией пришлось, скрепя сердце, обратиться вновь к «врагу» — Германии. Пятнадцать лет «патриотической» финансовой политики пропали даром. Самодержавию труден только первый шаг: если немцы не окажутся благоразумнее французов и не задумаются над тем, что после политической революции Россия, пожалуй, не захочет признавать долгов, заключенных Романовыми в целях упрочения их господства и ее рабства,— если немцы не закроют свой кошелек после первой подачки, Россия неизбежно будет вновь подчинена царем берлинской бирже *.

К 1 янв. 1887 г. сумма государственных долгов России составляла 4.357 милл. руб. К 1 янв. 1902 г. эта сумма возросла до 6.498 милл. Каждый год хозяйничания Романовых стоит России накопления долга на сумму 150 милл., каждый год управления патриотической фирмы Витте и К° означает *все большее порабощение России международным финансистам*.

* Статья была уже набрана, когда появилось известие, что заем удался.

Государство, в котором ничтожная правящая клика под покровом народного бесправия расхищает народное достояние, не может не развивать в своих чиновниках стремления урвать что можно в свою личную пользу. Оптовая торговля народным достоянием, которою занимаются гг. Витте, находит свое естественное дополнение в розничной торговле, которой предаются от высшего до низшего чиновники всех ведомств.

В «Русском Инвалиде» — органе военного министерства, сообщено, что служащий в штабе Варшавского военного округа подполковник Гримм арестован за «преступления по должности» и сознался в своей вине. О характере преступления подп. Гримма ничего не говорится и не будет сказано. Только шум, поднятый заграничной печатью по поводу этого дела, вынудил правительство напечатать свое коротенькое сообщение. Дальнейших подробностей об этом скандальном деле публика не дождется: этого рода дела правительство всегда окружает сугубым покровом тайны. В чем же дело?

Подполковник Гримм, занимая видную должность в штабе Варшавского округа, систематически продавал австрийскому правительству планы мобилизации русского военного министерства, равно как и планы нашего «союзника» — Франции. Иностранные газеты сообщают, что свою торговлю Гримм вел в соучастии с многими офицерами, в том числе и с некоторыми, занимающими очень высокие посты (в числе других называют и начальника округа ген. Пузыревского). Верны или нет эти слухи, несомненно остается одно: это грязное дело ни в коем случае не будет раскрыто во всех подробностях, ибо его расследование будет производиться в том духе, в каком у нас ведутся все дела о «преступлениях по должности». В ведомстве, в котором казнокрадство, взяточничество и протекция процветают в наши дни так же пышно, как и в эпоху Николая I, при отсутствии независимого суда и свободной печати, новое дело о государственной измене окончится осуждением и устранением нескольких мелких сошек и обелением главных преступников. Более «невинные» дела недавнего времени, вроде южных процессов о хищении во флоте (см. корресп. в № 16), показали, чего можно ожидать от военного «правосудия» в современной России. И, выплачивая 300 милл. в год на дело «обороны государства», мы не только должны быть уверенными, что при всех перевооружениях, при всех поставках и подрядах громадная доля этих денег оседает в карманах высших офицеров; мы не только должны ожидать, что в случае войны солдаты, как и в 1855 и в 1877 г.г., окажутся снабженными гнилой обувью и забракованными ружьями; мы не только должны быть уверены, что громкие скандалы недавней Китайской экспедиции повторятся в крупнейших размерах; нет, мы еще должны опасаться, что планы наших командиров окажутся заранее запроданными неприятелям.

Русская публика еще недавно проявила самый горячий интерес к делу Дрейфуса, в котором обнаружились все язвы так называемой «разведочной службы» — этого специального учреждения для шпионства за иностранными государствами, которое во Франции оказалось в руках лиц, продающихся этим самым государствам. Русская публика сочувствовала стремлениям честных французов добиться очистки своего военного министерства, разоблачения всех скрытых в нем преступлений против отечества. Пусть же подумает русская публика, какие залежи однородных преступлений должны быть скрыты в канцеляриях русского военного ведомства, огражденного от гласности и общественного контроля всем нашим государственным строем?

Пусть подумает также публика о том, как общий строй нашей страны должен отражаться на «патриотическом» настроении офицеров. Может ли требовать от офицера честного исполнения служебного долга то правительство, которого «царственный вождь» нагло заявляет, что из всех родов военного оружия ему милее... жандармский и что «отныне тесный союз, установившийся между мною и корпусом жандармов, будет крепнуть все более и более»? Если верховный вождь русской армии публично из'ясняется в любви к тому отбросу общества, с которым самый жалкий офицер считает недостойным вести знакомство, то какие понятия о «чести» могут удержать «благонамеренного» чиновника в военном мундире от искушения войти в сделку с чужим правительством (если оно лучше платит)?

Подполковник Гримм продавал интересы русского государства иностранной державе. За это он будет наказан. Одновременно с открытием его преступления на другой окраине — в Батуме — власти послали военный отряд ограждать интересы иностранного капиталиста — Ротшильда — против русских рабочих.

Правительственное сообщение о батумских событиях заявляет, что рабочие завода Ротшильда устроили мирную стачку. Вопреки закону, так называемые «вожаки» были арестованы, и для охраны их поставлен военный караул. На требование рабочих об освобождении арестованых власти отвечают новыми арестами. Раздраженные рабочие бросаются к тюрьме, происходит столкновение, и солдаты стреляют. Правительство утверждает, что солдаты защищались от нападения. Насколько можно верить этому утверждению, видно из подсчета жертв: ранен один солдат и убито тринадцать рабочих. Уже давно в России не производилось такой бойни при «водворении порядка» среди рабочих. И, словно в насмешку, эта кровавая жертва принесена русским войском на алтарь барышей иностранного капиталиста, принадлежащего, если не ошибаемся, к той нации, которая, по словам наших «патриотов», есть «прирожденный враг России» (Англия)!

У себя в Англии или вообще в Западн. Европе г-н Ротшильд, в случае стачки рабочих его завода, не имел бы удовольствия видеть руководителей движения немедленно арестованными... Но если русское правительство систематически воспитывает свое войско в убийстве русских рабочих в интересах международного капитала, то что ж удивительного, что международному капиталу удается покупать совесть прошедших эту школу полковников Гриммов и находить изменников среди отличенных начальством офицеров?

Армия, воспитанная в постоянной вооруженной защите интересов кучки богачей и царедворцев против миллионов народа, не может не таить в себе политического развращения, не может не превращаться в корпорацию честолюбцев, не продающихся на сторону только до тех пор, пока свой повелитель оплачивает их верность в меру их аппетитов. Офицерство, из которого систематически изгоняют все свободолюбивые элементы, должно стать сбродом содержимых на счет народа бандитов.

«Патриотизму» правящей шайки, убивающей рабочих ради сохранения барышей Ротшильда, отдающей тем же Ротшильдам в виде процентов на займы распоряжение продуктами труда будущих поколений русского народа и прикрывающей государственную измену, свившую себе гнездо среди его доверенных агентов, этому патриотизму самодержавия мы, «международные» агитаторы, мы, русские представители международной социал-демократии, противопоставляем стремление к избавлению родины от развращающего ее политического строя, сделавшего ее в глазах цивилизованного мира «пятном невежества на карте Европы», стремление вывести ее на путь свободного развития и завоевать русскому народу уважение передового человечества.

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрация в Петербурге 3 марта.

Петербургский Комитет Партии и студенческие организации назначили демонстрацию на 3 марта. Прокламация, призывающая явиться на демонстрацию, была распространена Комитетом в 8.000 экземплярах.

К 12 ч. утра тротуары Невского на протяжении от Аничкова до Полицейского моста были запружены публикой, по преимуществу рабочей (студентов было очень мало). По средине проспекта раз'езжали на расстоянии нескольких шагов отряды жандармов и конных городовых, была масса пеших городовых, дворников и сыщиков. Войск совершенно не было, но, по словам офицеров, они стояли наготове в казармах.

В 20 минут первого вдруг у Гостиного двора послышались крики «ура», и многочисленная публика и полиция сразу хлынула по направлению к крикам, где на несколько минут показалось знамя, но было тотчас сорвано полицией, послышались вопли и крики, и видно было, как шашки жандармов и нагайки городовых то подымались, то опускались. Арестованных и избитых отправили в один из дворов на Невском, а публика, которая сплошь запрудила Невский, была оттеснена в боковые улицы. В этот момент по совершенно очищенному от публики Невскому проехал победоносно Клейгельс. Затем публику стали опять пускать, и тротуары скоро снова заполнились публикой. Опять стали выделяться отдельные кучки и с криком «ура!», «долой самодержавие!» подымали знамя, но полиция скоро его срывала, а участников избивала и арестовывала. Удачна была, собственно, одна попытка более долго продержать знамя, это было на площадке перед думой, где рабочие, благодаря хорошей позиции, могли держаться долго. Полиция окружала публику и, прижав ее к стене домов, избивала. Особенно страдали от побоев студенты, которые представляли для полиции особенно притягательную силу. Раненых и избитых очень много. Есть в военном госпитале академии медик с отрезанным ухом, горняк с отбитым кончиком носа, с ранами головы и лица. Рабочие вооруженного сопротивления не оказывали, публика же, число которой к 2 часам значительно увеличилось, благодаря гуляющей «чистой публике», относилась в общем мало активно и больше любопытствовала. На знаменах были надписи: «долой самодержавие», «свобода», «свобода печати», «свобода слова» и т. д. Рабочие очень довольны этой демонстрацией; продолжалась она до 4 час. Арестовано около 500 человек.

Другой корреспондент сообщает:

«В публике студентов почти не было, ибо накануне полиция произвела тщательную очистку Питера от неблагонадежного элемента. Без обысков, без арестов — просто призывали в охранку и просили убираться по-добру, поздорову. В предупреждение демонстранции полиция принимала и еще кой-какие меры, напр., обращалась с просьбой к рабочим на фабриках не ходить на демонстрацию, обещая оцепить все рабочие кварталы и приставить к каждой фабрике стражу. Рабочие, в свою очередь, решили во что бы то ни стало устроить демонстрацию, хотя бы даже для этой цели пришлось где-нибудь провести ночь под открытым небом. Как бы то ни было (полиция, кстати сказать, своих угроз относительно изолирования рабочих не привела в исполнение), но демонстрация состоялась. В средине толпы было поднято знамя с надписью „свобода", и вслед затем раздался клич: „Долой самодержавие!". Вышло довольно внушительно. Знамя держал студент, а вокруг него плотной стеной стояла толпа рабочих. Армия полицейских и дворников стремительно набросилась на центр демонстрантов, где развевалось знамя. Получилась обычная картина побоища, с той только разницей, что натиск полиции был встречен некоторым сопротивлением и свалка продолжалась минут около 15, в продолжение которых знамя продолжало развеваться, и крики „долой самодержавие" не смолкали. Наконец, полиция добралась до знамени, какой-то городовой успел выхватить его из рук державшего его студента, завертел на руках и поспешно удалился из опасного места с добычей. Затем энергичным натиском весь этот центр демонстрантов приперли к Гостиному двору, втиснули во двор и заперли. После этого конной полиции ничего не стоило рассеять остальную толпу. Говорят, что на демонстрации участвовало больше народу, чем в прошлом году 4 марта на Казанской площади.

«Хотя демонстрация и не так удалась, как этого хотелось бы, тем не менее революционный дух у рабочих не только не упал, а еще более окреп. Утверждают, что почва для новой демонстрации хоть сейчас готова».

(Из частного письма). «Уже к 11 часам утра 3 марта Невский представлял необычайную в праздничный день картину. Вместо обычной нарядной толпы, преобладающим элементом были рабочие, которые, опасаясь быть задержанными, в большинстве случаев со 2-го на 3-е оставались ночевать в городе у кого-нибудь из своих знакомых. В толпе господствовало напряженное состояние — все чего-то ждали. В 12 час. публики уже было столько, что она не помещалась на панелях, и многие шли по дороге, а между тем народу все прибывало и прибывало. Наибольшее скопление было между Казанской ул. и Фонтанкой. В половине 1-го из толпы, находившейся между церковью св. Екатерины и Михайловской улицей, раздалось пение марсельезы и поднялся красный флаг. Многие из находящихся на противоположной стороне побежали к демонстрантам, но свободный доступ к ним продолжался всего несколько мгновений. С необыкновенной быстротой выскочили с одного из дворов конные, с обнаженными саблями, жандармы и с криком „расходитесь" окружили всех находящихся на панели. В то же время пешие городовые, под начальством пристава, врезались в толпу и очень быстро отняли у рабочего флаг (предварительно избив этого рабочего). Той же участи подвергся и студент, выкинувший другой красный флаг. Скоро часть публики в этом месте была арестована, а большинство было оттиснуто в Михайловскую улицу. Вслед за этим прекратилось конечное движение по Невскому. Все перпендикулярные Невскому улицы, вплоть до Фонтанки, были преграждены: стояли загородки также и на Аничковом мосту, при чем извозчикам и пешим можно было только двигаться с Невского, но на Невский никого не пускали. Так длилось 2—2½ часа. В это время на Невском было выкинуто еще несколько флагов, при чем один, с надписью „долой самодержавие", несколько времени поддерживался толпой, которая подхватила его, когда рабочий, выкинувший этот флаг, был схвачен. Всех арестованных отводили в Гостиный двор; там они некоторое время были заперты. Начали развозить их по частям часов с 3-х. Преобладающим элементом между арестованными были рабочие».

Из листков Организационного Комитета студентов университета заимствуем следующие описания демонстраций, сделанные очевидцами:

I. «Я стоял на Казанском мосту в то время, как у Гостиного двора послышались возгласы „долой самодержавие!", „да здравствует политическая свобода!". Туда по-

вие!", „да здравствует политическая свобода!". Туда полетели жандармы и стали бить толпу обнаженными шашками по чем попало. Зрелище было ужасное. Галопом несущиеся лошади, зверские физиономии солдат, бряцание оружия — одно это уже нагоняло ужас на публику. Мы добежали до Михайловской площади, тут нас погнали назад мчавшиеся обратно от Гостиного двора жандармы. Воздух попрежнему оглашался революционными криками. Толпа старалась проскользнуть между галопом скакавшими лошадьми. Большинство было загнано на площадь перед католическим костелом; ворота во двор костела оказались запертыми. Публика прижималась к стене и старалась лавировать между размахиваемыми по воздуху шашками. В это время напротив у Милютиных рядов, конные каждармы и пешие городовые окружили прижавшуюся к стене толпу и избивали ее шашками и кулаками. Было видно, как вырывались оттуда отдельные лица, окровавленные, без шапок, с растерзанной одеждой. Я перебрался на ту сторону, полиция погнала нас по направлению к Гостиному двору. Здесь под арками скопилась масса народу; на углу у часовеньки дворники беспощадно колотили студентов. Конные городовые стали напирать сзади; толпа побежала под аркой; давка была страшная, слышались возгласы, крики „не давите" и т. д. Мне удалось перебраться на тротуар перед Гостиным. Здесь было свободнее, и публика хлынула сюда, но ее снова погнали, и, наконец, мы очутились на углу Садовой. Здесь пешая полиция приготовилась оцеплять толпу. Сначала она загнала большинство за кордон на Садовую и уже больше не пускала на Невский, а потом из оставшихся вырвала без всякого основания группу в 30 человек и арестовала ее. Потом я старался проникнуть на Невский, но все прилегающие улицы были загорожены дворниками и городовыми, так что даже на извозчиках нельзя было проехать. По Невскому также прекратили всякое движение».

II. Показания студента университета: «Я очутился в отряде возле Думы. Студент-технолог на верху лестницы, ведущей в „Общество Взаимн. Кредита", развернул красный флаг, призывая публику столпиться. Раздались крики: „долой самодержавие" и пр. Жандармерия бросилась по лестнице за красным флагом, который был сброшен вниз. Какой-то жандармский офицер бросился за ним, но был сильно избит публикой, преимущественно студентами. В этот момент устремилась конная жандармерия с обнаженными саблями, ударяя таковыми публику по голове. Было много сильно окровавленных. Через несколько времени этот отряд, привлеченный криками „да здравствует свобода" на другом конце, быстро удалился, но ему на смену явился новый эскадрон конных жандармов, доканчивавший избиение нагайками. Опрокинутый на землю сильным пинком в спину, я едва мог подняться. Придя в себя, я увидел коллегу, сильно избитого и не отдающего себе, очевидно, отчета во всем происходившем. Доведя его до извозчика, я отвез его домой, а потом и сам приехал домой. Из расспросов я узнал, что коллега был избит двумя жандармами за то, что вступился за двух курсисток. На лице его остался шрам с кровавыми подтеками от удара нагайки. Собственные впечатления. Не могу дать сведений относительно бойни самой жаркой — около Думы — туда, как я видел, понеслись с обнаженными шашками конные жандармы, опишу лишь несколько сцен дальнейшего избиения публики. Отряд жандармов, под начальством молодого офицера, вернувшись с главного места побоища, прогнал меня вместе с толпой с Невского на Мал. Конюшенную. На углу здания зубоврачебной школы офицер этот отдавал приказания бить отдельных лиц. „Вот этого студента ударь", — командовал он. „Удары" сыпались на несчастного... Заметив какого-то вольноопределяющегося здесь же на панели, офицер за шиворот вытащил его из толпы и с криком: „Вон отсюда, тебе здесь не место", поволок к постовому городовому, дав ему тумака в шею и сбив шапку. Дальше, по Мал. Конюшенной нас гнали пешие и частью конные городовые, сравнительно мирно, за исключением некоторых возмутительных сцен. Но когда мы по Шведскому пер. выбрались на Больш. Конюшенную, то там вновь нас встретил тот же жандармский отряд с тем же молодым офицером; прогоняя нас вглубь улицы за придворные конюшни, отряд этот вдруг бросился на нас, в'езжая галопом на панель и избивая людей направо и налево. Это было далеко от Невского, народ двигался маленькими кучками по панелям, и жандармы, бывшие раньше сзади, разделились по одному и друг за другом скакали вдоль панелей, прижимали публику к стене, и тут доставалось буквально всем; мне известна сцена, когда кучка людей, напирая на запертые ворота, выломала их. За этими воротами оказались другие — железные, тоже запертые; и вот в таком углублении работали два жандарма; избили дворника, били женщин и опрокидывали в какой-то подвал; тут же попало офицеру, уткнувшемуся лицом в угол, и нескольким штатским».

III. «Я был свидетелем следующего возмутительного зверства: на крики „да здравствует свобода", раздавшиеся около Думы, туда бросился взвод конных жандармов с шашками наголо. Окружив демонстрантов плотным кольцом, они начали буквально месить публику. Спасались только те, которые проскальзывали между ног лошадей. Студент университета, с окровавленной головой, без шапки, инстинктивно закрываясь башлыком от сыпавшихся на него ударов, проскочивши меж ног лошадей, бросился на другую сторону Невского. Один из жандармов бросился за ним и начал бить его по голове нагайкой. Я поспешил к нему на помощь, и он, весь окровавленный, без чувств упал ко мне на руки. При помощи подоспевшей публики он был отнесен в аптеку. Владельцы магазинов в Гостином дворе все рассказывают, что забранные на демонстрации и уведенные внутрь Гостиного двора подвергались там жесточайшему избиению со стороны дворников и полиции. Один из сторожей, между прочим, рассказывал, как он сам слышал приказ пристава дворникам: „Толпы не бейте, а выхватывайте отдельных студентов и колотите изо всех сил", что было и исполнено. Со слов двух гостинодворских приказчиков, очевидцев возмутительных насилий 3 марта, привожу следующее: к помощнику градоначальника г. Фриту, стоявшему у Гостиного двора, два дворника подвели одного студента-путейца, при чем продолжали жестоко бить его; это зрелище грубого возмутительного насилия повлияло даже на Фрита: „Господа! будет", — сказал он. На это один из дворников, ухмыляясь ответил: „Ничего, ваше превосходительство еще выдержит!". Избиение, кроме Невского, происходило еще на Большой Итальянской и на Мойке по направлению к Гороховой».

В заключение приведем разговор, слышанный случайно в бакалейной лавке, характеризующий настроение, вызываемое в обывателях последними событиями:

Молодой человек (по виду приказчик или мелкий торговец):

«Собрались в трех местах: у Казанского собора, на Семеновском плацу и у Николаевского вокзала. У Казанского собора нанятый 13-летний мальчик выкинул красное знамя, но оно развевалось так, что нельзя было прочесть надписи. Я иду по Невскому, гляжу: стоит брат (околоточный). „Ты что здесь?". „Да я в наряде, посмотри, что на дворах-то сколько набито везде полиции — бунт". Не простояли мы и полчаса, как студентов набралась большая толпа, и, откуда что взялось, гляжу — выкинули красное знамя на длинном шесте, и как это им удалось пронести незаметно длинный шест этот? Когда собралась толпа, студенты стали бросать кучками в публику свои рекламы. „А что написано в этих рекламах—вот бы почитать-то?"— спросил хозяин лавки, толстый седой старик. Написано: „Свобода и воля". „Да ведь это одно только название у них, а что еще-то прописано там?". „Только эти два слова «свобода и воля» и больше ничего". „Верно, — замечает старик, больше им ничего и не надо, ведь они требуют свободы печати, чтобы обо всем можно было в газетах писать, а то у нас ведь ничего не позволяют ни говорить, ни писать, полиция, что бы ни сделала, всегда будет права". „Да, знаешь, что полиция говорит, — сказал молодой субъект, очевидно, близкий знакомый старика, — полиция говорит: мы что хотим, то и сделаем и не ответим". „Ну, да ведь придет время, что полиции трудно будет справиться, та же полиция теперь говорит, что эти бунты дают большой толчок вперед силе студентов и что теперь все труднее и труднее усмирять бунтующих, потому что их число растет и к студентам присоединяется публика. Да и

в самом деле, посмотрим, что у нас делается, кто что хочет, тот то и делает: чорт чорта тешит". „Конечно, — замечает старик, — мужика, нашего брата купца или еще кого можно обидеть, ну уж, а его превосходительство — не тронь!"... „Посмотрите на наших министров, — говорит, раздражаясь все более, молодой собеседник, — ведь они делают, что хотят, сядет какой-нибудь немец и хозяйничает, и распоряжается как своим имуществом, и никто не смей ничего сказать про это. На два миллиона делают заказы за границей, а наши рабочие сидят без заработка и молчать должны! Самые лучшие участки земли в Сибири нарезали дворянам, а мужик, приезжающий туда, остается ни с чем и должен снова голодать, хотел поправиться и попал в нищету! На что это похоже? Ведь стоит студентам спуститься к низшим людям, мужикам, тогда все вместе сильнее будут. Ведь мужику-то куда как трудно жить!". „Да, а кому не трудно?". „Конечно, что может сделать толпа в 500—600 человек, когда против них выходит не одна тысяча полиции и дворников, сейчас же разогнали всех, так и не удалось им, как следует, обнародовать то, что хотели! Арестованных много — 200—300, а то и больше, много было и женского элемента — курсисток; но ведь все они знали, что их арестуют, что посадят в тюрьму и накажут, все знали и все-таки пошли, а пошли они требовать того, что считали нужным! И еще найдутся такие".

«„Ведь вот об этом ничего не пишут, а почитать бы, что за границей пишут про нас!" — воскликнул оживленно старик. „Да,—продолжает другой,—этого не затушишь, теперь вон и гимназисты и те кое-где не учатся, и их исключают, потому что нельзя им иначе делать, как я сам недавно слышал в Воронеже от гимназиста, которого исключили"».

Так говорят среди мелкой буржуазии, а вот какие речи слышны на самых низах «черного народа»:

Едет интеллигент и вызывает на разговор извозчика:

— Что это такое делается на Невском?

— Известно что, — спокойно отвечает извозчик, — бунтуют, вот что.

— Как так бунтуют? Чего же они бунтуют?

— Правов хотят, потому, значит, и бунтуют. Теперь скоро станут все бунтовать, всем надо правов... А то, вишь ты, все эти самые немцы (?) и жиды (??) никому житья не дают — ни нашему, ни вашему брату.

— Какие немцы и жиды?

— Известно какие: царские министры, чтоб им...

Легенда о «немцах» и «жидах» говорит о довольно таки самобытных путях, которыми «черный народ» добирается до идеи о «правах». Во всяком случае, несомненно, что повсеместные демонстрации повсюду заронили эту идею.

Бутырская пересыльная тюрьма (письмо курсистки).

Приводим живое и интересное описание февральских событий в Москве, сделанное одной из участниц сходки 9 февраля.

«Исполнительный Комитет решил придерживаться в своих действиях 9 февр. следующей программы: воспользоваться разрешенной начальством сходкой для того, чтобы собрать на нее побольше студентов, курсисток и интеллигенции. По окончании сходки выйти из университета со знаменами и революционными песнями, соединиться с рабочими, которые должны были собраться в Александровском саду и его окрестностях и общей толпой демонстративно пройти по главным улицам Москвы, придерживаясь относительно полиции такой тактики: где можно отражать ее нападения силой, а где нельзя, разбегаться перед натиском, но сейчас же собираться снова в другом месте. Великолепная организация полиции расстроила исполнение этого плана, а подлость ректора, давшего слово не пускать полицию в стены университета и не исполнившего этого слова, устроила нам в университете ловушку. Последняя надежда на рабочих также рухнула, когда оказалось, что 10 фабрик оцеплены войсками и об'явлены на военном положении.

«В 12 ч. дня в университете была назначена официально разрешенная начальством сходка. Уже около 10 час. на Моховой толпились студенты, курсистки и посторонняя публика; здесь же был выстроен отряд полицейских. К 12 ч. около 600 человек вошло в актовый зал университета, собранию было об'явлено, что программа Исполнительного Комитета чисто политическая. Против этой программы восстала группа так называемых академистов (70 чел.). Дебаты были страстные, и, когда оказалось, что большинство на стороне политиков, академисты торжественно вышли из зала (в их числе 2 женщины). Потом узнали, что их сейчас же забрали сначала в манеж, а потом препроводили в Бутырки. В самый разгар дебатов на кафедру взошла представительница соединенной организации всех женских курсов, и в первый раз со времени основания университета в стенах его раздался голос женщины, вышедшей наравне с мужчиной на борьбу за свободу. Вот приблизительные ее слова: „Я удивляюсь тому, что могут еще возникать споры по поводу программы, которую мы должны выставить. Кажется, этот вопрос давно уже и бесповоротно решен. По крайней мере, мы, женщины, принимаем только политическую программу и готовы на все, чтобы добиться ее осуществления"... После этих слов дебаты прекратились. Потом стали обсуждать тактику. Оказалось, что предположенной демонстрации устроить нельзя, потому что университет, Моховая, Никитская и ближайшие переулки оцеплены войсками. Решили отсиживаться в университете до следующего дня, т. е. воскресенья, надеясь что в праздник выберутся в Москву рабочие и, устроив около университета демонстрацию, помогут нам присоединиться к ним. Забаррикадировали все выходные двери, а около главного входа поставили караул. Где-то раздобыли хлеба и колбасы, но в таком ограниченном количестве, что многие остались не евши. Молодежь устроила хор, и звуки марсельезы, варшавянки и др. огласили старые стены. В 6 час. вечера была вторично созвана сходка и были прочтены принятые утренней сходкой постановления. Требования следующие: свобода и неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода вероисповеданий, свобода сходок, ассоциаций и организаций, допущение в университет всех без различия пола и религии, желательность и своевременность созыва Учредительного Собрания. Потом началось обсуждение настоящего положения дела. Прошел слух, что в университет в 8 час. явятся войска. Горячие головы предложили бороться (несколько человек были вооружены кое-каким довольно жалким оружием) с военной силой, но их предложение было отвергнуто большинством во избежание совершенно бесполезной для дела и бесцельной бойни. Порешили не уходить добровольно, но подчиниться лишь силе. Нервы у всех были страшно напряжены, и старались чем-нибудь заглушить все возрастающую тревогу. Опять пели и внизу, и в зале, и на дворе, пели хором и соло, кто-то рассказывал горбуновские сценки, кто-то раздобыл у сторожа самовар и устроил чаепитие. Наконец, стали затихать. У нас большинство дремало, сидя на стульях, а несколько человек улеглись на столе. Около 3 часов ночи раздался крик: „Товарищи, войска идут". Мгновенно все были у окон и увидели такую картину: во двор университета входили и размещались пожарные с факелами, казаки верхом, масса полицейских и Невский пехотный полк. Как ни было серьезно наше положение, большинство стало смеяться. Право, можно было подумать, что в университете сидит не 507 человек (из которых 73 женщины) пылких, самоотверженных, но беззащитных людей, а могучая, разбойничья шайка, с которой придется выдержать целое сражение. В университет вошел пристав и потребовал от караульных, чтобы университет был очищен, — ему отвечали отказом. Тогда он об'явил, что дает ½ часа на обсуждение, а через ½ часа возьмет университет приступом. Действительно, через ½ часа раздалось гиканье казаков, и наверх ворвались пожарные и пехотинцы со штыками наперевес. На пороге они остановились в удивлении, и штыки сами собой поднялись вверх. В первом ряду злодеев, на которых их направили, они увидели совершенно спокойные, хотя и страшно бледные, женские лица. В 5 минут все было кончено: пожарные с факелами вскочили на столы, казаки

кольцом окружили всех и вывели сначала на двор университета, а потом в манеж. Итти пришлось между двойными рядами конных казаков и пехоты. Войскам пришлось вынести много оскорблений, но они вели себя сравнительно сдержанно, и нагайка взвилась только раз, когда студент сбил фуражку у пристава. Молоденький офицерик Невского полка стоял белый, как мел, а ему в упор бросали: „Стыдно, на своих идете!". Казаки поголовно были пьяны и позволяли себе грубые, даже цинические замечания, также и полиция, но лица пехотинцев были серьезны, даже грустны. Когда все вышли из университета, то, несмотря на протесты полиции, грянула такая марсельеза, которая должна была бы разбудить всех мирных московских обывателей, если бы сон их не был так глубок и крепок. В манеже всех переписали и небольшими партиями отправили в тюрьму. Женщины шли также между двойным рядом казаков и пехоты, в сопровождении 2 офицеров. Шли часа 2, и уже почти рассвело, когда мрачные стены Бутырской тюрьмы открылись перед нами. Камера, отведенная нам, громадная, грязная, деревянные кровати с миллиардами клопов и грязными, набитыми соломой, матрацами и подушками. Еда — помои. Теперь, впрочем, к нам приходит каждый день торговка, у которой можно достать все необходимое, передают вещи, присылаемые из дому, некоторым разрешают свидания. Вообще, тюрьма оказалась совсем не такой ужасной, какой мы себе ее представляли по романам Достоевского и очеркам Мельшина. Думая, что нас продержат здесь не мало времени, мы стараемся устроиться поудобнее и главное, извлечь из нашего здесь пребывания побольше пользы. В Бутырках содержится более 2.000 чел. студентов, курсисток и др. политических (есть рабочие, высылаемые в Сибирь). У нас в тюрьме издаются 3 газеты (2 у студентов и 1 у курсисток), устраиваются литературно-музыкальные вечера для арестантов и арестанток соседних камер. Мы забрали к себе детишек арестантов, и они проводят почти целый день в нашей камере. Семи-и восьмилетние карапузы уже бойко распевают марсельезу и дубинушку. Вообще, в тюрьме небывалое оживление. Во время наших прогулок все окна заняты зрителями-арестантами, которые перебили все стекла, чтобы лучше слышать наше пение. Вчера все были особенно взволнованы привозом в Бутырки известного Тригони, одного из деятелей 1 марта. Он 20 лет провел в Шлиссельбурге и теперь пересылается на Сахалин. Начальство тюремное относится к нам хорошо, а конвойные так иногда увлекаются, что начинают подтягивать варшавянку. Я уверена, что по городу ходят самые невероятные слухи обо всем происшедшем, и мое письмо может служить фактическим опровержением нелепых и грязных выдумок. Утверждаю, что поведение студентов и курсисток было безукоризненно корректно. Все разговоры, песни и споры носили совершенно особый характер и касались только злобы дня. Быть может, в нашем движении было много незрелости, неуменья (напр., Исполнительный Комитет не был своевременно осведомлен о том, что фабрики оцеплены), но оно, т. е. это движение, собрало не увлекающихся или любопытных, а людей, глубоко убежденных в святости и правоте дела, за которое они борются, и которые **не могли не итти хотя бы и на верную гибель**. В университете никаких особенных беспорядков произведено не было. Правда, зеленые первокурсники поломали ящики и разорвали вынутые оттуда гимназические характеристики, поломали несколько дверей, разлили воду и рассыпали уголь, когда ставили самовар, вообще было много грязи и сора, неизбежных при толпе в 500 человек, но храм науки осквернен был только казаками, осмелившимися ворваться в него со своими позорными нагайками. У нас получены с воли **достоверные** сведения от родственника одного из офицеров, бывшего в наряде в ночь с 9—10 февр., что нескольким казакам было приказано остаться в университете после вывода из него студентов и произвести там всяческие безобразия (говорят, оторвана голова у царского портрета) с целью свалить потом все на демонстрантов и подорвать этим сочувствие в публике. Зубатов, придумавший такую штуку, показал и на сей раз, что он очень умен и большой знаток психологии толпы. Настроение у большинства и теперь страшно нервное, но бодрое, полное под'ема всех душевных сил. Говорят, что нас сошлют в Сибирь, — ну, что же, люди живут и в Сибири.

«Среди нас находится несколько женщин, взятых прямо с улицы. Многие из них даже и не знали о сходке, но их грубо схватили и засадили сначала в манеж, а потом в Бутырки, где они пребывают уже более недели. Две из них совсем больные (одна — эпилептичка, 17-летний ребенок). Не возмутительно ли это? Можно ли жить в стране такого произвола над личностью? Что же делается в Белокаменной? Неужели, она не проснется, не встанет грозной, могучей силой на защиту своих детей?

«Верить этому не хочется. Всех женщин в Бутырках — 86. Педагогичек — 25. С Екатерининских курсов — 31. Акушерок-массаж. — 6. С курсов Герье — 11. Взятых на улице — 13».

Всех не сослать!—Массовая фабрикация революционеров. Правительственное сообщение поведало России о новой массовой расправе с «внутренними врагами». Речь идет об участниках московских волнений. 668 лиц — участников сходки 9 февраля и подозреваемых ее подготовителей — предположено было сослать административно, но царь счел достаточным сослать в Вост. Сибирь на срок от 2 до 5 лет только (!) 95 человек из организаторов и просто неблагонадежных лиц. 567 лиц будут подвергнуты тюремному заключению от 3 до 6 месяцев, шестеро отдано под надзор полиции.

Правительство рассказывает о политическом характере, который приняли студенческие беспорядки, и о тесной связи, в которую студенты вступили с «существующими революционными кружками» и с рабочими. Ссылая 100 человек, правительство об'ясняет, что оно хочет поставить их в условия, наименее благоприятные для революционного воздействия на окружающую среду. Оно только забывает, что применяемое им средство уже неоднократно приводило к еще более нежелательным для него последствиям. Часть ссылаемых юношей может быть, вернется разбитыми людьми, но сильнейшая часть возвратится к нам уже готовыми, зрелыми революционерами.

Правительство напрасно только умалчивает о другой цели своего решения, ради которой оно и опубликовало— против обыкновения — «приговор», вынесенный в административном порядке. Эта цель — **устрашение**. Но после того, как угроза солдатчины ничего не сделала, что может сделать применение (хотя бы и массовое!) старого средства, — столь знакомой русской интеллигенции Сибири?

Разумеется, расправа с москвичами — только первая проба, за которой следуют уже другие. Нам пишут, что 9 марта в Петерб. пересыльн. тюрьме об'явлен «приговор» следующим лицам, взятым в феврале, т. е. до демонстраций:

Студ. унив-та: Соколов, Корндорф, Дыбовский, Аблов; технолог. Овечкин и горн. студ. Плеханов — в Ирк. ген.-губ. на 3 года, студ. Унив. Шехтер, Александров, Григорьев, Воскресенский — на 3 года в Степное ген-губ.; студ. унив. Тагеев — в Новый Маргелан на 3 г.

Технолог Замараев на 2 г. в Астраханск. губ., техн. Красноухов на 2 г. в Баку и унив. Аполлонов на 2 г. в Оренбург.

Технологи Залевский и Семенов на 1 г. под надзор полиции.

P. S. Повидимому, в виде ответа на правительственное сообщение последовал 19 марта неудачный выстрел Евгении Алекс. Алларт в московск. обер-полицмейстера Трепова.

Из **Дерпта** (Юрьева) пишут:

«19 февраля была в университете сходка в 320 челов., единогласно постановили — сходку и обструкцию. Достижение академической свободы признано невозможным при существующем политическом режиме; выражено глубокое возмущение и негодование чиновно-полицейским произволом, неизбежно связанным с существующим политическим строем России. В заключение был поставлен во-

прос о демонстрации; за нее высказалось только человек 40—50. Но когда по выходе из физиологического института демонстранты с пением марсельезы тронулись к главному зданию ун-та, то за ними последовало около половины участников сходки. Остановились с пением перед ун-том и хотели итти срывать лекции, но оказалось, что ни одной не читается. Тогда с пением двинулись на Рыцарскую; там был поднят красный флаг, вокруг которого и сгруппировалась главная группа демонстрантов. Публики собралось масса. Рыцарская и некоторые близлежащие улицы и площадь были заняты публикой; но от демонстрантов, которых к концу осталось не более 60 челов., держались в отдалении. От Рыцарской пошли на Петербургскую, на Каменном мосту остановились; делались возгласы: „Мы боремся за политическую свободу, свободу слова, совести, печати, собраний, союзов, право петиций и т. д. — да здравствует конституция, земский собор" — покрывавшиеся дружным „ура" и аплодисментами; „анафема царизму!".

«На углу Петербургской и Ратушной демонстранты рассеялись. Полиция бездействовала и отсутствовала. Переполох в городе страшный. 20-го по всему фронту применялась в ун-те обструкция. С 9 час. утра до 6 веч. все лекции сорваны, количество обструкционистов не превышало 100. Университет не закрыт. Профессор Пассек предлагал своим слушателям услуги по части организации их для борьбы с обструкционистами. Реакционеры собираются бить обструкционистов.

«21-го в актовом зале собралась масса публики по случаю чествования Гоголя. Ждали скандала; ректор и инспектор сильно волновались. Масса педелей, переодетые жандармы, сыщики, были и в студенческих сюртуках... Все же успокоились, публика пришла в разочарование, — никакого скандала во время торжества не было, мирно слушали доклады, аплодировали и изредка чуть-чуть шикали.

«Но лишь только замолкли аплодисменты после речи Чижа (последний доклад), раздался резкий голос: „Проклятие гасителям свободного слова и литературы" — бурные аплодисменты. „Требуем свободы печати, свободы слова, свободы организаций и т. д....", а затем стройное пение марсельезы. Сверху сыпали прокламации и бюллетени „Союз. Сов.". С пением прошли через университет и остановились перед главным входом. Здесь возгласы и пение; затем прошли по Ивановской ул. и к Ратуше с пением. По дороге останавливались для возгласов. Слушатели удивлялись стройности и силе пения. Остановились перед Ратушею; снова возгласы. Моментально собралась невиданная для Дерпта толпа, всего на площади и прилегающих улицах было не менее 5.000 человек. Кое-кто из публики присоединился к демонстрантам. От Ратуши рассеялись в толпу, которая все росла. Где-то раздалась военная музыка, и демонстранты снова собрались в кучку и запели. Но солдаты не появились. Полиция предупредительно исчезла перед демонстрантами. Полное бездействие властей. Очевидно, за неимением казаков и конной полиции боялись усмирять пешей полицией и солдатами. Возможно, что демонстранты одержали бы верх: между ними были вооруженные.

«Пока не было ни арестов ни высылок. Мирный Дерпт страшно взволнован. Полиция потеряла голову. Ждут скоро 3-ей демонстрации, пока еще не высланы горячие головы.

«Реакционеры страшно возмущаются полицией за бездеятельность. В понедельник предполагается самая отчаянная обструкция; говорят, что университет должен быть закрыт непременно. В ветеринарном инст. была 19-го сходка и применялась обструкция. Кое-кто принимал участие и в демонстрациях».

В настоящее время Дерптский университет уже закрыт.

Рига. 24 февраля и 6 марта в здешнем русском театре были разбросаны прокламации «К обществу», изданные «Рижским Комитетом об'единенных с.-д. организаций». 6 марта полиция переписала всех находившихся на галлерее и забрала несколько студентов в зале.

Ростов-на-Дону. 19 февраля в Ростове была совершена попытка произвести уличную демонстрацию. К 7 час. вечера среди гуляющей по Садовой улице (против Думы) публики стали появляться группы рабочих; одна из них около 8 час. начала у Соборного пер. петь «Марсельезу»; когда публика, заинтересованная этим небывалым в Ростове зрелищем, стала толпиться по тротуарам, демонстранты в числе около 100 чел. вышли на середину улицы и с криками: «Долой самодержавие!», «да здравствует свобода!» направились на противоположную сторону. Момент был замечательно удобен для совершения стройной и внушительной демонстрации, публики собралось масса, полиции не было... Между тем в среде демонстрантов, к сожалению, не было опытного руководителя, который сумел бы использовать первую минуту; не было даже знамени, которое хоть отчасти пояснило бы собравшейся публике истинный характер сборища. Прошло минут 10, когда, наконец, появилась полиция, затем казаки. Наиболее публики толпилось на углах, особенно у Соборного пер.; как только раздавались революционные возгласы, покрываемые криками «ура!», полиция бросалась в толпу и выхватывала первого попавшегося. Таким образом, было арестовано человек 6. Когда толпа пыталась было отбивать арестованных, околоточный надзиратель направил в толпу револьвер, грозя размозжить голову первому, кто осмелится на него броситься. Толпа отступила и потом все время беспрекословно позволяла производить аресты. Долго еще толпилась публика, ожидая, что будет дальше. К 2 час. все успокоилось. Несмотря на неумелое ведение демонстрации, впечатление, произведенное ею на обывателей, не поддается описанию. До сих пор все говорят об этом событии, небывалом в Ростове, и удивляются мужеству рабочих.

В течение истекшей осени и зимы местным Комитетом распространены следующие воззвания: 1) по поводу закрытия «профессионального общества» — мимеогр. в количестве 1000 экземпл., 2) о политической свободе — гектограф. в колич. 200 экз.; 3) по поводу Таганрогских беспорядков — гектогр. 200 экз.; 4) по поводу годовщины освобождения крестьян 1000 экз.

Возникшей в конце истекшего года в Ростове «кассой для политических ссыльных и заключенных (Красным Крестом)» распространены: 1) бюллетень о демонстрациях в Харькове и Екатеринославе с призывом к сбору пожертвований, 2) листки «Еврейск. Бунда» к еврейской интеллигенции о студенческих беспорядках, 3) бюллетень о демонстрациях в Киеве, Москве и Питере — с призывом к пожертвованиям.

Арестовано всего по делу о демонстрации 19 февраля около 15 человек.

17 февраля произошла демонстрация в Екатеринославе, организованная местным Комитетом Партии, который созвал рабочих особым листком, напечатанным в собственной типографии. О самой демонстрации рассказывается в другом листке комитета, изданном после 17 февраля. Приводим из него следующее место:

«В течение целой недели у губернатора шли совещания всей „стаи славной", опоры царя и отечества: его сиятельство фон-Келлер, жандармский генерал Делло, полицмейстер и просто пристава и даже помощники приставов, — все братались как равные, все вместе придумывали, как бы получше задушить смелую попытку екатеринославских рабочих. Были приняты все меры. Произведена была масса арестов и обысков. Солдатам своевременно розданы были патроны. В день демонстрации, в воскресенье, вся Чечелевка занята была войсками и отрезана от города. В тот же день, с 2-х часов дня, обыкновенно шумный и людный проспект представлял собою необычайное зрелище: кроме полицейских чинов, на нем почти не видно было ни единой живой души. Всех прохожих буквально гнали в шею, не давая прохода ни выхода. По временам только то здесь, то там появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворам и маршировала по проспекту. Город очутился вдруг на военном положении, и можно было подумать, что на нас напали какие-то неведомые вражеские полчища. Но нет,

то бушевала собственная полиция, предводительствуемая губернатором, раз'езжавшим, как перед сражением, верхом на коне. Вся стая черных воронов-дармоедов, нахлебников у народа, имея за спиной сотни вооруженных солдат, собралась во что бы то ни стало задавить этот самый народ, заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народ сильнее, чем его нахлебники. В ту самую минуту, как граф Келлер важно и самоуверенно раз'езжал по проспекту, под самым сиятельным губернаторским носом появилась дружно сомкнутая масса смельчаков заводских рабочих и городских ремесленников, развернула красное знамя, на котором красовались слова: „Долой самодержавие!", „Да здравствует политическая свобода!", и с этими же криками ринулась вперед. Но масса была безоружна. Со всех сторон налетела на нее стая хищных коршунов: пристава, околоточные и городовые с шашками наголо, выхватили из толпы семь человек и отправили в участок. В это же время другая масса рабочих с развернутым знаменем, с пением рабочей марсельезы двинулась от Нового театра и прошла беспрепятственно пять кварталов, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большим стечением сочувствующей публики. Одновременно с этой второй произошла третья демонстрация на Троицком базаре».

Казань. На местной ферме (земледельческое училище) ученики заявили директору, что они не могут выносить его прижимок и покровительства богатым ученикам. Директор немедленно собрал совет, на котором решено было исключить 4 учеников и арестовать их. Для выполнения этого постановления в училище явилось несколько полицейских, но ученики вступили в драку с полицией и отбили ее. После этого были приняты «энергичные меры»: арестовали 40 учеников и разослали их по местам жительства. Остальные подали министру земледелия петицию с изложением причин своего недовольства.

В университете обструкция. Полиция арестует студентов, чтобы через несколько дней снова выпустить. 27 февраля арестовано 30 студ.

Елисаветград. 25 февраля. Вот уже четвертый год на исходе, как наш город был в первый раз напуган повальными обысками и арестом около 10 человек. Местный жандарм, подполковник Ламзин, узрел в этих лицах преступников, а потому и теперь еще некоторые из них отбывают надзор. Обыски и аресты очень перепугали город, имевший смутное понятие о «социалистах». Нет ни одного обывателя из «средней», а пожалуй и «высшей» публики, который с понятием о «социалисте» не связывал бы представления о человеке, который задался целью убить царя. Никто из них, вследствие какой-то особенной психологии, выработанной под влиянием нашего государственного строя, не спросит себя, «зачем» и «почему», а ограничится одним фактом желания убить, и конец. Нельзя сказать, чтобы все эти 4 года у нас было тихо. Обыватели боялись обысков и даже арестов во время всероссийского студенческого движения 1899 г., боялись также во время «смутного времени», названного «Искрой» бурным месяцем. Но ни арестов, ни даже обысков не было. Подоспела в 1901 же году всем известная «продовольственная эпопея». Губернатор Оболенский приехал в Елисаветград, об'явил, что на основании его официальных данных *, голода в Елисаветградском уезде нет, при чем снисходительно назвал это явление «недородом», а есть, де, в Елисаветграде революционная группа, с Никольской во главе, которая пользуется всяким удобным и неудобным случаем, чтобы проникнуть в народ и произвести смуту и волнение. Всякому, конечно, известно, что спасать от голодной смерти может не только революционер, но у страха глаза велики, и г. губернатор в филантропии узрел революцию. Как бы там ни было, это событие дало повод ввести в Елисаветграде усиленную охрану, это «средствие», как говорилось в № 7 «Искры» против голодовок. Усиленная охрана произвела небывалое впечатление на обывателя. Многи догадывались, что эта мера против «социалистов», и только немногие знали чисто местное значение охраны. Появились опять толки, свойственные русскому провинциальному обывателю, что теперь уже «социалистов» не будет, заботливое начальство позаботилось, недаром увеличен штат полиции. Усиленная охрана и сопровождающие ее меры повели к тому, что понятие о социалисте стало вызывать еще более ужасное представление, и, что всего прискорбнее, такое же представление о социалисте было и у рабочих как заводских, так и ремесленников. В ночь с 15 на 16 февраля полиция произвела и аресты. Город всполошился. Обыски и аресты продолжались, как говорят, дня 4. По городу ходили самые ужасные слухи, будто в одну ночь арестовано 30 рабочих, в другую 10 и т. д. Все это, разумеется, преувеличено. Но об обысках и арестах знал весь город, и неудивительно, почему: обыски производились днем, на квартиру рабочего Янкелевича ездили несколько раз и все днем. В таком маленьком городке, где все до того знают друг друга, что надоели даже, все становится известным. Настроение рабочих, особенно заводских, отвратительное. Жандармерия напугала и их тем, что произвела обыск по станкам. В довершение всего, по городу циркулировал, не знаю, кем распространенный, слух о том, что 19 февраля будет «бунт». Публика серьезно побаивалась. Мне лично приходилось слышать из разнородых источников, что в 3 часа рабочие выйдут на Большую и будут кричать «свобода». Я полагаю, что этот слух распространяла сама полиция. Она предупреждала торговцев о бунте и приняла меры против такового: 19-го с утра по городу была устроена прогулка нашей пехоты. Интересно, между прочим, отметить следующий факт: у нас, благодаря неусыпной заботливости Николая Палкина, учреждено юнкерское кавалерийское училище. Воспитанники сего заведения задают тон всей нашей молодежи. Влияние его столь сильно, что военная разнузданность будущих кавалеристов неблагоприятно отразилась на будущих студентах и «барышнях». Гимназисты и реалисты стараются перещеголять друг друга в пошлых выходках, в дебоширстве, пьянстве, разврате, а гимназистки вздыхают по шпорам. Так вот начальство сего заведения решило и для своих воспитанников устроить прогулку по городу. Эскадроны юнкеров дефилировали по городу, запугивая население, которое при виде юнкеров представляло себе казаков с нагайками. Поневоле приходят на память «криптии» времен древней Греции, когда спартанские юноши посылались на невинные упражнения, имевшие целью перебить беспокойный элемент рабов. Ну, что ж, ученье свет! Если не теперь, гг. юнкера, то в будущем придется на законном основании истреблять беспокойный элемент. Присматривайтесь, приучайтесь! Разница только в том, что в Греции были безгласные рабы, которые вспыхивали лишь стихийно, у нас же об'ектом ваших упражнений будут люди, сознательно идущие на борьбу. Прикиньте-ка головой, вспомните из истории той же Греции, как малочисленное количество греков победило в 10 раз большее количество персов. С таким беспокойным элементом вам справиться не так-то легко, как с рабами...

При виде конницы так и подмывало выйти на Большую и Дворцовую и крикнуть: «Да здравствует свобода!». Но какая может быть демонстрация, если ни рабочие ни публика тебе не отзовутся, а еще, чего доброго, станут открещиваться: «чур меня!». Да, еще много и долго придется работать, пока публика и рабочие смогут на каждый жандармский погром ответить протестом, а не прятаться подальше от «злодеев-социалистов».

В другом сообщении из того же города рассказывается:

«Наши власти совсем потеряли голову. Полицмейстеру от 8 до 20 февраля были предоставлены широчайшие полномочия в случае возникновения каких-либо беспорядков. Еженочно стали делать облавы и обыски, арестовывали людей, когда они собирались обсуждать самые мирные дела, потом выпускали их и ловили других и таким образом все-таки арестовали человек 10, которых уже вряд ли освободят.

---

* Интересно отметить, как собирались эти официальные данные. Губернатор приехал в деревню, собрал крестьян и грозным голосом приказал, чтобы каждый сказал, голодает ли он? Мужик убоялся начальства и дал губернатору официальные данные, что «сыт по горло».

«Но интереснее всего было 19 февраля. Стоящий у нас полк был разделен на роты и шатался по всем улицам с барабанным боем и песнями. Мирные обыватели не знали чем об'яснить это явление; одни говорили, что готовится еврейский погром, другие — что крестьяне хотят напасть на город, словом, обыватель сидел дома и боялся выйти на улицу. В общем настроение очень приподнятое; все чего-то ждут, все ворчат, и доходящие из разных городов слухи о демонстрациях не только смутили властей, но и обывателей, которые чего-то ждут и, пожалуй, не прочь бы и посодействовать. Интереснее всего, что даже при уличном столкновении полиции с обывателями толпа, несмотря на ее разношерстность, всегда солидарна против полиции и выражает это очень энергично, чему случай был у нас на-днях».

С своей стороны, мы можем только благодарить администрацию за ее посильное содействие революционному просвещению обывателя.

Шлиссельбургская могила. В феврале этого года из Шлиссельбурга выслан на Сахалин на поселение Мих. Ник. Тригони, осужденный в 1882 г. Сенатом на 20 л. каторги по делу 1 марта 1881 г. Тригони был близким товарищем Желябова, и в его комнате был арестован 27 февраля 1881 г. этот знаменитый революционер. Этого одного было достаточно правительству, чтобы приговорить Тригони к 20 годам каторги, беззаконно держать его, вместо Сибирских рудников, сначала в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а с 1884 г. — в Шлиссельбургском каземате, и выдержать в заключении все 20 лет, без всяких скидок. В лице Тригони из Шлиссельбурга выходит один из немногих узников, выдержавших 2 десятилетия шлиссельбургского заключения. В августе 1884 г. из Алексеевского равелина было перевезено в Шлиссельбург 20 человек — пятнадцать из них умерли от болезней или расстреляно за ничтожные проступки (Минаков и Мышкин). Из этой первой партии шлиссельбуржцев Тригони — единственный, которому пока удалось выйти из каземата. Поливанову предстоит окончание срока осенью этого года, а Н. Морозов, М. Фроленко и М. Попов обречены на бессрочное заключение, которое должны разделить с ними все прочие шлиссельбургские узники, прибывшие туда позднее, кроме трех (В. Иванов и Ашенбреннер выходят в 1904 г., а Стородворский в 1907 г.). Бессрочными, кроме упомянутых, остаются еще Вера Фигнер (с 1884 г.), Г. Лопатин, Антонов, С. Иванов, Лукашевич и Новорусский (с 1887 г.). Всего 9 лиц. С прошлого года к ним присоединился П. Карпович, который принес шлиссельбургским узникам первую весть о новом под'еме революционной волны.

Самодержавие, мстительное по всем своим традициям, не может не мучить своих врагов даже спустя 20 лет после того, как взяло их в плен. Целые поколения сошли со сцены, большинство уцелевших соратников тех, кто был заключен в Шлиссельбурге, получило свободу и возможность общественной деятельности, а в судьбе шлиссельбуржцев не происходит серьезных изменений к лучшему. Даже те из них, которые отбыли свои долгие сроки, с утонченной жестокостью высылаются в Средне-Колымск, Вилюйск или на Сахалин.

Неужели узники русской Бастилии не выйдут из нее раньше, чем их освободит 14 июля?

Несчастный случай с Академией Наук. Императорская Академия Наук об'являет:

«В виду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), привлеченного к дознанию в порядке 1035 статьи устава уголовного судопроизводства, об'являются недействительными».

Несчастная Академия! Выбирая недавно Горького в число своих почетных членов, она не знала, что Горький — «политический преступник», привлеченный к жандармскому следствию по обвинению в... «вредном влиянии» на нижегородцев. Теперь она об этом узнала (ей сообщили сведущие люди) и спешит поправить беду, об'явив свое собственное решение недействительным. Разумеется, такой мудрый шаг поднимает в высшей степени уважение публики к сонму генералов от науки, которые так боятся «запачкать» себя соседством с борцом против самодержавия.

Не находит ли, однако, Академия, что ни один здравомыслящий человек не может поверить рассказу о том, будто, выбирая Горького, она не знала, кого выбирать? Не думает ли она, что ее выбор и русской публикой, и заграничными газетами мог быть понят только, как сознательная манифестация в честь Горького? И не кажется ли ей, что, испугавшись своего собственного поступка и отрекшись от «политического преступника», она только заставит публику понять, что своим новым решением Академия не Горького отрешает от себя, а себя — от Горького, вообще от всего живого и свободного в русской литературе?

Собрание мудрецов, поседевших в служении... высочайшим покровителям науки и исскуств, может, конечно, считать окрик начальства достаточным основанием для того, чтобы решиться на дерзкий вызов общественному мнению всех тех, кто чтит в Горьком крупную литературную силу и талантливого выразителя протестующей массы.

Но в Императорской Академии на-ряду с архивными крысами и придворными одописцами заседают и такие люди, которых публика считает в рядах противников мракобесия. Сочтут ли эти деятели для себя пристойным оставаться членами или «почетными членами» учреждения, с которым произошел несчастный случай?

Движение среди семинаристов. Волнение, охватившее всю учащуюся молодежь, не прошло бесследно и для духовных семинарий. Ряд «беспорядков» в Рязанской, Калужской, Тульской, Казанской, Пермской, Архангельской, Иркутской и других семинариях показал, что и в этой части учащейся молодежи таится серьезное недовольство. Перед нами — ряд листков, изданных «Временным Центральным Организационным Советом семинаристов» и зовущих семинаристов к организации и коллективной борьбе за реформу учебного дела и уравнения прав семинаристов с правами воспитанников других учебных заведений в деле продолжения образования. Все прокламации «Центрального Совета» написаны весьма серьезно и обнаруживают готовность семинаристов упорно и с выдержкой отстаивать свои интересы. В одном «бюллетене-циркуляре» находим отчет «Центрального Совета» о ходе организационного дела, из которого узнаем, что Совету удалось завязать прочные организационные связи между 22 семинариями в разных концах России и еще с 19-ю ведутся переговоры. Московская и Казанская духовные академии относятся сочувственно к движению. Последнее привлекло уже к себе внимание Синода, о чем свидетельствует нижеследующий документ:

Доверительно. По имеющимся в Св. Синоде и Епархиальном управлении сведениям, злонамеренные люди стремятся посеять смуту в наших духовных учебных заведениях и, к сожалению, успели повлиять на некоторых легкомысленных студентов Московской и Казанской академии и воспитанников духовных семинарий. В учебных заведениях начали образовываться кружки, распространяющие воззвания, будто от студентов академии и воспитанников семинарий, никем не подписанные. В этих воззваниях они стараются укрепить семинарских воспитанников в той мысли, что общее заявление, подписанное всеми воспитанниками, может оказать влияние на Св. Синод и побудить его к выполнению пред'явленных ими требований: уравнения программ семинарского курса учения с таковыми же светских учебных заведений, дозволения поступать в университеты и другие высшие светские учебные заведения по окончании курса учения в IV классе, отмены приемных в семинарии и переходных из класса в класс экзаменов, сокращения богословских предметов и усиления светских, устранения монашествующих лиц от управления семинариями и полного изменения отношений к ученикам со стороны начальствующих и учителей. Выставляется сверх того требование, чтобы для семинаристов не было обязательным хождение к богослужению, бытие у исповеди и св. причастия, а также исполнение церковных

постановлений относительно постов. В случае невыполнения пред'явленных требований, сеятели смут предполагают воспитанникам семинарий прекратить учебные занятия, и во многих семинариях, к сожалению, уже произведены были беспорядки, выразившиеся в диких, нетерпимых в учебных заведениях поступках, а именно: буйных сходках, битье стекол и ламп, поломе вещей и даже чугунных перил на лестницах. Несомненно, призыв воспитанников семинарий к пред'явлению изложенных безумных требований и учинению беспорядков рассчитан на молодых людей легкомысленных, не понимающих, что стоит Св. Синоду и государству призрение и обучение детей духовенства, готовящихся к служению церкви, и какому бедствию подвергнут они себя и своих родителей, если за уклонение их от учения и за смуту отнимется от них благодеющая рука правительства.

В виду возникающих беспорядков, долг всех родителей и воспитателей в личных сношениях с учащимися раз'яснять им бедственные эти последствия беспорядков, а равно и предупредить, что они не должны ожидать никакого послабления своеволию, нетерпимому в учебном заведении, и что те из них, кои отказываются учиться, будут немедленно увольняемы, в случае же прекращения учебных занятий во всем учебном заведении, оно подлежит закрытию и может быть открыто при полной уверенности в возможность правильного хода учебных занятий.

Что касается петиций и заявлений, к подписанию коих зачинщики беспорядков склоняют и побуждают неопытную и легкомысленную массу учеников, то подлежит об'явлению, что все такие заявления, как противозаконные со стороны учеников, не могут иметь никакого значения, и все подписавшие такое заявление, как ослушники, будут подлежать увольнению.

Поручаю вам в дополнение к циркулярному отношению от 2 июня 1899 г. пред'явить под расписку в слышании и исполнении в чем следует содержание настоящего отношении тем членам причтов, подведомых вам, сыновья коих обучаются в Вологодской духовной семинарии и пригласить их к дружному и единодушному содействию оберегать неопытную молодежь от увлечения противозаконными воззваниями и несбыточными мечтаниями людей неблагонамеренных.

Из Забайкалья.

Два губернатора. В мае месяце прошлого года военный губернатор Мациевский перемещен был в Туркестанский край. Сравнительно с другими губернаторами, бывшими в Забайкалье, Мациевский не особенно злоупотреблял данной ему огромной властью. Он, напр., довольно мягко относился к солдатам и к ссыльным. Но зато произвол его по отношению евреев был безграничен: преследование их он возводил в культ. Так, года два тому назад он издал циркуляр, в котором обязывал домовладельцев станицы Сретенской не отдавать домов своих под квартиры евреям. Благодаря его же стараниям, явился на свет другой циркуляр, буквально прикрепляющий евреев Забайкалья к земле. Дети и отдаленнейшие потомки ссыльных-евреев Забайкалья несут на себе ответственность за грехи отцов, так как им выдают паспорта только на несколько дней, и больше, чем на 6 мес. в году, еврей не имеет права отлучаться из места постоянного своего жительства.

Расставаясь с Забайкальем, Мациевский говорил много речей и служил молебны: он вообще очень любил играть в солдатики и служить молебны. «Господа, — говорил он, между прочим, евреям, — вы думаете, что я сам изобретаю всякие циркуляры? Нет, я только исполняю закон, которому сам подчиняюсь. Если бы сегодня издан был закон, обязывающий нас ходить вверх ногами, я первый пошел бы вверх ногами!». Он поэтому советовал терпеливо ждать того времени, когда законы страны изменятся. «Вот теперь такие законы, а через сто лет могут быть другие», утешал он обиженных законом людей. Вообще, это был человек не злой и недалекий. Он покровительствовал читинскому отдел. Геогр. общ., которое, благодаря этому, кое-что сделало в культурном отношении.

В ином совсем роде новый властелин Забайкалья. До назначения на должность губернатора Надаров был начальником интендантского правления Приамурского края и во время китайской войны, говорят, немало поживился на счет казны. Внешний вид у него крайне грубый, фельдфебельский. Явившись в Читу, он произнес собравшимся встретить его чиновникам и горожанам речь, в которой заявил, что он строгий сторонник законности и гласности. Он просил чиновников доносить ему обо всем, что они заметят противозаконного, и открывал для всех столбцы официального органа «Забайкальские Обл. Вед.» для заявления ему о своих нуждах. Слова: «законность» и «закон» у него с уст не сходят, между тем как в своей деятельности он руководствуется почти исключительно личным вкусом и административным произволом.

Начал Надаров свою деятельность важным преобразованием: он приказал полиции снять вывески со зданий Географического общества — музея и буддийского храма — и заменить их другими — своей редакции, при чем на буддийском храме появилась нелепая надпись «музей».

Начав с речи о законности, он первый показал всем пример самого грубого произвола. В Геогр. общ. существует Совет, к которому он и должен был обратиться по этому вопросу. Но Надаров счел более удобным прямой путь административного распоряжения. Вообще, на Геогр. общ. он обратил особое внимание, ибо увидел в нем источник крамолы. Все придирки вначале направлялись по адресу директора музея, А. К. Кузнецова, отдавшего лучшие силы и годы созданию этого музея. Прикрываясь ревностью к православию, Надаров искал случая закрыть дацан *. «На месте этого дацана, — сказал он однажды,— давно следовало открыть кабак». Он так предан православию и так ненавидит всякое инославие, что, по собственным его словам, он «морду побил бы Хамбо-Ламе, если бы встретил его» (Хамбо-Лама — верховный жрец у бурят). Он нашел горячее сочувствие в местном архиерее Мефодии, человеке грубом, неразвитом.

Не найдя никаких поводов к закрытию ненавистного ему маленького буддийского храма, мозолящего ему глаза своими яркими красками, достойный правитель сам изобрел предлог: он арестует бурята, который направлялся в дацан с тряпками и спиртом чистить своих бронзовых богов, обвиняя его в том, что тот совершал богослужение; он создал дело о тайных, с ведома А. К. Кузнецова, богослужениях в дацане и запечатал дацан. Скоро ему пришлось отменить это распоряжение: приехавший в Читу путешественник, француз Лабе, явился к нему и высказал изумление по поводу такого обращения с научными коллекциями, и генерал должен был вновь открыть дацан.

В редакторы «Забайкальск. Обл. Ведом.» им назначен некто Горохов, верный слуга и малосведующий человек. На столбцах официальной газеты стали появляться доносы. В одном из них говорилось о «вредном влиянии» публичной библиотеки Географического общества на учащихся, о «тенденциозном подборе книг по политической экономии и социологии». Генерал сам производил следствие по этому поводу: явившись в библиотеку, он лично осмотрел шкафы и нашел в них следующие запрещенные книги: сборник статей Д. И. Писарева из «Русского Слова», вошедших в полное собрание сочинений, и журнал «Русская Мысль».

Незаконной в библиотеке оказалась и курсистка, высланная из Петербурга за беспорядки и исполняющая обязанности библиотекаря. Известно, что бесчисленное множество доносов на вредную деятельность Географического Общества и библиотеки написал А. Ф. фон-Геллер, достойный сотрудник достойного правителя.

Через некоторое время после осмотра библиотеки, обнаружившего ее тенденциозность, Совет Географического общества получил от губернатора запрос: «На каком основании поднадзорный студент С. работает в музее? На каком основании высланная из Петербурга курсистка К. работает в библиотеке? На каком основании состоящий под гласным надзором мещанин М. работает в библиотеке?». Далее предлагалось названных лиц удалить, а незаконную библиотекаршу уволить.

* Дацан — буддийский храм. В 1899 г. в Чите на бывшей сельско-хозяйственной выставке на собранные бурятами деньги была построена модель дацана.

Всем решительно в Сибири, в том числе ген. Надарову, известно, что добрая половина (если не больше) научного материала о Сибири собрана именно поднадзорными.

Оторванные от любимого, живого и дорогого им дела борьбы за счастье своей родины, эти «поднадзорные» свою жажду деятельности перенесли на окружающий их мир неисследованных областей, в которые их забросил господствующий у нас произвол. Достаточно указать на ценные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Богораза, Пекарского и других известных и безвестных тружеников. А ведь это все были «поднадзорные»!

Выходки Надарова по отношению к директору музея и директору библиотеки приняли, наконец, такой вызывающий и неприличный характер, что они принуждены были отказаться от деятельности. Директор музея А. К. Кузнецов, давно уже отбывши срок ссылки, посвятил себя целиком мирной, культурной работе: благодаря его трудам и энергии, в Нерчинске и Чите возникли два музея с богатыми научными коллекциями. А. К. Кузнецов весь отдался этой деятельности, которая под старость осмысливала его жизнь. Директор библиотеки, Ц. С. Гуревич, приняв на себя заведывание публичной библиотекой, три года неутомимо работала в ней, устроила книжный склад для народа, в котором, на-ряду с хорошими книжками, принуждена была продавать жития святых и книги священного писания. Но вот в результате этой деятельности получилось такое к ним отношение, как будто бы они посвятили это время революционной и противозаконной деятельности. Этот случай может служить наглядным примером того, что в пределах существующего у нас произвола и бесправия всякая культурная работа сводится к нулю каким-нибудь держимордой... Теперь на место директора библиотеки выбрана какая-то полицейская дама, назначившая для приема библиотеки известного доносами Геллера и помощника полицмейстера. Отныне, вероятно, в библиотеке уже не будет «тенденциозного подбора» книг и «вредного влияния» их на учащихся!..

Юдофобствует Надаров не меньше своего предшественника. К инородцам, бурятам и др. относится вызывающе грубо. С просителями обращается по-генеральски— многим говорит «ты», особенно серому люду. Поднадзорных ссыльных (большинство их из бывшей политической тюрьмы на Каре) преследует мелкими придирками. Недавно, напр., наложил административное взыскание на ссыльного Ф. за то, что тот, получив разрешение выехать в Баргузинскую тайгу, остался в Чите; Надаров приказал подвергнуть его однодневному аресту при полиции. Недавно генерал решил, что в Чите существует «Общество распространения нелегальной литературы в России» (кажется, он получил по почте № «Искры»). Теперь генералу Надарову мерещится, что все обыватели Читы читают нелегальную литературу; по крайней мере, он сказал кое-кому о своем открытии и обещал во что бы то ни стало открыть организацию. В начале этого года, без всякого повода со стороны мирных обывателей, для пущего страха распространил приказ, запрещающий сходки, сборища и сходбища. Обыватели Читы в жизни своей не думали о сходбищах: теперь волей-неволей подумают.

Вся деятельность ген. Надарова, как начальника области, превышающей размерами Францию, сводится к бесцельным раз'ездам по области, для того лишь, чтобы получать «прогонные». Единственная работа мысли его заключается в надписи на прошениях: «по закону». Делая эту надпись, он, как мы видели, руководствуется одним лишь произволом. Этим он напоминает бывшего в начале 80-х годов губернатора Забайкалья, Ильяшевича (в которого стреляла Кутитонская). Когда проситель указывал ему на незаконность его распоряжений, он брал том «Свода Законов», садился на него и говорил: «Закон тебе надо? Видишь — вот где у меня закон!».

Грубые произвольные поступки Надарова, нелепые его распоряжения раздражают все население, возбуждают его ропот и недовольство.

Такое управление обширным краем оказывает большую услугу делу революции, — оно порождает недовольных среди самых мирных обывателей и подготовляет почву, на которой можно сеять семена нового учения.

Новый «каторжный приговор». По делу о беспорядках, произведенных сектантами в с. Павловке (Харьк. губ.), харьковская судебная палата вынесла 49 крестьянам, крестьянкам обвинительный приговор, при чем 45 лиц осуждено на каторгу — от 4 до 15 лет. Павловское дело разбиралось при закрытых дверях, а потому общество имеет законное право остаться при прежних своих подозрениях, возбужденных слухами о том, что руководителями беспорядков были отцы-миссионеры, подославшие к сектантам провокатора. Если бы дело было чистое, почему бы правительству закрывать для публики двери суда? Почему бы «Моск. Вед.» заранее плакаться и говорить, что «либералы», наверное и павловское дело припишут «попам»-

Как бы то ни было, а павловское дело не прибавило лавров русскому правительству. Была ли тут провокация или просто сектанты были доведены правительственными преследованиями до последней степени отчаяния, — в том и другом случае их поступок (нападение на православную церковь) всецело ложится на ответственность правительства. Что жестокий приговор еще более озлобит сектантов, — понятно само собою. Правительство неуклонно толкает религиозных врагов православия на путь политического недовольства. Вот какие призывы раздаются под влиянием этой мудрой политики из среды современных сектантов:

Да не царствует над вами
Человек греха, сын погибели.
Знайте, миряне, верны христиане,
Что российские цари не русской крови,
Не варяжского роду, не Рюрикова плода
И не должно им быть части в русском государстве,
Не должно быть им доли в русском престоле.
Они, братцы, сыны смешанной крови,
Французско-Немецкой, Чухонской и Шведской,
Чуждой нам, не близкой, с примесью Английской,
Ироду подобной, христианству злобной.
Идумейское племя, змеиное семя —
Они набирают, в народ пускают
Попов-миссионеров, злых изуверов;
Совет собирают — распять Христа искают;
За слово Христово карают сурово;
В тюрьмы сажают, судят и ссылают.
Хозяйства разоряют, в Сибирь, на Кавказ гоняют
И там без всего оставляют.
Малые детки умирают, матери их стенают.
Народ обирают, идолов в золото наряжают
И силой принуждают идолу молиться,
Дьяволу поклониться, власти антихриста покориться.
А вы, братцы, пробудитесь, вокруг себя оглянитесь.
Промойте заспаны очи, уж настал день рабочий —
Время никого не ждет, разумный вперед идет.
Поспешайте все к труду, если хотите жить в добру.
Лучше за правду пострадать, чем в неволе пребывать;
Лучше за свободу умереть, чем весь век терпеть.
Слышен с Голгофы глас, слышен для нас:
«Мне царства все дьявол сулил, чтобы я народ поработил,
А я крест понес за свободу и свободу дал народу.
В рабстве живущие — суть в могилах сущие;
Сыны божие свободны, сыны дьявола рабы.
Кто не за свободу, тот против меня, Иисуса Христа!»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Профессиональная организация кожевников.

Кожевники Литвы и Польши недавно организовали «Всеобщий Социал-Демократический Федеративный Союз Кожевников». Польский отдел этого федеративного Союза входит, как автономная часть, в Польско-Литовскую Социал-Демократическую Партию, а еврейская на таких же основаниях в «Бунд».

Приводим хорошо написанный манифест, изданный Союзом на польском и еврейском языках (обещано и русское издание).

Манифест

Всеобщего Социал-Демократического Федеративного Союза Кожевников.

Еще не так давно в кожевенном промысле, раскинутом по всему пространству Польши, Литвы и России, царила удручающая тишина. Тяжела и безнадежна была наша жизнь. Бесконечный рабочий день, тянувшийся с раннего утра до позднего вечера; нищенский заработок, грубое, унизительное обращение с нами работодателей и мастеров, страшная грязь, смрадный воздух и теснота помещений; связанные с кожевенным промыслом болезни, вроде сибирской язвы, поглотившей множество жертв; истощение сил, спешная работа во время сезона — и безработица и голод во время перерывов в производстве, и в придачу ко всему этому тупое равнодушие к своей судьбе и отсутствие всякой мысли о том, что такой порядок несправедлив и может и должен быть изменен, — вот картина нашего положения. Мы думали, что такова воля бога, — а пути его неисповедимы, — чтобы простой народ работал без устали на своих господ, не покладая рук и не разгибая спины; и чтобы жил в нужде, грязи и унижении, а господа-работодатели могли на его счет утопать в роскоши и как сыр в масле кататься. Своих работодателей мы считали за благодетелей, так как они дают нам возможность заработка, без них, будто бы, мы перемерли бы с голоду.

Единственным лучом надежды на улучшение нашего положения была для каждого из нас мечта сделаться мастером или посредником, чтобы тогда иметь возможность угнетать своих братьев-кожевников. При такой темноте, при таком слабом духовном развитии, разве могли мы почувствовать и понять тяготеющий над нами политический гнет? Разве могли мы понять, что наилучшие соки из нас выжимает царь с своей многочисленной шайкой чиновников; что над нами издеваются, что они держат умышленно нас в темноте и невежестве и всегда становятся на сторону притеснителей? Разве могли мы понять, что, хотя мы такие же люди, как и все другие, но не имеем никаких прав; что с нами обращаются, как со скотами, что, без нашего согласия, дерут с нас подати, берут в солдаты, запрещают собираться для обсуждения наших дел, что за нами шпионят и над нашими головами всегда висят, подобно ястребу, подстерегающему добычу, нагайка, тюрьма и ссылка? Мы работали и вздыхали, принимая пощечины и брань, а в свободные минуты ложились спать или напивались до потери сознания. Мрачно и горько текла наша жизнь, без цели, без радости, без надежды. Но хуже всех приходилось нашим товарищам, разбросанным по маленьким местечкам.

Такова была наша жизнь и жизнь других рабочих. Но вот раздались удары колокола, прогремел могучий призыв польских, еврейских, литовских и русских организаций: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! Пролетарии всех национальностей, организуйтесь!»

Всюду, куда только долетел этот призыв, рабочие массы очнулись от долгого сна, протерли глаза и расправили онемевшие члены. Они поняли свое значение и двинулись в бой! Закипела борьба не на жизнь, а на смерть!

Каждое улучшение, каждую уступку приходилось отвоевывать потом и кровью. На одной стороне стояли работодатели, располагавшие капиталами и помощью со стороны правительства; на другой — рабочие, располагавшие лишь одним оружием — е д и н о д у ш и е м. Начался целый ряд стачек. Сознание необходимости тесной солидарности и обороны росло с неслыханной быстротой. Классовое сознание, т. е. понимание необходимости для всего рабочего класса уничтожить власть капитала, и сознание политическое, т. е. понимание необходимости вырвать из рук нашего самодержавия его неограниченную власть — шли рука об руку, и из покорных, лишенных прав невольников создали могучую армию пролетариата.

Само собой разумеется, что и мы, кожевники, не остались глухи к голосу могучего призыва. Всюду, а в особенности в более крупных городах Литвы и Польши, поднялись мы на борьбу за лучшие условия существования, всюду началась борьба за человеческое достоинство, за свободу и счастье. Наше пробуждение выразилось прежде всего в целом ряде стачек, имевших целью сокращение рабочего дня и повышения платы. Как пожар, раздуваемый ветром, распространилось организованное стачечное движение на весь кожевенный промысел. Из городов оно сейчас же передалось в местечки и глухие закоулки. В Варшаве, Белостоке, Сувалках, Крынках, Сокольцах, Ошмянах, Витебске, Свисточах, Скирлах, Заблудове, Вильне, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Сморгони, Динабурге и т. д. разыгрывались поочередно стачки кожевников, оканчивавшиеся хорошими результатами.

В продолжение 3—4 лет рабочий день во многих городах понизился до 13—12 час. со включением 2-х часов на обед. Во многих отраслях производства плата повысилась вдвое. Обращение с нами наших работодателей изменилось до неузнаваемости.

И среди нас сильно сказалась разница между положением тех рабочих, которые боролись и борются, и тех, которые по каким-либо причинам стоят вдали от движения. Например, рабочие, занятые при обработке сырых кож, состоящие в большинстве случаев из сельских рабочих, не отвоевали себе никаких улучшений и работают еще обыкновенно 15—16 ч., к тому же при ужасных гигиенических условиях и крайне низкой заработной плате. Чем сильнее обострялась экономическая борьба, чем больше усиливались со стороны царских чиновников преследования, аресты и высылки, тем упорнее проявлялось у лучших наших представителей стремление внести политическое воспитание в среду кожевников, тем ярче сказывалась потребность в организационной связи не только среди кожевников какого-либо города или местечка, но среди кожевников в с е г о производства.

Все яснее становилось для нас, что мы, кожевники, должны составить один с о ю з, должны иметь общее центральное учреждение, которое бы руководило нашей борьбой, об'единяло ее и делало бы ее более целесообразной и производительной.

Наиболее важные причины, вызвавшие потребность основания общего союза кожевников, таковы:

В о - п е р в ы х. Кожевенный промысел занимается производством товаров, которые распространяются вдали от места производства. Спрос на них не приурочен к месту, как это мы видим у ремесленников, а сбываются они на крупных рынках. Поэтому такие условия производства, как длина рабочего дня, цена товаров, прибыль капиталиста, плата работника и т. д., не могут значительно отличаться друг от друга в разных местечках, вследствие чего в какой-либо одной местности нельзя добиться прочных улучшений, если в других местностях условия остаются без перемен. Отсюда вполне ясно, что, если мы, кожевники, хотим успешно вести борьбу, мы должны знать положение и условия производства в разных местностях, должны стараться, чтобы борьба развивалась равномерно, должны выбирать соответсвующий момент и понимать, какие требования можно выставить. Для всего этого и необходим с о ю з, центральный комитет.

В о - в т о р ы х. Города и местечки, в которых существует кожевенный промысел, находятся между собою в тесных сношениях. Рабочие постоянно переходят с одного места на другое, поработавши несколько месяцев в одной местности, идут в другую. Вот почему рабочее движение так быстро перешло из городов в местечки. Но это же обстоятельство легко может повлечь за собою и дурные последствия, если массы не развиты и не связаны в союз и не имеют центральной организации. Когда вспыхивает стачка, фабриканты легко могут достать рабочих из других местностей и, таким образом, одержать верх над стачечниками. Но с о ю з не допустит этого, давши своевременно повсюду знать, что происходит стачка и что надо бороться с штрейкбрехерами.

В - т р е т ь и х. Фабриканты, видя в рабочем движении надвигающуюся на них бурю, начали оказывать друг другу всякого рода взаимные услуги. То фабрикант, у которого рабочие устроили стачку в «сухом» промысле, посылает свои полуобработанные кожи для окончательной

отделки другим фабрикантам; то во время стачки в «сыром» производстве принимает из других мест полуобработанные кожи. Такой образ действий, понятное дело, затрудняет для стачечников возможность победы. Но центральная организация может бороться с подобным явлением, сообщая рабочим, где имеет место подобная помощь мастерами, и предупреждая, чтобы они бросали работу.

В-четвертых. Начатая в некоторых местах борьба принимает формы, которые несовместимы с интересами рабочих, как класса, т. е. несовместимы с демократическим принципом, а являются лишь проявлением узкого эгоизма. Например, в одном месте существует обычай недопущения и выбрасывания неместных рабочих с целью парализовать их конкуренцию; где либо в другом месте, ради той же цели, не принимают в ученье даже взрослых. Для того чтобы иметь сведения о такого рода непригодных формах борьбы и выяснить рабочим их истинный характер и вред, который они приносят делу, необходим союз, необходима центральная организация, необходим центральный орган (газета) кожевников.

В-пятых. Для того, чтобы поднять классовое и политическое сознание в отдаленных от городов глухих закоулках, лишенных образованных людей и школ и оторванных от общих социал-демократических организаций; чтобы снабжать их своевременно нелегальной литературой, помогать им материально и поддерживать арестованных и ссыльных; чтобы собирать сведения и корреспонденции о жизни кожевников и помещать их для общей пользы в органе; чтобы путем всеобщих стачек и всеобщих демонстраций подготовить нас к общей, одновременной и планомерной борьбе, — для всего этого необходим союз.

Давно уж наталкивала нас на это сама жизнь, сама борьба. Уже давно соединились мы между собой, еще тогда, когда никому и в голову не приходила мысль о союзе. Но этого мало. Уже много лет во многих городах и местечках существует среди значительной части кожевников союз, но союз этот был тайным, и не все местные организации знали о его существовании. Время от времени с'езжались представители организаций кожевников для выборов центрального комитета. Сверх того, деятельность союза проявлялась в поддержании прочных, тесных сношений, совместной деятельности и взаимной поддержке. Об'единение крепло, местные организации делались все сильнее, все более сознательными. Движение разрасталось вширь и вглубь. Приближалась минута, когда союз мог и должен был стать, во-первых, всеобщим, во-вторых, явным, когда он мог и должен был от имени об'единенных кожевников открыто и смело бросить вызов на бой самовластному правительству и капиталистическому строю. И, наконец, минута эта настала. Осенью 1901 г. состоялся с'езд польских и еврейских кожевников. Теми и другими были приняты одинаковые постановления. Постановлено было оповестить об основании Всеобщего Социал-Демократического Федеративного Союза Кожевников. Тогда же было образовано центральное учреждение.

Всеобщий Союз Кожевников! Это значит: все вы, братья кожевники, живущие в Литве, Польше и России, без различия национальности, образования, возраста приглашаетесь присоединиться к нашему союзу. Он не может быть только польским, только еврейским или только русским там, где повсюду на фабриках и в мастерских работают бок-о-бок поляки, евреи, литовцы, русские и т. д. Их интересы тесно связаны. Они действуют и должны действовать солидарно во время всякой борьбы, во время каждой стачки или демонстрации.

Федеративный! Это значит: кожевники каждой национальности: поляки, евреи, русские и др. организуются отдельно и образуют отдельные союзы: польский, еврейский, русский и т. д., но все они соединяются между собою при помощи центрального (федеративного) комитета, в который входят представители отдельных национальных организаций. Польские, еврейские, русские, литовские и другие товарищи отличаются друг от друга языком, складом ума и склонностей, степенью образования, кроме того, подвергаются эксплоатации в различной степени, вследствие чего могут иметь свои особые задачи; нужны им поэтому различные агитаторы и различная литература. Вот почему каждая национальность должна иметь свою особую самостоятельную организацию. Но все они должны быть соединены вместе таким образом, чтобы каждая национальная организация имела одинаковые с другими права и голос.

Такой союз называется федерацией. Поэтому-то наш союз и называется союзом федеративным, а центральный комитет — федеративным комитетом.

Социал-демократический! Это значит: наша цель заключается не только в том, чтобы облегчить кожевникам ведение экономической борьбы, но также и в том, чтобы наилучшим образом выполнить нашу задачу—внести в самые отдаленные уголки свет социал-демократического учения, выяснить всем кожевникам, где бы они ни жили и как бы разбросаны ни были, ту великую роль, которую им предстоит сыграть вместе с остальным пролетариатом, живущим в обширном русском государстве:

Сперва свергнуть самодержавное правительство, а затем ввести социалистический строй.

Наш союз не является каким-либо хитрым изобретением, плодом витающего в пространстве воображения или забежавшей далеко вперед мысли, — он — конечный, естественный результат нашей жизни и нашей борьбы. Он стал сильным, окреп и закалился в тяжелой, неустанной борьбе. Вихри и бури были свидетелями его тайного зарождения, пеленали его грубые руки. Вспоен он потом и кровью, вынянчен в тюрьме и ссылке. Радость и горе, победы и поражения укрепили его силы. Солдатские пули, казацкие нагайки, жандармы и полиция воспитали в Вильне и Сморгони его деятельность. Открытому выступлению его предшествовала борьба неслыханных размеров. В продолжение каких-нибудь двух осенних месяцев 1901 г. волна стачечного движения охватила Варшаву, Сокольцы, Заблудово, Свисточи, Бердичев, Витебск, Сувалки, Скирлы и Крынки. Несколько месяцев назад вспыхнула огромная стачка в Вильне (1.200 ч.).

Но венцом всего была необычайно стойкая стачка в Сморгони (1.200 ч.), во время которой сморгонские кожевники выказали столько мужества и твердости, а кожевники других местностей столько солидарности и готовности оказать помощь.

Честь товарищам, которые своей борьбой подготовили почву для нашего Союза! Честь товарищам, которые потерпели за общее дело, которые пожертвовали жизнью за своих братьев!

Пусть растет и процветает наш Союз!

Пусть будет он выражением братства и солидарности рабочих всех национальностей и вероисповеданий.

На борьбу, друзья! Все за одного и один за всех!

* * *

Союз Кожевников будет издавать периодический орган («Борьба») на трех языках: польском, еврейском и русском. Пожелаем новому союзу успеха, а кожевникам собственно-русских центров — скорейшего присоединения к профессиональной организации их промысла.

Из Москвы. Зубатовская эпопея вступает в новую фазу своего развития, на сцену выступила, как и должно было предполагать, новые действующие лица, немного затуманивающие ясный горизонт полицейского социализма; но об этом после. Первые успехи хитрой махинации, затеянной Зубатовым, видно, совсем вскружили ему голову; дурачить рабочих небольшими уступками за счет фабрикантов ему показалось мало, и вот 19 февраля один из агентов охраны—рабочий Слепов—произносит перед своими товарищами речь, в которой раскрывает широкие перспективы будущего эльдорадо для рабочих, если они останутся верными царскому правительству: «Правительство, — говорит он, — обещает вам восьмичасовой рабочий день, а потом... со временем оно возьмет в свои руки все фабрики, отдаст их вам, и вы будете хозяевами своего труда; для этого не нужно конституции, наоборот, только царское правительство может это сделать! Конституция

нужна интеллигенции, а не вам; интеллигенты хотят только воспользоваться вами, как грубой физической силой, захватить власть и вам же сесть на шею; не верьте ей!». В доказательство искренности своего расположения к рабочим охрана при помощи своих агентов возбуждает стачку на фабрике Муси, открыто выражает сочувствие стачечникам, ее агенты даже собирают деньги на поддержание стачечников. В собраниях рабочих механического производства читается даже «Искра» с комментариями, долженствующими обезвредить ее содержание; конечно, читается с искажениями самого текста, и для того подбираются наиболее с их точки зрения удобные места. Вот до чего дошла дерзость московских провокаторов! Смотрели, смотрели на эту комедию московские фабриканты и стали призадумываться; задумчивость их скоро перешла в раздражение, а раздражение уже стало принимать определенные формы, которые, в свою очередь, заставляют, вероятно, призадуматься смелую охрану. Фабриканты стали собираться и рассуждать о положении дел и пришли к выводу, формулированному одним из их видных представителей так: правительство в лице охраны хочет отвлечь рабочих от политической идеи путем уступок за счет нашего кармана, но оно забывает, что антикапитализм есть тоже политический вопрос. Пожалуй, ему и потруднее будет справиться с фабрикантом, чем с рабочим! Возбуждение среди фабрикантов особенно возросло после 19 февраля, когда приказом начальства было разрешено рабочим не работать в этот день, и они собрались обсуждать вопрос, платить им рабочим за этот день или нет. Большинством все же решили заплатить. Последние дни еще было собрание, но нам неизвестны подробности о нем.

От редакции: Сообщаемые нашим корреспондентом сведения как нельзя лучше показывают, что политика кокетничанья с рабочими, являясь признаком достигшего сильной степени процесса разложения современного государственного порядка в России, в свою очередь, содействует еще большему его разложению. Не может быть сомнения, что как только зубатовцы перейдут от слова к делу, они должны будут оттолкнуть от самодержавия одну из его верных опор — фабрикантов и подвинуть их на более или менее активную оппозицию. Как говорят, московские тузы уже послали к Витте депутацию с жалобой на поведение московских властей, которые, де, сеют вражду между рабочими и хозяевами.

С другой стороны, некоторые факты показывают, что московские рабочие начинают терять терпение и перестают удовлетворяться обещаниями Зубатова и его присных. Кроме фабрики Муси, стачки имели место на шелковой фабрике Жиро, на Даниловской мануфактуре и на машиностроительном заводе Гужона. Эти стачки являются, быть может, первой ласточкой нового под'ема движения московских рабочих. Стиснутая между этим движением и оппозицией фабрикантов зубатовская политика потерпит полное банкротство. Задача московских товарищей—энергичной пропагандой и агитацией ускорить момент об'явления этого банкротства, который будет иметь громадное политическое значение для всего русского рабочего движения.

Петербург. 29 мая 1901 г. на Обуховском заводе было образовано целых 3 комиссии из заведующих мастерскими и других лиц заводской администрации с целью «урегулировать заработки, определить максимум рабочих дней в месяц» и вообще упорядочить все то, что относится к рабочей силе, как было сказано в особом приглашении начальника завода ко всем заведующим. Комиссии высказались за сокращение рабочего дня до 8 час., повышение платы, отмену обысков и т. п. Но возбуждение среди рабочих улеглось, вождей обуховского восстания осудили на каторгу, обуховцы не протестовали, не требовали отмены тиранического приговора над товарищами, и правительство, конечно, решило опять не церемониться с ними, и положение их по сю пору продолжает оставаться таким же жалким, рабским и каторжным, как и прежде (месячный заработок, напр., слесарей на Обуховском заводе — 21 рубль).

Но на всем пространстве России волнуется рабочий народ, везде выходит он на улицу, хоронит самодержавие и готовится схватиться с ним на жизнь и на смерть. Обуховское начальство озабочено, как бы опять не поумнели занятые у него руки и опять приготовляется разыграть прежнюю комедию.

«Успокойтесь, господа, — скажет обуховское начальство своим рабочим, — образована особая комиссия, она все рассмотрит, и ваши требования будут удовлетворены. Принимайтесь спокойно за работу». Неужели же наши обуховские товарищи еще раз дадут себя одурачить, неужели не поймут они, что правительство только под угрозой постоянного восстания, постоянного нападения на него и только чувствуя это нападение действительно, а не на словах, уступить требованиям рабочих.

Приводим документ:

«Усердно прошу гг. заведующих ответить мне на следующие вопросы:

«1) Можно ли и должно ли уничтожить обыск мастеровых при выходе из завода и какие меры лучше предпринять для предупреждения тайного выноса заводского имущества?

«2) Возможно ли и полезно ли уменьшить число раб. (10 час.) часов в день?

«3) Можно ли признать размер получаемой ныне платы достаточным или лучше было бы повысить его огульно?

«4) Возможно ли обойтись без экстренных работ вообще, кроме неизбежных и крайних случаев?

«5) Что было бы желательно предпринять к улучшению быта мастеровых и рабочих как во время состояния их на службе, так и по оставлении оной?

«Ответы желательно получить к субботе, 2 марта 1902 г.

«Начальник Завода Ген.-Майор Васильев. 28 февраля 1902 г.».

Настроение рабочих в общем возбужденное, на Путиловском заводе увольняют по жребию, на других фабриках и заводах тоже рассчитывают рабочих.

Иваново-Вознесенск. На фабрике Бурылина фабричная администрация очень усердно занимается выслеживанием «неблагонадежных рабочих». Есть здесь табельщик Фирстов; как только придет на работу ночная смена, табельщик-жандарм начинает заговаривать с рабочими о том, как тяжело работать в ночной смене, о скудных заработках рабочих и т. п. и вызывает на откровенность этих последних. Вновь поступивший рабочий попадается на удочку и, если в разговоре так или иначе проявил себя «неблагонадежным», в ту же ночь или на следующий день вызывается в контору, где и получает расчет. Выслеживанием «неблагонадежных», занимаются по приказанию заведующего и подмастерья. В отношении к работе пред'являются невозможные требования: дают гнилой материал, а с рабочих спрашивают, как говорят здесь, «золотого товара». Рабочих прижимают всячески и без того ничтожную плату урывают всевозможными способами. Так, мастер Коробов вызвал однажды одного рабочего, показал ему забракованный товар и предложил получить расчет или написать на него 40 к. штрафу, рабочий согласился на последнее. Обращение с рабочими страшно грубое. Табельщик Кочетков, выталкивая из-за машины одну работницу, ушиб ей руку; жаловаться не пошла. Рабочие терпят все притеснения до новой забастовки.

На фабрике Антона Гандурина рассчитано за малую выработку 45 чел. На фабрике Маракушева один рабочий за нанесенное ему оскорбление поколотил хозяина.

Невозможные порядки на фабрике Палушина. Рабочих держат как «в тисках», и не отпускают с работы даже по болезни. Возмутительный и в то же время характерный для наших фабричн. порядков случай произошел на этой фабрике. Одна работница очень сильно захворала; она не один раз заявляла о своей болезни и просила отпуска — поправиться здоровьем, но получала отказ. Когда однажды, уже совсем больная, она обратилась с тою же просьбой, ей пригрозили расчетом. На слова, что не-

чем кормиться, был короткий ответ: «Чорт бы тебя ободрал, дохни». Шатаясь, пошла она с фабрики, но, задыхаясь, села на лавке, а минут через пять умерла; об этом доложили табельщику. Тот, испугавшись, тотчас же оповестил всю фабричную администрацию, и вот собравшаяся стая, с целью выгородить себя из этой истории, придумала гнусную вещь: написала отпуск для лечения, положила его в карман покойницы и отправила ее в больницу.

Рабочих давят со всех сторон, придираются к работе, штрафуют; мастера заставляют работниц мыть полы и стирать белье. Основы и те даются со взятками: не даст рабочий четвертак, будет работать самые плохие сорта и, конечно, заработает менее того, кто даст взятку. Фабричн. администрация пользуется всяким случаем и урывает у рабочих скудный заработок.

Даниловский уезд, Ярославской губ. Есть в Ярославле кожевенный заводчик К. Е. Чувалдин или, как его зовут, Чуваша. Задумал этот Чуваша построить в самом городе свой завод. Полиция не разрешила, так как мочение кож, производящееся у наших кожевников более чем примитивно, должно было пустить заразу на весь город. Сильно вознегодовал Чуваша и, добравшись «до корня», решил, что всему виной самодержавие; поспорил, поспорил с полицией и удалился все-таки вон из города в тихий уезд, в дремучие леса и там, чтобы заглушить свое оскорбленное достоинство, принялся вместо самодержавия... за крестьян. В Даниловском уезде совсем не развита промышленность; самое обычное занятие — рубка леса. Чуваша быстро освоился с местом. Построил заводик и начал пить — есть давать крестьянам и сам питаться. Копеек за 50 в день рабочие простаивают у него часов по 12 в отвратительной атмосфере. Зловоние от прокисшей мочи ужасное; дух спирает у непривычного человека. Шкуры же стали доставлять крестьяне; особенное же удовольствие у Чуваша — это кобениться над крестьянами. Сторгует уже шкуры по дешевой цене, бедный крестьянин вспотеет, дрожит, чуть не слезы на глазах, что пришлось зарезать скотинку и дешево отдать. Он уже слышит дикий окрик старосты о недоимке, но Чуваша грустно задумывается и меланхолично роняет: «Нет, брат, не возьму! плоха шкура-то, да и много у меня их! Прости, что побеспокоил...» и с истинно-христианской грустью глядит хищник на беднягу. Поломавшись минут десять, он наконец ободряет крестьянина: «Ну, ну! уж так и быть! возьму! Моли за меня бога!..». И рад крестьянин, получив деньги, бежит расплачиваться... Радостно потирает теперь руки Чуваша: идет все ближе — ближе к нему голод, скотина будет нипочем; славно поживется... Такое же отношение проявляет этот «конституционалист» ко всем от него зависимым. Ту же историю он проделывает с городскими сапожниками в Ярославле, которые берут у него в лавке товар; не всегда, конечно, есть деньги у сапожника, чтобы расплатиться сейчас же за кожу; приходится молить Чувашу о кредите. И не приминет он в таких случаях подсунуть какую-нибудь дрянь, втридорога. Но особенно изощряется «Константин Егорыч» над работающими у него в лесу.

Лесной промысел дает Чуваше чудовищные барыши. Лес, купленный им за 3 — 4 тысячи на сруб, он ухитряется нередко сплавить за 30 — 40 тыс. Его недреманое око всюду следит: следит за барскими усадьбами, следит за крестьянскими обществами и всюду он приходит улыбающийся, готовый помочь... Не проходит ни одних торгов на лес, чтобы Чуваша не подстроил какой-нибудь штуки. Купив лес, он сейчас же приступает к его рубке. Чувалдин самый крупный поставщик шпал на железные дороги нашего района. Покладистый на подложные счета, он любимец «душек инженеров». Как дрова, так и шпалы приходится выкладывать в ровные меры: или в сажени или в различной величины «кубы». Чуть что не так выложат, Чуваша уж никогда не даст поправить, но сейчас же раскидает кладку и велит делать все снова; а так как работа сдельная, то нередко у рабочих пропадают целые дни. «И, ведь, кладешь как следует,—говорят крестьяне,—а так вот не с той ноги встанет, и на поди! Все разворотит!» Иногда бывает и так: «Ну ладно, ты поправь, а я за половину (платы) приму!», цинично предлагает купчина. Что же делать, не терять же день? Приходится соглашаться. Наругавшись, наиздевавшись, Чуваша едет домой и, уплетая ватрушки, повествует семье о своих делах. И все сочувственно кивают головами: «Ах, и умный же у нас Констентин Егорыч!».

Из Тифлиса. В Тифлисе жандармерия совершенно потеряла голову, видя, что массовые аресты после 1 мая ни к чему не ведут.

Рабочее движение развивается вширь и вглубь; фабрики, заводы, типографии и более или менее крупные мастерские захватываются местным социал-демократическим комитетом, а народ и даже интеллигенция с особым удовольствием читает нелегальные издания комитета и его прокламации, которыми упорно наводняется наш город.

Арестуют людей без разбору, без видимых причин и улик и, продержав их месяцев 4 — 5 в одиночке, выпускают на свободу, и опять те же люди, не пробывши неделю на воле, увозятся снова в тюрьму, опять освобождаются и т. д.

Те слои населения, к которым комитет, по тем или другим причинам, не имеет доступа, само жандармское управление революционизирует своими арестами.

В последнее время, особенно в феврале месяце, произведено очень много арестов в разных частях города и слоях населения.

Баку. Здесь все боятся «бунта» рабочих. Чуть ли не каждый день новые обязательные постановления; то запрещаются сходки, то ношение оружия. С 1 марта вводятся здесь, по примеру Питера, «дежурные» дворники. Недостаточно, оказывается, что в каждом доме есть дворник-шпион. Летом, говорят, жандармерия обратилась в городскую управу с просьбой ассигновать 17 тысяч рублей на тайную полицию. Управа отказала. Теперь жандармерия из своих сумм назначила 25 тысяч.

«Искра» здесь читается и нравится.

Кризис продолжается и обостряется, здесь половина заводов стоит. Увольняют рабочих массами. Около 10 тысяч отправлено за последние 10 месяцев полицией по льготному тарифу.

Нам сообщают из нескольких источников, что в январе в Туле солдаты, вызванные для «усмирения» стачечников с Оружейного завода, отказались стрелять в рабочих.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ФРАНЦИЯ.

Со 2-го по 6 марта (нов. ст.) в г. Туре заседал конгресс той социалистической партии, которую принято называть «жоресистской» и которая составилась из разношерстных элементов, об'единенных ненавистью к «старым» рабочим партиям, стоящим на почве классовой борьбы («гедисты» и «бланкисты»).

С той самой минуты, как Жорес и его друзья стали усердно отстаивать вступление Мильерана в министерство и требовать от пролетариата, чтобы он в этом шаге Мильерана видел приближение к своей конечной цели— завоевание политической власти—с той самой минуты они выдвинули, как боевой пароль своей группы, требо-

вание «об'единения» всех социалистических групп Франции, несмотря на резкие разногласия по вопросам программы и тактики, обнаружившиеся как раз в то время между разными фракциями. Об'единение во что бы то ни стало, об'единение ценой каких угодно компромиссов! Все спорные вопросы должны быть оставлены в стороне: сначала об'единимся, а потом уж придет согласие. Так говорили жоресисты, и им, повидимому, удалось убедить большую часть организованного пролетариата. Но об'единение, совершившееся на конгрессе 1899 г., оказалось непрочным. Уже со следующего конгресса, в 1900 г., Французская Рабочая Партия (официальное название гедистов) должна была уйти, убедившись в том, что Жорес и его фракция не желают считаться с решениями об'единенной партии и выше всех принципов ставят поддержку Мильерана. Бланкисты оставались в об'единенной партии еще в течение года, надеясь побудить товарищей отказаться от гибельной для всего социализма тактики. Но поведение большинства на Лионском конгрессе (1901) заставило и их уйти вместе с несколькими самостоятельными областными (департаментскими) организациями после того, как партия решительно отказалась исключить Мильерана.

Гедисты и бланкисты с упомянутыми областными организациями после того об'единились в один «Революционно-Социалистический Союз», который чрезвычайно быстро усиливается и обещает об'единить все революционные элементы пролетариата. Так без шума и лишних криков об «об'единении», единственно надежным путем подбора единомыслящих элементов, достигается действительное сплочение пролетарских сил. Напротив того, вечно провозглашающие необходимость «единения», Жорес с братией идут от одного раскола к другому, и партия их тает с удивительной быстротой.

Вскоре после Лионского конгресса некоторые члены «социалистической партии» Жореса потребовали вновь исключения Мильерана за его пресмыкательство перед русским царем во время поездки последнего во Францию. Стараниями Жореса и его друзей это предложение было провалено. В ответ на это из партии вышла фракция аллеманистов («Рабочая Партия Социалистов-Революционеров»), последняя из «старых», т. е. сколько-нибудь организованных фракций, остававшаяся в «единой» партии, а с нею еще несколько более революционно настроенных областных организаций. За Жоресом остались только разрозненные и проникнутые местными интересами областные организации, и их об'единение носит, как выяснилось на конгрессе, совершенно призрачный характер.

Турский конгресс должен был дать «единой» партии программу. Генеральный Комитет представил проект, с обсуждения которого и начались заседания конгресса. Проект показался конгрессу слишком революционным и «сектантским». Бывший марксист Габ. Дэвиль усиленно настаивал на удалении из программы всяких упоминаний о революции. Следуя за «великим» Бернштейном, он доказывал, что прогресс капитализма ведет к систематическому улучшению положения рабочих, что число собственников не сокращается, а растет и что понятие революции не «научно», а потому не должно применяться в программе партии.

Как и во всякой программе, так и в проекте, представленном Комитетом, на-ряду с конечными целями движения выставлена «программа-минимум», т. е. программа тех б л и ж а й ш и х требований, которые партия пред'-являет к с о в р е м е н н о м у порядку, которые вполне могут быть осуществлены при капиталистическом строе. Из числа таких требований Дэвиль предлагает удалить 8-часовой рабочий день и заменить его «мероприятиями, которые подготовили бы 8-час. рабочий день», вместо обычного требования не только социалистов, но и радикалов «упразднить Сенат* и президентскую власть», он предлагает ограничиться требованием, чтобы Сенат выбирался всем народом. Словом, как и все оппортунисты, Дэвиль понимает под «ближайшими» требованиями программы не те, которые пролетариат может с и л о й в ы р в а т ь у буржуазии при современном строе, а те, которые буржуазия с о г л а с и т с я д о б р о в о л ь н о осуществить. Русский читатель припомнит подобное же толкование «ближайших» требований среди наших «экономистов», заменяющих 8-час. рабочий день 10-часовым и требование парламента — требованием допущения рабочих представителей в департамент торговли и мануфактур.

В таком духе представители большинства партии критиковали проект Комитета и добились того, что он был оставлен в стороне; взамен него Жорес предложил составленную им велеречивую и расплывчатую программу, удовлетворяющую всех и каждого—революционеров тем, что в ней говорится часто о революции, а умеренных—тем, что она вся пропитана бернштейнианством. Программа Жореса была принята единогласно и без споров—единственный в своем роде пример. Обыкновенно партии долго подготовляют, обсуждают и исправляют программу, каждый пункт взвешивается, прежде чем быть принятым; тут же проект, составленный в 24 часа, немедленно же одобрен конгрессом. Лучше нельзя было иллюстрировать слепое отношение массы партии к своему «императору» (как выражаются гедисты и бланкисты) Жоресу. Жоресисты очень любят упрекать противников в «сектантской» преданности «вожаков» Геду и Вальяну; эту преданность они усматривают в той внутренней и внешней дисциплине, которую проявляют сознательные рабочие, воспитавшиеся в неумолимой классовой борьбе со всем буржуазным строем. Если они обыкновенно единодушно следуют за своими «вожаками», то потому лишь, что и вожаки и масса, в общем и целом, руководятся одними и теми же принципами революционного социализма. Напротив, оппортунисты, всегда действующие на практике вразброд под влиянием случайных соображений минутной выгоды, очень склонны без критики принимать, в области принципиальных заявлений, все, что предложит тот или другой демагог, изучивший их психологию.

Эти свойства оппортунистов ярко иллюстрируются следующими данными, которые мы заимствуем из прекрасной статьи Р. Люксембург в „Neue Zeit“ (№ 24) и которые относятся к голосованиям социалистических депутатов в парламенте по разным п р а к т и ч е с к и м вопросам.

Социалистический депутат Семба внес (2 ноября) предложение о том, чтобы Франция поддержала турецких

* Французский Сенат выбирается только кучкой привилегированных лиц и играет роль вечного тормоза, отменяющего все серьезные реформы, принятые Палатой Депутатов.

армян в борьбе против угнетения турецкого правительства. Из фракции Жореса 8 человек голосовало против этого предложения, 20 за него, 4 воздержалось.

Социалист Зеваэс предложил (8 ноября), чтобы Палата немедленно издала закон для охраны труда железнодорожных рабочих. 16 депутатов голосуют за, 13 против, один воздерживается.

В тот же день, по тому же вопросу, голосуется предложение выразить доверие правительству (отказавшемуся помочь железнодорожным рабочим): 22 «социалиста» голосуют за, 3 против, 4 воздерживаются.

25 ноября обсуждается заем для покрытия издержек по грабительской экспедиции в Китай: 2 голосуют за, 25 против, 3 воздерживается.

28 ноября вотируется поздравление Палаты войскам, вернувшимся из Китая, где они производили всякие бесчинства: 8 за, 11 против, 11 воздерживается.

2 декабря вотируется бюджет на содержание колониальной армии: голосуют 4 за, 10 против, 16 воздерживаются.

И т. д.

Во всех этих вопросах революционные социалисты всегда голосовали, как один человек, в согласии с своей программой.

Что эти шатания не являются делом случайным, подтвердилось еще раз на конгрессе. Здесь прямо был провозглашен принцип, что депутат-социалист за свои действия отвечает не перед партией, а только перед своими избирателями, т. е. перед своей местной группой. Этим самым навсегда освящается политика «приспособления к обстоятельствам» и уничтожается самое понятие организованной классовой борьбы, которую пролетариат ведет, как целый класс, ставя общие интересы движения выше частных мимолетных интересов времени и места. Этот принцип «автономизма», т. е. полной самостоятельности местных групп, чрезвычайно последовательно проводился на всем протяжении конгресса. Организационный устав партии был выработан так, что совершенно уничтожил власть и значение Генерального Комитета, ответственного перед всей партией; связь между отдельными группами осталась чисто внешней; на предстоящих выборах в Палату местным группам предоставлено самим решать вопросы о своем отношении к буржуазным партиям, т. е. они вольны соединяться с какой угодно буржуазной партией на каких угодно условиях. При нынешних условиях это значит, что «социалисты» партии Жореса будут, где им понадобится, голосовать в пользу — «официальных» кандидатов министерства Вальдека-Руссо, против социалистов действительно-пролетарской партии.

Вопрос об «автономии» местных групп очень тесно связан с вопросом об оппортунизме в социалистической партии. Во все времена и везде люди, отступавшие от классовой точки зрения, были очень склонны раздувать местный эгоизм и местную ограниченность интересов и отстаивать «автономизм», т. е. право поступать в своей деятельности, соображаясь, главным образом, с местными настроениями. У нас, в России, как и во Франции и Германии, за самостоятельность местных групп ратуют те самые люди, которые не могут или не хотят возвыситься до точки зрения интересов классовой борьбы во всем ее целом. Но совершенно справедливо заметила одна франц. буржуазная газета по поводу новой организации жоресистской партии, что принятый ею автономизм есть лучшее средство превращения каждой местной группы в клику прихвостней местного вожака, стоящего во главе не потому, чтобы он лучше, дельнее и серьезнее защищал общее дело пролетариата, но потому, что он сумел ловчее других угодить всем местным самолюбиям и приспособиться к местным вкусам.

Вопрос об удалении из партии Мильерана был устранен от обсуждения, и партия продолжает считать в своих рядах лакея русского царя. Поднят был вопрос о поведении деп. Журда, подписавшегося на сбор, устроенный для поднесения Николаю II «почетной шпаги», но и этот вопрос был замят конгрессом. Точно также поступили и с другими депутатами, прославившимися подобными же поступками.

На Турский конгресс не было получено ни одного приветствия ни от какой социалистической партии других стран. Международный социализм открещивается от солидарности с партией Жореса-Мильерана. Для всех становится ясно, что эта партия представляет собой бессознательную часть французского пролетариата, руководимую ловкими оппортунистами, преследующими одну цель—воспользоваться пролетариатом для политических интересов буржуазно-радикальной партии. Чуждая международному революционному пролетариату, жоресистская партия пользуется благоволением французских буржуазных радикалов, благодаря чему, вероятно, получит на предстоящих выборах не мало депутатских мест. Для буржуазии, действительно, не может быть ничего приятнее возможности выставить против классовой партии пролетариата такую «рабочую» партию с социалистической кличкой, которая на практике идет рука-об-руку с буржуазными партиями. Французские буржуазные политики делают то же самое, что пытаются у нас сделать Зубатовы, что стараются постоянно делать умные буржуазные политики всех стран.

Судьба французского «министерского» социализма тем и интересна, что она показывает, как неизбежно бернштейнианство—оппортунизм — и отказ от революционных принципов должны сделать социалистов невольными пособниками буржуазных врагов пролетариата.

ИЗ ПАРТИИ

«Группа Инициаторов»[1], о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141, просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из „Союза“ в конце 1900 г., остальные же—в 1901 г., лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от „Союза“ согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-Демократ»,—в чем и состояло предложение «Группы Инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы Инициаторов»,

при чем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией „Искры". Вскоре, однако, администрация „Союза" известила „Группу Инициаторов", что она после появления первого номера „Искры", в котором напечатана заметка о расколе в „Союзе", изменила свое решение и не желает входить в сношения с „Искрой". Как об'яснить после этого заявление члена администрации „Союза", что отказ „Союза" от конференции был вызван исключительно недовольством последнего составом „Группы Инициаторов"? Правда, непонятно также согласие администрации „Союза" на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере „Искры" осталась в силе, а „отрицательное" отношение „Искры" к „Союзу" еще яснее выступило в первой книжке „Зари" и 4 номере „Искры", появившихся до июньской конференции».

Н. Ленин.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Ростов-на-Дону. 4 марта днем взяты на квартире во время печатания прокламаций студенты Серебряков, Рафалович и землемер Шпак с своей женой. При входе жендармов Серебряков кинулся на полковн. Артемьева и начал душить его. Произошла свалка, во время которой хозяева старались сжечь бумаги, но это им не удалось. В тот же день был обыск у студ. Захарова; у него на квартире взят студ. Ананьев. За несколько дней до того арестованы: Полина Чайченко, ее брат, Мелешко, рабочий Дубровин и другие рабочие.

Кишинев. 13 марта арестована типография и при ней Исаак Риман с женой и ребенком и еще 2 чел.

Баку. Арест. (в февр.) Н. М. Флеров (был дважды в ссылке).

Пермь. 1 февр. арестованы: высланный из Сормова рабочий Булатов, Глушков, Лихачев, бывш. слуш. мед. инст. Е. А. Рогова, служащая в городск. библиотеке А. Н. Ягодникова, народн. учитель Ф. Н. Ягодников; около того же времени на Добрянском заводе: народн. учитель Черепанов и рабочий Коровин. После того в течение февраля арестованы: Я. Г. Безруков (выпущ.), фельдш. ученик Горшков, бывш. студ. Пет. унив. Коптевский, реалист VI кл. Левин, бывш. студ. воен.-мед. академии П. Н. Мостовенко, служащий жел. дор. И. М. Рутман, корректор «Пермск. Края» А. И. Ставровский, пом. прис. пов. В. Н. Трапезников (выпущ. через неск. дней). Наконец, 6 февраля усердие жандармов дошло до того, что они посадили заведующего стат. бюро губ. зем. упр. В. А. Владимирского и купца, гласного (земств и думы) пароходовладельца Н. В. Мешкова.

Нижний-Новгород. Арестованы рабочие Панкратов (с прокламациями) и Чистов. Из прежде взятых все выпущены, кроме студ. Сысина, рабочего Комолова и фельдшерицы Второвой.

Пенза. При обыске у бывш. гимназиста Чернова взяты протоколы собраний гимназического кружка, следствием чего был ряд обысков у гимназистов.

Смоленск. Взяты: Влад. Фриделин, студ. Петерб. унив., рабочие Певзнер (15—16 л.) и Самуил Гдалин и статистики Турчанинов и Смирнов.

Воронеж. В. Носков, привлекавшийся по Иваново-Вознесенск. делу и приговоренный к ссылке в Сибирь, бежал и благополучно прибыл за границу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: из Волжской столицы 70 руб.; от Н-ского Комитета 30 руб.; от инженера 15 руб.

От Парижской группы 553 фр.

Из Дармштадта 94,25 мар.

Из Льежа 101 фр. (в том числе 30 фр. от фабричного инспектора).

Из Лондона 20 шилл.

От Б—ской группы за февраль: из далека 200 р. (в том числе от Х—б 50 р.), от Фанни из Л. 105 м., через Фанни из Л. 9 м., от М. из Л. 33 м., от Б. 40 м., от М. Д. 30 м.; за март: пожертвований 113,75 м., из Тверской губ. 25 р., Фанни из Л. 50 м., от М. из Л. 5 м., через М. от Т. Р. И. 3 м., через иностранца от В. В. 2 м.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTCART,

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Группа Инициаторов», в которую входили: Н. Рязанов, Ю. Невзоров (Стеклов), Б. Даневич (Е. Смирнов), обратилась: 1) к заграничному отделу организации «Искры», 2) к революционной организации «Социал-Демократ» и 3) к «Заграничному Союзу Русских Соц.-Дем.» «с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, третья—отказом» (см. об этом Собр. соч. Н. Ленина, том V, стр. 272). Члены этой группы, после неудачи «об'единительного» с'езда в октябре 1901 г., выступили как самостоятельная издательская группа «Борьба».

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 20 1 МАЯ 1902 ГОДА № 20

СМЕРТЬ СИПЯГИНА И НАШИ АГИТАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ.

Блестящая служебная карьера Сипягина неожиданно прервана. Человек, в продолжение тридцати месяцев державший в своих руках почти всю исполнительную власть русского государства и жестоко злоупотреблявший ею, пал жертвою своего реакционного усердия. Наши «охранители» горько оплакивают его гибель и мечут громы негодавания на бедную голову его молодого «убийцы». Им вторит значительная часть и буржуазной прессы Запада. Нас не удивляют ни западные буржуа ни русские «охранители». Наша реакционная партия твердо убеждена, как известно, в том, что она имеет право и даже обязана истреблять все живое, а всякий ответ насилием на ее насилия составляет в ее глазах великое преступление. Что же касается западной буржуазии, то она давно пережила свой период бурных стремлений и сделалась защитницей «порядка». Русские студенты, поднимающие вооруженную руку на звероподобных опричников всероссийского самодержца, вызывают в ней не сочувствие, а страх, напоминают ей не Брутов, а Тропманов. Их смелые, самоотверженные поступки представляются ей вопиющим нарушением прав человека. Гуманная защитница этих прав, она считает употребление оружия позволительным только в тех случаях, когда дело идет о завоевании новых рынков или об усмирении рабочих, пытающихся сбросить с себя иго капитала. Невыносимое положение русской учащейся молодежи интересует ее гораздо меньше, чем печальная судьба французских и бельгийских капиталов, затраченных в южно-русских металлургических предприятиях. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше...

В смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакционной клики, к которой он принадлежал до конца своих дней и которая отвечала полицейскими разбоями на самые естественные и самые неизбежные требования студенчества. Нравственная ответственность за эти дневные и ночные разбои падает главным образом на самого Сипягина. Он как будто задался целью показать всем, имеющим очи, что «сердечное попечение» царского правительства об учащейся молодежи есть одно из самых «бессмысленных мечтаний» нашего коронованного недоросля. Он сделался ответственным издателем почти всех репрессивных мероприятий, направленных против этой молодежи. Мудрено ли, что ему и пришлось за них ответить?

Пусть же реакционные цицероны гремят против его «убийцы», их негодующие вопли никого не введут у нас в заблуждение. Русское «общество» опять переживает теперь то оппозиционное настроение, в котором оно находилось лет двадцать тому назад и благодаря которому оно сочувствовало «террористической» борьбе партии «Народной Воли».

Свирепый полицейский «порядок» до смерти надоел всем честным людям, и ни один честный и мыслящий человек не станет оплакивать гибель столпов и защитников этого порядка.

Killing is no murder! (умерщвление не убийство) писал один английский публицист семнадцатого века, когда Кромвель захватил политическую власть, только что завоеванную революционной партией. Умерщвление не убийство — с полным убеждением скажут теперь многие и многие русские люди. Не нужно быть неукротимым «потрясателем основ» для того, чтобы понять, какая глубокая и широкая пропасть отделяет Карповичей и Балмашевых от вульгарных убийц.

Умерщвление не убийство! Сознание этой истины до такой степени распространилось теперь в России, что оно начинает грозить серьезной опасностью нашему освободительному движению. Это звучит парадоксом, но с этим должен будет согласиться всякий тот, кто даст себе труд вдуматься в наше современное положение.

Жрецы полицейского Молоха делают все возможное для того, чтобы довести до самой крайней степени раздражение нашей свободомыслящей интеллигенции. Когда раздражение достигает этой крайней степени, мысль о «террористической» борьбе возникает, можно сказать, сама собою всюду, где соотношение общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках. А где—как у нас в настоящее время — эта мысль уже выразилась в нескольких практических действиях, и где—опять как в современной России—такие действия встречают горячее сочувствие в широких слоях населения, там «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом революционной борьбы, отодвинув на задний план все другие.

Признаки такого стремления замечаются теперь даже в нашей социал-демократической среде. Некоторые социал-демократы начинают поговаривать о том, что демонстрации обходятся слишком дорого и что террористические действия скорее поведут к цели. Опыт семидесятых годов показал, что от таких разговоров не далеко и до мысли о «систематическом терроре». Но тут-то и заключается серьезная опасность для нашего освободительного движения. Если бы это движение стало террористическим, то оно тем самым подорвало бы свою собственную силу.

Его сила состоит в том, что идея политической свободы, увлекшая некогда одну интеллигенцию, проникла

в некоторые слои рабочего класса. Сознательная часть пролетариата является теперь самым надежным борцом за политическую свободу. Если волнения учащейся молодежи получили теперь у нас такое большое значение, то это произошло именно потому, что студента стал поддерживать рабочий. И это очень хорошо понимает сама учащаяся молодежь, которая вполне сознательно сближается с пролетариатом. Ей хорошо выяснилось решающее политическое значение рабочей армии. Но всем известно, что приемы борьбы, употребляемые всякой данной армией, определяются ее составом. Состав рабочей армии таков, что для нее самым удобным и самым действительным приемом борьбы являются демонстрации и вообще всякого рода массовые уличные движения. Терроризм же доступен для нее лишь при самых редких и исключительных обстоятельствах. При наших нынешних условиях он привел бы к тому, что из нее выделились бы и слились бы с террористами-интеллигентами отдельные личности и группы личностей, вся же остальная ее масса стала бы гораздо менее активной, вследствие чего только замедлилось бы,—если бы не прекратилось совершенно,—дело политического воспитания нашего пролетариата и надолго отсрочилось бы падение абсолютизма.

Один из наиболее энергичных, опытных и сознательных представителей русского рабочего класса, Степан Халтурин, был решительным противником террора именно на том основании, что террор мешает организации, а следовательно и вообще политическому воспитанию рабочих. Правда, впоследствии он сам стал террористом, но он стал им не потому, что признал ошибочным свое прежнее мнение, а потому, что организация рабочих перестала казаться ему неотложным делом: он проникся тем убеждением, что смерть Александра II принесет с собою конституцию и политическую свободу, при которой дело политического воспитания рабочих двинется с небывалой у нас быстротою. Имея такое убеждение, он мог, не изменяя себе, предпочесть террористическую деятельность агитационной. Но теперь уже невозможно разделять такое убеждение. Опыт показал, что оно было ошибочно. Царь Александр II погиб; царизм продолжает существовать. Чтобы покончить с ним, необходимо разрушить его основу. А к этой цели нет другого пути, кроме политического воспитания народа и, прежде всего, рабочего класса.

Говорят, что террор тоже воспитывает рабочую массу, возбуждая ее. Тут есть капля истины. Рабочие, недовольные существующим порядком вещей, радуются удачным покушениям и огорчаются неудачными. Их, конечно, возбуждают доходящие до них известия о действиях террористов. Но такое возбуждение не выдерживает и отдаленного сравнения с возбуждением, вызываемым в рабочих личным непосредственным участием их в массовых уличных движениях. В этом последнем случае возбуждение располагает к самодеятельности, между тем как сочувствие к террористам не только не исключает пассивного отношения к общественной жизни, но даже поддерживает и укрепляет его, приучая население смотреть на революционную партию, как на благодетельную, но постороннюю ему силу, которая сама все делает, сама поразит всех врагов свободы и сама обеспечит торжество революции. Терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение.

Что демонстрации стоят у нас многих жертв, это, к сожалению, неоспоримо. Но, во-первых, ошибочно думать, что террористические действия обходятся в этом смысле дешевле. Наоборот. Наибольшие потери причиняются революционерам именно ими. А, во-вторых, без жертв невозможна никакая борьба. Жертвы были и будут. Все дело в том, чтобы они не приносились напрасно и чтобы каждая демонстрация приносила нашему делу всю ту пользу, которую она может принести.

В № 14 «Искры» мы уже указывали на то, чего недостает теперь нашим демонстрациям: 1) в них участвует сравнительно мало народу; 2) их участники не оказывают организованного сопротивления властям. Опыт показал, что мы не ошибались. Возьмите хоть Киевскую демонстранцию 2 февраля. Ее участники проявили поистине геройское мужество и самоотвержение. Но их было сравнительно немного, и полиция легко справилась с ними. Но это не все. Даже и те, сравнительно небольшие силы, которые участвовали в демонстрации, не были организованы, что еще более ослабило их сопротивление. А, с другой стороны, посмотрите на то, что произошло в Гельсингфорсе 5 апреля. Здесь, как сообщают иностранные газеты, полиция встретила дружный отпор со стороны «толпы» и отступила, унося с собою много раненых. И это было достигнуто без употребления участниками демонстрации огнестрельного оружия, которое было бы вредно, так как дало бы правительству желанный повод для «усмирения бунтовщиков» солдатскими пулями. Мы не знаем, была ли организована Гельсингфорсская демонстрация 5 апреля. Повидимому,—да. Но как бы там ни было, несомненно то, что ее успех был обусловлен дружным действием большой массы народа. Полиция и казаки были атакованы со всех сторон. Даже из окон домов в них кидали камнями, дровами и бутылками, наполненными едкими кислотами. Правительство поняло, что против него все население, и уступило, отсрочив призыв новобранцев. В наше время тайна политического успеха заключается в искусстве вызывать движение массы. Когда идея политической свободы овладевает у нас всей рабочей массой,—как овладела она уже некоторыми ее слоями,—тогда и у нас будут происходить демонстрации, подобные Гельсингфорсской. А чтобы эта идея овладела всей рабочей массой, надо распространять ее с удесятеренной энергией. Надо наводнить Россию листками и воззваниями, обнаруживающими гнусность нашего политического устройства. Надо разбрасывать такие листки и воззвания в мастерских, в трактирах, в банях, в конках, в церквах, на постоялых дворах, на железных дорогах, на пароходах, словом—везде и всюду. Всякому уличному движению должна предшествовать работа подготовительной агитации и организации. Там, где не соблюдено это условие, лучше воздерживаться от демонстраций. Но зато тем решительнее надо выступать там, где почва для демонстрации уже подготовлена.

Кто считал прошлогодние события «началом конца», в том разочарование понятно: конец пока все еще не «кончен». Но в нашем деле иллюзии не менее вредны, чем малодушие, с которым они, кстати сказать, состоят в тесном родстве. Мы переживаем теперь «не начало конца, а просто начало». Неудивительно поэтому, что конец заставляет себя ждать: но мы никогда не дождемся его, если оставим путь политической агитации в массе и ударимся в террор.

Умерщвление не убийство! Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма. Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Балмашеву[1] и Карповичу[2], но мы стремимся к низвержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организация его сил для дальнейшей, все более и более упорной, все глубже и глубже проникающей, все более и более плодотворной и победоносной агитации.

Только на фундаменте политического самосознания русского пролетариата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы! Русское революционное движение восторжествует как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует!

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

По поводу смерти Г. И. Успенского.

24 марта умер Глеб Иванович Успенский. Давно уже перестал он писать, давно замерли всякие надежды на его выздоровление, и тем не менее у него найдутся, никогда лично не встречавшиеся с ним, читатели, на которых весть о его смерти произведет впечатление утраты близкого человека, игравшего когда-то значительную роль в его собственной судьбе. Г. И. Успенский неизмеримо больше всех легальных писателей 70-х и 80-х годов оказал влияние на ход нашего революционного движения. Его деревенские очерки конца 70-х годов, совпадая с личными впечатлениями ходивших в народ революционеров, содействовали крушению первоначального анархически-бунтарского народничетсва. Еще большее значение имели некоторые из его произведений 80-х годов, в которых мыслитель, сливаясь с художником, на нескольких страницах, иногда в нескольких строках, намечал самые глубокие выводы, сообщая им непосредственную убедительность художественного наблюдения действительности. Первым русским марксистам-революционерам, т. е. тем марксистам, для которых марксизм был не только научной теорией, а теоретической основой практической программы, эти очерки Г. Успенского помогали конкретно выяснять и себе и другим свою практическую теорию.

Сам Г. Успенский был и остался народником в том смысле, что для него не было типа человека лучше, желаннее крестьянина, живущего при натуральном хозяйстве, но, глубоко правдивый художник и мыслитель, он вечно показывал нам всю невозможность революционной программы, приуроченной к этому типу, и в то же время как нельзя яснее показывал также и безнадежность мечтаний о сохранении как любимого типа, так и всего старого быта и старых крестьянских учреждений при новых экономических условиях.

Для самого Г. Успенского эти противоречия были безвыходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения, указавшего выход.

Если бы Г. Успенский присутствовал при возрождении революционного движения под знаменем социал-демократии, он не смог бы, вероятно, стать на нашу сторону. Ему помешала бы безнадежная любовь к исчезающему типу старого крестьянина; но не смог бы он стать и тем нежелающим понимать, безусловно враждебным противником, какими оказались, в большинстве случаев, его былые сотрудники по журнальной деятельности.

Во всяком случае, социал-демократы всегда будут любить и читать Г. И. Успенского, как одного из тех глубоко искренних наблюдателей и мыслителей, которые— где бы ни была их любовь в прошедшем или в будущем— в силу своей великой правдивости помогают все большему и большему выяснению того единственного пути, который идет через социальную революцию пролетариата.

О тульской полиции. (Неприятная ошибка г-на Гартье. Удивительное самоубийство двух воров. Как городовой Баутин заплатил долг. Тульская достопримечательность. Застенок на улице. Как пристав Лавров бога обокрал. Кто выше — бог или Лавров? Родственные чувства г-на Шлиппе. Перемена во взглядах обывателей.)

Что такое русский полицейский участок — это знает всякий. В нем, как грязная туча в болотной луже, отражается весь строй нашей жизни — бесправной и беззаконной, где «особа» может делать что хочет, а простой человек должен почтительно трепетать, как бы с ним начальство ни поступило. Наша тульская полиция служит прекрасным образчиком этого. Обыватель отдан в ее полное распоряжение, полиция смотрит на него, как на побежденного врага, с которым можно делать что угодно; она обирает его, оскорбляет, истязует, и все это совершенно безнаказанно сходит ей с рук, пока... пока, зарвавшись, она по «недоразумению» не наскочит на «белую кость». Тогда картина меняется...

Года два назад в легальной печати был опубликован случай с нашим приставом Мазараки. Во время крестного хода одна девушка «дерзко взглянула» на него, он отправил ее в участок, а в участке оказалось, что девушка— местная аристократка, княжна Оболенская. Пристав поплатился арестом, но не за то, конечно, что потащил в участок невинного человека, а за то, что не сумел отличить белой кости от черной. Недавно подобное же недоразумение произошло с тульским полицмейстером Гартье, прославившимся у нас своим безудержным мордобойством и тем, что, в бытность крапивенским исправником, он был на пожаре жестоко избит мужиком, получившим от него затрещину. В декабре прошлого года шли по Киевской улице три скромно одетые господина и видят, что на улице, посреди снующих экипажей, лежит мертвецки пьяный человек. Они обратились к проходившему мимо полицмейстеру с просьбой распорядиться убрать лежачего. — «Это не ваше дело! — гаркнул на них Гартье. — Ступайте прочь!» — «Мы вас покорнейше просим распорядиться убрать этого человека». — «А вот я сейчас распоряжусь... Городовой! В участок их!» — «Ах, так! Ну нет, погодите! Извозчик, к губернатору!»... Прохожие были местные влиятельные землевладельцы: Шатилов (известный сельский хозяин) и Воейков, третий— какой-то их знакомый князь из Петербурга. Губернатор В. К. Шлиппе немедленно вызвал к себе по телефону Гартье, распек его в присутствии жалобщиков и велел просить извинения. Смущенный Гартье, разумеется, рассыпался в извинениях и уверениях, что произошло «недоразумение». По уходе Гартье губернатор стал уговаривать потерпевших удовольствоваться этим извинением (Гартье женат на племяннице губернатора). К стыду гг. Шатилова и Воейкова, они «простили» Гартье, но петер-

бургский князь, которого полицмейстер во время об'яснения «легонько толкнул» в шею, не захотел простить, и г. Гартье должен был подать в отставку.

Вот что значит быть у нас князем и влиятельным лицом! Но у кого нет связей, кто не знаком с губернатором, тот находится в полной и бесконтрольной власти полиции, все жалобы на которую напрасны. Простой обыватель испытывает к полиции ужас; у нас есть пословица: «когда идешь в участок, раньше исповедуйся и причастись». Наши полицейские участки — это форменные застенки, в них постоянно творятся ужасы, от которых дыбом становятся волосы. Попавших в участок пьяных обирают до нитки и бьют так, что нередко вопли доносятся до улицы. Эти «каторжные гнезда» полны кровавых преступлений.

Года два тому назад были арестованы два вора и посажены во вторую часть. Что с ними там делали, неизвестно, но на следующее утро их о б о и х нашли в камере «повесившимися». Трупов не вскрывали и мирно похоронили... А совсем недавно произошел вот какой случай: 10 февраля 1902 г. старший городовой второй части Баутин был в гостях у своего земляка, Андрея Дмитриева, дворника при Сапельниковских банях. Дмитриев стал просить Баутина возвратить ему взятые у него взаймы 25 руб. Тот предложил ему пойти с ним в часть и там получить деньги. Заведши земляка к себе, Баутин повалил его на землю и стал бить его утюгом по голове. Дмитриев тут же под ударами и умер. Баутин был арестован, но через сутки, ко всеобщему изумлению, был выпущен на свободу под поручительство местного подрядчика Антонова (не ссориться же ему с полицией!). Городовым второй части строжайше было приказано начальством говорить, что смерть Дмитриева произошла от несчастного случая: Баутин и Дмитриев стали шутливо бороться, Дмитриев упал и ударился головой о край печки.

Впрочем, все это дела обычные; во всех русских городах творится то же самое. Но есть в тульской полиции нечто, даже для русской жизни необычное, есть достопримечательность, о которой не перестают говорить в Питере и о которой всякий туляк может вам порассказать самые удивительные вещи. Эта достопримечательность— пристав четвертой (Чулковской) части Лавров. В других тульских частях людей бьют и истязуют в застенках,— Лавров вынес застенок на улицу, всю Чулковскую часть он обратил в один сплошной застенок. Запел подвыпивший мастеровой песню, не поклонился он Лаврову,— Лавров с городовыми набрасывается на него и тут же на улице подвергает избиению; бьют жестоко, кулаками, ногами, иногда до бесчувствия. Если какой-либо прохожий заметил Лаврову, что, по закону, бить людей не полагается, Лавров набрасывается с городовыми на прохожего, вламывается за ним в его квартиру и избивает его там, на глазах жены и детей. В марте прошлого года умер один чулковский лабазник от побоев, нанесенных ему Лавровым в его собственном доме. На похороны этого лабазника, из боязни демонстрации, никто не был допущен... Если несколько человек собираются на улице вместе, если летним вечером уставшие от работы мастеровые сидят на лавочках у ворот, налетает Лавров и разгоняет всех нагайками (заметьте, что Тула даже не находится на положении усиленной охраны). Все дома в Чулкове обложены правильной данью; на ночных сторожей, между прочим, тратится в месяц 120 руб., а собирается Лавровым около 900 руб. Завидев вдалеке Лаврова, лавочники спешат запирать лавки, так как выгоднее этот день не торговать, чем увидеть у себя в лавке чулковского «хозяина». Сотни жалоб подаются на Лаврова губернатору, но они остаются без рассмотрения. Чулковские мастеровые со стыдом спрашивают: «Неужели среди нас не найдется никого, кто бы избавил Чулково от Лаврова?». Лавров прекрасно знает о питаемых к нему населением чувствах и не появляется на улице иначе, как под охраной нескольких городовых.

Года два назад много заставило говорить о себе в Туле следующее происшествие. Строилась в Чулкове новая церковь. Лавров, в качестве члена церковно-строительного комитета, собирал на храм пожертвования. На эти пожертвования он купил плащаницу рублей в 200—300. Но слухи ходили, что пожертвований Лавров собрал на сумму, много большую, — рублей до тысячи. Вследствие этих слухов, священник послал помощника церковного старосты Шкунаева поразведать среди обывателей, кто сколько пожертвовал Лаврову. Между прочим Шкунаев зашел к одному трактирщику. Тот ответил, что ему нужно справиться по книгам, и попросил Шкунаева зайти за ответом завтра. Когда на завтра Шкунаев пришел, его встретил Лавров с четырьмя городовыми, которые приняли Шкунаева на кулаки. Шкунаев вырвался и с воплем побежал

ФЕЛЬЕТОН

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

II.

Рабочие на русских торфяных болотах.

I.

Я прожил четыре лета на одном из русских торфяных болот, видел всю мерзость и подлость эксплоатации рабочего предпринимателем и теперь только имею возможность поделиться с читателями виденным.

Что такое торфяное болото? Что это — фабрика, завод или еще что-либо? Этого, повидимому, не решило, да и не решает и само русское самодержавное правительство, так как еще до сих пор не существует никакой регулировки этого дела. А дело серьезно, дело для России в настоящее время большой важности.

Торф прекрасное, удобное и очень дешевое топливо. Разрабатывается он уже лет 20—30, но особенно принялись за него лишь за последние 7—8 лет, во время угольного кризиса и в то время, когда цена на нефть стала колебаться.

Работа на торфяных болотах двух родов: 1) собственно выработка торфа в виде кирпичей (ручная и машинная, работают мужчины *), и 2) сушка и уборка уже сработанных торфяных кирпичей (работают женщины). Начинается работа в первых числах мая (но не позже 10-го), кончается: выработка в 20 числах июля, на некоторых болотах даже 6 августа **. Работа женщин, сушка и уборка начинается в то же время, но кончается гораздо позднее: 15 августа, 1 сентября и даже 28—29 сентября.

Торфяная работа, как собственно выработка, так сушка и уборка, требует известного навыка и умения. Кроме того, рабочий должен привыкнуть к воде, невыразимой грязи, к работе под открытым небом и на совершенно открытом месте. Все вместе взятое является причиной того, что обыкновенный рабочий человек, даже

---

* О другой выработке я писать не стану, потому что мало знаком с нею, да и потому, что еще, с каждым годом она вытесняется машиной. В настоящее время она бываег только на мелких болотах.

** На том болоте, где жил я в 1898 г., кончалась 6 августа, последние же два года 1 августа; работа же женщин—различно.

по улице, преследуемый Лавровым; он вбежал в церковь, где в то время был священник; Лавров вбежал за ним и жестоко избил его в самой церкви. Священник доложил о произведенном Лавровым святотатстве архиерею; Шкунаев подал жалобу прокурорскому надзору. Прокурор жалобе ходу не дал, а архиерей Питирим строжайше велел священнику молчать о происшедшем... Из всеподданнейшего доклада Победоносцева читатели «Искры» уже знают о том трогательном единении, в котором казенный православный бог живет с русской полицией. Как видим, в случае нечаянного столкновения между обоими бог должен сторониться перед приставом и молча глотать наносимые ему обиды... Разговоры о том, как чулковский пристав обокрал бога, не прекращались в Туле. Чтоб положить им конец, губернатор Шлиппе приказал Лаврову привлечь Шкунаева к суду за клевету. Характерно то, что ни один из тульских адвокатов, из боязни Лаврова, не решился защищать Шкунаева, и защитника пришлось выписывать из Москвы. На суде раскрылись поразительные вещи. Хранившийся у Лаврова подписной лист оказался полным подчисток и переделанных цифр; один мясной торговец показал, что на предложение Лаврова пожертвовать на церковь он попросил его внести в лист 50 руб., которые Лавров должен был ему за мясо. Этих денег в листе не оказалось... Шкунаев был оправдан. Выходя из суда, Лавров громко, при публике, обратился к мяснику со следующими словами: «Ты против меня свидетельствовать? Погоди же, я тебе покажу!». И само собою разумеется... показал! По настоянию губернатора дело было перенесено в следующую инстанцию. По отношению к неприятным свидетелям были приняты соответственные меры, и во второй инстанции Шкунаев был осужден.

Все это дело чрезвычайно взволновало благочестивую Тулу. Указывали на то, что губернатор Шлиппе — лютеранского вероисповедания, что новая царица немка, что православному богу приходит конец... Вообще тульский обыватель еще довольно сильно склонен об'яснять окружающие его безобразия частными случайными причинами. Так, поразительную, даже для русских условий, безнаказанность Лаврова, которому, по общему мнению, давно уже место на каторге, обыватели об'ясняют тем, что губернатор Шлиппе должен ему по векселю 30 тысяч рублей. Безнаказанность Гартье, женатого на племяннице губернатора, об'яснили родственными чувствами г-на Шлиппе *. К счастью, такие взгляды все больше начинают сменяться другими, более широкими и люди спрашивают себя: «что же это за порядок, где любой каторжник в полицейском мундире может сделать с тобою что хочет и управы на него нигде нет?».

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии выпустил следующую (от 16 марта 1902 года) прокламацию:

«Товарищи! В субботу 9 марта происходило собрание механических рабочих и ткачей Рогожского района. На этом, как и на предыдущих собраниях, клеймили и ругали интеллигентов, называли их врагами рабочего класса, проповедывали мирный образ действий и советовали не заниматься политикой, вредной для успеха рабочего дела. Товарищи! Никто из вас, конечно, не верит этим Иудам рабочего дела. Ведь такие речи говорят всегда одни и те же ораторы, такие же речи говорят и их главные руководители и советчики Зубатов и Трепов, агенты полиции. Никогда еще и нигде в мире ни один рабочий не верил и не поверит, чтобы устами полиции говорила истина. Во всех странах Западн. Европы рабочим принадлежит право свободной борьбы с капиталистами, право свободно высказывать свои идеи. Не то у нас, где всякое свободное слово давят. Вспомните, что всех ваших товарищей, высказывавшихся на ваших собраниях иначе, чем явные и тайные агенты Зубатова и Трепова, арестовали и они еще и теперь сидят в тюрьме, откуда шлют вам привет и совет не верить гг. Афанасьевым, Красивским, Слеповым и др. Иудам, этим истинным врагам рабочего дела. А интеллигенты, сотнями и тысячами идущие в тюрьмы и ссылку во имя идей правды, желают вам добра, а не зла. Всем вам, товарищи, известно, что в Бутырской тюрьме сидят до 6 сот студентов и курсисток за то, что они перестали

* Родственные чувства у г-на Шлиппе действительно сильны. Так, например, в прошлом году в Туле давал концерт артист Зиссерман, родственник губернатора. Помощники приставов раз'езжали по домовладельцам, предлагая им брать билеты на концерт. Более независимые отказывались, более серые, чтобы не ссориться с полицией, кряхтели и вытаскивали из карманов кошельки.

простой землекоп на эту работу не пойдет — он ее не сделает, да и не вынесет. Издавна сложилось уже так, что рабочие на торфяные болота нанимаются в известных губерниях, больше даже только в определенных уездах. Такими местами в России являются: 1) Рязанская губерния (уезды Скопинский, Рязанский, Михайловский, Спасский, Раненбургский, Касимовский и отчасти Пронский), 2) Зубцовский уезд, Тверской губернии, 3) Тульская губерния, уезды Крапивенский и Епифановский, и 4) северная часть Калужской губернии. Торфяные же болота в России находятся в губерниях: Петербургской, Рязанской, Тверской, Тамбовской и Калужской. На каждом болоте, где есть хотя одна машина, должно быть рабочих: мужчин не менее 30 человек и женщин не менее 20. Большинство же болот имеют от 5 до 12—15 машин *. Значит, почти все население указанных мест, где есть работники — «торфяники» и работницы — «торфушки» (так обыкновенно они называются на болотах), должно уходить на лето из дому. Действительно, это так и бывает, и дома остаются 1—2 работника (мужчины или женщины, смотря по местности), старики, старухи, да разве иногда беременные женщины, для которых работа на торфяных болотах не допустима *.

Казалось бы, что такое отношение количества болот к количеству рабочих должно было влиять на заработную плату; в действительности этого не бывает, разве только как исключение. Происходит это от того, что сами рабочие стоят на низшей ступени развития, они поголовно все во власти всякого рода начальства и мысль их забита невероятно. Всякое ничтожество, вроде урядника, попа, а тем более земского начальника, добилось того, что в народе «рязанец» стало нарицательным именем для всех простаков мысли и дела... Ниже я укажу виды протеста, к которым иногда прибегали обездоленные и загнанные торфяники, когда более терпеть их сил уже не хватало...

Наем рабочих производится таким образом. (Наиболее характерен наем мужчин.) В деревню приезжает приказчик, читает собравшимся мужикам условия, дает подписаться, отбирает паспорта и выдает задатки (обыкновенно по 10 руб. на чел.). Мужики, сдавленные в это время (октябрь и начало ноября) со всех сторон требо-

* Если не ошибаюсь, у одного Викулы Морозова в Орехове-Зуеве до 40 машин (на нескольких болотах).

* Что на всех болотах впрочем допускается. Я слышал от работниц, что на одном из болот Московской губ. был даже случай родов во время работы—кладки штабеля, когда работница упала с подмостей.

ограничиваться студенческими требованиями и стали пред'являть требования политические, т. е. свободы слова, собраний, печати и т. д. Всех их правительство решило либо сослать в Восточную Сибирь, либо в Архангельскую тюрьму на 6 мес. Надо вам знать, товарищи, что они встретили в Бутырках 42 товарищей рабочих с Мещеринской мануфакт. приветствиями, устроив иллюминацию из матрацов. За это их избили и посадили на парашу. В ответ на такой произвол они об'явили голодовку, и вот уже 6 дней как голодают. Если правительство поступает так с врагами рабочих, то почему оно так не расправится с капиталистами? Или оно их считает вашими друзьями? Нет, товарищи, вас правительство всех подло обманывает. Вспомните, что еще Петр Алексеев, наш товарищ рабочий, на суде заявил, что „русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи: она одна братски протянула нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь... И они неразлучно пойдут с нами до тех пор, пока поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждаемое солдатскими штыками, разлетится в прах". Но и вы, товарищи, уже доказали на последнем собрании свое уменье разбираться в истинных целях правительства и его тайных и явных агентов — Зубатова, Трепова, Красивского, Афанасьева и других — усыпить вас всякими обещаниями и ничего для вас не сделать. Надо надеяться, что скоро и совсем будут разоблачены эти Иуды рабочего дела, которые свои желания и мысли навязывают всем рабочим. Что вам дали ваши порайонные собрания? Ничего, кроме права говорить по указке Афанасьева, Красивского. А стоит вам уклониться от этой указки, и вы уже попадете в тюрьму. Но довольно же, дорогие товарищи, терпеть, чтобы среди нас могли пользоваться влиянием эти проходимцы, состоящие на службе в Охранном Отделении. Довольно нам терпеть, чтобы наши дела разрешались в Охранном Отделении! Будем помнить, что правительство — враг наш и друг капиталистов. Иначе бы оно не подавляло всякую нашу стачку вооруженными силами. Наши товарищи, обуховцы, сосланные на каторгу, хорошо знают истинные цели русского правительства и вопиют о мщении. Будем же помнить оставленные нам заветы их и других лучших наших товарищей бороться за святую истину, за полное освобождение рабочего класса от рабства, за коренное изменение общественного порядка...»

Волнения крестьян на юге.

В Константиноградском уезде, Полтавской губ., — бунт, убит управляющий — бунтуют несколько деревень. В Карловке (громадное имение герцога Мекленбургского, в котором работает до 6.000 рабочих) собраны войска— 1.500 чел., губернатор полтавский там же. Арестован высланный из Карловки студент Баумштейн, а за что, неизвестно.

В Харьковской губ. тоже бунтуют. Это даже и «бунтом» нельзя назвать, потому что это не вспышка простая. Места, охваченные восстанием, оцеплены и пройти оттуда нельзя, потому и неизвестно ничего.

Мы слышали, что причиной «восстания» является требование крестьян о выдаче хлеба для обсеменения. На первые попытки голодающих взять хлеб из магазинов силой власти ответили жестокими расправами. В результате «бунт», который вызвал поездку на юг нового министра Плеве.

Полтава. (5 апреля.)

Не успела Полтава успокоиться после февральской истории (см. № 18), как в средних числах прошлого месяца появились неопределенные слухи об обысках у крестьян, о распространении среди сельского населения прокламаций и нелегальных брошюр. После 25 марта получились, наконец, вполне достоверные сведения о брожении среди крестьян и казаков. Управляющий Карловской экономией Шейдеман и городской голова г. Полтавы Трегубов потребовали от губернатора присылки войск. В первой экономии крестьяне забрали часть картофеля, из второй весь хлеб. Население, уверенное в том, что теперь все можно, забрало в целом ряде имений весь хлеб, запасы сена и соломы. Крестьяне действуют спокойно, с полным сознанием своей правоты. Чинно, со старостами и сотскими во главе, под'езжают они к усадьбам и экономиям и требуют ключей от амбаров и складов. Обыкновенно

ванием всевозможных податей, царских оброков и своею собственной нуждой, не слушая, подписывают эти «условия» лишь для того, чтобы поскорее взять задатки. Результаты этого подписывания обнаруживаются уже после, на работе.

Отдавши паспорт, рабочий закрепощен. Если бы ему даже и представилось более выгодное место, он должен отказаться.

Я уверен, глубоко уверен в том, что если бы эти несчастные закрепощаемые понимали всю свою силу, понимали, что не они должны кланяться купцу - предпринимателю, а он им, они могли бы добиться огромных для себя уступок. Простой мирной стачкой они «заставили» бы платить за работу вдвое против того, что им платят теперь, потому что и тогда предприниматели все-таки получили бы барыши и не маленькие. Я приведу в доказательство цифры, которые покажут яснее.

Каждый пуд торфа обходился на болоте Хлудовых со всеми расходами по ремонту, жалованию служащим и рабочим, погашению и пр. 5,5 коп. + 1,5 коп. за перевозку в ближайший город (Егорьевск, Рязанской губ.), а продавался по 10 коп. за пуд. Следовательно, Хлудовы от каждого пуда торфа получали 3 коп. чистого барыша. Вырабатывая в 1900 и 1901 гг. при 9 машинах ежегодно 5.000 куб. саж. или 1.100.000 пуд. торфа, они клали себе в кармам не больше, не меньше, как 33.000 рублей... Цифра баснословная, ужасная, ей трудно верить. Но это действительно так, действительно еще и то, что эти 33 тысячи буквально выжаты, выдавлены из голодных мужиков... Если бы предприниматель получал только ½ коп. с пуда барыша, то и тогда цифра была бы внушительна—5.500 руб., а ведь это только за три летних месяца... П. М. Соловьев в своей книге «Разработка торфа на топливо» приводит почти такие же цифры о барышах Викулы Морозова в Орехове-Зуеве. Разница лишь в том только, что там пуд торфа (опять таки за погашением всех расходов) обходился в 5,6 коп. Значит Морозов получал только на 0,1 коп. меньше Хлудовых, но так как сведения г. Соловьева сообщались торфмейстерами, то весьма возможно, что цифры не отличаются особой верностью.

Если бы этот огромный излишек в 27.500 рублей (33.000—5.500), который получили в 1901 г. Хлудовы, разделить на 520 человек, работавших на болоте, это было бы почти по 53 рубля на человека, что для крестьянина составляет многое. Но, конечно, какое дело гг. Хлудовым и К° до того, что несколько сот рабочих с утра до вечера стоят в грязи, сгибаются под 2—3-пудовой корзинкой с торфом и пр... для них важно то,

владелец предупреждался за день, что у него назначен разбор хлеба. Если владелец не дает ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлебом, и все раз'езжаются по домам. Крестьяне об'ясняют, что «царству панов наступил конец» и что «велено забирать по 5 пудов на душу». Один из помещиков отвесил эту пропорцию 80 крестьянам, явившимся к нему, и у него больше ничего не тронули. Хлеб забирается не только у помещиков-дворян, но и у односельчан богачей, особенно у тех, которых народ не долюбливает. Так, у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлеб и корм для скота, но и всю домашнюю утварь. Никаких избиений владельцев или других насилий крестьяне не производили. Каждый день приносились новые вести. Из экономии Дурново в Чутове, Войновке и Искровке забрано до 17 тысяч пудов пшеницы. Район, охваченный движением, быстро увеличивался. В Полтавском уезде крестьяне и казаки поднялись в Чутовской, Васильевской, Первозванской и Руновщанской волостях; в Константиноградском уезде во всех местах, прилегающих к Карловскому имению, занимающему свыше 58 тысяч десятин; в Харьковской губ., в Валковском и Богодуховском уездах, главным образом, в селении Ивановке, где крестьяне забрали с завода Молдавского до 30 тысяч пудов сахару. Брожение охватило не административный район, а местность с одинаковыми экономическими условиями. Большую часть этого района заняли крупные имения, вроде Карловки, имений Дурново и т. д. У окрестных крестьян ничтожные наделы, скудные заработки, почти полное отсутствие выпасов и т. д. Процент безземельных и малоземельных чрезвычайно высок.

Соседство больших экономий с «рациональным» хозяйством, с управляющими вроде Шейдемана, которые ведут по отношению к сельскому населению политику «выжимания всех соков», делает положение настолько тяжелым, что, по выражению крестьян, «хоть ложись, да помирай». В экономии Дурново, например, крестьянин может получить десятину под посев при условии обработать и снять хлеб с трех десятин и, кроме того, выходить на работу по первому требованию за плату, установленную управляющим. В страдную пору, когда цена поднимается до рубля, окрестное население должно работать по 30 коп. За выпас скота, мочку конопли и т. д. взимается, разумеется, особая плата. Все эти ненормальные, крайне тяжелые условия уже давно создали почву для глухого недовольства. Особенно тяжелым оказался настоящий год. Почти повсеместно урожай получился ниже среднего; кормовые средства оказались истощенными уже в средних числах января. Продовольственные и семянные ссуды, по уверениям крестьян, не выдавались новыми органами — уездными с'ездами. (Вероятно, чтобы не баловать народ.) Это полуголодное жалкое существование не могло породить довольства существующим порядком. Всякий слух, преломляясь среди невежественной и темной массы, принимал своеобразный характер. Достаточно было пустить хотя бы самый нелепый слух, чтобы возбудить движение. Роль возбудителя сыграли прокламации и брошюры, в которых ярко и выпукло обрисовывалось положение крестьян после «воли», мошенническое «освобождение» с выкупными платежами и «нищенскими» наделами и, наконец, современное безвыходное положение. Для руководства раздавалась краткая история Великой французской революции. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположения и догадки. Говорили, что царь бежал за границу и отказался от помещиков, что три года будет править наследник, и что теперь «их, мужиков, власть». Во многих местах составлены приговоры действовать единодушно. Среди всех слухов трудно разобраться. Упоминают о каком-то «манифесте» и о наделении крестьян по 6 десят. на мужскую душу. Между тем движение с каждым днем принимало все более и более стихийный характер. Никто не ожидал ничего подобного. Тревожные известия совпали с приездом в Полтаву ген.-губ. Драгомирова. После от'езда Драгомирова, в ночь с 28 на 29 марта, два батальона двинулись в Карловку, в имение «светлейших князей», и начались репрессии. «Гуманный» начальник губернии—Бельгард прибегнул к любимому средству наших администраторов—к жестокой и беспощадной порке... Число жертв пока неизвестно. На следующий день двинуты войска в Войновку, Чутово и другие села. Но движение не останавливалось. После выступления почти всех войск из Полтавы (два полка) получилось известие, что в Ковалевке, в 12 верстах от Полтавы, забирают муку на мельнице Трепке. За отсутствием других властей земскому начальнику Кованько даны две роты и неограниченные полномочия подавить движение. Отныне Кованько должен быстро пойти по лестнице возвышений, ибо не побоялся запятнать себя братской кровью для доказательства пре-

---

что они-то, Хлудовы, ели, пили, имели содержанок и пр., да получали бы «тыщи»...

Этим я закончу первую главу моей статьи. Во второй я постараюсь показать читателям собственно положение рабочих на торфяных болотах.

II.

Работа на торфяных болотах, как я уже сказал, начинается в первых числах мая. Работа тяжелая... Мужчины рабочие разбиваются на артели, и каждая артель выбирает себе старосту. Староста наблюдает за работой, за постановкой машины, заведует харчами и т. д. Вся артель делится на три партии, из которых каждая знает только свое дело, иногда впрочем меняясь местями с товарищами.

Первая партия, в 13—14 человек, копает торфяную массу и бросает ее в элеватор, который уже подает массу в пресс машины. Следующая партия—4 человека—занимается рубкой на кирпичи и приемкой уже готового выработанного торфа. И наконец третья, 12—13 человек, отвозит торфяные кирпичи (по 4 штуки на особой дощечке; таких дощечек на каждый вагончик кладут по 22 штуки) на место сушки и складывает там их в известном порядке.

Чтобы об'яснить нагляднее всю тяжесть этой работы, мы опять-таки обратимся к цифрам. Самая тяжелая работа у первой партии, которая копает торфяную массу. В среднем машина в день вырабатывает 30.000 кирпичей. Каждый кирпич по выходе из машины весит 29—30 фунтов. Если даже предположить, что кирпич весит только 25 фунтов, и тогда тяжесть, падающая на 13 человек, будет = 18.750 пудам, что для одного рабочего составит несколько более 1.440 пудов. Положим, такую страшную тяжесть рабочий должен поднять в течение 14 час. и по частям, но надо принять во внимание и ту силу, которую употребляет он на то, чтобы воткнуть лопату в массу, нагнуться, поднять, бросить и т. д., и мы увидим, что действительно работа громадная. Кроме всего этого, надо заметить и то, что рабочие этой партии всегда стоят в грязи, чуть не по колено в воде... Я не в силах изобразить всего того, что я видел, всю подавляющую картину этой работы, да притом еще так скудно оплачиваемой.

Работа начинается весною в 2—$2^1/_2$ часа утра, кончается в 9 — 10 часов вечера; летом (с 1 июля) в 3—$3^1/_2$ начало, а конец в 8—$8^1/_2$ и иногда в 9 час. Из этого числа рабочих часов надо исключить 5 часов на завтрак и обед. Таким образом чистый рабочий день весною=14 часам, а летом 13—$12^1/_2$... И это не ошибка...

данности «царю и отечеству». По рассказам очевидцев, две роты к вечеру с двух сторон подошли к Ковалевке и окружили крестьян, которые нагружали на повозки муку. Дети, подростки и бабы во дворе Трепке ловили кур, уток и другую живность. Кованько подошел к крестьянам и потребовал, чтобы мука была снесена в мельницу. Крестьяне продолжали свое дело; некоторые же окружили «земского», и ему пришлось отойти к ротам. В это время 8 крестьян, задержанные солдатами и оставленные в стороне под конвоем 4-х человек, были отбиты толпой, при чем один из крестьян получил удар штыком в область желудка. На предупреждение, что солдаты будут стрелять, если толпа не разойдется, крестьяне ответили, что нет такого закона, чтобы убивать православных. После двух предупреждений и выстрела в воздух произведен залп в толпу. К счастью, повозки послужили естественной защитой, иначе количество жертв было бы ужасающее. Убито на месте три человека и тяжело ранено два, из которых один на второй день скончался в Полтавском богоугодном заведении. У одного из убитых оказалось 12 ран, так что его буквально изрешетили. Менее опасно ранены 4 бабы и один мальчик. По слухам, число раненых значительно больше, но они скрываются. Следует отметить, что ни губернатор ни полиция (при одной роте находился пристав) не прибегли к этой крайней мере. В других местах идут усиленные экзекуции. Не довольствуясь кровавыми жертвами в Ковалевке 3 апреля, там же высекли 30 человек. Бьют суковатыми прутьями. После первых же ударов целость кожи нарушается. Бьют до потери сознания, отливают и вновь бьют. Бьют до смерти. Ударов не считают «кто сколько выдержит». В Валковском уезде губернатор Оболенский не уступает губернатору Бельгарду, который после выговора за «мягкое обращение» от опричника Сипягина рад показать свое усердие и преданность... Репрессалии в одном месте вызывают ужас и уныние, в других — озлобление. В Карловке после экзекуции крестьяне опять бросились в экономию. Туда вытребован целый полк из Харькова. Оттуда же прибыло в Полтаву 500 казаков, так как пехота не может угоняться за крестьянами. Одновременно с поркой приступлено к судебному следствию, которое передано следователю 1-го участка Тимофееву и трем кандидатам на судебные должности: Васильеву, Своехотову и Антонцу-Федьяновичу. Интересно, с каким чувством приступят они к производству судебного следствия под свист розог после кровавых убийств со стороны слишком ретивых и верноподданных слуг государя. 3 апреля, под председательством вице-губернатора и при участии городского головы Трегубова, жандармского полковника и др. лиц, состоялось совещание по вопросу об охране города на случай беспорядков. Результаты пока неизвестны. По слухам, главное внимание будет обращено на губернаторский дом и банки. Сегодня же, 5 апреля, состоялось другое, более интересное совещание, состоящее из всех уездных предводителей дворянства под председательством губернатора. Совещание должно высказаться о мерах для предупреждения и подавления брожения среди населения. Говорят, что предположено ходатайствовать о выселении всех «поднадзорных» из Полтавы и усилении репрессалий. Более целесообразных мер не могли придумать представители первенствующего сословия. Все эти события вызывают недоумения среди самых лойяльных слоев населения. Лишь некоторые из дворян-помещиков находят, что действия администрации не достаточно энергичны, что необходимо вешать «мерзавцев». На все события наброшен покров тайны, под защитой которого администрация чувствует себя неуязвимой. Попасть в район, охваченный движением, невозможно. Арестовывают всех подозрительных, т. е. не местных, жителей. Известия передаются шопотом, украдкой, а между тем факты требуют света, широкой гласности, и тогда «первенствующее сословие» узнало бы, что одни прокламации в крестьянской среде не сделали бы ничего и что дальнейшая политика репрессалий неизбежно должна привести к кровавому мщению со стороны крестьян... Только что получены сведения, что движение захватило Диканьскую волость и перешло в Зеньковский уезд. Признаки брожения обнаружены в Пирятинском, Прилукском, Хорольском и Лубенском уездах.

К приговору по делу о павловских сектантах.

Приговором суда по известному делу разрушения церкви в селе Павловках, 17 чел. оправдано, 49 признаны виновными. Из них 4 приговорены к тюремному заключению, 45 к каторжным работам. Моисей Жодосиенко и Григорий Павленко на 15 лет, 37 человек на 12 лет, 5 на

Я думаю, что цифры говорят за себя, и читатели представляют себе несколько (вполне можно иметь представление только на болоте, увидевши) работу мужчин на торфяных болотах. Обратимся к работе женщин.

Работа женщин состоит в следующем: 1) они должны просушить торфяные кирпичи, складывая их в известной формы клетки, 2) уборка уже высушенного таким образом торфа — складывание его в «штабеля» *. Сушка делится на три периода: а) сушка в «пятках» **, т. е. в клетках из пяти кирпичей. Эту работу исполняют почти везде малолетки — от 11 до 15 лет. При всех трех видах работы работающим задаются «уроки». На «пятки» дается сложить от 7 до 8 тыс. кирпичей на человека. Каждый кирпич надо поднять, перевернуть и уложить вместе с другими в известную форму, б) кладка пяти пятков в «малые клетки». Работают и взрослые. Урок от 6 до $6^1/_2$ тысяч, в) кладка пяти малых клеток в одну «большую». Урок от 5 до $5^1/_2$ тысяч. Работают только взрослые. Работа считается самою неприятною, требует большой ловкости и аккуратности и потому очень продолжительна. Чтобы опять-таки нагляднее показать работу женщин, укажу на работу «уборки» торфяных кирпичей в штабеля. Кладут штабель 14 человек, так называемая «рамка». Здесь работа распределяется так: 4 «уголки» кладут в стенки штабеля и углы (только взрослые, требуется знание), 2 «середницы» (от 15—17 лет) кладут середину штабеля и 8 таскалок (взрослые) подтаскивают торф из «больших клеток».

Возьму для примера работу таскалок. Каждой «рамке» на урок дается сложить два штабеля. Кирпич даже сушеный 2 недели весит почти $4^1/_2$ фунта, на болоте он сохнет всего 9—10 дней, потому вес его надо принять minimum 6 фунт., а отсюда в 15.000 кирпичах (штабель) весу — 2.250 пудов. Таким образом на одну «таскалку» за день придется $2250/8 = 562^1/_2$ пуда! Опять цифра невероятная, и опять скажу, что это действительно так. Работницы не замечают этого, но сами же говорят, что в штабель уходит корзин «сот семь с лишним». В каждую корзину «таскалка» кладет от 20 до 22 кирпичей. Двадцать кирпичей по 6 фунтов = 3 пуда. 2250 : 3 = 750 корзин. Ошибаются они только на 50 корзин. Грустно главным образом то, что они не

* Штабель имеет вид усеченной пирамиды. Кладется при помощи двух рамок, определяющих его форму и двух шнурков. Величина его = $5^1/_3$ сажен в длину, $1^1/_2$ саж. в ширину, высота бывает различна, но обыкновенно не более 2-х сажен. В штабель уходит от 15.000 до 17.000 кирпичей.

** В кавычках названия специальные, принятые на всех болотах.

8 и 1 на 4 года. Говорить о всех правонарушениях, беззакониях и той массе произвола, которым сопровождалось это дело, — мы не будем: всякому понятно, что при нынешних порядках иначе и быть не может. Нам лишь хочется обратить внимание на следующую подробность: защите не дозволено было видеться с подсудимыми и только уже в стенах суда ей было разрешено предложить им несколько вопросов и то в присутствии и при контроле властей. Если бы мы видели в этом факте только одно лишнее правонарушение, одно лишнее беззаконие, то не считали бы нужным его комментировать. Мы бы просто ограничились отметкой этого факта для памяти, чтобы он не забылся к тому времени, когда правителям России придется пожинать плоды того, что они такой щедрой рукой теперь сеют.

Но нам кажется, что в этом факте есть еще и другая сторона — интересная и поучительная с точки зрения уяснения отношения русского правительства к сектантству, как к политическому фактору.

Недопущение защиты видеться с павловскими сектантами ясно показывает, что правительство боится и всеми силами старается не допустить ознакомления русской интеллигенции с стремлениями, ожиданиями, надеждами и идеалами русских сектантов.

Ведь в настоящее время все это русской интеллигенции не только неизвестно, но хуже того: в большинстве случаев она имеет обо всем этом самое фантастическое, самое ложное представление. В общих чертах представление интеллигенции о сектантах сводится к тому, что сектантам важно и нужно одно «божественное» — «неземное», что они люди «не от мира сего».

Само собой понятно, насколько выгодно такое представление для правительства, ибо оно в корне подрывает всякую возможность сближения интеллигенции с сектантами, в особенности революционной интеллигенции. Правительство знает, что сектантство представляет из себя чрезвычайно благоприятную почву для восприятия революционных идей, и потому всеми силами старается о том, чтобы эта истина не стала известна революционерам. Преследование правительством так называемых «толстовцев» может быть об'яснено только с этой точки зрения. Ведь не за то же преследует правительство толстовцев, что они проповедуют греховность сопротивления ему насилием или любовь к его членам? Нет, правительство преследует толстовцев потому, что боится, в особенности боялось несколько лет тому назад, как бы они не послужили связывающим звеном между сектантами и революционерами; как бы через их посредство не произошло сближение и единение между теми и другими на почве политических интересов русского народа. Свободная, не стесненная беседа защитников с подсудимыми павловскими сектантами могла бы способствовать более правильному отношению к сектантству, как политическому фактору. Вот этого и не хочет допустить правительство, так как отлично понимает, какие это может иметь последствия.

Нам кажется, что русским революционерам не мешало бы обратить серьезное внимание на эти постоянные старания правительства и принять меры к тому, чтобы эти старания перестали увенчиваться тем полным успехом, каким увенчались до сих пор.

Штундист.

Гомель, 24 марта. В нашей тюрьме в одной камере сидят 32 человека, арестованные 4 месяца тому назад на одном собрании, несмотря на то, что больше 14 заключенных содержать в этой тюрьме не полагается. Положение заключенных ужасное. От чрезмерной тесноты и удушливого, спертого воздуха почти все они заболели, а у некоторых даже кровь из горла пошла. Шум и веселье, царившие прежде в этой камере, сменились тоскливой тишиной. «Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью, — пишут заключенные, — о, ужаснее нельзя себе ничего представить! Воздух тогда так удушлив, что мы еле дышим. Мы мечемся во сне во все стороны, мы не находим себе места. Один стонет, другой кашляет, у третьего — кровотечение из горла и т. д. Сердце разрывается на части от таких страданий»... Заключенные заявили начальнику тюрьмы, что их жизни грозит опасность в стенах этой тюрьмы; на это начальник ответил, что ничем не может им помочь и что его дело только стеречь их и не дать им бежать. Заключенные послали прошение местному жандармскому полковнику Власьеву, и в случае, если оно останется без последствий, они решили отправить 32 жалобы прокурору.

знают, какую работу они делают, они знают, что таскать 3-пудовую корзину «с непривычки» тяжело, но и только... Почти каждый день (в штабеля начинают класть с конца мая и до «отработки») перетаскивают на себе 560 пудов, да притом еще половину на так называемые «ходы» (подмостки на $1^1/_2$ арш. от земли). Женщин работа на торфяных болотах очень старит: в 30 — 35 лет работница выглядит совсем старухой.

Следовало бы этим работникам и работницам показать всю ту «хитрую механику», которую проделывают над ними эксплоататоры, давая им за такую адскую работу такую ничтожную плату.

III.

Плату рассмотрим сначала мужчин, а потом женщин.

Мужчины работают «сдельно». Артель за каждую выработанную 1000 кирпичей получает от 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. На болоте Хлудовых артель в первые года получала 1 р. 40 к. — 1 р. 50 к.; за последние же два года установили следующее. За 1000—1 р. 35 к. и кроме того $10^0/_0$ «награды» всем дожившим до срока (1 августа). Слово «награда» на рабочих подействовала ошеломляюще, они все стали доживать до срока (прежде из 9 артелей доживало 6, 7), почти не догадываясь о том, что плата стала даже менее прежней. Предпринимателям, конечно, это было на-руку... Вырабатывая по 35.000 в день, рабочие получали (на своих харчах) 51 р. 97 к. вместе с наградой. Даже при 40.000 выработке (что бывает очень редко) только 59 р. 40 к. на 30 человек. Полагая, что на харчи артель в день тратит (35.000) 15 р. 97 к. (рабочие должны при этой работе есть сравнительно хорошо, и действительно в харчах они себя не стесняют), чистой выработки остается 36 руб., т. е. по 1 рублю и 10 коп. (приблизительно) на человека. И это—плата за каторжный труд при 14-часовом дне! * За всю «походку» с 10 мая по 1 августа рабочий на болоте Хлудовых в 1900 и 1901 гг. получил от 80 до 85 руб. Это считалось, да и считается, «очень хорошим» заработком даже у рабочих. Действительно, за чистых $2^1/_2$ месяца (праздники исключены) 85 руб. кажется довольно, но это только кажется и кажется до тех пор, пока не узнаешь, какая это работа. Работающие на фабриках (торфяные болота, по-моему те же фабрики) вырабатывают за то же время гораздо меньше, но зато их работа и гораздо легче

* Надо еще заметить то, что артель в сущности состоит из 18—20 человек, остальные у артели на найме.

22 марта (ст. ст.) ночью на одной из главных улиц выстрелом из револьвера был ранен местный провокатор (виновник страданий вышеупомянутых заключенных). Пуля повредила ему лицо. Виновник покушения скрылся. Полиция арестовала по этому поводу двух заподозренных ею рабочих.

Кто подстрекает к террору?

Из прокламации Екатеринославского Комитета Партии заимствуем рассказ о новой тюремной голодовке, вызванной такими условиями заключения, которые являются неслыханными даже в российских тюрьмах.

«Уже семь суток в Екатеринославской тюрьме продолжается голодовка заключенных. Поймите же все, у кого мертвящее рабство не вытравило еще человеческое чувство, поймите, что значит медленная, мучительная смерть людей, полных сил и надежд. Несколько человек уже больны голодным тифом, а сколько еще унесет он в преждевременную могилу?

«Страшно думать об участи этих 75 самоотверженных людей! А разбойники, правящие нашей родиной, нагло смеются над ними и говорят: „зачем голодать, ведь тюрьма не дворец". Да, тюрьма и в Европе не дворец. Но разве полагается в тюрьмах делать заключенным женщинам позорные и оскорбительные предложения, — а у нас в Екатеринославе смотритель тюрьмы делает. Разве полагается в тюрьме не открывать форточки, — а у нас в Екатеринославе за такое требование конвой со штыками бросается на уголовных. Разве в тюрьмах полагается площадная ругань заключенных, говорить им „ты", бить их,— а у нас в Екатеринославе надзиратели и начальство ежечасно поступают так. Разве полагается за каждую малость, за то, что не стоишь на вытяжку перед начальством тащить заключенного в карцер, в темный подвальный карцер, держать в нем человека по 20 дней и обливать его холодной водой, — а у нас в Екатеринославе часто случается это. Наконец, разве полагается лишать всех заключенных прогулки на 2 недели, лишать на такое же время права покупать хлеб и чай, а у нас в Екатеринославе применяют к ним это.

«Ведь при таких унижениях и оскорблениях заключенные все равно теряли человеческое достоинство, все равно медленно чахли. И потому правы, тысячу раз правы они, когда решили лучше сразу умереть, чем позволить над собою упражняться палачам в жестокости.

«И вот лежат заключенные в своих камерах с лихорадочно блестящими глазами, в сильном жару или бреду, обессиленные, измученные страданиями от семидневного голода!

«Но чаша страданий их еще не испита. К наиболее стойким из заключенных сам начальник тюрьмы принес обед и, улыбаясь, заявил: „Я знаю, что вы не станете есть его, но хоть понюхайте, как вкусна пища; помучьтесь, видя ее перед собой". Заключенные в негодовании выбросили на пол всю пищу и за то были брошены в карцер. Глубоко возмущенные этим их товарищи разбили окна в камерах и порезали себе руки. Тогда здешний помпадур, „герой" 2 демонстраций, граф Келлер велел принести пищу всем заключенным, а когда они отказались принять ее, то сиятельный подлец громко высказал сокровенное намерение правительства: „никаких уступок, смерть всем заключенным".

«Всю свою жизнь боролись заключенные за свободу и счастье русского народа и общества; их сердца были всегда переполнены страстной ненавистью к рабству и деспотизму, и вот награда им за все это. Кто поддержит их на краю гроба, кто вырвет их из рук бесчувственных тиранов! Русское общество, русский народ, к вам обращен предсмертный взор этих благородных борцов. Очнитесь от гипноза, который навеян на вас рабством, идите на улицу, скажите смело и открыто, как сказали в Полтаве на демонстрации перед тюрьмой: „Довольно страдали, слишком много, мы требуем человеческого обращения с заключенными, мы требуем освобождения всех политических заключенных, мы требуем политической свободы!".

Екатеринославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Тюремные голодовки происходят все чаще и чаще, служа показателем усиливающейся тенденции властей мучить попавших в их руки заключенных. Кроме известных читателю «Искры» голодовок в Петербургской и Полтавской тюрьмах, недавно происходила еще голодовка в Московской Бутырке. Петербургская голодовка

(сравнительно, разумеется), да и по времени она не так продолжительна.

Женщины живут на жалованье. Взрослые (беру опять болото Хлудовых) получают с мая месяца до окончательной уборки торфа * 24 рубля жалованья и 10% награды, т. е. 26 р. 40 к. на хозяйских харчах (взрослый), малолетки на тех же условиях 13 и 14 рублей. Кроме жалованья, почти на всех болотах бывают так называемые «денежные» штабеля, т. е. сверхурочная работа за особую плату (кладут их после дневных уроков и по праздникам). За каждый денежный штабель рамка (14 чел.) получает обыкновенно 2 р. 50 к., т. е. почти по 18 к. на человека. На болоте Хлудовых 2 р. 64 к. (2.40 + 10%) — почти по 19 к. ** на человека. Это за 3-часовой труд, да еще в праздничное время! На других болотах, напр. у Викулы Морозова, работницы получают по 5 руб. в месяц (тоже на хозяйских харчах). Это, конечно, лучше для работниц, но дело в том, что у Викулы Морозова и работа кончается 15 августа, так что ему действительно выгоднее платить помесячно. Кроме жалованья, у Морозова «дают» каждое лето на 20 и больше рублей денежных, но для того, чтобы «заложить» 20 рублей, на долю каждой работницы приходится около 100, даже более сверхурочных штабелей, так что у Морозова для работниц почти не бывает свободного времени, в то время как и у Хлудова работницы после 4 часов дня уже совсем свободны.

Так как женщины вообще более бессловесны, а работницы на торфяных болотах в особенности, то этим гг. эксплоататоры пользуются очень широко. Работницы «обязаны», кроме работ по уборке торфа, тушить случившиеся пожары, убирать «хозяйское» сено, работать при постройках зданий на болоте и пр. Все это делается после уроков и, разумеется, бесплатно. В 1901 г. на болоте Хлудовых работницы в течение трех дней и трех ночей (буквально) дежурили на пожаре... и не получили за это ни копейки. До каких пор будет продолжаться подобное бесправие, затрудняюсь сказать, но думаю, что долго и потому долго, что среди рабочих очень редко бывают протесты и вообще они наружно своею судьбою довольны... Но все же протесты бывают, и мне приходилось их видеть или от рабочих слышать о них.

* Если август дождлив, то торф последней выработки убирают уже в конце сентября, так что здесь время работы зависит вполне от погоды, что для работниц очень невыгодно.

** На болоте Хлудовых денежных штабелей дается класть меньше, чем на других болотах, обыкновенно на 3 — 4 рубля в лето для каждой работницы.

стоила, повидимому, жизни одному заключенному—врачу Соболеву, который свезен в больницу в состоянии, подававшем мало надежды на выздоровление. Но подвиги русских инквизиторов идут дальше доведения заключенных до р и с к а самоубийством. Мы получили подтверждение сообщенного уже в нелегальной печати известия о том, что арестованный на прусской границе с транспортом литературы нашей «Лиги» рабочий еврей (к сожалению, мы не знаем фамилии погибшего товарища) на второй же день по заключении в тюрьму в Вилькомире найден повесившимся. Доведен ли наш товарищ до самоубийства жестокими истязаниями или он з а м у ч е н и м и д о с м е р т и, а потом повешен, как это, очевидно, произошло не так давно с лодзинским рабочим Я. Пакула,—во всяком случае, смерть его знаменует новое преступление царской полиции.

Делом чести всех недовольных существующим строем является энергичными протестами з а с т а в и т ь самодержавие обуздать разнузданное рвение своих холопов. Не надо забывать, что истязания политических заключенных сыграли в 70-х годах большую роль в факте перехода революционеров к т е р р о р и с т и ч е с к о й борьбе. Мы, социал-демократы, сделаем все возможное, чтобы не допустить такого поворота в современном революционном движении, который означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей. Но наши усилия удержать движение на почве массового народного движения могут увенчаться успехом лишь в том случае, если рабочие и интеллигенция будут внимать призывам, подобным тому, который сделан екатеринославскими товарищами, и покажут правительству, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах борцов.

К и ш и н е в. Приводим полностью сообщенный нам документ, показывающий, как готовилась (и может быть продолжает готовиться?) местная администрация к «встрече весны»:

«Его Высокоблагородию Г-ну Ротному Командиру —ского Пехотного Полка Отношение. Предлагаю В. В. назначить роту в 32 ряда для подавления могущих возникнуть в городе беспорядков. Находиться в ведении г-на полициймейстера. Выступать по приказу. Действовать решительно и ни пред чем не останавливаться. Каждому нижнему чину иметь 15 боевых патронов и 1 веревку. Действие сего отношения простирается до 1 апреля с. г. Комендант (подпись). Кишинев, февраль 1902 г.».

Интересно бы знать, сколько теперь по всей России «рот» и сколько «рядов» стоит в полной боевой готовности (с боевыми патронами и с веревками) для сражения с народом?

П р а в и т е л ь с т в е н н ы й ю б и л е й.

Правительство праздновало недавно 100-летие присоединения Гродненской губ. Местный «Рабочий Комитет» выпустил (на русском языке) по этому поводу прокламацию к обществу, из которой приводим некоторые выдержки:

«За весь этот вековой период народ этого края остался на той же чуть не варварской ступени экономического развития: он до сих пор ходит в лаптях и носит чуть не допотопную одежду, он так же грязен, так же некультурен, так же темен, если не принимать во внимание той псалтирной грамотности, от которой он не становится ни умнее, ни культурней, так же политически угнетен и экономически порабощен; край наш стонет под бременем налогов, военщины и исключительных законов, что промышленное его развитие тормозится бездной правительственных стеснений по мобилизации земельной собственности, благодаря поддержке отсталых форм промышленности и стеснению промышленной инициативы; население края деморализовано чисто восточной подкупностью и моральной низостью властей, городское еврейское население постепенно доводится до крайней степени обеднения благодаря ненормальной скученности и бесправию, святейшие чувства оскорбляются бесцеремонностью заушений, местные интересы в полном пренебрежении, благодаря нашествию совершенно посторонних элементов, чуждых пониманию запросов края, земская жизнь нормируется еще екатериновскими законами; вынося на своих плечах тяжесть содержания войск, край в нознаграждение за столь огромную услугу не только лишен даже тени самоуправления, но еще будет подвергнут татарскому нашествию земских начальников».

IV.

Рабочие мужчины живут, как я уже сказал, на своих харчах. Харчевая лавка держится на болотах или самими хозяевами, или его управляющим и т. п. Отпускают харчи, конечно, на запись. Наживаются от этих лавок хозяева их ужасно. Рабочие волей неволей принуждены забирать в «этой» лавке, потому что брать со стороны и неудобно, да и редко кто отважится отпускать в течение 3 месяцев в кредит. Гг. владельцы лавок пользуются этим и назначают цены, какие им вздумается, конечно, в известных пределах. На одном из болот г. лавочник увлекся и повысил цену на капусту до невероятных размеров, уверяя рабочих, что капуста в «городе» вздорожала. Рабочие терпели, но, к счастью, узнали, что вздорожание капусты в городе басня сочинения г. хозяина. Зашумели и потребовали немедленного расчета. Лавочник хозяин испугался и стал отдавать капусту «себе в убыток», но записи за прежде взятую остались, разумеется, те же, и в общем убытка для него никакого не оказалось. На другом болоте рабочим почти все лето отпускали несвежую говядину и солонину. Рабочие смолчали, но при найме на следующий год «указали» на это обстоятельство довольно энергично и добились того, что уже больше ничего подобного не делалось.

Еще причиною протестов бывает, по крайней мере на Хлудовском болоте было в 1898 г., низкая цена, и рабочие дважды уходили в самое горячее время (конец июня и начало июля) с работы домой. Такой вид протеста бывает очень ощутителен для предпринимателей, и они его очень боятся. На Хлудовском болоте и была придумана пресловутая «награда» с тою целью, чтобы так или иначе удержать рабочих на болоте.

Женских протестов почти не бывает, но я еще до сих пор очень хорошо помню один случай, бывший на том же Хлудовском болоте в 1898 г., который окончился, надо сказать, очень печально и отчасти комично. В предыдущем 98 г. 24 июня (праздник Ивана Купала у рабочих почитается) не работали. Многие из работниц, живших в 98 г., пришли и в 99 г., они, разумеется, помнили про этот праздник. Приказчик, не ожидая, конечно, сопротивления, по каким-то ему одному известным причинам, п р и к а з а л, накануне 24 июня 99 г., «завтра работать». Работницы, против всякого ожидания, возмутились и решили «завтра» на работу не ходить. И действительно не пошли, нашлись среди них (125 человек) энергичные женщины, которые уговорили других более робких не итти. Приказчик бесился, добивался «чье это дело», но безуспешно. Стачку впрочем выдержали не все, и одна рамка пошла «с повинной». Свирепый при-

«В тот момент, когда презренные бюрократы, чуждые понимания местных интересов и запросов народа, будут провозглашать тост за прочность системы, мы тоже поднимем тост — двойной тост — за ее уничтожение и за укрепление народного самосознания. Раз правительство введением военного положения признает в народе своего внутреннего врага, мы крикнем свое первое ура! с тем, чтобы второе ура! крикнуть в момент начала военных действий. Время единения царя с народом миновало безвозвратно, правительство в этом убедилось, нам остается только оправдать предчувствия правительства и собраться в рать великую для борьбы за уничтожение царизма с чиновничеством и водворение европейских демократических норм жизни, чуждых бесправия, беззаконности, бездны стеснений и заушений. Да здравствует свобода и самоуправление!!!».

Г. Гродно, 1 января 1902 года.

Гродненский Рабочий Комитет.

В ХРОНИКУ КУРЬЕЗОВ.

Приводим с сохранением орфографии и стиля письмо солдата к своему товарищу, учащемуся в средне-учебном заведении.

Из письма унтер-офицера лейб-гвардии Павловского полка к своему товарищу:

...«Новаго у нас много относительно такиг господ, как вас, кто все законы знает. Студенты разных университетов, гимназисты и топорники, т.-е. техники 3-го сего года (в Марте) в час ночи на выборгской стороне С. П. Б. студенты зделали зверской поступок, взбунтовались и во время их усмирения зарезали одново городового, а 4-го марта в 12 час. дня на одном из главных проспектов петербурга т. н. Невский у казанскаго собора собрались много студентов, когда их стали просить чтобы они разошлись, то они выкинули свои флаги и знамена с надписью Освобождение от Русскаго Белаго царя. Но бросились бежать к гостинному двору, где путь им был загражден моментально прибыли казаки жандармы 2 эскадрона и Л. Гв. Павловский полк начали усмирять но били без всякого стеснения как самых важных преступников, всего забрали 600 студентов, одного студента убили наповал, сына полковника Беляева, жандарм, который убил шашкой от государя получил личное спасибо. да еще было раньше 8-го февраля в одном из театров т. н. Народный Дом Императора Николая II на петербургской стороне после гуляния около часа ночи собралась музыка на средину низа для того чтобы играть гимн Боже царя храни, половина уже была сыграна, а потом повалились сверху 3-го этажа кумпола железные столы тубаретки диваны, много поранили бедных гуляк, а особенно солдатищам попало, а посторонняя публика вся выбегала раздетая. Напустили дворников и полицию и чуть не всех изувечили, но они главное разбили серебряный бокал из каториго пил государь при открытии театра. теперь их вышибают из университетов и ково куда ково в сибирь на сахалинь в тюрму и большому денежному взысканию штрафа и на амур в солдаты, а нам конечно обидно, неужели и мы служим по неволе и для исправления. жестоко оскорбляют громкое звание солдата и мы ругаем все высшее правительство».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Из Батума. 31 января, в 8 час. утра, рабочие завода Манташева (около 400 человек) бросили работу из-за того, что управляющий завода Тер-Акопов рассчитал одного рабочего за то только, что последний разговаривал во время работы с товарищами. Рабочие решили, что после этого каждый из них каждый день может быть рассчитан. Кулак-управляющий призвал на помощь полицию. Полиция пустила в ход кулаки и нагайки и арестовала 112 человек. Несмотря на это, рабочие твердо держались; не повлияли на них ни угрозы, ни сладкие обещания, ни нужда, которую они терпели, — они заявили, что не пойдут на работу до тех пор, пока не будут освобождены их товарищи. Через неделю полиция выслала

казчик извинений принять не пожелал. На другой день прибыл управляющий, сказал оробевшим «бабам» грозную речь и за строптивость и «действие скопом» лишил виновных чаю, ситного и лапши * на будущее время. Затем добавил, что «отныне» работы урочные отменяются, а будут продолжаться весь день. Конечно, это была нелепость, которую г. управляющий, что называется, «сбрехнул», и уроки остались те же, но лапши и пр. действительно два воскресенья не выдавали. Так грустно кончился этот — «бабий бунт», а все же могли бы сказать они: «на Иванов-то день мы не работали, значит, даже и мы, коли вздумаем, можем кое-что сделать».

«Хозяйские харчи» сплошь да и рядом выдаются на болотах работницам отвратительные ** и очень скудные, но Хлудовское болото в этом случае поступает лучше других, там харчи хорошие. Впрочем за последнее мною проведенное там время, лето 1901 г., я был свидетелем, как работницам довольно часто «сплавляли» из лавки негодное к употреблению.

Мне остается сказать еще несколько слов о помещениях для рабочих и работниц. Почти везде помещения не выдерживают даже снисходительной критики. У Хлудовых, например, в мужских и женских бараках устроены страшно холодные и очень скверные цементовые полы. У Викулы Морозова одно время женское помещение помещалось в двухэтажном здании, при чем наверху были спальни, а внизу кухня. Нечего и говорить, что подобное совмещение неудобно во всех отношениях и, главным образом конечно, в пожарном.

На этом я закончу. Я знаю, что мой очерк не полон, слаб, цифры даны приблизительно, но он правдив, как изображение вообще жизни рабочих, а это по-моему самое важное и именно то, что я ставил себе задачей. Моею целью было показать читателям жизнь этих забытых тружеников, достиг я это или нет, судить не мне. Я не даю никаких указаний, как выйти из этого положения, это не в моих силах, но я все же надеюсь, что долю известного участия, интереса и сочувствия к рабочим на торфяных болотах я возбудил, а для меня и этого довольно...

[Л. Мартов]

---

* Эти три вещи выдавались по праздникам, как лакомство.

** На одном из болот (я слышал это от работницы) хозяин целое лето кормил «манной кашей». Причиной этому было то, что у него откуда-то скопилось много манной крупы.

целую партию рабочих в деревни. Но рабочие на третий день же вернулись в Батум и опять потребовали немедленного освобождения своих товарищей. Сам Манташев (хозяин завода), терпя большие убытки от забастовки, решился ходатайствовать об освобождении арестованных. Но полиция заупрямилась, говоря, что в таком случае незачем было просить об аресте их. 17 февраля, после того как приехал фабричный инспектор, всех арестованных освободили, кроме двух. 18 февраля рабочие начали работать (приняли всех), так как требования их удовлетворили: обеденный перерыв увеличили с одного часа до 1½ час., управляющего Тер-Акопова и других собак мастеров по требованию рабочих уволили. Кроме того, обещали освободить остальных двух рабочих и за все время, которое рабочие не работали, с 31 января по 18 февраля, заплатили сполна.

В это время на другом заводе Ротшильда рабочие узнали, что директор этого завода Ванштейд отдал распоряжение рассчитать старых рабочих (около 420 чел.), как лиц, по его мнению, неблагонадежных. Тогда 28 февраля все рабочие этого завода (около 1.500 ч.), кроме рабочих лесного заводского склада, где работают преимущественно турки, забастовали. Второго марта рабочие принудили бросить работу машинистов, кочегаров и рабочих электрического отдела и приостановили этим налив керосина из резервуаров в наливные проходы, которые отвозят керосин за границу. 4—5 числа рабочие принудили прекратить работы в материальном складе, где работают татары. 6 числа рабочих позвал для об'яснения приехавший военный губернатор. Он выслушал рабочих, распорядился по-военному: «Если завтра не явитесь на работу, тогда приму строгие меры». Рабочие, конечно, не явились и тогда с 7 на 8 число было арестовано и посажено в тюрьму 32 чел. Охранять завод пришла полиция, которую поместили в склады и конторы. 8 числа рабочие, числом около 600 человек, собрались и в 1 ч. дня пошли с пением революционных песен по главным улицам города по направлению к тюрьме, где сидели арестованные товарищи. Дорогою к ним присоединились многие из публики. Придя к тюрьме, они потребовали, чтобы всех арестованных освободили или, в противном случае, арестовать и их. Полиция пыталась разогнать толпу, но безуспешно. Во время столкновения один рабочий был ранен. Тогда полиция, убедившись что силою ничего не поделаешь, пустилась на хитрость: арестованных освободили и стали просить рабочих возвратиться домой не через город, а через двор пересыльной части. Рабочие наивно доверились и пошли по указанию, а там в засаде их ждали две роты солдат, которые, напав на рабочих, загнали их в казармы без сопротивления со стороны рабочих. На другой день к пересыльной части пошла толпа рабочих около 400 чел. Дорогою к ним пристало много городской публики. Когда толпа подошла к зданию пересыльной части, произошло столкновение с солдатами. Из толпы, которая была ожесточена до глубины души поступком с их товарищами, полетели в солдат камни и грязь. Тогда по команде командира солдаты сделали залп в безоружную толпу. Толпа рассеялась, но на месте остались один убитый рабочий и 19 раненых. Из них вскоре умерло еще 9 человек. А сколько еще помрут, ибо поранения тяжелые—в живот! Из Тифлиса вытребованы еще 4 роты пехоты, 2 сотни казаков и 2 сотни стражников (чафары). Завод охраняется солдатами. После всего этого на всех заводах города и в Русском и в Российском обществе рабочие прекратили работу. Их примеру последовали «дрогали» (ломовые извозчики) и другие извозчики.

Тула. Местная группа социал-демократов выпустила следующее воззвание, помеченное мартом 1902 г.:

«К о в с е м т у л ь с к и м р а б о ч и м. Товарищи! Посмотрите, что делается кругом! Со всех сторон несутся вести о безработице: по всей России сокращают производство, фабрики и заводы закрываются, рабочих рассчитывают и сотнями выбрасывают на улицу. Тысячи наших голодных товарищей бродят от фабрики к фабрике, не находя себе работы. Нужда все растет; и чем дальше, тем наше положение становится отчаяннее. Нищета и голодная смерть носятся в рабочих семьях...

«Безработица и голод в то время, как магазины ломятся от хлеба, целые вагоны, нагруженные с'естными припасами, отправляются за границу, товары не распродаются! В рабочих семьях дети сидят без куска хлеба, в деревнях крестьяне умирают и пухнут от голода, а во дворце Николай со своей челядью пирует на народные деньги!

«Причиной наших страданий, товарищи, является, прежде всего, устройство нашего общества, в котором кучка богачей пользуется всеми благами мира, ничего не делая, остальные же несут каторжный труд за грошевую плату. Капитал — это бездушный идол, в жертву которому мы приносим свое здоровье, свою жизнь, радость и счастье. Для фабриканта мы — машины, необходимые для получения прибыли. Без нас фабрикант не может существовать, но лишь только мы ему стали не нужны, нас выбрасывают на улицу, как ненужный хлам. Фабрикант не знает ни жалости, ни сострадания. Товарищи! где же справедливость? Тунеядцы живут и наслаждаются, а мы, руками которых создаются все богатства, должны умирать с голоду на улице! Неужели у вас не поднимется чувство негодования против всех тех пиявок, которые сосут вас со всех сторон?

«Фабриканты — наши враги, поработители и мучители. И если мы не хотим вечно оставаться в рабстве, вечно жить в нищете и невежестве, мы должны бороться со своими врагами. Многие из вас, быть может, скажут: „Так было, есть и будет — сила солому ломит". Да, товарищи, верно, что фабриканты — сила, для борьбы с которой мы должны тоже противопоставить свою силу. А сила наша— в об'единении, в дружном товарищеском союзе. Наши товарищи за границей раньше нас поняли это и давно уже вступили в борьбу со своими угнетателями, соединившись в боевые товарищеские союзы. И своей неустанной борьбой они отвоевали себе лучшую долю. Нет ни одного государства в Европе, кроме Турции, где бы рабочему жилось так плохо, как у нас в России. Товарищи! Мы живем под двойным гнетом: кроме фабрикантов, у нас есть еще не менее злой враг, который не дает нам сплачиваться и бороться за лучшее будущее. Подобно китайской стене, перед нами стоит царское правительство с его штыком и нагайкой. Оно — лютый враг рабочего люда, и пока мы не разделаемся с ним, невозможна будет никакая успешная борьба за улучшение нашей жизни. Товарищи, безработица теперь не только в России — наши товарищи на Западе тоже переживают тяжелое время; но нигде нет такой нужды, как у нас. Прежде всего потому, что мы — безгласные, забитые рабы царского правительства. Нас бьют нагайками, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь за всякую попытку улучшить свое положение. Тысячи борцов за свободу — рабочих и их друзей — томятся в тюрьмах, рудниках и снежных пустынях Сибири; они страдают только потому, что не хотели мириться с своим бесправием и жить в рабстве. Мы позволяем царскому правительству обирать нас всевозможными налогами и поборами, а сами не знаем, куда идут наши деньги. Правительство пользуется нашей безгласностью; на наши деньги задаются пиры и балы для потехи царя и его опричины, содержится миллионное войско, нужное для защиты интересов богачей и правительства, последние крохи выколачиваются из пухнущих от голода крестьян для содержания целой своры жандармов, шпионов и полиции. Наше бесправие дошло до того, что мы не смеем заявить правительству, что нам нечего есть, и готовы лучше сидеть по домам и умирать с голоду. По всей Западной Европе рабочие во время безработицы тысячными толпами выходят на улицу и требуют у правительства помощи. Правительство боится этих грозных сборищ безработных и удовлетворяет их требования. Выборные от народа заявляют правительству о народных нуждах и заставляют его оказывать поддержку безработным. У нас же нет выборных от народа, а государственная власть находится в руках царя-деспота и целой орды царских чиновников, произвол которых не знает границ.

«Правительство держит народ во тьме и невежестве, стараясь всеми силами не пускать луч света в народную массу. Оно знает, что достаточно народу сознать свое бес-

правие, как рухнет царский трон, а с ним придет конец царству кнута и нагайки. Правительство не пускает хорошей книги в народ, запрещает писать правду, отчего плохо живется на Руси, запрещает писать о голоде и безработице, не пускает хороших людей в деревню, искренно желающих помочь голодающему народу, называя их бунтовщиками. Правительство желает передать школы в руки попов, которые умеют так хорошо замазывать глаза народу разными баснями, ссылаясь на бога.

«Товарищи, политическая свобода для нас есть вопрос жизни и смерти. Она необходима нам, как свежий воздух для дыхания. Только низвергнув царя с его опричиной, мы сможем успешно бороться за лучшее будущее. Наши товарищи в других городах России уже поняли свое бесправное положение и дружно выступили на борьбу с царским правительством, требуя себе прав и свободы. Товарищи, примыкайте же и вы к тесной семье рабочих, заявляйте правительству, что и вы не хотите больше быть безгласными рабами, требуйте низвержения царского правительства, которое мешает вам бороться за лучшую долю.

«Товарищи, пользуйтесь теперешним временем. Наше правительство бьет тревогу и прибегает к последним средствам, чтобы оставить за собою власть, обагренную кровью. Оно издает циркуляр за циркуляром, старается заткнуть все форточки, все щели, в которые может проникнуть свободная мысль. Правительство чувствует себя непрочным и хочет силой задавить поднимающееся со всех сторон возмущение. Негодование против царского правительства растет во всех слоях русского населения: все живое, мыслящее, все, что способно чувствовать гнет и ненавидеть произвол — рабочие, литераторы, студенты, пробуждается, и близок тот момент, когда все недовольные восстанут, как один человек, и бурное пламя революции охватит всю Россию. Товарищи, пользуйтесь же временем, чтобы пред'явить свои требования царскому правительству. Товарищи-безработные, выходите толпами на улицу и требуйте себе хлеба и работы. Требуйте созыва выборных от народа.

«Долой самодержавного царя, жандармов и полицию. Требуем хлеба и работы. Да здравствует борьба за политическую свободу!».

Завод Брянский (Орловской губ.). С приездом нового директора Андерсона (в августе 1901 г.) администрация нашего завода стала очень и очень экономить; начала увольнять рабочих, желая сберечь копейки, но эта скаредность сейчас же очень тяжело отозвалась на рабочих, так как благодаря ей произошли несчастные случаи, описанные в № 15 «Искры».

Между прочим несчастие с двумя рабочими, обваренными расплавленным чугуном (один из них умер, промучившись около суток, а другой до сих пор тяжко болен), произошло потому, что была уволена часть слесарей, занимавшихся обсечкой краев опок и их пригонкой, и вот при отливке изложницы расплавленная чугунная масса в 250 п. весом, прорвавшись между неплотно пригнанными краями верхней и нижней опоки, хлынула наружу и залила двух рабочих. Рабочие буквально плавали в чугуне.

С февраля месяца нынешнего года стали сбавлять расценки и начали с вагонного цеха, сбавив расценки в половину, что и заставило рабочих забастовать в числе 400 человек.

Забастовка продолжалась со 2-го по 6 февраля, и рабочим удалось на половину уменьшить сбавку. Как еще наивны наши брянские рабочие, видно из того, что первым долгом после уменьшения расценок они пошли жаловаться приставу, и этот господин, очевидно, усвоивший «новый курс», из'явил полную готовность помочь рабочим и призывал всякие беды на голову заводской администрации. Кончилось дело тем, что 70 человек из стачечников было уволено и из них 20 человек старых рабочих, которые не должны бы быть уволены, так как остались поступившие позднее их: очевидно, рассчитаны они как зачинщики.

1 марта в конторе механического цеха было секретное заседание мастеров (2) и подмастерьев (6) этого цеха, под председательством директора. На этом совещании решено было сбавить расценки. Надо заметить, что двое из участвовавших отказались сбавлять расценки; один из них мотивировал свой отказ тем соображением, что у него «одна голова на плечах», а другой заявил, что, по его мнению, расценки и так низки, и просил лучше перевести его в рабочие, чем заставлять уменьшать расценки. В результате этого заседания с 4 марта расценки сбавили от 4-х до 40%. В 5 часов вечера в этот день 200 человек рабочих механического цеха, преимущественно молодежи, бросили работу, подошли к конторе и стали жаловаться на своего подмастерья заведывающему механической мастерской, требуя его замены.

Начальство струсило и очень скоро уступило, были оставлены старые расценки и назначен новый подмастерье для производства расценок; но старый все-таки был оставлен для наблюдения за работой. Здесь необходимо отметить, как легко уступает наша заводская администрация, как она труслива и как много, сравнительно, могли бы добиться от нее брянские рабочие, если бы проявили больше смелости, настойчивости и солидарности в защите своих интересов.

Надо сказать, что всю зиму настроение на заводе было очень тревожное. Волнение вызывалось, с одной стороны, увольнением рабочих, начавшимся с осени и продолжавшимся всю зиму. С другой стороны — заводская администрация *, желая, вероятно, сразу отделаться от значительного числа рабочих, упорно распространяла слух, что на заводе будет бунт, и назначила даже день 19 марта.

Настроение рабочих было такое напряженное, что «достаточно было бы бросить пустую бумажку, чтобы молва превратила ее в целый воз прокламаций».

Сколько-нибудь широкий призыв к стачке непременно закончился бы бунтом. В течение зимы раза три на заводе была разбросана брошюра «Заработная плата», каждый раз экземпляров по 50.

8 марта утром по мастерским было разбросано до 800 экземпляров брошюр «Кто чем живет», «Заработная плата» и номеров «Искры». Это страшно перепугало заводское начальство и полицию **. Начались обыски и аресты, перерыли весь Брянск, при чем преимущественно искали у евреев, так как на брошюрах была пометка «Бунда».

Тверь. На Вагоностроительном заводе французского анонимного общества в конце февраля были волнения из-за предполагавшегося изменения порядка работ. Прежде работали от 7 часов утра до 7 часов вечера, а под праздник с 7 часов до 5 час., при 2-часовом перерыве; а перед 1 марта директор завода Белоножкин (которого еще в 1899 г. избили рабочие в Екатеринославе) вывесил об'явление, что работа будет кончаться на ½ часа раньше, но зато и перерыв положен был только в 1½ часа. Руководствовался он при этом соображениями «экономии» на освещении огромных заводских зданий в сумерки, но, как видно, не прочь был «сэкономить» и на заработке рабочих, заставляя их накануне воскресений и праздников работать на полчаса больше. Но вышло не так, как ему хотелось: рабочие кузнечного и слесарного цехов поднялись, как один человек, двинулись к конторе, настояли на своем — и Белоножкин уступил. Теперь все тихо, но вряд ли такое настроение долго продержится: после сильного пожара — осенью 1900 г. — завод долго работал при неполном комплекте; теперь усиленно принимают новых рабочих и — сбавляют расценки.

---

* Между прочим для характеристики директора Андерсона приведем следующий факт. Как-то к нему пришла женщина с мальчиком и просила взять его на работу, ссылаясь на свою бедность, на что Андерсон цинично заметил: «Ты еще молода, я первый полтинник дам; на улице любому предложи, не откажется — еще можешь заработать».

** Губернатор, бывший в это время на ревизии в Брянске и 9-го числа собиравшийся на завод, отложил свою поездку.

В конце же февраля произошли волнения на Тверской Рождественской мануфактуре Берга. Началось дело с того, что в среду на масляной рабочие всех отделений фабрики заявили администрации о своем нежелании работать в пятницу, ссылаясь на пример Морозовской фабрики, где работа кончается в четверг. Директор отказал наотрез. В четверг утром рабочие повторили свое требование и, получив вторичный отказ, заволновались. Раздались жалобы и на другие фабричные непорядки: на низкие расценки, запрещение пить чай в мастерской, запрещение отлучаться в рабочие дни из фабрики даже в больницу, или для венчания, или на похороны, — на дурное отношение к женщинам со стороны директора и мастеров и т. д. Решили бросить работу. Сперва бросила ее часть ткачей, потом пристали остальные ткачи и ткачихи (всех ткачей 200 человек, ткачих 1.300 человек), но прядильщики изменили уговору и остались в мастерской. Ткачи двинулись к прядильной, чтобы прервать работы, но у дверей их встретила кулаками полиция, заготовленная еще с вечера. Била она зверски, а сопротивлявшихся тащила в участок. Но, несмотря на ее охрану, после обеда к ткачам пристала половина прядильщиков и катушницы.

Явился г. фабричный инспектор; ему пред'явили разные жалобы.

Выслушивать их он не стал, сказав, что «не в жалобах дело, а в том, что они должны опять стать на работу». Скоро ткачи опять остались одни. Под вечер небольшая их кучка собралась у ворот фабрики. Полиция немедленно стала их разгонять, арестовала одного, но товарищи отбили и, в свою очередь, основательно поколотили ретивых царских слуг. Особенно досталось усердному не по разуму приставу Знаменскому. Вечером многие из ткачей раз'ехались по деревням, а ночью появилось об'явление за подписью вице-губернатора и фабричного инспектора, приглашавшее явиться на работу в пятницу и грозившее увольнением в случае неявки. Эти об'явления полиция ночью разносила по квартирам, а из казарм гнала утром насильно на работу. Кто не шел, тех забирали в участок. Несмотря на все эти старания, из ткацкого цеха вышли на работу всего 20 женщин, и администрация фабрики невольно принуждена была уступить: с 8 часов фабрика остановилась на праздник. Кончилось дело тем, что почти всех ткачей рассчитали, а обратно на работу принимали только женщин.

При расчете в фабричной конторе рядом с директором заседал полицмейстер Киреевский и на все протесты рабочих заявлял неизменно: «Не твое дело рассуждать! если я тебя высылаю, то и сам директор не может принять тебя обратно!».

Действительно, рассчитанным пришлось получить деньги и паспорта в волости. Видно, лишний раз хотели показать рабочему, что слуги царя и фабриканты всегда заодно.

На Тверской мануфактуре Морозовых с мая прошлого года сбавляли расценки, и — особенно среди ткачей—шло глухое брожение. В начале марта начали циркулировать и на фабрике и среди тверской интеллигенции слухи о готовящейся стачке. Назначали даже срок ее — 20 марта. Подлежащие ведомства, разумеется, всполошились и проявили чрезвычайную деятельность. Везде зашныряли городовые и жандармы: фабричный пристав (он же обер-сыщик) Подольский приставал ко всем встречным рабочим с расспросами, не знают ли они что-нибудь о стачке (sic!)...

Наконец, в ночь с 18-го на 19 марта был произведен ряд обысков среди намеченных рабочих, но ничего не нашли.— Стачка места не имела (по решению самих рабочих), и сейчас все тихо, но глухое брожение продолжается.

Российские события этого и прошлого года не прошли бесследно для тверских рабочих, и можно было бы привести ценные факты, доказывающие, что сознание враждебности интересов самодержавия и пролетариата и необходимости борьбы за политическую свободу проникает и в здешнюю рабочую среду, но по «внешним обстоятельствам» рассказ об этом приходится отложить до другого раза.

Гомель. Недавно здесь была стачка 35 работниц на тряпичной фабрике Ловьянова, продолжавшаяся почти 2 недели. Они требовали сокращения рабочего дня, удаления одного приказчика и некоторых других облегчений. Часть этих требований удовлетворена.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БЕЛЬГИЯ.

Конгресс Социалистической Партии.

30 и 31 марта (нового стиля) происходили в Бельгии заседания годичного конгресса Бельгийской Социалистической Партии (17-й со времени основания). Впрочем, еще накануне (20 марта) собрался в Брюсселе же конгресс кооперативных обществ. Оба эти конгресса тесно связаны один с другим, а потому я остановлюсь немного на первом из них.

Кооперативное движение в Бельгии имеет характер, совершенно отличный от того, который придан ему в других странах, в особенности в Англии. Для англичан кооперация представляет ценное учреждение просто как средство улучшить положение рабочих, давая им возможность покупать все нужные для них продукты лучшего качества и по более дешевой цене. При таком взгляде на кооперацию она не имеет ничего общего с социализмом, отвлекает даже от социализма, направляя все внимание рабочих на возможность улучшения их положения путем образования кооперативных обществ и чуть не обещая все решение социального вопроса этим мирным путем. Неудивительно поэтому, что многие буржуазные экономисты верно оценили значение такой кооперации как средства отвлечения рабочих от социализма и изо всех сил стараются пропагандировать это движение.

В Бельгии дело обстоит совсем иначе. Для бельгийских социалистов кооперативы важны, главным образом, как средство об'единения рабочих в социалистическую партию. Правда, помимо социалистических кооперативов в Бельгии существует очень много и таких, которые не принадлежат ни к какой партии, которые на манер англичан видят в потребительных и производительных обществах только средство, позволяющее рабочим и мелкой буржуазии улучшить условия жизни, дав им возможность покупать за более дешевую цену лучшие доброкачественные товары. Но такие «нейтральные» кооперативы далеко не играют той роли, как социалистические. Один из первых пунктов устава всякого бельгийского социалистического кооператива говорит, что членом его может быть только лицо, признающее программу Бельгийской Рабочей (Социалистической) Партии. Всякий такой кооператив входит в состав партии, уплачивая в партийную кассу членские взносы за всех своих членов. Таким образом всякий член социалистического кооператива делается членом партии. А так как кооперативы приносят своим членам много выгод, то число членов, вводимых в партию, очень значительно. Но кроме этого, кооперативы оказывают другие громадные услуги партии. Каждый кооператив владеет обыкновенно домом, специально предназначенным для целей партии. Вокруг такого кооператива, как пчелы вокруг улья, группируются все другие учреждения партии: рабочие союзы, кассы взаимопомощи, рабочие лиги, кружки пропаганды и самообразования,

певческие и музыкальные общества и т. п. В помещении кооператива они устраивают свои собрания, там же хранятся их знамя, их архивы, тут же получается и вся корреспонденция на имя общества. При многих больших кооперативах имеются библиотеки, доступные для всех членов партии.

Всякое социалистическое потребительное общество управляется лицами, избранными собранием членов и находящимися под контролем собрания. При всякой крупной стачке или во время избирательной агитации социалистические кооперативы выдают всегда партии или стачечникам денежные субсидии для борьбы. Вообще же потребительные общества являются таким могучим орудием в руках бельгийских социалистов, что за последнее время бельгийские католики, составляющие самую реакционную партию в Бельгии, поняли удобство этого оружия и решили воспользоваться им сами в борьбе с социалистами. Они также начали устраивать свои кооперативы, завлекая в них еще недорослих до социализма рабочих и, главным образом, невежественных крестьян.

В этих католических кооперативах все заведывание делами находится обыкновенно в руках католических попов, имеющих большое влияние на крестьян. А если в городах рабочие и имеют право избирать сами администрацию, то избрание это совершается всегда под бдительным надзором попов и фабрикантов - католиков, принуждающих рабочих избирать угодное и удобное для них лицо. Происходит нечто подобное тому, что творится у нас в Москве на собраниях рабочих механического производства или в Независимой Еврейской Рабочей Партии, где роль попов исполняют жандармы и шпионы.

Несмотря на то, что мысль о тесной связи, которая должна существовать между потребительными обществами и социалистической партией, признавалась всеми делегатами последнего конгресса, многие ораторы заявляли, что кооперативы должны еще больше работать в пользу партии, приносить ей возможно большие жертвы. «Кооперативное общество,—заметил один из ораторов:— должно быть прежде всего орудием социалистической пропаганды». Слова эти были покрыты единодушным одобрением всего конгресса.

Заседания конгресса партии происходили в так называемой «зале празднеств» брюссельского кооператива (Maison du Peuple), который наравне с гентским (Voornit) составляет гордость Бельгийской Социалистической Партии.

Конгрессу предстояло решить чрезвычайно важный вопрос о тактике в начатой уже в настоящее время бельгийскими социалистами борьбе за всеобщее избирательное право. Важностью этих вопросов и об'ясняется многолюдность конгресса: участвовало около 700 делегатов, представлявших 478 групп партии.

В самом начале конгресса делегат Трокле (депутат от Льежа) предложил конгрессу выразить свое сочувствие и пожелание успехов в борьбе русским социал-демократам, ведущим трудную борьбу против царизма. Предложение было принято при аплодисментах всего собрания. Другой делегат предложил, при всеобщем смехе, переслать это приветствие через посредство гражданина Мильерана. Наиболее интересным и важным было второе (послеобеденное) заседание конгресса, на котором обсуждались вопросы о тактике социалистов в борьбе за всеобщее избирательное право, о распространении избирательных прав на женщин и о пропорциональном представительстве при выборах. — До 1893 г. в Бельгии существовала система выборов, основанная на довольно высоком цензе, так что только небольшая часть населения могла принимать участие в выборах депутатов. После долгой и упорной борьбы, сопровождавшейся целым рядом манифестаций и закончившейся всеобщей стачкой, при чем рабочие всех промышленных округов двинулись было на Брюссель, чтобы там силой добыть себе избирательные права, реакционное католическое министерство должно было уступить.

Между партиями состоялся компромисс, и в Бельгии была введена так называемая система множественных вотумов (vote plural). При этой системе все граждане, достигшие 25 лет, имеют право голоса, но лица, имеющие недвижимую собственность, за которую платят известный налог, отцы семейств, лица, окончившие курс в высших учебных заведениях, имеют дополнительные голоса. Таким образом при этой системе громадное большинство рабочих, не имеющих никакой недвижимой собственности, имеет только один голос, крестьяне и мелкая буржуазия имеют по два голоса, крупная же и средняя буржуазия имеет даже по три голоса (а при выборах в городские и провинциальные советы даже по четыре голоса). Такой порядок, конечно, очень невыгоден для рабочих - социалистов и очень выгоден для католиков, опирающихся, главным образом, на крестьян и буржуазию. И действительно, при первых же выборах в палату депутатов 1894 г. католики получили громадное большинство (более 100 депутатов), социалистам удалось провести 29 депутатов, либералы же были почти совсем вытеснены из палаты: их осталось менее 20 депутатов. И только введение пропорционального представительства (в 1899 г.) поправило их дела. Вот несколько цифр, приведенных социалистическим депутатом Вандервельдом в его речи в палате депутатов 14 февраля при обсуждении законопроекта о введении всеобщего для всех избирательного права при выборах в городские и провинциальные советы.

В пригородах Брюсселя 1.620 рабочих при выборах в палату депутатов имели 1.771 голос и 1.642 нерабочих имели 2.596 голосов, т. е. 100 рабочих имеют 110 голосов и 100 буржуа — 183 голоса. В «Haut-Fayt» 100 рабочих имеют 113 голосов и 100 нерабочих — 239 голосов. В «La Hulpe» 100 рабочих имеют 124 голоса, 100 нерабочих — 216 голосов и в «Pâturage» 2.466 рабочих имеют 3.319 голосов и 439 нерабочих— 919 голосов. В «La Louvière» 385 рабочих имеют 480 голосов и 115 нерабочих—280 голосов.

При такой системе выборов социалисты после своей первой победы при выборах 1894 г., при всех своих усилиях, могли очень мало увеличить число своих депутатов в палате, несмотря на то, что социализм сделал с того времени громадные успехи. Таким образом перед бельгийскими социалистами встала необходимость во что бы то ни стало добиться отмены множественных вотумов и введения в Бельгии всеобщего и равного для всех избирательного права. Решение это было принято ими на конгрессе в Льеже в прошлом году. Социалистам пришлось начать борьбу при очень неблагоприятных обстоятельствах. Прежде всего они были почти совсем одни. Их союзниками были только прогрессисты (партия радикальной буржуазной демократии). Все же умеренные

либералы относились даже враждебно к начатой ими борьбе. По всей стране был организован целый ряд собраний, на которых ораторы-социалисты раз'ясняли народу, как несправедлив и невыгоден для него существующий закон, при котором один богатый буржуа имеет столько же силы и значения, что 3 или 4 рабочих. Мало-по-малу им удалось создать в стране настолько сильное движение в пользу пересмотра конституции, что скоро у них стали появляться союзники в борьбе. Одними из первых присоединились к ним так называемые католики-демократы: небольшая партия, пытающаяся найти решение социальных вопросов в демократическом толковании христианства. Как умные и практичные люди, бельгийские социалисты знают, что в борьбе с противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всеми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазию. Вначале либералы и слышать не хотели о введении всеобщего и равного для всех избирательного права, но движение приняло такие внушительные размеры, что они стали побаиваться потерять многих своих избирателей на предстоящих в мае этого года выборах в палату депутатов, если будут так же враждебно или даже равнодушно относиться к начатой социалистами борьбе. С другой стороны, уничтожение множественных вотумов поведет за собою падение реакционного католического министерства, и либералы далеко не прочь принять это наследство. Но несмотря на заманчивость такой перспективы, либералы, скрепя сердце, соглашаются отказаться от своих избирательных привилегий и робко и неохотно один за другим переходят в ряды защитников реформы, обставляя свой переход целым рядом оговорок и ограничений. Такая робкая, неуверенная, полная уступчивости политика либералов еще более оттеняет мужественную борьбу социалистов, не побоявшихся, когда они были совсем одиноки, начать борьбу, в которой, как они не раз заявляли, они «пойдут до конца, не останавливаясь ни перед чем».

Этот великий революционный дух бельгийских рабочих был в прошлом причиной их побед. Он и в будущем спасет их от все сильнее и сильнее проникающего в партию бернштейнианства. Трудность борьбы усиливается еще тем, что в Бельгии в настоящее время свирепствует страшный промышленный кризис. Повсюду имеются массы безработных, что делает всеобщую стачку очень трудной и едва ли возможной. И несмотря на это, на конгрессе делегаты от угольного округа Боринажа заявили, что они не остановятся перед стачкой и пойдут в Брюссель добывать себе свободу.

При таких трудных обстоятельствах помощь либералов становится еще нужнее. Католики с своей стороны употребили все усилия, чтобы помешать соглашению между социалистами и либералами. С этой целью они выдвинули на сцену вопрос о распространении избирательных прав на женщин — реформу, которая вписана в программу бельгийских социалистов, но которой решительно не хотят либералы и прогрессисты. Бельгийская женщина до сих пор стоит еще на очень низком уровне развития, находясь почти всегда (часто даже в социалистических и либеральных семьях) под сильным влиянием католических попов. Социалисты, правда, ведут пропаганду среди женщин, но ведут ее гораздо слабее, чем среди мужчин и, надо сознаться, что на этой почве до сих пор они сделали еще очень мало. На этой почве католики и вздумали раз'единить социалистов и либералов. Часть католиков заявила, что они согласятся дать Бельгии всеобщее и равное для всех избирательное право только с условием распространения этого права и на женщин, рассчитывая увлечь за собою социалистов. Либералы ответили, что они никогда не согласятся на такую реформу. А при этих условиях никакое изменение конституции было бы невозможно. И вдобавок если бы было принято предложение католиков, то католическое большинство в палате было бы упрочено на много лет благодаря голосам женщин, которые в большинстве случаев подавали бы голоса за католиков. Среди социалистов мнения разделились по вопросу о расширении избирательных прав на женщин. Одни из них (Вандервельде, Дени и друг.) настаивали, что нужно поддерживать это предложение, так как оно внесено в программу партии, так как рано или поздно социалисты привлекут женщин-работниц на свою сторону. Другие, указывая на реакционное католическое министерство, говорили, что женщины помогут ему удержаться у власти и еще долгое время отуплять страну при помощи попов. Впрочем, скоро социалисты поняли, что «женский вопрос» возбужден католиками единственно с целью испугать либералов, вызвать раскол среди социалистов и провалить таким образом в палате предложение о пересмотре конституции. Выяснению этого много помог отказ католиков дать право голоса женщинам при выборах в городские и провинциональные советы. В палате католики голосовали против этого законопроекта, предложенного социалистами. Поняв хитрость католиков, социалисты решились отказаться временно от распространения избирательных прав на женщин и сосредоточить все свои усилия на достижении, в союзе с либералами, всеобщего избирательного права для мужчин. Либералы с своей стороны поставили социалистам условия: 1) социалисты должны при пересмотре конституции голосовать против расширения избирательных прав на женщин, 2) внесение в конституцию пропорционального представительства при выборах в палату депутатов. Сверх того они изо всех сил настаивали на том, что социалисты не должны ни в каком случае прибегать к революционным средствам в борьбе за избирательную реформу. Что касается первых двух вопросов, то социалисты, после долгих обсуждений по группам, решили согласиться на оба требования. В этом смысле и внес на конгресс предложение генеральный совет партии. Что же касается средств в борьбе, то они заявили, что от всей души желают мирного решения вопроса, но если министерство не уступит, то они не отвечают ни за что, так как при всем желании не в силах удержать народ, требующий реформ. Конгрессу предстояло обсудить эти вопросы и высказать по ним окончательное решение. В том, что необходимо сделать либералам требуемые ими две уступки, сходились все члены конгресса. Но многие ораторы упрекали генеральный совет партии в том, что в своем предложении он недостаточно оттеняет принципы партии, ее революционность. «Мы должны показать своими прениями либералам,— сказал в блестящей речи один из лучших ораторов партии Дестре:— что мы делаем им громадные уступки, взамен которых мы требуем от них, чтобы они не изменили нам в борьбе за всеобщее избирательное право. Но пусть они знают,

что мы не отказываемся ни от одной буквы своей программы. Мы только временно откладываем ее применение. Что же касается требования о применении только мирных средств, то мы должны сказать либералам, что, обращаясь к нам с таким предложением, они ошиблись адресом. Мы никогда не можем отказаться от своей революционной тактики, в особенности когда мы имеем дело с правительством, вся сила которого основана на избирательных злоупотреблениях. Сверх того, пусть знают либералы, — закончил он свою речь, — что первой реформой, которую мы потребуем после избирательной реформы, будет установление 8-часового рабочего дня». Приняв предложение генерального совета, конгресс в закрытом (не публичном) заседании приступил к выработке средств борьбы с правительством. Все принятые постановления по этому вопросу постановлено не опубликовывать из конспиративных соображений. Во всяком случае борьба начнется немедленно после открытия заседаний палаты (8 апреля), и уже теперь можно предвидеть, что борьба будет очень бурная. Несмотря на страшно неблагоприятные условия (промышленный кризис), бельгийские социалисты уверены, что победа будет на их стороне. Революционный дух бельгийских рабочих представляет их самое могучее оружие в предстоящей борьбе. Но наряду с этой чертой, при обсуждении целого ряда других вопросов, можно было заметить и другую характерную черту бельгийских социалистов: это необыкновенная слабость их в теории. Недостаток этот был завещан им основателем партии Ц. де-Папом, прошедшим через анархическую школу и до конца сохранившим многие полу-анархические воззрения. Бациллы новой «модной болезни» — бернштейнианства, попадая на эту больную почву, заметно начинают развиваться в партии. Завоевание всеобщего избирательного права увеличит силу бельгийских социалистов в палате, и соединенное либерально-социалистическое министерство, о котором уже мечтают многие члены партии, станет возможным. Тогда и должна разгореться та борьба «Горы с Жирондой», этот «кризис в социализме», который уже раньше предсказывал Плеханов в своем письме из Брюсселя («Искра» № 15). Но в этой борьбе единственным оружием в руках Горы может быть революционный «ортодоксальный марксизм». Поэтому настоятельно необходимым является в Бельгии возникновение «ортодоксальной» группы, которая поставила бы себе целью борьбу с все более развивающимся в Бельгии бернштейнианством и министериализмом.

[Н. Мещеряков]

От редакции.

Корреспонденция была уже набрана, когда принявшее открыто революционный характер бельгийское движение внезапно прекращено решением генерального совета партии. К всеобщей стачке уже примкнули 400.000 рабочих, но правительственное большинство в парламенте не уступило этому давлению и отвергло предложение социалистов и либералов о пересмотре конституции. В ответ на этот отказ последовало приглашение генерального совета партии прекратить стачку и отсрочить новый штурм на буржуазное государство. Можно только сожалеть о том, что столь блестяще начатая бельгийскими товарищами кампания закончилась такой (конечно, временной) неудачей. Откладываем до следующих №№ рассказ о ходе борьбы бельгийских рабочих.

ИЗ ПАРТИИ

В органе Петербургского Комитета Партии «Рабочей Мысли» в № 13 сообщен был текст «договора», заключенного между этим Комитетом и петербургским отделом «Искры». Ко времени опубликования в «Рабочей Мысли» этого договора наши петербургские товарищи сообщили нам, что соглашение их с Петербургским Комитетом считается ими не существующим, так как Комитет не желает выполнить те условия договора, которые не подлежат опубликованию и которые, по их словам, были оговорены во время переговоров о соглашении. В виду этого обстоятельства мы просили Петербургский Комитет считать опубликованный им договор расторгнутым и не настаивать на его соблюдении при тех — хорошо известных Петербургскому Комитету — условиях, когда беспристрастная проверка всех обстоятельств, сделавших возможным недоразумение в толковании заключенного договора, для нашей организации стала невозможной.

В настоящее время Петербургский Комитет в № 14 «Рабочей Мысли» заявляет, что расторгает пресловутый договор и «снимает с себя всякую нравственную ответственность за последствия этого расторжения», при чем указывает на те специально выдвинутые нашими петербургскими товарищами требования, неудовлетворение которых заставило их отказаться от организационного слияния с Комитетом. Последний заявляет, что требования наших петербургских товарищей (присоединение одного из их группы в Центральный Комитет Союза и в редакцию «Рабочей Мысли») противоречило бы основным принципам всякой организации, почему Комитет не мог их одобрить.

Договор, заключенный между Петербургским Комитетом и отделом нашей организации, подлежал расторжению по желанию одной из договаривающихся сторон. Следовательно, с формальной стороны петербургские члены нашей организации были вправе поступить так, как поступили. Поэтому совершенно непонятна нам апелляция Петербургского Комитета к публике: публика ведь не может знать мотивов, побудивших петербургский отдел «Искры» настаивать на особых гарантиях того, что его слияние с Комитетом не будет означать для него обязательства нести ответственность за такие шаги Комитета, которые противоречат принципам нашей организации. Всякий опытный человек знает, что требование, кажущееся Петербургскому Комитету столь неслыханным, выдвигается только в тех случаях, когда нет надлежащей уверенности в полной принципиальной солидарности договаривающихся сторон. Направление организации «Искры» достаточно определенно и не заявило себя какими-нибудь шатаниями. Пусть Петербургский Комитет проявит достаточно твердости и постоянства в деле следования принципам революционной социал-демократии, и он может быть уверен, что местные члены нашей организации войдут в его ряды без особых гарантий, как это и бывает в других городах. До тех пор непонятные для посторонних жалобы на то, что отдел «Искры» сначала подписал соглашение, а после поставил новые условия, могут содействовать только затемнению действительного положения дел и всего менее способствуют тем мирным, союзным отношениям между работающими в Петербурге членами нашей организации и Комитетом, которые мы всегда считали и теперь считаем вполне возможными и желательными.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Выехала партия из Московской Пересыльной тюрьмы в субботу 23 марта в 3 часа ночи в количестве 15 чел. и одной, добровольно следующей за мужем. До утра кружили по запасным путям. В 7 час. утра с товарным двинули на Тулу. Вечером на ст. Протопопово прицепили к поезду № 4, вышедшему из Москвы в субботу в 3 часа дня.

Партия состоит из:

1) Бабков, Владимир, 3 года Вост. Сибири.
2) Бонч-Асмоловский, Анатолий, 5 лет Степн. Края.
3) Бонч-Асмоловский, Иван, сын предыдущ., 4 года Степн. Края.
4) Вигдорчик, Натан, 3 г. Вост. Сибири, с ним жена и дочь.
5) Волошкевич, Сергей, Западн. Сибирь до приговора.
6) Гольдблат, Арон, 3 г. Вост. Сибири.
7) Жирмундский, Цадик, 3 г. Вост. Сибири.
8) Карасик, Файвель, 3 г. Вост. Сибири.
9) Лалаянц, Исаак, Вост. Сибирь до приговора.
10) Музыкант, Берке, 3 г. Вост. Сибири.
11) Покровский, Павел, 3 г. Степн. Края.
12) Сладкопевцев, Михаил, Вост. Сибирь до приговора.
13) Урицкий, Моисей, 8 лет Вост. Сибири.
14) Хатьков, Мовша, 3 г. Вост. Сибири.
15) Эпштейн, Герша, 4 г. Вост. Сибири.

Гольдблат, Музыкант и Хатьков — ковенцы, идут охранным порядком за стачку, малосознательные, отношения к революционному движению не имели, подавали на высочайшее имя прошение о помиловании.

Охранным порядком идут №№ 1, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14 и 15.

По высочайшему утверждению №№ 4, 8, 13.

Имеют еще дело, ведущееся жандрамским порядком № 1, 8.

У №№ 5, 9, 12 дело находится в Петербурге в мин. юст. или в мин. внутр. дел.

С тем же поездом за свой счет едет в Якутскую область на 5 лет инженер Попов, Владимир.

Арестованы: в Курске — статистик Н. А. Никитин. В Щигровском уезде земский учитель Масленников. По распоряжению Курского губернатора удалены от службы учителя Соловьев и Ахрамовский (последний после обыска и незаконного ареста).

Кишинев. Из числа арестованных 8 февраля выпущены 2 марта: 1) Годлевский с женой, 2) Капцан, 3) Барг, 4) Батушанский, 5) Броско, просидев без обвинений 3 недели.

Остались еще: 1) Розенблюм (бывш. ссыльн.), 2) Маня Школьник (работница), рабочие: 3) Арон, 4) Хаим, 5) Шлемка, 6) Беленький (приказчик), 7) Бронтман, старик 60 лет, 8) Баневур — учитель.

Говорят, что некоторых отпустят на-днях.

Сюда приехал из С.-Петербурга чиновник из департамента полиции, чтобы разобраться в здешних делах.

Брянск. Арестованы 10 человек, из них называют: Семена Нудельмана (рабочий—выпущен), Степанова (конторщик — арестован 2-ой раз), Быковцева (типографщик), Носоводову и Шемяцкую (швеи); обыски были у военного доктора Гуровича, у нескольких гимназисток, у вольноопределяющихся (обыскали между прочим солдатские казармы) и у многих евреев-ремесленников.

В Бежице (Брянский завод — тож) арестованы: Тихон Нудельман (рабочий), Вас. Ив. Федосеев (рабочий), Мелихов, Карасев (бывш. студент ветер.) арестован, кажется, главным образом за то, что на танцевальном вечере, устроенном им для рабочих, назвал шпионом Ивана Николаевича Почадзе, начальника дворового цеха и обершефа всех заводских сыщиков. Затем арестован К. Антонов (рабочий), единственная вина, кажется, та, что у него нашли и отобрали карточку Горького. Через два дня арестован Марков (рабочий).

В Воронеже 1 апреля арестованы: Карпов, Любимов, Коростенков, Кардашев, Махновец, Бутковский и Губарева, последние 4-го выпущены без вызова на допрос.

В Уфе было 8 обысков, 2 ареста: Бойков и студ. Сазонов.

В Ярославле в ночь на 13 апреля произведено много обысков, несколько человек арестовано, фамилии арестованных известны только 3: Тучитский, Пресниченко, Кузнецов; был обыск у писателя Е. Н. Чирикова.

В Киевскую тюрьму привезены:

Из Петербурга: Степан Радченко, инженер, Люб. Радченко, Сокольский, инженер, Казанцева.

Из Москвы: ветеринарн. врач Бауман, Меерсон, Ногин; девицы: Рукина, Уварова, Санина, Сипатовская.

Из Вильны: портной Тарсис.

На границе арестованы: Блюменфельд и Фишман.

В Нижнем-Новгороде выпущены все, кроме Сисина, но 4 апреля вновь взята Софья Доброхотова; 11—12 апр. взяты: наборщик Гордеев, Сазонов (швейцар в ред. «Волгаря»), торговец Большаков, студ. Малицкий, Федосеев и др.

В Херсоне в ночь на 20 марта было 12 обысков, арестованы: студ. Шах и Приветов и раб. Линцер, последний через 2 дня был выпущен.

В Ростове. Последнее время арестованы 7 чел.: Корявин (раб.), Коносов (раб.), Шпакины (муж и жена с ребенком, инт.), Серебряков (бывш. студ.), Ананов (бывш. студ.), Рафаилов (бывш. студ.).

Из села Богучаны, Енисейского уезда, бежал товарищ Михаил Даргольц и благополучно прибыл за границу. Даргольц, арестованный в марте 1898 г. в Одессе по делу Южно-Русского Рабочего Союза, был сослан в Сибирь на 4 года.

В Белостоке большие аресты в конце марта.

Рига. (От организации Латысшк. социал-дем.).

В ночь 12—13 марта (стар. ст.) была у нас облава. Обыскали человек сто. Из латышей арестовали: студентов Н. Куршевиц, И. Гринберг, Е. Лекис; конторщик Анскеневиц; писатель И. Шмитс; бывш. студенты: И. Азарс, И. Бернманс, А. Фрейбергс, Е. Бульманс, К. Зутис, Х. Розентальс; учительница Лекис, Рипас, лавочник Меднис.

Взято еще несколько лиц, имена которых пока неизвестны.

Были обыски у сотрудников «Deenas Lapas»: у доктора К. Баллодс, Видиньш и др.

Было взято много евреев, о фамилиях которых сообщат позднее.

Нас просят огласить следующий позорный факт:

«Просим огласить следующий факт. Бежавший в 1899 г. из Вятской губ. Бауман (ветеринарный врач, служивший в Саратовском земстве в 95—96 г.), удачно скрывшись от преследований шпионов, попал случайно в совершенно незнакомую местность, село Хлебное, Задонского уезда, Воронежской губ. Измученный голодом и продолжительной дорогой пешком, он решил обратиться за содействием к самому интеллигентному представителю деревни, к земскому врачу Валериану Вележеву. Продолжать путь пешком не представлялось возможным, так как городской костюм обращал всеобщее внимание, кроме того Бауману не удалось в течение суток встретить человека, который мог указать на ближайшую станцию железной дороги. Явившись к Вележеву, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и попросил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа, и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск. Вначале было решено препроводить Баумана этапом в Вятскую губ., в место прежней его ссылки. Так он проследовал до Уфы. В Уфе его задержали и отправили в Киев. Теперь он сидит в Киевской тюрьме. Арестован он был 10 февраля».

Долг сослуживцев Вележева наказать предателя открытым выражением презрения.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Тульской Группой Социал-Демократической Рабочей Партии получено от Г. И. 100 руб.

Заграничной Лигой Русской Революционной Социал-Демократии получено:

Из Льежа 53 фр. Через Кольцова: от Женевской группы 48 фр. 50 с.; из Вены через В. 10 кр.; из О. (из головы) 5 руб.; из Н. от одного из I. 500 — 5 руб.; за валенки 2 рубля.

Из Брюсселя 44 фр.; от «Русского Социал-Демократического Общества» в Нью-Йорке 15 долл. за литературу; из Петербурга — от М. О. С. — 150 руб.; специально пожертвовано для «Искры» через Союз Борьбы 50 руб.; за литературу через Гом. 50 руб.; от Киевского Комитета 100 руб.; от Башкирки 100 руб.; от О. В. 10 мар.

Цюрихской группой собрано в пользу жертв всеобщей стачки в Бельгии 28 фр. 65 с.

Через Плеханова получено 22 франка, собранных на рабочем собрании в Шо-де-Фоне, во время реферата доктора Н. Васильева.

Письмо от Ѣ получено. Пишите чаще.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Балмашев, С. В. — член боевой организации партии с.-р., убивший 2/IV—1902 г. министра внутренних дел Сипягина (см. прим. 2 к № 15 „Искры“). Балмашев был казнен 3 мая 1902 г.

Прим. 2. Карпович, П. В. — студент, член боевой организации партии с.-р., убил 24/II — 1901 г. министра народного просвещения Боголепова (см. «Искру» № 2, стр. 42, ст. «Отдача в солдаты 183 студентов» и «Искру» № 3, стр. 51, «Из нашей общественной жизни»). К. отбыл несколько лет тюрьмы, после 1905 г. был амнистирован и отправлен в ссылку, откуда удачно бежал за границу. Погиб в 1917 г., возвращаясь после Февральской революции в Россию на пароходе, потопленном германской подводной лодкой.

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 21 1 ИЮНЯ 1902 ГОДА № 21

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [1].

(Выработанный редакцией «Искры» и «Зари».)

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою Партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает кроме того предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляют собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам

эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и экслоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1. Самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям.

3. Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

5. Свободу передвижения и промыслов.

6. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии и расы.

7. Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

8. Предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

9. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

10. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

11. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, Партия требует:

1. Ограничения рабочего дня 8-ю час. в сутки для всех наемных рабочих.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-летнего возраста.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождение рожениц от работы в течение 2 недель до и 4 недель после родов.

7. Установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста.

8. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.

9. Выдачи государственной пенсии престарелым рабочим.

10. Увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков и браковкой товаров.

11. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.

12. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих

наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей.

13. Распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных.

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15. Запрещение предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.).

16. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

17. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Партия будет добиваться:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие.

2. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

3. Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев - дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или в том случае, если земли переходили из рук в руки,—выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном Крае и в других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

* * *

Нам нечего здесь распространяться о том, каково значение программы в деятельности политической партии. Только об'единенная общей программой, партия может вести планомерную и плодотворную работу в интересах дела, которому служит; только формулировав в стройной программе свое общее социально-политическое мировоззрение и пред'являемые ею к современному обществу политические требования, партия пролетариата может вести глубокую и успешную пропаганду революционного социализма и внести об'единяющую струю в широкое народное движение против существующего строя. Без политической программы нет еще, строго говоря, политической партии, имеются на-лицо только элементы слагающейся партии.

Русское социал-демократическое движение, так неудержимо-широко разлившееся за последние годы и в силу этой самой широты своего развития пережившее так много внутренних кризисов, — русское социал-демократическое движение уже давно стоит перед неотложной задачей действительного партийного об'единения. Не решив этой задачи, оно рискует потерять уже завоеванную им позицию в русской общественной жизни — к невыгоде как для интересов пролетариата, так и дела русской свободы.

«Прежде чем об'единиться, нам необходимо сначала размежеваться», писала «Искра» $1^1/_2$ года назад при первом своем выступлении перед читателями. Появившись в момент одного из самых глубоких внутренних кризисов, переживавшихся нашим движением, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый план задачу подготовления элементов единства в нашей партии путем идейной борьбы за очищение пролетарского движения от всех чуждых, историческими судьбами привнесенных в него, элементов.

Поскольку упомянутый идейный кризис, переживавшийся движением, начинает, видимо, приходить к концу, поскольку логика революционной борьбы сильнее логики печатного слова внедряет в сознание временно-забытые истины революционной социал-демократии, постольку мы можем надеяться на близость окончательного об'единения партии. И мы думаем, что процесс выработки партийной программы сам по себе сделает многое для этого окончательного об'единения.

Программа партии должна выражать коллективную мысль партии. Это значит, что в выработке ее должны принять участие все действующие группы партии. И обсуждение предлагаемого проекта в разных группах и кружках должно послужить прекрасной школой политического воспитания для местных деятелей.

Печатая свой проект, мы рассчитываем на то, что каждый социал-демократический комитет, каждый рабочий кружок, каждая примыкающая к социал-демократии группа интеллигентов сочтут своим долгом обсудить его и в той или иной форме определить свое отношение

к нему. Мы просим товарищей не медлить с этим делом, ибо на II с'езде партии, необходимость созыва которого при нынешних обстоятельствах может представиться каждую минуту, программа партии должна быть утверждена.

Все критические замечания, проекты поправок, резолюции и т. п., присланные в нашу редакцию, будут, по мере возможности, печататься в «Искре» или «Заре», все же, не нашедшее себе места в печати, будет нами представлено на II с'езд партии.

В ряде статей в «Заре» и в «Искре» мы рассчитываем дать подробную обоснову предлагаемого нами проекта.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Есть такие признаки, по которым знакомый с историей человек безошибочно может заключить о неминуемом и близком наступлении коренного общественного переворота. Для эпохи, когда старый крепостнически-самодержавный строй идет навстречу своему разрушению, таким признаком являются стихийные крестьянские «бунты». Когда через посредство своего наиболее обделенного пасынка—мужика—история пред'являет классовому обществу залитый кровью и слезами многовековой вексель, тогда вы можете быть уверены, что день развязки близок. Зарево пылающих дворянских усадеб всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революции, наносившей последний удар крепостнически-самодержавному порядку, и «красный петух» крестьянского мятежа должен был сыграть в последний раз свою революционную роль прежде, чем смогло на просторе развернуться красное знамя революции пролетариата.

Революция, навстречу которой быстро идет современная Россия, будет буржуазной революцией в том смысле, что она окончательно очистит путь общественного развития от всех исторических пережитков крепостного строя и даст полный простор развитию капитализма и порождаемой им классовой борьбе. Из всех признаков приближающейся революционной катастрофы нам до сих пор недоставало только серьезных взрывов «крестьянской войны». Вспыхнувшее в марте широкое крестьянское движение в южных губерниях заполнило этот пробел и дало возможность с безошибочной уверенностью подсчитать все факторы надвигающегося на страну общественного переворота. В этом — крупное историческое значение недавних крестьянских волнений.

Правительственное сообщение об этих волнениях тщательно старается скрыть тот несомненный факт, что последней каплей, переполнившей чашу терпения южнорусских крестьян, была блестящая «продовольственная кампания» Сипягина и его присных, устранивших земство от забот по прокормлению голодающих. После того, как правительство бросило вызов всему обществу, отобрав от земства продовольственное дело и запретив частную благотворительность, — после этого ему, конечно, неудобно разоблачать тот факт, что его политика борьбы против помещичьего земства привела к столь неприятным для помещиков последствиям, как опустошение 80-ти с лишним имений. Тем усерднее правительственное сообщение старается остановить внимание публики на связи крестьянских волнений с революционной пропагандой, при чем, против обыкновения, не умаляет значения последней, но, напротив, сильно раздувает. Поверить правительственному сообщению, так все беспорядки и возникли-то только благодаря «книжкам». Цель такого изображения дела ясна сама собою — воспользоваться шкурным страхом помещиков и восстановить их против революционных партий. Ту же цель преследует и служащая как бы комментарием к сообщению статья «Московск. Ведом.», озаглавленная «Плоды революционной идеи». Статья рисует «образованным классам» все ужасы «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», и пытается, играя на струне шкурного страха гг. собственников, убедить их сплотиться около престола и порвать не только с революционерами, разжигающими социальную борьбу, но и с либералами, которые своими разговорами о законности и свободе только подрывают ту «социальную дисциплину», в силу которой полагающиеся в каждом благоустроенном, т. е. основанном на нищете народа,—обществе миллионы «варваров» (на благозвучном языке реакционеров это имя означает трудящуюся массу) не смеют, даже будучи доведены до голода, посягать на собственность «культурных людей».

Называя крестьянский бунт «бессмысленным», реакционная газета утверждает неправду. Не так уж нелепо, что изголодавшийся человек, забыв всякую «социальную дисциплину», отбирает хлеб у тех, кому этот хлеб служит средством для ростовщически-кабальной эксплоатации. Но, может быть, «Московск. Ведомости» имеют в виду «бессмысленность» стихийного, неорганизованного движения, дающего временный исход накипевшим чувствам, но не изменяющего ни на волос общественных отношений? Если так, то мы можем обнадежить «Московск. Ведомости» ссылкой на русское рабочее движение. И оно некогда начиналось с «бессмысленных», т. е. неоформленных движений, и в нем на первых порах его развития не было недостатка в таких происшествиях, как стихийный и разрушительный взрыв ярости, вызванный появлением первой социалистической прокламации... Тем не менее, прошло всего несколько лет, и этот «бессмысленный» элемент исчез из рабочего движения, и теперь уже каждое его крупное проявление означает дальнейшее перераспределение общественных сил, усиление пролетариата и ослабление буржуазии и самодержавия. Исчезнет «бессмысленный» элемент и из крестьянского движения.

Но что сказать о тех людях, которые позволяют себе называть «беспощадным» восстание голодающих крестьян? После грандиозных истязаний «бунтовщиков», произведенных кн. Оболенским [2], после расстрела крестьян под Полтавой только цинической насмешкой может звучать это упоминание о «беспощадности» бунта тех, кто, согласно правительственному сообщению, не совершил ни одного насилия во всем районе движения, несмотря на то, что в их руках находились жизнь и честь помещиков и их семейств. Но пусть остерегаются реакционеры издеваться над такой «беспощадностью». После Нарвского поражения Петр I благодарил своих «учителей» шведов за то, что они научили его побеждать врага. Один-два таких урока, как крестовый поход князя Оболенского, сопровождаемый роскошными пиршествами господ офицеров с помещиками по случаю «победы и одо-

ления», — и можно поручиться, что крестьяне усвоят себе в совершенстве науку быть «беспощадными» по отношению к побежденному врагу. Не даром, рассказывают, воронежские крестьяне собрали розги, послужившие целям восстановления «социальной дисциплины», говоря, что они им пригодятся, когда придется пороть нынешних кнутобойцев.

Об этом следовало бы подумать тем полтавским и харьковским помещикам, которые вопят о недостаточной свирепости царских лакеев и требуют новых и новых жертв. Им не требуется большой проницательности и вовсе не нужно поступиться своими интересами, чтобы понять, что предстоящая реформа общественных отношений, которой сочувствуют все сколько-нибудь образованные слои их класса, не может не сопровождаться ликвидацией всех запутанных поземельных отношений, унаследованных от половинчатой «великой реформы» 61 г. и порождающих все те поводы, которые вызывают и делают неизбежными все большие и малые крестьянские «бунты». А раз эта ликвидация неизбежна, раз перед Россией ставится дилемма — или разрубить гордиев узел «крестьянского вопроса» или обречь себя на вырождение, то политически-мыслящая часть землевладельцев поступила бы благоразумнее, если бы воспользовалась фактом крестьянского восстания для усиления своего натиска на правительство, для расширения своей борьбы с существующим режимом, вместо того, чтобы молчаливым одобрением совершенных над крестьянами жестокостей сеять в побежденных нынешнего дня жажду мщения. Конечно, дело русской революции и, в частности, дело русского крестьянства обстояло бы довольно плохо, если бы его исход зависел от степени политического развития тех классов, которые любят себя называть «образованными» и которые в соответствующий период истории западно-европейских стран играли руководящую роль в деле общенациональной борьбы за уничтожение сословно-крепостного и самодержавного режима. К счастью, у нас положение иное. Последний акт великой исторической борьбы за превращение сословно-крепостного строя в строй буржуазный разыгрывается у нас в такой момент, когда уже успел сильно подвинуться вперед процесс формирования того класса, который является «прирожденным» могильщиком этого буржуазного строя. Русский пролетариат уже стоит на ногах; он уже приобрел значение важного фактора в общественной жизни. 20 лет назад, указывая революционерам на этот класс, русские социал-демократы говорили: наша программа не жертвует ни деревней, ни городом. Она указывает на лучшее средство для вовлечения деревни в русло исторического движения города.

Этим средством было развитие рабочего движения. И практика показала, как много дало это средство. То, чего не могла сделать самоотверженная борьба людей 70-х годов, то достигнуто «само собой», как результат той «встряски», какую задало всей России рабочее движение, развивавшееся под знаменем программы, которая, если верить ее противникам, «игнорировала» деревню. Стоило только рабочему движению охватить все городские центры России, стоило ему только революционизировать всю окружающую городскую среду для того, чтобы и деревни коснулся пожар «разрушительных» идей, чтобы и деревенский люд услышал о «городской» борьбе за свободу и отозвался на нее борьбой против своего векового угнетения. Конечно, это воздействие городской революции на деревенские «устои» — устои рабского смирения и азиатской пассивности — проявляется пока слишком недостаточно. Сельскому люду пока еще достаются только крохи революционных идей, распространяющихся в городе. Но важно уже и то, что, не отвлекая значительной части своих сил на непосредственную пропаганду в деревне, рабочее движение все же много сделало косвенно для революционизирования последней. Сознавая это, русские социал-демократы должны возможно интенсивнее использовать для своей агитации те новые элементы революционного брожения, которые обнаружились в мартовских «бунтах».

Это не значит, что мы должны непременно перераспределить свои организованные силы и отрядить часть их в деревню. Для этого у нас едва ли хватит сил, а задачи дня требуют концентрации главнейших сил на борьбе в городе. Но в этой последней борьбе мы должны больше прежнего заняться «крестьянским делом». Мы должны разоблачать перед рабочими и другими недовольными группами преступность политики царизма по отношению к крестьянству, должны пригвождать к позорному столбу всякое новое насилие над крестьянами, каждое новое преступление против голодающих. Мы должны сделать известными всем рабочим массам все подробности недавнего крестьянского восстания, все ужасы правительственных расправ над «бунтовщиками». Мы должны, наконец, всячески пропагандировать ту программу политических и социальных реформ, проведение которой одно только радикально излечит русскую деревню от всех язв, порождающих ее нынешнюю беспомощность и нищету. Разумеется, где можно, мы должны обращаться с этой агитацией и прямо к сельскому населению*. Так, комитеты тех городов, в которые летом стекаются десятки тысяч отхожих сельско-хозяйственных рабочих, могли бы без особых затруднений распространить среди них ряд воззваний и этим, между прочим, ознакомить большую массу крестьян с харьковскими и полтавскими событиями.

Только партия пролетариата может выдвинуть против угнетающих русское крестьянство зол сколько-нибудь действительные средства. Против бедствий, происходящих от совмещения крепостнической, капиталистической и фискальной (казенной) эксплоатации, серьезно бороться может лишь та партия, которой программа является по существу наиболее революционной в социальном отношении, наиболее демократической в политическом смысле. Половинчатым реформам, которые могут предложить крестьянам связанные с буржуазным обществом либеральные или народнические партии, рабочая партия должна противопоставить программу коренной ломки всех «патриархальных» отношений кабалы и опеки, программу полной демократизации деревенского строя. Читателю в этом же № предлагается проект социал-демократической аграрной программы, осуществление которой во всей полноте сразу вырвет крестьянство из обстановки крепостного варварства и создаст для него условия нормаль-

* Кстати. Неизвестный нам корреспондент сообщает об успехе, которым пользуется среди крестьян Харьковской, Полтавской и др. губерний изданная нашей организацией брошюра «Правда о бедствиях простого народа».

ного развития. В союзе с революционным пролетариатом крестьянство сможет добиться осуществления этой программы, хотя бы против него — по желанию «Московск. Ведомостей» — соединились все силы классов, именующих себя образованными.

«Городское» революционное движение, вылившееся в форму массовых демонстраций, поставило перед пролетариатом и примыкающей к нему интеллигенцией вопрос о конечном пределе этого движения, о заключительном его моменте. Конечно, возможно, что самодержавие уступит еще до приближения этого заключительного момента. Но самая возможность таких уступок обусловливается реальностью этого момента, возможностью угрозы им. Таким моментом для движения, подобного современному, является всероссийское восстание. Те, кто считают это последнее неосуществимым, ссылаются на мнимую непобедимость современного правительства в уличной борьбе, вытекающую из чисто технического военного превосходства. Но с всероссийским восстанием в городах, поддержанным открытой революцией в деревне, едва ли справится самодержавие. Стоит только просмотреть описание событий в южных губерниях, хотя бы по правительственному сообщению, чтобы убедиться, что, разлившись по всей «сермяжной Руси», крестьянское движение легко обессилит самодержавие и даст возможность нанести ему в городе смертельный удар...

[Л. Мартов]

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ.

В дополнение к сообщению, напечатанному в № 20, приводим новые письма о тех же событиях:

«„Начинается крестьянская революция“,—говорят местные люди, — и, право, я, как вы знаете, до некоторой степени скептик, колебался, каким именем назвать крестьянское движение в Константиноградском уезде, Полтавской губ., и Валковском уезде, Харьковской губ. Стану описывать события так, как я слышал, предупреждая, что между различными рассказами, которые мне пришлось слышать, есть противоречия. Чтобы судить о размерах движения, скажу только, что из Харькова в бунтующие деревни вывели все войска, оставив только небольшие отряды для караульной службы. Губернатор Оболенский из Харькова и полтавский все время на месте в бунтующих деревнях. По словам одного лица, движение охватило 18 волостей. Помещики уезжают не только из деревень, но и из города Валок. Обыватели забирают, что могут, и трогаются в путь, бросая почти все имущество. Все гостиницы в Харькове переполнены приезжими помещиками. Мне удалось видеть одно лицо, приехавшее из Валок. Эта особа видела всех Коробочек, Ноздревых, Собакевичей, двинувшихся со своих насиженных мест. Как видите, уже по этим фактам можно судить, что явление это совершенно исключительное, тем более, что, несмотря на все прилагаемые меры, по словам некоторых лиц, оно не прекращается, а правильной волной двигается с юга на север. Эту местность поразил недород. Уже с осени крестьяне стали чувствовать острую нужду, составляли общественные приговоры еще в октябре месяце и подавали по начальству. Как вы знаете, по предложению мин. внутр. дел, продовольственное дело все было сосредоточено в руках администрации, главным образом в руках земских начальников, и все единогласно признают теперь, что единственная причина крестьянского движения это то обстоятельство, что, несмотря на все их просьбы и ходатайства, до сих пор все приговоры не получили дальнейшего движения. Изголодавшись, крестьяне, наконец, восстали, начали собираться огромными толпами в несколько тысяч (это видели приезжие). Подойдет толпа к барской усадьбе, вызовет хозяина и требует, чтобы он со всем своим семейством сейчас же уезжал: земля остается крестьянам, хлеб и скот тут же делится, все остальное имущество разламывается, а усадьба сжигается. И так повторяется всюду. Только одного помещика во всем Валковском уезде пощадили, не тронули вовсе, потому что были с ним в хороших отношениях. Но убивать — никого не убивают. Говорят, избили одного земского начальника, и он умер, какого-то управляющего, но лицо, приехавшее из Валок и слышавшее непосредственно из уст администрации, утверждает, что это неверно, что крестьяне ведут себя замечательно корректно, за несколько времени до всех этих событий они предупреждали некоторых помещиков, к которым не питали особенной ненависти, чтобы они уезжали по добру, по здорову. Как началось это движение?

«Вот вопрос, который я задавал очень многим и получил разноречивые ответы. Как я уже говорил, все движение имеет своим основанием полное невнимание со стороны бюрократии к насущнейшей нужде населения, поводом же в различных местах были разные явления: этим я об'ясняю разноречивость, но не противоречие ответов на вопрос, как началось движение. По времени прежде всего оно проявилось, как кажется, в селе Карловке, Константиноградского уезда, Полтавской губернии. Земли около этого села принадлежат велик. княг. Мекленбургской. Всего земли тысяч 150—200 десятин. Изголодавшись, крестьяне стали домогаться от управления, чтобы оно удовлетворило их нужды: все больше и больше волновался народ, так что под конец приехал исправник усмирять волнение. Исправник повел политику так, что крестьяне видимо с ним согласились и даже отслужили молебен. Успокоенный администратор уехал, а через день или два крестьяне обложили экономию, разгромили сахарный, винокуренный и еще какой-то завод и все сожгли, пригласив администрацию удалиться. Хлеб и скот они поделили. В других местах были свои поводы: отказ в аренде, увеличение цен хлеба и т. д. Волна движения все растет и растет. О влиянии каких-либо „вредных“ элементов существуют только догадки, хотя, говорят, в Харьков в тюрьму привезли каких-то личностей, не то студентов, не то просто разночинцев. Говорят, среди крестьян ездила какая-то личность в офицерской форме и читала, что крестьяне должны отнять землю. Легенды я слышал такого рода: будто осталось завещание Александра III, что землю крестьяне должны взять себе. Другая легенда: Николай II бежал за границу, теперь царствует Михаил, который об'явил, чтобы крестьяне добывали себе землю своими средствами. Остается сказать мне несколько слов еще относительно способов усмирения. Беспощадная бойня, как определил приезжий; секут ужаснейшим образом. Валкская больница завалена человеческим мясом. Ходят слухи о повешенных, об убитых, называют числа 6—36 и более, но достоверно узнать что-либо нельзя. В этот уезд (Валковский) никого не пускают. На станции железной дор. стоят жандармы и солдаты, возвращают пассажиров обратно. Иногда обыскивают и арестовывают. Так, арестована фельдшерица Дьяченко».

Другой корреспондент пишет:

«Недели две как Полтава занята разговорами о крестьянских волнениях. Волнения начались с селений, расположенных вокруг громадной Карловской экономии, управляющий которой захотел повысить арендную плату за землю, и мало-по-малу распространялись по соседним селениям и волостям, скоро охватив четыре волости (целиком) Константиноградского уезда. Значительный район захвачен и в Полтавском уезде, менее широкие размеры имело движение в Лубенском и Харьковском уездах. Настоящий «бунт», однако, был довольно оригинальным: сравнительно мало было даже поджогов (помещичьих амбаров, сушилен и т. д.), о насилиях над кем бы то ни было со стороны крестьян говорить не приходится: разве только в самой Карловке управляющий, бросившийся на крестьян с руганью и кулаками, подвергся избиению. Все внимание изголодавшихся крестьян обращено было на хлеб, даром валявшийся в громадном количестве в амба-

рах экономий. Они являлись к последним с повозками, обращались к помещикам или управляющим с предложением отпереть амбар и добровольно выдать им часть хлеба и только в случае отказа сами отбивали замки, наполняли свои телеги и отвозили домой. В этом в сущности и состоял весь «бунт». В Чутове, правда, были, кроме того, разбиты две русских лавки, но, повторяю, факты такого насильственного характера были совсем редки, единичны. А, например, помещика Чеснока, всегда хорошо относившегося к крестьянам и постоянно помогавшего им, они совсем не тронули. В другом месте, около с. Коломака (Полт. уезда), помещик спрашивал крестьян, когда же они придут к нему за хлебом, но последние отвечали, что они его трогать не будут, т. к. он им полезен своими хлопотами по открытию школ и др. просветительных учреждений. Все это неподлежащие сомнению факты, определенно рисующие настроение крестьян и их план действий.

«Ну, конечно, власти всполошились и тотчас же вызвали войска, которых настойчиво требовали перепуганные и озлобленные помещики. Губернатор, прокурорские и жандармские власти, большая часть полицейского начальства, забрав с собою большую половину войска, находившегося в городе, покинули Полтаву и разбрелись по губернии. Ежедневно являлись в Полтаву новые „ограбленные" помещики: они громко обвиняли губернатора в бездействии, уверяли, что среди крестьян давно ведется пропаганда — уже года два, что все знали о подготовлявшемся бунте, что давно уже надо было принять строгие меры, что и теперь, если бы с первого же дня приняться за стрельбу и сечение, то бунт тотчас же бы прекратился, а не начал распространяться.

«Если бы эти помещики могли на минутку отказаться от близорукого взгляда на вещи, то в крестьянском бунте они увидели бы не акт чьей-либо злой воли, а стихийное движение, вызванное постоянными голодовками, крайней степенью нищеты крестьянского населения, безвыходностью их положения. Не даром же, когда губернатор обратился к толпе крестьян с требованием разойтись под угрозой стрельбы, эта толпа лицом к лицу с войском отвечала: „Стреляйте, нам нечего терять". Не даром на вопрос того же губернатора о зачинщиках и руководителях крестьяне отвечали, что у них нет вожаков, что пусть наказывают всех. Не даром, наконец, крестьяне, зная, что в других местах на самом деле была стрельба, что там тоже началась порка, и порка ужасная, что и на них идет войско, остаются совершенно спокойными и продолжают увозить из экономий хлеб, продолжают „грабить несчастных помещиков", и новые селения назначают день, когда им ехать в еще нетронутую экономию за хлебом. Что этот грабеж есть следствие просто голода, на это указывает и то, что в некоторых местах крестьяне предлагали помещикам плату за хлеб (правда, очень низкую), — что же им делать, если они не могут предложить им большей? Ведь, выбирать приходится между смертью и „грабежом".

«А что касается до „недостатка строгих мер" (по словам гг. помещиков), то пусть говорят факты: в Ковалевке, напр., когда на требование властей возвратить забранный хлеб со стороны крестьян последовал отказ, войску отдан был приказ стрелять: убиты тут же три человека, один, раненный двумя пулями и проколотый штыком, привезенный в Полтавскую больницу, через несколько часов умер; а с другим тяжело раненым не знаю что случилось. Затем началось сечение. Порка происходила и в Васильевке: лозинок искать некогда было, поэтому били первыми попавшимися сучковатыми ветвями достаточной длины и толщины, и в силу этого (пользуясь деликатным выражением доктора) „целость кожи у всех наказанных нарушена". Пороли так, что изо рта, из носа обильно текла кровь, — после порки крестьяне вставали сплошь почерневшие: иногда давали по сотне и по две ударов.

«Упорно утверждают,—и, повидимому, это так и есть,— что несколько человек, глубоко униженные сечением, предпочли повеситься. Порка была в этой же самой Карловке, хотя и после нее, по уходе войск, крестьяне вновь принялись за свое. Секли не всегда по назначению: привели (в Карловке) к губернатору старосту, которого тот приказал тут же высечь. После экзекуции староста спрашивает, кого же хотели сечь: оказалось, совсем не то лицо. Секли и женщин... Но все это недостаточно строго, по мнению помещиков. Они то и дело обращаются к начальнику жандармского управления, а тот дает им честное слово „доискаться корней", хотя и сознается, что теперь у них сведений никаких не имеется. Однако, отсутствие каких-либо данных не помешало ему заключить в тюрьму пять человек. Затем — как раз накануне славной смерти Сипягина — здешние помещики послали ему одиннадцать телеграмм, взывая о помощи. Они же собрались под председательством кн. Эристова (предводителя) и послали на высочайшее имя жалобу. Их слепота доходит до такой степени, что жена одного земского начальника и помещика г-жа Белевич (в театре) сообщает: „Знаете, поймали 25 самых что ни на есть главных зачинщиков, а губернатор их отпустил; да и понятно: он, ведь, и сам из них" (это факт, я его привожу как один из наиболее ярких, быть может, несколько карикатурных иллюстраций бессмысленной фантазии). Фактическая подкладка этого сообщения такова: были арестованы сорок пять „зачинщиков", из них двадцать пять человек убежали; остальные двадцать сидят в тюрьме.

«Вот, собственно говоря, все крестьянское восстание. Вполне оно еще не закончилось, но нового ничего, конечно, более не произойдет. Как же реагировал на него наш город? Несомненно, некоторая часть очень волновалась, — беспокоилась, и в головах бродили неспокойные и немирные мысли. Но внешним проявлением такого психического состояния до сего времени было только выпущенное воззвание к обществу, производящее, кажется, хорошее впечатление. Там и сям поговаривали об уличной манифестации, — но тем дело пока ограничилось, как ни сознавали многие ее полезность, уместность и даже сравнительную легкость (в виду отсутствия в городе большей части войска и некоторой растерянности властей). Бездеятельность эта, может быть, об'ясняется неопределенностью положения, незнанием в сущности, как держать себя по отношению к таким крестьянским движениям, в которых или совсем никакие требования не выставляются или же выставляются требования, вполне неосуществимые при данных условиях. Ясно одно только: нужно симпатизировать крестьянам, но, что нужно делать, чтобы такого рода недовольство крестьян не пропадало даром и шло на пользу революционному делу, это вызывает много споров и сомнений. Мне кажется, что все это движение лишний раз подчеркивает возможность и необходимость революционной планомерной работы в деревне,— лишний раз напоминает о том, что нужно на столбцах революционной газеты отводить больше места вопросам и нуждам крестьянского положения».

Еще сообщение:

«В Ковалевке солдат встретили мужики. Толпе предложено было разойтись, крестьяне отказались это сделать. Когда офицер Перейша, командовавший ротою, сказал, что будет стрелять, крестьяне ему ответили: „Нет, теперь не такое время, чтобы в нас стрелять". А солдатам они сказали: „Мы вас кормили до 21 года, а теперь вы будете убивать ваших отцов! А потом опять к нам же придете хлеб есть". По команде офицера раздался залп— трое убито, 20 ранено, из них двое уже умерли в больнице.

«Полтавский губернатор, приехав в одну из деревень близ Полтавы, потребовал к себе старосту. Тот сидит у себя дома и что-то работает. Ему говорят: „Тебя губернатор зовет". Крестьянин отвечает: „Теперь другие времена пришли; коли ему нужно, пусть ко мне идет, я его не звал". Губернатор отправился в хату и говорит: „Ты знаешь, кто я?" Староста отвечает: „Пан". Губернатор на это: „Не только пан, но и полтавский губернатор". Староста: „А мне что за дело. Если пришли, то говорите, что нужно — а я вас не звал". Его забрали и увезли в полтавскую тюрьму.

«Сегодня один солдат Орловского полка, вернувшийся в Полтаву, рассказывал, что войско с губернатором Бель-

гардом во главе успело пройти 13 деревень. Когда является губернатор, вся деревня становится на колени и просит о пощаде, — говорят: „студенты нас научили". Потом происходит порка. Сперва порят чинов сельской администрации, потом „зачинщиков", если таковые находятся, — дают по 200 — 250 розог. В Ковалевке перепороли зачинщиков, крестьяне поклялись убить управителя, который их выдал. Войско, по словам солдата, всю пасху остается в губернии.

«Все стоявшее в Полтаве войско ушло в губернию. В Полтаву перевезены драгуны из Харькова и сотни три харьковских казаков.

«В Полтаву приезжает на базар много крестьян из соседних деревень. На вопрос о прокламациях, распространявшихся у них, одни говорят: „У нас не было никаких прокламаций, а была бумага от царя, в которой написано: по указу его императорского величества". Эти крестьяне рассказывают следующее: еще Александр II хотел поделить поровну землю, но ему сначала помешали паны, а потом он сам не захотел делить. Позже им все-таки была написана бумага о дележе земли, но Александр III спрятал ее. За Николая наша царица потому не хотела выходить замуж, что требовала, чтобы у нас все было поделено, как у них — земли у всех поровну, но Николай этого не хотел. Теперь царь уехал на три месяца за границу и говорит: вы теперь все поделите, а я приеду и все оформлю. Другие же крестьяне рассказывали дело иначе. В прокламациях, говорят они, у нас было сказано: земля должна принадлежать всему трудящемуся населению, т. е. мужикам, которые трудятся. Но она несправедливо принадлежит панам. Вывод отсюда тот, что нужно отнять землю у панов и поделить между трудящимся населением. Но этому будут мешать все те, кому это невыгодно: а невыгодно это панам, войсковым начальникам, министрам, царю. Для того, чтобы отнять землю, надо силой действовать (по другой версии — надо их всех убивать).

«Относительно того, откуда им дан толчок к волнениям, одни крестьяне говорят: „нам царь велел", — другие говорят: „нам централ ваш велел", „централка наша велела". Бабы рассказывали, что видели, как студенты ходили по полям, раскидывали прокламации. Были среди крестьян и такие, например, разговоры, что они ждут отряд в 300 студентов на помощь.

«Теперь крестьяне всех деревень, в которых производилась порка, заявляют, что на пасху они сравняют с землею Полтаву, Харьков, Киев. „Казна распашет, а мы поделим". После порки озлобление у крестьян повышается. Приходится слышать от крестьян и следующие заявления: „Мы будем праздновать 1 мая, к нам рабочие и студенты придут из города".

«В связи с крестьянскими волнениями в Полтаве арестованы студенты Баумштейн и Алексеенко. Баумштейн был репетитором в Карловке, занимался с сыном управляющего Шейдемана. Когда начались волнения, Шейдеман посоветовал ему уехать в Полтаву. Через полчаса по приезде в Полтаву к нему явились власти и арестовали его. Алексеенко — сын богатого помещика, к которому крестьяне также явились с требованием ключей. Арестованы были еще двое поднадзорных, которые из любопытства поехали в Карловку.

«Волнением, характера совершенно аналогичного с Полтавской губернией, охвачены, кроме Харьковской губернии, еще следующие: Саратовская, Киевская, Черниговская, Воронежская, Тамбовская, Тульская и Московская. В Тамбовской губернии волнения начались раньше, чем в других, но войска стоят там еще по сию пору. Беспорядки везде одного характера — крестьяне требуют ключи, делят припасы, землю же — делить не успевают, потому что является войско и этому мешает».

«Крестьянское движение, — пишут нам еще, — началось в последних числах марта 1902 г., сперва в Карловке, Константиноградского уезда, Полтавской губ., где находится имение великих князей Мекленбург-Стрелицких (около 40.000 дес.). Незадолго перед этим в с. Карловку возвратилось 300 чел. крестьян, после крайне неудачной попытки переселиться в Уфимскую губ. Нечего и говорить, что положение обратных переселенцев было поистине ужасным. Они остались почти без всяких средств к жизни. Многим, однако, удалось кое-как устроиться и даже вспахать себе с осени немного земли. Весной же они надеялись получить семянную ссуду для посева... но ссуды не дождались и принуждены были на занятые деньги покупать семена для уже вспаханных полей. Обратились они, между прочим, и к управляющему великокняжеским имением Шейдеману. Тот, пользуясь таким удобным случаем, заломил с них страшную цену, а затем даже и совсем отказал, по неизвестным причинам, продать семян. На этой почве и возникла первая попытка крестьян восстановить нарушенную справедливость. Они выехали с плугами и запахали 2.000 дес. княжеской земли и набрали себе из княжеских же амбаров семян для посева.

«Затем крестьянское волнение с поразительной быстротой разлилось по Константиноградскому уезду, проникло в Валковский уезд, Харьковской губ., и охватило его почти целиком. В Полтавской губ. почва для такого сильного движения отчасти была подготовлена ходившей среди крестьян нелегальной литературой. Быстрое же развитие волнений в Валковском уезде об'ясняется новой продовольственной системой. Этот уезд, и без того стоящий на низком уровне экономического благосостояния, постиг сильный неурожай. Были составлены по волостям списки нуждающихся в ссудах на обсеменение полей, но эти списки до сих пор еще лежат в г. Валках, хотя время посева давно уже прошло. Так ведутся в России „продовольственные кампании".

«Всюду крестьянские волнения вылились в одну форму — забирания из помещичьих экономий семян, орудий, скота и т. п. — и лишь в редких случаях разграбления и сожжения самих усадеб. Сцены происходили оригинальные: являются мужики в имение (обыкновенно верст за 10—12) и без всякого насилия, драки, шума начинают разбирать „панское добро", как бы возвращая этим себе отнятую у них прибавочную стоимость. Помещики же или загодя удирают, или сидят смирно. А вслед удирающему помещику несутся насмешливые крики: тикай, пан, тикай! Достоверно известно о таком разбирании следующих имений: Воликова (Полтавск. губ.), Павлова (с. Нагорное, Полт. губ.), Глушкова (земск. нач. Валковск. уезда), Орлова (с. Михайловка, Валк. уезда), Задонского, Сухомлинова (близ Миньковки), Кузьминова (близ Снежкова), Почтенного (близ села Ковуч), Корсуна (богатый мужик, близ Огульцов, сожжено все до тла), Духовского (с. Мерчик), Фюлера (земск. нач., около Валок, усадьба сожжена), сахарный завод Молдавского (близ Коломака), паровая мельница Кузьминова (близ Валок), сахарный завод Кенига (с. Гуты, Богодуховск. у.). Список этот, во всяком случае, не полон, в особенности для Полтавской губернии. Кроме того, во многих местах на выручку помещиков подоспели войска (всего из Харькова послано более 2 полков и почти весь казачий полк). Так, казаки охраняли имение кн. Голицына и Ширкова (Стар. Водолачи), Шидловского (с. Знаменское; здесь становой до прибытия казаков успел поссорить „ближних" и „дальних" крестьян), фабрику Кузнецова (с. Буды) и несколько экономий вокруг с. Гуляй-Поле (Змиевск. уезда). В имении кн. Святополка-Мирского (близ Люботина) даже стояла артиллерия.

«С прибытием войска картина быстро меняется и начинается массовое и зверское избиение крестьян. Казаки даже прибегали к обманам. Явившись, напр., в с. Знаменское, они заявили, что сейчас губернатор будет читать „манифест" и чтобы крестьяне собрались для этого в одно место. Когда мужики собрались, их оцепили и избили самым зверским образом. В селе Стар. Водолаче харьковский губернатор, кн. Оболенский, пробывший на месте волнений более недели, выбрал 15 крестьян, более виновных, по его мнению, и велел высечь. Это продолжается и теперь. Отбирают у крестьян помещичье добро и секут беспощадно. Иные приходили с повинной и возвращали «награбленное», но и их не жалели. Теперь крестьяне ночью вывозят все, что нельзя спрятать, в овраги и т. п. и бросают. Вообще же настроение очень приподнятое. Крестьяне сами поражены таким необыкновенным явлением в своей жизни. Многие успели переделать попавшие им нелегальные листки в „манифест" от царя, написанный зо-

лотыми буквами (иначе непонятны все толки о царской золотой грамоте, отдающей им всю помещичью землю). Но жестокости и безнаказанные буйства казаков заставляют их думать, что все „начальства" за помещиков, а не за крестьян. О вооруженном сопротивлении войскам ничего не слышно. Известно только 2 случая, когда застрелили под убегавшими крестьянами лошадей. Казаки вели себя ужасно: сами били крестьян, грабили их, насильничали над женщинами. Никакие жалобы, конечно, не помогали. Да и какие тут жалобы, когда само его сиятельство кн. Оболенский заявлял высеченным крестьянам: „Это вам, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили, а еще по 30 от меня!". Этот Оболенский так зарвался, что перешел границы высочайше вверенной ему губернии: начал пороть крестьян Полтавской губ. и высек даже одного старшину, не пожелавшего к нему явиться. Полтавский же губернатор, Бельгард, вел себя человечнее, за что, по слухам, будет смещен. По крайней мере, несколько полтавских помещиков послали министру внутр. дел телеграфную жалобу на бездействие властей. Питерские власти всем этим сильно встревожены».

После приезда Плеве в Полтаву Бельгард уволен от должности. (Р е д.).

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из Полтавы (от 17 апреля).

«У нас министр (Плеве [3]). Пока он еще ничем не проявил себя. С пятницы (стар. ст.) здесь и вице-директор департ. полиции Поярков и член консультации при министерстве юстиции. Происходят какие-то таинственные совещания в жандармском управлении. По всему вероятию дело о демонстрации в театре будет разрешено здесь теперь же, и нет сомнения, что приговор не будет отличаться мягкостью; надо думать, что многим придется уехать отсюда. О деревне ничего не слышно, войска еще там, но город, город совсем на военном положении! Днем и ночью непрерывно ходят патрули. Население терроризовано и клянет „студентов". Право, по глубине понимания событий здешнее интеллигентное общество хуже мужиков. Никогда не случалось видеть такой грязи. Вот, напр., в субботу был пойман какой-то молодой человек, бросавший ночью прокламации в ящики для писем, пойман офицером, который 4 ночи караулил с 4-мя солдатами у дверей своей квартиры. Каков? Арестованный был побит городовыми и помощником пристава в части, затем отправлен в тюрьму. Привезли много крестьян и возят еще; все в тюрьме.

«В день приезда министра правитель его канцелярии нагрянул с ревизией в статистическое бюро и затребовал списки служащих, регистраторов и проч.»...

Из Константинограда (Полтавской губ.).

«Имение Трепке разнесли и разграбили, даже постройки. Имение С. И. Гриневича тоже, но построек не тронули. Карловку тоже. О карловском управляющем Шейдемане говорят разно: то, что он убит, то, что он бежал и скрылся. В Константиноград вытребованы солдаты, в Карловку тоже. Губернск. предвод. Джунковский и вся местная администрация собрались в Карловке... Климовцы приходили к земскому начальнику, у которого они арендуют землю, за советом, что им предпринять. Они получили письма, что если они не примут участия в бунте, то Климовка 15 числа будет гореть со всех сторон.

«На сходках, не стесняясь, говорят, что судов не будет, что будет так, как во Франции (?) и что землю всю разделят. Тяжелое время переживается теперь, много погибнет народу. В Карловке были пущены в ход ружья. Было несколько убитых, но, говорят, что это мало повлияло; говорят, если теперь не удастся, то, когда поспеет пшеница, будем возить ее с экономической земли себе. Чернещане начинают также волноваться»...

Об усмирении крестьян в Валковском у., Харьковской губ., рассказывают такие вещи:

«Губернатор кн. Оболенский (русский Китчинер) сжег деревню, три деревни пересек поголовно: и мужиков, и стариков, детей и девушек. Было несколько случаев самоубийств. Приехавший с „театра военных действий" офицер говорил, что секут так, что куски мяса отваливаются. Некоторых засекли до смерти. Секут полицейские власти и казаки. Солдаты расквартированы по деревням. Питаются за счет крестьян. Отряды ходят по крестьянам, обыскивают, отбирают взятый у помещиков хлеб. Занимаются этим солдаты неохотно, иногда чисто формальным образом.

«О крестьянских волнениях у нас в городе ходит масса слухов. Распространением таковых, между прочим, занимаются и жандармы. Так, будто бы Плеве рассказывал в присутствии нашего ротмистра, что крестьяне, разочаровавшись в исходе бунта, повесили 12 „агитаторов".

«От жандармов же исходят слухи о „генералах на белых лошадях", распространявших среди крестьян „манифесты" и пр.».

Воронеж. Нам пишут по поводу бывших недавно крестьянских волнений:

Крестьяне села Нового и Старого Курлака при выходе на волю получили даровой нищенский надел: на каждую ревизскую душу во всех трех полях им было дано всего только две трети десятины (20 саж. на 80 саж.). Передел земли в этих селах не производится, и потому здесь нередко встречаются многосемейные дворы, у которых всего 1—2 душевых надела, а более молодые семьи, отделившиеся от старых, сидят совсем без земли. При таком страшном малоземелье вполне понятна та крепостническая зависимость, в которой находятся эти крестьяне от большой экономии Станкевича с ее 23 тысячами десят. земли. Нужно обладать особым расположением и благоволением экономии, чтобы получить небольшой клочок барской земли в аренду. До нынешнего года у Станкевича практиковалась такая система сдачи земли: крестьянин получал в аренду 1 десятину земли без денег и за это должен был обработать (т. е. вспахать, посеять и убрать хлеб) в пользу Станкевича одну десятину и 13 саж. на 80 саж., т. е. почти полторы десятины. И только тогда, в виде особой милости, он получает в аренду 1—2 десят. уже за деньги: по 8—10 руб. за десятину. Теперь, с поступлением нового управляющего, крестьяне должны обработать за каждую десятину только одну десятину в пользу помещика, но зато денежная арендная плата за каждую излишнюю десятину повышена до 12 руб. 50 коп. Таким образом, выходит, что для курлакских крестьян крепостное право не отменено: из каждых 6-ти дней в неделю они 3—4 дня должны быть заняты барской работой, и только остальное время они тратят на себя. И в прежнее время, при существовании крепостного права, помещик не мог заставлять своих крестьян работать на барщине более 3 дней в неделю.

А между тем, было время, когда курлакские крестьяне были вольные люди, все 23 тысячи десятин барской земли принадлежали только им, но в 1797 г. полоумный русский император Павел I подарил крестьян и всю их землю своему любимцу Кушелеву-Безбородко, который впоследствии продал за бесценок Станкевичам эту пожалованную землю. Считая, что они пожалованы были только на сто лет, крестьяне и требуют теперь у Станкевича возвращения 23 тысяч десятин земли, а правительство на это требование ответило им розгой и арестами... Стало-быть один император отдал курлакских крестьян в неволю, а теперь, с ведома другого, проливается крестьянская кровь... Приведем некоторые подробности, касающиеся самой экзекуции...

Первоначальный список крестьян, подлежащих экзекуции, был составлен уездным исправником Клокачевым *

* Клокачев раньше был полицмейстером в Воронеже и сейчас состоит под судом. Вот его деяния: заставлял писцов полицейского управления расписываться в получе-

а затем он был утвержден вице-губернатором Хвостовым. В качестве палачей были приглашены: урядник Алексей Иванов (живет в селе Щучье, Бобровского уезда) и городовой Григорий Кошелев, при чем оба они были переодеты в штатское платье. Этим переодеванием начальство, очевидно, хотело избавить палачей от грозящей им народной мести, но палачи скоро были узнаны. При исполнении своих гнусных обязанностей особенным зверством отличился урядник Алексей Иванов; наоборот, Кошелев упорно отказывался от возлагаемого на него поручения и даже плакал.

По заявлению очевидцев, наказывали таловыми прутьями с плохо обрезанными сучками, и эти сучки причиняли страшную боль. Все наказываемые, кроме одного, громко стонали: у всех тело после первых ударов делалось черно-багровым, а у многих текла кровь. У несчастного Малахова было потом вынуто из тела его женою до 40 заноз. С некоторыми сделался во время экзекуции обморок, так что их подняли потом на руках. Как до экзекуции, так и после, никто не был осмотрен врачем, хотя перед началом экзекуции один офицер громко сказал, что по закону нужно предварительно всех осмотреть. Слова офицера произвели было замешательство, но стоявший возле вице-губернатора военный врач, Чериковер, ответил: «Нет, этого по закону не полагается», и протестующего офицера оттеснили подальше от толпы. Понес ли какую кару этот офицер за высказанное им участие, неизвестно, но только дознано, что один из офицеров потом 3 дня сидел в арестантской при Курлаковском волостном правлении. Во время экзекуции один из унтер-офицеров несколько раз говорил окружающим крестьянам, что солдаты стрелять в народ не станут. Сообщим кстати еще один характерный факт: когда офицеры ехали в Курлак по железной дороге из Воронежа, то двое подвыпивших офицеров подошли к вице-губернатору и сказали ему заплетающимся языком: «Ваше превосходительство, мы надеемся, что справедливость восторжествует благодаря гуманности, а не жестокости!».

На другой день после экзекуции, по просьбе крестьян, был отслужен молебен на том месте, где, как говорили крестьяне, «пролита была наша кровь». Начальство, видя в этой просьбе нечто вроде раскаяния, разрешило этот молебен, и только после спохватилось, что молебен «на месте пролитой крови» носил демонстративный характер.

Крестьяне до сих пор от притязаний на землю не отказываются, а предполагают весною пахать барскую землю.

Войска продолжают проживать в Курлаке на счет Станкевича, который устраивает в честь начальства роскошные пиршества. «Усмирители» (в особенности 17 человек офицеров) пьянствуют, целый день и ночь сидят за картами и развратничают.

Кроме уполномоченных, Я. И. Баранникова и Малахова, по распоряжению вице-губернатора еще арестованы уполномоченные села Верхо-Тишанки: Варнавский и 80-летний старик Петр Степанович Михеев. Последний долго был сначала волостным писарем, а потом крестьянским ходатаем; по распоряжению администрации он был уже в ссылке за подстрекательство крестьян к ведению процессов.

Дело курлакских крестьян теперь передано в руки судебных властей, по распоряжению которых восемь человек подвергнуты предварительному заключению в тюрьме. Таким образом, теперь арестовано всего двенадцать крестьян.

Недовольство крестьян все более увеличивается и захватывает все большее количество селений.

В селе Мартыне, получившем тоже нищенский надел, крестьяне требуют полного надела. В селе Старой-Тойде крестьяне требуют восстановления прежнего их права в'езда в лес Хренникова и т. д.

Воронежский губернатор Слепцов весьма недоволен спокойным поведением курлакских крестьян: ему хотелось бы вызвать их на сопротивление, чтобы иметь возможность пустить в ход оружие. Губернатор говорил своим подчиненным: «Неужели вы не могли пожертвовать каким-нибудь урядником, чтобы устроить настоящую расправу?»...

нии большей суммы, чем выдавал (напр., выдавал 20 руб., а писцы расписывались в 40 руб.). Полицейских и пожарных держал много меньше, чем значилось по его ведомостям, и полученную таким образом экономию клал себе в карман и т. д.

В ХРОНИКУ «ЗУБАТОВЩИНЫ».

На московских собраниях рабочих гг. Слеповы, Красивские и К° продолжают свою проповедь примирения рабочих с полицией. Громят «студентов» за их «безбожие» и т. п., уверяют, что «студенты» презирают рабочих и хотят их руками жар загребать, добиваясь конституции, которая-де совсем не нужна рабочим. Такие речи велись и 14 марта на районном собрании на Зацепе (председательствовал Жилкин). На районное собрание механических рабочих и ткачей 22 марта (на Бутырках) была принесена книга: «Почему я перестал быть революционером?» Л. Тихомирова. Председатель Соколов предлагал ее усиленно покупать. Он же читал статью «Московских Ведомостей»: «Низверженный кумир». «На Западе, — говорил он, — уже давно бросили социализм». Заметим от себя, что статья или, вернее, длинный ряд статей «Московских Ведомостей», под заглавием «Низверженный кумир», был посвящен главным образом изложению взглядов Бернштейна, который будто бы низвергнул кумир марксизма!! Вот в какой форме «пошла в народ» модная «критика марксизма»!..

Собрание 22 марта началось тем, что Соколов прочел из газет о покушении на жизнь Трепова и сказал «прочувствованное» слово о том, что буржуазия подкупила таких лиц, которые хотят убить друга рабочих. На молебен по случаю избавления от опасности этого «друга» тут же собрали с рабочих около 3 рублей. Особенно усердно ссылаются гг. Соколовы и другие зубатовцы на пример рабочих фабрики Мусси (см. № 19 «Искры»), — пример, доказывающий-де заботливость полиции о рабочих. «А вот на Мещеринской мануфактуре бунтовали и ничего не добились». (На самом деле мещеринские рабочие шесть раз подавали заявления, но безуспешно, и добились своего только борьбой, при чем громили склады красильщики, а ткачи только бастовали.) Об этом происшествии на фабрике Мусси нам сообщают такие подробности:

«Рабочие на шелковой фабрике Мусси пред'явили представителю этой фабрики Гужону требование, чтобы он уплатил им все их убытки за прошлые года, насчитав всего 45 тысяч. Он им сказал, что с этим требованием они могут обратиться сначала к фабричному инспектору и, если он найдет их требования правильными, пусть подают в суд. Рабочие заявили, что они прекращают работать, а Гужон заявил, что в таком случае он их всех увольняет с фабрики, и написал увольнение в расчетные книжки 1.200 ткачам. По правилам, в течение 2-х недель рабочие имеют право жить на фабрике и после увольнения. Гужон позволил им жить. Незадолго до истечения срока Гужон отправляет Трепову бумагу, приблизительно следующего содержания: „Рабочие пред'явили ко мне ряд требований, из которых одни я исполнил, другие без суда исполнить отказался: так как они работать не пожелали, я уволил их с фабрики, предоставив им 2-недельный срок для приискания работы и квартир. Срок подходит к концу. Среди рабочих я замечаю волнение, по двору фабрики шмыгают какие-то темные личности с бумагами Охранного Отделения. Доводя обо всем этом до сведения в. п., имею честь предупредить, что за дальнейшее я слагаю с себя всякую ответственность". — Внизу выноска: Копия с этой бумаги препровождается в министерство финансов.

«Трепов, говорят, сам явился на фабрику, наговорил Гужону дерзостей и грозил посадить его в тюрьму за беспорядочное содержание фабрики, если он не уплатит рабочим 45 тыс. Гужон твердо стоит на своем: уплачу, если присудят по суду, а на дерзости пожаловался консулу. Полиция окончательно взяла рабочих под свое покровительство; Трепов выдал им 6.000 руб. Они наняли помещение для склада вещей, часть их уехала на родину, другие остались. Адвокаты предлагали третейский суд, но они отказались, сказавши, что они такого суда не знают».

Плоды «зубатовщины».

Нам пишут:

Как известно, московская администрация, в лице кн. Сергея и его присных, приняла сторону рабочих Гужона и других и требовали от хозяев удовлетворения их требований. После того, как жалобы отдельных капиталистов в Петербург не имели успеха, московская биржа послала Витте заявление, в котором говорит, что фабриканты принуждены будут закрыть фабрики, если дело не изменится. Они-де просят избавить их от полицейской опеки и от целой массы шпионов и провокаторов, которым они должны платить громадное жалование и которые только мешают работе.

Для улажения этих раздоров между полицией и капиталистами новый министр Плеве ездил в Москву.

Майский праздник в Варшаве.

Полиция начала готовиться ко дню Первого Мая гораздо раньше самих рабочих. Уже с ночи 3—4 апреля начались аресты и обыски среди польских и еврейских рабочих и интеллигентов, продолжавшиеся до 14 апреля. Сколько было сделано за это время обысков—сказать не могу, а арестовано около 200 человек. Большая часть арестов выпала на долю рабочих: революционная интеллигенция здесь незначительна. Вскоре после того были распространены по городу прокламации Польской Социалистической Партии, Польской Социал-Демократической Партии, Бунда и Комитетов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. С 10 числа стало распространяться в громадном количестве экземпляров приглашение на демонстрацию. Оно не только попало на фабрики и заводы, но в рабочих кварталах было разбросано и расклеено по улицам, а мальчишки даже прикалывали его к одежде прохожих. В виду крайне стесненного, благодаря кризису, положения рабочих, демонстрацию необходимо было назначить в воскресенье, чтобы избежать хотя бы и однодневной забастовки. Но следующее за 1 Мая воскресенье приходилось на 4 число, а в этот день предполагалась патриотическая демонстрация по случаю годовщины польской конституции (3 мая). Поэтому демонстрация и была назначена на 14 апреля по ст. ст., т. е. в самый день русской пасхи. В этот день администрацией были приняты самые энергичные меры: все общественные сады, выходящие на Уяздовскую аллею (предполагаемое место демонстрации), были закрыты для публики «по случаю ремонта» на всю неделю 14—21 апреля. Мокотовская застава, из-за которой вошли в город так удачно демонстрировавшие два года тому назад рабочие, была охраняема полицией, и за черту города из-за заставы решительно никого не пропускали; Прага точно также была отделена от города. На всех улицах, пересекающих Уяздовскую аллею, стояла полиция и казаки, и в аллею пропускали только «избранных»... После 6-ти часов вечера в число этих избранных попадали только военные.

Несмотря на все эти меры, незначительное, впрочем, число рабочих проникло на Уяздовскую аллею, в часть ее между площадью св. Александра и Бенкной улицей. В этом же месте собралась в значительном количестве и нерабочая публика — студенты, интеллигенты, гимназисты, женщины — сочувствовавшие демонстрации. Несмотря на постоянные убеждения высших полицейских чинов разойтись, несмотря на частые аресты отдельных лиц из числа собравшейся публики, несмотря на то, что среди нее ездили по-двое, по-трое казаки, безразлично, и по самой улице и по панели, и разгоняли публику нагайками,—публика не расходилась с 4 ч. до 7 ч. вечера. Лихачева (обер-полицмейстер), Зейферта (полицмейстер), Свинарского встречали свистками и криками. Около 7 час. вечера на толпу были направлены чел. 50 казаков в карьер, но почему-то, не доезжая до толпы, свернули в боковую Институтскую улицу и жестоко избили собравшуюся в ней небольшую толпу человек в 100. Вслед за ними уже прямо на толпу, собравшуюся на Уяздовской аллее, была направлена сотня казаков. Толпа, спасаясь, бросилась в кондитерскую и ресторан Версаль... Казаки окружили кондитерскую и пытались верхом проникнуть на ее веранду, но были отбиты энергично защищавшимися чем попало осажденными. Казаки спешились, проникли в кондитерскую изнутри, и все бывшие там (около 250 чел.) были арестованы и отведены в кольце из полиции и казаков в казармы Литовского полка. Остальную толпу стала теснить густая цепь полиции, расположившаяся во всю ширину улицы, и мало по малу вытеснила толпу из Уяздовской аллеи на площадь св. Александра. Здесь толпа собралась на паперти Александровского собора и не расходилась, несмотря на угрозы, до 9 час. вечера. Толпа требовала, чтобы казаки не смели входить на паперть и поснимали перед собором шапки. В 9 час. вечера толпа разошлась, и тут на нее еще раз напали с нагайками казаки на углу улицы Новый Свет.

Часть рабочих собралась около 6 час. вечера на углу Иерусалимской аллеи и Маршалковской улицы, собираясь итти вместе на Уяздовскую аллею. Но здесь напала на них полиция и казаки и всех загнали в сад Ульриха (против Венского вокзала). Евреи рабочие в то же время собрались «за Железной Брамой» и пошли оттуда по Королевской улице, желая проникнуть на Новый Свит и Уяздовскую аллею. У угла Маршалковской улицы на них напали казаки и полиция и разогнали их; впрочем, нескольким их кучкам удалось дойти до памятника Мицкевича на Краковском предместье.

В общем демонстрация не удалась; толпа нигде не держалась стойко, нигде не давала значительного отпора полиции.

Весь день, до позднего вечера, по городу ездили усиленные патрули; а в прилежащих к местам происшествий улицах в'езжали на тротуары и разгоняли собравшиеся толпы.

Поздно вечером всех арестованных за этот день (14 апреля) рассортировали: около 150—170 человек задержали, а остальных переписали и отпустили на свободу.

Всю пасхальную неделю Варшава была неспокойна. 18 числа снова были попытки устроить демонстрации на улицах Новый Свит и Маршалковской. 21-го и 22-го опять были попытки устроить патриотические демонстрации (годовщина польской конституции) на тех же улицах. Все эти демонстрации очень быстро были рассеяны полицией и казаками, яростно пускавшими в ход нагайки. Так, напр., 22-го на Маршалковскую улицу потребовали после демонстрации 15 карет скорой медицинской помощи.

Во всяком случае неудачи этих дней нельзя приписать отсутствию солидарности и сознания своих интересов среди здешних рабочих. Следующий случай показывает, наоборот, как сильно эти качества развиты: в феврале месяце рабочие одного из небольших кожевенных заводов (около 200 чел.) устроили стачку с целью повысить свой заработок. Рассчитывая на огромное количество безработных, населяющих в настоящее время Варшаву (работы здесь везде сокращены почти на половину), хозяин рассчитал всех рабочих поголовно. Но безработные, которым он предложил работу, потребовали от него платы в 1½ раза больше той, которой добивались стачечники. Хозяин, понятно, уступил и принял назад своих прежних рабочих, вполне удовлетворив их требования.

Варшава, 25 апреля 1902 года.

* * *

В майской прокламации Центрального управления «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы» говорится, между прочим:

«Рабочие, товарищи! Никогда еще манифестация рабочего класса в день Первого Мая не имела такого значения в русском государстве, как в этом году. Наступило в высшей степени важное время, требующее от вас вполне сознательного отношения, всей энергии, всего богатырского самоотвержения, доказательств которого вы дали уже так много. Ведь приближается великий, исторический момент, когда перед движением цивилизации и свободы рухнет дикий царский абсолютизм. Ведь русский рабочий класс принял в том году настоящее революционное крещение и все в больших и больших массах вступает в борьбу с нашим общим врагом — царским правительством...

«В нынешнем году в России мы являемся свидетелями начала великой русской рабочей революции, которая должна сперва покончить с деспотическим правительством, чтобы иметь возможность потом справиться с капиталистическим строем. Весь цивилизованный мир удивляется теперь геройству русских рабочих и революционеров и ожидает их победы.

«Польские рабочие! В России наступает революция — и вы должны принять участие в этой революции, направленной против правительства, которое является и вашим правительством, в этой революции против дикости, которая свирепствует и над вами, против гнета, который и вас держит в оковах! Борьба русских рабочих должна быть и вашей борьбой, так как дело русских рабочих и ваше дело!..

«Польские рабочие! Вы знаете кто ваш враг и кто ваш брат. Ваш враг — царский абсолютизм и польско-русский класс капиталистов. Ваш брат — русский революционный рабочий класс. И как всегда, так и в этом году, вы пойдете на майскую манифестацию, помня о том, что там, где общий враг, — там и общий лозунг: „Да здравствует конституция! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует социализм!"».

Напротив того, в прокламации Центрального Комитета «Польской Социалистической Партии» нет ни слова о борьбе русских рабочих, а призыв польских рабочих к политической борьбе выражен словами: «долой иго завоевателей» (Precz z najazdem).

Из Вильны:

«В день 1 Мая с утра все дворники дежурили у ворот с дубинками в руках. На каждом перекрестке в наиболее оживленных центрах, кроме городовых, стояли также и околоточные надзиратели. Вообще весь город в этот день принял какой-то особый вид: не то праздничный, не то рабочий — словом, каждый как бы ждал чего-то. Интересно было наблюдать за прохожими в этот день: всякий ходил, как бы озираясь по сторонам; тихого и мирного обывателя, повидимому, сильно смущало обилие церберов и столь неожиданная бдительность полицейских.

«В 5½ часов вечера Валь впереди полусотни казаков выехал осматривать „позиции". Проехав Большую и Немецкую и найдя все спокойным, тут же отдал несколько распоряжений приставам и уехал. Демонстрация назначена была в 8 часов на Немецкой улице; но в виду того, что город был терроризован раз'езжавшими казаками, многие думали, что в этот день ничего уже не произойдет; тем не менее к 7 часам стало собираться много народу.

«Отправившись по Большой в Пушкинский сквер и прогуляв там несколько раз по главной аллее, я к 8 часам двинулся обратно на Большую. В сквере было сравнительно мало гуляющих, но на Большой тротуары положительно запружены народом. Главное — масса военщины и чиновников всевозможных ведомств. Полицмейстер проезжал несколько раз по Большой и останавливался у сквера, но ничего пока еще не произошло. Дойдя до почты, я направился по Благовещенской, чтобы оттуда выйти как раз вовремя на Немецкую. Выйдя на Немецкую, я положительно был изумлен: все окна домов были раскрыты, балконы положительно черны от стоявшей на них публики. Но вот наступает 8½ час. вечера. Полицмейстер приказывает запирать все магазины. На улице показываются отдельные патрули (кроме полицейских). Около Малого театра выстраиваются человек 70 казаков, а за ними пехота. Пристава снуют и как будто разыскивают кого-то.

«Вдруг из Еврейской улицы выскакивают 3 смельчака. Один с красным фонарем кричит: „Долой самодержавие, да здравствует свобода!".

«Но в ту же минуту на него набросилось несколько башибузуков: он был сбит с ног и в буквальном смысле истерзан. Это послужило сигналом. Из толпы стали выходить лица с красными флагами. Они моментально были схвачены и избиты, а затем отправлены в полицию. Одного из них убили: это столяр-еврей; когда его привезли в госпиталь Савич, он скончался. Вслед за этим из толпы стали выхватывать отдельных личностей или просто рубили с плеча.

«В тот же вечер в городском театре шла „Родина". В середине второго действия посыпались сверху в публику разноцветные бумажки и прокламации с надписями: «Поздравляем народ с праздником 1 Мая». Публика оживленно стала собирать падавшие сверху билетики себе на память. Валь был также в театре, и к нему в ложу также попало несколько таких „штучек". Через несколько минут раек уж был оцеплен, и забрали человек 35.

«На следующий день к тем, которые были арестованы на улице, применяли телесное наказание. Это вполне достоверный факт, и это практиковалось не только у нас, но и в Ковне и в Витебске. Те, которых арестовали в театре, сидят еще и теперь в полиции, хотя некоторых уже выпустили, но по всей вероятности их скоро всех освободят, так как на квартирах ничего не нашли. Общество сильно взбудоражено, особенно тем, что было применено телесное наказание, — этим возмущены все. Вообще поводов к недовольству полицией за этот день было много.

«Возбуждение в городе сильное. В общем при тех мерах, которые принял местный сатрап, демонстрацию можно считать удавшейся».

* * *

Ниже читатель найдет сообщение о не менее возмутительном истязании рабочих в Воткинском заводе. Режим массового применения розги, сменивший собой режим массового применения казацкой нагайки, одновременно проявился на западе, на востоке и на юге России, среди великорусского, малорусского и еврейского населения...

Вполне достойным и при данных условиях неизбежным ответом явилось произведенное 5 мая покушение на жизнь фон-Валя. Радостное чувство сознания, что беспримерное правительственное преступление не осталось безнаказанным, омрачается у нас только сожалением, что покушение не вполне удачно. Смелый мститель — Гирш Лекерт — предан военному суду.

По поводу нового подвига фон-Валя 4 виленские социалистические организации издали прекрасно написанную прокламацию, в которой разоблачают имена всех негодяев, участвовавших в позорной расправе. По поводу же покушения на фон-Валя царь прислал «мученику» розги сочувственную телеграмму. Цинизм коронованного идиота уже не может удивлять кого бы то ни было.

Нижегородский Комитет сообщает следующие сведения о майской демонстрации в Сормове:

«Товарищи! Все только и говорят о том, что произошло в Сормове 1 мая. Что же произошло там? Дадим себе отчет в случившемся и постараемся извлечь из него урок на будущее время. Много недовольства накопилось в душе рабочих и не раз это недовольство прорывалось наружу в беспорядках и разгромах. И на этот раз дело не обошлось без разгрома. В 5 час. вечера толпа рабочих направилась к заводской конторе и уничтожила там разные бумаги. То же произошло и в канцелярии пристава. Но вскоре на место происшествия явилась толпа сознательных рабочих. „Что вы делаете,—говорили они,—разгромом заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтожения теперешнего несправедливого порядка". Толпа послушалась увещаний. После этого, сплотившись толпой, сознательные товарищи направились по Большой улице с пением революционных песен и с красными знаменами, на которых были выставлены требования рабочих: Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует 8-часовой рабочий день!

«Народ сплошной толпой стоял по обе стороны улицы. Вид демонстрации так действовал на нее, что некоторые, слыша стройное пение, не могли удерживаться от слез. Были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли к ним и затем, повернувшись назад, продолжали свое

шествие. Солдаты бросились за ними и начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочие должны были уступить. Только один товарищ остался до конца, не выпуская из рук знамени. „Я не трус, и не побегу", крикнул он, высоко поднимая знамя, и все могли прочесть на нем грозные слова: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!".

«Товарищи! Кто из вас не преклонится перед мужеством этого человека, который один, не боясь солдатских штыков, твердо остался на своем посту. Мы никогда не забудем его примера, товарищи! И пусть все твердо запомнят те слова, что стояли на знамени. Пример его возбудит в нас горячее неудержимое желание до конца бороться за свободу. Выставим вновь наши требования и пропоем свои песни о свободе и мы твердо верим, что к будущей демонстрации присоединится большая часть рабочих. Итак, будем бороться до конца!

«А пока предлагаем вам, товарищи, делать сборы в пользу арестованных, пострадавших за наше общее дело.

Нижегородский Комитет
Российск. Соц.-Демокр. Рабочей Партии».

В самом Нижнем были 2 попытки устроить демонстрацию — обе неудачны.

Екатеринослав. В прошлый раз* мы пытались охарактеризовать вам тот специфический местный колорит, в какой окрасился у нас всероссийский усиленно-охранный режим, мы пытались показать вам, как целое население большого цветущего города очутилось беззащитным на большой дороге, где всякое отребье в видимом или невидимом полицейском мундире, нежданно-негаданно оглушая вас кистенем, вас же волочит потом в чащу-тюрьму за нарушение порядка на этой большой дороге. В этом местном колорите, вполне отражающем общий колорит современной российской действительности, недоставало, однако, одного мазка.

То был наш период до-демонстрационный, а в декабре у нас имела место первая открытая демонстрация, и тут наши местные рыцари самодержавного кистеня, с нашим сиятельным губернатором во главе, уже воочию и, так сказать, всенародно показали и показывают, что, собственно, на языке самодержавия называется охранением «порядка» и восстановлением «порядка».

Прежде всего, солдат, отправляемых на храбрый подвиг, нашли нужным подкрепить с двух сторон, согласно двойной природе человека: с одной стороны, духовно — при содействии напутственной речи из богобоязных уст православного попа, а, с другой, материально, при содействии солидной чарки водки из царского кабака.

С своей стороны сиятельный губернатор нашел нужным личным примером поддержать бодрость своих пеших и конных молодцов: в его сиятельных руках гарцовала нагайка, ничем не отличавшаяся от нагаек «молодцов», и большая публика воочию убедилась в том кровном родстве, которое существует между нагайкой и короной, будет ли то корона графская или царская.

Подготовительные работы были закончены, и все приступили к делу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантов, как это обыкновенно и бывает в первый момент, не было. По бульвару проспекта, против губернаторского дома, как и по смежным бульварам, в неопределенном, но инстинктивно-напряженном состоянии ходила взад и вперед большая толпа людей, в которой, помимо демонстрантов, полудемонстрантов и всякого рода робко сочувствующих, было много людей, которых просто-напросто заинтересовало это скопление солдат и городовых с губернаторской нагайкой во главе. Когда раздалось требование очистить бульвары, затерроризованные обыватели сейчас же, конечно, поспешили убраться. Но демонстранты и так или иначе примыкающие элементы, инстинктивно сомкнувшись теснее, не обратили внимания на это требование. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а уж потом раздался многоголосый боевой клич «долой самодержавие!», при чем над головами толпы развернулось несколько знамен, или же дело происходило в обратном порядке, — установить было трудно. Во всяком случае, знак был подан, и средь белого дня ночная сцена на большой дороге началась. Очевидно, по предварительным наставлениям прежде всего оглушали студентов: бросится несколько царских мясников на студента, оглушат его в восемь-десять кулаков и выволакивают за пределы бульвара, где лишь начинается настоящая бойня. Поднимаются вопли терзаемых; толпа, охваченная ужасом, бежит с криками: «убили!», но в беспамятстве бежит как раз в ту сторону, где действуют рассвирепевшие мясники, и получает свою долю прикладов, кулаков или нагаек, не будучи, однако, задерживаема. Но вот в этой же толпе показывается студент: его оглушают и начинают терзать. Вдруг раздается нечеловеческий визг какой-то женщины. Убегающая толпа, с расширенными от двойного ужаса зрачками, набегу же озирается назад и видит какую-то бегущую барышню со скрещенными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая рассекла теплую кофточку, платье, корсет и рубашку, оставив кровавый след на всю грудь *. Как и все ночные сцены на большой дороге, длящиеся для оглушенного путника целую вечность, все это было делом каких-нибудь 15 — 20 минут. Истерзанных и изувеченных царские разбойники уволокли в чащу-тюрьму, проспект обезлюдел, и «порядок» был «восстановлен».

В городе тотчас же установилось убеждение, что несколько студентов убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полноте бойню, о которой мы могли сказать только несколько слов, то вы поймете, что это убеждение должно было показаться всем полной достоверностью. К счастью, это оказалось не так. Даже наиболее зверски истерзанного и бездыханно уложенного на тюремную койку студента Каргина привели в чувство (правда, после неимоверных усилий) три врача, которых Келлер тотчас же прислал к избитым в тюремную больницу-камеру. Через неделю его, как и многих других, выпустили, а недели через три он совершенно оправился.

Одержав эту блестящую победу, храбрый генерал поскакал в Петербург за Георгием, а тем временем в Екатеринослав присланы были две сотни кубанских казаков (где же тут, подумайте, справиться собственными силами?), которых от времени до времени стали «проминать» по всем улицам города, в рабочих слободках и на виду всех заводов: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда-то вынырнула огромная масса ночных сторожей, которых снабдили дубинами в человеческий рост и которым вменено было неукоснительно хватать всякого «подозрительного» прохожего: это ночное по-скифски организованное войско охраняет стены, заборы и просто мостовую от моря прокламаций и воззваний, циркулирующих как в городе, так и в рабочих кварталах. Один-два примера покажут вам, как действует эта ночная народная милиция.

В один прекрасный день канцелярская мелюзга материальной службы Екат. жел. дор. была поражена необыкновенным случаем: пробило десять часов, а одного из их сослуживцев все нет как нет, между тем как всем известно, что он приходил чуть ли не в восемь и даже праздничные дни он, зверски скучая дома, за своим правленским перышком проводит на своем месте в управлении. Никому, конечно, и в голову не могло прийти, что в жизнь этого бедного Акакия Акакиевича ворвалась усиленно-охранная волна, а, между тем, дело так именно и обстояло. Вышел себе вечером сей Акакий Акакиевич погулять по проспекту и, охваченный быстрой пульсацией проспектной жизни, решил себе пир на оба пятиалтынных, которые имелись у него в кармане. Купил себе у Метцгера полфунта колбасы, купил в кондитерской вкусных пирожков, дал и царю поторговать за осьмушку и, наперед предвкушая столь редкие в его жизни лукулловские наслаждения, направился домой, в одну из окраинных улиц города (Короткая). Случаю угодно было, чтобы несовершенство человеческой организации вынудило его

---

* См. номер 12 «Искры».

* Впоследствии выяснилось, что это француженка, невеста одного из студентов, которого оглушили и начали терзать. Храбрая француженка было бросилась спасать своего жениха, но ее зверски хватили нагайкой и, наступая на нее верхами, заставил бежать.

остановиться у одного из заборов своей улицы. Моментально его шиворот очутился в чьих-то дюжих руках, перед его смертельно испуганными глазами выросла огромная дубина, а в оглушенных ушах раздался свирепый оклик: «что делаешь?». Как ни ошалел бедняга, как ни давил его шею стянутый шиворот, он все же сообразил, что это не босяк с пристани, а босяк из ночной царской охраны. На раздавшийся свисток моментально прискакал городовой, и мнимого расклеивателя прокламаций поволокли в участок, где, снабдив его шею на ночь парой здоровенных, чисто царских «лещей», его самого бросили в какую-то затхлую яму. Весь следующий день он отлеживал свой испуг дома, и вот почему его место в канцелярии так уныло и так непривычно пустовало в этот день.

А вот шнырял босяк по пристани целый день, ничего не промыслил и, не солоно хлебавши, направился вечером в ночлежный дом. Вдруг он увидел на мостовой белеющий лист бумаги, очевидно, кем-то утерянный. Поднял босяк бумагу и поднес к ближайшему фонарю: бумага не грязная, и даже пыли на ней нет. И вот он вынул из-за пазухи свой полуисклокоченный паспорт, тщательно укутал его поднятой бумагой и ехидно думает себе: ну, теперь «идолы» при обмене паспорта уж не станут глумиться над ним, что, мол, достается, видно, на пристани не только его шее, но и его паспорту, что он всегда в двадцати клочках. Но не успел он еще вызвать в своем воображении «идолов», которых он собирался оставить в дураках, как два действительных идола оглушили его буквально тем же манером, как и правленского Акакия Акакиевича. «Вашскоброд» докладывают в участке дежурному надзирателю царские ястребы: «вот... листки... бросает!». Босяка обыскивают, и оказывается, что паспорт заворочен в прокламацию. «Тр-р-рах! Тр-р-рах! Тр-р-рах!» Поблагословили, бросили в яму, а на другое утро предали жандармам в тюрьму*. Дело длилось целую неделю, абсолютно безграмотного босяка терзали, терзали, пока, наконец, и Делло увидел, что на сей раз российское самодержавие вне опасности. Так чем же вы тут не ночью в темном лесу под ежеминутными взмахами кистеня?

В Петербурге Келлер за свое декабрьское геройство получил, как и следовало ожидать, личную царскую благодарность и поощрение; но, вернувшись к своему посту, узнал, между прочим, что в научном обществе против него составился комплот. Нашлась там группа, которая задумала освободить общество от его почетного председательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитет, с молодым, но экзотически ранним, профессором химии (он же инспектор студентов) Куриловым во главе. «Посмотрим», сказал Келлер, и в ближайшее заседание общества наука имела наслаждение увидеть в своей тихой пристани не только его самого, но и почувствовавших неодолимую жажду напиться из ее светлого источника приставов и околоточных. Комплот, конечно, умер от апоплексического удара.

Приближалось 19 февраля. В воздухе и в прокламациях опять запахло демонстрацией, и Келлер довольно быстро стал вводить что-то вроде осадного положения. Казаков уже «проминали» раза по два-три в день, а рабочих все туже и туже стали держать в их рабочем гетто, ставя им всяческие препятствия проникнуть в город. Когда же он вдруг узнал, что демонстрация придвинута на 17 число, то он уже поступил совсем по военному времени. 16 числа из Нижне-Днепровска через Днепровский мост пропускали в город только женщин на базар, а сухопутную границу (со стороны Брянского и других заводов) совсем заперли конной и пешей полицией. Впрочем, кое-кто из нижнеднепровских рабочих напали на счастливую мысль: оделись бабами и проникли таки в город. Полиция узнала об этом и 17 утром стала пропускать на базар баб только после самого бесцеремонного «ощупывания». Тогда рабочие решили попытать счастье на лодках. Моментально появился крейсирующий пароходик, с бортов которого полиция об'явила, что она немедленно и даже без второго окрика пустит ко дну каждую лодку, которая осмелится выехать на реку.

Прибавьте к этому, что с 16 на 17 число Делло арестовал в городе массу публики, и вы поймете, что, действительно, происходившие 17-го и 18-го демонстрации были до крайности урезаны. Не обошлось без бойни и эти дни, но в памяти еще слишком жива была декабрьская бойня, чтобы обратить особое внимание на новую. Тем удачнее прошла демонстрация в прилегающей к Брянскому заводу слободе, которая тоже отрезана была Келлером от города. Здесь ряды рабочих со знаменами, приготовленными для шествия по городу, стройно прошлись при криках «Долой самодержавие!» перед самым носом ошарашенной, но немногочисленной полиции, — прошлись по всем четырем Чечеловкам (улицы) и к ним беспрепятственно присоединялись выбегавшие из своих квартир рабочие и даже их жены.

После 17-го и 18-го город уже очутился в настоящем осадном положении. Повсюду пешая и конная полиция, которая угрожает нагайкой даже детям, собравшимся в кучку поиграть, и те бегут, куда глаза глядят. Куда вы ни оглянетесь, перед вами, словно из-под земли, какие-то полуоборванные, с совершенно дикими лицами и с нагайками за поясом кубанцы, способные вызвать в вас кошмар нашествия фиджийцев. Так и кажется, что вот-вот раздастся: «в нагайки!» и эти фиджийцы не оставят кости на косте. Перед воротами двора губернского правления (в центре проспекта) и в самом дворе стоит кучками батальон солдат с боевыми сумками, а в глубине двора грозно торчат штыки поставленных в козлы ружей. Бульвары, обыкновенно с шести часов вечера кишащие беззаботной публикой, теперь в этот же час мертвенно пусты, а люди, нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить их нагайку, пробираются по тротуарам и, кажется, только и думают о том, как бы поскорей добраться до дому. И в таком тягостно-напряженном состоянии держали город всю масляную неделю.

А в это время беспрерывно переливается волна обысков и арестов, при чем даже знаменитой лапласовской голове вряд ли бы понятны были хотя бы самые элементарные их основания; разве только остановиться на принципе «через десятого»...

Если верно, что для плохого правительства самый плохой момент наступает тогда, когда оно начинает исправляться (а «сердечное» исправление Ванновского ведь лишний раз подтвердило эту истину), то лучшим ли для него является момент, когда на-ряду со жгучим негодованием оно вызывает и невольный смех? Поживем— увидим

Город Кременчуг вполне оправдывает на себе известный афоризм Маркса: «Мы страдаем не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития». Крупное производство здесь мало развито, и преобладающей формой промышленности является ремесло, если же и имеются фабрики, то по условиям производства и господствующим на них формам эксплоатации труда, они мало отличаются от ремесленных заведений. Здесь можно встретить фабрики, на которых рабочий день продолжается 14—15 час. в сутки, заработная плата крайне низка. В виде исключения можно упомянуть о некоторых табачных фабриках, лесопилках, чугуно-литейных заводах, железнодорожном депо и паровозостроительном заводе в посаде Крюкове, капиталистический характер которых обнаруживается гораздо более резкими чертами. До самого последнего времени местное рабочее движение ограничивалось почти исключительно ремесленным слоем населения, преимущественно евреями, и внешними проявлениями хроника здешней борьбы не была богата; изредка на фоне серой действительности появлялась прокламация или возникала мелкая стачка, что несколько нарушало мирный сон обывателей и тревожило покой наших церберов, которые, как бы спросонья, начинали метаться из стороны в сторону, производить повальные обыски, арестовывать ни в чем неповинных людей, не брезгуя даже детьми.

Переживаемый в настоящее время Россией революционный Sturm und Drang (буря и натиск) отразился и на нашем движении. За последнее время среди здешних рабочих, как ремесл, так и фабрик, заметен под'ем революцион-

* Там он и рассказал свою напасть нашим товарищам, в камеру которых он попал.

ного духа и развитие политического самосознания; движение мало-по-малу начинает охватывать широкие круги фабричных и заводских рабочих, насчитывающих в своих рядах немало русских; спрос на легальную и нелегальную литературу растет очень быстро; с особенным интересом читаются «Искра» и «Южный Рабочий», всякие сведения о происходящих в последнее время демонстрациях схватываются на лету и с необычайным энтузиазмом передаются друг другу.

Местное общество также начинает обнаруживать некоторый интерес и сочувствие к революционному движению. Так, напр., разосланные здешним Комитетом печатные прокламации «К обществу» Харьковского Комитета произвели большое впечатление; несколько дней после этого только и разговору было, что о них. В некоторые общественные учреждения (городскую управу, земскую больницу) явилась полиция и потребовала у некоторых служащих (членов управы, врачей) выдачи прокламации. Многие отказались это сделать, хотя некоторые и вернули ее.

Незадолго до 19 февраля по городу разнеслись слухи о предполагающейся будто бы демонстрации; многие обыватели представляли себе последнюю не иначе, как в виде бунта или еврейского погрома, и потому в этот день опасались появляться на улице, пускать детей своих в школы и гимназии; возбуждение росло по мере того, как становилось известным, что для предупреждения или подавления демонстрации полицией предпринимаются чрезвычайные меры; действительно, войскам заранее были розданы боевые патроны, в некоторых казармах офицеры раз'ясняли солдатам как стрелять в толпу; в день 19 февраля в разных концах города были спрятаны отряды солдат; по городу вплоть до конца масляницы ходили патрули, главные улицы были сплошь усеяны полицейскими и шпионами; мост, соединяющий Кременчуг с Крюковым, был оцеплен солдатами и сообщение прервано. Население было крайне взволновано, и, казалось, недоставало лишь искры, чтобы вспыхнуло пламя... Тем не менее Комитет считал преждевременным вызывать рабочих на демонстрацию, так как в силу недостаточных связей с заводскими рабочими она могла носить неорганизованный характер и, принимая во внимание низкий уровень развития большинства рабочих и отсутствие интеллигенции, могла легко принять нежелательный характер бунта или погрома. В этот день были лишь распространены прокламации Центр. Комитета об'един. организ. юга России и различного содержания листки. Понятно, полиция после этого удвоила свою бдительность и стала всюду искать крамолу. Так, недавно она с шумом и треском накрыла несколько невинных вечеринок, носивших исключительно танцовально-увеселительный характер, при чем на одной были переписаны все присутствовавшие на ней, главным образом, гимназистки 6—7 класса; что касается другой облавы, то ее история такова: по случаю еврейского праздника «Пурим» детиподростки (12—16 лет) ставили в частном доме пьесу Шиллера «Разбойники». Перед самым началом спектакля врывается полиция в необыкновенном количестве (2 пристава с помощниками и 6 полицейскими, а к концу и сам полицмейстер), обыскивают всех, в виде вещественных доказательств отбирают декорации, оружие, костюмы, деньги и т. д. Двоих из участников конвой полицейских ведет в участок, где их задерживают на сутки. На следующий день в участке собирается грозный судейский трибунал из всех кременчугских держиморд, во главе с полицмейстером, туда же призываются все дети, которые подвергаются допросу от 4 час. дня до 12 час. ночи; полицию крайне смущает название пьесы («Разбойники») и найденное у артистов (правда, деревянное) оружие: очевидно дети являются агентами какой-то революционной партии, и к этому сводится весь допрос: полиция то ласками, то угрозами требует у детей назвать эту партию. Некоторые дети плачут, но большинство держится с сознанием собственного достоинства; так, напр., когда полиция врывается в «театр» и пристав обращается к «артистам» с вопросом, кто из них главный участник, один карапуз выступает вперед и мужественно восклицает: «Берите меня: я участник!». Во время допроса пристав предлагает одной гимназистке назвать ему фамилии всех ее товарок-социалисток, обещая в награду за это потушить дело о спектакле. Чем кончится весь этот фарс, неизвестно. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

13 марта по городу были распространены в количестве 1.200 экземп. прокламации: «Ко всем рабочим и работницам Кременчуга и Крюкова», боевого политического характера, в которых были выставлены требования свободы слова, печати, собраний, гарантии неприкосновенности личности и созыва народных представителей в парламент. Прокламации произвели довольно сильное впечатление на рабочих; к сожалению, значительная их часть попала в руки полиции. Недавно здесь произошла стачка портных (18 чел.), окончившаяся полной победой рабочих.

Профессорские нравы.

(Коррес. из Киева.)

«Профессора—не сало для мышеловок!»—за эту точную, как математическая формула, фразу получил в министерстве нагоняй киевский профессор физики Шиллер. Однако, этот точный в пределах своей науки профессор и его почтенные коллеги с большим правом могли бы выставить лозунгом своей деятельности за текущий семестр формулу: «профессора — сало для мышеловок». Что заставляло их, в самом деле, читать во что бы то ни стало лекции и всеми силами содействовать сыску?

Поездка в Петербург трех профессоров — «делегатов» воочию доказала вздорность каких-либо надежд на «реформы Ванновского». Мечты киевских профессоров об «особом совещании» министра с представителями всех университетов, надежды их на «профессорский с'езд» разлетелись, как дым, перед суровой действительностью: вызваны были профессора только из Киева, при чем двое из них для выговора за их несогласие с товарищем министра (теперь министром) Зенгером, сторонником политики мышеловок. Министр на все заявления о необходимости автономии университета неуклонно отвечал, что он — против автономии * и считает необходимым замещать должность ректора по назначению; вся причина упорства беспорядков заключается де в его — министра, неосведомленности и отсутствии у него энергичных сотрудников в учебной администрации. На замечание профессора, князя Трубецкого, что автономия только в том случае будет действительным средством против студенческих беспорядков, если административные власти будут лишены возможности вторгаться в университетскую жизнь, министр заявил, что все полицейские меры предпринимаются лишь с его согласия; ответом на это заявление послужил приезд через 2 дня из Москвы того же князя Трубецкого с братом его — профессором Московского университета, который, к изумлению генерала, рассказал ему, как накануне их от'езда увезено из Москвы по направлению к Вятке 2 вагона с запертыми в них 60-ю студентами. Какие безобразия учиняет в том императорском заведении, которое называется университетом, сам министр, какие — жандермерия, трудно разобрать.

Во всяком случае поездка профессоров имела два осязательных результата: 1) для них вполне выяснилось, что обещания коренной реформы с опросом в летние месяцы прошлого года советов всех университетов — политический обман; 2) профессора Киевского университета получили право решать вопрос о закрытии университета. Но профессора не захотели, закрывши университет, присоединиться к требованиям студенчества. Они затеяли подлую травлю своих более честных учеников и добились того, что университет закрыт только наполовину.

Университет по решениям совета в течение февраля и половины марта открывался и закрывался, занятия не шли. Профессора с помощью инспекции вылавливали обструкцию, всячески препятствуя выражению общего

---

* Профессор Сикорский, известный тип хамелеона, сравнивал перед студентами опрос советов и «реформу» Ванновского с историческим лечением Алексея Михайловича, когда опрашивали многих врачей, а затем их писанные мнения передавали думным боярам, которые, уставя брады свои, и назначили лечение по-своему.

мнения. Профессора политехнического института за их открытый, математически точный образ действий, основанный на подсчете студенческого большинства, признанного теперь даже «временными правилами», подвергались не меньшей травле со стороны своих университетских коллег, чем студенты. Студентов после закрытия университета впускали только по билетам постепенно, начиная со старших курсов. Массовое действие было невозможно, и в это время инспекция ловила более смелых единичных забастовщиков. Так, стараниями гг. профессоров в разное время уволено около 100 студентов, часть которых, кроме того, попала в тюрьму за обструкцию.

Университет был закрыт 5 февраля, 4 марта открыт и в тот же день закрыт; затем — открыт 7-го, чтобы после энергичной обструкции ворвавшейся без билетов с песнями толпы студентов быть закрытым с 9 по 18 марта. Профессора решились тут на дикую массовую меру, — исключить все первые курсы — около 600 человек, без опроса их, без подсчета даже большинства, хотя бы курсовыми сходками. Для вторых курсов университет закрыт до осени. Нечего и говорить, что теперь лекции шли лишь соединенными силами «оппозиции», собравшейся «из принципа» со всех факультетов на какую-нибудь лекцию. В течение недели слишком с 18 марта университет оцеплялся полицией, на парадной лестнице науколюбивых юношей встречали толпы шпионов-педелей, контролировавших билеты; на площади, как на параде, дефилировали колонны городовых (наряда 3—4 по 80 чел.) с десятками околоточных, прогуливались казацкие офицеры, сотни которых спрятаны были по соседним дворам. Сам полицмейстер с помощниками мобилизовали силы. Тротуары полны были студентами, освистывавшими шедших на лекции профессоров. Некоторые из последних (г. Челпанов) уходили из «храма науки» задворками. Большинство старших курсов (юристы 4-го, медики 3-го и 4-го, естественники 4-го) решили прекратить занятия, некоторые из них проводили свое решение обструкцией, но энергия «добронравной» оппозиции и гг. профессоров привела к тому, что на старших курсах теперь уже, к самому концу учебного года, лекции идут. Так, на одном курсе поднят был четырьмя студентами вопрос о забастовке, тою же ночью трое из них арестованы — «по поклепу их же коллег», как об'яснил жандармский офицер. Г. Морозов, один из «порядочных» до сих пор в Киеве профессоров, увел на-днях меньшинство 3-го курса медиков от обструкции большинства и заперся с ним в другой аудитории на ключ; тем временем забастовщиков переписали. Вполне оправдалась, отныне не менее знаменитая, чем сам проф. Сикорский, фраза его: «Пусть в университете останется 25 студентов, а все-таки наука будет процветать!!» Надо было слышать подленький, хамский смех, которым сопровождалось это изречение киевского науколюбца, председательствующего в попечительстве о неимущих студентах и участвующего во многих местных филантропических обществах. Много подобных образцов фарисейского цинизма можно было бы привести для характеристики профессорских нравов. Вот какими правдивыми и сильными словами характеризуют своих наставников сами студенты: (см. прокламацию Киевского Союзного Совета от 26 марта). Обрисовав тип студента — Молчалина и карьериста, вполне определившийся в студенческой среде, Киевский Союзный Совет восклицает: «И в эту-то трудную минуту, переживаемую студенчеством, профессора только разжигают дикие страсти, вызывают низменные инстинкты. Люди изгоняются сотнями из университетов, томятся в тюрьмах, ссылаются в Сибирь, а наши наставники, нравственный облик которых должен быть примером для подражания, идут читать лекции в зловонные (от вонючих газов) аудитории. К рабам можно относиться с состраданием, но лакей вызывает презрение. Ваш же поступок вполне лакейский: подвергаясь оскорблениям, вы имели бы вполне основательные причины не читать лекций и не вызывать новых жертв. Вы же продпочли под охраной нагаек просвещать своих достойных питомцев. Вы трусливо забегаете вперед и падаете ниц перед правительством, осквернившим себя кровью замученных жертв. Вы закрываете и открываете университет, чтобы парализовать наши силы, вы играете с нами в кошку и мышку, изобретаете различные шахматные ходы, чтобы дать нам мат. Те подленькие чувства, которые дремали бы на дне души многих студентов из оппозиции, вы вызываете к жизни, облекаете в плоть и кровь. Вы производите провокаторов и шпионов среди студенчества, развиваете самые дурные чувства и, если нравственный уровень части студенчества понизился и понижается, то в этом виноваты вы. Во что обратился университет? В полицейский застенок, в отделение жандармского управления. Там больше шпионят и провокаторствуют, чем занимаются. Товарищ хватает за борт товарища, отнимает у него билет. Самое деятельное участие в университетской жизни принимают теперь субинспектора и педеля, и ваши лекции служат шпионским целям *, чтобы можно было выловить обструкционистов и отличить благонравных. И после этого вы смеете говорить о чистоте науки! Наука, защищаемая штыками, покупаемая ценою массовых увольнений, развивающая предательство, такая наука — чистая, святая!?.. Прежде, чем учить нас о том, что наука должна быть свободна от политики,—освободите вы сами науку от вашей политики, — политики преступления, позора и предательства, освободите себя от мелких побуждений, от рабских чувств, от полицейских интересов, ничего общего ни с чистотой, ни с наукой не имеющих».

Рвение гг. профессоров на почве умиротворения студентов путем их полицейской фильтрации и политического развращения об'ясняются словами проф. Сикорского, произнесенными так же, как и предыдущие, публично и заслуживающие того, чтобы быть опубликованными. Признавая вместе с проф. Морозовым, что — «временные правила» Ванновского — «шаг назад», и вместе с тем навязывая их студенчеству, он сказал:

— Недовольство навевается на вас извне агитаторами. Социализм, как сифилис, губит многих молодых людей...

Лучших слуг, чем киевские профессора, нашему дикому, тупому самовластью, — не надо.

Академия Наук и М. Горький.

Нам прислан следующий интересный документ:

«А. Н. Веселовскому (председателю II отд. Академии Наук.)

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич!

«В конце прошлого года я получил приглашение участвовать в выборах по Отдел. русского языка и словесности, и Разряду изящной словесности и, следуя этому приглашению, подал свой голос, между другими, и за А. М. Пешкова (Горького), который был избран и, как мне известно, получил обычное в таких случаях извещение о выборе.

«Затем в „Правительственном Вестнике“ и всех русских газетах напечатано об'явление „От Академии Наук“, в котором сообщалось, что, выбирая А. М. Пешкова — Горького, мы не знали о факте его привлечения к дознанию по 1035 ст. и, узнав об этом, как бы признаем (сами) выборы недействительными.

«Мне кажется, что, участвуя в выборах, я имел право быть приглашенным также к обсуждению вопроса об их отмене, если эта отмена должна быть произведена от имени Академии. Тогда я имел бы возможность осуществить свое неот'емлемое право на заявление особого к этому предмету мнения, так как, подавая свой голос, знал о привлечении А. М. Пешкова к дознанию по политическому делу (это известно очень широко) и не считал это препятствием для его выбора. Мое мнение может быть ошибочно, но и до сих пор оно состоит в том, что Академия должна сообразоваться лишь с литературною деятельностью избираемого, не справляясь с негласным производством постороннего ведомства. Иначе самый характер академических выборов существенно искажается и теряет всякое значение.

---

* Вот об'яснение, которое дал в Петербурге жандарм родственнику одного старосты: «Господа старосты вели себя очень неосторожно и откровенно высказывались в беседах с профессорами» (см. изд. «Кассы радикалов» от 11 марта).

«Выборы почетных академиков по существу своему представляют гласное выражение мнения Академии о выдающихся явлениях родной литературы. Всякое мнение, по своей природе, имеет цену лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмене или ограничению могут подлежать лишь формы его обнаружения и его последствия, но не самое мнение, которое, по природе своей, чуждо внешнему воздействию. Только я сам могу правильно изложить мотивы моего мнения и изменить его, а тем более об'явить об этом изменении. Всякая человеческая власть кончается у порога личной совести и личного убеждения. Даже существующие у нас законы о печати признают это непререкаемое начало. Цензуре предоставлено право остановить оглашение того или другого взгляда, но закон воспрещает цензору всякие посторонние вставки и заявления от имени автора. Мне горько думать, что об'явлению, сделанному от имени Академии, суждено впервые, кажется, ввести прецедент другого рода, перед сущностью которого совершенно бледнеет самый вопрос о присутствии того или другого лица в составе почетных академиков. Если бы этот обычай установился, то мы рискуем, что нам могут быть диктуемы те или другие обязательные взгляды и что о перемене наших взглядов на те или другие вопросы (жизни и литературы) может быть об'являемо от нашего имени, совершенно независимо от наших действительных убеждений. А это — величайшая опасность в глазах всякого, кто дорожит независимостью (и значит) искренностью и достоинством своего убеждения. Смею думать, что это — величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

«В виду изложенных, по моему мнению, в высшей степени важных принципиальных соображений, я и считал необходимым обратиться к вам с просьбой известить меня о времени заседания Отдела и Разряда по этому поводу. К сожалению, моя просьба запоздала и уже тогда, к крайнему моему прискорбию, я предвидел, что мне останется только сложить с себя звание почетного академика, так как по совести я не могу разделить ответственности за содержание сделанного от имени Академии об'явления. Но я считаю своей нравственной обязанностью перед уважаемым учреждением прежде изложить свои соображения в собрании Отдела и Разряда, которое, быть может, указало бы мне другой выход, согласный с моей совестью и достойный высшего в нашем отечестве научного учреждения. Оставаясь при этом мнении, я прошу вас, глубокоуважаемый А. Н., сообщить мне, находите ли вы возможным созвать в ближайшем времени собрание Отдела русского языка и словесности и Разряда изящной словесности для выслушания моего заявления, которое я в таком случае буду иметь честь представить.

Примите и пр. Вл. Короленко.

6 апреля 1902 г.».

Как же думает поступить Академия Наук?

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Воткинский завод. (Начало апреля.) На нем около 5.000 рабочих, всех же жителей около 25.000. Числа 26 марта все население Воткинского завода приняло праздничный вид. Рабочие бросили работу, выкинули красный флаг с надписью: «Все как один!» и пред'явили управляющему требования: 8-часовой рабочий день и повышение расценков. Все было так хорошо организовано, что ни полиция ни начальство и не подозревало о готовящихся событиях. Руководителями движения начальство считало каких-то двух рабочих, которых звали там «студентами». Бросив работу, рабочие, прежде всего, оборвали все телеграфные проволоки, потом проникли в контору. Оттуда они вывели управляющего и доктора, держа над их головою красное знамя, и, несмотря на долгое сопротивление, заставили управляющего подписать их требования — 8-часовой день и повышение расценков. Какой-то мелкий служащий (по слухам телеграфный чиновник) отправил депешу с нарочным куда следует. Когда на место прибыл исправник, рабочие его арестовали. Говорят, управляющий и доктор (большой мерзавец) отпрашивались у рабочих «пообедать». Последние бросили им кусок гнилого хлеба со словами: «Покушайте-ка того, чем принуждены кормиться рабочие». Когда среди рабочих прошел слух, что их «студенты» исчезли, они кинулись к квартире станового (это было еще до приезда исправника), разгромили ее, вытащили станового и начали требовать у него указания, где «студенты». Тот долго не соглашался, но, наконец, сказал: «Ну, хорошо, пойдемте, я вам покажу». Он привел их в камеру судьи, где действительно находились арестованные «студенты». Рабочие освободили их. В конце-концов управляющий ускользнул, а доктора и одного лесничего держат под арестом. Теперь туда отправился вятский губернатор и посланы войска из Казани. На-днях прошел слух, что к воткинским рабочим присоединился и Ижевский казенный завод. Там рабочих до 30.000. Народ отчаянный. У них много оружия. Воткинские рабочие забаррикадировали плотину своего пруда (единственный путь, ведущий к ним) и поставили на нем пушку (благо они изготовляются на заводе).

* * *

Об окончании беспорядков сообщают следующие возмутительные подробности:

«Следствием, произведенным губернатором (вкупе с сарапульск. прокурором, вятским жандармским полковником и вятским полицмейстером), обнаружено было, что „зачинщиками“ беспорядков была заводская молодежь, а вдохновителем ее — недавно прибывший в заводы (и, кажется, поступивший на них в качестве рабочего) один родственник воткинского торговца некто Аарон Зюсман (молодой человек, очень интеллигентный). Следствием этим установлено было также, что рабочие в последнее время устраивали сходки, что среди них циркулировала нелегальная литература и т. д.

«Результатами этого предварительного следствия были: 1) арест и отправка в сарапульскую тюрьму 69 чел. рабочих и 2) наказание розгами 35 человек из них. Наказанию розгами подвергнуты были якобы несовершеннолетие из рабочих, но в первую голову — Зюсман (человек, как я уже сказал, пришлый и интеллигентный), и рабочий Шадрин (тоже, кажется, пришлый), которому около 40 лет. Последний пострадал за то, что хранил у себя и не хотел отдать губернатору подписанное Трояном требование рабочих.

«Экзекуция происходила на базарной площади и... „народ безмолвствовал“»...

Бежица (Орловской губ., Брянского уезда).

Положение на заводе страшно натянутое. По рассказу местного жителя, принадлежащего к заводской администрации и являющегося по отношению к рабочей массе, так сказать, посторонним наблюдателем, весь завод находится в брожении. По заводским улицам и паркам то и дело видишь кучки рабочих с мрачными лицами и с сдержанной страстностью обсуждающих жгучие для них вопросы о безработице. Вся местная буржуазия чует приближающуюся грозу и страшно перепугана. До чего доходит страх, видно из того, что все причастные к заводской администрации лица спешат застраховать жизнь, а некоторые даже отправляют ценные вещи на хранение за пределы завода. Настроение рабочих действительно таково, что достаточно спички, чтобы запылал самый хаотический пожар в виде разгрома завода или бунта.

Такое настроение неудивительно при тех возмутительных притеснениях со стороны администрации завода, которым, кажется, не предвидится конца. Заводское начальство, повидимому, хочет намеренно вызвать бунт, чтобы рассчитать многих рабочих. Вот несколько примеров возмутительного поведения заводской администрации.

1 апреля в кузнечном цехе у прессовщиков сбавили расценку с 80 коп. на 50 коп. за 1 тысячу заклепок. Кроме того, при учете работы 45 тысяч заклепок «замотали», т. е. попросту говоря украли, не проставивши их в учет. Все 70 прессовщиков после таких возмутительных фактов заявили, что не будут работать и берут расчет. В виду наступающих праздников многие рабочие пошли к начальнику чугунного цеха Галину просить выдать плату (которую заводское начальство держит больше месяца) несколькими днями раньше назначенного для выдачи платы срока. Пошли просить потому, что этим рабочим буквально есть нечего, и, кроме того, плату назначили выдавать в пятницу страстной, а в субботу все многотысячное заводское население должно успеть закупить в местном магазине продукты к празднику — понятно, какая неурядица должна будет от этого произойти. Галин просителей оштрафовал, а инициаторов просьбы уволил. Мастер кузнечного цеха Демосфёнов проявил особенное усердие в отыскании у рабочих нелегальных брошюр. Заметивши, кто из рабочих имел таковые, он набрасывался на этих рабочих, вырывал брошюры и бил ими по лицу злополучных читателей. А двух рабочих за чтение брошюр назначил к расчету. — Один из приставов местной полиции проявляет свое холопское усердие, занимаясь распечатыванием писем подозрительных рабочих.

Терпение рабочих от всех таких безобразий начинает лопаться. В начале апреля они сильно избили шпиона Мартиренко, так что последнего отправили в больницу. Урок был хорош, потому что побитый агент говорит, что ни за что не останется теперь в Бежице. (Его колотят уже второй раз; но первый раз легко.) Неделей раньше побили стекла в доме и самого поколотили одного подмастерья, занимающегося провокацией. — К 1 мая хотят рассчитать до 3 тысяч рабочих. Упраздняют мостовой, литейный цехи и вальцовку, оставляют только механический и вагонный с комплектом в 6 тысяч рабочих. На случай волнений принимают меры: 1 роту солдат уже пригнали из Брянска и спрятали на хуторе. Ждут еще 7 рот.

Из жизни глухих заводских углов.

Каменный Брод, Волынской губ. Фаянсовый завод Зусмана с 400 рабочих (евреев и христиан) расположен в лесу среди топких болот. Кругом этого завода имеются только несколько деревень, а ближайшее местечко находится на расстоянии 10 верст.

С месяц тому назад на этом заводе имел место следующий случай: малолетний рабочий, «надевая ремень на ходу», был захвачен трансмиссионным валом и едва не убит. Только благодаря тому, что тотчас же был вызван врач, мальчика удалось привести в чувство. Оказалось, что у него переломаны левая нога и 3 ребра, вывих правого плеча и значительно повреждена черепная полость. Понятно, какой переполох поднялся на заводе и в конторе. Особенно волновалась администрация в виду того, что только в прошлом году был убит рабочий на этом же заводе при смазывании машины на ходу, а также в виду того, что фабричный инспектор В. А. Козьмин за последнее время уже написал несколько протоколов и уже несколько раз оштрафовал администрацию за небрежное отношение ко всякого рода ограждениям. Дело в том, что фабричная инспекция строго запрещает надевание ремней на ходу, а так как частое приостанавливание главного двигателя сопряжено с сравнительно большой затратой, то на всех фабриках стараются разными путями обходить этот закон. На некоторых фабриках, где заведующие—люди более или менее добросовестные, устраиваются так называемые «холостые шкивы», но это удается устроить только там, где место позволяет, на других же фабриках стараются о том, чтобы «шпонки» едва выступали из втулки шкива, и тогда надевание ремня на ходу представляет меньше опасности. На заводе же Зусмана заведующий Литинский, человек необразованный, грубый, простой практик, решил обойти этот закон иным способом. Он намечал себе среди рабочих наиболее смелого и раз навсегда поручал ему надевание ремней на ходу. Такой рабочий получал за эту обязанность, конечно, особую плату. Этот способ практикуется Литинским уже давно, но обнаружилось только теперь, после этого несчастного случая с злополучным 15-летним рабочим, единственным сыном у своих родителей. Теперь уже известно, что этот мальчик получал за «надевание ремней на ходу» по 1 рублю в неделю. Администрация больше всего боялась, как бы об этом не узнал фабричный инспектор Козьмин, и поэтому заставила рабочих свидетелей рассказать приставу, что несчастный мальчик вовсе не надевал ремень, а нагнулся затем, чтобы поднять упавшее пальто, которое раньше висело на трансмиссионном вале. Не успокоившись на этом и еще сильно дрожа над своей шкурой, управляющий в тот же день поехал к судебному следователю Поливоде, захватив с собой пару роскошных колонн с не менее роскошными вазами. Поливода, которому приходится не впервой «брать», очень благосклонно принял этот подарок и посоветовал ему «соврать получше», так как ему и за пальто (ибо вешать пальто на машине воспрещено) может влететь от фабричного инспектора. Прискакав обратно в Каменный Брод, управляющий застал уже там фабричного инспектора, и ему трудно было уговорить всех рабочих врать по-новому. Показания получились противоречивые, из чего Козьмин понял почти все. Дело пока передано суду. По закону (за надевание ремня во время хода машины) Литинский должен сидеть 4 месяца в тюрьме, но будет ли он в тюрьме — покажет будущее.

Волынец.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЗ ФРАНЦИИ.

(Конец апреля.)

Предстоящие во Франции выборы крайне знаменательны как по тому характеру, который приняла здесь партийная борьба, так и по отношению социалистов к буржуазным фракциям.

Всякий внимательный наблюдатель внутренней политики «дружественной» страны легко заметит, из-за чего ведется спор между двумя фракциями буржуазии, из которых одна называет себя республиканской, другая националистической; заметит также, как все более и более ослабевает крайний правый, монархический элемент в последнем лагере. Пусть Дерулед [4] мечтает о короне, пусть Дрюмон [5] симпатизирует монархистам, пусть поэт Коппэ и критик Лемэтр славословят престолы, пусть все они будут в душе самыми ярыми и завзятыми антиреспубликанцами, факт тот, что в своих публичных заявлениях, в своих органах, на собраниях, перед своими сторонниками они должны выступать республиканцами, а это является самым лучшим, самым ярким доказательством того, что пресловутая опасность, угрожающая буржуазной республике со стороны реакционных партий, — чистая фантазия, а говорить и в особенности кричать об этой опасности — политический маневр. Надо дать исход революционному настроению французского пролетариата, надо отвести его громы, готовые разразиться над всем буржуазным строем— и сознающая свои классовые интересы, т. е. республиканская, буржуазия пускается со всех сил запугивать рабочий класс призраком монархии. Нет спора, между двумя частями французской буржуазии ведется упорная борьба из-за экономических интересов; то борьба торговой буржуазии с финансовой, промышленной, с аграрной; нет спора, в этой борьбе и той и другой стороне выгодно в интересах победы привлечь на свою сторону сильный численностью пролетариат; но постоянно прогрессирующее развитие классового сознания рабочих, значительно усилившееся за последние годы рабочее движение заставляют ту сторону, которая хочет опираться на рабочий класс, быть на сторожке, и, пользуясь громом, в то же время отводить его.

Пусть гремит, пусть очищает воздух, пусть уничтожает соперников, но только... не затрагивать к о р н е й... Больше по поверхности и меньше вглубь!.. Такова тактика всякой буржуазной партии по отношению к рабочему классу, такова его система политического

воспитания... Всячески угрожая, одна партия — опасностью, которой подвергается республика, другая — разорением, крахом, к которому будто бы идет Франция, благодаря республике, обе они сходятся на признании необходимости борьбы с социалистами. Одни твердят: мы должны бороться с клерикалами и социалистами; другие варьируют: мы должны бороться с франк-массонами и социалистами.

Вытекающее отсюда поведение революционных социалистов было просто и ясно.

Тщетно пытались Жорес, Мильеран[6], Вивиани[7] и К° уговорить пролетариат, что нитка, на которой держится теперь республика, так тонка, что рабочие должны временно оставить всякий социализм и притти на помощь спасителям республики; после Турского [8] конгресса многим, даже из вчерашних закадычных друзей упомянутых господ, стало ясно, что эти речи вели не социалисты, а чистейшие представители буржуазного класса, правда, очень умные и знакомые с слабою стороною французского пролетариата.

Тщетно пытаются здешние Зубатовы, вроде Лануара и Бьетри, организаторов «желтых синдикатов» *, удерживать рабочих от... политики (конечно, социалистической); поведение «желтых», их тесный союз с таким буржуазным политиком, как Мелин [9], их слишком явная умеренная политика, их борьба с революционерами раскрывают мало-помалу глаза даже самым недальновидным рабочим.

Об'единившись после прошлогоднего Лионского [8] конгресса в одну «Социалистическую Партию» («Союз Социалистов-Революционеров»), гедисты, бланкисты и несколько приставших к ним автономных федераций выработали общий план действий и одинаковые избирательные заявления всех кандидатов, выступающих от имени партии. Впервые в истории социалистического движения Франции партия выставляет кандидатов почти во всех 589 избирательных округах. Партии неважно приобрести столько-то и столько-то депутатских мест; ей важно, пользуясь избирательной кампанией, вести самую широкую пропаганду своих революционно-социалистических идей. Она выставляет своих кандидатов всюду, как во всех округах Парижа, так и во всех самых глухих и отдаленных деревушках, куда еще ни разу не проникал социализм; она выставляет своих кандидатов одинаково как против националистов-реакционеров всяких оттенков, так и против так называемых «республиканцев» всех оттенков, от Барту и Бриссона до Жореса.

Не боясь обвинений в антипатриотизме, партия везде подчеркивает свой интернационализм, заявляя себя «частью международной организованной социал-демократии».

Республиканцы в политике, кандидаты партии хотят истинно демократической республики, а таковой может быть только общество, построенное на социалистических основах; они отказываются защищать и осуждают современную плутократическую республику, коленопреклоняющуюся перед русским царем, расстреливающую рабочих-стачечников, заигрывающую с папой, словом, республику буржуазную со всей ее антидемократической политикой.

Будучи социалистами, они выступают против тех ничтожных социальных реформ, которые, отнюдь не облегчая положения рабочего класса, напротив, ложатся на него тяжелым бременем. Таково пресловутое сокращение рабочего дня до 10½ часов, введение которого с 1 апреля сопровождается всюду понижением заработной платы **;—таков проект пенсии старикам-рабочим, только облагающий рабочих новым налогом путем вычета из заработка определенных процентов в пенсионную кассу и помогающий им в таком возрасте... до которого не доживают 94% рабочих; таков, напр., функционирующий теперь налог на окна и двери, который должен в силу закона падать на домовладельцев, а завершился лишь повышением цен на квартиры... таков... но было бы слишком долго перечислять все те реформаторские миражи, которыми французская радикальная буржуазия пытается склонить на свою сторону рабочий класс.

Революционеры, кандидаты партии заявляют себя в решительной оппозиции ко всем буржуазным партиям; они отказываются от временных ничтожных успехов, купленных ценой компромиссов, и видят единственный исход из современного положения вещей в революции, которою руководил бы организованный и сознательный пролетариат.

Ясно, что при такой постановке дела борьба между буржуазными партиями и социалистической будет горячей, и для последней трудной. Социалисты не располагают ни деньгами, необходимыми для широкой избирательной кампании, ни правительственными агентами, пускающими в ход в интересах своих кандидатов все колеса государственного механизма, ни средствами давления со стороны хозяев, которыми так широко пользуются буржуазные партии во время выборов. Не даром также прошел для партии только что пережитый кризис: измена партии со стороны разных Жоресов, Мильеранов и К°, увлечение ими части рабочего класса, дезорганизация партии и т. д.

Особенный интерес представляют теперь кандидатуры Жюль Геда и Рэнэ Шовэна. Первый борется в Рубэ против всемогущего заводчика депутата Мотта, которого поддерживают правительство, хозяева и псевдо-социалисты жоресовского лагеря. Кандидатура Шовэна (парикмахера) выставлена партией в 12 округе Парижа против министра торговли Мильерана, сжегшего с тех пор, как он стал у кормила власти, все, чему поклонялся раньше.

Нет сомнения, что не социалисты выйдут победителями из предстоящей схватки, победителями в смысле числа приобретенных мест. Материальная победа останется не за ними. Но за ними останется другая, в тысячу раз большая моральная победа: рост классового сознания рабочих, приобретение новых сторонников, окончательное поражение оппортунистического социализма как социализма и широкое распространение в стране принципов социализма революционного.

P. S. Корреспонденция была уже набрана, когда стали известны результаты выборов. Как следовало ожидать, не революционные социалисты вышли победителями из борьбы; они сохранили позицию, которую занимали до выборов — и только. Жюль Гед пал жертвою невероятного давления хозяев и правительства. Все же, однако, число голосов, поданных за него теперь, возросло на 700 сравнительно с тем, что он получил в 1898 г. (тогда 7.998 голосов, теперь 8.728). Чувствительную потерю потерпели гедисты в лице молодого депутата и неутомимого пропагандиста Зеваэса. Зато выбран в депутаты Делори, мэр Лилля. В 12 округе Парижа, в котором раньше не было ни одной гедистской группы, Шовэн получил 27 апреля 1.094 голоса, тогда как Мильеран получил около 5.000 голосов (в 1898 г. он был избран 8.000 голосов), и националист Пешен 4.000 гол. Произошла перебаллотировка, и прошел министр Мильеран незначительным большинством. Парламентская группа «Союза Революционных Социалистов» будет состоять теперь из членов, среди которых 3 гедиста: Делори, Дюфур, Констан, 6 бланкистов: Вальян, Самба, Вальтер, Шовьер, Котан, Аляр, и 3 из других организаций: Дежант, Тиврье и Буври. Два депутата, Бенезек и Барон, выставившие свою кандидатуру как гедисты, намерены теперь войти в группу жоресистов. Последние, пользовавшиеся правительственной поддержкой и заключившие перед баллотировкой союз с радикалами и даже умеренными (вроде Ив. Гюйо), вышли, конечно, победителями. Они потеряли нескольких выдающихся вожаков, как Вивиани, Фурньера, Альмана, но провели зато в палату Прессансэ, Жореса, Жеро-Ришара, Бриана и др.... Если Бенезек и Барон окончательно войдут в их группу, у жоресистов булет в парламенте 35 человек, т. е. на 6 больше, чем было в прошлой палате.

[Г. Лейтейзен (Линдов)].

---

* Так называют французские рабочие те организации, которые буржуазия создает из мастеров, надсмотрщиков, шпионов и забитых простаков для борьбы с рабочим движением.

** При обсуждении этого закона социалисты требовали одновременного введения и минимальной заработной платы.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В БЕЛЬГИИ.

Уже 18 лет католическая партия управляет Бельгией. Всеми средствами старается она укрепить свое положение. Несмотря на то, что эту партию поддерживает меньшинство населения, несмотря на то, что при последних выборах за нее было подано на 30.000 голосов менее, чем за либералов, демократов и социалистов в совокупности (даже при настоящей системе выборов, о которой говорилось в предыдущей корреспонденции), она продолжает управлять страною, — продолжает управлять ею в интересах небольшой группы капиталистов, опираясь на попов, аристократов и на невежественную, забитую массу крестьянства.

Политика этой партии ложится, прежде всего, на плечи рабочего класса. В Бельгии до сих пор почти нет фабричных законов, до сих пор значительная часть рабочих и крестьянская масса оказываются неграмотными (30% населения), до сих пор старики и больные рабочие должны нищенствовать. Понятно поэтому, что именно рабочая партия решилась во что бы то ни стало освободиться от гнета правящей клики. Несомненно, что только введением всеобщего и равного избирательного права, не искаженного никакими компромиссами, можно подорвать силу торжествующей реакции. XVI конгресс рабочей партии решил добиваться уравнения политических прав и сосредоточить на этом требовании все силы партии. Весь последний год партия посвятила организации своих сил в виду этого требования, устраивая целый ряд демонстраций, сотни митингов, распространяя тысячами брошюры и воззвания.

К этой агитации сочувственно относились передовые слои буржуазии, так как политика католиков вредит в конце-концов экономическому развитию всей страны. Либеральная и демократическая партии присоединились наконец к требованию рабочей партии.

К сожалению, это присоединение либералов к социалистам было связано с компромиссом. Вместо того, чтобы неуклонно итти своим революционным путем, привлекая к себе союзников из буржуазии, но не подчиняясь им, бельгийские социалисты начали с уступок либералам, согласились отодвинуть вопрос об избирательном праве женщин, связали требование всеобщего избирательного права с требованием пропорционального представительства. И последствия показали еще раз всю гибельность этой политики подчинения рабочей партии либералам.

19 марта было внесено в парламент предложение пересмотреть конституцию, подписанное вождями всех оппозиционных фракций.

Католическая партия не может рассчитывать на то, что она сохранит власть в своих руках после пересмотра конституции. Поэтому она с самого начала обнаружила резко отрицательное отношение к новому движению. Пользуясь большинством голосов в парламенте, она решила воспротивиться всякому пересмотру.

Вождям рабочей партии оставалось только обратиться к стране, опереться на самих рабочих. Они обратились к ним с горячим призывом начать борьбу «за будущее рабочего класса, за самый хлеб насущный, за душу детей своих». Они выражали свою уверенность в том, что рабочие, бросив работу на фабриках, заводах и шахтах, сумеют победить «безумное и упорное сопротивление католиков». На всеобщую стачку они смотрели, как на верное и единственное возможное средство заставить католиков удовлетворить их требование. Словами «да здравствует всеобщая стачка!» они заканчивали всякое свое обращение к рабочим, указывая им в то же время на то, что средство это является вполне законным средством борьбы.

Единодушие рабочих, их готовность вступить в решительный бой с правительством превзошли самые смелые ожидания вождей партии. Тысячи рабочих немедленно бросили работу во всех городах и вышли на улицу. Грандиозные демонстрации развертывались ежедневно во всех уголках Бельгии. Во главе демонстрантов двигались не только красные знамена международной социал-демократии, но и синие знамена демократии либеральной. Число стачечников быстро увеличивалось.

Правительство почувствовало смертельную опасность. Оно запрещает демонстрации, всякие сборища на улицах и площадях, оно выдвигает все свои силы: полицию, которую вооружает специально для этой борьбы, жандармерию и гражданскую гвардию, состоящую из вооруженных представителей буржуазии. Хотя армия неоднократно выражала свое сочувствие движению, правительство держит наготове и ее, созывая в то же время в казармы два последние класса резервов и выражая устами военного министра «убеждение», что «60.000 вооруженных солдат исполнят свой долг». Правительство, подавляя революционное движение, решило не останавливаться ни перед какими мерами.

Две враждебные силы сталкиваются. Раздаются выстрелы, течет кровь. На улицах Брюсселя воздвигаются баррикады. Народный дом подвергается правильной осаде. Движение на улицах, преграженных батальонами гражданской гвардии, приостанавливается... Из разных концов Бельгии приходят известия о раненых и убитых. Тюрьмы наполняются арестованными. Католических депутатов и их дома приходится охранять вооруженною силою. 12—16 апреля движение крепнет и разливается по всей Бельгии. Число стачечников быстро растет, достигая небывалой цифры 350.000.

Образ социальной революции носится в воздухе. Либералы, разумеется, приходят в ужас и требуют, прежде всего, и больше всего, требуют безусловно з а к о н н о с т и, отказываясь (как и подобает представителям благородного денежного мешка) от борьбы за только что принятую ими программу, если эта борьба выйдет из рамок законности. А вожди бельгийских социалистов и здесь идут на уступку, принося в жертву все движение интересам «мирной» буржуазной... реакции. Вожаки боятся, видите ли, той ответственности, которая может лечь на них в случае неудачного исхода борьбы (не боясь почему-то той ответственности, которая уже ложится на них за отказ довести до конца начатую всем рабочим классом борьбу).

Резко критикуют они всякое проявление действительно революционного настроения и, вместо того, чтобы организовать движение, вырастающее на почве этого настроения, они стараются, пользуясь всею силой своего авторитета, потушить его. Они приглашают продолжать лишь м и р н у ю, п а с с и в н у ю, всеобщую стачку и советуют стачечникам оставаться по домам, пользуясь своим досугом... для чего? — Для того, чтобы «копать гряды на своих огородах», как выразился центральный орган партии.

Некоторое время рабочие все-таки выходят на улицу, но они не могут оказать о р г а н и з о в а н н о г о сопротивления целому ряду насилий и унижений, которому их подвергают: их организация признает только «законные» формы и осуждает в с я к о е сопротивление, не пытаясь даже выдвинуть хоть какой-нибудь план а к т и в н о й б о р ь б ы.

Рабочие сознавали, что неорганизованная борьба поведет только к целому ряду бесполезных жертв. Они отказывались от активной борьбы, скрывая в себе тяжелое сознание своего бессилия и унижения. Улицы опустели.

Между тем обсуждение предложения о пересмотре конституции в парламенте началось 17 апреля. Правительство, благодаря тому, что социалисты-депутаты не имели возможности применить парламентскую обструкцию, уже 12 апреля получило нужные ему $^{7}/_{12}$ бюджета на 1902 г. Оно чувствовало, что оппозиция теряет всякую возможность серьезно бороться с ним, и с самого начала отказалось даже «принять к рассмотрению» предложение о пересмотре конституции. Блестящие речи Анселя, Вандервельда и Жансона не повели ни к чему. 18 апреля большинством 20 голосов палата узаконила отказ правительства.

Генеральный Совет рабочей партии обратился к рабочим с предложением продолжать стачку.

Но какое значение могло иметь подобное приглашение п о с л е того, как сам же Генеральный Совет постарался потушить революцию, начавшую уже разгораться из всеобщей стачки, после того, как заявил о своем решении ни в каком случае не выходить из пределов законности? Кого могла устрашить эта — по меткому выражению Розы Люксембург — военная демонстрация с разряженными перед лицом врага пушками? На что рассчитывал Генераль-

ный Совет? Только разве на... короля, как показывают следующие цитаты из центрального органа партии: «Пусть же король со свойственною ему мудростью и мужеством скажет свое слово. Опираясь на социальную и либеральную демократию, он будет выше всяких грязных и подлых происков клерикальной партии (см. «Le Peuple» № 108). Такого рода фраз можно найти немало в официальном органе партии. Да! вожди партии рассчитывали, что король, распустив палату, даст возможность высказаться всей стране.

Бельгийский король, со свойственною ему трусостью, за все это время не произнес ни одного слова.

Партия потеряла свою последнюю и очень хрупкую, надо сознаться, надежду, и Генеральный Совет, приглашавший 18 апреля продолжать всеобщую стачку, через день, 20 апреля, постановляет прекратить ее... Социалисты оказываются, в силу своей тактики, вынужденными итти на поводу у либеральной буржуазии, которая именно 19 апреля высказалась против стачки (устами либеральной партии)... И того же 20 апреля происходит последняя бойня в Лувэне, жертвами которой пали 8 рабочих.

Борьба за политическое равенство вообще, конечно, не кончилась и кончится только с полным удовлетворением требований рабочих.—но тот период борьбы, который мы описали, окончился поражением бельгийской рабочей партии.

Рабочие не сразу подчинились решению Генерального Совета своей партии: стачечное движение ослабевало только мало-по-малу. Горячо протестовали против поведения партии в этой борьбе рабочие Центра и Боринажа. Многие поняли, что необходимо преобразовать партию. Анархисты подняли голову.

Для того, чтобы об'яснить свое поведение, Генеральный Совет партии созвал общий с'езд на 4 мая. На этом с'езде члены Генерального Совета утверждали, что за все время борьбы они подчинялись только голосу своей совести и не подвергались какому бы то ни было давлению со стороны либеральной партии; они старались доказать, что «Генеральный Совет исполнил свой долг, весь свой долг по отношению к партии», что при существующих условиях он не мог поступать иначе.

Все делегаты согласились, что при существующих условиях «всеобщая стачка» не могла окончиться победой, но для многих было ясно, что те неблагоприятные условия, при которых велась стачка, созданы в значительной степени самими вождями движения. Громадное впечатление произвела речь Дестрэ, делегата из Шарлеруа. «В рядах нашей партии, — говорил он, — стоят друг против друга представители двух течений: одни признают только легальные формы борьбы, — мы же, признавая эти формы, считаем необходимым в известных случаях действовать революционно. Рабочая партия, как партия революционная, всегда должна быть готова силою поддержать свои права и требования: только в таком случае мы можем ожидать уступок от правительства, только при таких условиях мы можем уверенно итти по направлению к нашему идеалу. Нам говорят, что в настоящее время уличная борьба невозможна... Значит, мы принуждены будем сидеть по домам даже тогда, когда нарушат права наши, арестуют наших делегатов!» — Единодушные крики: «нет!», «нет!» об'единили, повидимому, всех членов с'езда.

Далее Дестрэ предлагал преобразовать Генеральный Совет партии так, чтобы его настроение более соответствовало настроению всей партии; указывая на то, что союзы с буржуазными партиями до сих пор только ослабляли рабочие партии, он советовал впредь уклоняться от всяких союзов с ними, он требовал, наконец, чтобы об'явление начала и конца всеобщей стачки зависело не от решения комитета партии, а от решения всей партии.

Выражая готовность в ближайшем будущем снова приступить к борьбе за политическое равенство и желая об'единить все свои силы в предстоящей выборной борьбе, делегаты с'езда не решились выразить порицание комитету, но около сотни делегатов вотировали против него.

На международный социалистический мир неудача бельгийского движения произвела сильное впечатление; как говорит Меринг, она набросила мрачную тень на майский праздник этого года. Следует надеяться, что урок бельгийских событий не пройдет бесследно для всемирного рабочего движения. Социалистический пролетариат увидит, к каким практическим результатам ведет оппортунистская тактика, жертвующая революционными принципами в надежде на скорый успех. Пролетариат еще раз убедится, что ни одно из применяемых им средств политического давления на врага не может достигнуть цели, если у него нет готовности довести это средство до логического конца. Если верно, что для политической революции бельгийский пролетариат не имел достаточно сил (чему противоречат многие заявления вождей движения на первых порах), то не следовало прибегать к всеобщей стачке, т. е. к такому средству, все значение которого именно в угрозе революцией и с применением которого следует быть особенно осторожным в момент промышленного кризиса.

[П. Смидович]

ИЗ ПАРТИИ

Нас просят напечатать следующий документ:

ПРОГРАММА.

Уральского Союза Социал-Демократов и Социалистов-Революционеров [10].

«Исходя из принципов научного социализма, „Уральский Союз социал-демократов и социалистов-революционеров" ставит своей конечной целью уничтожение буржуазного строя, который характеризуется тем, что орудия и продукты труда находятся в распоряжении господствующих классов.

«Непременным условием осуществления конечных идеалов социализма „Уральский Союз" признает завоевания политической власти пролетариатом.

«При этом „Уральский Союз" ни на минуту не забывает, что по условиям исторического момента ближайшим и главным врагом трудящейся массы в России является самодержавие.

«Полагая, что полное политическое и экономическое освобождение пролетариата может быть делом только самих рабочих, „Уральский Союз" ставит своей ближайшей целью революционную организацию пролетариата на Урале и приобщение его к великой борьбе всемирного пролетариата.

«Формами борьбы во имя намеченных целей являются стачки, забастовки, политические манифестации и другие виды протеста.

«Примечание. „Уральский Союз", не вводя в программу террор как средство партийной борьбы, допускает, однако, террористические поступки отдельных лиц (хотя бы они были и членами Союза), совершаемые за их собственный страх и риск.

«Считаясь с особенностями положения рабочего класса на Урале и ведя пропаганду и агитацию на почве повседневных нужд и запросов, мы должны всегда ставить частные случаи в зависимость от общего политического и экономического режима и с этой точки зрения освещать их, памятуя, что мы боремся не за палиативы, но за коренное изменение существующего строя.

«Ближайшими нашими завоеваниями должны быть политическая свобода и 8-часовой рабочий день.

«Параллельно с этим должны итти требования постоянного повышения заработной платы и улучшения условий труда.

«Местные рабочие кружки, возникая на почве касс, библиотек и самообразования, об'единяются в местные группы, которые, в свою очередь, об'единяются в районные организации; совокупность районных организаций образует „Уральский Союз".

«Решения общего характера вырабатываются на с'езде представителей всех районных организаций. Редакция общего органа назначается с'ездом представителей всех районных организаций. Издания же местных агитационных листков предоставляются местным группам в духе общей программы. 1901 год.

Уральский Союз Социал-Демократов и Социалистов-Революционеров».

Из настоящей программы не видно, в каком отношении стоит «Уральский Союз» к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, равно как неясно, входит ли он в партию социалистов-революционеров? Невольно поэтому является вопрос, не означает ли появление такого «смешанного» союза, в сущности, возникновения третьей социалистической фракции вместо того, чтобы служить предвестником сближения между двумя, уже существующими?

В самом деле: «смешанные» организации подобного типа возникают не на одном лишь Урале. В Саратове действует подобная же группа, но входящие в нее социал-демократы стоят вне существующего в этом городе комитета нашей партии. О таком же факте сообщают нам еще из одного города. Таким образом, соединение части местных социал-демократов с социалистами-революционерами означает в то же время отсутствие единства между местными социал-демократами, которых желательно видеть соединившимися между собой прежде, чем приступлено к соединению с другими фракциями.

С другой стороны, мы видим, что уральские социал-демократы, вступая в общую организацию с социалистами-революционерами, признают — хотя и в очень странной формулировке—целесообразность террора. В то же время, напр., южные комитеты партии на своей конференции приняли резолюцию, признающую террор нецелесообразным приемом борьбы. Однородное отношение к террору проявили и Бунд и другие социал-демократические организации. Таким образом, уральские товарищи, решая для себя тактические вопросы совместно с социалистами-революционерами тем самым отдалились в очень важном вопросе тактики от большинства русских социал-демократов...

А от всего этого в накладе остается, прежде всего, русский пролетарий, в интересах которого решаются все эти вопросы и создаются все эти организационные постройки. Работал человек на юге и слышал, что социал-демократия отвергает террористическую борьбу, считая ее идущей вразрез с интересами развития классового движения. Перенесла судьба на Урал — и он слышит, что социал-демократия советует членам своей партии практиковать террор «за свой собственный страх и риск».

Не пора ли, товарищи, серьезно взяться за устранение причин, которые создают столь ненормальное положение дел и до известной степени об'ясняют этот разброд среди социал-демократов, слишком много предпринимающих за свой страх и риск?

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Из Москвы пишут:

«Уже два месяца, как тюрьма завладела всеми нашими мыслями и чувствами. Куда ни придешь, только и слышишь: „на 6 мес. в тюрьму“, „на 4 года в Сибирь“, или какие-нибудь невеселые комментарии по этому поводу. В конце концов все это больше похоже на какой-то ужасный, мучительный кошмар, чем на реальную действительность. Едва успели уехать в Сибирь первые 95 чел. (их отправили 19 марта), как прилетели из Петербурга новые приговоры по делам лиц, взятых отдельно по домам, приговоры, которых не могло ожидать самое пылкое воображение обывателей. Так, напр., ссылается на 3 года в Восточн. Сибирь молоденькая и довольно беспомощная девушка, уличенная лишь в том, что она за несколько дней до сходки приехала в Москву к родителям (она арестована 6 февраля), ее обвиняли в том, что она участвовала в сообществе, имевшем целью подготовления беспорядков, и о существовании которого она ничего не знала. Ссылается туда же в качестве „возможного руководителя“ и студент, уехавший за месяц из Москвы к больной матери (ссылается на 4 года). Сколько всего будет послано в Сибирь второй серией приговоров, пока не выяснилось, но, вероятно, их не мало. Вот список попавших в первую партию (в нем пропущено 13 чел.):

На 5 лет: 1) Церетелли, 2) Будилович, Игорь.

На 4 года: 1) Ховрин, 2) Чулков, 3) Швейцер, 4) Сыромятников, 5) Охримович, 6) Будилович, Георгий, 7) Эбергель, 8) Батурин, 9) Баев, 10) Залыгин или Зальмин, 11) Коропачев, Иван, 12) Висек, 13) Свешников, 14) Тер-Иванов, 15) Игнатьев, 16) Метальников, 17) Переломов, 18) Боголюбов, 19) Белоухов. 20) Голике, 21) Дрейер, Николай, 22) Дрейер, Сергей, 23) Добров, 24) Загорский, 25) Костюнин, 26) Кашкарев, 27) Костецкий. 28) Корякин, 29) Лучинин, 30) Токарев, 31) Мейерович, 32) Половинцын, 33) Парнов (или Парков), 34) Соболевский, 35) Саврасов, 36) Соленов, 37) Сегеда, 38) Совков, 39) Терехов, 40) Царик, 41) Шебуев, 42) Кудрявцев, 43) Король, 44) Белов, 45) Котельников, 46) Добров, Вл., 47) Кожевников, 48) Колокольников, 49) Масалитинов, 50) Ратнер, 51) Киреевский, 52) Николаева, Людмила, 53) Андреевская, 54) Иков, Вл., 55) Урисон, Исаак, 56) Шуган, Александр, 57) Щеголев, 58) Сбытников, 59) Барталон, 60) Барцев (или Барсов), 61) Батурина, Ек., 62) Зайцева, Анна, 63) Нейгедауер, 64) Второва, 65) Мечникова, 66) Панфилова(17-летняя чахоточная девушка).

На три года: 1) Орлов, 2) Панейшвили, 3) Перьмикин, 4) Лазарев, 5 Руднев, 6) Турусов, 7) Целикман, 8) Волков, Сергей, 9) Пикок (великобританский подданный -- ему подлежит выбор между Сибирью и вечным изгнанием из России, избрал первое; его мать—Бакунина).

На два года: 1) Коропачев, 2) Шалытт, 3) Ященко, 4) Глебов, 5) Алексеева, 6) Позерн.

Из осужденных новой серией приговоров пока известны: на шесть лет в Якутскую область — Богданов, техник, сын очень богатого купца; на четыре года — Зильберберг, студент, сын богача; на три года: 1) Зотова, 2) Пинегина, 3) Устинова, 4) Новодворская, 5) Фелицына, 6) д-ца Пскур. Несомненно, что общее число гораздо больше, это только случайные сведения.

Москва. В ночь с 20-го на 21 апреля были обыски и аресты. Пока удалось узнать следующие фамилии арестованных:

Анаст. Потоцкая, Екат. Жидкова, Мелан. Жидкова, Флерова, Попова, Заварыкина, Лобачева, Боголюбов (стат. губ. земства), Гаврилов и Никитин, служ. в статист., Нейфельд (две сестры). Были обыски и аресты среди рабочих.

Теофиполь, Волынской губ. Арестованы Мальцман с женой и отвезены в Киевскую тюрьму.

Вологда. 23 апр. арестован ссыльный П. Щеголев, содержится в Вологде. 24-го — ссыльная Третьякова, увезена в Кострому.

Малмыж, Вятской губ. За майское празднество разосланы по деревням ссыльные г. Малмыжа: Андреев, Березин, Величкин, Горбачев и Сверчевский.

Нижний-Новгород. На 30 апреля было много обысков; арестованы бывш. курсистка Геринг и Ромаренко. За демонстрацию на похоронах умершего здесь товарища Рюрикова 12 лиц подвергнуто аресту от 2 недель до 2 мес. За майскую демонстрацию в Сормове арестованы рабочие: Петр Заломов, Тимофеев, Совин, Пысин, Мих. и Петр Дружкины, Шибаев, Самылин, Матвеитев, Шишкин и еще 8 человек.

Пенза. В начале февраля арестован бывш. студент Ново-Александровск. института Стрелков (увезен в Саратов). В конце февраля взят бывший гимназист Чернов; в начале марта реалист Найдич, одновременно с этим обыск у семинариста Архангельского; 16 апреля был обыск у семинариста Гумилевского в пансионе семинарии, найдена нелегальная литература; вслед затем все семинаристы обысканы. Гумилевский скрылся. В тот же день обыск у техника В. Соболева. 18 апреля арестован бывш. студент Харьковск. Ветеринарного Института Николай Студенцов и произведен обыск у солдат 5 роты резервного Мокшанского батальона. 20 апр. обыск у гимназиста Соколова, 21-го — у гимназиста Мушинова. Семинария закрыта.

Пензенский уезд. В селе Бессоновке в середине апреля произведены жандармами обыски у крестьян. Взята нелегальная литература.

Чембарский уезд, Пензенской губ. Уездная полиция нашла в нескольких селах нелегальную литературу. Арестован ученик саратовск. земледельч. школы Иванов и с ним несколько крестьян.

Оренбург. Арестован ссыльный Доливо-Добровольский.

Баку. После демонстрации 21 апр. взяты: Ег. Голикова (бывш. слуш. Высш. Женск. Курс.), Р. Бабикова (фельдшерица), Л. Кнуньянц (студ. Киевск. политехн.), Б. Кнуньянц (вольноопр.), Т. Кнуньянц (художник), А. Бекгадьянц (студ. Киевск. политехн.), А. Инокидзе (техник), И. Мелик-Иосифьянц (бывш. студ. технол.), Н. Козаренко, гимназисты Назарьянц и Чикнаворьянц и несколько рабочих (фамилии неизвестны). Всего сидят в тюрьме 31 мужч. и 3 женщины.

Пермь. 27 апреля в Мотовилихе произведены обыски, арестовано 11 рабочих (6 уже выпущено). 3 мая арестован крестьянин Вас. Балахнин с Юговского завода (бывший школьный сторож). Там же арестован казанский студент Шнееров.

Воронеж. Кардашев, Рудковский и Махновец, арестованные 1 апреля и выпущенные через неделю, взяты вновь и отвезены вместе с остальными лицами, арестованными 1 апреля, в Москву. Юлия Махновец содержится в местной тюрьме.

В конце апреля арестованы: Чернышев, Земин, Руднев, Савин.

На границе арестованы: Квятковский, Мальчевский, Нарочницкая.

Во Владимире — Богаев.

В Ярославле — Варенцова.

Из Вятки от 27 марта сообщают:

«Здесь новый синий офицер из зубатовской школы навез провокаторов и шпионов; один провокатор в форме студента-политехника даже устроил порядочную сходку. На этих днях был пойман с поличным (с письмом к полицмейстеру) один ссыльный по фамилии Вильямсон. Он сознался во всем решительно, до мельчайших подробностей, и оказалось, что высылкой ссыльных из Вятки, обысками и последними арестами обязаны ему. За все это он успел получить 60 руб. Ему остается до конца ссылки 2 месяца, и он уезжает из Вятки, так что это нужно иметь в виду другим».

Петербург. 7 апреля 1902 г. (стар. ст.).

Перед 19 февраля, в виду ожидавшейся демонстрации, слухи о которой впоследствии оказались ложными, в Петербурге были произведены аресты. В числе прочих был арестован статистик Орлов, живший в Петербурге и принимавший деятельное участие в социал-демократической организации.

Все арестованные были посажены в Дом Предварительного Заключения, где о них, повидимому, совершенно забыли, так как не присылали следователя. В 10-х числах марта решили голодать.

Орлов также принимал участие в голодовке, но по слабости здоровья не выдержал и заболел. Тогда тюремное начальство применило к нему искусственное питание, — состоящее в насильственном введении пищи через зонд, способ, которым оно нередко пользуется в последнее время.

Неизвестно, это ли было причиной или еще что-нибудь подобное повлияло на психическое состояние Орлова, но в ночь с 22-го на 23 марта он повесился. Сейчас же явился прокурор, следователь; обещали рассмотреть дело, но до последних дней никаких результатов этого обещания еще нет.

Из Киева. Один арестованный, не желая, чтобы бумажка, на которой были записаны адреса рабочих, попала в руки жандармов, проглотил ее у них на глазах. Тогда его связали и били по всему телу, а главное по животу, чтобы вызвать рвоту.

НЕКРОЛОГ.

1) В Сольвычегодске, Вологодской губ., отравился товарищ Казимир Людвигович Тышко...

Арестовали его в Дерпте 10 апреля 1899 г. в самый разгар студенческого движения, в котором он принимал участие; обвиняли в принадлежности к «Дерптскому Союзному Совету об'единенных землячеств и организаций» и к «Дерптской кассе помощи революционному делу», продержали в тюрьме больше года и затем выслали в Вологодскую губернию на три года. Узнав о приговоре над товарищем Езиоровским, сосланным в каторжные работы, с которым он был близок по Варшаве, где был студентом до 1895 г., он сделал попытку бежать. Попытка не удалась... Жизнь тяжело доставалась покойному. Сын мелкого почтового чиновника из Царства Польского, он еще на классной скамье должен был сам зарабатывать себе хлеб. Человек с резко выраженным революционным темпераментом, пылкий и горячий, он всегда и прежде всего ценил в людях их готовность «живот свой положить за други своя», их веру в торжество революционного дела, их любовь к нему, их способность беззаветно отдаваться борьбе. И он сам беззаветно отдавался революционной работе. Отдавался и совсем мальчиком-гимназистом и юношей-студентом, и теперь в ссылке, где все его мечты и все надежды заключались в том, чтобы вернуться туда, где кипит жизнь и борются люди. Для этого он пытался бежать... Ему, страстно любившему революционное дело, горячо верившему в него, были вдвойне и втройне тяжелы угрюмые «хромоногие» дни ссылки... Он хотел заглушить свою жажду жизни и борьбы книгой, научными занятиями, литературной работой, и не мог... Рукописи сжигались, тянулись те же однообразные дни с тысячью и одной пошлостью маленького городишки, впереди, казалось, долго, долго ничего иного не будет... И покойный решил сразу покончить с тяжелой, чересчур тяжелой для него — человека борьбы — жизнью.

«Хорошо умереть молодым»... — сказал Некрасов. Хорошо ли? И крест над могилой Тышко не явится ли лишним живым укором всем знавшим и не знавшим его, тем, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат...

2) В Ростове-на-Дону покончил жизнь самоубийством бывший петербургский студент Георгий Попов, высланный после демонстрации 4 марта 1901 г.

3) В Нижнем-Новгороде в конце апреля умер от разрыва сердца бывший студент Казанского ветеринарного института Борис Иванович Рюриков, арестованный в Казани в феврале 1901 г. по социал-демократическому делу и высланный после 7-месячного заключения, подорвавшего его силы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Заграничной Лигой Русской Революционной Социал-Демократии получено:

От 3п. 46. 100 руб., от Ж Ж. — обычный годичный взнос — 360 руб., от организации Юга 10 руб., от Архаровца 15 руб., через Архаровца за «Искру» 31 р., от З. Ж. — 2 руб. 75 коп., от Кременчугского Комитета 25 руб., от В. В. 9 руб., через Ъ. С. от Я. 25 руб., от рабо-

чих сахарн. завода 37 руб. 25 коп., от Д. К. 150 мар., 118 фр. с Волги через Цюрих, от велосипедиста из Льежа 21 фр., из Женевы через Г. 20 фр., с реферата 32 фр. 50 с., за литературу 100 фр., от горняков в Л. 23 мар.

Через А. Аксельрода: с реферата Долина 10 фр., с реферата Арсеньева 12 фр., за майскую литературу 13.30 фр., за издание Туна 10 фр., на «Искру» за апрель 38.30 фр., за литературу из гор. Л. — а 50 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9/II.

По поводу многократных обращений к нам с вопросами о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Напечатанный в этом № «Искры» проект ирограммы Р. С.-Д. Р. П. является результатом упорной борьбы, происходившей вокруг этого проекта в недрах редакции «Искры» и «Зари». Теоретическая часть этой программы была выработана Г. В. Плехановым и «была принята несмотря на возражения Владимира Ильича и против него. Владимир Ильич противопоставил программе Плеханова свой собственный проект» (Л. Каменев. «Введение к отделу „Материалы к выработке программы Р. С.-Д. Р. П.“» 1903 г.). Проект В. И. Ленина был им создан путем длительной работы над программой, начиная с середины 90-х годов.

Для уяснения себе обстоятельств, предшествовавших опубликованию «Проекта программы Р. С.-Д. Р. П.», необходимо обратиться к изданиям Института Ленина при И. К. В. К. П. (б). В №№ 2 и 3 «Ленинских сборников» читатель найдет основательное освещение истории создания программы, принятой на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П. Но и в других №№ этих сборников, особенно в опубликованной в них переписке, имеются очень важные указания, относящиеся к различным сторонам развития вопроса о происхождении программы Р. С.-Д. Р. П.

Прим. 2. Кн. Оболенский, — харьковский губернатор, беспощадно расправлявшийся с восставшими весной 1903 г. в Харьковской и Полтавской губ. крестьянами. Впоследствии был назначен финляндским ген.-губернатором, откуда был вынужден уйти после революции 1905 г.

Прим. 3. Фон-Плеве, В. К. (1846 — 1904) — министр внутренних дел, занявший этот пост после убийства Сипягина, крайний реакционер. В начале своей карьеры, в конце 70-х годов, П. был прокурором Петербургской Судебной Палаты и в этой должности выдвинулся своей борьбой с народовольцами. Плеве является ярким представителем полицейского режима Александра III, узколобым противником всех «новшеств», непримиримым врагом уступок какой бы то ни было оппозиции царизму, жестоким гонителем рабочих и крестьян. Заняв пост министра внутренних дел, он установил полицейскую диктатуру во всей России. Был убит 15 июля 1904 г. с.-р. С. Сазоновым.

Прим. 4. Дерулед, Поль (род. в 1846 г.) — вождь французских воинствующих националистов, монархист.

Прим. 5. Дрюмон, Эдуард (род. в 1844 г.) - журналист-монархист, проповедник милитаризма и антисемитизма.

Прим. 6. Жорес, Мильеран — см. «Искра» №№ 6 и 8 («Письма из Франции»), а также прим. 4-е и 7-е к № 18 «Искры».

Прим. 7. Вивиани (1863 — 1925) — французский социалист - оппортунист, сторонник вхождения социалистов в буржуазное правительство, впоследствии вышел из партии и сначала стал «независимым» социалистом, а потом и совершенно порвал с социализмом. Во время мировой войны — председатель совета министров (премьер-министр) во Франции.

Прим. 8. О Турском и Лионском конгрессе см. «Искра» №№ 6 и 8 («Письма из Франции»). Лионский конгресс Французской Социалистической Партии (1901 г.) отверг предложение левых об исключении Мильерана из партии, что вызвало уход левых с Гэром во главе и образование «Социалистической Партии Франции»).

Прим. 9. Мелин, Феликс (род. в 1838 г.)—националист и монархист, прикрывавшийся республиканской фразой. В 1872 г. М. был членом Национального Собрания, примыкая в нем к республиканцам. Впоследствии он неоднократно был членом Палаты депутатов, а в 1888 г. ее президентом. В качестве премьер-министра в 1896 — 1898 гг. М. вместе с монархистами и националистами упорно сопротивлялся пересмотру дела невинно-осужденного за шпионство еврея Дрейфуса.

Прим. 10. В эту эпоху разброда в рядах социал демократии об'единенные организации с.-д. и с.-р. существовали в нескольких городах (напр. в Саратове). «Искра» энергично боролась против таких противоестественных об'единений.

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 22 ИЮЛЬ 1902 ГОДА № 22

РУССКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ПОЛИЦЕЙСКИЕ РОЗГИ.

День первого мая есть день международной рабочей демонстрации. В этот день рабочие всех стран выступают под одним знаменем — под красным знаменем международной социал-демократии. В этот день они наглядно показывают всем, имеющим очи, что боевой клич авторов Коммунистического Манифеста: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не остался гласом вопиющего в пустыне. В этот день даже очень близорукие люди видят, что мыслящие пролетарии всех стран действительно соединились и что число немыслящих,— тех темных тружеников, которые еще не пробудились к сознательной социально-политической жизни, — будет уменьшаться именно в той мере, в какой сознательные рабочие будут продолжать влиять на бессознательных. День первого мая показывает нам, что уже сделано в рабочей среде, и призывает нас с новой энергией продолжать действовать в ней, если только наша цель для нас не пустое слово и если мы не забыли, что освобождение рабочих может быть лишь делом самих рабочих.

В этот великий день господствующие классы всех стран чувствуют себя очень нехорошо: он напоминает им о приближающейся социальной революции. И вот почему их газеты злобно издеваются над демонстрантами, а их охранители «порядка» — полицейские всех ведомств и всяких наименований — придираются к рабочим гораздо усерднее, чем в обыкновенное время. A la guerre comme à la guerre (на войне — по-военному). Но война имеет свои законы. Законы этой войны, которая называется борьбой классов, определяются — по крайней мере тогда, когда дело еще не дошло до окончательной развязки — политическим устройством тех стран, где она происходит. В конституционных странах, пользующихся благами политической свободы, рабочий класс имеет право печатно защищаться от нападок враждебной ему печати, а полиция сдерживает свое охранительное рвение в виду того, что и на нее есть законная управа. Не то у нас в России. Рабочий класс лишен у нас всякой законной возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиция же наша прекрасно знает, что воля начальства есть для нее высший закон, и что нет такого бесчинства, за которое ее могли бы притянуть к ответственности, если только это бесчинство совершено ею по приказанию свыше.

Самодержавие главы государства на практике равносильно самодержавию администрации, это старая истина. Но и эта истина имеет свои оттенки. Еще Герцен[1] заметил, что абсолютизм существовал когда-то и на Западе, однако на Западе никому в голову не пришло высечь Спинозу[2] или отдать Лессинга[3] в солдаты, в России же непременно сделали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замечание, показывает вся история русской литературы, а еще лучше показывают это события последних лет. Отдача в солдаты целых сотен студентов представляет собой факт, небывалый в истории западно-европейских университетов, а слух о сечении участников майской демонстрации кажется тенденциозной ложью даже тем из людей Запада, которые хорошо помнят подвиги западно-европейского абсолютизма.

Унизительные истязания, которым подверглись наши товарищи не только в Вильне, но и в некоторых других городах, чрезвычайно ярко характеризуют отношение царизма к рабочему движению. Царизм, основывающийся на полном бесправии подданных, предполагает, как свое непременное условие, их совершенное безличие и их полную бессознательность. Майская демонстрация — дело сознательных рабочих — громче, чем все другие демонстрации, свидетельствует о том, что в русскую рабочую среду уже проник свет сознания, что в нем уже пробудилось чувство собственного достоинства. Столкновение было неизбежно, и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царского правительства. Этому правительству нужны рабы. В лице демонстрантов перед ним явились смелые граждане. И вот оно схватилось за розгу, чтобы напомнить этим гражданам, что чувства, их воодушевляющие, составляют у нас запрещенный товар, и что тех, кто его распространяет, ждет последняя степень унижения.

Свист розог характеризует нынешний наш политический порядок несравненно лучше, чем мог бы характеризовать его гром выстрелов. Сечение — наказание, придуманное для рабов, — показывает, что самодержавие царя, равносильное самодержавию администрации, означает в то же время полное рабство пролетариата. Оно разоблачает колоссальную, по своему бесстыдству, ложь зубатовской политики: чего ждать русским рабочим от правительства, которое порет их розгами за участие в такой демонстрации, которая совершенно свободно совершается там, где трудящаяся масса завоевала себе политические права? Ничего, кроме новых цепей, ничего, кроме новых унижений! Русские рабочие не могут возлагать на него ни самомалейшей надежды. Русские рабочие должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью к царизму.

«Теперь мы достаточно знаем, что такое наш старый абсолютизм, — говорил Фердинанд Лассаль[4] в одной из

своих громовых речей.—Потому прочь всякие колебания, прочь всякая нерешительность! За горло его и колено ему в грудь!»

Многие и многие из тех русских рабочих, которые уже начали задумываться об интересах своего класса, но которые еще не решались выйти на путь революционной борьбы с правительством, теперь, под влиянием известия о расправе с участниками майской демонстрации, наверно перестали колебаться, наверно расстались со всякой нерешительностью и прониклись страстным желанием поскорее положить конец нашему позорному политическому порядку, сделавшему возможным грубое издевательство над их братьями рабочими. Они поняли, что первым крупным шагом к освобождению русского рабочего класса от его многочисленных бедствий должно быть низвержение царизма.

Нет, должен быть насилию предел!
Коль угнетенный права не находит,
Коль для него несносно стало бремя
. . . . . .
Когда ничто помочь ему не может,
Тогда ему остался острый меч!..

Полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении. Ни один сознательный русский пролетарий, ни один искренний друг русского пролетариата не имеют права успокоиться до тех пор, пока месть не совершилась. Но как мстить? Кого карать? Вот вопрос, настоятельно требующий от нас ответа.

Самоотверженный Леккерт[5] решил его по-своему, направив несколько пуль в виленского обер-палача. Вечная память герою. Но герой погиб, а иго царизма попрежнему давит на израненные плечи русского рабочего класса, и попрежнему позор розги угрожает всему трудящемуся населению России за самомалейшее проявление самосознания и независимости. Как избавиться от этой угрозы, одно существование которой есть уже кровная обида всему трудящемуся населению России?

По нашему мнению, к этой цели ведет только один путь, но зато этот путь вполне верен, и наша партия не может миновать его в настоящее время.

Если вчера Иван подвергнут был телесному истязанию в участке, а сегодня Петр убьет кого-нибудь из полицейских, то человеческое достоинство Ивана все-таки останется поруганным. Вера Засулич выстрелила в Трепова, приказавшего высечь Боголюбова розгами. Этот поступок сделал честь Вере Засулич, но, к сожалению, он не вывел Боголюбова из невыносимого нравственного состояния. Наша ближайшая практическая задача заключается не в том, чтобы карать отдельных слуг царя, — мы все равно не в состоянии были бы покарать каждого из них в отдельности, — а в том, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвечать на демонстрации розгами. А этого мы не достигнем самоотверженными действиями отдельных лиц; этого можно достигнуть только отчаянным сопротивлением со стороны всех тех, кому угрожает телесное истязание.

Администрация имела законное право сечь революционеров, заключенных в Шлиссельбургскую крепость: она не пользовалась этим правом, она хорошо знала, что шлиссельбургских узников можно повесить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить прикладами, но нельзя наказать розгами. Она понимала, что они будут сопротивляться до последней крайности и что вследствие этого вместо «наказания» произойдет просто-напросто изувечение или даже убийство одного или нескольких заключенных — факт, способный наделать много неприятного шуму в России и за границей. Отчаянная решимость предохраняла шлиссельбургских узников от поругания. Она же предохранит от него и нынешних участников демонстраций.

И пусть не говорят нам, что в Шлиссельбурге заключены революционеры, энергия которых была закалена целыми годами борьбы, между тем как в демонстрациях могут принимать участие обыкновенные, «средние» люди, только что вышедшие на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, наверное, всегда найдется несколько закаленных и испытанных борцов, способных взять на себя почин сопротивления и увлечь за собой средних людей «толпы». Русская трудящаяся масса, — рабочий городской и сельский уже пережил тот период детства, в течение которого он легко мирился с розгой. Теперь она глубоко оскорбляет его нравственное достоинство, и его уже не трудно заразить примером самозащиты.

Сопротивление палачам; сопротивление во что бы то ни стало; сопротивление до последних сил, до последнего издыхания, — вот необходимый теперь ответ на полицейские розги. Благодаря такому сопротивлению, сцены «исправительного наказания» уступят место гораздо более драматическим сценам геройской самозащиты революционеров в полицейских застенках. И если после такой самозащиты, — которая, разумеется, поведет за собою многие «неприятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы, — если даже и после нее полицейским варварам удастся-таки подвергнуть истязанию своих побежденных пленников, то из такого истязания совершенно исчезнет элемент «наказания», ломающего волю наказуемого и заставляющего его, подобно рабу, покорно ложиться под розги победителя, останется только элемент живодерства, напоминающий те мучения, которым краснокожие дикари Америки подвергали своих врагов. И это мучительство окажется таким могучим агитационным средством; оно покроет правительство таким позором; оно вызовет к нему такую жестокую ненависть во всех слоях населения, что от него вынуждены будут отказаться даже самые допотопные помпадуры.

Отдельные лица, способные на самоотверженный подвиг, бывали у нас прежде; они есть и теперь. Но самоотверженные подвиги отдельных лиц не устранят нынешней нашей политической системы; а нам нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ее полное крушение, только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения и за все унижения, испытываемые русским пролетариатом со стороны нашего полицейского государства. Нам, стоящим на точке зрения пролетариата, необходимо вдохнуть дух героизма в рабочую массу. И мы вдохнем его в нее, потому что русский рабочий уже не раб по своему настроению, потому что он уже сознает свое достоинство и способен носить с честью «гражданина сан».

Итак, надо сопротивляться розге. Но этого недостаточно. Надо уметь также сопротивляться и арестам во время демонстраций. «Искра» давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивление. Она указывала отчасти и на то, как можно, по ее мнению, организовать его. Но этот последний вопрос принадлежит к числу тех практических вопросов, которые лучше всего решатся на месте соединенными силами сознательных рабочих. Мы же скажем теперь одно: эти сознательные рабочие должны помнить, что на них лежит теперь великая обязанность: обязанность помешать полиции остановить революционное воспитание массы.

[Г. Плеханов]

СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ.

В прошлом номере «Искры» мы напечатали проект партийной программы. Как это ни покажется удивительным нашим читателям, одним из первых на наше предложение высказаться о проекте отозвался... один священник. Вот что пишет он в письме в редакцию:

М. Г. г-н Редактор!

Прошу поместить в «Искре» это письмо.

Прочитав программу требований «Искры», я нашел, что все эти требования соответствуют смыслу религии и духу православной церкви, более же всего отделение церкви от государства.

Мы, наместники апостолов, призванные руководиться ниспосланным на нас Святым Духом и нашей совестью, не имеем права выбирать из своей среды наиболее одаренных и уважаемых братьев, как наших руководителей,— это право русское правительство, состоящее из убогих людей, гордецов, доносчиков и убийц, оставило за собой. Оставшиеся со времен патриархов без руководителей, не имеющие свободы совести священники, мы от поколения к поколению забывали наши обязанности, вдались в пороки — и следствием было, что многие неразумные люди смешивали настоящий порядок вещей и действия духовных лиц, недостойных своего звания, с учением православной церкви. Воспитание будущих священнослужителей поставлено благодаря правительству из рук вон плохо, мы выходим из школ неподготовленные к нашему высокому званию и вместо служителей бога и совести мы делаемся как бы чиновниками государства.

Мы знаем слова господа апостолу Петру, но об'ясняем сомневающимся людям, что война — печальная необходимость; мало того, мы, призванные охранять людей от братоубийства, носим на груди около священного воспоминания о кончине убитого Иисуса Христа—креста—медали, которые жалует убийцам-солдатам правительство за их преступление. Благодаря неразумию и неподготовленности, мы даже помогаем правительству в его преступлениях (приходские школы).

Я не буду перечислять этих больных для меня свойств русского духовенства, но только укажу на то, что все это дело рук правительства, которому права совести были неудобны (вспомним Филиппа) и которое теперь, сделав из своего противника—пособника, смеет уже совершать свои преступления именем православной церкви.

Я протестую против этого самозванства. Я сочувствую социализму, как имеющему целью свободу совести и братство людей и идущему к ней мирным путем без пролития крови ближнего, но осуждаю отношение русских социалистов к духовенству. Социалисты издают свободное слово к рабочим, к интеллигенции, к крестьянству, но для угнетенных и затемненных священнослужителей, которые только благодаря своему непониманию тормозят честное и хорошее дело, у них не находится освещающего события и факты слова.

Я сам читал воззвания к солдатам, но никогда не видел обращения к духовным лицам.

Я повторяю, что мы находимся в исключительных условиях; чтобы из прежнего православного духовенства, защитника слабых, укорителя притеснителей, выработать таких затемненных людей, какие мы сейчас в большинстве, нужны были исключительные ухищрения и, следовательно, теперь нужны исключительные меры, чтобы привлечь на вашу сторону ваших естественных союзников — священнослужителей, которые противопоставят тогда разбойникам, направляющим оружие на беззащитную и мирную толпу, негодующий взгляд наместника Христа. Перед этим взглядом опустится оружие, и для русских людей настанет время свободного самоуправления без царей и их наушников.

Прошу другие социалистические газеты перепечатать это письмо.

Духовный.

С.-Петербург, июнь 1902 г.

* * *

С большим удовольствием печатаем мы это письмо, хотя и не можем согласиться со многими мыслями, изложенными в нем. Автор письма протестует против нынешнего положения православной церкви, являющейся одним из органов всемогущей чиновничьей машины, преследующей цели укрепления самодержавия и порабощения народа. Совершенно справедливо он находит, что такая связь церкви с государством неминуемо развращает ее служителей. Мы приветствуем откровенное заявление одного из последних об этом несомненном факте и находим вполне последовательным требование автора об отделении церкви от государства. Это требование должно быть написано на знамени каждой прогрессивной партии, его должна отстаивать во что бы то ни стало партия рабочего класса—социал-демократия.

Мы несогласны с автором постольку, поскольку он, повидимому, ожидает, что освобождение церкви от связи с государством превратит ее в прогрессивное учреждение, способное отстаивать дело свободы и социального преобразования, и поскольку он идеализирует прошлое православного духовенства, которое, по его мнению, было «защитником слабых, укорителем притеснителей» до тех пор, пока духовенство не было подчинено правительству.

Правда, что в прошлом русского духовенства встречались отдельные деятели, защищавшие во имя христианских начал интересы слабых и притесненных; но такие

идеалисты были редкими исключениями, в громадном же большинстве православное духовенство, как и всякое другое духовенство, во все времена было прихвостнем угнетающих и эксплоатирующих классов. Как и везде, в России церковь всегда играла роль охранительной силы; как и везде, она была врагом прогрессивной мысли, отстаивала приниженность человеческой личности перед неразгаданными тайнами природы и общественного порядка; как и везде, на этой приниженности человека основывались ее власть и материальные интересы ее членов. И такой всегда будет роль церкви, как представительницы религиозной идеи, непримиримо враждебной знанию и истинно-человеческой нравственности.

Социализм, как борьба за освобождение человека от всякого рабства, в том числе и от рабства духовного, об'являет войну религиозной идеи и ее представительнице—церкви. И если в рядах служителей современного духовенства встречаются люди, которые, несмотря на все развращающее влияние своей среды, проникаются симпатией к освободительному движению рабочего класса, то они — если они искренни, последовательны и бесстрашны — после тщетных попыток примирить дело религии с делом страждущего человечества, оказываются вынуждены бросить церковь, убедившись в том, что она служит интересам эксплоататоров, и войти в ряды революционных борцов. Так поступили немецкий пастор Гере, голландский — Домела Ньювенгайс, французский аббат Шарбонелль и некоторые другие. Те же из священников, которые не нашли в себе сил оторваться от церкви, при всей готовности работать для народа, в конце концов остались жалкими приспешниками господствующих классов и врагами народного движения. Так было с аббатом Дансом в Бельгии, с пастором Науманом в Германии и с ксендзом Стояловским в Галиции.

Социал-демократия будет бороться за полное отделение церкви от государства, за устранение церкви от руководства народным обучением и за полную свободу совести.

Проведение этих реформ лишит государство одного из орудий угнетения народа и даст возможность свободной критике бороться за освобождение народного сознания от ига поддерживаемых церковью предрассудков. При свободе совести рвущаяся вперед мысль народных масс не будет приковываться к религиозным вопросам, как это бывает теперь (сектантство), а направится на те вопросы «земной» жизни, на которые она наталкивается всем ходом общественного развития.

Значит ли это, что в деле борьбы за свою политическую программу рабочий класс не может ожидать поддержки со стороны лучшей части русского духовенства? Отнюдь нет. Мертвящая неограниченная власть русского правительства способна вызвать протест среди самых отсталых слоев общества и, как видно из письма, она вызывает даже среди священников стремление освободиться от позорной связи с нею. Мы можем только приветствовать это стремление, как бы мы ни относились отрицательно ко всем надеждам на духовное возрождение церкви. И мы согласны с автором письма, что долг революционеров занести пропаганду и в эту среду. Сильно развившееся в этом году движение среди воспитанников духовных семинарий показывает, что эта пропаганда не будет бесплодной. Она пробьет брешь в одном из устоев современного политического строя. Она привлечет к революционному движению пролетариата сочувствие таких элементов, которые до сих пор прятались в глубине вражеского лагеря. А если она приобретет движению хотя бы десятки честных священников, то услуги, которые они смогут оказать нашему делу (особенно в деревне), окупят затраченные на нее труды.

[Л. Мартов]

ФЕЛЬЕТОН

«ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ ПО СВОЕЙ ДЕРЗОСТИ СЛУЧАЙ».

В редакции получены копии с нескольких документов, относящихся до одного незначительного происшествия, случившегося еще в 1898 г., при чем самый позднейший из этих документов помечен маем 1900 г., но, несмотря на незначительность всей этой истории и ее запоздалое оглашение, в ней так много характерного и поучительного, что мы не можем не поделиться ею с читателями. Начнем с «всеподданнейшего министерского доклада от 26 октября 1898 г.», вводящего нас прямо в курс дела.

«Директор Полтавской земской школы садоводства и огородничества поручик запаса Налимов, возвратясь в июле сего года из отпуска, усмотрел по вступлении вновь в должность некоторый упадок дисциплины среди учеников и обнаружил запрещенную брошюру. Убедившись, путем произведенного им лично по сему поводу расследования, что виновником замеченных нарушений является сторож школы крестьянин Сераш, имеющий на воспитанников вредное влияние, Налимов устранил последнего от должности. Затем, в виду стремления Сераша поддерживать сношения с воспитанниками и по увольнении со службы, Налимов довел об этом до сведения начальника местного губернского жандармского управления, по распоряжению коего Сераш был обыскан и вследствие обнаружения у него революционных сочинений был подвергнут аресту. Произведенным по сему поводу дознанием выяснено, что отобранная у воспитанника школы садоводства подпольная брошюра дана ему Серашем, который во время службы своей при школе вел среди учеников антирелигиозную и противоправительственного характера пропаганду. Вслед за увольнением Сераша от должности и его арестом некоторые служащие в Полтавской губернской управе собрались в числе 26 лиц в квартире заведующего музеем управы кандидата естественных наук Олеховского, где составили и подписали нижеследующее постановление:

«„Мы, нижеподписавшиеся, обсудив поступок управляющего Полтавской школы садоводства и огородничества Полтавского губернского земства В. П. Налимова, заключающийся в доносе жандармскому управлению на лицо, доставившее одному из учеников школы произведение нелегальной литературы, нашли:

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Покойный егермейстер Сипягин в роли римского папы, а виленский губернатор фон-Валь в роли епископа римско-католической церкви.

Из легальных газет известно, что виленский епископ выслан русским правительством на 5 лет в город Тверь за свой циркуляр, запрещающий родителям и воспитателям, под страхом лишения покаяния, посылать своих детей и питомцев в русские церковно-приходские школы, так как в них с некоторых пор закон божий для католиков преподают православные священники, которые вооружают детей против отцовской веры. Правительство обвинило епископа в превышении власти и сослало. Епархия осталась без епископа, но связанная как его последним циркуляром, так и всеми его постановлениями, изданными за время своего правления. Разрешить от них, об'явить их недействительными может только один папа, но и то, рассмотрев предварительно все дело и констатировав со своей стороны превышение власти епископом. Но так как в данном случае ничего подобного быть не могло, папа ни под каким видом не удалил бы епископа, мужественно защищавшего исконные права римско-католической церкви, и не нарушил бы его постановления, то... (в России и невозможное возможно!) роль и право римского папы, с обычной своей развязностью, взял на себя покойный егермейстер Сипягин. Он приказал виленскому губернатору фон-Валю (в данном случае по ходу дела — своему епископу) наложить запрещение на последний циркуляр своего удаленного предшественника. Фон-Валь 2 апреля сего года разослал ксендзам приказ, требуя от них подписки в том, что применять последнее циркулярное распоряжение бывшего епископа они не будут. Но по смыслу законов своего канонического права, ксендзы дать такой подписки не могли. Лишь один необдуманно подписался. Потом, сообразив, в чем дело, взял свою подпись обратно. За это фон-Валь выслал его из Вильны. Казалось бы, теперь уж все кончено, ослушники напуганы, и повинные подписи сами собой потекут в канцелярию губернатора. Но не тут-то было. Капеллан виленского костела св. Стефана, 60-летний старик, прислал фон-Валю мотивированный ответ, в котором подробно раз'яснял, почему именно распоряжение его от 2 апреля, касающееся вопросов церкви, для ксендзов необязательно. Свое заявление капеллан закончил словами:

...«Кто не дорожит единством с католической церковью, тот без затруднения исполнит об'явленное циркуляром Вашего Превосходительства требование бывшего Министра Вн. Дел; кому единство церкви и долг совести дороже временных выгод и благ земных, тот предпочтет ссылку или другое наказание».

Чем кончится это дело, — неизвестно. Вероятно начнутся длинные переговоры между римской курией и русским правительством, не обойдется без сделок и компромиссов... Но факт остается фактом — наше правительство, повидимому, серьезно взялось и за религиозные вопросы... Ему мало духоборов, евреев, оно нарушает уже исконные права католичества. Зачем это? Вероятно для того, чтобы было больше недовольных.

Н. Н.

БЛЮСТИТЕЛИ ПРАВОСУДИЯ.

Ст. Тихорецкая (Владикавказск. железной дороги).

В начале мая здесь произошли крупные рабочие беспорядки, вызванные следующим трагическим происшествием. Из Екатеринодара ехала в Ростов какая-то девушка, дочь чиновника. Она приглянулась ехавшему вместе с ней судебному следователю (впрочем, говорят, что вместе с ним был и какой-то офицер). Дело дошло до того, что г. судебный следователь, ехавший прямо из округа, где он представлялся по начальству, сделал девушке гнусное предложение. Она с негодованием отвергла его. Тогда блюститель правосудия подкинул в ее чемодан кое-что из своих вещей и сделал на ст. Тихорецкой заявление, что спутница воровка, обокравшая его. Жандармы хватают мнимую воровку, несмотря на ее протесты и требование телеграфировать отцу, которого знают все в Екатеринодаре, и препровождают через станичную полицию в станичное управление. Здесь г. судебный следователь был хозяином положения. Он изнасиловал несчастную девушку, а затем предоставил ее в распоряжение чинов полиции и вообще всех желающих. За следователем очередь перешла к станичному атаману, далее к станционным жандармам, писарям... Все телеграммы, которые несчастная пы-

---

«„1) в распоряжении г. Налимова, как управляющего школой, имелся целый ряд средств для предупреждения случаев, подобных указанному. Из этих средств г. Налимов выбрал и применил то, которое наименее согласуется с требованиями элементарной порядочности: именно донос жандармскому управлению, следствием чего был арест означенного лица.

«„2) Такой образ действий г. Налимова, не соответствуя общественному представлению о порядочности, в частности находится в совершенном противоречии с лучшими традициями земской деятельности, постоянным орудием которой было и должно быть развитие знаний, а не административное воздействие.

«„Усматривая в виду изложенного в поступке г. Налимова ничем неоправданное нарушение важнейших обязанностей каждого порядочного человека, в частности каждого земского служащего, налагающее пятно позора на всю окружающую среду, мы решили: исключить г. Налимово из нашей товарищеской среды“ (подписи 26 лиц).

«Постановление это было препровождено Налимову при письме следующего содержания за подписью тех же 26 лиц:

«„Мы, нижеподписавшиеся, собравшись в товарищеском кружке, сочли своим долгом довести до вашего сведения, что все мы глубоко возмущены вашим поступком, которому не находим никакого оправдания. Мы решили, что не можем больше считать вас своим сотрудником по службе Полтавскому губернскому земству, которое также опозорено вашим поступком, как и все мы, считавшиеся вашими товарищами. Мы исключаем вас вместе с этим из нашей товарищеской среды и раз навсегда отказываемся от всякой солидарности с вами, предоставляя вам самим судить о неизбежных практических последствиях этого исключения“ (следуют подписи 26 лиц).

«При этом означенные лица поручили Олеховскому потребовать от Налимова об'яснения по поводу его образа действий, а один из подписавших вышеприведенное постановление старший врач полтавских богоугодных заведений статский советник Святловский заявил председателю губернской земской управы требование о немедленном увольнении Налимова от должности, каковое требование было однако председателем отклонено. После того Налимов стал получать по почте оскорбительные себе письма, а явившись однажды в канцелярию управы, подвергся оскорблению со стороны одного из служащих.

«Принимая во внимание, что вся обстановка этого дела, а также мотивы, изложенные в постановлении, предста-

талась отправить к отцу, были задержаны на телеграфе, так как телеграфисты тоже приняли участие в этом деле. Наконец, несчастную задушили и влили ей в горло карболки! Подкупили врача, который дал свидетельство, что она сама лишила себя жизни. Все окружающие были в заговоре против одинокой девушки — вся местная «интеллигенция» приняла участие в этом. Неоткуда было ждать помощи. Но вот грянул гром, и над головами всей этой разнузданной шайки разразилась гроза. Весть об ужасах, творящихся в стенах станичного управления, дошла до рабочих (на ст. Тихорецкой имеются громадные железнодорожные мастерские). Только в среде простого рабочего люда судьба несчастной встретила сочувствие, и народ отомстил за поруганную честь и загубленную жизнь ее.

Все рабочие сбежались в станицу и бросились преследовать негодяев: разгромили станичное правление, разгромили почтово-телеграфную контору, разбили железнодорожную станцию и канцелярию жандармов, избили страшно всю полицию и других виновников всей этой гнусной истории. Только тогда кто-то, наконец, дал знать отцу. По его настоянию начато расследование. Арестовано около 30 человек. Начато и другое дело — разумеется против рабочих. Арестовано много народу. Аресты продолжаются. Все фамилии и подробности в следующий раз.

Этот непосредственный и немедленный протест рабочих против гнусностей местной жизни захолустий заслуживает особого внимания. Он показывает, какая еще широкая область активного вмешательства пролетариата во всю современную жизнь лежит перед нами открытою. И когда пролетариат, с полным сознанием своей всемирно-освободительной задачи, возьмется за свое дело, он сумеет найти тысячи поводов и тысячи новых форм для такого вмешательства во имя свободы, равенства и братства!

Ред.

Художники — и борьба за свободу (документ из недавнего прошлого).

Приводим интересную прокламацию, изданную в Спб-е «Союзом свободных художников» по поводу назначенной на 3 марта демонстрации:

«Насилие и произвол полиции, санкционируемые правительством, слишком рельефны, чтобы пройти бесследно для нас, служителей искусства.

«Быть может, требование политической свободы пугает нас, привыкших безропотно подчиняться прихотям власть и деньги имущих, отдавать свои творческие силы на служение абстрактному искусству, чуждому общественных тенденций.

«Всмотримся ближе в наших коллег по искусству: поэтов, писателей, журналистов. Разве Толстой, Некрасов, Тургенев такие узкие служители искусства, как мы?

«Только тогда мы будем друзьями народа; тогда будем им понимаемы и любимы, когда сроднимся с ним и явимся выразителями общественного настроения.

«Не пугайтесь свободы, она лишь развяжет нам руки и даст сильное оружие в борьбе со злом.

«Свободное общество скорее будет в состоянии оценить нашу работу, задача художника расширится.

«Вместо никому ненужного расписывания церквей, изображения сосны во всех видах и проч., явятся более солидные и более нужные публике произведения.

«Свобода — наш брат и сила, нужная нам еще больше, чем врачам и инженерам.

«Протестуйте против всяких оков и цепей!

«Протестуйте открыто всеми силами, не гнушайтесь демонстрацией! Это единственное средство заставить высшую власть призадуматься. Демонстрация и забастовка не простые детские забавы. Это скрытый протест, вынесенный на улицу с целью сделать его общим достоянием.

«Если даже и низринуто будет начинание ваше, пусть и тогда раздается победная песнь вашей честности».

«Так говорил Заратустра».

Из писем ссыльных студентов.

Красноярск, 2 апреля 1902 года.

Еще за несколько дней до нашего от'езда у нас в пересыльной чувствовалось, что нас отправляют в Сибирь. Был прощальный обед в нашей камере. Затем вечером за несколько часов до нашего прощания все с разрешения начальства собрались в нашей 4-й камере. Говорили стихи, пели. Около 10 ч. пришел конвой. Все от'езжающие стали собираться, оделись. Начались речи, прямо и без обиняков назвавшие, кто наш враг, за что мы боремся, чего желаем. Это все при начальстве и надзирателях, державших себя очень тактично. Затем началось тяжелое прощание с товарищами на много лет. Впечатление от этой минуты оста-

---

вляют со стороны лиц, его подписавших, крайне дерзкое выражение противоправительственного образа мыслей, что большинство этих лиц по прежней своей деятельности было уже замечено в политической неблагонадежности и что такое коллективное заявление в достаточной мере указывает на крайне нежелательный дух и нахождение в составе служащих в Полтавской губернской земской управе лиц, кои там терпимы быть не могут, я не нашел возможным оставить этого случая без принятия чрезвычайной меры, почему и признал необходимым, на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, воспретить 26 лицам, подписавшим постановление, а также кандидату естественных наук Олеховскому, в квартире коего состоялось означенное постановление, жительство в пределах Полтавской губ. сроком на три года с предупреждением их, что они впредь ни на какую земскую службу нигде приняты быть не могут...

«Об изложенном с представлением списка 27 лиц, коим воспрещено пребывание в Полтавской губернии в течение указанного срока, всеподданнейшим долгом поставляю себе доложить Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: Министр Внутренних Дел Горемыкин».

Распоряжение министра было приведено в исполнение, но из числа высланных девять человек подали жалобы в Правительствующий Сенат. В этих жалобах они заявляют, что их неодобрение поступка Налимова, сообщенное ему в закрытом письме, носило совершенно частный характер, что вызванное этим письмом распоряжение министра неправильно по существу и кроме того нарушает предписанные законом формы и выходит за пределы предоставленной министру власти. Оно обосновано исключительно на двух статьях «положения об усиленной охране», но, во-первых, эти статьи относятся лишь к губерниям, об'явленным на таком положении, к числу которых Полтавская губ. не принадлежит, и, во-вторых, в настоящем случае не был соблюден даже узаконенный порядок разрешения дел о высылке вредных для государственного спокойствия лиц, на основании положения об усиленной охране: ни расследования, ни представления о высылке просителей со стороны местного губернатора вовсе не было сделано и в особом совещании министров вопрос не рассматривался. Кроме того, сделанное министром предупреждение о том, что просители никогда не будут приняты на земскую службу, равносильное ограничению их гражданских прав, совершенно неправильно и может быть наложено только по суду.

лось тяжелое... Выйдя за решетку, разделившую нас от оставшихся, мы просовывали им руки, жали еще раз руки людей, с которыми боролись вместе. Внизу стояли конвойные солдаты... начался прием вещей и людей. Нас сверяли с карточками, приложенными к документам «политического ссыльного» такого-то. Затем поздно ночью мы столпились в коридоре внизу. За решеткой с улицы пришел какой-то полицейский офицер. Ряд насмешек, парализовать которые он уже был не в силах (ибо мы уже были во власти конвоя, которому не было дела до почтенного полисмэна), заставил негодяя удалиться во-свояси. Тихо запели затем мы какую-то песню, соответствовавшую положению («Если погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых, дело всегда отзовется на поколениях живых...» и т. д.). Наше, хотя и негромкое, пение услыхали наверху оставшиеся товарищи и ответили в последний раз пением «Марсельезы». Нас стали рассаживать по каретам. Нестолько лишь курсисток проводили нас у ворот тюрьмы. Затем началось нескончаемое путешествие по России в двух вагонах, наполненных новоиспеченными «преступниками», рассаженными за решетку, как вредные люди... По приезде сюда (в Красноярск), нас отвели в здешнюю пересыльную тюрьму. Но мы отказались жить в той тесноте, какую нашли. Нас поэтому отвели в хирургический барак здешней тюремной больницы, очистив его, конечно, от больных. Одну ночь, впрочем, мы проспали с больными. Москвичей здесь много и их уже развозят на места жительства, около 30 ч. из них отправляют в Якутскую область, 6 курсисток отправляются туда на 4 года. Поймите весь ужас положения, когда каждую из них посадят в какой-нибудь, в лучшем случае, город Якутки одну, в глуши, где нет ни дорог, ни почт... Только здесь можно понять, что это значит. Посмотрели бы вы, в какой грязи держат здесь арестантов. Двое из москвичей — один студент и одна курсистка — заболели здесь тифом. Их посадили в больницу, но ухода за курсисткой почти не было. На ночь ее запирали на замок в барак, лишая всякой медицинской помощи. Студент очень плох. Наверно, не без следа для них прошла 6-дневная голодовка в Московской тюрьме. Пищу дают гнилую даже больным, что же дают здоровым арестантам? 95 проц. больных болеют катарром желудка... О сибирских ужасах распространяться не буду. Главная тема все тот же произвол, насилие, беззаконие и проч. Жизнь человеческая не ценится... Что, впрочем, и говорить об этом. Где все сплошь наглость и полицейский грабеж, чего же там и ждать. На-днях еще партия политических прибыла из Москвы; много рабочих... С дороги почти нельзя писать: нас не выпускали из вагона. Москвичам же даже не разрешили открывать окна.

По поводу назначения Лопухина осведомленные юристы сообщают следующее: Во время пребывания Плеве в Харькове Лопухин выяснил ему невыгоды, проистекающие от крайних пределов произвола, до которых в настоящее время дошла охрана, благодаря целому ряду случайно взятых без достаточных улик элементов, искусственно расширяется контингент недовольных. По проверке в Петербурге в департаменте полиции выяснилось, что за последний год через охрану прошло 60.000 дел. Эта цифра показалась Плеве подозрительной, и он, будто, решил принять меры к ограничению действий охраны, для чего и назначил Лопухина, как лицо ориентированное в положении дела. Эти сведения подтверждаются теперь; дело Скирмунта, между прочим, ведется новым порядком и прямо поступило в жандармское отделение.

Из Перми. Члены Пермской губернской земской управы Селиванов, Тугаринов и Кирпищиков прониклись вследствие смерти Сипягина «патриотической грустью» и решили проявить ее (ибо такие драгоценные чувства не скрываются) в панихиде *. Часть служащих земства, увидя приготовления к чему-то и ожидающих чего-то двух священников, догадалась, что, вероятно, «наши инвалиды» решили не отставать от губернских властей по части проливания слез, печали и горя по столь незаменимой утрате, и, утвердившись в истинности своих предположений, порешила не обходить этого факта молчанием, но выразить порицание инициаторам устройства панихиды и не явиться, конечно, в зал на панихиду. Как только она началась, были сейчас же закрыты двери в некоторых отделениях управы, и работа продолжалась обычным порядком. Еще часть служащих, не решившаяся присоединиться к про-

---

* Председатель управы был в от'езде. Официального предписания служить панихиду со стороны «властей» не было, инициатива служить панихиду всецело принадлежала означенным трем членам.

Рассмотрев эти прошения, Правительствующий Сенат потребовал от министра внутренних дел сведения и об'яснения относительно заключающихся в них указаний на несогласие его распоряжений с законом. В своем ответе министр заявляет, что высылка из Полтавской губ. 27 лиц, признанных им, министром, политически-неблагонадежными, последовала по непосредственному его распоряжению, поэтому и не рассматривалась в особом совещании министров. В это совещание должно вноситься лишь «представление подлежащих властей» о высылке того или другого лица, но не личные соображения министра внутренних дел. В подкрепление этого мнения он приводит то соображение, что постановления особого совещания приобретают законную силу лишь при условии утверждения оных министром внутренних дел и что, следовательно, он, министр, может сослать человека и в том случае, «когда совещание встретило бы какое-либо затруднение согласиться с представлением о сем местной власти». Чтобы окончательно убедить, наконец, Правительствующий Сенат в том, что для него, Горемыкина, закон не писан и высочайшее повеление 7 октября 1895 г. относится лишь к местным властям, а до него не касается, он сообщает Сенату, что, «испрашивая означенное высочайшее повеление, министр внутренних дел имел в виду лишь упорядочить административную высылку, не умаляя собственных полномочий». Такое же всевластие признает он за собою и по вопросу о запрещении тем или другим лицам земской службы. Министр сообщает при этом, что из лиц, подвергшихся означенной мере, все «принесшие раскаяние в их дурном поступке возвращены на прежнее место жительства и допущены вновь на земскую службу». Таких раскаявшихся, как видно из другого документа, было человек 5 или 6.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Сенат согласился с просителями как относительно неприменимости к ним «Положения об усиленной охране», так и относительно того обстоятельства, что в данном случае порядок административной высылки, предписываемый этим «положением», соблюден не был. Правильность толкования министра, признающего предписанный порядок обязательным лишь для дел, начатых по инициативе местных властей, а не по его личному усмотрению, Сенат отрицает. Министр может в чрезвычайных обстоятельствах нарушать все предписанные порядки и принимать все меры, какие ему заблагорассудятся, но не иначе, как испросив на них предварительно высочайшее повеление. В данном же случае, хотя и довел о своем распоряжении до высочайшего сведения, но повеления не испросил,

тесту, но не желавшая все же присутствовать на панихиде, ушла «от греха» домой или в клуб «завтракать».

На панихиде присутствовали: 3 члена управы, эконом Лунев, бухгалтер, два сторожа, и, кажется, человек 4—5 мелких служащих. После панихиды отправились к членам управы и выразили им порицание в следующей приблизительно форме: «Хотя христианский долг требует молиться и за врагов своих, но в данном случае панихида, устраиваемая вами в помещении земства, будет иметь большое общественное значение в смысле выражения сочувствия той внутренней политике и тому, в частности, нетерпимому отношению к земству и самоуправлению, выразителем которых являлся покойный Д. С. Сипягин. Мы, близко принимающие к сердцу интересы земства, которому служим, не можем не выразить вам своего сожаления по поводу столь нетактичного распоряжения вашего, как служение панихиды по Сипягине в помещении земства».

Слух о протесте земцев распространился по городу. Дошел он и до жандармского управления, которое обещало сделать через губернатора по этому поводу официальный запрос управе. Был ли сделан запрос или нет, пока остается невыясненным. Если будет продолжение, — сообщим.

Смоленск.

Кажется, из всех губернских городов только Смоленск остается не на военном положении. Но и у нас далеко не спокойно. По городу разбрасываются и расклеиваются пропагандистские листки на злободневные темы; так, напр., последний листок был посвящен приговору над Балмашевым. Долго спавший жандармский полковник Громека встрепенулся, начались обыски, аресты, слежка. Арестовал всех высланных рабочих и многих интеллигентов, преимущественно из статистического бюро (около 11 человек), а затем начал «дело» и почил на лаврах, мечтая о награде за полное искоренение крамолы. Какова же была его злоба, когда через некоторое время обнаружилось, что крамола не уничтожилась, а, наоборот, усилилась, когда на Ярцевской фабрике (8.000 раб.), так зорко охраняемой от заразы, был арестован с прокламациями поднадзорный студент, Герасимович, и когда в один прекрасный день забастовали все заготовщики, требуя сокращения рабочего дня, а с ними некоторые мастерские портных и переплетчиков! Громека озверел. Призванного на допрос рабочего Берестинского, который осмелился сесть в его присутствии, он схватывает за волосы и колотит головой об пол, приговаривая: «Я тебе покажу, мерзавец!» На возражение: «вы не имеете права бить, а если я виновен в нарушении закона, то судите», он со словами: «а, начитался!» продолжал зверскую расправу. Вмешательство жандармов не остановило стачек, но озлобило рабочих, показав им несовместимость самодержавия с их интересами. Стачка выиграна, и все требования удовлетворены. Тогда как раньше работали от 6 ч. утра до 9 ч. (и позже) вечера, теперь время работы установлено от 8 ч. утра до 8 ч. вечера, при чем соблюдается обеденное время (2 часа). Хозяева стали обращаться очень вежливо и улучшили пищу. Между прочим, ярко характеризует бедственное положение здешних рабочих выставленное в одной мастерской требование: держать хлеб незапертым и подавать его к обеду больше.

Теперь Громека посылает жандармов по мастерским переписывать стачечников; очевидно, он решил еще раз переменить тактику, но какую выберет теперь — пока неизвестно.

Смоленск наводнен шпионами, которых очень легко узнать и которые своим неуклюжим слежением вызывают хохот у преследуемого. Очевидно, Громека ставит себе целью посмешить здешних крамольников, так как в подмогу этим медведеобразным шпионам переодел урядников и городовых: они уморительно-смешно расхаживают в непривычном партикулярном платье и, того и гляди, отдадут под козырек офицеру.

По городу расклеены «обязательные постановления», запрещающие устраивать демонстрации, что навело на размышления здешних сонных обывателей.

В здешней тюрьме политические заключенные устроили голодовку, требуя ускорения следствия. На третий день голодовки уголовные устроили «бунт» из-за пищи и мыла, на которых их обкрадывал смотритель. «Бунт» состоял в том, что они вывесили из окон 3 флага с надписями: «За мыло!», «За пищу!» и... «За свободу!» и осыпали камнями окна квартир начальства.

В городе Рославле рабочие железнодорожных мастерских толпой в несколько сот прошли мимо тюрьмы, в которой были заключены политические, с криками: «Свобода!»

В Ельнинском уезде появились прокламации к крестьянам. Поездка Громеки не привела к открытию «корней и нитей».

почему его распоряжение о высылке не может быть оставлено в силе. Превышает пределы предоставленной министру внутренних дел власти также и его воспрещение высланным из Полтавы лицам впредь поступать на земскую службу. Поручить полтавскому губернатору потребовать удаления со службы в Полтавском земстве лиц, признанных неблагонадежными, он мог. «Однако Министр Внутренних Дел этим не ограничился, а распорядился о недопущении просителей и впредь на земскую службу, не испросив на эту меру, не предусмотренную законом и ограничивающую без суда права просителей высочайшего соизволения порядком, определенным в ст. 3 положения об охране. А потому на основании изложенных соображений Правительствующий Сенат, не входя в существо дела, предложил: распоряжение Министра Внутренних Дел о высылке просителей из Полтавской губ. и о воспрещении им впредь поступать на земскую службу, как не основанное на законе, отменить».

Таким образом, разногласие между Сенатом и Горемыкиным сводится к тому, что, по мнению Сената, действуя собственной властью, министр обязан руководствоваться изданными законами, Горемыкин же находит это совершенно неуместным. И действительно, даже «Положение об усиленной охране», изданное со специальной целью узаконить административный произвол, все-таки стесняет, как всякое установленное правило. Руководствуясь им, надо помнить, какая губерния об'явлена на положении усиленной охраны, какая нет, и, предпринимая что-нибудь экстраординарное в необ'явленной губернии, надо предварительно распорядиться об об'явлении. «Положение» предписывает к тому же некоторые формальности, правда пустые, так как, что бы ни говорил в особом совещании представитель министерства юстиции, министр внутренних дел все же может расказнить кого ему угодно и за что угодно, но что за охота тратить время на выслушивание пустых речей? К тому же по «Положению об усиленной охране» приходится применять одни и те же рутинные кары: тюрьму да ссылку, а министру может притти в голову нечто оригинальное, вроде запрещения «навсегда» земской службы 27 лицам, избравшим эту службу своей специальностью. С своей стороны, Сенат напоминает министру, что он имеет полную возможность оригинальничать и нарушать все правила под единственным условием делать это не от своего имени. Всякий раз, когда ему захочется совершить какое-нибудь экстраординарное беззаконие, он должен «предварительно испросить высочайшее повеление». При теперешнем царе это

Ковна.

В ночь на 29 апреля в Ковенской тюрьме был бунт. Поводом послужило следующее: надзиратели вели в карцер одного уголовного, в коридоре между ними и заключенным завязалась какая-то ссора, кончившаяся тем, что надзиратели набросились на него и стали наносить ему удары. Избиваемый кричал: «На помощь! Выручайте!» Вмиг дружным напором были высажены двери камер, толпа арестантов избила надзирателей, избила и других, прибежавших узнать в чем дело. Затем в каком-то стихийном порыве арестанты стали ломать нары, высаживать окна, бить стекла... Были присланы солдаты, казаки, приехал губернатор, прокурор.

По команде солдаты со штыками и казаки с нагайками ворвались в тюрьму, началась расправа, и арестанты были усмирены. А на другой день усмиренных поодиночке водили в баню, — и секли...

Москва. (Зубатовцы.)

На-ряду с «Обществом взаимопомощи рабочих механического производства» в Москве образовалось за последнее время «Общество взаимопомощи ткачей».

Образовалось это общество не без содействия «Охранного Отделения» и председателем его был утвержден рабочий Жилкин, из компании Афанасьева, Слепцова, Красивского и других клиентов Зубатова.

Этот Жилкин играл крупную роль в стачке ткачей на шелкоткацкой фабрике «Гужона и Мусси».

В № 19 «Искры» уже упоминалось об этой стачке, но ее подробности так характерны для политики Зубатова, что мы постараемся изложить их возможно полнее.

В начале февраля ткачи фабрики «Гужона и Мусси» заявили хозяину, что через две недели они бросят работу, если каждому из них не будет выдано единовременно 25% заработка за весь прошлый год. Основаниями для такого требования ими были выставлены: частый простой не по вине рабочих (плата сдельная), выполнение работ, не входивших в расценок, и обмеривание при измерении кусков.

Через несколько дней после пред'явления этого требования к хозяину фабрики для переговоров явился Жилкин в качестве председателя «Общества взаимопомощи ткачей». Хозяин фабрики отказался разговаривать с ним, так как Жилкин у него не работает.

На следующий день Жилкин снова явился, на этот раз запасшись удостоверением от полицмейстера Трепова, что он действительно состоит председателем «Общества взаимопомощи ткачей».

Удостоверение возымело свое действие, и хозяин фабрики согласился вступить с ним в переговоры. Поговорив с хозяином, Жилкин отправился, было, разговаривать и с рабочими. Но этого стерпеть хозяйское сердце уж не могло, и Жилкин был выпровожен за ворота.

Заведующий фабрикой предложил рабочим выбрать из своей среды представителей, чтобы совместно разобрать их требования. Те отказались.

Был на фабрике и фабричный инспектор, опросил рабочих и нашел их требование неподлежащим удовлетворению.

Хозяева фабрики решили не уступать ни в каком случае, и через две недели ткачи забастовали.

Рабочие у «Гужона и Мусси» живут в фабричных казармах. На повторенное несколько раз требование хозяина выселить забастовавших полиция не обращала никакого внимания. Фабрикант не уступил, и полиция решила принять иные меры, чтобы склонить строптивого к уступчивости.

Собственников фабрики вызывают к Трепову, и тот им предлагает удовлетворить требование рабочих. Фабриканты соглашаются подвергнуть дело совместному разбору, но Трепов никаких разборов признавать не желает и настаивает, чтобы требование рабочих было удовлетворено. Те отказываются.

Тогда Трепов начинает кричать на них и грозит этим мирным буржуа арестом, обещает доехать их санитарными осмотрами. Те пострадать готовы, но уступить несогласны.

На следующий же день на фабрике появляется санитарная комиссия и составляет 3 протокола.

Хозяева фабрики посылают жалобу Витте, а копию с нее — Трепову.

Это заставляет Трепова признать официально стачку, и на фабрику приезжает комиссия из представителей полиции и фабричной инспекции, опрашивает рабочих и предлагает забастовавшим выселиться из фабричных казарм.

Значительная часть рабочих уезжает в деревню, другая остается в Москве, и ей Жилкин, из средств «Охранного Отделения», выдает по четвертаку на человека в день.

Попробовали было хозяева фабрики выписать новых рабочих. Жилкин пригласил этих рабочих в «Охранное

не представляет, казалось бы, никаких затруднений, но Горемыкин не чужд, повидимому, некоторого тщеславия. В своем ответе он стремится воссиять перед Сенатом во всей красе не фактической только, но также и формальной неограниченности своего всевластия.

Проект своего определения Правительствующий Сенат сообщил для подписи министру внутренних дел, который к этому времени (май 1900 г.) успел уже смениться. Вместо Горемыкина теперь властвовал Сипягин. Определение Сената он возвратил неподписанным при следующем отзыве:

«Министр Внутренних Дел прежде всего останавливается на том соображении, что Полтавская губ. в 1898 г. действительно не была в установленном порядке об'явлена в исключительном положении. Посему и заключение Правительствующего Сената о том, что принятые, на основании означенного положения, в отношении просителей меры представляются невытекающим из закона, является совершенно основательными и с его, министра, стороны каких-либо возражений вызвать не может. Признавая преподанные Правительствующим Сенатом в проекте определения соображения, при обычном течении дел, безусловно обязательными к исполнению, Министр Внутренних Дел вместе с тем присовокупляет, что соображения эти и основанное на них заключение, по его мнению, не могут однако иметь применения к настоящему случаю. В сем отношении нельзя не остановиться на том положении, что, на основании ст. 1 положения об охране, высшее направление действий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия принадлежит Министру Внутренних Дел, коему независимо сего... предоставлены особые полномочия по охранению вверенной ему ввутренней безопасности, в силу коих он, при чрезвычайных обстоятельствах, вправе действовать всеми вверенными ему способами, не ожидая высшего разрешения, но лишь донося о принятых мерах и причинах их настоятельности. Наличность таких обстоятельств в рассматриваемом случае Министром Внутренних Дел в настоящее время удостоверена быть не может (курсив наш), но он полагает, что обстоятельства эти несомненно существовали, ибо предместник его, Действительный Тайный Советник Горемыкин, признал необходимым принять в отношении просителей указанные выше исключительные меры, в качестве мер чрезвычайных и в то же время о сделанном распоряжении довел до Высочайшего Государя Императора сведения. Его Императорское Величество не только не соизволил отменить означенную меру, но собственноручно на всеподданнейшем по сему предмету в докладе

Отделение» и там после разговоров они исчезли из Москвы*.

Эта стачка не осталась без влияния на остальных московских рабочих. На многих фабриках ткачами были пред'явлены требования, очень схожие с требованиями ткачей «Гужона и Мусси».

Кроме того, все московские ткачи решили перед пасхой заявить расчет и после пасхи наниматься не иначе, как артелями, а на те фабрики, где будет нанят хоть один рабочий не из артели, не поступать вовсе.

Такова одна сторона зубатовской политики. Другая— массовая высылка неблагонадежных. Фабриканты рассказывают: явится ночью полиция, заберет человек 50—60 рабочих и выпроводит из Москвы. Просто и скоро, без шуму и волокиты, хотя бы даже упрощенного административного производства в охранном порядке.

Пока зубатовская политика возбуждает в рабочей массе кучу смутных надежд и ожиданий. Среди рабочих носятся слухи, будто скоро царь отнимет у хозяев фабрики и наделит ими рабочих; что рабочие будут переведены на государево жалованье. Около лиц, участвующих в зубатовской эпопее, складываются целые легенды. Про Слепцова идет молва, что он побочный сын Александра II и что 19 февраля произошла при всем народе трогательная встреча между ним и Сергием Александровичем.

Но долго так продолжаться не будет. Фабриканты шлют Витте жалобу за жалобой и если в настоящий момент возбуждения рабочих масс правительство ради своей безопасности заигрывает с рабочими, — то уляжется народное море, и вся сила полицейского самодержавия пойдет на защиту собственников от «незаконных» притязаний рабочих.

---

* На что Охранка готова, чтобы привлечь к себе сердца рабочих, показывает следующий случай: как-то несколько рабочих наскандалили. Был составлен протокол, и мировой судья приговорил их к 16 руб. штрафу каждого. Адвокаты, к которым обратились за помощью рабочие, ответили, что ничего не поделаешь — надо платить или отсиживать. Но рабочие добрались через кого-то до Охранки, и та уплатила наложенный штраф, а околоточный, осмелившийся составить протокол, был переведен в другую часть.

Нижний-Новгород. Май.

«Последнее время мы, нижегородцы, живем нелегальными новостями. Недавно здесь хоронили студента-ветеринара Рюрикова. Он умер от разрыва сердца. Хоронили его на четвертый день, потому что на третий день не разрешил прокурор, боясь стечения рабочих по случаю праздника (воскресенье 22 апреля). В церкви были почти все нижегородские интеллигенты и сочувствующие. Один из присутствовавших прочел задушевное надгробное слово, называя умершего борцом за свободу, и высказал надежду на скорое освобождение русского общества от административного произвола. Почти то же было сказано кем-то на могиле. Когда зарывали могилу, молодежь пела вечную память и студенческие песни, а по выходе с кладбища — марсельезу. У церковных ворот толпу уже ожидала свора человек в 50 полиции. Сплотившиеся были переписаны. Теперь начались опять обыски и аресты».

Борьба с крамолой во флоте.

Чтобы бороться с врагом, полезно знать и то, что враг о нас думает и как о нас говорит. Мы думаем поэтому, что не без пользы можно будет читать и раз'яснять в кружках нижеследующий документик:

Приказ № 27.

Старшего флагмана Черноморской флотской дивизии.

Апреля 19 дня 1902 г.

В последнее время часто находят разбросанными повсюду противозаконные, возмутительные листки, попадающие иногда в руки нижних чинов. Эти листки клевещут на Правительство, призывают народ к непослушанию властям и самовольным действиям. Распространять эти писания есть самое бесчестное дело, потому что ими сеется смута в умах, часто ведущая к беспорядкам, нетерпимым ни в каком государстве. Сами эти писатели и распространители листков, прячущиеся, как душегубы, от людей, выходят сухими из воды и со стороны любуются на расправу с несчастными, поддавшимися необдуманно их безбожным, бессовестным наущениям. Русское государство стоит не

начертал следующую резолюцию: „Возмутительный по своей дерзости случай. Желал бы знать, по какой причине такая компания поднадзорных лиц находилась одновременно на службе в Полтавском земстве“».

Основываясь на этой «резолюции», министр заключает, что распоряжение его предшественника должно остаться в силе, и прошение высланных полтавцев удовлетворено быть не может.

Так иронизировал Сипягин над своим предшественником, над русской законностью и над самой высочайшей волей. Что предшественник нарушил все законы, исполнение которых при обыкновенных обстоятельствах «безусловно обязательно», он согласен. Чтобы в 1898 г. в Полтаве были «чрезвычайные обстоятельства», он удостоверить не может и тем самым удостоверяет, что по его мнению ничего там чрезвычайного не было, тем не менее следует признать, что было, так как Горемыкин доложил о своей злой проделке высочайшему усмотрению, и оно не только не отменило ее, а еще начертало что-то, тоже довольно злое, почему-то именуемое «резолюцией».

* * *

Эта маленькая картинка поражения Сената, пытавшегося отстоять «Положение об усиленной охране» в качестве последнего палладиума русских вольностей, так комически рельефно обрисовывает всю беспардонность нашего самодержавия, что производит впечатление карикатуры. Но рядом с увеселительной стороной оно заключает в себе и некоторое нравоучение, правда азбучное, но в настоящий момент, пожалуй, и не бесполезное. Не от жандармов только и не от одних нововременцев русским революционерам приходится слышать по временам, что именно они-то и мешают правительству вести себя прилично, что своими крайностями они препятствуют умеренным людям испрашивать умеренные реформы и т. д.

Из всех лет, какие, начиная с половины девяностых годов, переживало русское правительство, 1898 г. был для него самым спокойным. Таких благополучных годов— мы на это твердо надеемся — самодержавному правительству уже никогда не видать. Беспокоившие столицу массовые стачки с начала 1897 г. прекратились, а массовых студенческих протестов, с которых начался новый, обостренный период революционного движения, осенью 1898 г. нельзя было еще и предвидеть. Нелегальные издания, продолжавшие попадаться в руки жандармов, были в большинстве случаев «чисто-экономическими», и именно в этом году часть таких изданий приняла даже

со вчерашнего дня, чтобы можно было его перестроить; оно слишком сильно, чтобы не терпеть в себе никаких смут, беспорядков и самовольства, посеянных непризванными благодетелями — лукавыми смутьянами. — Не должно, не следует слушать этих бессовестных проповедников, так как мы, христиане православные, имеем руководство в жизни божий закон, которому мы с детства научены, что — «всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены. Посему противящиеся власти противятся божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо она не напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надо повиноваться не только из страха, но и по совести» (Посл. Римл., XIII, ст. 1—5). И до тех пор, пока русский народ будет верен господу богу своему в церкви православной, будет попрежнему чтить своего царя-государя и слушаться поставленных от него властей, русское государство будет попрежнему же сильно, могуче в своем единстве, которому никакой враг страшен не будет. Внешние, заграничные враги нашей родины не дремлют и прилагают всевозможные старания так или иначе ослабить наше отечество: одни, чтобы церковь божию, главную силу Руси, выкурить из народа, оторвать народ от нее, и увлекают слабых в штунду и всякие другие ереси, другие — смущают умы людей всякими беззаконными подметными листками и другими гнусными сочинениями, при помощи наших изменников, растравляя неудовольствия и призывая прямо к бунту против государственного порядка, обещают свободу, но какую? Свободу разнузданности, самоуправства, непослушания власти. Но такая свобода ведет к тяжкому греху, нужна же свобода от греха, о чем непосредственно молит бога православный народ и всячески трудится в своей жизни, чтобы спасти душу от греха. Всем этим зловредным людям, так настойчиво сеющим смуту, нужно же жить на какие-нибудь денежные средства. Деньги же нужны и на разбрасываемые листки. Откуда же, как не от заграничных друзей своих, врагов нашего отечества, получаются ими эти средства? Итак, эти смутьяны являются верными слугами наших врагов, для которых весьма удобно находить среди наших недоучек и безбожников изменников своей родине и при страшном старании насаждать на Руси всяческие беспорядки и беззакония. Стыд и позор русским людям, что среди нас находятся такие гнусные изменники на вражеском содержании, тем более гнусные, что в своих преступных листках и тетрадках представляют себя заботящимися о благе народном. О, лицемеры лукавые! Из беспорядков и бунтов, проповедуемых ими, ничего вырасти не может, кроме нечестия и бедствия для самих бунтовщиков. Они-то, проповедники бунтов и непослушания, может быть и останутся целы, а увлеченные ими вынесут на себе все бедствия своего увлечения... Иначе и быть не может. Если считать их, изменников-смутьянов, десятками, даже сотнями, то на каждую сотню их останется сотня тысяч честных, благоразумных христиан, которым тошна всякая смута ихняя, и не допустит к себе учителями этих изменников своему отечеству, от научений которых вырастают только одни бедствия. Следовательно, все тайные листки, тетрадки, книжки, что бы из этой пагубы ни попало в руки, представлять начальству, не читая, чтобы не грязнить своего ума этой нечистью безбожной. А если бы пришлось встретить самого такого смутьяна — сейчас же задержать его и представить начальству в целости. Приказ этот раздать по экземпляру всем нижним чинам дивизии; находящимся в отсутствии и в командировках выдать по возвращении их в наличие экипажа и команды.

Вице-адмирал Гильтебрандт.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

В Новгородской губ. крестьяне, не обращая внимания на новый продовольственный устав, придуманный Сипягиным, самовластно разбирают в настоящее время хлебные магазины. Такие случаи приобрели массовый характер в уездах Кирилловском, Белозерском и других. Около 1 мая были такие случаи и в Новгородском уезде (Раковской волости, деревни Сергово и Заолешье). Крестьяне этих последних деревень еще в марте ходатайствовали у земского начальника Меркулова о выдаче ссуды на семена. Меркулов не разрешил и уехал в отпуск. В апреле крестьяне, в числе 150—100 человек, ходили к губернатору просить ссуду и даже вели довольно грубые и решительные разговоры с ним: «Чего же не даешь? Мы ведь не будем и подати платить!» — говорили они. Воз-

тот антиполитический характер, который теперь, когда честная литература этого направления почти перестала появляться, зубатовцы пытаются возродить для своих бесчестных целей. И вот в такое-то благополучное время 27 лиц выразили свое негодование сослуживцу-доносчику. Сделали они это в самой легальной и умеренной форме. Не побили они Налимова, не устроили ему публичного посрамления, а только доверчиво известили в закрытом письме, что не считают его товарищем и отказываются от солидарности с ним. Никакого выражения «противоправительственного образа мыслей» в письмах нет. Подписавшиеся вовсе не отрицают обязанности Налимова заботиться о том, чтобы нелегальные брошюры не попадали в руки учеников, они утверждают только, что у него были для этого средства, кроме доноса. Письма не выражают ничего, кроме отвращения к доносчику, но это чувство так всеобще, что исключением являются люди, которые его не испытывают. Доносчик слишком близко соприкасается с предателем и его историческим прототипом Иудой, слишком напоминает собою шпиона, а все эти звания считались и считаются позорными чуть ли не на всем земном шаре, — тем более в России, где доносчик может сделать своей жертве всего больше зла. Царь может и не знать этой элементарной истины — ведь их так «дурно воспитывают» — и по всему вероятию он ее действительно не знает, иначе не братался бы так торжественно с жандармами. Но министры к царской фамилии не принадлежат и, конечно, знают, если не по воспоминаниям молодости, то хоть по наслышке, что отвращение к доносчикам свойственно не одним революционерам.

Не содержание письма возмутило министра, а единственно и исключительно недостаток страха и трепета в полтавцах их «крайняя дерзость», как он выражается. «Возмутительный по своей дерзости случай», вторит ему самодержец. Именно «дерзость» — любимое словцо сердитых барынь, бранящих прислугу. В своем стремлении искоренить «дерзость» и водворять трепет всякий деспотизм всегда ненасытен, за каждой степенью приниженности существует еще большая, к которой по самой природе своей он должен стремиться. Иллюстрацией к этому может служить история постепенного развращения и принижения учительского персонала наших гимназий. В шестидесятых годах звание учителя гимназии по меньшей мере настолько же ручалось за порядочность, как теперь занятия статистикой. За исключением вывезенных из Австрии братушек, учителя также и в 70-х годах были в огромном большинстве случаев

вратившись от губернатора, крестьяне потребовали ключи от магазинов у старосты. Тот, не имев ключей, послал за ними магазинного. Тогда крестьяне составили приговор и список, кому сколько дать, и распределили хлеб сами. Чтобы прикрыть это дело, уездный с'езд дал разрешение крестьянам задним числом.

В Демьянске (Новг. губ.) были расклеены прокламации (в городе и уезде) на телеграфных столбах, приглашавшие бить помещиков.

Из Обоянского у. (Курск. губ., от 28 апреля 1902 г.)

...«Весть о разгромлении заводов несется с удивительной быстротой (речь идет о полтавских и харьковских волнениях). Тут много толков. Говорят, что в заводы являлись студенты, переодетые генералами в орденах, читали царские грамоты и этим убеждали народ в том, что они посланы от царя, чтоб он поднимался. Из других волостей идут слухи о получении там каких-то подметных писем и грамот. Народ ждет чего-то. „Посмотрите, вот через пять лет что будет...". Случилось совпадение. В нашем уезде в одно время была продана 4-мя помещиками земля крестьянам. Последние решают, что это не спроста паны землю продают; „боятся...". Среди торгового люда такое мнение, что Сипягина убил торговый человек, так как казна и земство всю торговлю по его милости забрали и торговцам ущерб большой... Одна старая помещица была очевидицей полтавской порки и хоть она крепостница, но и то ужасалась, что „крестьян обращали в куски мяса, которые бросали на телеги". Она вероятно преувеличивает, что по 200 розог давали... Яичники, коновалы и пр., которых ремесло заставляет путешествовать, служат невольными распространителями вестей и легенд. Говорят, будто бы в 15 верстах от нас провозили 2-х студентов, которые разговаривали с народом и оповестили его, что поднявшиеся идут, будут и на наших сахарных заводах. Будто, проходя, они спрашивают: „Чья земля?" Если скажут: „Помещичья и сдается крестьянам", идут мимо, а если: „Сдается под бураки", — погром...»

Из Льговского уезда (Курск. губ., от 16 мая).

«На многолюдном сахарном заводе близ ст. Иванино Моск. К.-В. ж. д., принадлежащем Баховскому и гр. Клейнмихелю, напряженное и томительное ожидание, что вот-вот разразится гроза. И рабочие, и крестьяне, и служащие завода в нервном напряжении. Все ждут, что кто-то придет и даст сигнал к разгрому. Служащие уложили серебро и приготовились покинуть завод при первой тревоге. К одному из администрации приходит лакей, долго служивший у него, и просит расчета. „Почему?", удивляется господин. „Да неловко как-то служить, — запинаясь отвечает слуга,— скоро против вас же придется итти"...».

Из Обоянского уезда (Курской губ, от 10 мая 1902 г.).

...«Ждут с трепетом (крестьяне с трепетом надежды, а землевладельцы — страха) — „что-то будет". Подбрасываются письма, „грамоты", устрашающие и обещающие... Между крестьянами циркулируют разные легенды... Одно письмо обещает нашествие на завод в нашей местности на 21 мая, а также и на тех владельцев, которые отдают землю под бураки. „Раздевать будут" (следуют прозвища помещиков, „разносить" (именуются усадьбы). Одни говорят: „Придут студенты", а другие: „разбойники".—„Ну, а вы пойдете громить заводы?" — спрашивают одного. „Нет, а то выпорят, как в Полтавской губ." Ждут, что сделается что-то чужими руками. Студентам придается какое-то мистическое понятие, а что такое в самом деле студент — ровно ничего не знают. Потом твердейшее убеждение, что письма идут от царя, хотя их находили в лесу и за околицей сел. А то ходили слухи, что „царь за господ, а землю хочет делить царица". Рассказывают, что кем-то была поднесена икона царю, „а оказались в ней два неприятеля захованы (спрятаны), такая большая"... И что предупредил об этом государя святой человек и „расстреляли ту икону". Помещики иные такого труса празднуют, а также и служащие на заводах, что на конюшнях, все равно как в пожарной части, лошадей наготове держат...»

По циркулирующим в Курске слухам, в Белгородский уезд вызваны войска. На 16 мая были назначены (?) беспорядки на Глушковской суконной мануфактуре Рыльского уезда. Ходят слухи, что неспокойно в Льговском и Суджанском уездах... В виду тревожного настроения

совершенно неспособны заниматься сыском, и между ними было еще немало людей, о которых ученики сохраняли самые добрые воспоминания. Из недавних разоблачений все увидели, до какой степени развращения и принижения был доведен весь состав гимназического начальства в период «умиротворения». О протестах против исследования политической благонадежности гимназистов и их родителей давно уже не было и речи, но правительство все еще продолжало совершенствовать свое орудие, находя уже подозрительным, почти «дерзким» простое уклонение от активного участия в сыске. Общество всегда ненавидело эти гимназии и высказывало свою ненависть, поскольку могло, не прибегая к рискованным средствам. Но в мирные времена ненависть «либералов» к какому-нибудь учреждению всегда служила его лучшей рекомендацией. «Голосом общественного мнения» правительство руководствуется, да только в обратном смысле. Теперь господствовавшая в гимназиях система, наконец, разбита и после целого года публичной выставки к позорному столбу, за которой жадно следили, конечно, и гимназисты всех классов и родители всех званий, она уже не может быть восстановлена в прежней красе, несмотря на угрозы высочайшего рескрипта «подобрать в воспитатели лучших людей». Но вся честь этого дела принадлежит исключительно студенчеству. Смелостью и упорством своих протестов, встретивших поддержку в рабочих, своим презрением к «легальности», своей революционностью, одним словом, студенты воочию доказали правительству, что все его педагогические труды последних десятилетий дали результаты, как раз противоположные намеченным, и из лабораторий, специально устроенных для приготовления отупелых лакеев, снова вышло поколение бесстрашных борцов. Правительству, держащемуся, по его же собственному убеждению, одной запуганностью населения, только и страшен, что рост бесстрашия. Оно отлично знает, что в стране, где нет законов, обязательных для администрации, не может быть и безопасной, легальной, оппозиционной (в противоположность революционной) борьбы как с правительством, так и с малейшим из его агентов. Ведь полтавцы не нарушили никакого закона, и самое большее, что могло бы их постигнуть по законам хотя бы и Российской империи, — это жалоба Налимова мировому судье на оскорбление его в частном письме. Из этого ничуть не следует, конечно, чтобы мы не считали полезным всякие проявления «дерзости» русских обывателей, даже умеренно либеральные, к которым письма полтавцев мы не причисляем. Следует из этого другое.

крестьян, отправившиеся на исследование в Корочанский уезд статистики земской управы по распоряжению губернатора возвращены в Курск.

Курский исправник разослал циркулярное распоряжение сельским старостам и волостным старшинам, в котором предписывается крестьянам немедленно доставлять по начальству всех лиц, которые будут требовать созыва сельских сходов, хотя бы эти лица были одеты в форменное платье и представляли документы и удостоверения в праве своем созывать сход. Исключения допускаются только для чиновников, лично известных сельским властям.

По другим слухам (из комп. источн.) по губернии издано распоряжение созывать сельские сходы только с ведома и распоряжения земских начальников.

В феврале текущего года крестьяне села Майдан, Инсарского уезда, Пензенской губернии, все поголовно заявили сельскому начальству, что платить подати они больше не будут. Побудили их к этому следующие соображения. Во-первых, положение крестьян очень бедственное, вследствие чего платить установленные для них громадные подати они не в силах. Чтобы выплатить подати, крестьянам приходится продавать последний хозяйственный скарб, сводить со двора последнюю овцу, корову. С другой стороны, на Руси много богатых людей: помещиков, купцов. С них нужно требовать больше податей, чем с бедняков крестьян. В действительности же они почти совсем освобождены от налогов. Такие порядки крестьяне считают несправедливыми и поэтому подчиняться им не желают. Во-вторых, крестьяне совсем не знают, куда, на какие дела идут сбираемые с них трудовые денежки, «может быть на худые дела?»

Эти соображения были представлены крестьянам сельскому начальству, которое тотчас же дало знать о случившемся земскому начальнику, становому, исправнику. Последние явились, созвали сельский сход и пытались на нем сначала угрозами, а потом «мягкими просьбами» убедить крестьян отказаться от его решения и платить подати. Но ни угрозы, ни «мягкие просьбы» не произвели на крестьян никакого впечатления: они непреклонно стояли на своем. Тогда была послана пензенскому губернатору телеграмма с запросом, что делать с крестьянами. Губернатор приказал пустить в дело силу. Становой, исправник собрали со всего уезда урядников, вооружили их плетками, подпоили их водкой, не надеясь, что в трезвом виде они исполнят в точности их приказания, и явились с этой шайкой в злополучное село. Попытавшись еще раз образумить непокорных и не достигши и в этот раз своей цели, начальство приказало урядникам тузить и хлестать крестьян. Крестьяне не сопротивлялись. Они спокойно переносили сыпавшиеся на них удары — они говорили: «Мы стерпим, но платить подати не будем». Снова послана телеграмма губернатору, и на этот раз губернатор явился сам в село с жандармами и ротой солдат. Сельчане были созваны на сход. Губернатор потребовал, чтобы крестьяне выбрали из своей среды несколько человек для переговоров, так как говорить сразу со всеми нет никакой возможности. Крестьяне отказались сделать это, заявив: «Мы знаем, что вы с ними сделаете, вы арестуете их». Тогда губернатор дал им слово, что он не арестует их выборных крестьян и будет беседовать с ними в присутствии всего схода. Крестьяне подались... Из толпы выступило несколько человек, но едва они сделали это, как на них набросились жандармы, окружили и повели было в хату. Крестьяне, видя, как они гнусно были обмануты, бросились на жандармов и освободили своих товарищей. Губернатор рассвирепел. Он приказал солдатам готовиться к бою, а крестьянам заявил: если они не выдадут своих товарищей-зачинщиков и если в знак этого не станут на колени, то он сейчас же прикажет солдатам стрелять... Солдаты приготовились, еще момент—и десятки ни в чем неповинных людей погибли бы... Но шесть товарищей не захотели губить людей... Они сами добровольно вышли и отдались в руки властей, а крестьяне стали на колени... Так кончилась эта первая попытка крестьян бороться...

В селе Ключевке, Пензенской губернии, Инсарского уезда, крестьяне, недовольные своим хищником попом, несколько раз жаловались на него архирею. Эти жалобы не имели никакого успеха, и поп продолжал сидеть на своем теплом местечке и обирать крестьян. Тогда они решили удалить его из села сами силою; поп узнал об этом замысле и донес об этом земскому начальнику; последний присудил к трехдневному аресту при волостном правлении 176 крестьян. — Возбуждение в селе против попа и начальника громадное.

В деревне Васильевке (Полт. губ.) проживают помещики Чесноки — земский начальник с семейством. Чесноки владеют имением дес. в 500, при чем землю сдают в аренду. Люди они добрые, благожелательные и пользуются уважением местных крестьян, которым никогда не

Не далеко, вероятно, то время, когда правительство, потеряв надежду рассажать по тюрьмам, запугать или истребить своих непрерывно умножающихся врагов, почувствует — выбирая из двух зол меньшее — некоторую склонность «прислушиваться к голосу общественного мнения» и на этот раз уже не для того только, чтобы сделать диаметрально противоположное его требованиям, а чтобы, полакомив кое-какими обещаниями, заставить кричать против крайностей революционеров и прославлять «благие намерения правительства».

Так вот, если «умеренность» к чему-нибудь «обязывает», так именно к тому, чтобы всегда знать, а в такой момент в особенности не забывать, что в деспотическом государстве легальная оппозиция не может иметь ни малейшей самостоятельной силы, за отсутствием тех законов, на которые она могла бы опереться; что тот минутный фавор, в который она попала, зависит единственно и исключительно от контраста с крайней смелостью и стойкостью людей, борющихся революционными средствами; что если бы замолкли революционные голоса и умеренность осталась наедине с недобитым самодержавием, ее собственный голос тотчас же снова показался бы ему «дерзким» и требующим строгих мероприятий. А помня все это, либеральным людям, серьезно желающим раз навсегда покончить с самодержавием, пришлось бы признать, что в интересах своего дела им следует не противоставлять себя революционерам в качестве самостоятельной силы, не собираться удерживать их от «крайностей и насилий», а помогать им всеми сообразными со своей умеренностью средствами. Мы предполагаем, конечно, такую умеренность, которая заключается не в принципиальном отрицании правомерности нелегальной борьбы с непризнающим законов правительством, а в личной неспособности к «военной службе», к слишком опасной революционной деятельности. Но в революционной борьбе, как и в обыкновенной войне, для успеха военного дела нужна масса штатской работы по снабжению армии оружием, провиантом, квартирами и сведениями, не говоря уже о Красном Кресте. В настоящее время именно эта часть освободительной работы выполняется всего хуже. По сравнению с семидесятыми годами действующая армия выросла бесконечно, а штатская помощь, уменьшающая опасность революционной работы и увеличивающая ее производительность, едва ли достигла даже тех размеров, какие имела тогда.

[В. Засулич]

отказывают ни в помощи, ни в совете. Когда вспыхнуло крестьянское движение, васильевцы получили подметное письмо, в котором говорилось, что такого-то числа Чесноковская усадьба будет подвергнута разгрому. Получив письмо, васильевцы немедленно поделились его содержанием с Чесноками, соседям же крестьянам заявили: «Нашего пана не троньте, его в обиду не дадим; а если сунетесь, то вас самих возьмем в колья». Усадьба встревожилась. Хозяева метались по комнатам, укладывая пожитки. Пошли слезы, жалобы, истерики и пр. Сам же Чеснок решил: «Ну придут, так придут», и приказал приказчику отпереть амбар. Сидят — ждут. Приходят бунтари. Васильевцы еще раз заявили, что громить Чесноков не дадут, как-то поладили с бунтарями, и вместе с ними, оставив усадьбу в покое, пошли и разгромили лежавшее невдалеке от Васильевки целое гнездо помещичьих усадеб.

А вот иная картина:

В д. Ковалевке, Полтавского же уезда, после обедни крестьяне предложили священнику громогласно прочесть прокламацию. Священник отказался, и тогда ковалевцы, вытащив бедного пастыря из церкви, тут же в ограде избили его, приговаривая: «А, так ты за панов, заодно пьете нашу кровь. Нет, будет, довольно панствовали вы, пора и нам пановать!» Еле, еле отлежался священник в больнице. Настроение крестьян сказывается даже в мелочах:

У шлагбаума крестьянский обоз с'ехался с помещичьим экипажем. Прежде, чем пропустить помещика, как это полагается по деревенскому этикету, обоз проехал вперед, при чем возчики иронически замечали: «Прежде вы были паны, а теперь наш черед пановать ...»

Из Орловской губернии.

Место действия захолустная деревня Шепелевка, Кромского уезда. До освобождения крестьян Шепелевкой искони владел старинный род дворян Шепелевых. Не так давно умер последний отпрыск фамилии, и помещичья земля перешла к новому владельцу. В начале апреля на сельском сходе шепелевцы всем миром постановили приговор: так как-де шепелевской землей с покон веку владели они, шепелевцы, то земля — их крестьянская собственность, и новому владельцу землей пользоваться они не позволят. Губернское начальство очень встревожено этим фактом, помещик же думает продать землю крестьянам. Кстати сказать, по слухам, в Кромском уезде были распространены прокламации.

Из Курской губернии.

В слободе Николаевке, Суджанского уезда, кем-то из крестьян была получена революционная брошюра. Брошюра была прочитана на сельском сходе и возбудила массу разговоров и толков. Нет ничего удивительного, что о получении брошюры узнал суджанский исправник, и вот в один прекрасный день «хозяин уезда», в сопровождении орды полиции, прибыл в Николаевку на розыски «преступной книжки». После долгих поисков брошюра об'явилась и с торжеством была отвезена в Суджу, а огорченные мужички почесывали затылки и толковали, что видно в книжке правда написана, если сам исправник приехал за нею и поднял такую бучу. Потолковали и решили: надо итти к исправнику книжку назад требовать. Надумали и сделали: перед временной квартирой исправника в селе Николаевке вскорости после увоза книжки собирается толпа николаевцев, человек 100—150. Выходит исправник: «Что вам, ребята, надо?» — «Да вот, вашескородие, книжку вы у нас взяли... Так мы за книжкой пришли. Отдайте нам книжку». Принялся исправник урезонивать крестьян. «Книжка, — говорит, — лживая, если станете поступать по книжке, так худо вам будет: пошлют на вас солдат, станут вас сечь, а, глядишь, и перестреляют малость». Не слушают крестьяне исправника и стоят на своем: «Отдай книжку, а там видно будет»... В конце концов, исправник настоял на своем, и крестьяне вернулись по домам с пустыми руками, еще более уверенные в том, что свободное слово несет с собою правду и свет, которых так боится начальство.

Гг. либеральные буржуа! Темные николаевцы сделали попытку постоять за свободу печати.

Способны ли вы на такую попытку?

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

5 (18) апреля навсегда сохранит печальную память в летописях Финляндии. В этот день в ее столице произошло зрелище, немыслимое до сих пор в этой культурной стране, в которой в течение почти целого столетия вековая финляндская конституция сдерживала дикий произвол российского самодержавия. 5 апреля ознаменовано первым и Финляндии избиением безоружных граждан раз'яренными казаками, которые, не разбирая ни возраста, ни пола, «работали» своими нагайками во славу самодержавия так же усердно, как постоянно действуют у нас в России царские опричники. Это азиатское побоище является самым красноречивым доказательством преступности всей возмутительной «обрусительной» политики русского правительства, которую оно ведет с конца 1898 г., и оно находится в теснейшей связи с новым так называемым «законом» о «воинской повинности», утвержденным, вопреки основным законам, без согласия финляндского сейма царем-клятвопреступником 29 июня (12 июля) 1901 года. Поэтому, прежде чем перейти к описанию апрельских событий, мы находим нелишним в нескольких словах познакомить читателя с отношением финского народа к этому административному декрету, грубо попирающему финляндскую конституцию.

Еще чрезвычайный сейм 1899 г., созванный для рассмотрения законопроектов г. Куропаткина, в своем мужественном ответе, который самодержцу совершенно беззаконно «было благоугодно оставить без последствий», вполне определенно указал, что изданный административно новый закон о воинской повинности, в правовом отношении не может быть признан действительным, а в глазах финляндского народа покажется лишь насилием. Законные представители народа, как доказывают события последних месяцев, не ошиблись. Мы не будем здесь останавливаться на самом «законе», достаточно ясно коментированном во внушительном протесте-адресе финского народа, который был опубликован в № 11 «Искры». Мы укажем лишь, что в силу этого незаконного постановления были упразднены все финские войска, за исключением финского гвардейского батальона, и что в ближайшем будущем последуют неограниченные законом призывы новобранцев в русские войска, в которых их ожидает обращение, какое подобает не с свободным гражданином, а жалким рабом тирана. Всем известно грубое отношение «всероссийского самодержца» к благородному адресу финского народа, покрытому 473.363 подписями: он в «неизреченной милости» решил оставить этот могучий всенародный протест без внимания. Так «милостиво» царь отнесся к подобному адресу финляндцев и всем адресам наиболее выдающихся представителей науки и искусства всей Европы 1899 г. Упомянутый адрес прекрасно характеризует взгляд финского народа на «преступный закон», в котором он вполне справедливо лишь видит акт насилия. Такое же отношение он встретил к себе со стороны многих пасторов, приходов, городских и сельских общин и, наконец, самих призываемых к отбыванию воинской повинности. 16 пасторов, несмотря на всякие угрозы и увещевания епископа, наотрез отказались обнародовать в кирках «закон» клятвопреступника; теперь эти пасторы лишены в наказание своего жалованья сроком от 1 до 3 месяцев. Прихожане в очень многих церквах не допустили обнародования царского манифеста. Особенно грандиозных размеров этот народный протест достиг в маленьком городке Ловизе и в Гельсингфорсе, где 3-го и 10-го (16-го и 23-го) февраля попытался прочесть «закон», отправленный архиепископом во все кирки, в которых пасторы отказались исполнить беззаконие, отставной пастор Хальме. В Гельсингфорсе в эти дни самым возмутительным и вызывающим образом вела себя полиция, схватывавшая многих лиц и тащившая их в участки без малейшего повода с их стороны. Гельсингфорский суд приговорил трех полицейских башибузуков к аресту от 1 до 3 месяцев, а генерал-губернатор Бобриков выразил этим господам свою особую благодарность, незаконно же занимающий пост ньюландского губернатора генерал Кайгородов обещал в крайнем случае у царя выхлопотать освобождение от наказания. В нынешнем году призыв в виде особой милости царя происходит, по наглому уверению правительства,

согласно с законом 1878 г., но это грубейшая ложь, так как многие постановления этого закона постоянно нарушаются. В силу «неизреченной монаршей милости» в нынешнем году на активную военную службу будет принято всего 280 финляндцев, которые все поступят в финский гвардейский батальон. Подобные облегчения «монарх» обещал делать в течение так называемого переходного времени. Однако, и этой «льготой» ему не удалось обмануть финский народ, что красноречиво доказал, между прочим, отказ городских и сельских общин (общее число которых в Финляндии достигает 513) избрать членов в призывные по воинской повинности присутствия, при чем не подействовали угрозы губернаторов совершенно незаконными штрафами. Последние прибегли к такой странной мере по секретному предписанию финляндского Сената. Здесь уместно сказать несколько слов вообще о положении «финляндского местного правительства». Сенат в настоящее время после выхода половины всего числа его членов в отставку в 1900 г. вследствие отказа обнародовать беззаконные «законы» и «высочайшего» увольнения осенью 1900 г. 4 лучших его членов, осмелившихся протестовать против царского «закона» о воинской повинности, состоит из людей самых слабых, продажных и даже настоящих изменников. Поэтому вполне понятны, с одной стороны, уступчивость Сената при исполнении различных «предначертаний» Николая II и его агентов в Финляндии, а, с другой стороны, та ненависть и презрение, которые питают к Сенату все честные финляндцы. Это славное учреждение в угоду царю и его наглым сподвижникам пытается всячески обходить и нарушать финляндские законы. По инициативе Сената состоялось «высочайшее» постановление о действительности состава призывных по воинской повинности присутствий и без выборных общинами членов.

2 (15) апреля, наконец, открыли свои заседания оригинальные «присутствия». Бобриков заручился «правом» удерживать на службе офицеров и врачей упраздненных финских войск, чтобы насильно пользоваться их услугами в заседаниях этих присутствий. По имеющимся за первую неделю сведениям о 40 призывных присутствиях, в 8 не явилось ни одного человека, в 7 общинах вовсе не состоялось заседаний, в 1 общине все призываемые, представив резкий письменный протест, удалились. В большую часть присутствий явился незначительный процент призываемых. Так, например, в Гельсингфорсе из 870 оказалось в присутствии 57, при чем из студентов явилось 2 (один сын сенатора Генетца), на медицинский осмотр прибыли всего 38; в Таммерфорсе из 327 явилось всего 25, в Бьерneборге из 120 — 20 и т. п. Подобный процент явившихся замечался во многих сельских общинах, что красноречиво говорит о взгляде самого «народа» — крестьян.

Чтобы правительству не оказаться в очень уж некрасивом положении, мудрые советники самодержца научили его прибегнуть к комическому манифесту, в котором причины стойкого поведения призываемых об'ясняются «ложными слухами», установленный срок призыва удлиняется и, наконец, приводится курьезная угроза: «уклонение от призыва приведет нас к убеждению, что установившийся в течение истекшего столетия порядок управления Финляндиею не обеспечивает спокойного течения государственной жизни и повиновения властям». Для такой явной лжи требуется из ряда выдающееся нахальство: этот «порядок» уже 4-й год самодержец ежедневно нарушает, и на него теперь он сваливает мнимую вину!! От этого порядка уже и теперь осталось крайне немного, так что клятвопреступнику не в чем будет убеждаться. Этот акт насилия до сих пор, по крайней мере, не имел особенного эффекта в Финляндии. По полученным сведениям с 1-го по 7 мая (нов. ст.) около 50 призывных присутствий, в которых заседания происходили уже после обнародования манифеста от 7 (20) апреля, в 15 присутствий никто не явился, в 7 все призываемые после принесения протестов демонстративно удалились, в большей же части присутствий попрежнему являлся лишь незначительный процент. Правительство могло бы уже убедиться, что в Финляндии оно далеко не уйдет со своими беззакониями.

В Гельсингфорсе 4 и 5 апреля происходили заседания «присутствий». За отказом в помещении это присутствие открыло свои заседания скромно в гарнизонном манеже и в казармах гвардейского батальона. В первый день многочисленная публика выражала свое негодование свистками, насмешливыми возгласами и пр., которыми она провожала явившихся в присутствие. Полиция вела себя самым вызывающим образом. Между прочим, особенно отличался приговоренный судом к тюрьме комиссар Кайтокангас, которого от ярости публики, бросавшей в него каменьями и кусками льда, спас помощник полицмейстера Максимов, и бравый комиссар пустился в бегство на извозчике. 5 апреля снова собралась на казарменной площади многочисленная толпа, которую в этот день вывела из терпения дикая выходка одного жандарма, начавшего без всякого повода действовать шашкой. Он сначала поранил одного финского рабочего, а потом угодил в лицо упомянутому Максимову. Между тем по Гельсингфорсу распространился слух, что Сенат накануне откомандировал в «присутствия» русских военных врачей, что является грубым нарушением финляндской конституции, которая допускает на финляндские должности назначение одних финляндских граждан. Поэтому публика начала собираться на огромной Сенатской площади, к 3 часам, когда сенаторы выходят из Сената, чтобы протестовать против поведения этих изменников. Лишь 3 сенатора осмелились отправиться домой. Их многочисленные граждане встретили свистками и криками. Толпа между тем быстро росла. На Сенатской площади полиция с полицмейстером, крайне темной личностью, Карлстедом во главе, лишь раздражала публику, не переставшую свистать и кричать. На увещание Карлстедта «во имя государственного закона» разойтись раздались крики: «У нас нет больше закона!» Не имели успеха и нападения полиции с шашками наголо на публику, встретившую ее каменьями и снежками. Около 4-х часов вдруг прибыла сотня оренбургских казаков, вызванная губернатором Кайгородовым. Мы не будем подробно описывать все бесчинства храбрых воинов, избивавших нагайками безоружных людей с некоторыми перерывами до 9 часов вечера. Кайгородов, сидевший верхом на лошади и окруженный несколькими русскими офицерами также на лошадях, руководил этим побоищем. Казаки, по своему обыкновению, били всех подвернувшихся им людей: они избили многих женщин и детей; сгоняли публику нагайками со ступеней Николаевского собора, университета и памятника Александра III; они с особым рвением истязали сбитых ими с ног людей, которые уже не могли обороняться. Многие казаки даже преследовали со своими нагайками лиц, спасавшихся в какие-либо здания, и здесь продолжали свои подвиги. На просьбы некоторых уважаемых граждан отослать казаков Кайгородов давал самые цинические ответы и, между прочим, сваливал всю вину на какого-то сенатора, вызвавшего будто бы казаков. Пока мы оставляем вопрос открытым, виновны ли какие-либо сенаторы непосредственно в избиении мирных граждан. Избитых 5 апреля очень много. В хирургическую клинику в этот день обратилось 13 человек, из которых один был тяжело ранен; многим же оказали медицинскую помощь частные врачи. Из «блюстителей порядка» также ранено несколько человек. Все зверства казаков не могли удалить публику, которая добровольно разошлась лишь после отзыва опричников. Кайгородов вызвал, кроме казаков, вечером 4 роты войска, которые, однако, не были пущены в ход. Возмутительная тактика губернатора, разумеется, не могла водворить порядка в стране, в которой до последнего времени все граждане сами поддерживали образцовый порядок. В следующие за 5 апреля дни порядок был водворен увещаниями уполномоченных и других граждан, а отнюдь не угрозой Кайгородова и бессмысленным вызовом войск из других городов. Орган генерал-губернатора поспешил опубликовать ложные «официальные» сообщения об этих событиях; также во многих иностранных газетах появились, благодаря стараниям гг. обрусителей, самые нелепые известия. Любовь финляндцев к порядку доказывает лучше всего следующий факт: по предложению городских уполномоченных, вызвались охранять порядок сотни студентов и рабочих, сумевших водворить без оружия самый примерный порядок в ночь на русскую пасху. Столкновения публики с полицией по поводу заседаний беззаконных присутствий произошли

в двух-трех городах, но окончились довольно мирно, так как губернаторы там не выводили своим нахальством из терпения граждан, как делал Кайгородов. В демонстрациях принимал участие сам «народ», а отнюдь не одна лишь интеллигенция, которая, по нахальным уверениям русского правительства, одна будто бы только недовольна новыми порядками, тогда как низшие классы будто бы благодарны монарху. Изложенные нами события превосходно доказывают необходимость постоянной, самой упорной борьбы с самодержавием за политическую свободу, которую оно всячески старается уничтожить в свободной до сих пор Финляндии. Последние финляндские события призывают всех русских граждан к быстрому свержению позорного ига деспотизма, старающегося задушить проявление всякой свободной мысли и всякого свободного слова.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ПЕРВОЕ МАЯ 1902 Г.

Первые шаги.

(Письмо рабочего о демонстрации в Баку.)

Мы, бакинские рабочие, чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу. Но в виду того, что наши товарищи еще не так сплочены, т. е. наша организация еще очень слаба, у нас возник вопрос: быть или не быть? Мнения рабочих были различны. Одни, напр., говорили: «Если будем праздновать открыто, то без арестов дело не обойдется, и наши лучшие силы пропадут; тогда наше движение приостановится. Не лучше ли нам продолжать попрежнему тайную пропаганду и агитацию, пока движение наше усилится и глубоко пустит корни? Тогда и мы, как наши братья других городов, смело выступим, открыто заявляя наши силы». Другие советовали собрать массу и пойти на поле праздновать тайно, чтобы не отстать от других городов. Но тут нам вспомнился ответ декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя».... Но для того, чтобы возгорелось сильное пламя, нужно, чтобы наши искры разлетелись по всему городу, чтобы сразу вспыхнул большой огонь. Так как открытое празднование станет известно всему городу, то, без сомнения, наши искорки западут не только в души рабочих, но и в души всех граждан нашего города (как потом и оказалось). Тут мы решили: «быть». Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытого празднования 1 мая. Решено и сделано! Но вот наступил назначенный день 21 апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Каждый в отдельности поднимал голову и глазами чего-то искал вверху. А сердце так жмется от радости, что вот настанет минута, когда мы будем чувствовать себя героями святого дела, и мы сможем сказать, что это наш праздник, и что это знамя тоже наше. А вот и то, что так жадно искали наши глаза — это наши сигнальные шары! Каждый, кто только увидел шары, сейчас бежал к назначенному месту, а наш бравый знаменоносец был настолько разгорячен, кровь в нем так закипела, что он даже не вытерпел и минут на пять раньше, чем пустили третий шар, развернул знамя гордо и смело и произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Я должен заметить, что около знаменоносца было всего человек 8—10, из которых трое разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «Свобода, 8-часовой рабочий день» и т. п. Разбрасывая листки, все крикнули: «Ура!» На их крик раздался по всем улицам ответ: «Ура!» «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к «парапету», где знамя гордо развевалось. Постовой городовой, увидя это, до того испугался, что не знал что делать: отнять ли знамя или убежать, и как бешеный метался во все стороны и как раз попал в толпу демонстрантов. Когда он вырвался, он побежал без оглядки, желтый, как мертвец. Пристав же, который здесь стоял для охраны, помчался неизвестно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а ура все усиливается и усиливается. С громким криком «ура» мы двигались вокруг парапета к назначенному месту; но как только хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо нас проехали: полицмейстер, его помощник и пристав. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали им угрожать кулаками с криком: «Долой самодержавие, долой полицию, долой собак!» А толпа тысячная кричит «ура!» Это их задело, как видно, за живое, и они соскочили с извозчика и подошли к нам, бледные, как мертвецы, они тряслись, как в лихорадке. Пристав заговорил телячьим голосом: «Что вы хотите?» А полицмейстер заревел, как бык: «Разойтись!» Но товарищи не пали духом и угрожали палками: «Долой самодержавие! Долой полицию!» А я подошел к знаменоносцу и говорю: «Товарищи, бросьте собак и вернемся обратно». Так и было: «ура» усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с криками: «Ура! да здравствует свобода!» На крышах и балконах появились люди разных сословий, толстобрюхие и т. п. господа. Мы им угрожали кулаками и криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Но с балконов и крыш эти толстобрюхие сочувственно ответили: «Да здравствует, да здравствует!» Все проходящие с сияющими лицами кричали: «Молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робейте!» и т. д.

Так мы дошли до того самого места, где начали, но тут опять те же собаки начали кричать: «Разойтись». Мы не противились и сейчас же направились по Татарской улице к гимназии; за нами бежала вся толпа с криками «ура», а знаменоносец тут же сложил знамя и ушел домой. Были два маленьких флага: их нес какой-то мальчик 10-ти лет, и когда пристав подошел к нему и хотел отнять, он крикнул: «Долой собак, подлецов» и, спрятав в карман флаги, побежал. Я забыл заметить, что когда полицмейстер спросил, что мы хотим, один рабочий подскочил к нему, развернул флаг и показал ему, что мы хотим. Всю дорогу держал он знамя, чтобы ветер не скручивал его, так что мы минут 20 ходили со знаменем, а на Гимназической мы стояли также минут 20 или больше (но без знамени) и кричали «ура». Хотели петь, но у нас уже сил не было. Один грузин начал танцовать, и все хлопали руками, а когда пристав прибежал, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы не была полна народу. На крышах и балконах кричали: «Долой самодержавие, да здравствует свобода!» и т. д. Ни один ребенок не остался дома. Все повыходили из домов. Народу было около 5.000, так что крики и мертвых могли бы поднять... Мне невольно вспомнилась французская революция...

Постояв около ½ часа близ гимназии, мы начали расходиться, довольные тем, что маленькая искра действительно разгорелась, и весь город закипел, зашумел...

Успели арестовать одного рабочего, но парень, как говорится, не промах: будучи уже в руках злодеев, сам себе дал свободу, т. е. поколотил двух городовых, вырвался и удрал. Кроме этого, на месте демонстрации арестов не было. Потом мы опять все направились к парапету в качестве зрителей; и нашим глазам представилось небывалое зрелище: громадная толпа, солдаты, казаки, вся бакинская полиция, флотские солдаты, пожарная команда и много разных собак. Полицмейстер, как бешеный, бежит то туда, то сюда, не зная что делать: разогнать ли толпу или самому уйти? А жандармский пес нюхал воду, авось найдется добыча, но не тут-то было. Брандмейстер командовал пожарными, а казаки уже по доброй воле просили публику: «Разойдитесь, пожалуйста». Разошлись не скоро. Теперь многие рабочие просят дать им таких людей, которые бы им раз'яснили их положение. Многие с нетерпением ждут новой демонстрации, и слова нашего великого учителя Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» запечатлелись в душах всех рабочих, так что теперь всякий говорит, что только «пер-

вый шаг» труден был, а теперь будем шагать прямо и смело! и везде, где мы только будем, там и забросим искру, а от искры возгорится пламя. Теперь я вижу, что невозможного нет. Когда мне кто-нибудь, бывало, скажет: «Что мы, маленькие люди, можем сделать?», я всегда отвечал, что из маленького зерна вырастает большое дерево. Теперь я вижу перед собой, что только недавно было заброшено маленькое зерно, а теперь у нас выросло могучее дерево; и вот уж даже некоторые пользуются готовыми плодами в виде удачных забастовок. Теперь только остается пожелать всем товарищам всей России, начиная с первого шага и на всю жизнь, выступать твердо и смело и показать всем врагам нашим, что нашу семью никто не может искоренить, а, наоборот, кто захочет искоренить нашу семью, тот останется в дураках, потому что— пролетарии всех стран соединились.

Харьков. Майская демонстрация у нас не осуществилась, что и можно было ожидать, так как массовые аресты в значительной степени подорвали силы партии. За последние 2—3 месяца было арестовано свыше 100 человек интеллигентов и рабочих. Тем не менее, день 1 мая ознаменовался волнениями на паровозостроительном заводе, хотя непродолжительными, но принявшими довольно обостренную форму. Дело обстояло так. Организованные рабочие выработали на предварительных собраниях два плана действий.

1) Собравшись утром у ворот завода, не пускать на работу.

2) Собравшись в верхней части снарядного цеха, господствующей над частью завода, об'явить рабочим, чтобы они бросали работу, и запеть революционные песни.

Оба эти проекта, вследствие вышеуказанных причин, остались неосуществленными. В обычное время рабочие спокойно стали на работу, но уже около 9-ти часов в сборном цехе началось сильное брожение: со всех сторон послышались протесты, работа бросалась, раздалось пение «Дубинушки»... Человек 15—20 отправилось из сборного цеха в котельный, чтобы там поднять волнение. Первый из них, значительно опередивший своих товарищей, обратился к котельным рабочим с требованием бросить работу. Тогда мастер крикул: «Бейте этого мерзавца!» Несколько заводских холопов бросились на него, но он был быстро освобожден подоспевшими товарищами. Мастер Булгаков, не пользующийся популярностью среди рабочих, в надежде прекратить беспорядок, обратился к ним с увещеваниями и угрозами, но брошенной кем-то гайкой был довольно серьезно ранен в голову. Через несколько минут котельный цех уже не работал, а через полчаса была прекращена работа на всем заводе. Все рабочие вышли на заводской двор. Наряд полиции, пытавшийся водворить порядок, был быстро рассеян разбушевавшейся толпой. Вскоре на место действия прибыл отряд казаков; с большим трудом удалось ему пробиться во двор и оттеснить рабочих обратно в завод, но здесь казаков встретил такой град гаек и заклепок, что они принуждены были отступить. Один казачий офицер и несколько казаков получили тяжелые ушибы. Работники опять заняли двор. Наконец, появился губернатор, светлейший князь Оболенский, приобревший всероссийскую известность варварской расправой с крестьянами Валковского уезда. Он произнес краткую, но вразумительную речь, в которой рабочим «ставил на вид», что во вверенном ему городе он не потерпит подобных бесчинств, что его трудно запугать, что в крайнем случае он соберет не только все харьковское войско, но призовет войска со всей России... В заключение он предложил рабочим изложить их требования. Но они на столь милостивое предложение ответили глубоким молчанием. Губернатор постоял, помолчал и уехал, а работники разбрелись по домам. После обеда многие из них, под прикрытием войск, расставленных вокруг завода, пошли опять на работу; так что к вечеру работало громадное большинство. Этим и закончились беспорядки. Говорят, что за заводом стоял отряд казаков с розгами. По «нонешним» временам этому не трудно поверить.

Ростов-на-Дону. 25 мая 1902 г.

Наше рабочее движение растет и ширится, несмотря на то, что в этом году кризис сильно задержал рост его.

6 мая прошлого года начали сокращать количество рабочих на местных заводах, и в первую голову, конечно, рассчитывались сознательные рабочие как неудобный элемент, от которого всегда стремятся избавиться хозяева и мастера. Благодаря кризису, Донской Комитет лишился 60—70 процентов сорганизованных рабочих. На их места явились уже новые, хотя пока еще в меньшем количестве. Тем не менее движение по размерам превзошло прошлогоднее. Были устроены 2 демонстрации (19 февраля на Садовой улице и 30 марта в театре); попытка устроить демонстрацию 18 апреля окончилась неудачей.

Прокламаций распространялось огромное количество. За последнее время выпущено: 22 марта — о значении демонстрации (1.300 шт. печатных); 30 марта — 300 прокламаций и 600—700 билетиков с надписями: «Долой самодержавие!» «Да здравствует политическая свобода!» «Долой Обмановых»; 5 апреля — на смерть Сипягина (100 шт.; эти же прокламации раздавались по церквам в ночь под пасху); 9-го и 10-го распространялись майские брошюрки и прокламации. Выпущено 1.000 брошюрок (перепечатано с изменениями и дополнениями изд. «Южного Рабочего» 1901 г. о значении первого мая и отрывок из истории австрийского рабочего движения) и 2.500 прокламаций; 18 апреля распространены майские прокламации в новой редакции: 2.000 шт. и 700 плакатов с призывами к демонстрации; 26 апреля распространены прокламации Центрального Комитета—около 1.000 шт.; 3 мая 1.000 шт. прокламаций партии (изд. «Искры»). Кроме того, получено 1.000 «Сон под первое мая», но по конспиративным условиям не могли быть распространены. Запоздали и потому не были распространены майские прокламации изд. «Южного Рабочего» в количестве свыше 3.000 шт.; 9 мая распространено в обществе и к рабочим 2.000 прокламаций на смерть Балмашева. Благодаря такому обилию прокламаций, настроение во всех слоях общества было тревожно-выжидательное. Этому также способствовали принятые полицией и жандармами меры. Аресты и обыски шли беспрерывно; на заводах по ночам оставлялись специальные сторожа для ловли распространителей прокламаций. У заподозренных рабочих по ночам взламывали станки и ящики, разыскивая там прокламации. На вокзале ж. д. нескольких человек приезжающих и отъезжающих арестовывали, обыскивали, записывали адреса и отпускали с миром. Все посылки осматривались жандармами; многие вскрывались в тщетных поисках транспортов нелегальной литературы. Наряды полицейские были усилены, шпионов расплодилось, что навозных мух. 14 апреля на помощь местной казачьей сотне (173 ч.) прибыли казаки Новочеркасского гарнизона. Казаки эти в полном вооружении, с пиками, ружьями. саблями. и нагайками. в течение трех дней раз'езжали с песнями по городу, терроризируя этим население. Кроме конных, пешая казачья сотня и солдаты местной конвойной команды в течение нескольких дней стояли в казармах в полной боевой готовности. 18-го на демонстрацию явилось человек 500 рабочих; толпа собралась тысяч в 7—8, вся ростово-нахичеванская полиция и жандармерия была тут же в полном сборе. Но демонстрация не удалась, к величайшему изумлению всех собравшихся.

Трудно об'яснить эту неудачу. Донской Комитет 22 апреля устроил специальную большую сходку рабочих для выяснения причин неудачи, но и она мало выяснила этот печальный случай. Дело в том, что по конспиративным соображениям очень ограниченное число лиц знало план демонстрации, что вызвало сильное замешательство, которое особенно усиливалось тем, что густая толпа гуляющих мешала свободному движению и в ней организованные рабочие с большим трудом находили друг друга. Первая группа демонстрантов очень хорошо начала, пропев куплет марсельезы и затем, по условию, рассеялась. Вторая же группа, долженствовавшая начать на другом конце улицы, по непонятной и невыясненной причине своевременно не начала и потом не могла начать, так как не успевало сойтись 15—20 рабочих. как среди них появлялось несколько полицейских, при которых начинать было невозможно. Наконец, уже в новом месте рабочие подняли знамя.

Но к нему моментально подбежал шпион и перервал его. В суматохе его приняли за «своего», расправляющего знамя. Шпион безнаказанно удрал, а остатки знамени были разодраны уже на руках у полиции. Случй этот произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Итак, проявление политического недовольства у наших рабочих задушили, но надолго ли?

Пока что полиция неистовствует, охраняя гнилые основы самодержавия. 5 мая, например, у театра собралась публика устроить овацию от'езжающему гастролеру Баттистини. Полиция начала разгонять собравшихся и вызвала конных казаков. Казаки, между прочим, ни за что, ни про что, жестоко исколотили одного извозчика. Вокруг города до сих пор раз'езжают верховые, выискивая, не грозит ли что полицейскому произволу. Между прочим, полицией было запрещено устройство каруселей и балаганов за городом на так называемой «зеленой балке», что существовало издавна.

Прокламации Донского Комитета в этом году распространялись, помимо Ростова и Нахичевани, в Таганроге, Новочеркасске, заводе Пастухова при ст. Сулин, в Александровске-Грушевском и окружающих его шахтах, Новороссийске и Армавире. Везде прокламации вызывали, по большей части, восторженный прием. Шахтеры, среди которых прокламации появились впервые, собрали между собою несколько рублей на покупку «писем». В Сулине рабочие собирались группами, читали прокламации и кричали «ура». Обеспокоенный этим, директор завода собрал рабочих и произнес им приблизительно следующую речь: «Вот, господа, в последнее время вы ведете себя очень нехорошо, и от этого чрезвычайно огорчается хозяин наш. То вы завод били, а теперь читаете эти подлые прокламации. От этого хозяин наш дошел до такого огорчения, что сказал: „Пускай они все передохнут—я закрою завод, раз они меня не ценят". Вот видите, до чего вас доведут некоторые подлецы-подстрекатели. Давайте подписку, что больше у нас ни бунтов ни прокламаций не будет. Станем жить мирно и выгонять тех подлецов, которые мутят». В это время кто-то, должно быть из «подлецов», свистнул, и толпа перестала внимать словам директора. Начались крики, вспоминали разные несправедливости и браковку работы, из-за чего недавно бунт был. Дело чуть не закончилось новым битьем квартир администрации.

Итак, несмотря на неудачу 18 апреля, мы вступаем в новый год существования с глубокой верой в свои силы и в близкий конец ненавистного самодержавия.

[Локерман]

Крым. Из Ялты сообщают, что 1 мая там появились социал-демократические прокламации, обращенные к ялтинским рабочим. Прокламации эти в большом количестве были распространены по городу, рабочим слободкам и в окрестных царских имениях. Таким образом, если бы всероссийский недоросль Ника-Милушка находился теперь в Крыму, он мог бы с ужасом найти у себя во дворце свободное социал-демократическое слово. Местные обыватели говорят, что в Ялте социал-демократические прокламации появились впервые. Прокламации эти были составлены в высшей степени популярно и рассчитаны на распространение в массе. Характер они носили социалистический с резко выраженной политической окраской. Ялтинская полиция целый день рыскала по городу и слободкам, с трудом срывая крепко приклеенные прокламации. В течение нескольких дней улицы Ялты кишели полицейщиной. Квартирующий в Ливадии (имение царя) батальон был «наготове», в ночь, предшествовавшую 1 мая, по городу ходили солдатские патрули. Словом, царские холопы усердно старались подавить и запугать словно с неба упавшую «крамолу».

Прокламации произвели в Ялте громадный шум. В течение нескольких дней всюду только и слышны были разговоры на эту тему. Многочисленные ялтинские шпионы шныряли по базарам, трактирам и т. д., прислушивались к разговорам рабочих и арестовывали десятками тех, кто выражал сочувствие прокламациям. В течение нескольких дней было арестовано 60 рабочих, но в результате полиция осталась, конечно, с носом, и постепенно все рабочие были ею освобождены за полным отсутствием улик. Ведь нельзя же даже в России запрещать уличные разговоры на тему, интересующую весь город.

Желая вызвать среди местного общества отрицательное отношение к прокамациям, ялтинские полицейские, шпионы и жандармы начали распускать по городу слух, будто прокламации призывали к грабежам, разгрому домов и магазинов и т. д. Эта гнусная выдумка подлых царских опричников имела небольшой успех среди некоторых слоев буржуазии, совершенно еще «невменяемых» в политическом отношении. Но, в общем, ялтинское общество, конечно, не поверило нелепой сказке полицейского участка. Впрочем, полицейский участок сам поспешил опровергнуть свою глупую выдумку, набросившись с обысками не на «грабителей», а на ялтинскую интеллигенцию.

Да, ялтинские холопы всероссийского хана! Вы лишний раз доказали воочию, что не мы, социал-демократы, борющиеся за свободу и счастье угнетенного человечества, а вы, царские коршуны, вы, царские башибузуки, занимаетесь ночными грабежами и разбоями. Это вы в течение двух недель держали Ялту в осаде, вы врывались по ночам в квартиры мирных ялтинских граждан, нарушая неприкосновенность семейного очага, залезая своими грязными продажными лапами в святая святых личной жизни человека, читая самые интимные письма, оскверняя самые дорогие сувениры. Вы — разбойники, вы — грабители, вы— святотатцы!

Полицейско-жандармская сволочь произвела в Ялте целый ряд обысков: у Алексина (врач), у Гондарева (студент), у Петрова (рабочий), у Ветютиневой (земская фельдшерица), у Алексеева (рабочий), у Бельцова (городской лаборант), у Рудина (художник), в городской лаборатории, в помещении малярной артели и на квартирах всех рабочих, имеющих отношение к этой артели. Обыск увенчался успехом только у одного лица — у Рудина. Но какой это был оригинальный успех! Царские холопы нашли дневник, в котором художник отметил, что видел царя Николая и что у царя очень глупая и пошлая морда... Этот дневник взят в жандармское управление, вероятно, для наглядного доказательства того, что даже художники стали на Руси неблагонамеренными!..

Об успехах прокламации среди рабочих не будем распространяться по причинам конспиративного свойства. Отметим лишь, что в некоторых мастерских 1 мая работы были брошены. Ялтинское общество, испытав на себе весь ужас того произвола, который господствует на Руси, справедливо негодует на безобразия царских башибузуков, нарушающих ночной покой граждан.

Что же, гг. ялтинцы, докажите свое негодование делом! Если вы не можете принять активное участие в революционной борьбе с гнусным царизмом, этим наследием золотой орды, оказывайте помощь посильную, давайте адреса для конспиративных целей, давайте для тех же целей квартиры, делайте пожертвования и сборы среди знакомых! Эти деньги пойдут на устройство тайных типографий, на издания свободного революционного слова, на улучшение революционных сношений между городами и на поддержку тех борцов, что выбыли из строя и томятся в царских тюрьмах.

Докажите свою политическую зрелость! Приобщитесь к великому делу свободы!

Шостенский пороховой завод, Черниговской губернии.

Выпущены местной рабочей организацией 3 прокламации местного и общего характера. Начальство в смятении. На страстной вызван, помимо имеющегося там батальона солдат, еще батальон. Настроение рабочих возбужденное. Стреляли в заведомого негодяя — мастера Криворученко. Арестов не было. Открытый характер организованное движение приняло впервые. Всего в местечке жителей около 8.000 человек.

Двинск. 16 апреля вечером была демонстрация в Двинске. Началась от дома реального училища и двигалась беспрепятственно по направлению к синагоге. Полиция и войска были отвлечены на другую улицу. При-

нимало участие около 3.000 человек, среди них около 200—300 христиан (прошлый год около 2—3 десятков), главным образом железнодорожные рабочие. Шествие продолжалось около 8 мин. Было одно красное знамя с надписями: «Да здравствует демократическая конституция», «Долой самодержавие!», «Да здравствует 1 мая!» У синагоги толпу рассеяли. Скрывшиеся в синагогу были арестованы (около 30 челов.) вместе с находившимися там стариками. Всего арестовано около 100 человек. Широкая публика отнеслась сочувственно: выпущена прокламация на 3 языках (жаргоне, польском и русском).

Саратов. 5 мая у нас произошла демонстрация — явление, здесь до сих пор невиданное, породившее много разговоров, часто самых нелепых. У обывателя еще живо воспоминание о бывшем здесь в 91 году холерном бунте, и потому первое чувство, охватившее его, было—паника. Все-таки эту демонстрацию нельзя назвать неудачной. Демонстрантам удалось пройти с развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развевались, по крайней мере, в течение 20 мин. За несколько дней до демонстрации были распространены майские листки Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, а также социалистов-революционеров в большом количестве, а накануне—призывные с требованиями 8-часового рабочего дня, политической свободы и отмены постоянной армии, выпущенные сообща местным соц.-дем. комитетом, об'единенной группой соц.-дем. и соц.-револ. и соц.-демократическим ремесленным союзом, приглашающие на демонстрацию к 12 часам 5 мая на Соборную площадь. Накануне была выпущена местным «Комитетом сношений» прокламация по поводу казни Балмашева: «Казнь Балмашева». Полиция, конечно, знала о готовящейся демонстрации и приняла соответствующие меры: во дворах Соборной площади и Немецкой улицы была спрятана конная и пешая (большей частью переодетая — это факт, подтвержденный многими лицами) полиция, войска также были наготове. Но демонстранты очень ловко провели полицию. Вместо назначенной Соборной площади, они собрались на Верхнем базаре, где их никто не ожидал. Полиция здесь была представлена лишь в лице одного околоточного и одного полицейского. Правда, кое-где виднелись подозрительные рожи шпионов. Около половины первого кучка демонстрантов незаметно сгруппировалась и выкинула два красных знамени, одно с надписью: «8-часовой рабочий день! Да здравствует социализм!» На другом знамени надписи не разобрала. Как только были выброшены знамена, кто-то крикнул: «Долой самодержавие!», раздался пронзительный свист (это шпионы перекликнулись между собою), крик: «бунт», торговки подхватили свои лотки и моментально разбежались в разные стороны. На минуту посреди почти опустевшего базара осталась небольшая (человек в 30) кучка демонстрантов. Но это продолжалось лишь несколько мгновений, скоро публика стала прибывать, и демонстранты, уже значительной толпой, двинулись, пересекши Московскую улицу, на Театральную площадь. Полиция была застигнута врасплох и не знала, что предпринять, единственный городовой растерянно шел рядом с демонстрантами. На Театральной площади было выброшено черное знамя с надписью белыми буквами: «Балмашев казнен, вечная память герою! Долой палачей!» Демонстранты благополучно пересекли Театральную площадь, прошли по Александровской улице, и, лишь когда завернули на Немецкую улицу по направлению к Соборной площади, на них бросилась из дворов переодетая полиция, солдаты, шпионы, а также добровольцы из обывателей. Произошла ужасная свалка. Впечатление получилось такое, будто происходит драка среди самой публики, так как полиция в «форме» действовала довольно корректно, избиением же занималась, главным образом, переодетая полиция и шпионы. Арестовывали по указанию шпионов лиц, им раньше известных «своим неблагонадежным поведением», а также всякого, возмущавшегося этим безобразным избиением. При этом арестовано несколько обывателей. Из демонстрантов сильно избито душ 7, некоторые из них с сильными повреждениями. Полиции тоже порядочно досталось. Кучку демонстрантов, человек 50, оцепили и заперли во дворе. Когда на Театральной площади уже не было никого из демонстрантов, туда прибыли войска и грозно выстроились по обе стороны площади. Прибыли войска и на Немецкую улицу; сюда же явились полицмейстер и губернатор. Часа в три арестованных перевели в часть на Ильинскую улицу, а ночью в тюрьму. Публика во множестве, но молча провожала демонстрантов. Кое-где приветливо махали платками и раздавалось слабое «ура». Чаще всего на улицах замечалось любопытство и недоумение. 6-го утром число арестованных равнялось приблизительно 68 человек. 2-х или 3-х выпустили на другой день.

Жандармы особенно доискивались знаменоносцев, но, очевидно, на этот счет у них нет никаких сведений, так как они чуть ли не каждому арестованному пред'являют подобное обвинение, даже случайно попавшим, не принимавшим участия в демонстрации. Несмотря на свои небольшие размеры (благодаря приглашению на Соборную площадь, не все демонстранты попали на Верхний базар), демонстрация произвела большое впечатление и встряхнула обывателей. (Мне передавали за факт, что немного спустя после того, как прошла первая группа демонстрантов, на Московской улице появилась другая группа демонстрантов с красным знаменем, состоявшая, главным образом, из рабочих, завернула на Николаевскую улицу и направилась к Соборной площади, где и была задержана полицией.) Разговоров масса, обыватели в полном недоумении. «Бунт»,—чаще всего приходится слышать. Ходят также нелепые слухи о разграбленных лотках, разбитых магазинах, о намерении студентов убить министров, царя и вернуть крепостное право. Полиция, конечно, поощряет их.

Дворникам отдано строгое приказание следить за неблагонадежными лицами, узнавать фамилии посещающих их лиц и обо всем подозрительном доносить полиции. Им внушают, что это для них «царская служба» и что их будут приводить даже к присяге.

Пермь. 25 апреля по заводам Перми, Мотовилихинском, Озесском и др. появились майские прокламации. 27-го были сделаны обыски в Мотовилихе, при чем арестовано 11 человек, из которых 5 уже выпущено. При обысках руководствовались указаниями управляющего, инженера и местного пристава. Настроение в Мотовилихе было настолько бодро, что после арестов через 2—3 дня снова появились листки, призывающие товарищей к поддержке семей арестованных. Во время арестов рабочие пытались даже отбить одного товарища из рук полиции. Рабочие высмеивали полицию, гукая при появлении конных и пеших полицейских, называя их фараонами и т. п. Большинство рабочих все же работало в этот день. В железнодорожных мастерских арестовано 2, из которых один уже выпущен.

Положение арестованных политических в Перми далеко незавидное (их теперь сидит до 25, — вместе с майскими арестованными, которых после допросов выпускают). Жандармское управление вмешивается в те области тюремной жизни, которые вовсе не подлежат его ведению. Происходят от этого недоразумения, с одной стороны, между заключенными и тюремным начальством, с другой — между жандармским управлением и тюремной администрацией. Начальник тюрьмы уже второй при политических. На окна заключенных заказаны щиты (за счет жандармского управления) с отверстием в небо и землю; пища ухудшена... режим настолько тяжел, что все заключенные решили открыть голодовку с 5 мая...

12 марта взяты помощн. прис. пов. Трапезников (второй раз), зубн. врач Эмдин. В Мотовилихе перед 1 мая взяты рабочие Чернов, Авдеев, Аристов, Новиков, Коншин и др., служащий Канторович. В настоящее время в тюрьме сидит до 20 человек.

В Новозыбкове, Черниговской губ. местной соц.-демократической группой были распространены перед 1 мая воззвания, вызвавшие чрезвычайный переполох среди полиции и обывателей.

По имеющимся у нас сведениям, усиленная майская агитация велась еще в Екатеринославе (была неудачная попытка демонстрации), Одессе, Николаеве, Кременчуге, Твери и других местах.

Томск (1 мая).

18 апреля прошло в Томске довольно спокойно, хотя полиция ждала демонстрации и приняла меры. Дело ограничилось тем, что на Почтамтской (одной из главных улиц города) были выброшены 2 красных знамени (один с надписью: «Долой самодержавие»), на других улицах еще 2, да везде были расклеены прокламации. Обыватели усердно ходили по Почтамтской, но ничего не дождались. Говорят, что томский архиерей Макарий оказался невольным пособником преступления: в раздаваемые на ведущихся под его руководством духовно-нравственные чтения-книжки каким-то чудом попали первомайские прокламации.

Красноярск, Енисейск. губ. 9 мая.

«Хочу поделиться с вами своими майскими впечатлениями. В Сибири 1 мая, по крайней мере, насколько известно мне, прошло довольно спокойно. Кое-где, впрочем, благодаря „распорядительности" администрации получались довольно занимательные картинки. Так, например, в нашем Красноярске. Перед 18 апреля (1 мая) в последние 3 или 4 дня почти каждую ночь по городу и в железнодорожных мастерских появлялись прокламации, раз'ясняющие значение рабочего праздника. 17 апреля, как говорят, к утру улицы города были красными от прокламаций (прокламации эти были на красной бумаге). Их таскали ребятишки, торговки, извозчики. Передают, что только полицией было собрано в это утро 3.000 листков. Листки эти были небольшие четырехугольники, на которых были означены лишь первомайские требования. Но кроме того, были и большие красные, изящной формы, вроде афиш, которые продают обыкновенно в театре. Полиция, разумеется, была в большой тревоге. За последнее время она здесь вообще очень обеспокоена и то и дело производит набеги. О них стоит сказать пару слов. 18-го появились прокламации Сибирского Союза, и вот вдруг полиция (уездная) понеслась отыскивать типографию — куда бы вы думали?!— на „Столбы". Это большие скалы в 12 верстах от города, в довольно глухом лесу — место прогулок любителей природы. И в результате: привели 4-х арестованных — каких-то любителей „столбистов", воспользовавшихся пасхой и забравшихся туда в избушку (там есть такая). Привели их под конвоем, посадили, продержали день и выпустили. Теперь говорят, что „Столбы" взяты под надзор, ибо там на одном из неприступнейших мест — в прошлом году еще— какой-то любитель начертал масляной краской саженными буквами ужасное слово „Свобода".

«Затем был арестован, как говорят, по доносу. приказчик купца Гадалова. Недавно выпущен на поруки. Затем обыскали несколько лиц самого различного общественного положения. Был обыскан соборный дьякон за то, что нашел несколько прокламаций и с перепугу без об'яснений передал их постовому городовому, который принял их и донес на дьякона, как на распространителя. Далее. (Чем дальше в лес, тем больше дров!) Был обыскан один полицейский чиновник и, наконец, был заподозрен и допрашиваем один молодой недавно поступивший железнодорожный жандарм!.. После всего этого полицмейстер наш бросился в округ — уехал в Канск искать там Комитет. Кстати о Канске. Там недавно умер один высланный студент. Колония ссыльных торжественно хоронила его. Был венок с „преступными" надписями и красными лентами. В результате всю колонию арестовали. Теперь уже все выпущены, но дело, кажется, не кончено. Вероятно, всех их разошлют по разным селам.

«В апреле сюда прибыл транспорт студентов. Для встречи их собралась многотысячная толпа рабочих и интеллигентов и устроила целое триумфальное шествие от вокзала до острога, куда направляли бывших студентов.

«По дороге были выкинуты красные флаги с надписями: „Долой самодержавие", и пелись революционные песни.

«Другая картина при прибытии следующих партий. За полчаса до прихода поезда прибыли две роты казаков; с прибытием поезда они окружили вагон со студентами, зарядив предварительно на глазах публики свои револьверы. Публика держалась на почтительном расстоянии.

«Теперь о самом 18 апреля в нашем Красноярске. День был теплый, ясный. По главной улице с самого утра потянулась разнокалиберная (преимущественно либеральная) публика. Все, буквально все говорили об одном: о предстоящей демонстрации или о „бунте рабочих". Я сам слышал, как кучка чиновников рассуждала, сможет ли здешний батальон отразить рабочих, и решили, что едва ли, если все рабочие выйдут на улицу. По улицам то и дело скакали кучкой казаки в полном вооружении с винтовками за плечами (винтовки были вынуты из чехлов — это боевая форма). Рота солдат была под ружьем. Солдатам было выдано по 10 боевых патронов. Скакали пристава то верхами, то на извозчиках. Расхаживали и выглядывали жандармы. Ходили солдатские патрули. Перед тем среди здешнего военного начальства произвела переполох прокламация к солдатам, которая в массе была распространена по всем ротам. По этому случаю было экстренное собрание офицеров, а потом—17-го—губернского управления. Командир был возмущен тем фактом, что почти все солдаты прочли листок, и из всех рот нашелся лишь один, сообщивший и принесший начальству несколько экземпляров листков (и то вольноопределяющийся). О впечатлении, произведенном листками на солдат, передают так: „Все прочли, все интересуются, некоторые жалеют, что мало понятно. Многие решают, что если заставят стрелять в рабочих, то „прицел, ребята, ставь выше"... Иные желают еще листков, только не белых, а красных, — те приметнее, а на белые не смотришь и проходишь мимо и т. п.

«Так целый день 18 апреля по главной улице ходила публика в «усиленном составе» и ждала демонстрации, развлекаемая мерами казаков и полиции. Впрочем, более чистая и корректная часть общества предпочитала сидеть дома. Так один мировой судья, говорят, спрашивал своего письмоводителя: „Скажите, пожалуйста, как там на улице— ничего не видно? Мне ведь ехать надо, дело есть. Не знаю, ехать ли уж?!" Кажется, не осталось ни одного уличного мальчишки, ни одной кухарки, которые не говорили бы о „бунте рабочих". Один из „политиков" был свидетелем такого диалога двух горничных: „Неужели так таки ничего и не будет?"—говорит одна.—„Видно не будет,—отвечает другая, — главный сицилист уже прошел — я его знаю!». На следующие дни мальчики на улицах перебрасывались „преступными" восклицаниями, взятыми из прокламаций.

«Часам к 4-м 18-го на улице показалось несколько десятков рабочих, провожаемых жадными взорами публики и свирепыми взглядами полиции... И так шло до глубокой ночи. Вечером 2 театра и цирк были наполнены полицией и возле них стояли казаки. Это потому, что раза два в театре были распространены прокламации — правда понемногу (в христову заутреню листки были распространяемы в Кафедральном соборе). На вокзале, говорят, была также сильная охрана, ибо там собралось очень много рабочих. Но все прошло тихо, мирно, без нарушения общественного порядка и спокойствия, к страшному разочарованию разлакомившихся от любопытства либералов. Да и странно было бы ждать. Правда, агитация была очень оживленная (10 листков до мая от Комитета и один союзный, но ведь до сих пор здесь всегда была „тишь да гладь, да божья благодать" *). Кроме того, как я слышала, масса рабочих на пасху была в от'езде. Говорят, больше половины. Но агитация, несомненно, оказала большое влияние и на рабочих и на город.

«После 18 апреля вышло еще три листка. Один о прошедшем дне 18 апреля с призывом к организации, другой—о двух предателях рабочих, опять с призывом к организации, и третий, всего три дня назад,—за № 13—по поводу казни Балмашева (вышел от 5 мая); и этот опять-таки с призывом к организации.—Не даром про Красноярск говорят, что его затопили прокламациями!..»

---

* Если не считать майской забастовки в железнодорожных мастерских в 1900 году и нынешних проводов рабочими от вокзала до тюрьмы этапов с «политическими».

Иркутск. Пролетарский праздник в далекой Сибири [6].

1 мая, вопреки всеобщему ожиданию, прошло тихо. А между тем, по всему городу ходили слухи о предстоящих ужасах. Куда бы вы ни зашли, только и разговору было, что о них. Уверяли, что город будет подожжен со всех сторон, что произойдет избиение евреев и т. д.

Напуганные всеми этими страхами, обыватели нашей сибирской столицы повыехали с семьями на дачи, хотя у нас далеко еще до дачного сезона. Гимназическое начальство предложило родителям в этот день не посылать детей в гимназию. Но в особенности много тревог пережило еврейское общество.

Все эти страхи вызваны распространенными в городе прокламациями трех групп: соц.-демократов, соц.-революционеров и экономистов крайнего направления (вернее было бы сказать—анархистов. Ред.). Нужно сказать, что все эти прокламации пишутся так, как будто они имеют в виду интеллигентного европейского или, по крайней мере, петербургского рабочего. Среди иркутских же жителей таковых, конечно, мало, почему воззвания не могли быть правильно поняты массой.

Больше всего толков, хотя и крайне для нее нелестных, вызвала прокламация экономистов. Она убеждала массу не верить революционной интеллигенции, которая стремится к тому лишь, чтобы на трупах рабочих достичь собственного благополучия. Такова истинная цель всех ее «якобы» народолюбивых воззваний. Еврейская интеллигенция, стесняемая русским правительством в своих вожделениях, имеет в особенности основания прикидываться социалистической.

Это зубатовщина чистой воды, и можно только удивляться, что наш губернатор не приказал перепечатать ее в губернских ведомостях, чем несомненно как раз попал бы в тон нового министра внутренних дел.

Справедливость требует, однако, сказать, что авторы этой прокламации люди вполне честные и добронамеренные, но, право, лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым союзником, если только можно этих «экономистов» считать союзниками. Они страдают отсутствием понимания действительности и отчаянным утопизмом. При этих дефектах их услуги рабочим могут быть только медвежьими. Их, например, выходки против евреев были истолкованы в смысле призыва к избиению этих несчастных людей. А один торговец из этой же прокламации сделал совершенно логическое заключение, что необходимо избивать не только «жидов», но и «студентов», которых в настоящее время в Иркутске не мало.

Как бы то ни было, тревога охватила весь наш город. До-нельзя струсившая администрация своими мерами только подлила масло в огонь. К полицейским участкам были прикомандированы отряды солдат; двери колоколен были заколочены, чтобы не допустить набатной тревоги; батальону розданы боевые патроны, у юнкеров местного училища, подозреваемых в неблагонадежности, отобраны тесаки, якобы для точения; в ночь с 30 апреля на 1 мая по городу раз'езжали конные патрули и пр.

День 1 мая, между тем, прошел совершенно спокойно—не потому, конечно, что испугались всех этих мер пресечения, а потому, что никто у нас и не собирался ни «поджигать город», ни «убивать евреев». Рабочие железнодорожного депо еще за несколько дней заявили своему начальству, что 1 мая работать не будут. Благоразумное начальство ответило, что ничего против этого не имеет. Рабочие отправились на Кою (за город) и, в виду сильного отряда полицейских, провели там время в песнях.

Как видите, и у нас в Сибири зашевелился рабочий. В добрый час!

Забайкалье. (1 мая.)

Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необ'ятной Сибири. Первый вал этой волны, еще слабый, уже начинает пугать наших правителей. Слишком уже необычная это вещь: вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий, привыкший в спокойной, ничем невозмутимой жизни обыватель, начальство, кучка жандармов, присланных к нам для порядка, — все это в страхе великом по поводу самого незначительного факта.

Я опишу вам, как губернатор Надаров сделал революцию. На пасхе среди рабочих железнодорожных мастерских на ст. Чита (около 800 чел.) были распространены прокламации, приглашающие к празднованию 1 мая. Прокламации не были никем подписаны, на рабочих произвели слабое впечатление, но в высших сферах вызвали тревогу и опасения.

Надаров распорядился приготовить... пушки. Но пасха прошла, рабочие принялись за работу, и страх глупого правительства улегся.

В ночь на 24 апреля были расклеены по городу и на вокзале и разбросаны по мастерским прокламации от местного комитета Сибирск. Соц.-Дем. Союза, рисующие общее положение рабочего в России и приглашающие рабочих к организации. Прокламации произвели сильное впечатление на рабочих, но всего сильнее подействовали они на губернатора Надарова и обывателей. В городе, на рынке, в правительственных учреждениях только и разговоров, что о прокламациях. Власти стали серьезно готовиться к подавлению бунта. 30 апреля появилась новая прокламация от Сибирск. Соц.-Дем. Союза — первомайская (запоздала), которая в конец убедила начальство, что готовится «бунт». Страх об'ял робких и трусливых людей: с вокзала некоторые переехали в город, отправили туда своих детей и просили защиты у генерала. Особенно дрожал от страха начальник мастерских Макулевич, недавно укравший 1200 руб. и сознавшийся в этом, теперь исполняющий роль добровольного шпиона. И вот представьте себе картину: Надаров отдает приказ по войскам: выдать двум сотням казаков по 5-ти боевых патронов и отточить шашки. Приготовить пушки, вооружить две роты пехотинцев и... никакой пощады! 1 мая утром погода была отвратительная и рабочие сами не захотели праздновать этот день. Но войска все же были высланы. По улицам города раз'езжали вооруженные патрули, вызывая самые невероятные толки и слухи в обывательской среде. Человек 150 рабочих устроили все же маевку, отправились с красным флагом в лес с пением. За ними были наряжены войска, которые напрасно ожидали бунта: никакого бунта не было. В результате получилось следующее: рабочие страшно заинтересовались теперь вниманием к ним начальства. Г. Надаров сослужил очень хорошую службу делу революции. Он вызвал у рабочих озлобление — вполне понятное и законное. Всех возмущает это негодяйство: приказ стрелять при первой возможности. Негодуют, но больше смеются. Большей глупости проявить нельзя было!.. Смеются обыватели, смеется чиновник, смеется солдат. Такими выходками генерал Надаров создает очень хорошую почву для рабочего движения, и нам, революционерам, приходится сказать ему спасибо.

Среди солдат распространена была «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого. Солдаты резюмировали впечатление таким образом: получили мы от графа Толстого письмо, и граф нам не велел убивать рабочих, и что они такие же, как и мы, люди, и что в Евангелии запрещено убивать.

Офицеры получили «Офицерскую памятку» Л. Н. Толстого с воззванием местного комитета Сибирск. Соц.-Дем. Союза.

Теперь только и разговоров об этом. Характерная вещь: за несколько времени Надаров ассигновал (правительство очень охотно дает такие ассигновки) порядочную сумму на усиление тайной полиции; наняты шпионы, усилен штат городовых.

Полиция усердствует и, конечно, не по разуму, подражая в этом генералу Надарову. За первую прокламацию полиция платила 10 руб. за экземпляр.

Полицмейстер с важным и таинственным видом говорил: «Никак, знаете, нельзя без войска: готовится грандиозный бунт: хотят поджечь город... вероятно будут жертвы с той и другой стороны...» Во всем этом очень много смешного, но рабочие из этого должны почерпнуть поучительное указание на то, что самый мирный даже путь проявления их чувств и желаний наталкивается на кулак наших правителей и угнетателей, на штык, пулю и тюрьму.

Социалист *[Ярославский]*

Москва. Промышленный кризис продолжает расти и охватывает все новые и новые сферы производства.

В настоящий момент в Московском районе особенно резко он сказывается на ткацком, механическом и цементном производствах. На ткацких фабриках, однако, до самого последнего времени дело не доходило до резкого сокращения производства. Фабриканты делали целый ряд попыток к понижению расценков, что вызвало отпор со стороны рабочих в форме забастовок: таких забастовок за минувшую зиму было много как в Москве, так и в уездах, особенно в Серпуховском уезде (фабрики Коншина, Рябова, Когейковой). Забастовки эти только, кажется, на одной Даниловской фабрике приняли широкие размеры и сопровождались агрессивными действиями рабочих. В большинстве случаев они ограничивались приостановкой работ на день, на два и кончались большими или меньшими уступками со стороны фабрикантов. В некоторых случаях, как например, на фабрике Когейковой, требования рабочих были удовлетворены до начала заявленной забастовки. После пасхи владельцы ткацких фабрик стали сокращать производство и уменьшать число рабочих: так, на Прохоровской фабрике число рабочих сокращено на 900. Реутовская мануфактура уменьшила рабочих на 1.200. Некоторые небольшие фабрики до сих пор не возобновили работ после праздничной остановки, ссылаясь, между прочим, как мы слышали, на высокие требования, которые стали пред'являть ткачи при найме. Дело в том, что на окраинах Москвы есть много мелких ткацких фабрик, которые совмещают в себе форменные фабрики с раздаточными конторами; часть материалов они раздают рабочим на дома. Так вот эти домашние ткачи минувшим постом решили произвести реформу в строе взаимных отношений между фабрикантами и рабочими и вытекающих из них условиях найма и работы. Сравнивая условия работы и расценки их, домашних ткачей, с таковыми же рабочих в корпусах, они пришли к заключению, что благодаря исстари установившемуся порядку и форме расценков, фабриканты много им не доплачивают; так, работа ткача на современных крупных фабриках давно уже диференцировалась, и ряд мелких манипуляций (напр., присучка и др.) оплачивается отдельно, тогда как они получают за всю работу без добавочной платы за отдельные, оплачиваемые на современных фабриках манипуляции. В общем они выработали, кажется, 12 пунктов требований к фабрикантам, вычислили общую сумму недоплат со стороны фабрикантов за 10 лет и предложили возместить ее. За отказом фабрикантов удовлетворить это требование, они пред'явили иски судебным порядком через присяжных поверенных. Все дела эти были в суде проиграны. Они предварительно были рассмотрены в особом совещании мировых судей, к которым они поступили. Среди требований, пред'являемых ткачами к хозяевам, попадаются и курьезные: напр., довольно крупные суммы сравнительно вычислены за уничтожение клопов: на крупных фабриках уничтожение клопов в спальнях рабочих производится систематически за счет хозяина, и расход на это дело доходит иногда до 400 руб. в год. Домашние ткачи решили, что если борьба с клопом лежит на обязанности фабриканта в спальнях рабочих, то она должна лежать на обязанности хозяев и в их квартирах. Кроме пред'явления указанных требований, ткачи выработали форму условий найма и решили эти условия пред'явить при возобновлении наймов, что обычно происходит после пасхи. Сколько нам известно, на многих фабриках пришлось поступиться ткачам некоторыми пунктами, так как благодаря кризису угрозы фабрикантов прекратить производство во многих случаях легко могли осуществиться. В цементном производстве кризис был вызван чрезвычайным размножением заводов: за последние три года число их в России почти учетверилось, между тем как спрос на цемент увеличился в гораздо меньшей степени, получилось перепроизводство и резкое понижение дивидендов, обычно очень высоких в этом деле. В Московском районе после рождества почти все заводы прекратили производство.

Один из самых крупных заводов — Подольский завод Московского акционерного общества — рассчитал все 2.000 рабочих, стоял в течение почти 4-х месяцев и только в мае, т. е. к началу строительного сезона, снова возобновил работы.

Большинство механических заводов тесно связано с ткацкими фабриками, так как главным их продуктом являются ткацкие станки, поэтому кризис в ткацком производстве не мог не отразиться на механических заводах. Закрытия, хотя бы временного, механических заводов не было за последний год, но сокращение производства наблюдается на всех заводах.

Зубатов и комп. продолжают свою политику по отношению к рабочим, хотя в более скрытной форме. Знаменитые курсы прекратились; недавно, как мы слышали, было административное совещание по поводу организации рабочих, на котором большинство высказалось за прекращение дальнейших действий и прикрытие организации, но князь Ходынский и Трепов остались при особом мнении.

Тверь. На Залогинской ткацкой фабрике, находящейся в 2 верстах от Твери, порядки ужасные, даже сравнительно с другими тверскими фабриками. Глухое недовольство там всегда на-лицо, но оно редко выливается наружу. Причиной тому — крайне низкий уровень залогинских рабочих, среди которых совершенно отсутствует всякая организация.

В конце февраля этого года было там небольшое столкновение с фабричной администрацией из-за вычетов за простой машин, остановившихся по вине фабрики. Оно окончилось в пользу рабочих. Затем все затихло вплоть до 4 апреля. Накануне этого дня залогинцы, выйдя вечером из фабрики, порешили забастовать, выставив целый ряд требований: повышение расценков, уменьшение штрафов, увольнение директоров, лучшее обращение мастеров с рабочими, введение возильщиков основ (до тех пор их приходилось относить самим рабочим без различия пола и возраста, хотя весят они от 2—5 пудов) и некоторые другие. Утром рабочие вышли к фабрике, но работать не пошли. Дали знать властям, и прямо с панихиды по Сипягине им пришлось ехать на усмирение бунтовщиков. Первым приехал младший фабричный инспектор Хмелев и направился прямо в директорский дом. Рабочие держались спокойно и пытались добиться того, чтобы Хмелев выслушал их требования. Но ни от него, ни от приехавшего вслед за ним губернатора, прокурора, жандармского генерала — они ничего не добились. Настроение их начало повышаться, раздались голоса: «А, так вы к хозяину чай пить приехали, а нас и слушать не хотите!» — и, наконец, со стихийной силой вспыхнуло годами накопившееся раздражение: рабочие бросились ломать дома, машины в мастерских, фабричную пекарню, избивать мастеров, полицейских. Директор едва спасся, спрятавшись в погребе, а исправник, сунувшийся «усмирять», был сбит ударом кирпича. Осажденное в директорском доме начальство сидело ни живо, ни мертво целых полтора часа. Наконец, на выручку ему явилось христолюбивое воинство. Немногих, защищавшихся поленьями и кирпичами, рабочих схватили, большинство бежало, и «бунт» был усмирен. По делу этому арестовано около 35 человек (точная цифра еще неизвестна). Кое-кого прокурорский надзор, за недостаточностью улик, освободил; дело же остальных передано судебному следователю. Итак, в перспективе новая судебная комедия...

Фабрику на праздник остановили, а остальных рабочих под конвоем вызванных из волостей понятых разослали по деревням. Этой мерой начальство хотело уберечь рабочих Тверских фабрик от заразы дурного примера, но... в ночь с 8-го на 9-е и с 9-го на 10 апреля в рабочих слободках и на дворе Морозовской фабрики были разбросаны и расклеены гектографированные прокламации, подчеркивающие антагонизм интересов рабочих и царского правительства, так ярко проявившийся в поведении властей во время беспорядков, указывающие на причину неудачи залогинцев и призывающие рабочих к организованной борьбе за лучшее будущее. Прокламации эти вышли за подписью «Тверской Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Ими Группа впервые открыто заявляет о своем существовании *. Они произвели на рабочих сильное впечатление. Некоторые провисели до

* Осенью ею были распространены на Морозовской мануфактуре листки, но без подписи.

8—9 часов утра, и вокруг них кучками собирались, читали и говорили. Сами рабочие передают: «Теперь везде идут разговоры об организации». Часть прокламаций, разбросанная в одной из слободок, на следующее утро оказалась расклеенной неизвестными добровольцами на столбах и заборах. Видели прокламации и в деревне, где они читались рабочими, пришедшими на праздник, своим односельчанам.

Неменьшую сенсацию прокламации произвели и в полицейско-жандармском мире. Забегали сыщики и жандармы, заволновался тверской герой, полицмейстер Киреевский, но, несмотря на страстное желание изловить и пресечь крамолу в самом начале, данных для такого подвига оказалось так мало, что не было даже обысков.

Циркулируют прокламации и среди тверских обывателей. Любопытно, что некоторые экземпляры попали к ним от лиц, прямая обязанность которых совершенно противоположного характера.

Еще о беспорядках на Воткинском зав., Вятской губ.

Прежде чем передавать подробности, скажем несколько слов о самом заводе. Воткинский завод принадлежит казне, занимается изготовлением паровозов, судов, сельско-хозяйственных машин, готовит сталь. Ежегодное производство этих предметов миллиона на 2 рублей. По количеству населения — это третий пункт в губернии после Ижевского завода и Вятки, в нем 25 тысяч с лишком жителей, — он представляет одну волость и 4 сельских общества; в нем 3.267 дворов. Землепашеством никто не занимается, так как земли мастеровым при освобождении их нарезано всего 836 десятин с усадьбой, следовательно, на каждый двор не приходится и ¼ десятины.

Волнения в заводе начались давно, устраивались сходки в мастерских, знали это и цеховые мастера. Возбудили движение: Зосман — интеллигентный рабочий, бывший за границей и работавший раньше на юге, и два студента, личность которых не установлена. Помогал им один из местных рабочих, которого товарищи прозвали «студентом». Недовольство начальством было возбуждено: 1) грубым, дерзким обращением с рабочими, доходящим до сбивания шапки с головы рабочего палкой и т. п., 2) слухами о мошенничествах начальства, весьма крупных, сходящих ему с рук, тогда как рабочих сажали в тюрьму по одному подозрению, что кем-нибудь из них украдена полоса железа; 3) самовольным закрытием начальником завода, Трояном, тракта, издавна существовавшего и ведущего на заводскую базарную площадь; 4) уменьшением заработной платы до таких размеров, что существование рабочих не было обеспечено даже насущным хлебом 5) увеличением рабочих часов при той же плате.

Полиция доказывала Трояну, что рабочие «не спокойны», но он в твердой уверенности, что один его взгляд может заставить рабочего уйти на три аршина в землю, не придавал значения донесениям полиции.

В день «бунта», в 7 часов утра, рабочие по звонку толпой повалили к квартире управляющего Трояна и требовали, чтобы он вышел для об'яснения с ними. Троян со сна, не одевшись, вышел и грозно крикнул на толпу. Рабочие, раздраженные окриком, схватили Трояна и повели его на площадь, там поставили его на табуретку и послали за земским начальником, чтобы он рассудил их с Трояном. Земский начальник Кудрявцев со страху спрятался, и его не нашли. Тогда роль судьи на себя принял Зосман. И на площади начался суд. Толпа отворила ворота на тракт, порвала телефоны, но «царское» имущество не тронула; не оборвала телеграфа, а к казначейству и складам приставила 300 человек рабочих, заявив Трояну, что это сделано для того, чтобы господа, разворовав сами деньги и имущество, не свалили на народ. Над стоявшим на табуретке Трояном толпа (мальчишки) издевалась, бросала в него грязью и снегом, тыкала в лицо хлеб из гнилой муки, купленной им, Трояном, для продажи заводскому населению, и кто-то подшиб табурет, отчего Троян ушибся. Но в общем рабочие были не пьяны и по-своему корректны. Вышел священник с крестом из собора увещевать толпу, но встречен был возгласами: «Айда, уходи, бачка! не твое это дело—и не суйся. Ты сам пяташник и обираешь нас!» Доктор Спасский выскочил на площадь и прикрикнул на толпу. Его повалили и избили. На его просьбу отпустить его обмыть окровавленное лицо, рабочие обмазали его навозом, говоря: «Ты этим же нас лечил».

Пока шел суд над Трояном, часть толпы побежала за лесничим Салалиным, и, найдя его спрятавшимся под кроватью, вытащила за ногу; его избили, выбили зубы, сломали ребра и выволокли на площадь, где поставили рядом с Трояном и Спасским под красным флагом. Искали еще, чтобы избить, лесничего Алябина, полицию, инженера Гуллета и Диомидовского, но не нашли их. Избили заводского мастера Мокина. Зосман допрашивал Трояна по пунктам, при чем рабочие требовали, чтобы Троян «хорошему человеку» отвечал стоя. Так они продержали их здесь до ночи. От Трояна отобрали подписку, что он соглашается на требования рабочих, и разошлись; при чем Зосман предупредил, что если его арестуют, то пусть рабочие его вызволют.

Ночью из Сарапула приехали власти, прокурор и исправник, и приказали становому немедленно арестовать Зосмана. Утром толпа отправилась к становому, требуя отпустить Зосмана, при чем разгромили квартиры чинов полиции. Становой сослался на распоряжение прокурора и исправника об аресте. Толпа бросилась в номера и приступила к властям с требованием выпустить Зосмана, произвела у них обыск и кое-что разгромила. Власти испугались и убежали сперва за 12 верст, а потом и за 20, в деревню Перевозную, и оттуда «наблюдали» за событиями. Потом все утихло. Вызваны были войска из Перми, приехал губернатор (из Вятки), жандармы, и тогда же прибыли из своей «штаб-квартиры» власти. На допросе Зосман держал себя героем, отрицал виновность толпы, говоря, что она была лишь его слепым орудием.

Пока шла разборка, Троян, желая повернуть дело выгодным образом для себя, отрицал необходимость вмешательства власти и войска, утверждая, несмотря на очевидные издевательства и оскорбления толпы по отношению к нему, — что это дело домашнее, заводское и что они сами между собою могут покончить его к общему благополучию.

Теперь есть известия, что в заводе идет экзекуция: рабочих секут и т. д. Сделалось известным, что 9 человек выслано из губернии, 40 арестовано и 50 было наказано розгами, в том числе первым наказан Зосман.

ИЗ ПАРТИИ

На народном собрании в Аугсбурге, состоявшемся 28 июня, т. Клара Цеткин, неоднократно тратившая свой ораторский талант на дело ознакомления немецких рабочих с нашим движением, прочла реферат, после которого собрание (было свыше 2.000 лиц) приняло резолюцию протеста против «бесстыдного варварства» царского правительства. «Собрание приветствует,—говорится в резолюции,—самоотверженных борцов за политическую свободу в царстве кнута, которые жертвуют своей личной свободой и жизнью для общего блага, и посылает им уверение в самой горячей симпатии со стороны сознательного германского пролетариата. В то же время собрание выражает надежду, что русская революционная „интеллигенция“ в своем стремлении к политической свободе примкнет самым тесным образом к русскому социал-демократическому рабочему движению, ибо только оно является надежным ручательством предстоящего раньше или позже крушения азиатского деспотизма в России».

Нас просят поместить следующее сообщение:

С. Галлен, 3 мая.

Дорогие товарищи!

На майском собрании рабочих в С. Галлене (Швейцария) по предложению Вашего соотечественника, студента коммерческой академии, Г. Перситца, была принята следующая резолюция:

«Собравшиеся 1 мая рабочие С. Галлена протестуют против русского абсолютизма, варварски попирающего чувства своего народа, и, выражая полную симпатию учащейся молодежи и сознательным рабочим, борющимся за свободу, надеются, что в следующий майский день красное знамя будет свободно развеваться и в России».

Посылая Вам эту резолюцию, мы просим Вас сообщить ее Вашим борющимся товарищам.

С товарищеским приветом

Президент Арнольд Тейхер.
Секретарь А. Шу.

Московский Комитет просит напечатать, что им постановлено отчислять в кассу «Искры» 20 проц. со всех доходов. Моск. Ком. собрано в пользу «Искры» — 20 руб. от Суржанова, 25 руб. от слабой женщины, 10 руб. через рабочего от лавочника.

НЕКРОЛОГ.

Нам пишут: В Якутске застрелился шлиссельбуржец Янович. Привлеченный по делу «Пролетариата», Янович 11 лет просидел в Шлиссельбурге, после чего был сослан на поселение в Колымск. В Якутск он приехал из Колымска по делу Ергина. Янович оставил несколько писем — к товарищам, к одному своему товарищу — поляку и в полицию. В письмах к товарищам он говорит, что 18 лет тюрьмы и ссылки изморили его душу и что ему хочется уже отдохнуть, а отдых он может найти лишь в могиле. Письмо к товарищам заканчивается трогательным пожеланием, чтобы скорее наступило время, когда над Зимним дворцом взовьется красное знамя. В письме в полицию Янович просит никого не винить в своей смерти и говорит, что «в сущности моим убийцей является русское правительство». Нечего говорить, что смерть эта произвела на всех товарищей страшное впечатление. Это был человек высокой душевной красоты, который пользовался всеобщей любовью. Грустно и обидно, когда уходят такие люди...

3 мая казнен в Шлиссельбурге Степан Балмашев, а 27-го в Вильне — Гирш Леккерт.

Оба умерли героями.

За недостатком места отлагаем хронику революционной борьбы до следующего номера.

На-днях выходит в свет № 4 «Зари».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В виду обысков, имевших место в последнее время в Германии, и в виду других конспиративных соображений некоторые наши (т. е. «Искры») представители в немецких городах вынуждены ограничиться при отчетах в нашей газете только иниц., о чем представители просят нас заявить.

Получено: от Г. С. Д. 190.86 мар., из Х. через Г. С. Д. 170 мар., от Ш. (Мюнхен) 40 мар., получено из Берна через Рудникова 230 фр., в том числе от А. В. С. 51 фр. и через Б. на «Искру» 10 фр.

Из Льежа: 1) от нового товарища 21 фр. 10 с., 2) еще от велосипедиста 9 фр., 3) на издание Туна 10 фр. 4) литер. и сборы 44 фр. 35 с.

От группы сочувствующих «Искре» в городе Х. 150 фр., из них 100 фр. от «судьбы».

Отчет Б-ской группы за апрель—май: непосредственно Лигой за литературу получено—от Бунда 10.85 м., на библиотеку частному лицу 15.25 м., от продажи по мелочам В. 20 м.; за литературу из кружков в Б... — 124,50, в фр. 50, через частных лиц — 25.90; пожертвование от Фанни из Л. — 70 м., от Ф. — 16.50 м., от Р. 6 м., от Л. — 20 м.

Помещаем также отчет этой группы за январь, который был нами своевременно получен, но не напечатан по ошибке.

За литературу из Бе... 137.80 м., за покупку литер из Тверск. губ. через Л. — 30 м., на докупку библ. из Сибири 19.30 м., на покупку библ. от вятичей—108 м., от К. из Н.—106.82 м., из кассы Бе... кружка — 234.09 м.

Через «75 м.» — 50 франков.

От Ф. 3 фунта, из Лондона за литературу 2 фунта, от С. Ф. 50 крон, от М. П. 50 крон, от консула в Винтертуре 8 фр. 33 с., из А. 168 руб., из Перми 25 р., из Тамбова 25 р., из Н. Н. 55 р., от московского лавочника 10 р., от подписчика, письмо которого не могли разобрать, 3 р.

«Из Петербурга через тжа» 30 рубл. «От друзей из северного захолустья» 40 р. От Спб. Комитета за литер. 175 р., от подписчицы 5 р., через Рош. 15 р., от Архаровца 37 р., от читательницы из Х. 15 р.

4 MN. Корр. получены, дайте адрес для писем и явки.

Материалы «Рабочей Мысли», присланные Пет. Комитетом, получены слишком поздно и будут использованы в ближайших №№. За недостатком места отлагаем также корреспонденции из Перми, Новозыбкова, Витебска, Харькова, Томска и др.

Настоятельно просим всех пользующихся для сношений с нами (и пересылки денег) адресом Дитца отмечать на внутреннем конверте, что письмо (корр. или деньги) предназначено для ред. «Зари». В противном случае материалы и письма могут не попасть к нам.

Вышли из печати: «Песни борьбы» (с нотами), «Русский рабочий в революционном движении» Г. Плеханова (издания «Искры»).

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Герцен, Александр Иван. (1812—1870) — русский писатель-публицист и политический деятель. В молодости увлекался утопическим социализмом. Эмигрировал за границу, где издавал журналы: «Полярная Звезда» и (позднее) «Колокол». Г. был провозвестником мелкобуржуазного социализма с его верой в общину, с его скептическим отношением к «гнилому» Западу.

Прим. 2. Спиноза, Барух (1632—1677)—знаменитый философ, живший и умерший в Голландии.

Прим. 3. Лессинг (1728 — 1781) — знаменитый немецкий писатель и литературный критик.

Прим. 4. Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — социалист и вождь германского рабочего движения в начале 60-х годов XIX в. Еще совсем молодым человеком, во второй половине 40-х годов прошлого столетия, он стал склоняться к социализму. На-ряду с этим он увлекся философией Гегеля, которая привлекла его к себе своей революционной диалектикой. Под влиянием

этой философии, он, еще студентом, начал свою философскую работу, посвященную отцу диалектики — греческому философу Гераклиту Темному. Во время революции 1848 г. Лассаль принял в ней энергичное участие. К этому же времени относится его знакомство с Марксом и Энгельсом, с которыми он состоял в оживленной переписке. После 1849 г. Л. отдался науке и написал сочинение «Система приобретения прав», в котором доказывает право революции творить новую жизнь и создавать новые законы. К политической борьбе он вернулся лишь в начале 60-х годов, когда написал замечательную брошюру «Сущность конституции», в которой доказывал, что народное право опирается не на бумажные конституции, а на действительную силу. В 1863 г. он основал Всеобщий Немецкий Рабочий Союз, председателем которого он был избран. Лозунгом этого союза Л. выдвигал всеобщее избирательное право и государственный кредит для производительных товариществ, путем устройства которых рабочие только и могут, по мнению Л., избавиться от капиталистической эксплоатации. Впоследствии (в 1875 г.) члены этого союза, об'единившись с руководимыми Бебелем и К. Либкнехтом марксистами-эйзенахцами, образовали Германскую Соц.-Дем. Партию.

В своем стремлении добиться всеобщего избирательного права Лассаль не останавливался и перед такими шагами, как заигрывание с Бисмарком, главой реакционного прусского правительства.

Прим. 5. Леккерт, Гирш, бундовец, неудачно покушался 5-го мая 1901 года на убийство виленского губернатора фон-Валя, приказавшего высечь арестованных демонстрантов (см. № 21 «Искры», стр. 110, корреспонденция из Вильны). За это покушение он был казнен.

Прим. 6. По словам т. Крамольникова, знающего иркутских работников этого периода (май 1902 г.), эта корреспонденция могла быть написана или А. А. Богословским или В. Мандельбергом (бывшим на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. под кличкой «Посадовский»).

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 23 1 АВГУСТА 1902 ГОДА № 23

ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ.

Под редакцией г-на Струве[1] стал выходить в Штутгарте либеральный орган «Освобождение». После 3-летней борьбы с революционным марксизмом во имя бернштейнианства г-н Струве убрался, наконец, в лагерь либеральной буржуазии. Скатертью дорога!

Революционный пролетариат вынужден считаться с тем, что от времени до времени иные захваченные волной его исторического движения интеллигенты отделяются от него и перебегают в тот политический лагерь, где общественному деятелю легче рассчитывать на непосредственный успех его работы. И если бы эти перебежчики могли, уходя к либеральной буржуазии, внести в ее среду хотя бы только то революционное настроение, ту непреклонную ненависть к царизму, которой одушевлены сознательный пролетариат и социалистическая интеллигенция, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться с фактами подобного дезертирства. К сожалению, приходится констатировать, что бывшие оппортунисты социализма оказываются слишком умеренными, слишком нереволюционными даже для того, чтобы двигать вперед развитие либерально-демократических элементов.

Вот как определяет г. Струве свою задачу, как литературного представителя либеральной партии: «Дать этому уже готовому, уже созревшему сознанию литературное выражение — вот на что мы притязаем. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашу долю выпала лишь роль регистраторов свободной политической мысли в России, если бы мы здесь, за рубежом, могли только предавать тиснению идущее из России свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками». И в другом месте: «Это не означает, однако, что редакция от себя предложит читателям готовую программу, содержащую по пунктам решение всех основных вопросов необходимого для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать программу им, а получить ее от них — вот на что рассчитывает редакция „Освобождения"».

Мы хорошо знаем, что всякая буржуазия, хотя бы и трижды либеральная, по отношению к своим «идеологам» — к политическим и литературным представителям своего класса — является весьма строгим «хозяином», требующим, чтобы они были не более, как «регистраторами» ее «свободной политической мысли», выражающей ее классовые интересы. Мы хорошо знаем, что экономическая необходимость или сила «общественного мнения» данной среды являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цели и превратить идеологов в простых «регистраторов», в простых «кулиев» (поденщиков) на службе буржуазии. Но об этом не принято говорить. Напротив, принято делать вид, будто бы то, что диктуется «политическою мыслью» буржуазии, выходит из-под пера писателя или из уст оратора, как свободное выражение его собственной политической мысли... Быть-может, своеобразность положения г. П. Струве, как вчерашнего марксиста, делала неизбежными особые с его стороны гарантии того, что его политическая мысль совпадает с классовыми интересами... то бишь, с свободной политической мыслью того класса, на служение которому он ныне отдает свои труды, свои знания и свои таланты.

В статье «От русских конституционалистов» мы находим ту политическую программу, которую г. Струве «получил» от русской «земской политической партии», как выражаются о себе авторы статьи. Г. Струве «всецело присоединяется» к этой программе. Два письма «земцев» в 1-м и 2-м №№ дополняют эту программу и дают нам возможность составить себе довольно полное представление о характере нового литературно-политического предприятия.

«Отличие нашего органа от других заграничных изданий, — заявляют «конституционалисты», — заключается в том, что мы предполагаем об'единить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Итак, либералы намерены и впредь оставаться вне сферы революционной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазию на путь революционной борьбы против царизма, а оставить ее на том пути нереволюционной оппозиции царизму, на котором она топчется без всякого успеха 40 лет; не двигать либеральную буржуазию вперед, а держать ее на одном месте, — вот цель «земской политической партии».

«Мы вовсе не желаем порвать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой мы, по мере наших сил, работали до сих пор», говорят земцы в № 2 «Освобождения», а г. Струве в редакционном заявлении с большим усердием защищает эту позицию от критики тех «тенденциозных» социалистов, которые думают, что «мирная и легальная» культурная деятельность не есть еще та политическая борьба с царизмом, которая является обязанностью всякого русского гражданина. «Такому движению, — говорит г. Струве, — нельзя навязывать, в качестве общеобязательных, средства, пригодные и приемлемые только для отдельных крайних групп, нельзя внушать взглядов и настроений, которыми оно в целом и общем не может проникнуться» (курсив наш). Вместо того, чтобы «глаголом жечь сердца» российских обывателей, напоминая им, что борьба с «на-

циональным врагом» — царизмом—требует «подвигов» и героических настроений, вместо этого им внушают, что «выше лба уши не растут» и что только «отдельные крайние группы» могут стать выше жалкой «культурной» и легальной работы в современных условиях, массе же позволительно застыть в ее трусости, половинчатости и эгоизме. Наши «критики марксизма» и бернштейнианцы много старались о том, чтобы привить нам, социал-демократам, такое мнение о праве рабочей массы оставаться вечно в этом состоянии политического младенчества. Наш пролетариат отказался от этой почетной позиции. Неужели г. Струве будет иметь больше успеха с той же проповедью, обращаемой им ныне к массе либеральных собственников?

Какова же политическая задача новой партии, если она так решительно открещивается от задачи самостоятельной политической (т. е. при современных русских условиях — революционной) борьбы? Ни одним словом «Освобождение» не дает нам основания думать, чтобы этой задачей было — содействие революционной борьбе, уже ведущейся, т. е. борьбе рабочего класса, борьбе учащейся молодежи или загорающейся борьбе крестьянства. Задача новой партии — «организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнение». Очень хорошо. Но какова же будет роль этого организованного общественного мнения? На этот вопрос и отвечает нам статья «От русских конституционалистов».

«Многочисленные признаки показывают, что разложение нашей государственной формы идет быстрыми шагами вперед». Революционное брожение в «низших слоях населения», «широко развившееся рабочее движение», студенческие беспорядки, террористические факты и крестьянские бунты — все эти активные нападения на самодержавие должны, по мнению наших либералов, вынудить правительство «приступить к серьезной политической реформе» и для этой цели обратиться к земству. И вот роль «организованного общественного мнения» либеральных собственников сводится к тому, чтобы подготовиться к этому важному моменту и наметить программу действий для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы с царизмом в настоящее время, сколько для переговоров с царизмом в такое время, когда последний, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о «серьезной политической реформе». Какие же условия поставят в этот момент наши либералы?

Они потребуют «принципиального признания» (путем царского манифеста) целого ряда перечисленных ими «основных прав»: свободы печати, собраний и союзов, личной неприкосновенности, равенства перед законом и права петиций*. Когда царский манифест даст народу все эти права, отменит всякие незаконные административные распоряжения и даст амнистию осужденным за государственные преступления, тогда царь, признав в принципе «бессословное народное представительство», должен созвать представителей от земств и крупных городов, которые и порешат вопрос о проведении в жизнь всех вышеперечисленных принципов, т. е. выработают конституцию.

Итак, основная задача «земской политической партии» достаточно ясна: когда революцион. движение расшатает царизм, она выступит с требованием, чтобы ликвидация этого царизма и определение основ нового свободно-конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земства и городских дум, т. е. известной части земельных собственников и капиталистов. Стало-быть, отказываясь принять участие в борьбе, направленной непосредственно на разрушение ненавистного всем порядка, наша либеральная буржуазия больше всего озабочена тем, как бы сделать, чтобы дело установления нового порядка досталось целиком в ее руки. Мы очень хорошо понимаем это стремление либеральной буржуазии. Для нас очевидно, что, отказываясь от участия в классовой борьбе, направленной против царизма, она тем более спешит подготовить свои силы для классовой борьбы против тех социальных групп, которые добиваются свержения самодержавия, чтобы установить новый политический порядок с наибольшей выгодой для их интересов. Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазию не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием.

Г. Струве скажет, что это — клевета. Он укажет нам, что «конституционалисты» мотивируют необходимость передачи дел выработки нового политического порядка земцам интересами... свободы. Они заявляют, что предоставить выработку этого нового порядка какому-либо избранному для этого специальному собранию — вне земских собраний — прямо-таки опасно. Кто будет созывать собрание? То же самое — все еще самодержавное — правительство? Но «создать канцелярским путем какие бы то ни было новые избирательные коллегии для выбора обществом людей, призванных осуществлять реформу, — значило бы начать с нарушения одного из самых основных принципов реформы». Конституционалисты готовы признать, что собрание представителей земства может оказаться недостаточно демократичным, но... «во всяком случае, такой путь вернее и лучше, чем тот „скачек в неизвестное“, который представляла бы всякая попытка выборов ad hoc.*, под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно-определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев» (курсив наш). Итак, «Освобождение» полагает, что для дела свободы надежнее будет отдать реформу в руки земства, так как кроме него налицо будут только два фактора: опытная в политических мошенничествах бюрократия и «непривычные к политической жизни» народные массы. Так ли это, однако? А где же будет организованная сила революционных партий — авангарда народных масс? Неужели существование этих партий, которые своей борьбой приведут к падению самодержавия, будет меньшей гарантией свободы выборов, чем какую представят наши

* Повидимому до тех пор, пока самодержавие не «пожалует» им права петиций, наши либералы не намерены пользоваться даже этим обычным средством заявления своих желаний. Ведь они «не намерены сходить с легальной почвы».

* Для специальной цели.

земства, отказывающиеся вести активную борьбу с царизмом, чтобы «не сойти с почвы легальной и мирной деятельности»? Мы полагаем, что в революционный период, т. е. в период выработки нового политического порядка, единственно-надежной гарантией против обманов и насилий реакционеров может быть только сознательность народных масс и организованность и решительность тех партий, которые вынесут на своих плечах дело освобождения. И тот, кто серьезно заботится о том, чтобы политический кризис, переживаемый Россией, разрешился не новым правительственным обманом, а действительным политическим переворотом, тот должен, во 1-х, содействовать политическому сознанию народных масс, а, следовательно, развитию в этих народных массах интереса к политической свободе, а во 2-х, — способствовать усилению тех непосредственно борющихся с современным порядком революционных сил, которые своим натиском свалят самодержавие.

А, между тем, наши конституционалисты не делают ни того ни другого. Выступая довольно уверенно как представители всех прогрессивных элементов в России, они до такой степени проникнуты узко-классовыми интересами одной социальной группы — помещичьего земства, что не пытаются даже связать выставленные на их знамени политические требования с социальными требованиями того рабочего класса, который, по словам самого г. Струве, «проснулся к свободе, требует ее и возьмет ее». В числе «свобод», признание которых в царском манифесте требуется конституционалистами, не упомянута свобода стачек. Даже это требование, в принципе признаваемое либеральными буржуа во всех странах, даже оно должно быть добыто силами самого пролетариата и только его — наши либералы не захотели, хотя бы из приличия, написать его на своем знамени! Требуя «самой широкой амнистии по всякого рода государственным преступлениям», они молчат об амнистии тех, кто осужден за стачки, рабочие и крестьянские беспорядки. В «Открытом письме от группы земских деятелей» (№ 1) о недавних крестьянских волнениях говорится в следующих фразах, которые заслуживают быть выжженными на лбу отставного социалиста, заведующего органом «земской партии»:

«Очевидно, революционная пропаганда в данном случае только и могла принести плоды на почве народного обнищания, невежества, непонимания элементарнейших основ гражданского права*, бесправия и разобщенности культурных, мирных элементов общества от народа».

Итак, агитация, впервые выводящая народные массы из векового политического сна, прививается и дает плоды на почве невежества! К крестьянскому движению, направленному против тех «основ» русского «гражданского права», которые узаконяют первобытнейшие формы кабалы и бесправия, относятся, как к какому-то нашествию варваров... Неудивительно, что те же земцы говорят об «общей почве классовых и эгоистических интересов, вздымающейся подобно ужасному вулкану, который может каждую минуту совершить самые ужасные опустошения». Испугавшись этого страшного вулкана, который в своем извержении, наверное, безвозвратно унесет в область прошлого и «аренду на отработки», и почтительность «мужичка» и много других прелестей сельской жизни, наши свободолюбивые помещики обещают содействовать «устранению правительственной и народной* анархии и царящих у нас ужасных недоразумений, которые готовы толкнуть Россию на путь продолжительных и совершенно излишних страданий, насилий и кровопролитий», и в грозном негодовании на «близорукую и неумелую бюрократию» ставят ей в вину, что она «все расшатывает, в том числе и самодержавие, которому она якобы служит». Даже самодержавие! Да, чтобы добиться себе некоторых прав силами русского народа и не поступиться при этом в пользу крестьян ни одной десятиной земли — для этого не следует окончательно разрывать «даже с самодержавием»!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помещики, видимо, не думают. Выговорив себе полномочие устроить судьбы русского народа в собрании земских представителей, они полагают, что им в свою программу вовсе не следует вводить тех «экономических» реформ, тех мер по «рабочему и аграрному вопросу», которые должны быть проведены после политического освобождения России. Это — дело тех парламентов, которыми нас наградит Земский Собор. В настоящее время нужно говорить только о политических вопросах. Но и не о всех политических вопросах следует теперь говорить. Так, напр., вопрос «об избирательных правах населения» или об отношении народных представителей к монарху имеет несомненно «не только техническое, но и принципиальное значение». Но — «тем не менее, решать эти вопросы в том заявлении, которое должно наметить лишь ближайшие перспективы для выполнения нашей программы, значило бы, как нам кажется делить шкуру неубитого еще медведя» (курсив наш). И в самом деле: чем «делить шкуру» политических прав с народом, почему бы, как выражается один товарищ в присланном нам письме, не взять ее целиком? Выступая в качестве представителей всей России, наши помещики не только не хотят связать себя обещанием поддержать народ в его насущнейших экономических требованиях, они не берут на себя даже обязательства предоставить ему политическое равенство, немыслимое без равного и всеобщего избирательного права. И эти люди думают, что народ сочтет передачу «дела реформы» в их руки надежной гарантией того, что проливаемая им в борьбе за свободу кровь прольется недаром!

Да и какое доверие могут питать народные массы к политическим деятелям, которые, собираясь «организовать общественное мнение», не только всячески открещиваются от звания «революционеров», но и не отказывают себе в удовольствии выразить свое порицание тем, кто своей самоотверженной борьбой пролагает путь свободе? Как раньше, так и теперь, пишут земцы (в № 2 «Освоб.»), мы остаемся противниками всякого насилия **, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу.

---

* Курсив наш.

* Курсив наш.

** В майской книжке либерального «Вестника Европы» г. Слонимский рассказывает о том, что всеобщее избирательное право грозит опасностями не реакционным, но «прогрессивным партиям».

Кокетничание с тем самым самодержавием, которому об'является война, страх собственника перед тем самым народом, во имя интересов которого требуется для «земской партии» роль представителя «нации»; плохо прикрытая защита классовых интересов помещиков—на-ряду с громкими фразами против классовой борьбы — и предательские попытки дискредитировать революционное движение в то самое время, когда все расчеты строятся на его успехе, — таковы основные элементы политического направления «конституционалистов».

Ни рабочий класс ни революционная демократия вообще не могут оказать такой партии никакого политического кредита.

[Л. Мартов]

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА.

Передовая статья 20 № «Искры» вызвала неудовольствие так называющейся «боевой организации партии социалистов-революционеров». Эта организация упрекает нас в том, что мы выставили в неверном освещении событие 2 апреля, указав на связь между этим событием и реакционной политикой правительства по отношению к учащейся молодежи. «С. В. Балмашев [2], — поправляет нас эта «организация»,—был прежде всего социалистом и революционером... убийство министра внутренних дел совершено им не как студентом, а как членом боевой организации социалистов-революционеров, по ее постановлению и при ее непосредственном содействии... С. В. Балмашев явился исполнителем решения боевой организации партии, и мотивов его решения нужно искать прежде всего в официальных заявлениях этой организации, а не в каких бы то ни было догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

Юпитер, ты сердишься, стало-быть, ты не прав.

Мотивов решения, принятого покойным С. В. Балмашевым, надо искать в его собственных словах: только обращаясь к этому источнику, мы не рискуем попасть в заблуждение, благодаря произвольным догадкам и «неизвестно на чем основанным» заявлениям.

Что же говорил сам С. В. Балмашев?

Он категорически утверждал на суде, что его «единственным сообщником и помощником было русское правительство». Он ни единым словом не упомянул о «боевой организации партии соц.-рев.», и, повидимому, ему осталось неизвестным самое существование этой организации с ее постановлениями.

Нам говорят, что С. В. Балмашев был прежде всего социалистом и революционером. Мы охотно верим тому, что он был социалистом, и мы не имеем ни малейшей охоты и решительно никакой возможности сомневаться в том, что он был революционером. Но мы не знаем, откуда видно, что он был «социалистом-революционером». Мы боимся, что именно это утверждение основано «на догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

Далее нам ставят на вид, что убийство министра внутренних дел совершено Балмашевым не как студентом, а как членом «боевой организации». Но если бы принадлежность С. В. Балмашева к этой организации и не подлежала сомнению, — а мы уже знаем, что она более чем сомнительна, — то и тогда наша мысль о причинной зависимости между правительственными преследованиями студентов и выстрелом 2 апреля осталась бы совсем не опровергнутой. Ведь Балмашев, действительно, был студентом, и он, действительно, испытал на себе всю тяжесть преследований, направленных против нашей учащейся молодежи. Эти преследования сделали из него революционера, а, сделавшись революционером, он мог

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ.

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро. Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г. Струве, с которого революционеры-рабочие всего $1^1/_2$ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вождь (или прислужник?) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрений промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, бтараются заменить сближение с определенными классами сем более шумным выступлением, чем громче гремят сотытия. «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно-настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров: это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих и главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между 2 стульев и не имеющих никакой программы, выст post тλьпи factum хоть с чем-нибудь, похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства, оговариваясь, что в газетной статье можно только

сойтись и с «боевой организацией» (чему, однако, решительно противоречит его собственное заявление); все это было очень естественно, но все это нимало не показывает, что его решение сложилось независимо от «сердечного попечения» наших реакционеров о наших высших школах, и все это нимало не показывает, что мы ошиблись.

«Сипягин убит,— продолжает «боевая организация», — как министр внутренних дел, на ответственности которого лежат тысячи вопиющих злодеяний, злодеяний, перед которыми меркнут даже все драконовские мероприятия, специально направленные против волнующихся студентов».

Но мы вовсе не утверждаем, что С. В. Балмашев хотел покарать Сипягина только за студентов. «Боевая организация» совершенно не поняла нашей статьи. Заряжая свой карающий револьвер, Балмашев имел в виду бедствия всей угнетенной России, но ведь эти же бедствия имеет в виду все наше передовое студенчество, давно уже переросшее узкие требования «академической свободы». Между тем, никто из мыслящих людей не удивится, если мы скажем, что революционное настроение нашего студенчества (не исключая и самых передовых его элементов) вызывается прежде всего ненормальностью его собственного положения как учащегося «сословия». Боевая организация почему-то не обратила внимания на слова: «прежде всего». Эти слова указывают на гонения, испытываемые нашим студенчеством, как на ближайшую причину пробуждения революционной мысли этого студенчества. Но раз революционная мысль пробудилась, то совершенно естественно, что она не останавливается на чисто-академических требованиях. Она открывает причинную зависимость между положением учащейся молодежи в частности и положением всей страны вообще; она выставляет политические или даже социально-политические требования. Это очень ясно видно на примере самого Балмашева. Обвинительный акт по его делу цитирует следующее интересное место из одной его рукописи: «Студенты сознают... что строй, при котором они живут, поддерживается маленькой горстью людей, в ее личных, глубоко эгоистических интересах. Студенчество дождалось сильнейших репрессий... русское правительство желало им самим установленные драконовские законы менять на еще более бесчеловечные... Изменение академического строя возможно исключительно лишь с переменой всего общественного строя, почему студенты и должны стремиться к уничтожению современного монархического строя».

Этот отрывок с поразительной ясностью показывает, что именно ненормальное положение нашего студенчества было точкой отправления революционной мысли С. В. Балмашева *. «Боевая организация» ссылается на то, что в письме к своим родителям Балмашев говорит, что приносит свою жизнь «в жертву великому делу облегчения участи трудящихся и угнетенных». Это святые слова; но и эти святые слова нимало нас не опровергают. Немецкий студент Карл Занд, поразивший Коцебу в марте 1819 г., говорил себе словами тогдашней революционной песни: «Ein Christus sollst du sein», т. е. ты должен быть Христом; ты должен жертвовать своей жизнью для нуждающихся и обремененных. Это как раз

* Нам заметят, пожалуй, что составитель обвинительного акта мог неправильно процитировать рукопись С. В. Балмашева. Но этот последний не нашел нужным ни протестовать против приведенного отрывка (что он непременно сделал бы, если бы отрывок был сочинен самим обвинителем), ни дополнить его какими-нибудь пояснениями. Следовательно, мы имеем право предположить, что этот отрывок правильно выражал его мысль.

вкратце наметить основные пункты аргументации и что к более подробному ее изложению нам еще придется, вероятно, вернуться в журнальной статье или брошюре.

С принципиально теоретическим заявлением соц.-революционеры собрались выступить только во 2 № «Вестн. Русск. Рев.»[3] в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высоко-замечательной статьи может быть передано в двух словах. Социализм вырос в мировую силу, социализм (марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революц., «конечно», не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачем и играем по поводу «критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр этой догмы, — и хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее об'единение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры. «Серьезная революционная организация», — пресерьезно уверяет нас «В. Р. Р.» (№ 2, стр. 127), — «отказалась бы от решения вечно раз'единяющих спорных вопросов социальной теории, что, конечно, не должно мешать теоретикам искать их решения» — или, прямее: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, а мы, пока суд да дело, возрадуемся по случаю освобожденного пустого места.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию, — решительнее занять строго определенную позицию — резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-рев., раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-рев., отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особливо удобная «для об'единения». Как видите, нам и им не столковаться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит

то, что писал С. В. Балмашев. И тот же Занд, решившись поразить Коцебу, вышел из студенческой организации, мотивируя свой выход тем, что он хочет стать мстителем за весь народ.

Психология Карла Занда, как две капли воды, похожа на психологию С. В. Балмашева, а между тем давно уже даже все школьники, — не исключая и самых непонятливых, — знают, что в смерти Коцебу виновато было прежде всего упорство той реакционной клики, которая держала в своих руках судьбы тогдашней Германии и которая отвечала полицейскими преследованиями на самые естественные и самые неизбежные требования тогдашнего немецкого студенчества.

Так называемая «боевая организация» очень плохо поняла исторический смысл того самого события, которое она взялась выставить в истинном свете. Смеем думать, что мы отчасти уже выяснили ей этот смысл. Но если ей и теперь что-нибудь неясно, то мы и впредь готовы к ее услугам.

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Два земских с'езда.

В прошлом году мы отметили знаменательное явление в жизни нашего земства: небольшой с'езд либеральных земцев нескольких губерний. В конце мая и в июне нынешнего года состоялись новые с'езды земских деятелей при большом числе участников и по более широкой программе, чем прошлогодний. В занятиях майского с'езда принимали участие представители 25 земских губерний в количестве 45—50 человек.

Занятия, продолжавшиеся 4 дня, посвящены были, главным образом, вопросам, поднятым учреждением Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности [5]: о составе Особого Совещания, об отношении, в которое должно стать к совещанию земство, о правовом и экономическом положении крестьянства (равенство всех перед законом, вопрос об увеличении крестьянского землевладения). — Мы не считаем возможным брать на себя почин в опубликовании положительной части высказанных на майском с'езде взглядов и желаний передовых земских деятелей по этим важным и интересным вопросам.

Что касается отрицательной, критической части рассуждений земцев, то «закрытые двери» совещания развязали язык ораторам и дали возможность в страстных, порою блестящих речах вылиться всей ненависти представителей земства к самодержавно-бюрократической опричнине. В особенности досталось С. Ю. Витте и его финансовой политике. Если бы он знал, как его не любят! Досталось и августейшей марионетке русского правительства, убогому бедному Никс-Милуше.

Июньский с'езд земцев (или «слет», как не без остроумия называют они свои совещания) был непосредственным продолжением майского с'езда. В связи с крестьянским движением на юге говорилось о желательном реформировании деревни, при чем в виду разногласий между представителями северных губерний, которых минула чаша сия — волнения крестьян — и южных, решено было вопрос об аграрных реформах оставить пока-что открытым... В общем, однако, ничего нового ни по существу вопросов, поставленных на обсуждение, ни по отношению ораторов к этим вопросам и жгучим общим вопросам современности этот с'езд (кстати сказать, еще более многолюдный, чем майский) не дал.

Из других источников нам сообщают по этому поводу: Узнав, очевидно, через шпионов все подробности совещания, министр внутренних дел доложил об этом царю, и вот все участники совещания вызываются поодиночке к своим губернаторам и выслушивают от них (устно) выражение монаршего неудовольствия их поведением. В бумаге, которую губернаторы читают, не давая на руки, провинившимся земцам, сказано, что его величество выражает свое неудовольствие по поводу участия такого-то на противозаконном с'езде и предупреждает, что в случае повторения подобного проступка виновный немедленно бу-

---

ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее) говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не раз'единить, а об'единить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое действительное значение имеет их позиция освобождения от социализма для об'единения и об'единения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем ко второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к «критике». Мы не оппортунисты, — кричат соц.-рев., — и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. «Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах», — уверяют соц.-рев. и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3 апреля 1902 г., изданная «Партией Соц.-Рев.» Это самый живой, близкий к непосредственным деятелям, самый аутентичный источник. «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и «с партийным воззре-

дет устранен от занимаемой им должности. Более видные земцы, как, например, председатель Московской губернской управы Шипов, вызываются в Петербург, где они подобное же внушение выслушивают от Плеве[6].

Орловский предводитель дворянства Стахович тоже был вызван в Петербург. Плеве предложил ему подать в отставку и избрать постоянное местожительство. Стахович ответил, что, как подчиненный непосредственно царю, он подчинится только его прямому приказу. Чем кончится дело, неизвестно.

Еще секретный документ.

Секретно.
Циркулярно.

М. Ф.
Главное Управление
неокладных сборов
и
казенной продажи питей.
Канцелярия исп. отд. I ст.
8-го мая 1902 г.
№ 897.

Гг. Управляющим
акцизными сборами.

В одном из акцизных управлений произошел случай арестования и заключения в тюрьму одного вольнонаемного писца, при чем, из имеющихся в распоряжении Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей сведений, усматривается, что помянутое лицо принято было на службу без надлежащего сношения с местной администрацией относительно его политической благонадежности.

Приведенный факт наглядно указывает на крайнюю желательность предварительно зачисления лиц на службу в акцизные управления по вольному найму иметь о таких лицах возможно точные данные, дабы избежать на будущее время повторения случаев, подобных вышеизложенному.

Вследствие этого, предлагаю гг. управляющим акцизными сборами к непременному руководству при выборе вольнонаемных служащих входить каждый раз в сношение с надлежащими властями для выяснения политической благонадежности и нравственных качеств лиц, принимаемых во вверенных вам Управлениях в число вольнонаемных служащих.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

Директор Правления.

Мужи науки в роли добровольцев сыска.

Из Томска пишут, что ректор Томск. университета Судаков настрочил донос в мин. нар. пр. Это — рукопись весьма почтенных размеров, случайно она попала в руки публики. Почтенный ректор делит томских обывателей на три разряда. Первый, самый большой, это — либералы — лица, сочувствующие всяким протестам, в том числе и студенческим беспорядкам, оказывающие бунтарям всяческое содействие и преследующие истинных сынов отечества, студентов, идущих против волнений. В число «либералов» попал даже томский губернатор Ломачевский за то, что разрешил служить санитарным врачем одному коноводу студентов-бунтарей (фамилии не сообщает). Конечно, продолжает Судаков, есть и истинные верноподданные, но «мало их», и либералы их оттирают на задний план. Третий и самый опасный разряд, по мнению его, это — радикалы, так сказать активно-бунтарский элемент, но «холоден и беден наш язык» для того, чтобы описать всю черноту замыслов «радикалов», и почтенный ректор в ужасе замолкает.

К доносу приложено и ходатайство профессоров Томского у-та «об обуздании местной прессы», во главе которой стоит «ничтожный еврей» (Прейсман, редактор «Сиб. Вестника»), не дающий томским профессорам покоя своими нападками. «Пробовал Судаков писать опровержения (говорится в ходатайстве), да еще хуже выходит». — Кто подписался (или вернее, кто не подписался — как иронически добавляет автор письма из Томска) под этим «ходатайством» — неизвестно.

нием», по ценному свидетельству «Рев. России»[4] (№ 7, стр. 24. *).

Прокламация 3 апреля замечательно аккуратно копирует шаблон «новейшей» аргументации террористов. Вам всего прежде бросаются в глаза слова: «Мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом втрое более крупных размеров, чем остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом, «не вместо, а вместе» — и все доводы соц.-демократов, весь урок истории сразу отпадает. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию, и вы увидите, что божба жирного шрифта всуе приемлет имя масс. То время, «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота» — «увы!» (буквально так: увы!) «еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет жертв!» Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Слушайте дальше: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу (!) перебрасывает (!) на сторону борцов за свободу». «И раз террор будет проведен систематически (!), то очевидно, что наша чаша весов наконец перевесит». Да, да, для всякого очевидно, что перед нами в самой грубой форме величайший из предрассудков терроризма: политическое убийство само собой «перебрасывает силу»! Вот вам, с одной стороны, теория перебрасывания силы, а с другой—«не вместо, а вместе»... Как божиться-то не лень?

---

* Правда, «Рев. Росс.» и по этому пункту проделывает какую-то эквилибристику. С одной стороны, «целиком совпадает», с другой, намек на «преувеличения». С одной стороны, «Рев. Росс.» заявляет, что эта прокламация дело лишь «одной группы» соц.-рев. С другой стороны, мы имеем тот факт, что на прокламации стоит подпись: «издание Партии Соц.-Рев.» и, кроме того, повторен эпиграф той же «Рев. Росс.» («в борьбе обретешь ты право свое»). Мы понимаем, что «Рев. Росс.» неприятно касаться этого щекотливого пункта, но мы думаем, что играть в прятки в подобных случаях прямо неприлично. Революционной социал-демократии тоже неприятно было существование экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить в заблуждение.

Витебск. На последнем военном параде, когда весь местный гарнизон был выстроен на площади, где толпилась также жадная до зрелищ публика, вдруг раздается какая-то необычная для подобных случаев команда: «Нижние чины иудейского вероисповедания, вперед!» Происходит замешательство в рядах войск; евреи солдаты спешат выйти вперед, еще не зная, на что их требует их грозное «начальство»; в публике недоумение и напряженное внимание. — «Когда вы пойдете куда-нибудь в гости, — обращается корпусный командир Батьянов во всеуслышание к солдатам-евреям, — или вы поедете домой, то передайте вашим единоверцам, чтобы они не вмешивались в политику и против правительства не шли, потому что если правительство на один день снимет с них глаз, то не останется ни одного целого еврейского ребра!»

Поистине трогательное отеческое отношение Батьянова к евреям. Как корпусный командир, Батьянов является представителем военной власти, а не гражданской, и забота о спокойствии в городе и благополучии его жителей лежит исключительно на плечах гражданских властей. Батьянов спешит предупредить евреев, удержать их от гибельного шага — не по долгу службы, а из чувства гуманности, доброжелательства и пр.

Впрочем, я сильно сомневаюсь, действительно ли в таком духе поняло эту речь еврейское общество. Этот крепковыйный народ, не раз уже выказавший свою черную неблагодарность к пекущемуся о нем правительству, всячески охраняющему его от зловредного влияния науки, от деморализации на государственной службе, от трудных и неблагодарных, при настоящих условиях, занятий земледелием, от гибельных для нации последствий в случае рассеяния по всей матушке-России и т. д., — этот неисправимый народ, боюсь, и полную забот о нем речь Батьянова сумел перетолковать по-своему: нашел в ней грозное напоминание об ужасных 80-х годах с антиеврейскими беспорядками на всем юге России и указание на возможность повторения этих беспорядков теперь.

Не очень-то довольно осталось речью Батьянова и местное христианское общество. Оно нашло для себя унизительным и несоответственным с его человеческим достоинством взгляд на него «генерала», как на слепое орудие в руках нашего реакционного правительства, готовое будто бы по первому его указанию растерзать ни в чем неповинных людей. Да и то сказать, почетного в подобной роли действительно мало.

Этим похождения Батьянова еще не закончились. Верноподданная буржуазная часть евр. интеллигенции, поверженная выходкой Батьянова в недоумение (не в негодование, о нет!), сочла нужным отправить к нему делегацию для переговоров и об'яснений, но не для выражения протеста, конечно. Батьянов милостиво принял делегатов, выслушал и, желая, должно быть, их успокоить, сказал, между прочим, что стрелять он не будет, но непременно будет сечь (чтобы, значит, ни в чем не отстать от ф.-Валя). Тогда г. Ц., один из делегатов, как юрист, близко принимающий к сердцу интересы правосудия, дипломатично заметил, что «его превосходительство будет, конечно, действовать на основании закона». Но Батьянов снисходительно улыбнулся при виде наивности г. Ц. и сказал: «Нужно уметь читать законы между строк».

Тем аудиенция и кончилась.

Рославль, Смоленск. губ. (Из материалов «Рабочей Мысли».)

В начале этого года в нескольких местах нашего уезда крестьяне начали отказываться платить новый налог в 28 коп. В феврале появилась популярно, живо и горячо написанная прокламация, призывавшая крестьян к массовому отказу от уплаты податей и советовавшая прибегать к насилию против насилия властей. Прокламация была хорошо принята; ее даже читали на сходках, как доказательство правоты своего дела. В нескольких деревнях силой прогнали властей, явившихся описывать имущества. Власти града Рославля всполошились. К этому времени у некоего Певзнера квартирный хозяин, имевший с ним личные счеты, заметил подозрительные книги. Посоветовавшись с некиим дрянным мальчишкой, вольноопределяющимся Чижевским, указавшим ему возможность насолить недругу, он стянул книги и принес в полицию. Книги оказались нелегальными. Жандармы возликовали. Однако, допрос, благодаря прекрасному поведению Певзнера, ничего не дал. Тогда полковник Громека прибег к другой мере: схватив двух крестьян, читавших, не скрываясь, прокламации, он засадил их в кутузку и, почти не давая им есть, с угрозами требовал указать давших прокламации.

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» — спрашивает Партия Соц.-Рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дела до крайности!!» (откуда они это узнали??), да притом же «это и легче» (буквально так!): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости». И эта аргументация заканчивается следующим рассуждением, которое заслуживает быть увековеченным как образец «теории» соц.-рев.: «Против войны у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций — тайная и явная полиция, но что спасет его»... (кого его? самодержавие? автор незаметно для себя отождествил уже самодержавие с тем министром, в которого бить легче!)... «от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно, неизвестно даже друг от друга (!!) готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуловимости. Значит, наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия единственным способом, который оставило (!) нам самодержавие, — смертью». Какие бы горы бумаги ни исписали соц.-рев., уверяя, что они своей проповедью террора не отодвигают, не дезорганизуют работы в массах, — им не опровергнуть потоками слов того факта, что действительная психология современного террориста верно передается именно цитируемой прокламацией. Теория перебрасывания силы естественно дополняется теорией неуловимости, теорией, окончательно переворачивающей вверх дном не только весь опыт прошлого, но и всякий здравый смысл. Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить «наоборот», договорившись до баснословной, вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций — полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, не спасет ничто!!

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов, общую им с экономистами (может быть надо уже сказать: с бывшими представителями покойного экономизма?). Эта ошибка состоит, как мы уже много раз указывали, в непоминании основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной активности пролетариата, неспособными итти впереди и руководить массами. Что такого рода несоответствие

Перед мужиками продемонстрировали всю местную интеллигенцию, но, к глубокому негодованию полковника, они упорно твердили свое: «Не признаем». Однако, местный полицейский надзиратель, страшный взяточник и обершпион, Трусевич, каким-то путем заставил их указать на ни в чем неповинного столяра Павлова, который когда-то обидел г. надзирателя, пырнув его ножем в публичном доме. Павлов был арестован и б е з д о п р о с о в содержится до сих пор. За это время успела появиться новая прокламация к обывателям, об'яснявшая современное положение России. Оскорбленные в лучших своих чувствах, жандармы произвели ряд обысков в наиболее интеллигентных домах. Полная неудача; однако, петербургский студент В. Ю. Фридолин арестуется «за оскорбление представителей власти» (он заставил жандармов снова постелить разрытую ими кровать).

Между тем, неповиновение крестьян не только не прекратилось, но еще усугубилось разными слухами о переделе земли в самом непродолжительном времени, «после пасхи». Передают следующий случай. Один помещик подрубал в своем саду деревья. Проходившие мимо крестьяне, видя его усердие, с благодушным сожалением увещевают его не маяться зря «на нас». — «Как так, такие сякие?»— возмущается помещик. — «Да все равно, земля-то наша вся после пасхи будет», — резонно об'ясняют мужики и в доказательство рассказывают о полтавских и харьковских волнениях. Все это заставляет г. полковника наводнить город шпионами, которые, однако, вели себя так, что были менее опасны, чем добровольцы доносчики из обывателей. По доносу одного «батюшки» производится обыск у одного купца Матренина, у которого на пчельнике, по остроумным соображениям г. полковника, должна была находиться... типография. Типографии не оказалось, но оказались пчелы, изрядно покусавшие жандармов за беспокойство, за что, однако, арестованы не были.

Чем ближе время шло к маю, тем больше к опасениям насчет крестьян присоединялась боязнь «бунта» железнодорожных рабочих. Именно «бунта» с подожгами, убийствами и подобными ужасами. Действительно, среди рабочих появилось брожение, имевшее своим исходным пунктом понижение заработка, дурное обращение, уменьшение пособий в случаях похорон, крестин, но о б у н т е и речи быть не могло. В апреле появлялось еще несколько прокламаций к обывателям, резко политического характера, и одна к крестьянам по поводу убийства Сипягина. Хорошо составленные и отгектографированные прокламации эти, разбросанные хотя и в небольшом количестве, производили большое впечатление на население, преимущественно рабочее, у многих впервые вызывая сомнения в благополучии России, желание поближе познакомиться с теми людьми, которые подписываются «ваши друзья и защитники» и за которым гонится жандармская свора. Под влиянием слухов о каких-то людях, которые «так тебе все как на ладони расскажут, что будто сам ты всегда так думал», многие даже отсталые рабочие искали всюду этих людей, чтоб расспросить, кто насчет «божественного» (вопрос о боге), кто — «как, значит, нам теперь быть». Влияние прокламаций было так велико, что начальник железнодорожных мастерских Шепелев (прозванный рабочими Шпилькой) добровольно надбавил отчасти расценки, лишь бы избежать «бунта».

Наконец, первого мая появилась первая прокламация чисто местного характера, обращенная к железнодорожным рабочим. Рисуя им жалкое их существование, прокламация зовет их к организации для борьбы за лучшую свободную жизнь, советуя, как первый шаг, стачку в пользу больших расценок и лучшего обращения. Прокламация, смело и хорошо разбросанная, попала к многим рабочим и произвела такое сильное впечатление на рабочих, что вместо работы 1 мая в мастерских читалась прокламация, сопровождаемая комментариями лучших рабочих. Перепуганная этим администрация сразу сделала некоторые уступки, а своим заискивающим обращением вселила рабочим сознание своей силы и доверие к революционерам, произведшим такой эффект.

Но не только администрация мастерских была перепугана — весь город ждал бунта с поджогами, убийствами и подобными ужасами. Нам известны случаи, когда некоторые из простых смертных обывателей и даже из лиц, чей герб состоит из метлы и собачьей головы, просили лиц, которых они подозревали в участии в агитации, защитить их присных от насилий рабочих в судный день — один из первых дней мая.

Влияние немногих прокламаций было так сильно, что рабочие решили выразить свое сочувствие заключенным и свой протест против произвола администрации. 11-го и 12 мая они устроили демонстрации у тюрьмы. Со второй взяты курсистка Марциновская и дантистка Ривкина.

существует, в этом не усомнится ни один добросовестный человек, сколько-нибудь знакомый с движением. А раз это так, то очевидно, что теперешние террористы являются настоящими экономистами наизнанку, впадая в столь же неумную, но противоположную крайность. В такое время, когда революционерам н е д о с т а е т с и л и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров — это значит т е м с а м ы м не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию. Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу, — читаем мы в прокламации 3 апреля, — и даже (NB) тот новый, смелый дух, который повеял в последние 3 — 4 года, создал пока более под'ем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда на-голову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключает: «стреляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа!

Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», — говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что т о л ь к о новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит в о в с е х дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются п о е д и н к а м и Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего п о е д и н к а. Нас уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор Партии Соц.-Рев. Нам преподносят теорию крупной и мелкой работы: «У кого больше сил, больше возможности и решимости, тот пусть не успокаивается на мелкой (!) работе; пусть ищет и отдается крупному делу, — пропаганде террора в массах (!), подготовлению сложных... (теория неуловимости уже забыта!)... террористических предприятий». Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве — это крупная работа. А готовить, н а п р., массу к вооруженной демонстрации — мелкая. Вот «Рев. Россия» в № 8 как раз поясняет это, заявляя, что о вооруженных демонстрациях «легко писать и говорить, как о деле неопределенно далекого будущего», «но все эти разговоры имели до сих пор лишь теоретический характер». Как хорошо знаком нам этот язык людей, свободных от стес-

В средних числах мая появились прокламации к крестьянам о полтавских и харьковских беспорядках. Эти беспорядки вызывают живейший интерес среди крестьян и рабочих даже такой отсталой губернии, как Смоленская.

Как зубатовские рабочие ораторствуют с «бумагами» от Охранного Отделения и как от этого фабрикантские жены разрешаются от бремени, «не доносивши».

Господину фабричному инспектору X
С фабрики X

Донесение.

«Смею донести Вашему Высокоблагородию, что 1 марта сего года в 11 ч. у. ко мне во время моего отсутствия без всякого предупреждения явились в товарное отделение моей фабрики две личности. Первый назвался Красивский и, вынув из кармана бумагу, заявил, что он, Красивский, прислан из Канцелярии Обер-Полицмейстера. Второй назвался фабричным председателем рабочих Жилкиным. В вышеозначенном товарном отделении в то время находились заведующая фабрикой во время моего отсутствия моя жена и мастер Г... Конечно, моя жена и мастер крайне растерялись, т. к. в товарное отделение никто, исключая рабочих, не входит: „Что вам угодно", — спросили их, а они ответили, что им нужно поговорить. Тогда их попросили в контору, в которой они стали выставлять свое величие, но им сказали, что величие ваше до нас не касается. Видят, что в конторе разговаривать с ними больше не желают. Тогда они попросили вызвать несколько рабочих, из которых явились М. и Р. При входе в контору Р. назвавший себя Красивским стал ему говорить речь, которая к конторе не относится. Р. дал знать, чтобы они зашли в фабричное отделение. Каковые немедленно, без всякого на то позволения со стороны конторы, пошли на фабрику. При входе в вышеозначенную фабрику приказали оставить работу, остановились посреди фабрики и начали говорить пространные речи. Жена моя, бывшая в конторе, видя их дерзость, самоволье и хозяйничество в чужих помещениях, крайне расстроилась, т. к. еле таскалась на ногах по случаю беременности в последнем периоде, ушла в дом и слегла в постель, а в 4 ч. утра на 2 марта разрешилась от бремени, не донося несколько дней, в страшных мучениях и страданиях. По моему: разрешение от беременности, не доносивши несколько дней, было сопровождено по случаю самоволия вышеозначенных Красивского и Жилкина. В виду всего вышеизложенного я, как хозяин фабрики и помещения, прошу Ваше Высокобл. донести об этом поступке куда следует по закону и меня впредь избавить от таких председателей и ораторов, которые не разбирая времени, места, а врываются во двор и направляются в первое попавшее им на глаза помещение».

X.

(С подлинным верно. Ред.)

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Воронежа. Аграрные волнения принимают в юго-восточной полосе России эпидемический характер. В марте месяце этого года солдаты выезжали на работу в одно имение около станции Графской, где им пришлось улаживать розгами гражданский спор крестьян с помещиком. Вспыпали по 20 розог. Никакого сопротивления со стороны крестьян не было оказано. Теперь христолюбивое воинство стоит постоем в имении Станкевича (Воронежск. уезда), где крестьяне обратили в свое пользование помещичий луг. Неподалеку отсюда в соседней Тамбовской губ. в деревне Андреевке Усманского уезда крестьяне поделили между собой землю окрестных помещиков и уже засеяли яровое поле. Они собирались поделить пар, но 5 мая к ним совершил путешествие тамбовский губернатор Ржевский в сопровождении свиты полицейских и земских начальников для увещания и вразумления. Принадлежность земли той или другой стороне оказалась спорной, но, пока суд да дело, Ржевский принял меры к тому, чтобы 5 человек зачинщиков были высланы в места отдаленные. Остальные, вероятно, будут преданы суду. Помещики озлоблены. Крики: драть, драть! — так и висят в дворянских гнездах. Однако, серьезного значения «бунтам» никто не придает в виду темноты и бессознательности массы. Крестьяне многим интересуются и многое слушают из того, за что раньше стащили бы в волость, но было бы опасно делать отсюда слишком поспешные выводы. Крестьянство, несомнен-

---

нительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений! Непосредственную осязательность и сенсационность результатов они смешивают с практичностью. Требование неуклонно стоять на классовой точке зрения и блюсти массовой характер движения является для них «неопределенным» «теоретизированием». Определенностью в их глазах является рабское следование за каждым поворотом настроения и... и неизбежная в силу этого беспомощность при каждом повороте. Начинаются демонстрации — и от таких людей льются кровавые фразы, толки о начале конца. Остановка демонстраций — опускаются руки, и, не успев износить сапог, мы еще кричим: «народ, увы, еще не скоро». Новая гнусность царских насильников — и мы требуем, чтобы нам указали такое «определенное» средство, которое бы служило исчерпывающим ответом именно на это насилие, такое средство, которое бы давало немедленное «перебрасывание силы», и мы гордо обещаем это перебрасывание! Такие люди не понимают того, что одно уже это обещание «перебрасыванья» силы является политическим авантюризмом и что их авантюризм зависит от их беспринципности.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она на деле руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту («Искра» № 2), не берясь предсказывать формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечили бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно-далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущие, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению

но, готовится стать одной из революционных сил, но, чтобы оно вполне стало таковой, надо поработать над просвещением массы и внесением сознательности в ее борьбу.

Суд над воронежскими крестьянами.

В № 21 «Искры» было упомянуто о том, что высеченные крестьяне села Курлак, Воронежск. губ., преданы в руки судебной власти. Вот некоторые подробности этого судебного дела, о котором отчет напечатан в «Праве» (в очень искаженном виде).

12 человек крестьян обвиняли по статье 273 Улож. о наказаниях, предусматривающей предумышленное неповиновение властям. Не говоря уже о том, что по раз'яснению Сената * (в 70-х годах) лицо, однажды подвергнутое хотя бы административному наказанию, не может быть вторично привлечено к ответственности за то же преступление, — не говоря уже об этом, в самом поступке крестьян не было состава преступления. На этом настаивал защитник. В ответ на это товарищ прокурора, простирая руки к судьям, горячо возражал: «Какие могут быть тут разговоры о составе преступления, когда вам известно, гг. судьи, что губернатору то и дело приходится посылать солдат». — В результате судоговорения несколько крестьян приговорены к 5 месяцам тюрьмы, остальные — на меньшие сроки.

Документ о крестьянском движении.

М. В. Д.
Саратовский Губернатор. Секретно.
11-го Июня 1902 г. Циркулярно.
г. Саратов.

В виду происходивших в последнее время в некоторых южных и юго-восточных губ. крестьянских беспорядков, сопровождавшихся нередко вооруженным нападением на экономии и усадьбы землевладельцев, считаю нужным напомнить, что в циркулярных предложениях на имя земских начальников от 11-го августа 98 г. за № 32 были преподаны указания по вопросу о принятии мер к предотвращению и подавлению всяких насильственных действий со стороны сельского населения и привлечения виновных в самоуправстве и насилии к законной ответственности. В последнее время в Полтавск. губ. произошли серьезные нарушения крестьянским населением общественного порядка и спокойствия, которые вследствие недостаточно быстрых и решительных мер к их подавлению успели распространиться и на смежный уезд Харьк. губ. В виду сего и принимая во внимание, что подобные крестьянские беспорядки, угрожая правильному течению жизни сельского населения, ни в каком случае терпимы быть не могут, я признаю необходимым вновь обратить внимание на необходимость неотступного исполнения изложенных в вышеуказанном циркуляре указаний. Вместе с тем, предлагаю земским начальникам иметь наблюдение за настроением местного крестьянского населения и принимать самые энергичные меры к возможно быстрому прекращению возникающих волнений. При этом надлежит с особенным вниманием относиться ко всяким нежелательным проявлениям в общественной жизни местного крестьянского населения и в случае замечаемого учащения этих проявлений принимать меры к немедленному обследованию обстоятельств, вызывающих таковые явления, и тем устранять возможность их повторения и развития на почве волнений и беспорядков. На-ряду с сим я нелишним считаю сообщить для сведения и соображений, что в последнее время в М. В. Д. получены указания на стремление злонамеренных лиц организовать кружковую пропаганду среди крестьянского населения. С этой целью в кружок выбираются ими наиболее развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которым и сообщаются различные научные сведения, преимущественно по истории, социологии и рабочему движению, при чем главным средством ознакомления членов кружков с указанными сведениями является широкое распространение среди крестьян как тенденциозных, так и нелегальных изданий. Не касаясь того вреда, который имеет для народа проникновение в его среду изданий подпольной прессы, надлежит иметь в виду, что раздача сельскому населению книг, даже вполне легальных, дает возможность неблагонадежным лицам вступать в частые и тесные сношения с народом, создает между ними оживленный обмен мнений и сближает их с крестьянами. Определяя путем такого общения развитие крестьян данного села, их отношение к различным сторонам

* Ссылаться на это раз'яснение защитник не мог, так как председатель ему не позволил.

того, что уже осуждено прошлым. Мы будем всегда разоблачать людей, у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу». — Так заканчивается прокламация 3 апр. Такие фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся, — мы видим это, что мы оказываемся, — в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны, пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой стороны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность итти в ряду и шеренге, работать рука об руку с массой.

Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело — не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоро преходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов, и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовой героизм русского пролетариата!

В следующей статье мы рассмотрим аграрную программу социалистов-революционеров.

[Н. Ленин]

общественной жизни, упомянутые лица выбирают из среды крестьян наиболее даровитых и склонных к усвоению революционных начал, ведут с ними особые занятия и подготовляют из них вожаков крестьянского движения. Кроме того, общедоступная народная литература, в подборе тенденциозных изданий, создает искусственно политическое брожение в деревне, так как изображает различные темные стороны крестьянской жизни, бедствия и нищету народа и тем усиливает в крестьянстве элементы недовольства.

Затем усматривается, что неблагонадежные лица заводят связи с деревней в большинстве случаев через учащуюся молодежь духовных и учительских семинарий, фельдшерских училищ, учеников училищ садоводства и др.... Кроме того, преступные агитаторы для развития пропаганды пользуются крестьянами тех сел, где вредная их деятельность уже окрепла, при чем для этой цели крестьяне рассылаются в виде батраков, книгоношей торговцев и т. п. в те местности, где предполагается посеять противоправительственные идеи. Давая знать об изложенном, считаю нужным добавить, что при всех случаях проявления беспорядков в известной местности особенно строгое внимание будет обращено на ответственность должностных лиц, на обязанности коих лежала ближайшая забота о предупреждении беспорядков.

Подписал губернатор Энгельгардт.

Скрепил управляющий канцелярией Кнолль.

Подобный же циркуляр, как нам сообщают, издан и по Курской губ. Обращаем внимание читателя на остроумные соображения Энгельгардта о том, как «вредно» для крестьян узнать что-либо о «нищете и бедствиях народа». Надо думать, что без «тенденциозных» книжек народ никогда бы не узнал, что он голодает и бедствует!

В селе Хованщине, Сердобского уезда, Саратовской губ, вспыхнуло народное волнение. Здесь находится поместье дворян Беклемишевых; за последнее время у крестьян установилось убеждение, что земля Беклемишевых принадлежит им, что таково решение какой-то Московской Палаты. Документы, которые, по мнению крестьян, удостоверяли их право на землю, находились у одного всеми уважаемого крестьянина и хранились у него в особом ларце. Услышав о притязаниях крестьян, полиция решила так или иначе познакомиться с содержанием этих документов. Она поручила старшине и сотскому произвести обыск в избе этого крестьянина, якобы по поводу случившейся кражи. Во время обыска они увидели, что перед избой собирается громадная толпа. Старшина вскочил на дожидавшихся его ямских лошадей, ударил кнутом и ускакал вместе с ларцем. Гнев крестьян обрушился на оставшегося сотского. Его избили до полусмерти, так что жизнь его находится в большой опасности. Досталось также и старосте, которого тоже побили и засадили в кутузку. Вскоре после происшествия был произведен допрос следователем и товарищем прокурора; встречены они были спокойно, без всякой враждебности, им подробно рассказали ход событий. Затем туда прибыли астраханские казаки и губернатор. Крестьяне об'явили, что никаких зачинщиков между ними нет, что пусть судят их всех. Крестьяне будто бы говорят: «Пускай порют, пороли нас и перед волей».

Из Харьковской губ. Еще о подвигах кн. Оболенского.

(Доставлено Харьк. Ком. Росс. С.-Д. Р. П.).

События, происшедшие в наших местах, заслуживают самого глубокого внимания. Они указывают на то, какая масса горючего материала лежит в наших деревнях, материала, который ждет искры, чтобы возгореться в пламя. Но вместе с тем, они показывают и оборотную сторону медали — недостаточность понимания или даже полнейшую бессознательность. В имении Харитоненко — Алексеевке — произошло следующее. В двух верстах от этого имения есть небольшая деревушка Покровское. Она со всех сторон окружена помещичьими землями. Своей земли крестьяне этой деревни не имеют ни клочка. Даже выгона нет, на котором могли бы пастись их куры и гуси. Живут они заработками в ближайших экономиях. Бедность ужасная. И вот 2 апреля утром часов в пять, когда заведующие экономиями распределяют рабочих и дают им работу, к Алексеевской экономии явились крестьяне Покровского — душ около 500. Мужчины пешие, а жены и дети на подводах. На возах лежали пустые мешки, кадки, топоры, вилы. На вопрос одного из служащих: «что вам угодно?», крестьяне ответили нежеланием говорить с ними. Тогда является к ним главный управляющий, и на его вопрос они ответили, что теперь, дескать, в России все бедные крестьяне, не имеющие хлеба для пропитания, забирают, по приказанию царя, у богачей все, что они имеют, и делят поровну между собой. «Поэтому мы просим отдать нам мирно ключи от амбаров, или в противном случае мы все заберем силой». Когда управляющий пригрозил крестьянам войсками, они ответили: «Да, действительно, царь посылает теперь войска на заводы и в имения, но не для того, чтобы защищать их, а чтобы во время самого дележа не произошло ссор и беспорядков между самими крестьянами». «В таком случае обождите,—говорит управляющий,—прибытия войск (казаки, извещенные по телефону, в это время мчались в имение из ближайшей жел.-дор. станции) и тогда можете делать, что вам угодно». Крестьяне согласились. Не успели окончиться эти переговоры, как на горе показались казаки. Некоторые из крестьян бросились казакам навстречу, приветствуя их появление восторженными криками. Другие же бросились в амбары, конюшни и начали брать себе волов, коров и лошадей... и вообще все, что попадалось им под руку. Казаки, встретив идущих с криками им навстречу крестьян, разумеется, бросились на них и начали бить нагайками. Происходит замешательство между крестьянами. Крестьяне начинают разбегаться в разные стороны, но казаки успевают окружить их и загоняют во двор. Тут является и сам Оболенский, харьк. губернатор. «Шапки долой, на колени!» Губернатор говорит им тогда о «незаконности» и пр. «Вы бунтовщики, вы враги царя и отечества, а для врагов России у нас имеются пули, штыки и нагайки. Для вас нагайки!» И крестьяне с обнаженными головами, стоя на коленях, безмолвно выслушали продолжительную речь губернатора. Никто из толпы не проронил ни одного слова, ни одного звука. «В нагайки!» раздается команда, и начинается порка крестьян. Замечательно то, что во все время экзекуции крестьяне стояли на коленях и ни один не осмелился сделать попытки к побегу. Били немилосердно, и притом нагайки у казаков снаружи обтянуты проволокой, а на конце кусок свинца. Били, пока губернатор не приказал прекратить. Затем, сказав соответствующее слово назидания, губернатор приказал женщинам и детям уйти домой, а мужчинам остаться. По указанию экономической администрации, из этой толпы были выбраны наиболее зажиточные крестьяне и старики. Губернатор приказал им снять верхнее платье и остаться в одном белье. Снова начали пороть нагайками. Затем, когда губернатор удовлетворился видом крови, всем мужикам приказано было снова встать на колени и ожидать, а если кто попытается бежать, в того будут стрелять. Сам Оболенский отправился затем в квартиру главного управляющего пить чай и завтракать. Экзекуция продолжалась с 6 час. до 8 час. утра. Занятый своими административными делами и прекрасным обедом (вероятно, с шампанским), губернатор пробыл в доме управляющего до 3 час. пополудни. Крестьяне, охраняемые казаками, стояли все время на коленях с обнаженными головами во дворе. Наконец, выходит к ним губернатор. Из крестьян выбираются по указаниям администрации зачинщики, и губернатор снова в третий раз приказывает их пороть, но на этот раз розгами, обмокнутыми в кипяток с солью. По окончании этой третьей экзекуции все крестьяне были загнаны в пустые сараи, а там уже производились аресты и отправка в ближайшие тюрьмы.

По Житомирскому шоссе. (Коррес. из Киева.)

То напряженное внимание, с каким прислушивается вся Россия к пробуждению деревни, поддерживалась в последнее время в Киеве, не говоря об официальных сооб-

щениях разного рода, вестями о мелких крестьянских волнениях, происходивших на-днях в Киевском, Чигиринском, Липовецком, Винницком, Уманском, Каневском и других уездах, расположенных недалеко от Киева. Собственно говоря, мало-мальски серьезных волнений пока что не было, и волновались не столько крестьяне, сколько административные власти, которые видят в каждом мелком столкновении начало мятежа. Так, незначительные волнения крестьян в м. Мотыжине, которые не вылились даже в форму сопротивления властям (следователь не нашел состава преступления), составляют предмет особенного беспокойства администрации. Дело это поручено следователю по особо важным делам, вопрос о высылке войск решался дважды на особых совещаниях у генерал-губернатора и губернатора Перепуганная полтавскими событиями киевская администрация боится присылать по просьбе помещиков, графа Бобринского и Савицкого, войска, чтобы не раздражать крестьян; решено прибегнуть к войскам лишь в крайнем случае и сразу же при первой возможности пустить в ход оружие для устрашения. На совещаниях ген.-губернатор Драгомиров напоминал о том, что им уволен со службы полковой командир, приказавший в Полтавской губ. стрелять в первый раз холостыми зарядами, и при этом заявил, что шутить с войсками он не позволит. От высылки войск уклоняется даже известный поклонник розги, исполняющий теперь обязанности губернатора, вице-губернатор барон Штакельберг, не постеснявшийся зверски перепороть в прошлом году крестьян одного из сел Липовецкого уезда, приводя в исполнение решение Судебной Палаты, которое было отменено Сенатом через несколько недель после экзекуции. Возбужденное в Сенате дело о предании Штакельберга суду за превышение власти на-днях закончилось ничем.

«Беспорядки» в перечисленных уездах принимают в некоторых случаях форму б о й к о т а: крестьяне на тайном сходе решают не наниматься на работы к помещику их села, прогоняют и избивают нанявшихся к нему рабочих. В некоторых селах были распространены прокламации и нелегальная литература, что произвело большой переполох среди наших аграриев и администрации. Так, например, В. А. Плесский, помещик с. Баландино, Чигиринского уезда, и в то же время управляющий имением Давыдовых того же уезда (историческая Каменка), был настолько встревожен появлением прокламации, что счел необходимым самолично привезти несколько экземпляров их киевскому губернатору. Что касается ближайших к Киеву сел, расположенных по Житомирскому шоссе, то в них некоторое брожение было вызвано также прокламациями, распространенными среди крестьян и расклеенными по телеграфным столбам вдоль шоссе. В виду появления прокламаций, полиция за благо рассудила взять под подозрение велосипедистов, раз'езжающих по шоссе... Некоторые из них были даже арестованы, но вскоре были освобождены. Так, один офицер был арестован в с. Шпитки, куда он приезжал иногда из Киева на велосипеде. Трое велосипедистов были арестованы по указанию попа в с. Копылово, куда они свернули с шоссе, чтобы напиться молока. Вообще, в Киеве много разговоров о разных случаях такого рода и о мерах, предпринимаемых администрацией для пресечения этого своеобразного хождения в народ. Не мало курьезов вызвало также распоряжение одного из благочинных Киевского уезда о задержании всех незнакомых лиц, приходящих в село и рассказывающих небылицы: около Макарова, например, толпа крестьян задержала секретаря Киевской мещанской управы и даже слегка поколотила его, об'яснив священнику, явившемуся на выручку злополучного путешественника, свой поступок тем, что, мол, благочинный приказывал бить всех незнакомых людей, приходящих в деревню. Более интересные события произошли в м. Мотыжине. Здесь толпа крестьян воспротивилась производству межевания и избила рабочих помещика, помогавших, вопреки постановлению тайного схода, землемеру при межевании. Прогоняя землемера, крестьяне заявили, что давно уже пора расправиться с мотыжинским помещиком так, как это сделали крестьяне в Полтавщине.

Как передают, увещания не оказали никакого влияния на непокорных мотыжинцев. Речи мирового посредника они встретили ироническими восклицаниями: «Не верим мы вам, — говорили они, — ведь известно, что пан пану, а чорт чорту брат!». На его совет итти законным путем и добиваться своего посредством суда они отвечали отказом. говоря, что не хотят судиться с помещиком, который больно счастлив в судах, и пояснили при этом, что «русский закон то же, что паутина: большая муха прорвется, а малая запутается». Кроме бойкота помещика, тайный сход крестьян, собирающийся ночью за местечком (по выстрелу одного из вожаков), постановил приговор, запрещающий кому-либо из односельчан ходить в церковь. Последнее постановление об'ясняется тем, что шаман-поп, которого не раз уже избивали бабы и мужики за сребролюбие и донжуанство, явно держащий руку помещика, об'яснял крестьянам в церкви, в воскресной проповеди, греховность их насильственного образа действий и показал им для вящшей убедительности известную комбинацию из трех пальцев. Смысл его проповеди был тот, что согласно святому писанию, — «божие воздастся богови, кесарево — кесареви», крестьяне же получат, во всяком случае, — лишь вот это.. тут он сделал вышеуказанный проповеднический жест.

Еще перед этим общество посылало своих уполномоченных к Драгомирову, чтобы просить его об отмене межевания. Драгомиров встретил уполномоченных грубой бранью и криками: «Прикажу перестрелять! бунтовщики! арестовать!» и т. д., так что крестьяне еле спаслись бегством, позабыв даже свои шапки.

В настоящее время дело находится в следующем положении: под влиянием сопротивления, оказанного крестьянами, помещик был принужден отказаться от межевания. Приблизительно человек 10 мотыжинцев административно высылаются губернатором на 1—2 года за пределы Киевской губ. Брожение это, — до сих пор еще слабое, — благодаря таким мерам, вне всякого сомнения лишь разовьется. Крестьянство, бессознательно протестующее против произвола администрации, беззаконности и бесправия, не может, понятно, быть умиротворено мерами, которые противоречат правовому чувству всякого здорового человека. Поэтому возникновение крупных беспорядков ожидается в настоящее время всеми и ни для кого уже не покажется удивительным. Условия, в которых приходится крестьянину жить, делают весьма затруднительным целесообразный и организованный протест, вроде повсеместного отказа от платежа податей и исполнения всяких, в том числе и воинской, повинностей, — но дух протеста в нем все-таки живет и непрерывно нарастает.

Из Черниговской губернии.

Разыгравшаяся недавно вблизи Новозыбкова драма, закончившаяся избиением 19 крестьян, представляет из себя еще один печальный факт бесконтрольного издевательства полиции и в частности черниговского губернатора Андреевского. Беспорядки в деревнях вовсе не имели характера, сколько-нибудь опасного для помещиков, тем более, что появившиеся неожиданно войска привели крестьян в замешательство. Но губернатор поспешил не упустить удобного случая отличиться на службе усмирением «крестьянского бунта». Дело было так: крестьяне деревень Усчернье и Теремошка (имение Листовского, Суражского уезда) давно уже враждуют с помещиком из-за границ. Земля не размежевана с 1861 года. Но особенно резкий характер эти споры приняли в последнее время, когда крестьяне стали сильнее дорожить землей. В прошлом году Листовскому уже пришлось прибегнуть к полиции для водворения порядка в Усчернье. Тогда же он обещал им прислать землемера, но не исполнил своего обещания, и крестьяне в нынешнем году заняли спорный кусок земли. Теремошкинские крестьяне также решили занять 40 десятин сенокоса, которые они считали своими и которые помещик хотел отдать в аренду другим крестьянам деревни Гастенки. Они на сельском сходе решили так: «Нужно заявить гастенцам, чтобы они не платили помещику аренды — этого сенокоса мы не уступим никому». Гастенцы, прочитав заявление и решив, что теремошкинские крестьяне хотят учинить бунт, представили это заявление Листовскому. К крестьянам названных двух деревень присоединились крестьяне Синего-Колодезя (имение черниговского предводителя дворянства Муханова). Из старинной церковной записи они узнали, что лет полтораста тому назад они считались воль-

ной казацкой общиной и владели всем обширным участком земли, который теперь представляет из себя прекрасное имение Муханова. Решили они жаловаться сначала на помещика царю, а если царь не уважит их просьбы, то подавать жалобу на царя (?). Для этой цели они обратились за помощью к какому-то адвокату, Середе, который оказался большим негодяем и только вымогал у них деньги Сине-колодезцы посылали даже ходоков своих в Петербург. Последние посылали своим односельчанам письма приблизительно такого содержания: «Вот, мол, мы скоро всего добьемся; познакомились уже с 4-мя генералами, еще с одним генералом нужно познакомиться и тогда уже до самого царя дойдем». Наконец, они познакомились на половину с 5-м генералом, но, по их словам, Муханов все дело испортил, так как их посадили в кутузку, подержали в ней, а потом велели ехать на родину. Но крестьяне далеко не оставили своей мысли. К тому же присоединились частые стычки с управляющим и об'ездчиком. Таким образом, три деревни согласились поддерживать друг друга, не уступать помещикам, принимая в соображение, кроме всего сказанного, еще одно основание: «Наши батьки да деды служили панам; нехай же теперь паны нас кормят». Листовский (сын его земский начальник), услышав что происходит среди крестьян, телеграфирует губернатору: «Крестьяне забрали мою землю и гонят моих рабочих; прошу принять надлежащие меры для прекращения беспорядков». Губернатор, не долго думая, взял с собою отряд пехотинцев и пять сотен казаков и нагрянул в Усчернье, т. к. это село больше Теремошки и там находится главное имение Листовского. Здесь дело обошлось мирным образом. Крестьяне, собравшись на сход, об'явили, что они не думают бунтовать, а только требуют размежевания земель. Теремошкинские крестьяне оказали сопротивление властям следующим образом: губернатор, еще будучи в Усчернье, послал в Теремошку распоряжение, чтобы мужики собрались на сход и ждали его. Поехав же, он застал в деревне одних баб да детей—все же мужское население разбежалось. Наконец, собравшиеся крестьяне устроили еще «бунт» в церкви: во время богослужения 8 крестьян подали губернатору прошение, в котором просили оставить за ними их землю. На вопрос губернатора — как они смеют бунтовать, — крестьяне этой деревни ответили: «Мы не хотим делать никаких беспорядков, но только укажите нам нашу землю. Вся земля неразмежевана, и помещик, где хочет, там и берет». Губернатор велел арестовать 8 человек, подававших прошение. Тогда поднялся шум и начали раздаваться голоса: «Бери же всех, коли наших взял! Сажай нас в тюрьму, а там студенты сидят; они научат нас, что делать!» Забрали еще 11 человек. Деревня была оцеплена солдатами. Экзекуция, однако, началась не сейчас, а губернатор поехал сначала в Синий-Колодезь. Собрались крестьяне и здесь в церковь, а потом на сход выбрали уполномоченных говорить с губернатором. Ни на чем не сошлись, и губернатор велел сходу разойтись, но сход не расходился. В виду такого ослушания губернатор забирает с собой уполномоченных и отправляется с ними в Теремошку, где делает их свидетелями экзекуции, произведенной над теремошкинскими крестьянами. После этого «бунт» был усмирен, и даже сине-колодезские крестьяне отказались от своей мысли тягаться с богатым Мухановым; они даже дали подписку в том, что не будут иметь больше никаких притязаний на эту землю.

При экзекуции, кроме губернатора и остальной полиции, присутствовали врачи — Бурков (уездный врач) и Козинцов (городск. врач). Последний, впрочем, хвастается своим либерализмом — он не разрешил давать более 40 ударов.

Давали же 6-ти человекам по 75 ударов, а остальным от 35 до 45.

ВЕСТИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

(Сообщено Ростовской Группой «Искры.)

В Медвеженском уезде, Ставропольской губ., крестьяне стали проявлять недовольство. В Белой Глине, большом 20-тысячном торговом селе, крестьяне начали требовать прирезок земли и новой планировки, то же самое было и в Новоселицах. Когда земский начальник Жуков начал их усмирять домашними средствами, крестьне вытолкали его в шею со схода и заявили, что их дело правое. Губернатор Никифораки поехал самолично в эти села и беседовал с крестьянами, угрожая им нагайками и казаками. В с. Терновке также идут слухи о «новых правах». Губернатор едет туда, удаляет волостного писаря и высылает из пределов губернии одного крестьянина, заподозренного полицией в распространении тревожных слухов. Жандармы и местная уездная полицейская администрация раз'езжают по селам и хуторам всей губернии и ищут «крамолы», допрашивают крестьян, спаивая их водкой. Все эти допросы, конечно, окончились ничем, а в соседней Кубанской области и Сальском округе Астраханской губ., между тем, шли уже настоящие беспорядки, где крестьян били и уродовали за то, что они отказывались работать в экономиях по низкой цене. В 5-ти экономиях Кубанской области недовольство крестьян низкой ценой обрушилось на земледельческие машины, которые были изломаны. Также были избиты и некоторые владельцы экономий. В одной экономии возле станции Кавказской Влад. ж. д., а также возле ст. Тифлисской крестьяне и местные казаки поломанные машины бросали в реку Кубань. Крестьян усмиряли нещадно казаки местного станичного правления. На ст. Розовой также были в конце мая беспорядки на аграрной почве, но здесь крестьяне, когда их усмиряли казацкими нагайками, заявляли: «Нам нужны порядки такие, о каких пишут в книжках». Встревоженное начальство станицы также пыталось искать «корней и нитей», но тщетно. На подмогу станичному начальству прискакали жандармы из Владикавказа, но они ничего не нашли.

В селении Армавир после побоища армян в конце апреля, устроенного пьяной толпой, появились в большом количестве прокламации, уясняющие истинный смысл происходившего и указывавшие, что не армяне, как нация, виноваты, а виновато правительство, гнетущее весь народ, и что нужно организоваться и бороться против всего социального строя и против опричнины. Выяснялось и значение рабочего майского праздника. Прокламации были писаны и гектографированы без подписи, и распространялись они посредством рогаток. Привязаны они были к камням и таким образом бросались в окна домов всех обывателей, которые были страшно встревожены необыкновенным явлением. О прокламациях знали и стар и млад. Школьники, напр., заявляли своим учителям 1 мая, чтобы они их отпустили, так как у них «сегодня праздник». Прокламации произвели сильное впечатление. С. Армавир — один из населеннейших и торговых пунктов Кубанской области, жителей в нем около 20 тысяч. Поиски за «крамолой» не привели ни к каким результатам, хотя и хватали отдельных мещан. Обыскивали также многих.

С Кубани. Полтавско-харьковское брожение перекинулось и к нам на Кубань. Здесь оно приняло не особенно рациональные формы. Действующими лицами и здесь явились те же харьковцы, затем тамбовцы, пензенцы, куряне и т. п. косари, которые в необыкновенно большом количестве плывут из центральных губерний на плодоносную и богатую Кубань. Раньше они находили еще себе кое-какой заработок в обширных хлебных «экономиях» местных землевладельцев—Мордовцева, Петрова, Игнатьева и друг. Но наш век пара и электричества произвел переворот. Чикагская фирма Мак-Клачей за последние годы, говорят, миллионов на 10 поставила сельско-хозяйственных машин на рынок Северного Кавказа. В этом году образовался особый избыток косарей. Вместо прежних 3 руб., им стали платить теперь 70—80 коп. Естественно, что это косарям пришлось не по нраву, и они прибегли к помощи дубины, разбивали машины, били землевладельцев. В некоторых местах машины были свалены в Кубань и унесены течением в Черноморье. Движение охватило целый район станиц в 20. Рабочих, принимающих участие в нем, насчитывают по всему району до 10.000. Местами действия преимущественно являются станицы, лежащие по линии железнодорожной — от Тихорецкой до Екатеринодара и Майкопа. Движение носит чисто стихийный характер: недовольства накопилось масса, а где корень зла — неясно.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. Положение рабочих на Невской пригородной конно-железной дороге. (Из материалов «Рабочей Мысли».)

Очень худо живется у нас машинистам, так как штрафы ставят огромные и совсем ни за что: так, например, сойдет с рельсов вагон, оцарапает паровоз, собьет-ли извозчика где, ему штраф рублей 15 или 30. Были такие случаи, что, кроме штрафа, поставленного правлением, приходится платить по приговору мирового (по протоколу полиции), так что с одного вола дерут две шкуры. Не лучше живется и кочегарам, которых заставляют выполнять чужие работы, работать за молотобойца, печника и т. п. Проездив смену, кочегар ложится спать или собирается гулять, как вдруг прибегает сторож и говорит, что мастер зовет; кочегар идет к мастеру, и тот посылает его куда-нибудь по своему делу: в город с'ездить, либо огород копать, или кур кормить, или пойти на рынок с женой мастера и оттуда принести покупки, — и все это в то время, когда кочегар должен быть свободен. Живут кочегары в казарме. Там очень тесно, грязно и сыро.

Кондуктора должны подниматься в половине шестого утра, итти в контору за билетами и во двор смотреть наряд: на какой вагон и с каким выпуском ехать. Выходят поезда в 7 часов, идут через каждые четверть часа, и вот кондуктора с половины шестого до 12-ти и 1 часу ночи находятся на линии без горячей пищи, да и холодную некогда есть, так как вагон только на Карточной фабрике стоит 10 или 15 минут. Штрафы тоже очень часты. Кондуктора по правилам должны быть свободны через 2 дня в третий, но на деле ездить приходится 4—5 дней подряд, а потом день свободен. За этот каторжный труд они получают 30—35—40 руб. в месяц.

В механической мастерской и в кузнице приходится работать в страшном дыму; вентиляции никакой нет. Лестницы, которые ставят для смазки приводов, не имеют верхних крючков и нижних шпилек, как следует по правилу. За увечья у нас не платят; больницы нет, хотя работает около 300 человек. Работаем с 6 часов утра до 7 часов вечера с тремя перерывами (2 раза по полчаса и раз полтора часа).

В малярной мастерской работает 5 мальчиков, с которыми страшно грубо обращается мастер Нуждин, иногда бьет их прутьями, ремнем и т. д.

Главный мастер Петров прославился своим скотским обращением с рабочими, берет взятки с машинистов деньгами, кочегары же, уезжая в деревню, по возвращении привозят ему и телятины, и баранины, и поросят, и т. п.

Время проснуться уж, братья! Время требовать себе человеческих прав!

Рабочий.

Рязанская губ. Углекопы. (Из материал. «Раб. Мысли».)

Довольно яркую картину того, как живется нашему рабочему, можно найти в положении рабочих в горном промысле. Вот как, например, живут рабочие на Побединском руднике Рязанской губернии. Начну с благоустройства шахт. Спускаться в них (30—50—60 аршин) приходится без помощи машины, так как таковая предназначена только для под'ема угля и начальства. Лестницы — вертикальные, деревянные: сверху, с боков течет целыми ручьями грязь — смесь воды с углем. Неудивительно, если, сделав это путешествие, окажешься достаточно измоченным. Вода и в шахте, вода и в штольнях. По дну их прорыты канавы, местами до трех четвертей аршина, они всегда наполнены водой и никогда не прикрыты. В них часто приходится принимать холодную ванну. Так как шахты не «газовые», то работают с простыми лампочками, от которых идет страшный чад и дым, что еще более чувствительно, потому что вентиляция везде «естественная».

Часть рабочих живет в окрестных деревнях в своих разоренных избах (работа на руднике не только не улучшает жизни крестьян, а, напротив, вытягивает все жилы). Другая часть живет в казармах, при чем на 18 кв. аршин одноэтажного здания приходится до 100 человек жильцов. Является вопрос: где же, собственно, лучше этому рабочему — под землей или на земле? — Никаких развлечений, ни одного просветительного учреждения, кроме близлежащей «казенки». Нет даже близко школы — она стоит верстах в семи. В добавление ко всему этому заработная плата нищенская. Забойщики (аристократия рудничных рабочих) получают за 12-часовой рабочий день 80 коп. зимой и 1 рубль летом. Колебание платы обусловлено уходом части рабочих на лето домой. Этим же об'ясняется и изменение количества рабочих: летом их 800—900, а зимой до 1.500.

Немудрено, если при таких условиях человек даже с ничтожными потребностями, наконец, теряет терпение, протестует, хотя вспышками, без надежды на выигрыш. Такая вспышка была в декабре 1901 г. Рабочим выдали в день получки плату по уменьшенной расценке. Моментально вспыхнуло бурное негодование. Рабочие разбили лавку, снабжавшую их продуктами сомнительного качества, контору, попортили машины; работа стала. Был вызван исправник, человек до известной степени порядочный, и только благодаря ему, быть может, обошлось без крови. Через 3 дня работы возобновились. Результат вспышки — 12 человек арестованных во время грабежа лавки вечером, когда толпа уже успокоилась.

Одесса. Рабочее движение в Одессе с начала нынешнего года приняло яркий политический характер. Не говоря уже о листках Южн. Рев. Гр. Социал-Дем., и в листках Комитета выдвигаются на первый план политические требования. Оживленная деятельность революционной жизни вызвала соответствующие репрессии со стороны администрации. 8 февраля были повальные аресты и обыски (арестовали более 300 чел.). О. К. и Ю. Р. Г. С. назначили демонстрацию на 19 февраля. Однако, вследствие непредвиденных обстоятельств, демонстрация была отложена на 23 февраля. Демонстрация произошла на Екатерининской площади, где рабочими были выкинуты 2 красных знамени. Произошло избиение публики полицией, за которым последовало избиение арестованных в участках.

В участках были избиты лица, даже непричастные к демонстрации. Била полиция, били и уголовные, которым предлагали за каждого избитого по 40 коп. После 23-го продолжались все новые и новые аресты; тюрьмы и участки переполнены. Особенно плохо жилось арестованным в участках: теснота, грязь, вонь и в придачу грубое обращение и даже побои,—вот что ждало их там. В тюрьме живется не лучше: так, в конце февраля жандармами избит был на прогулке рабочий Бродский. Политические протестовали, отказывались от дачи показаний и прогулок. В конце марта опять повторилось избиение, при чем начальник тюрьмы, от которого потребовано было составление протокола и привлечение виновных к ответственности, раскричался на жандарма: «Как ты смел бить без моего позволения» — очевидно, с его позволения бить можно. Многим рабочим выдавалась так называемая уголовная пища: жидкий суп с кое-где плавающими крупинками; благодаря настоятельным требованиям политических, стали в последнее время выдавать всем улучшенную пищу, при чем требовали приплаты 90 к. в месяц.

Тотчас же после демонстрации 23 февраля Ком. и Ю. Р. Г. выпущены были листки, в которых описывались все события 23 февраля и сообщалось об избиении демонстрантов в участках. 1 мая распространены были майские листки «конференции». Несмотря на то, что Комитет отказался от уличной демонстрации на 1 мая, Ю. Р. Г. распространила воззвание с приглашением явиться 1 мая к 7 час. вечера на Бульвар. Огромная толпа народа запрудила аллеи. 1 мая всюду слышались разговоры о предстоящей демонстрации. Администрация также приняла свои меры: во всех прилежащих домах спрятаны были дворники и ночные сторожа, готовые при первой тревоге броситься с дубинами в руках на беззащитную толпу. Около

8 ч. вечера начали раздаваться местами отдельные крики: «долой самодержавие!», но скучиться демонстрантам не удалось. Полиция свирепствовала, при малейшем подозрении, по указанию шпионов, хватали и тащили в участок, где опять повторилось февральское побоище. Арестовано было около 40 человек.

Комитетом выпущен был листок о крестьянских беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях: вскоре после этого возобновились аресты, арестовано человек 10. Появились, наконец, в Одессе зубатовские «независимые», человек 20. Недавно в столовой один из «независимых» начал доказывать, что рабочие должны бороться только за улучшение своего экономического положения, что правительство сочувствует экономической борьбе и поддерживает рабочих, что социал-демократы враги рабочих. Какой-то рабочий по наивности, очевидно, завел с ним спор и вместе с «независимым» был арестован в тот же день и продолжает сидеть до сих пор, тогда как «независимый» на другой же день был выпущен.

Новозыбков, Черниговск. губ. Разговоры о предстоящем майском празднике начались на здешней Волковской спичечной фабрике уже давно. В маленьком городке всевозможные толки о дне 1 мая вышли из пределов фабрики и распространились во всех слоях общества. Сами хозяева и фабричная администрация струсили не на шутку: когда, например, сторож обратился к управляющему Трошину с просьбой выдать дров для казармы, Трошин ответил: «Теперь нам не до дров; скоро настанет 1-й май — рабочие всю фабрику разнесут!»

С 26-го на 27 апреля рабочие разбросали в большом количестве майские прокламации. Тотчас же забегали жандармы и городовые, фабричный двор наводнился «блюстителями порядка». Рабочих вежливо уговаривали возвратить найденные листки, в противном случае грозили тюрьмой. Некоторые рабочие (из крестьян) побоялись и возвратили, другие выдавали товарищей, не желающих отдавать листки. Но все же много осталось прокламаций и среди рабочих; читались также стихотворения: «Майский праздник» и «Восемь часов». Начались допросы; рабочих таскали по несколько раз каждого. Полиция вела себя как нельзя лучше: очень нашумела и заинтересовала и без того относящееся с участием к местному рабочему движению общество. Несмотря на усиленный надзор, на допросы и всю тревогу, которую подняла полиция на фабрике и в городе, 30 апреля во время работ еще больше было разбросано прокламаций «Ко всем рабочим России», а также поздравлений с майским праздником. Листки быстро хватались и прятались. Рабочие говорят, что Трошин почернел от злости. Полиция была взбешена; насколько могла, она усилила движение и этим очень смешила всех в городе.

В городе приказчики тоже разбросали по магазинам майские прокламации. Еврейские ремесленники, так как на них очень много подозрений, и вся вина всегда падает на их голову, на этот раз осторожно передавали прокламации друг другу. Но все же на разных постройках, среди железнодорожных рабочих, повсюду в городе появились майские листки — это волковские рабочие поделились своим избытком — сами разбрасывали.

В день 1 мая город имел праздничный вид: великолепный день; на улицах движение; нарядные городовые и кандармы группами расхаживают по улицам; городовые — с нагайками; конная полиция тоже с нагайками. У прохожих отбирают палки. О том, как общество ожидало этого дня, можно судить по следующему факту: директор реального училища созвал старших учеников (сельскохозяйственников) и сказал им речь, в которой выяснил, чего требуют рабочие: он отнесся сочувственно (сердечное попечение!) к рабочему вопросу, но выразил мнение, что добиваться своих прав рабочие должны легальным путем. Затем сказал, что сегодня рабочие хотят учинить беспорядки и предупреждал своих учеников, чтобы они не ходили группами и особенно не заглядывали в городской лес.

Целый день ожидали от «демократов» каких-то необыкновенных действий. Полиция очень взбесилась, когда узнала, что городские рабочие (ремесленники) не пошли на работу. Весь день был проведен ею в бесполезных поисках по полям; об'ездили все леса и к вечеру, измученные и обозленные, ни в чем не успевшие «блюстители порядка», выведенные из терпения «демократами», стали производить аресты и обыски. Между тем, на улицах (особенно на Мильонной и Чугуновской) было много публики, все еще ожидавшей демонстрации; молодежь даже слегка пела революционные песни; слышались упреки рабочим, не устроившим демонстрации. Аресты происходили на глазах у публики. Все время полиция стерегла волковских рабочих; группами нельзя было уходить с фабрики.

Хотя майской забастовки не было, но 1 мая подняло настроение как ремесленных, так и фабричных рабочих.

ИЗ ПАРТИИ

Неудачная ссылка на нашу историю.

(Письмо в редакцию.)

В передовой статье № 8 «Революц. России», озаглавленной «Крестьянское движение», автор, опровергая циркулирующие слухи, будто во время последних крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губ. кем-то распространялся «манифест» или «царская грамота», говорит, между прочим, следующее:

«Когда еще в 70-х годах Стефановичем и Дейчем была произведена печальной памяти попытка взволновать чигиринских крестьян подложной „золотой грамотой“, то она была встречена всеобщим и резким осуждением всего революционного мира. Это заставило самих авторов попытки признать свою ошибку и горько раскаяться в сделанном ложном шаге» («Рев. Росс.», стр. 2).

К сожалению, автор статьи не указывает, откуда он почерпнул свои сведения об отношении «всего революционного мира» к чигиринской попытке, а также и о впечатлении, которое на меня и Стефановича произвело «всеобщее и резкое осуждение» этого дела. Я же нахожу эти утверждения автора несоответствующими истине, что и постараюсь доказать.

Если бы наша попытка, как он заявляет, действительно «встречена была всеобщим и резким осуждением всего революционного мира», то, несомненно, такое отношение должно было бы, между прочим, отразиться в революционной печати того времени. В годы, последовавшие за чигиринской попыткой, кроме разных летучих листков и нескольких брошюр, как известно, выходили газеты: «Община», «Земля и Воля», «Народная Воля» и «Черный Передел». Но ни в одном из этих изданий не было ничего похожего на «резкое осуждение» чигиринского дела, а в «Черном Переделе» в №№ 1 и 2 за подписью Стефановича помещен был даже его рассказ об этой попытке. Устно в указанное время тоже решительно ни от кого из действовавших в то время революционеров ни мне, да и никому из моих товарищей, не приходилось слышать не только «резкое», но какое бы то ни было «осуждение» этой попытки. Единственным противником примененного в Чигир. уезде приема явился в эмиграции Драгоманов на собраниях, происходивших в Женеве зимою 1878—9 гг. Но тогда же против него и в защиту чигир. дела выступило несколько человек, в том числе и П. Крапоткин. Каково было отношение действовавших в России революционеров к этой попытке, отчасти может, мне кажется, показать свидетельство Степняка, который говорит, что «одно время Стефанович был едва ли не самым популярным человеком в партии» («Подп. Росс.», стр. 30, изд. Ф. в. р. пр.). Если бы наша попытка «встречена была всеобщим резким осуждением всего революционного мира», как утверждает автор статьи, то каким образом главный инициатор ее мог быть «едва ли не самым популярным человеком в партии», по свидетельству столь компетентного человека, как Степняк? У последнего же мы находим и верное об'яснение популярности Стефановича: «Это была, — говорит Степняк, — первая и пока единственная попытка создать народную организацию на почве не общих теорий, а местных стремлений, какими были в Чигиринском уезде борьба общинников против индивидуалистов-душевников» (там же).

Столь же неверно утверждение автора статьи, будто «всеобщее и резкое осуждение» заставило нас «признать свою ошибку и горько раскаяться в сделанном ложном шаге». Положительно недоумеваю, откуда автор заимствовал свои сведения? Стефанович и я не только печатно, но и устно никогда и нигде не «признавали своей ошибки, а тем менее мы «раскаивались горько» в ней. Даже «в сердцах наших» он не мог этого прочитать, потому что, оставаясь «самобытными русскими социалистами», — каким отчасти является до сих пор еще автор цитированной статьи, — мы и не могли раскаиваться в этой попытке. Только став социал-демократом, я признаю теперь ошибочным прием, к которому мы прибегли в чигиринском деле, как и вообще отвергаю всякие мистификации в революционном деле; но даже и в настоящее время я не могу «горько раскаиваться» в чигиринской попытке, так как в то время мы иначе поступить не могли.

Из всего вышеизложенного, мне кажется, вполне очевидно, что указанные утверждения автора названной статьи — исключительно плод его воображения и, как таковой, они ничего общего не имеют с исторической истиной, в интересах которой я только и взялся за перо.

Л. Дейч.

Ответ Петербургского Комитета Партии на запрос батумских рабочих.

(Петербургский Комитет прислал нам для опубликования нижеследующий свой ответ на запрос, сделанный ему батумскими рабочими.)

Два или три месяца тому назад товарищи из Батума обратились к С. П. Б. Комитету с предложением обсудить и высказать в печати свое мнение по трем нижеуказанным вопросам. Исполняя предложение товарищей, С. П. К. выражает свое сожаление по поводу запоздания ответа и питает надежду, что батумские товарищи поверят, что запоздание произошло по причинам, не зависящим от воли Комитета.

Вот эти вопросы: «отношение интеллигенции к рабочему движению», т. е. должна ли интеллигенция во время уличных демонстраций, районных, местных, заводских и фабричных беспорядков и прочих открытых протестов, как против эксплоатации капиталистов, так и против произвола правительства, итти впереди рабочих, как более сознательная и революционно настроенная часть населения, или же должна ограничиться мирной кружковой пропагандой, а воодушевление и руководство движением предоставить самим рабочим, 2) если по установившемуся общему мнению всех комитетов, групп и организаций всей России единственным главным средством протеста против существующего в России произвола есть демонстрация отчасти экономического, но, главное, политического направления, но в том и другом случае с требованиями, предъявляемыми непосредственно к правительству, то как должны вести себя демонстранты во время натиска полиции, т .е. должны ли они сопротивляться всеми зависящими от них мерами, или же должны при первом натиске разбегаться. Если они должны по силе возможности оказывать сопротивление, то как, каким образом и каким оружием: не должны ли они в открытой схватке пустить в дело обороны огнестрельное оружие, ножи, кинжалы, или же довольствоваться камнями и палками. 3) Для большей последовательности, для большей целесообразности рабочего движения батумцы выражают желание учредить центральную всероссийскую организацию, с единым центральным руководящим комитетом во главе. Если же к созданию последней не представляется возможности, то хотя на время устройство более скорого и верного способа сообщения о всех намерениях и событиях различных городов России. Отвечая на первый из поставленных вопросов, С. П. Б. Комитет исходит из положения, совершенно отвергающего деление социал-демократов на интеллигенцию и рабочих, так как социал-демократия, как политическая партия, об'единяет всех борцов за торжество идеи рабочего класса независимо от их классового или сословного происхождения. Наши учителя и основатели нашего «движения» интеллигенты Карл Маркс и Фридрих Энгельс были, конечно, не менее истинными социал-демократами и вождями рабочих, чем рабочие Август Бебель и Игнатий Ауэр, а наши Степан Халтурин или Петр Алексеев — в полном смысле слова интеллигентами. Поэтому для П. Б. Комитета вопрос о том, кто, т. е. интеллигенция или рабочие, должны вести «мирную кружковую пропаганду», а кто — взять на себя «воодушевление и руководство движением», разрешается очень просто, а, вернее, вовсе отпадает. Как во всяком вообще движении, раз оно совершается сознательно и планомерно, роль руководителей и вдохновителей выпадает на долю наиболее сознательных, наиболее интеллигентных представителей движения, так и во главе нашего движения должны стоять, да фактически и стоят, наиболее сознательные, наиболее развитые его элементы, а происходят ли они из среды рабочих или из других классов и сословий, — это безразлично. Что касается 2 вопроса, т. е. вопроса о том, как должны реагировать демонстранты на нападение полиции, то П. Б. Комитет считает невозможным дать на этот вопрос категорический общий ответ до второго очередного с'езда партии, когда будет приведено в известность настоящее положение дел в различных уголках России и когда Партия на основании этих данных получит возможность выработать общие формы боевой тактики. Но не рекомендуя и не осуждая вооруженного сопротивления на уличных демонстрациях, П. Б. Комитет полагает, что нападение вооруженной полиции на демонстрантов может быть не только сдерживаемо, но и парализуемо не только вооружением демонстрантов, но также их организованностью. Если каждой демонстрации будет предшествовать энергичная агитация, выясняющая цель предстоящей демонстрации, если на демонстрацию будет итти не полусознательная толпа, а люди, отчетливо сознающие всю серьезность предстоящей задачи, то навряд ли мысль — бежать при первом полицейском натиске — будет быстро овладевать демонстрантами, и полиция — так скоро очищать улицы, как это, к сожалению, происходит так часто в настоящее время. Убедительным подтверждением этого служат, с одной стороны, ежегодные майские демонстрации, устраиваемые нашими польскими и еврейскими товарищами, с другой, недавняя демонстрация в Гельсингфорсе, когда невооруженная, но хорошо организованная толпа обратила в бегство вооруженную казачью сотню. Наконец, по поводу 3 вопроса П. Б. Комитет считает долгом сообщить батумским товарищам, что нужда в об'единении деятельности всех рабочих социал-демократических организаций является для него столь же насущной и не терпящей отлагательства, как и для батумских товарищей. В настоящее время П. Б. Комитет как раз занят выработкой условий и мер для возможно скорейшего осуществления указанного об'единения, а также и для скорейшего созыва партийного с'езда, на котором он надеется встретиться с представителями и батумских товарищей.

С. П. Б. Комитет Р. С.-Д. Р. П.

На-днях вышел в свет № 4 «Зари».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Симферополь. В течение весны здесь взяты: Зборовская, мать 6 детей (вып. через 40 дн.), студ. Миронов, стат. Васильев, один столяр. По делу прошлогодней демонстрации сосланы в В. Сиб.: на 4 года статист. Громан (был в ссылке в Вятск. губ.) и на 3 г. рабочие: Волович, Каймерс, Эншель и Шухер (просидели по 1 г. 2 м. в тюрьме). Сверх того, двое раб. подвергнуты тюремн. закл. на 8 мес. (в Кресте) и 2 — на 4 мес. Были обыски у стат. Браудо, Коломийцева, Краснова и др.

Самара. В сред. июня арест. К. Бауэр (только что вернувшийся из Сибири) и К. Газенбум. Обыски у С. и Н. Кранихфельд.

Полтава. В здешн. тюрьму привезены г-жа Приходько и Савинов из Смоленска и госпожа Харик взята на границе в Александрове с литерат.

В местной тюрьме сидят 26 политических, в том числе крестьяне Тютюнник, Наконечный, Буцкий, Коркичка, Стороженко.

Харьков. В начале июля арестованы студ. Анненков и инж. Хотяев (выпущен). В июне взят Фомин, служащий в бюро горнопромышленников (увезен в Москву). У его двух сослуживцев были обыски.

На границе в разное время взяты ехавшие в Россию Флегонтов (увезен в Петроп. креп.) и Безруков.

Донская область.

Список лиц, содержащихся под стражей к 15 мая 1902 г.

Ростовская тюрьма: рабочие — Гущин, Терещенко, Скоробогатый, Кононов, Кравцов обвиняются в принадлежности к тайным сообществам и в присутствии на рабочей сходке под Новый год в Нахичевани. Лиман обвиняется в распространении прокламаций. Стуканев, Малицкий — в подстрекательстве к демонстрации 18 апреля. Васильченко—в участии в театральной демонстрации 30 марта, в держании революционных стихов и участии в тайных сообществах. Самохин—в участии в демонстрации 18 апреля, Богданов—в том же и несении знамени. Мальцев отбывает приговор 4 месяца тюремного заключения. Интелл.: Н. Шпак—землемер, Е. Шпак—акуш.-фельдш. в предоставлении конспиративной квартиры и участии в тайных сообществах. А. Самойлов — в пропаганде и подстрекательстве к демонстрации 19 февраля. Мих. Чайченко, учитель больн. чах., Пол. Чайченко участвовали и подстрекали к демонстрации 19 февраля и присутствовали на рабочей сходке под Новый год. Г. Коваленко — учитель, в участии в демонстрации 19 февраля. С. Итин — по харьковскому делу. Харченко — по 250 ст. Я. Житомирский, репортер «Приаз. Края», по приговору отбывает 2-месячное тюремное заключение.

Таганрогская тюрьма: Фумели студ., Рафаилов студ.— в печатании прокламаций, Девинк, ученик-лесник — в принадлежности к тайному сообществу. Рабочие: Давыдов, Солдатов и Жилин.

Новочеркасская тюрьма: М. Серебряков, бывш. студ.— в печатании прокламаций и принадлежности к тайным сообществам. Т. Шестопалов, агроном — приговор 3 года Вятской губ. С. Кулагин — рабочий. И. Ставский — рабочий. М. Венгеров, интелл. — приговор 3 года Восточной Сибири.

Рабочий Александр Иноземцев — провокатор-шантажист.

Петербург. С 2-го на 3 мая взяты Окуневич, д-р. Окнова, фельдшер Храмов, земск. уч. Лаврова, уч-ца Кузнецова, две Корзухины, Каранов. Сосланы в Сибирь: инж.-техн. Селибер, Андреев, Сорин, Петров, Тразов, Татаров (последний по делу «Раб. Знамени»), Арон Сольц (по делу Раб. Библ.) сослан на 4 г. в В. Сиб.

Севастополь. В местной тюрьме сидят 13 матросов и рабочих.

Москва. 4 апреля на вокзале Ярославск. жел. дор. взят врач Ф. Гурвич (нел.); в конце апреля взяты: статистик Хинчук (был в Якутск. об.), Лидия Канцель (нелег.), Наумова, фельдш.; Беззубов, рабочий; курсистки: Екатерина Попова, Мел. Жидкова, Анас. Потоцкая, Дарья Лобанова, Пр. Флерова, Нейгебауэр, Александровская, Багаева; фельдшерицы: Екат. Жидкова, Августа Селюк; счетчицы: Елиз. Попова, Люб. Нейфельт, Анна Заславская; статистик Боголепов, вернувшийся из Сибири Моисей Лурье (вып.), Александр Савенков, Вагин, Кис (вып.), студ. медик Кожухар, акуш. Кутузова, Фортунатова (прив. из Петерб.), Козырев; с фабрики Бонакер арестованы: корресп. Виктор Вальтер, конторщ. Влад. Васильев; с фабрики Матвеева: конт. Петр Алексеев, фотограф Тим. Морозов, фельдшер Пав. Карпов.

Ярославль. 23 апреля арестованы: статистики Дебюк, Гаверман, Локтин, Петров, Трегубов, Трефолев, Новицкая и др., конторщица М. Дидрикиль, студ. Клириков, Гладко, Петровский; учительница Ольга Варенцова.

Рославль, Смоленск. губ. 5 мая арестованы врач М. Ривкин и его жена, Р. Гинзбург, Пав. Турчанинов, 1 мая — гимназист Меркин, а 19-го — его брат.

Харьков. В мае в здешней тюрьме было 80 заключенных, из них 49 рабочих.

Николаев. В апреле арестовано 47 лиц: Калафати (интелл.), Мирский (рабочий), Мария Певзнер (акушерка), две сестры Вонские, Мошкович (провизор), Берлин (учитель) и др. При распространении «Летучего Листка» местного комитета взяты работница Екатерина Зубинская и один рабочий.

Тверь. В ночь на 3 мая были обыски у бывшего студ. Казанского, Александровского, бывш. курс. Рагозиной, статистика Букина, гимназистки Николаевской, рабочих Спиридонова, Соболева, Чеботарь, в имении Муравьевой. 30 апреля случайно арестован рабочий Некрасов. Гласный Тверск. земства В. Н. Линд отдан под гласный надзор на два года. 12 апреля арестована г-жа Буш.

Александр Ергин за убийство заседателя Калашникова (см. № 2 «Искры») присужден якутским судом к 4 годам арестантских рот.

Иваново-Вознесенск. В апреле месяце совместно с арестами в северном районе произведены аресты и здесь. Арестовано 90 рабочих, в их числе Н. Н. Панин, бывший рабочий Путиловского завода, находившийся с 1897 по 1900 г. в Восточной Сибири. Всего по делу «Северного Союза» арестовано 200 человек.

Арестованные по делу «Северного Союза», сидящие теперь в Москве, просят об'явить статистика Владимирского земства Дубровского предателем.

В Вологде арестованы: адвокат Жданов, служащая в статистическом бюро Броновицкая, обоих увезли в Москву.

Июль. В харьковской тюрьме и арестном доме голодовка, вызванная тем, что многие сидят ½ года почти без допросов, без пред'явления обвинений. Кроме того, грубое отношение администрации к заключенным.

НЕКРОЛОГ.

В Цюрихе 9 июля лишила себя жизни Юлия Видершаль, член Соц.-Демократической Партии Царства Польского и Литвы. Покойная родилась в 1873 г. и по окончании курса в цюрихском политехникуме поселилась в 1899 г. в г. Лодзи, где и работала в местной организации, которой оказала громадные услуги. На могилу умершей возложено 4 венка от польских товарищей и один — от группы «Искры» в Цюрихе.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Аркадию беспаспортному. Корресп. получили, пойдет в следующ. №. Адреса пока не получены.

От иностранца 50 руб., за майские листки 885 р., из Поволжья 50 руб. От Спб. Комитета за литературу 200 руб., через Галю 15 руб., через Певуна 10 руб., от родителей 50 руб., от О. С. через Дитца 40 руб., от Г. С. Д. 100 марок.

От цюрихского кружка на специальную цель получено 71 фр.

От комитета сибирской кассы для отправки енисейским ссыльным 44 фр. и 6 руб., от Юлия 18 фр. 50 с. на издание Туна; от В. В. Беатенберг 15 фр., из Цюриха за литературу 44 фр. 20 с., от женевской группы 23 фр., с реферата Плеханова 76 фр. 80 с. Из Лозанны за литературу 85 фр. 65 с.; из К. (б. к.) 50 марок, от Б. на литературу 183 фр.; за литературу 89 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Струве, Петр Бернгардович — ныне редактор белогвардейской «Русской Мысли», издающейся в Праге, и лидер правого крыла современной эмиграции, один из злейших врагов СССР. Выдвинулся в 90-х годах как «легальный марксист», автор книги: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (вышла в сентябре 1894 г.), в которой Струве, с одной стороны, дал критику народничества, а с другой — «признавал», по выражению В. И. Ленина, «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. В конце 90-х годов С. оказывает содействие революционной соц.-дем., является одним из авторов «Манифеста 1-го с'езда Р. С.-Д. Р. П.» (1898 г.), участвует в 1900 г., вместе с Лениным и Мартовым, в совещании во Пскове, сотрудничает в первых №№ «Искры», но постепенно становится во главе российского оппортунизма и к 1902 г. окончательно порывает с марксизмом. С июля 1902 г. он начинает издавать в Штутгардге журнал «Освобождение» — орган земцев-конституционалистов и либеральной буржуазии. Во время революции 1905 года становится в ряды партии к.-д., избирается членом Ц. К. этой партии и ведет самую предательскую политику по отношению к революционным массам, способствуя сговору оппозиции с царизмом. После поражения революции 1905 г. С. стоит на самом правом крыле либерализма и принимает участие в реакционно-мистическом сборнике «Вехи». Во время гражданской войны Струве принимал участие в правительствах Деникина и Врангеля.

В. И. Ленин дал основательную критику «марксистских» работ С. уже с первых шагов его публицистической деятельности (См. Собр. соч. Н. Ленина, т. II, статья «Экономическое обоснование народничества и критика его в книге г. Струве [отражение марксизма в буржуазной литературе»]).

См. также прим. 1-е к № 2 и прим. 3-е к № 5 «Искры».

Прим. 2. См. № 15 «Искры», прим. 2-е.

Прим. 3. «Вестник Русской Революции» — теоретический орган партии с.-р. (№ 1 вышел в июле 1901 г.).

Прим. 4. «Революционная Россия» — центральный орган партии соц.-рев. Начал выходить в январе 1901 г. в Финляндии, с № 3 (январь 1902 г.) выходил за границей.

Прим. 5. «Особое Совещание о нуждах сельского хозяйства» было организовано по инициативе Витте в марте 1902 г. с целью борьбы со все растущим разорением крестьянства, мешающим развитию внутреннего рынка и вследствие этого затрудняющим развитие российской промышленности. (См. об этом «Искру», № 27.) Вокруг этого «Совещания» были организованы губернские и земские комитеты, которые должны были обсуждать вопросы узко-экономического характера, но фактически превратились в арену для политических выступлений земской оппозиции.

Прим. 6. Плеве, В. К. — см. прим. 3-е к № 21 «Искры».

ИСПРАВЛЕНИЯ.

В № 17 «Искры» (стр. 15) под статьей «Признаки банкротства» должна быть подпись: *[Н. Ленин]* (вместо: [Л. Мартов]).

В № 18 «Искры» (стр. 59) в отделе «Почтовый ящик» под ответом: «К. Н.» должна быть подпись: *[Н. Ленин]*.